

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

ІЮЛЬ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. По матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“, 1782—1867 гг. Гл. II—V	1	VII. Вопросъ о почитаніи крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г. Исследование на вопросъ живности. Сообщ. П. М. Колмаковъ	125
II. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. VII	27	VIII. Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ 1868—1870 гг. Сообщ. С. А. Хмырова	137
III. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ	45	IX. Троицко-Сергіева приморская пустыня, 1735—1885 гг. Сообщ. П. П. Каратыгинъ	167
IV. Бунтъ на Стѣнной площади въ С.-Петербургѣ 22 іюня 1831 г. Сообщ. И. Р. фонъ-деръ-Холенцъ	61	X. Кладбище при Спасо-Преображенской придворной церкви въ Стрѣльцѣ. Сообщ. П. П. Каратыгинъ	179
V. Холеный мѣсяцъ въ С.-Петербургѣ, іюнь 1831 г. Очерки по подлиннымъ дѣламъ. Составилъ А. Г. Пунаровъ	69	XI. О возобновленіи памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хруцова, † 27 іюня 1740 г. 184	
VI. Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг. Записки в дивизию бывшего начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Л. Г. Духонина	87	XII. Инязъ Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Сообщ. П. Ф. Фанзельдеръ-Фяйтъ	181
		XIII. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ архимандрита о. Игнатія, настоятеля Троицко-Сергіевой пустыни. Гравировалъ Н. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

„ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семеваго, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкина, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Иллюстрированная исторія Екатерины II. Соч. А. Г. Брикнера. В. I—VII. Изд. А. Суворина. Ц. Вып. 60 к.

Всльдъ за выходомъ исторіи «Петра В.» А. С. Суворинымъ по тому же плану предпринято настоящее изданіе. Текстъ его принадлежитъ проф. дерптскаго университета Брикнеру и входилъ первоначально въ известное изданіе Оукена «Allgemeine Geschichte», но, будучи снабженъ обильнымъ и прекрасно выполненнымъ собраниемъ гравюръ и рисунковъ, воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ екатеринискаго времени, онъ имѣетъ все преимущества передъ этимъ послѣднимъ, тѣмъ болѣе, что приготовленъ для русскаго изданія самимъ авторомъ, извѣстнымъ также своими многочисленными статьями въ русскіхъ журналахъ.

Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. В. В. Антоновича Т. I, Кіевъ, 1885 г. 351 стр. Ц. 2 р.

Не разъ намъ приходилось высказывать пожеланіе объ изданіи отдѣльныхъ сборниковъ трудовъ нашихъ изслѣдователей (въ родѣ сочиненій Бударцева, Афанасьева, Соловьева и др.), которые представляли, такъ сказать, сводъ ихъ научной дѣятельности, полнѣе обрисовывали бы ихъ научное міросозерцаніе и направленіе, а выбѣтъ съ тѣмъ облегчали бы и доступъ къ болѣе всестороннему изученію затронутыхъ въ ихъ трудахъ вопросовъ. Не всегда легки и удобны бываютъ поиски въ періодическихъ и мѣстныхъ изданіяхъ. Поэтому нельзя не приветствовать появленіе и настоящаго сборника трудовъ одного изъ усерднѣйшихъ мѣстныхъ изслѣдователей по исторіи южнаго и юго-западнаго края Россіи.

Въ I томѣ сборника вошли слѣдующія статьи: 1) Очеркъ исторіи Великаго Князя Литовскаго до смерти В. К. Ольгерда (1—132); 2) изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края (133—194); 3) Кіевскіе войны Ходяки—эпизодъ изъ исторіи городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII стол. (195—220); 4) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV до XVI-го столѣтія (1362—1569), стр. 221—264; 5) Очеркъ отнашеній Польскаго государства къ право-

славію и православной церкви (264—279); 6) Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ полов. XVII до конца XVIII стол. (279—342); 7) Лѣтописи Сатавовскаго монастыря (343—351). Статьи эти были первоначально помѣщены въ «Унив. Иав.», «Архивъ юго-западной Россіи», «Кіевской Старинѣ» или въ отдѣльномъ видѣ. Въ выборѣ статей для перваго тома авторъ не руководствовался ни хронологическими соображеніями, ни систематическимъ расположеніемъ своихъ трудовъ. Такъ, нѣкоторыя изъ его статей, появившіяся прежде другихъ и имѣющія даже связь со статьями, вошедшими въ настоящій томъ, не нашли въ немъ мѣста. Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ статей подверглись дополненіямъ и поправкамъ. Безъ сомнѣнія, самое видное мѣсто въ ряду ихъ занимаетъ «Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго до смерти Ольгерда», послужившій предметомъ докторской диссертациа автора. Съ того времени (1878 года) появился въ томъ же изданіи, гдѣ былъ напечатанъ и этотъ трудъ, («Университетскія Извѣстія»), рядъ статей другаго мѣтнаго ученаго, о которомъ скажемъ ниже, посвященный тѣмъ-же вопросамъ. Съ своей стороны авторъ обратилъ на нихъ вниманіе и воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями. Но мы не можемъ не пожелать на него, что онъ не подвинулъ своего труда далѣе, ограничившись, по прежнему, однимъ политическимъ очеркомъ и не давъ общаго этнографическаго и культурно-историческаго обзора Литовскаго племени въ разсматриваемый періодъ. Не можемъ также не замѣтить, что авторъ не считалъ нужнымъ пересмотрѣть нѣкоторые вопросы, такъ сказать, въ критико-библиографическомъ отношеніи. Повидимому, и тогда и теперь онъ не считалъ необходимымъ обратить вниманіе на обширную, обстоятельную и прямо относящуюся къ его изслѣдованію статью профессора Васильевскаго: «Обращеніе Гедимина въ католичество» (Журн. Мин. Народ. Просв. 1872, № 2, стр. 135—196). Авторъ посвящаетъ почти цѣлую главу Гедимину, но вовсе не входитъ въ разборъ мнѣній о грамотахъ Гедимина. Онъ, повидимому, не подвергаетъ сомнѣнію взгляды на нихъ, высказанный Фойхтомъ и отчасти приня-

РУССКАЯ СТАРШНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVII.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

ФИЛАРЕТЬ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“.

1782 — 1867.

II¹⁾.

Непріятности, которымъ подвергался архіепископъ московскій Филаретъ со стороны своихъ враговъ, не могли совершенно пошатнуть его положенія. Его авторитетъ, какъ замѣчательнаго архипастыря и какъ великаго государственнаго мужа, установился очень прочно, такъ что нападки Шишкова и его партіи не имѣли особенно вредныхъ для него послѣдствій и не сопровождались какими либо внѣшними лишеніями по отношенію къ его служебному положенію. Онѣ возмущали только нравственное чувство московскаго архіепископа. На долю архіепископа московскаго Филарета выпала, благодаря составившейся о немъ громкой извѣстности, лестная, хотя и не легкая, обязанность участвовать въ дѣлахъ первой государственной важности.

Императоръ Александръ Павловичъ высоко ставилъ умъ и дипломатическія способности московскаго архіепископа, такъ что только почти ему одному повѣрилъ великую государственную тайну о наслѣдованіи престола.

Въ 1823 году Филаретъ по званію члена синода находился въ Петербургѣ. Лѣтомъ этого года онъ рѣшился просить у государя отпуска въ свою епархію на два года. Министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, объявилъ ему отертыо вы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г. т. XLVI, іюнь, стр. 559—590.

сочайшее соизволеніе на исполненіе его просьбы, но въ то же время секретно сообщилъ ему высочайшую волю исполнить прежде отъѣзда изъ Петербурга особое порученіе государя. Немедленно Филаретомъ получено было подлинное письмо цесаревича Константина Павловича къ императору, въ которомъ заключалось торжественное отреченіе его отъ наслѣдованія всероссійскаго престола. И вотъ, московскому архіепископу теперь поручалось написать проектъ высочайшаго манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы потомъ этотъ государственный актъ, оставаясь въ глубокой тайнѣ, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ до того времени, когда настанетъ время для его исполненія. По поводу способа храненія акта, Филареть сдѣлалъ весьма серьезное возраженіе. Онъ показалъ, что храненіе акта въ глубокой тайнѣ въ Москвѣ и имѣющее быть восшествіе на престолъ въ Петербургѣ находятся между собою въ несоотвѣтствіи, тогда какъ между ними должна быть самая тѣсная связь. На этомъ основаніи, по совѣту московскаго архіепископа, сдѣлано было тайное высочайшее повелѣніе хранить списки съ акта отреченія и въ С.-Петербургѣ при государственномъ совѣтѣ, синодѣ и сенатѣ. Составивъ и вручивъ проектъ высочайшаго манифеста князю Голицыну, преосвященный Филареть исходатайствовалъ себѣ прощальную аудіенцію у государя, который принялъ его въ Царскомъ Селѣ. О составленномъ Филаретомъ государственномъ актѣ знали только два самыя близкія къ государю лица—это Голицынъ и Аракчеевъ.

25-го августа 1823 года государь прибылъ въ Москву. На третій день по своемъ приѣздѣ, именно 27-го августа, онъ прислалъ архіепископу Филарету утвержденный актъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма цесаревича, въ запечатанномъ конвертѣ, на которомъ находилась слѣдующая собственноручная надпись государя: „Хранить въ московскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генераль-губернатору прежде всякаго другаго дѣйствія“.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія съ графомъ Аракчеевымъ, архіепископъ московскій, 29-го августа, въ полдень, когда въ Успенскомъ соборѣ никого не было, исключая протопресвитера, сакелларія и прокурора синодальной конторы, вошелъ въ алтарь,

открылъ ковчегъ съ государственными актами и положилъ туда врученный ему актъ отреченія Константина Павловича, затѣмъ заперъ и запечаталъ его. Тутъ-же архіепископъ объявилъ всѣмъ присутствующимъ высочайшую волю о храненіи въ совершеннѣйшей тайнѣ того, что они видѣли.

19-го ноября 1825 года послѣдовала, какъ извѣстно, смерть императора Александра I. О кончинѣ императора архіепископъ Филаретъ узналъ отъ одного частнаго лица только 29-го ноября. Утромъ слѣдующаго дня онъ отправился къ генераль-губернатору для совѣщанія. Сразу выступило на видъ не мало затрудненій. Очень легко могло случиться, что храненіе акта о назначеніи на престолъ великаго князя Николая Павловича въ глубокой тайнѣ простерлось до того, что о существованіи его не могло быть извѣстно даже самому великому князю Князю Константину Павловичу и потому изъ Варшавы, гдѣ тогда онъ находился, могъ послѣдовать въ Москву манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича прежде полученія манифеста изъ Петербурга о вступленіи на престолъ Николая Павловича. Но затрудненія увеличились еще болѣе нѣкоторыми другими случайными обстоятельствами. Вечеромъ того-же дня генераль-губернаторомъ было получено письмо отъ петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича, въ которомъ послѣдній извѣщалъ, что въ Петербургѣ уже принесена присяга въ вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, который непремѣнно желаетъ, чтобы то же самое было сдѣлано и въ Москвѣ. Въ письмѣ Милорадовича находилось также требованіе, чтобы не была открываема и обнародываема бумага, хранящаяся въ Успенскомъ соборѣ.

На основаніи письма Милорадовича, московскій генераль-губернаторъ настойчиво проводилъ ту мысль, что нужно принять присягу императору Константину Павловичу и въ Москвѣ, коль скоро она принесена въ Петербургѣ. Архіепископъ московскій на предложеніе генераль-губернатора возражалъ, что письмо Милорадовича не можетъ имѣть вполне оффиціального значенія въ такомъ важномъ дѣлѣ и напротивъ утверждалъ, что для принесенія государственной присяги въ церкви необходимъ государственный актъ, а также и указъ изъ св. синода. Въ то-же са-

мое время вопросъ о присягѣ въ Москвѣ осложнялся тѣмъ, что еще не было хорошо извѣстно то, какъ отнесется къ вопросу о присягѣ сенатъ.

Оберъ-прокуроръ общаго собранія сената, князь П. П. Гагаринъ, составилъ экстренное засѣданіе сената, на которомъ сенатъ составилъ опредѣленіе въ пользу принесенія присяги Константину Павловичу. Архіепископъ Филаретъ, хотя и не безъ колебаній, согласился, наконецъ, на принесеніе присяги. Отказъ его отъ присяги Константину Павловичу не имѣлъ бы смысла послѣ того, какъ ему стало извѣстно, что Петербургъ присягнулъ Константину.

30-го ноября вся Москва присягнула императору Константину Павловичу.

Но 17-го декабря генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, получилъ собственноручный рескриптъ государя императора Николая Павловича о восшествіи его на престолъ. Вечеромъ того же дня полученъ былъ и высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I и въ то-же время прибылъ въ Москву, по высочайшему повелѣнію, генераль-адъютантъ графъ Комаровскій для присутствованія при открытіи копии манифеста и подлиннаго отреченія цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ.

По предложенію преосвященнаго Филарета, въ одну ночь были напечатаны манифесты для того, чтобы 18-го декабря они могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. 18-го числа, предъ полуднемъ, въ большомъ Успенскомъ соборѣ собрались сенаторы, военные и гражданскіе чины столицы. Архіепископъ московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи духовенства вышелъ изъ алтаря, неся надъ головою серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты, остановился предъ приготовленнымъ на пред-алтарномъ амвонѣ облаченномъ аналогіи и, имѣя предъ собою ковчегъ, сказалъ рѣчь народу. Послѣ рѣчи, ковчегъ, по снятіи печати, былъ раскрытъ, изъ него вынутъ былъ конвертъ, печать на немъ и собственноручная надпись въ Бозѣ почившаго императора Александра I были освидѣтельствованы близъ стоявшими московскимъ генераль-губернаторомъ и генераль-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ. Затѣмъ самъ архіепископъ прочиталъ высочайшій ма-

нифестъ императора Александра Павловича, съ приложеннымъ при немъ въ подлинникѣ отреченіемъ цесаревича Константина Павловича отъ права на наслѣдованіе престола. Затѣмъ, по прочтеніи новаго манифеста государя Николая Павловича, приступлено было къ принесенію новой присяги.

По требованію обстоятельствъ, архіепископъ московскій нашелъ нужнымъ чтеніе формы присяги предначать слѣдующимъ образомъ: „По уничтоженіи силы и дѣйствія прежней присяги, непреклоннымъ отреченіемъ того, кому она дана, азъ нижеименованный“ и пр....

Вызванное обстоятельствами, предисловіе присяги сопровождалось въ Москвѣ разными толками. Нѣкоторые въ этомъ предисловіи находили успокоеніе для своей мнительности, вызвавшейся мыслию о предшествовавшей присягѣ. По мнѣнію другихъ, архіепископъ принялъ на себя не принадлежащую ему власть разрѣшать отъ присяги. По мнѣнію-же самого архіепископа, онъ произнесъ не разрѣшеніе отъ присяги, а только свидѣтельствовавъ, что сила и дѣйствіе прежней присяги сами собою уничтожились непреклоннымъ отреченіемъ отъ престола того, кому она дана.

Мы передали рассказъ о восшествіи на престоль Николая I, придерживаясь одного источника. Это — „Воспоминанія митрополита Филарета, относящіяся къ восшествію на престоль государя императора Николая Павловича“ ¹⁾. Записки другихъ современниковъ вносятъ въ рассказъ о московской присягѣ еще одну весьма замѣчательную подробность. По словамъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго ²⁾, архіепископъ московскій Филаретъ, „прежде нежели приступить къ присягѣ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: разрѣшаю и благословляю. Это неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности, когда, оно разнеслось между народомъ“. Въ воспоминаніяхъ Филарета, относящихся къ восшествію на престоль императора Николая I, не говорится объ этомъ обстоятельствѣ ни полслова. Авторъ записокъ о жизни митрополита Филарета, Н. В. Сушковъ, сообщаетъ, что митрополитъ, прочитавъ вышеприведенныя строки изъ запи-

¹⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1868 г., январь, изъ бумагъ митр. Филарета.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1867 г., № 10.

сокъ графа Евграфа Ѳедотовича, написалъ ему, отъ 8 ноября 1867 года, что будто бы „гр. Комаровскій сказалъ не то, что было, и уклонился отъ истины, присовокупивъ, что слова разрѣшаю и благословляю не могли быть имъ сказаны, потому что въ словахъ сихъ нѣтъ опредѣленнаго понятія и смысла. Архіепископъ не принималъ на себя разрѣшить отъ присяги, да и не было въ семъ нужды; нужно было только объявить, что присяга уничтожилась сама собою... Вотъ слова и дѣйствія архіепископа: по уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому она была дана, азъ нижепоименованный обѣщаюсь и клянусь...“ и пр ¹⁾). Весьма затруднительно разобратъся въ противорѣчивыхъ указаніяхъ двухъ современниковъ и очевидцевъ одного и того же описываемаго ими событія.

Близкій родственникъ (зять) графа Е. Ѳ. Комаровскаго, автора записокъ, С. Комовскій напечаталъ замѣтку ²⁾, въ которой старался возстановить достовѣрность разсказа Е. Ѳ. Комаровскаго. „Записки не дневникъ, пишетъ въ своей замѣткѣ г. Комовскій, и въ нихъ, конечно, могутъ вкратъся невольно по забывчивости или за дальностію времени какія нибудь неточности въ подробностяхъ излагаемаго событія. Но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло. Событіе было слишкомъ важно для всей Россіи вообще и для графа Е. Ѳ. въ частности: онъ былъ нарочно посланъ въ Москву государемъ императоромъ, который внимательно слѣдилъ за всѣми обстоятельствами московской присяги. Возможно-ли, чтобы по возвращеніи въ Петербургъ онъ передалъ неточно исполненныя великаго смысла и важнаго значенія слова московскаго архіепископа? При томъ-же слова эти произнесены во всеуслышаніе при огромномъ стеченіи всѣхъ сословій древней столицы. Рѣшительный образъ дѣйствія въ тогдашніе дни недоумѣнія тотчасъ сдѣлался извѣстенъ повсюду и оцѣненъ всѣми. И теперь еще (1868 г.) есть живыя лица, которыя слышали слова эти; такъ, напримѣръ, бывшій оберъ-прокуроръ московскихъ департаментовъ правительствующаго сената, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, или тогдашній адъютантъ московскаго генераль-губернатора, Петръ Петровичъ Новосильцевъ,

¹⁾ Сушковъ, 199—200.

²⁾ Русскій Архивъ 1868 г., № 6, стр. 1038—1040.

оба находившіеся въ Успенскомъ соборѣ и въ самой близости отъ мѣста дѣйствія, конечно, могутъ припомнить слова эти и подтвердить полнѣйшую истину разсказа, находящагося въ запискахъ графа Комаровскаго, писанныхъ всего лѣтъ черезъ пять послѣ самаго событія. Итакъ, скорѣе слѣдуетъ предположить, что въ этомъ случаѣ естественно слабѣющая съ лѣтами память высокопреосвященнѣйшаго митрополита могла невольно измѣнить ему: досточтимый архипастырь писалъ свое письмо Н. В. Сушкову за десять дней до своей кончины и при томъ писалъ о томъ, что происходило сорокъ два года назадъ“.

Ссылка С. Комовскаго на князя П. П. Гагарина подтверждается подлиннымъ его письмомъ, находящимся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», полученнымъ М. И. Семейскимъ въ 1874 г. въ даръ отъ К. В. Чевкина.

Князь Петръ Андреевичъ (Вяземскій) обратился къ князю П. П. Гагарину съ просьбою опредѣлить степень достовѣрности разсказа Филарета о московской присягѣ 1825 года. Ближайшимъ поводомъ къ такому обращенію послужили только что обнаруженные въ то время (въ 1868 году) въ печати ¹⁾ „Воспоминанія Филарета, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича“.

Вотъ письмо князя П. П. Гагарина къ князю П. А.

„Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ! Въ отвѣтъ на записку вашего сіятельства считаю долгомъ объяснить.

„Прочитавъ выписку, помѣщенную въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“, я съ удивленіемъ удостовѣрился въ томъ, что памятные записки покойнаго митрополита Филарета были имъ написаны не во время происшествія, а послѣ, когда онъ ихъ редактировалъ, такъ, какъ считалъ удобнѣе, позабывъ уже строгую точность фактовъ. Я полагаю, что исправленіе этой неточности было-бы полезно; но обращаясь къ той мысли, что оно возбудило-бы неудовольствіе лицъ, причисляющихъ покойнаго митрополита къ святымъ, чего я для него желаю отъ всего сердца, я предоставляю исправленіе это времени, когда появятся другія записки, вѣроятно существующія у многихъ присутствующихъ при священнодѣйствіи Филарета и при предшествовавшихъ этому обстоятельствахъ. Всѣ сношенія митрополита съ властями въ то время шли чрезъ меня, но я не желаю, чтобы мое имя было помѣщено въ противоборство съ памятью о митрополитѣ, но если требуется мое свидѣтельство въ томъ, что слова „разрѣшаю и благословляю“ были имъ сказаны, то не могу отказать въ удостовѣреніи, что эти слова были имъ дѣйствительно сказаны, потому что я въ виду цѣлаго Успенскаго собора

¹⁾ Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1868 г. январь.

стоялъ рядомъ съ нимъ, когда онъ ихъ произносилъ, и полагаю, также какъ и г. Комовскій, что въ этомъ память покойному митрополиту измѣнилась.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности князь П. Гагаринъ“.

Марта, 1868 г.

Князь П. П. Гагаринъ умеръ 21 февраля 1872 года въ званіи члена государственнаго совѣта и предсѣдателя комитета гг. министровъ ¹⁾.

Въ виду такого рода вѣскихъ и единогласныхъ свидѣтельствъ слѣдуетъ скорѣе согласиться съ тѣмъ, что митрополитъ Филаретъ дѣйствительно запомнилъ нѣкоторыя подробности полныхъ замѣшательствъ и безпокойствъ событій 1825 года—тѣмъ естественнѣе, что онъ свои воспоминанія писалъ въ 1845 году, т. е. ровно двадцать лѣтъ спустя послѣ совершившихся событій.

По случаю восшествія на престоль императора Николая I архіепископъ Филаретъ получилъ 25 декабря 1825 года высочайшую грамоту и при ней брилліантовый крестъ для ношенія на влобуѣ.

По поводу полученія этой награды Филаретъ говорилъ: „я, конечно, радъ высочайшему награжденію меня брилліантовымъ крестомъ, но не менѣе и тому, что съ меня наконецъ снятъ тяжкій крестъ“.

Здѣсь, конечно, владыка имѣлъ въ виду тѣ затруднительныя обстоятельства, которыя пришлось ему пережить до времени обнародованія столь великой важности ему извѣстныхъ документовъ, касающихся вопроса о престолонаслѣдіи послѣ смерти императора Александра I ²⁾.

Филаретъ былъ въ числѣ архіереевъ, участвовавшихъ въ коронованіи императора Николая Павловича, происходившемъ 22 августа 1826 г. При священнодѣйствіи коронованія онъ занималъ

¹⁾ Некрологъ его въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., мартъ. Подлинное письмо кн. П. П. Гагарина было передано имъ К. В. Чевкину, который, съ согласія кн. Павла Павловича, не передалъ кн. Вяземскому, но отдалъ въ собственность ред. „Русской Старины“.

— „Впослѣдствіи напечатйте этотъ документъ“—замѣтилъ Константинъ Владиміровичъ, передавая этотъ документъ вмѣстѣ съ прочими бумагами.

Ред.

²⁾ „Душеполезное Чтеніе“ 1871 г., май, 12—13.

третье мѣсто. Первенствовали митрополитъ Серафимъ. Во время коронаціи Филаретъ отличился какъ проповѣдникъ. Онъ говорилъ привѣтственную рѣчь государю. По случаю коронаціи императора Николая Филаретъ былъ пожалованъ саномъ митрополита, когда ему было только сорокъ три года съ небольшимъ.

III.

Съ 1824 года положеніе преосвященнаго Филарета какъ члена синода было затруднительно. Оберъ-прокуроръ синода, князь П. С. Мещерскій, человекъ глубоко религіозный и съ доброю, мягкою душою, благоговѣлъ предъ синодомъ и не имѣлъ особеннаго вліянія на ходъ синодальныхъ дѣлъ. Первенствующая роль въ синодѣ къ этому времени перешла къ митрополиту Серафиму, авторитетъ котораго особенно послѣ того, какъ ему удалось свергнуть князя Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ, значительно поднялся въ общественномъ мнѣніи. Тонъ всему синодальному управленію давалъ митрополитъ Серафимъ. Помощникомъ и правою рукою его въ синодѣ былъ извѣстный уже кievскій митрополитъ Евгеній, не долюбивавшій московскаго владыку. Съ 1824 г. отношенія Серафима къ Филарету московскому стали отзываться холодностію. Главною причиною къ тому послужило сочувствіе Филарета библейскому обществу и особенно предпринятому имъ переводу священнаго писанія на русскій языкъ, между тѣмъ какъ Серафимъ, прежде сторонникъ библейскаго общества, съ 1824 года сдѣлался фанатическимъ противникомъ какъ библейскаго общества, такъ и самой мысли о переводѣ священнаго писанія на русскій языкъ. Въ концѣ 1827 года Филаретъ писалъ изъ Петербурга своей матери: „я здѣсь чужой и хочу такимъ оставаться, а потому уклоняюсь отъ сношеній, кромѣ необходимыхъ“ ¹⁾. Не смотря на то, что Филаретъ чувствовалъ щекотливость своего положенія въ отношеніи къ Серафиму, онъ всячески старался уступать ему и сохранить съ нимъ добрыя отношенія, почитая въ немъ своего рукополо-

¹⁾ Письма митрополита Филарета къ роднымъ. М. 1882, 288. Подобн. см. въ письмахъ Филарета къ викарію Иннокентію. Прибавленіе къ тв. св. отецъ за 1872 г., ч. XXV, 14.

жителя. И такія отношенія продолжались до самой смерти Се-
рафима, послѣдовавшей въ январѣ 1843 года.

Отношенія Филарета къ императору Николаю Павловичу не отличались ровностью. Императоръ зналъ и высоко цѣнилъ великій умъ и нравственныя достоинства Филарета, но иногда расходился съ нимъ во взглядахъ, дѣлалъ ему разныя замѣчанія, хотя бывали и случаи такого рода, что и Филареть давалъ чувствовать государю силу своего авторитета и ему давалъ уроки.

Такъ разъ митрополить Филареть отказался освящать триумфальныя ворота ¹⁾, потому что на нихъ находились изображенія нѣкоторыхъ изъ языческихъ боговъ. Императоръ Николай Павловичъ самъ вздумалъ присутствовать на открытіи и освященіи триумфальныхъ воротъ. Когда флигель-адъютантъ государя приѣхалъ къ Филарету и объяснилъ ему, что „государю императору благоугодно завтра освятить триумфальныя ворота“, Филареть, устремивъ взоръ долу, отвѣчалъ: „слышу“.

Флигель-адъютантъ продолжалъ: „Государю императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освященіи“. Филареть отвѣчалъ тѣмъ-же „слышу“, такъ-же понутивъ голову и съ тою-же задумчивостью.

„Не будетъ-ли какихъ распоряженій, выше высокопреосвященство? Что прикажете доложить государю императору?“

— „А чтò слышите“, отвѣчалъ тѣмъ-же тономъ владыка.

Когда государь спросилъ: „а что Филареть?“ флигель-адъютантъ доложилъ, что онъ его не понялъ и достословно передалъ государю свой разговоръ съ высокопреосвященнымъ.

— „А, такъ я понимаю“, замѣтилъ государь. „Приготовить лошадей: я сегодня уѣзжаю“. Такимъ образомъ открытіе происходило въ отсутствіе государя. Полковой священникъ отслужилъ предъ войсками молебень и участіе церкви въ этомъ торжествѣ тѣмъ и кончилось ²⁾.

Понятно, какъ бы ни были справедливы въ глазахъ императора дѣйствія митрополита Филарета, все-такъ они не могли быть ему особенно пріятны. На этомъ основаніи Николай Павловичъ взвѣшивалъ каждый поступокъ московскаго митрополита, прислу-

¹⁾ Заложены были въ 1829 году. Сушковъ, 270.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1878 г., № 12. Разказы изъ недавней старины, 515.

шивался въ каждому его публичному слову. Иногда отсюда возникали цѣлыя исторіи.

Въ 1830 году свирѣпствовала въ Москвѣ страшная холера. Императоръ Николай Павловичъ, чтобы поддержать упавшій отъ страшнаго бѣдствія духъ народа древней столицы, въ октябрѣ 1830 года самъ нарочно пріѣхалъ въ Москву. 5-го октября, въ день трехъ святителей московскихъ, митрополитъ Филаретъ, въ присутствіи государя, говорилъ слово при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныхъ болѣзней, въ большомъ Успенскомъ соборѣ. Одна, вскользь брошенная проповѣдникомъ, мысль о томъ, что народъ иногда страдаетъ за грѣхи своихъ правителей ¹⁾, показала подозрительною государю. Онъ готовъ былъ видѣть намекъ на самого себя. Народная молва подхватила это и раздула дѣло. Государь, чрезъ графа Петра Александровича Толстого, сдѣлалъ замѣчаніе московскому митрополиту ²⁾. Филаретъ, прежде чѣмъ отдать свою только что сказанную проповѣдь въ печать, отправилъ ее въ рукописи къ графу Толстому для того, чтобы тотъ представилъ ее государю. При чемъ свою рукопись онъ сопровождалъ слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ имъ на имя графа Толстого:

„Сіятељнѣйшій графъ! милостивый государь! Хотя, по возможности, вслушиваюсь и я въ народный голосъ, чтобы неправильныя мнѣнія исправлять, а правильныя поддерживать; и хотя не встрѣчалось мнѣ замѣчаніи подобнаго тому, которое ваше сіятельство сообщили мнѣ по высочайшей волѣ; но сіе замѣчаніе, какъ ваше сіятельство удобно разсудить изволите, поставило меня въ великую заботливость о томъ, что я говорю. Посему, по нѣкоторымъ причинамъ вскорѣ могущаго послѣдовать отбытія его император

---

¹⁾ Вотъ это мѣсто изъ слова Филарета: „Господи, обѣщавши нѣкогда не губить цѣлаго града десяти ради въ немъ праведниковъ, и ради покаянія единаго Давида, повелѣвшій ангелу погубляющему отъяти руку свою отъ Іерусалима, пощади и спаси градъ сей ради извѣстнаго Тебѣ въ немъ числа покаившихся отъ грѣховъ своихъ! Много должно утѣшать и ободрять насъ, братіе, и то, что творитъ среди насъ помазанникъ Божій, благочестивѣйшій государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израіля Давидъ (хотя конечно по грѣхамъ и всего в рода), однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ приѣмлетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи“. Полное собраніе сочиненій митрополита Филарета, т. III. М. 1877 г., стр. 153—156.

²⁾ Таковое замѣчаніе было передано гр. П. А. Толстымъ не лично, а чрезъ своего адъютанта, гвардіи полковника Павла Александровича Муханова, который лично намъ объ этомъ рассказывалъ въ 1870 г. Ред.

скаго величества, рѣшился я осмѣлиться, просить особеннаго разрѣшенія государя императора на напечатаніе говореннаго мною вчера слова. Его величеству благоугодно было назначить мнѣ время явиться къ его величеству. Въ ожиданіи сего, препровождаю къ вашему сіятельству упомянутое слово на тотъ конецъ, не найдете-ли возмъ жнымъ представить оное, особенно замышленную часть онаго, на всемилостивѣйшее усмотрѣніе государя императора, дабы я безъ сомнѣнія могъ приступить къ напечатанію онаго.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ, митрополитъ московскій“.

Октября 6-го, 1830 г.

Мы объяснили происхожденіе приведеннаго выше письма митрополита Филарета лишь со словъ П. А. Муханова, чрезъ котораго было и послано настоящее письмо¹⁾. У насъ не было подъ руками никакихъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя-бы болѣе опредѣленнымъ и обстоятельнымъ образомъ выяснили его происхожденіе. Остается ждать счастливаго случая. Можетъ быть, будутъ обнародованы новые матеріалы; можетъ быть, по поводу обнародываемаго письма найдутся личности, которымъ по слухамъ или по семейнымъ преданіямъ и разсказамъ обстоятельства его происхожденія болѣе или менѣе извѣстны.

IV.

Въ 1833 году произошла смѣна оберъ-прокурора св. синода, имѣвшая большое вліяніе какъ на все синодальное управленіе, такъ въ частности и на положеніе московскаго митрополита Филарета. На мѣсто искренне религіознаго, мягкаго характеромъ и благоговѣвшаго предъ св. синодомъ князя П. С. Мещерскаго, оберъ-прокуроромъ синода назначенъ С. Д. Нечаевъ, состоявшій до того времени чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Новый оберъ-прокуроръ принесъ съ собою и новые порядки. Будучи чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, С. Д. Нечаевъ держалъ себя деликатно съ чиновниками, льстилъ и унижался предъ членами синода, особенно-же льстилъ и угож-

---

¹⁾ По предъявленіи имъ онаго гр. П. А. Толстому, Мухановъ оставилъ подлинникъ въ своемъ собраніи автографовъ, которое послѣ его смерти приобрѣлъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Ред.

далъ московскому митрополиту Филарету, который, не смотря на всѣ интриги, благодаря своему уму, имѣлъ большую силу и при дворѣ и въ синодѣ. Но, добившись оберъ-прокурорства, Нечаевъ показалъ себя во всей наготѣ. Онъ рѣшилъ забрать всю власть въ синодѣ въ свои руки, а за членами синода оставить лишь номинальное значеніе. Нечаевъ заявилъ себя очень деспотическимъ и честолюбивымъ оберъ-прокуроромъ. Въ угоду своему честолюбію онъ приносилъ все: самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывалъ и государя, и членовъ синода.

Еще въ бытность свою чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, Нечаевъ имѣлъ полную возможность узнать характеръ и значеніе лицъ, засѣдавшихъ въ синодѣ, а ставши оберъ-прокуроромъ, онъ приложилъ свои знанія къ дѣлу. Онъ видѣлъ, что значительную опору синода представлялъ изъ себя Филаретъ, митрополитъ московскій, человекъ въ высшей степени энергической, съ сильнымъ дипломатическимъ умомъ и съ твердою волею. Что же касается до первенствующаго члена синода петербургскаго митрополита Серафима, то онъ въ разсматриваемое время началъ дряхлѣть, утомляться и вообще пересталъ играть видную роль въ синодѣ.

Поставивъ свою цѣлью сдѣлать изъ членовъ синода простыхъ мумій, которыя-бы безмолвно подписывали синодскіе протоколы, какіе угодно было-бы предложить оберъ-прокурору, Нечаевъ прежде всего обратилъ вниманіе на главную опору синода—московскаго митрополита и задался цѣлью лишить его преобладающаго значенія въ синодѣ. Дѣло было трудное и рискованное. Но честолюбецъ-прокуроръ для достиженія своей цѣли не задумался предъ выборомъ средствъ. Онъ началъ продолжительную и сложную интригу противъ митрополита Филарета, подробности которой возбуждаютъ крайнее отвращеніе не только противъ самого заправила низкой интриги, но и противъ всѣхъ его пособниковъ. Нечаевъ пустилъ въ ходъ всѣ пружины своего изворотливаго, прониливаго ума и устроилъ Филарету такую низость, которая можетъ скрываться и существовать только въ канцелярской средѣ.

Вдругъ ни съ того, ни съ сего, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ свидѣтелей и очевидцевъ возмутительной интриги оберъ-прокурора, появились жандармскіе доносы на архіереевъ и на членовъ синодальныхъ. Доносы большею частью

оказывались ложными. Канцелярія (синодальная) подозрѣвала, что въ нихъ участвуетъ самъ оберъ-прокуроръ, имѣя цѣлью унижить духовное правительство въ Россіи. Архіереи и члены синода оправдывались сколько могли. Синодъ очень безпокоился, показывалъ видъ безпокойства и оберъ-прокуроръ и, подстрекая членовъ къ неудовольствію, говорилъ, что учрежденіе жандармскаго досмотра дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы. Возволнованные члены синода рано или поздно должны были выйти изъ терпѣнія наглостью и безсовѣстною ложью жандармскихъ доносовъ. Этого-то только и хотѣлось коварному оберъ-прокурору.

Возбудивъ въ синодѣ общее неудовольствіе противъ жандармскаго учрежденія, — оберъ-прокуроръ уже направилъ свою интригу прямо противъ того лица, которое онъ задумалъ скомпрометировать, — это противъ Филарета московскаго. Конечно, сдѣлать ему это теперь не стоило никакого труда, потому что всѣми махинаціями по жандармскимъ доносамъ на архіереевъ руководилъ никто другой, какъ самъ блюститель государственныхъ законовъ въ синодѣ, око государево — оберъ-прокуроръ. Дѣйствительно, скоро поступилъ доносъ отъ жандармовъ на митрополита Филарета. Доносъ государемъ былъ переданъ оберъ-прокурору съ высочайшимъ повелѣніемъ — разсмотрѣть синоду. Этого-то властолюбивому оберъ-прокурору только и хотѣлось. Съ доносомъ онъ ѣдетъ къ митрополиту Филарету и убѣждаетъ его вмѣстѣ съ оправдательнымъ объясненіемъ изложить мнѣніе, что данное жандармской командѣ право доносить со слуховъ и безъ всякой за ложь отвѣтственности стѣсняетъ свободу дѣйствій администраціи и, какъ похожее на слово и дѣло, лишаетъ подданныхъ спокойствія. Митрополитъ, дотолѣ уважаемый государемъ, не остерегся и попалъ въ разставленныя ему такъ хитро сѣти: онъ написалъ оправданіе, написалъ и мнѣніе. Оберъ-прокуроръ, минуя синодъ (что собственно говоря противорѣчило высочайшему повелѣнію, данному по поводу доноса на московскаго митрополита), гдѣ въ общемъ собраніи, можетъ быть, предостерегли-бы митрополита, представилъ его оправданіе и мнѣніе прямо государю императору. Государь разгнѣвался и поступокъ митрополита, какъ противный верховной власти, едва не распубликовали чрезъ св. синодъ по всей Россіи. Такимъ образомъ интрига Нечаева противъ митрополита Филарета увѣнчалась успѣхомъ.

Трудно объяснить себѣ образъ дѣйствій митрополита Филарета, позволившаго сдѣлаться жертвою такой, правда, очень искусно продѣланной интриги. Очень можетъ быть, что Филаретъ въ то время еще не потерялъ вполне вѣру въ нравственное достоинство людей и тѣмъ болѣе не хотѣлъ думать и видѣть нравственное уродство въ высшемъ государственномъ сановникѣ, какимъ въ его глазахъ представлялся С. Д. Нечаевъ. Филаретъ, какъ онъ заявилъ себя позднѣе, вообще отличался сдержанностью и осторожностью. Видно, долгій опытъ научилъ его быть такимъ.

Подорвавъ авторитетъ выдающагося лица въ синодѣ, Нечаевъ почувствовалъ себя свободнѣе. Пошатнувъ опору синода, оберъ-прокуроръ не сталъ много церемониться съ остальными членами: иногда онъ по собственному произволу измѣнялъ резолюціи и опредѣленія синода, подносилъ отъ имени синода на утвержденіе государя такіе доклады, которыхъ въ синодѣ не разсматривали и относительно которыхъ не полагали никакихъ опредѣленій.

Для того, чтобы нагляднѣе съ этой стороны познакомиться съ дѣятельностью Нечаева какъ оберъ-прокурора, достаточно одного слѣдующаго примѣра.

Былъ такой случай. Открылась вакансія архіепископской кафедры. Синодъ обыкновенно назначалъ тогда, какъ и теперь, трехъ кандидатовъ, предоставляя окончательное назначеніе выбору государя. Но для того, чтобы государь зналъ, на комъ преимущественно остановился выборъ самого синода, то оберъ-прокурору словесно объяснялось, кого именно изъ указанныхъ лицъ синодъ признаетъ болѣе всего достойнымъ. Само собою понятно, представленіе трехъ кандидатовъ было только простою формальностью, а суть всего дѣла заключалась въ томъ словесномъ объясненіи, какое синодъ давалъ оберъ-прокурору относительно представляемыхъ имъ на утвержденіе государя лицъ. Открылась одна архіерейская вакансія. Синодъ представилъ по обыкновенію трехъ кандидатовъ и сдѣлалъ словесное указаніе оберъ-прокурору относительно самаго достойнѣйшаго изъ нихъ по мнѣнію синода. Нужно сказать, что до времени оберъ-прокурорства графа Протасова синодальные оберъ-прокуроры еще не пользовались правомъ лично докладывать дѣла государю, а вносили свои доклады въ кабинетъ государя чрезъ статсъ-секретаря. Значитъ, словесное заявленіе синода о самомъ достойнѣйшемъ кандидатѣ оберъ-

прокурору приходилось написать на запискѣ, которая чрезъ статсъ-секретаря и докладывалась государю. Оберъ-прокуроръ, передавая синодальный докладъ на высочайшее утверждение, выставилъ въ своей запискѣ достойными не тѣхъ, кого синодъ назначилъ. Значить, прямо обманулъ государя. Государь, конечно, утвердилъ тѣхъ лицъ, которыхъ самовластно подставилъ ему Нечаевъ. Когда высочайшее утверждение объявлено было въ присутствіи синода, понятно, синодальные члены крайне изумились высочайшей резолюціи. „Отчего это государь не соизволилъ утвердить кандидатовъ по нашему назначенію?“ спросили члены оберъ-прокурора. „Не знаю“, отвѣчалъ сначала оберъ-прокуроръ, весь вспыхнувъ. А потомъ онъ сталъ лгать и доказывать, что государемъ точно утверждены тѣ лица, которыя назначены были синодомъ. Но все-таки Нечаевъ хорошо зналъ, что онъ обманулъ государя и, опасаясь того, что обиженные и вообще недовольные имъ члены синода могутъ открыть государю его низкія продѣлки, позаботился обезопасить себя на всякій случай. Въ случаѣ доноса на оберъ-прокурора государь могъ справиться съ запискою и тогда обманъ всплылъ-бы наружу. Для того, чтобы обезопасить себя съ этой стороны, а государя, если-бы онъ вздумалъ разслѣдовать дѣло какъ слѣдуетъ, обмануть въ другой разъ, Нечаевъ позаботился заручиться добросовѣстными лжесвидѣтелями изъ состава чиновниковъ синодальной канцеляріи, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ могли-бы удостовѣрить, что члены синода называли оберъ-прокурору именно тѣ имена, которыя утвердилъ государь, а теперь позабыли это по своему безпамятству... и почему-то говорятъ другое. Послѣ присутствія оберъ-прокуроръ обратился къ нѣкоторымъ синодальнымъ чиновникамъ и потребовалъ отъ нихъ подтвержденія своихъ словъ, что синодъ назначилъ именно тѣ лица, которыя утверждены государемъ. Чиновники, конечно, знали правоту синода и безстыдство его оберъ-прокурора, но, боясь утверждать правду, говорили: „кажется, помнится“ и пр. Увидавъ, что противъ него и за архіереевъ нѣтъ никого, Нечаевъ понялъ, что нашелъ для себя опору на всякій случай и, сознавая свою силу, воскликнулъ: „я докажу, что такое оберъ-прокуроръ!“

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему это Нечаеву понадобилось измѣнять резолюціи синода и перета-

совывать рекомендуемыхъ имъ кандидатовъ на архіерейскія вакансіи. Дѣло разъясняется такимъ образомъ. Оберъ-прокуроръ, какъ-бы гордъ и заносчивъ ни былъ, все-таки не могъ стоять одиноко отъ духовенства. Одно уже то, что при повальномъ невѣжествѣ въ то время въ церковныхъ дѣлахъ оберъ-прокуроръ, какъ-бы прочно ни стоялъ, не могъ обойтись безъ пособія духовныхъ лицъ, иначе онъ могъ-бы легко допустить ошибку, которая могла-бы имѣть очень плохія для него послѣдствія. На основаніи подобнаго рода соображеній Нечаевъ также имѣлъ около себя партію изъ среды ученыхъ монаховъ, мечтавшихъ объ архіерейскихъ регаліяхъ и не безъ заднихъ эгоистическихъ расчетовъ державшихся стороны оберъ-прокурора. Вотъ нѣкоторыхъ изъ такихъ ученыхъ монаховъ—своихъ партизановъ—оберъ-прокурору и хотѣлось поскорѣе провести въ архіереи ¹⁾.

С. Д. Нечаевъ послѣ своей счастливой борьбы съ митрополитомъ Филаретомъ положительно господствовалъ въ синодѣ и не церемонился съ остальными его членами. Что-же касается до епархіальныхъ архіереевъ, то съ ними онъ обращался очень грубо; во время проѣзда по епархіямъ онъ къ епархіальнымъ епископамъ относился какъ къ школьникамъ, дѣлая имъ выговоры, замѣчанія. Иначе себя поставилъ оберъ-прокуроръ и къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. До Нечаева присутствіе оберъ-прокурора на публичныхъ экзаменахъ въ петербургской академіи было мало замѣтнымъ. Первенствующую роль занимали здѣсь члены синода. Нечаевъ измѣнилъ порядокъ и заставилъ относиться къ своей персонѣ съ большимъ почтеніемъ. Одинъ очевидецъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ пріѣздъ оберъ-прокурора Нечаева въ академію на публичные экзамены. „Академическое начальство очень озабочивалось встрѣчею оберъ-прокурора. У воротъ и на крыльцѣ академическаго дома стояли караульные, которые, по поговоркѣ, смотрѣли въ оба глаза, чтобы замѣтить, когда экипажъ оберъ-прокурора появится близъ академіи. Оберъ-прокуроръ пріѣхалъ; его уже непремѣнно встрѣчаютъ экономя или на крыльцѣ, или въ большихъ сѣняхъ дома.

¹⁾ Изъ воспоминаній Ф. Ф. Измайлова, „Странникъ“ 1882 г., сентябрь. Синодальныя персоны Н. С. Лѣскова, „Историческіи Вѣстникъ“ 1882 г., ноябрь.

Онъ еще идетъ по этимъ сѣнямъ, а изъ залы или инспекторъ, или самъ ректоръ спѣшитъ встрѣтить его на лѣстницахъ или въ корридорѣ у церкви. Онъ еще находится въ нѣсколькихъ саженахъ отъ залы, но обѣ половинки двери въ нее растворены; дѣлается извѣстнымъ публикѣ прибытіе его превосходительства; м. Серафимъ, снимавшій иногда съ головы клобукъ, торопливо надѣваетъ его; все принимаетъ суетливый характеръ. Входитъ въ залу Нечаевъ; разумѣется, всѣ встали; одѣтый въ парадную форму онъ медленно, важно, почти торжественно, хотъ и прихрамывая на одну ногу, подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ члены св. синода, подставляетъ свою правую руку митрополитамъ и архіереямъ для полученія благословенія, но не цѣлуетъ ничьей благословляющей руки, раскланивается съ студентами и садится въ одномъ ряду съ іерархами¹⁾.

За все время оберъ-прокурорства С. Д. Нечаева, отношенія его къ митрополиту Филарету отличались не только холодностью, но даже были прямо враждебны. На интриги оберъ-прокурора встрѣчаются хотя и самыя общія указанія въ письмахъ Филарета къ архимандриту Антонію. „Что-то меньше единства (въ синодѣ), писалъ архипастырь своему намѣстнику изъ Петербурга отъ 31-го мая 1835 г., и болѣе движенія посредствомъ пружинъ постороннихъ; учите меня, какъ тутъ жить и молитесь обо мнѣ“²⁾.

Трудно сказать, въ какой степени Нечаевъ умѣлъ охладить государя Николая Павловича въ его отношеніяхъ къ Филарету. По крайней мѣрѣ изъ писемъ Филарета мы видимъ, что государь по временамъ все-таки оказывалъ знаки своего вниманія московскому митрополиту. Вотъ что на примѣръ писалъ Филаретъ изъ Петербурга отъ 4-го мая 1835 года: „государю императору угодно было пригласить меня къ обѣду и передъ тѣмъ призвать меня въ кабинетъ. Предъ обѣдомъ, за обѣдомъ и послѣ обѣда государь и государыня изволили обойтись со мною милостиво такъ, что и мою застѣнчивость обратили въ непринужденность“³⁾.

¹⁾ Петербургская духовная академія при графѣ Протасовѣ, 1836—1855 г., Д. И. Ростиславова. „Вѣстникъ Европы“ 1883 г., июль, 125—126.

²⁾ Письма къ Антонію, часть I, отъ 31-го мая 1835 г.

³⁾ Письма къ Антонію, часть I, № 1109, стр. 154.

V.

Въ оберъ-прокурорство С. Д. Нечаева, митрополита Филарета безпокоюло одно, повидимому не важное, но хлопотливое и неприятное дѣло. Это дѣло сектанта Дубовицкаго.

Личность сектанта Дубовицкаго и до сихъ поръ остается темною, не выясненною. Извѣстно, что онъ принадлежалъ къ числу послѣдователей секты Татариновой,—секта, которая по существу своему составляла одну изъ отраслей скопчества. Въ кораблѣ Татариновой, по заключенію ученыхъ специалистовъ, совершались тѣ-же самые обряды, тѣ-же молитвы и пѣнія, тѣ-же пляски и радѣнія, какія были въ ходу у скопцовъ, послѣдователей знаменитаго Селиванова. Въ сектѣ Татариновой были отдѣльные случаи оскопленій. Митрополитъ Филаретъ также указывалъ на происхожденіе секты Татариновой отъ скопцовъ ¹⁾. Сама основательница секты, г-жа Татаринова, сначала имѣла жительство въ Инженерномъ (прежде Михайловскомъ) замкѣ и здѣсь собирала вокругъ себя послѣдователей и совершала свои фанатическія радѣнія. Въ 1817 году религиозныя сборища Татариновой сдѣлались извѣстны правительству. Тогда сектанты переселились за городъ, на дачу, за московской заставой, и тамъ, вдали отъ правительственнаго надзора, продолжали поддерживать свою религиозную общину. Къ числу самыхъ жаркихъ послѣдователей Татариновой принадлежалъ, между прочимъ, и богатый рязанскій помѣщикъ подполковникъ Дубовицкій ²⁾. Въ 1825—1826 годахъ татариновское общество снова обратило на себя вниманіе правительства. Произошли аресты, въ число арестованныхъ попалъ и Дубовицкій. Въ 1826 году Дубовицкій со всѣмъ семействомъ, по высочайшему повелѣнію, сосланъ былъ на покаяніе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь новгородской епархіи. Тамъ онъ прожилъ на испытаніи около года и заявилъ себя съ внѣшней

¹⁾ П. И. Мельниковъ, матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ереси. Чтенія въ общ. исторіи и древностей 1872 г., кн. I, 56; кн. III, 80—179.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., декабрь, 85. Воспоминанія В. И. Панаева.

стороны самымъ преданнымъ сыномъ православной церкви ¹⁾. Монастырское начальство сдѣлало хорошій отзывъ о религіозномъ состояніи Дубовицкаго, почему онъ въ концѣ 1826 года получилъ свободу отъ монастырскаго заключенія. Затѣмъ Дубовицкій съ семействомъ поселился на постоянное жительство въ Москвѣ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ и послѣ монастырскаго испытанія, уже на жительство въ Москвѣ, продолжалъ держаться сектанства. Кромѣ того, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ Дубовицкій вздумалъ и завелъ было у себя школу, но свѣтское начальство скоро закрыло ее. По дѣлу воспитанія дѣтей Дубовицкому пришлось познакомиться съ инспекторомъ московской духовной академіи, архимандритомъ Платономъ.

Архимандритъ Платонъ (по фамиліи Казанскій), по окончаніи курса въ московской духовной академіи со степенью магистра, былъ профессоромъ семинаріи, ректоромъ духовныхъ училищъ и священникомъ кафедральнаго собора въ Ярославлѣ. Овдовѣвъ, онъ въ 1829 году постригся въ монахи и въ томъ-же году былъ перемѣщенъ на должность бакалавра московской духовной академіи. Инспекторомъ академіи Платонъ назначенъ былъ въ ноябрѣ 1831 года; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ управлялъ сначала Дмитровскимъ Борисоглѣбскимъ, а потомъ Московскимъ Знаменскимъ монастырями ²⁾.

Познакомившись съ подполковникомъ Дубовицкимъ, архимандритъ Платонъ вздумалъ отдать ему на воспитаніе своихъ дѣтей. Впрочемъ, прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ обратился съ просьбою о позволеніи къ митрополиту Филарету. Послѣдній, конечно, хорошо зналъ исключительное положеніе Дубовицкаго и его религіозныя заблужденія. Само свѣтское начальство подозрительно смотрѣло на отставнаго полковника и запретило ему принимать дѣтей на воспитаніе. Филаретъ положительно отсоветовалъ Платону воспитаніе своихъ дѣтей поручать такому все-таки болѣе или менѣе подозрительному человѣку ³⁾. Въ другой

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Дубовицкаго въ Кирилловѣ монастырѣ см. въ статьѣ В. И. Жмакина: Амвросій Орнатскій. епископъ пензенскій, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., июль.

²⁾ Исторія московской академіи. Смирнова. 383.

³⁾ У о. Платона были двѣ малолѣтнія дочери и сынъ, которые, по дру-

разъ митрополитъ, по какому-то особенному поводу, повторилъ Платону свое предостереженіе не входить ни въ какія сношенія съ подполковникомъ Дубовицкимъ. Все это московскій архипастырь дѣлалъ единственно изъ расположенія къ архимандриту Платону, дѣлалъ безъ огласки и безъ официальнойности. Ректоръ московской академіи, архимандритъ Поликарпъ, донесъ митрополиту, что архимандритъ Платонъ обѣщался въ точности исполнить сдѣланное ему предостереженіе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Архимандритъ Платонъ легкомысленно отнесся къ запрещенію своего архипастыря и продолжалъ свои сношенія съ Дубовицкимъ. Мало того, онъ рекомендовалъ его какъ отличнаго человѣка и другимъ. Митрополитъ снесся съ гражданскимъ начальствомъ о томъ, дѣйствительно-ли Дубовицкому запрещено заводить у себя школу для дѣтей и эту переписку сообщилъ архимандриту Платону вмѣстѣ съ требованіемъ отъ него подписки въ томъ, что онъ прекратитъ всякія сношенія съ Дубовицкимъ. Платонъ, человѣкъ крайне непостоянный, сначала отказался дать подписку, а потомъ чрезъ мѣсяць далъ подписку, но только въ томъ, что онъ удержится отъ сношеній съ Дубовицкимъ только официальныхъ и слишкомъ открытыхъ. Однимъ словомъ, Платонъ дѣлалъ безтактность за безтактностью. Конечно, митрополитъ Филаретъ, видя такое упорство своего подчиненнаго, вынужденъ былъ наконецъ дать дѣлу болѣе официальной характеръ. Но и тутъ святитель слишкомъ снисходилъ странностямъ Платона и старался устроить дѣло безъ шума, безъ огласки. Вотъ

гнѣмъ источникамъ, еще въ 1832 году отданы были имъ на воспитаніе Дубовицкому, причѣмъ о. Платонъ передалъ послѣдному и свой капиталъ въ количествѣ десяти тысячъ. Когда началось разслѣдованіе дѣла архимандрита Платона, защитникомъ интересовъ его сиротъ явился родственникъ о. Платона по женѣ—діаконъ Андрей Захарьевъ, который обратился къ митрополиту Филарету съ прошеніемъ вытребовать чрезъ гражданское начальство отъ Дубовицкаго имущество, переданное ему о. Платономъ. Митрополитъ сообщилъ о прошеніи діакона Захарьева московскому генералъ-губернатору, который затребовалъ справки отъ подполковника Дубовицкаго. На запросъ генералъ-губернатора Дубовицкій отозвался, что у него ни денегъ, ни вещей архимандрита Платона не находится. По представленію м. Филарета надъ дѣтьми о. Платона учреждена была опека. „Юбилейный сборникъ“, томъ I, 231—232.

что онъ писалъ изъ Петербурга отъ 3-го марта 1833 года къ своему намѣстнику о. Антонію:

„Поручаю вамъ, въ совершенной тайнѣ, сказать архимандриту Платону слѣдующее:

„Я требовалъ чрезъ ректора и Платонъ далъ честное слово не быть въ сношеніи съ полковникомъ Дубовицкимъ. Что-то заставило меня еще подтвердить ему сіе предъ отпускомъ его на смирной недѣлѣ въ Москву. Но онъ былъ съ нимъ въ сношеніи въ сіе время и вводилъ другихъ въ искушеніе, рекомендуя его имъ. Прошу его разсудить: какъ послѣ сего могу я вѣрить ему по должности? И если онъ почитаетъ меня человѣкомъ не заслуживающимъ довѣрія въ надобности и справедливости моихъ предписаній, то не надобно-ли ему, чтобъ избавить отъ искушеній себя и меня—искать себѣ другого начальника, котораго-бы онъ призналъ достойнымъ своего довѣрія и послушанія?

„Скажите ему еще, что я говорю сіе по благи Божіей, безъ малѣйшаго гнѣва, а только съ искреннимъ сожалѣніемъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ вижу его и себя въ отношеніи къ нему“¹⁾.

Можетъ быть Филаретъ и не далъ-бы дѣлу Платона никакой оффиціальности, если-бы къ тому не вызвали его нѣкоторыя вѣшнія обстоятельства. Дубовицкій, во время бытности въ Москвѣ оберъ-священника Василя Ивановича Кутневича, познакомился съ нимъ и почему-то особенно ухаживалъ за нимъ. Во время своего знакомства съ Дубовицкимъ, о. Кутневичъ узналъ о его религіозныхъ заблужденіяхъ. По приѣздѣ въ Петербургъ, о. Кутневичъ сообщилъ во всѣхъ подробностяхъ о заблужденіяхъ Дубовицкаго митрополиту Филарету, жившему тогда, по званію члена синода, въ Петербургѣ. Филаретъ встревожился 8-го марта 1833 года онъ отправилъ въ московскую духовную академію слѣдующее предписаніе:

„Въ прошедшемъ августѣ инспекторъ сей академіи, архимандритъ Платонъ, открылъ мнѣ, что онъ или вѣрилъ, или намѣренъ вѣрить дѣтей своихъ для воспитанія живущему въ

¹⁾ Письма митрополита Филарета къ Антонію, часть I, № 49.

Москвѣ отставному подполковнику Дубовицкому. Отдавъ справедливость сей искренности и довѣренности къ начальству, столь приличной званію духовному и монашескому, я келейно и словесно сдѣлалъ архимандриту Платону потребное предостереженіе; впоследствии времени важныя причины заставили меня подтвердить, чтобъ архимандритъ Платонъ не входилъ ни въ какое сношеніе съ подполковникомъ Дубовицкимъ. Сохраняя отъ нареканія и вреда себя и академію, я исполнилъ сіе также келейно, а ректоръ академіи письмомъ отъ 12-го октября, хранящимся у меня при семъ дѣлѣ, донесъ мнѣ, что архимандритъ Платонъ обѣщаль въ точности исполнить требуемое. Къ удивленію и присорбію, архимандритъ Платонъ изъявилъ потомъ недовѣріе къ основательности моего предписанія и въ нарушеніе своего обѣщанія, въ бытность свою въ Москвѣ въ февралѣ, былъ въ сношеніи съ подполковникомъ Дубовицкимъ и даже рекомендовалъ его друзьямъ. Имѣя обязанность охранять все вѣренное моему смотрѣнію не только отъ вреда, но и отъ нареканія и желая предохранить архимандрита Платона отъ большихъ неправильностей, я увидѣлъ себя въ совершенной необходимости дать сему дѣлу официальную твердость.

Официальныя секретныя сношенія открыли: 1) что подполковникъ Дубовицкій принадлежитъ къ сектѣ Татариновой.

Примѣчаніе: Татаринова есть имя женщины, которая управляетъ обществомъ, употребляющимъ обряды скопческой секты. Главное упражненіе важнѣйшихъ членовъ сего общества есть такъ называемое у нихъ радъніе — родъ танца при пѣніи самосоставленныхъ старшими членами общества нравственно-религіозныхъ пѣсней, которое оканчивается быстрымъ на одномъ мѣстѣ круженіемъ и паденіемъ въ безпамятствѣ съ конвульсіями и пѣною изо-рта, послѣ чего кружившійся произноситъ къ присутствующимъ нѣкоторыя слова, кои они обязаны принимать за вдохновенныя.

2) Что за лжеученіе содержался онъ въ монастырѣ, но въ 1826 году всемилостивѣйше освобожденъ съ тѣмъ, чтобъ не распространялъ лжеученія.

3) Что вслѣдствіе дальнѣйшихъ за нимъ наблюденій въ

1829 году высочайше запрещено ему заводить школу для воспитанія дѣтей.

4) Что вслѣдствіе чего, по мнѣнію г. московскаго военнаго генераль-губернатора, Дубовицкому, какъ обличенному прежде въ сектаторствѣ и нынѣ въ семь-же подозрѣваемому, ввѣрять воспитаніе дѣтей ни подъ какимъ видомъ не должно.

Посему академическому правленію предписываю:

1) Объявля секретно архимандриту Платону вышесписанное, обязать его подпискою, чтобъ ни подъ какимъ видомъ ни въ какое сношеніе съ подполковникомъ Дубовицкимъ не входилъ.

2) О исполненіи сего мнѣ донести.

3) Что касается до нарушенія честнаго слова, даннаго начальству, объявить ему, что сіе оставляется безъ взысканія въ надеждѣ, что онъ, усмотрѣвъ погрѣшность свою, будетъ впредь осмотрительнѣе.

4) Ректору академіи, не оглашая сего дѣла, бдительно смотрѣть, чтобъ никто изъ принадлежащихъ къ академіи ни подъ какимъ видомъ ни въ какое сношеніе не входилъ съ подполковникомъ Дубовицкимъ. Да служеніе непорочно будетъ. Филаретъ, М. М.

Марта 8-го дня
1883 года.

Но и послѣ того, Филаретъ все-таки щадилъ Платона. Въ письмѣ къ намѣстнику Антонію отъ 22-го апрѣля онъ, напримѣръ, писалъ:

„Прискорбно мнѣ дѣло Платона и Дубовицкаго. Платонъ сперва обѣщалъ послушаніе, потомъ усумнился, подлинно-ли Дубовицкому запрещено брать дѣтей на воспитаніе. Чтобы рѣшить сіе сомнѣніе, я сдѣлалъ офиціальное сношеніе и велѣлъ объявить Платону полученное свѣдѣніе офиціально-же. Между тѣмъ, его положено перевести. Я думалъ, что такимъ образомъ все кончится тихо. Что-жъ? Платонъ не далъ требуемой отъ него подписки, чтобы не быть въ сношеніи съ Дубовицкимъ. Промедливъ мѣсяць, прислалъ мнѣ подписку, что удержится отъ сношеній частныхъ и слишкомъ открытыхъ. Слѣдственно предостав-

заеть себѣ секретныя сношенія съ человѣкомъ, находящимся въ подозрѣннн у правительства. Есть-ли тутъ послушаніе? Есть-ли тутъ безопасность отъ вреда? Можетъ-ли начальство оставить сіе безъ вниманія, не сдѣлавшись виновнымъ въ нерадѣннн и неосторожности? Между тѣмъ, вѣроятно, что Платонъ сообщаетъ Дубовицкому, что дѣлаетъ начальство: ибо сей пишетъ о такъ названномъ радѣннн, что не употребляетъ сего обряда, но въ то же время оправдываетъ оный и въ доказательство своего мнѣннн приводитъ изъ Суарета свидѣтельство, что не знаютъ короткости и дѣтской простоты Божіей, и изъ Іакова Бѣма— что и у святыхъ ангеловъ есть дружеское лобзаніе и обниманіе, прнятнѣйшая круговая пляска. Дубовицкій утверждаетъ также, что занимающіеся скопческнми обрядами и самыхъ скопцевъ никакъ не можно почитать за секту. Это не слухъ или пересказъ, а выписано изъ письма Дубовицкаго къ Платону, съ котораго сей прислалъ мнѣ списокъ. Скажите для моего соображенія, что вы о семъ думаете, и что-бы мнѣ совѣтовали“¹⁾).

Но тутъ произошли довольно странныя явленія. Рьянымъ защитникомъ Дубовицкаго и Платона и противникомъ Филарета выступилъ нѣкто цѣховой Иванъ Павловъ. По всему видно, что онъ былъ фанатически преданъ той-же сектѣ, къ которой принадлежалъ и самъ Дубовицкій. Онъ досталъ у архимандрита Платона копію съ даннаго митрополитомъ московской духовной академіи предписанія и по поводу его написалъ безграмотный и самый безстыдный пасквиль на Филарета, который въ разныхъ спискахъ и разослалъ по многимъ высокопоставленнымъ лицамъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Павловъ представилъ одинъ изъ списковъ съ своего пасквиля на Филарета обер-прокурору св. синода Нечаеву при слѣдующемъ письмѣ на его имя:

„Милостивый государь, Степанъ Дмитріевичъ!

„Въ моей тетради усмотрите дѣло. По самой Божіей правдѣ кто виноватѣй, вѣнечно, всякій скажетъ, хоть неправильно и ложно поступаютъ, но они великіе, а когда маленькіе, то должны

¹⁾ Письма митрополита Филарета къ архимандриту Антонію, часть I, № 53.

поступать кротко, смиренно. Ну, Степанъ Дмитріевичъ! Вы люди большіе,—какъ угодно, такъ и поступайте со мною, а какъ написано, такъ уже тому и быть. А будете защищать хоть въ неправильныхъ дѣлахъ, но онъ великъ. Ежели вы его будете еще подымать, то онъ-то и будетъ самъ для васъ бичемъ. Конечно, объявите Василю Ивановичу ¹⁾, кому еще угодно, а въ Москву уже отослано. Теперь правда или лицепріятіе — Самъ Богъ будетъ держать вѣсы правосудія“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Кутневичу.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834 гг.

1831 г. ¹⁾.

12-го октября. Понедѣльникъ. Его выс. получилъ отъ всѣхъ г. г. учителей отличныя отмѣтки; по случаю сильнаго и холоднаго вѣтра обыкновенной прогулки нашей мы не предпринимали. Время это было употреблено на осмотръ мастерской г. Ладюрнера, молодого французскаго живописца; большая начатая имъ картина, изображающая смотръ войска на Марсовомъ полѣ, счастливо составлена: лица особъ, долженствующихъ принадлежать къ свитѣ е. в., набрссаны съ искусствомъ и большимъ вкусомъ, теперь уже похожи. Желательно было бы, чтобы картина эта окончена была тщательно. Его выс. великій князь посѣтилъ княгиню Волхонскую, которая чувствуетъ себя весьма слабою.

13-го октября. Вторникъ. Поведеніе и прилежаніе великаго князя достойны похвалы.

Мы были у Зауервейда; смотрѣли большую картину, представляющую взятіе Варны. Его выс. былъ въ восторгѣ отъ чуждаго эффекта и движенія во всей картинѣ и много любовался отдѣлкою всѣхъ лицъ въ ней находящихся. Къ 6 часамъ вечера я пригласилъ сына фельд-маршала князя Паскевича, прекраснаго и любезнаго вось милѣтняго ребенка. Великій князь подарилъ ему саблю и пару эпoletъ полка

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106; май, стр. 265—280; июнь, стр. 481—510.

его отца, въ которомъ онъ считается прапорщикомъ. Маленькій, казался, былъ весьма доволенъ, потому что неоднократно любовался хорошенькою саблею. Играя на деревянной горѣ, онъ показалъ большую живость и много рѣшимости.

14-го октября. Среда. Весьма хорошій день; великій князь писалъ письмо къ государынѣ императрицѣ. Я поздравилъ его за хорошо составленныя фразы и чувства, которыя умѣлъ прекрасно выразить.

15-го октября. Четвергъ.	} Прекрасные дни.
16-го октября. Пятница.	

17-го октября. Суббота. Въ продолженіи дня и всей недѣли я не имѣлъ надобности дѣлать серьезнаго замѣчанія. Его высочеству сегодня вечеромъ г. Женіесъ читалъ въ первый разъ, по возвращеніи въ Петербургъ, нѣсколько сценъ изъ Британника.

18-го октября. Воскресенье. Одѣваясь, его. выс. услыхалъ шумъ отъ экипажа и сказалъ:

— «Я имѣю предчувствіе, что это курьеръ изъ Москвы».

Дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, вошелъ фельдъегерь съ письмомъ отъ государыни императрицы. Читая письмо, исполненное нѣжныхъ выраженій, великій князь казался сильно взволнованъ и удовольствіе видимо изобразилось на лицѣ его. Надо отдать справедливость его выс., онъ питаетъ къ августѣйшимъ родителямъ своимъ нѣжнѣйшую любовь.

19-го октября. Понедѣльникъ. Прекраснѣйшій день.

20-го октября. Вторникъ. Сегодня утромъ получилъ я письмо отъ государыни императрицы, въ которомъ ея в. сообщаетъ мнѣ волю государя императора—ускорить отъѣздъ нашъ въ Москву и распорядиться такимъ образомъ, чтобы мы прибыли туда ранѣе перваго числа будущаго мѣсяца. Его выс. великій князь узнавъ отъ меня официально, объ отъѣздѣ своемъ, очень тому радовался. Первые слова, съ которыми онъ ко мнѣ обратился по полученіи сего извѣстія, были слѣдующія:

— «Віельгорскій и Паткуль также поѣдутъ?»

Получивъ утвердительный отвѣтъ, прыгаль отъ радости. Вечеромъ отъ 5 до 6 часовъ г. Жилль заставилъ великаго князя и его

товарыщей читать въ присутствіи господина Женіесъ драму сочиненія Беркенъ: «L'éducation à la mode». Великій князь читаль роли г-жи Бомонъ и Дидье, ея племянника, и исполняль это прекрасно.

21-го октября. Среда. Написаль къ ихъ вел. рапортъ, въ которомъ уведомляль, что, сдѣлавъ всё распоряженія къ отъѣзду, полагаетъ выѣхать изъ Петербурга 25-го числа, чтобы въ Москву прибыть 28-го вечеромъ.

22-го октября. Четвергъ. Весьма хорошій день.

23-го октября. Пятница. Не смотря на то, что е. выс. весьма радуется мысли ѣхать къ ихъ вел., онъ работаетъ съ большимъ прилежаніемъ и отличнѣмъ поведеніемъ приносить мнѣ истинное удовольствіе.

24-го октября. Суббота. Въ 12 часовъ е. выс. великій князь и ихъ выс. великія княжны присутствовали при панаѣидѣ въ память покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны. Отъ имени е. выс. я былъ у княгини Голицыной, супруги московскаго военнаго генераль-губернатора, узнать — не будетъ ли какихъ приказаній отъ нея къ сыну; княгиня была чрезвычайно тронута этимъ вниманіемъ.

25-го октября. Воскресенье. Въ 6 часовъ утра, простившись съ ихъ выс. великими княжнами, великій князь отправился изъ дворца въ Казанскій соборъ, гдѣ приложившись къ св. иконѣ, пустились въ путь. Обѣдали на станціи Спасская Полисть и прибыли на ночлегъ въ Зайцево къ 12 часамъ ночи. Его выс. нисколько не былъ уставши. Въ Новѣгородѣ на станціи е. выс. былъ встрѣченъ гражданскимъ губернаторомъ, а на паперти собора — всёмъ духовенствомъ. Площадь предъ соборомъ и внутренность онаго были наполнены народомъ. Его выс. изволилъ прикладываться къ иконамъ и святымъ мощамъ, послѣ чего вышелъ на крыльцо, былъ встрѣченъ радостными кликами и народъ слѣдовалъ за коляскою чрезъ весь городъ и предмѣстья, крича постоянно ура!

26-го октября. Понедѣльникъ. Г. Вышній Волочекъ. Мы выѣхали изъ Зайцева въ 6 часовъ. Въ Едровѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Въ 8 часовъ прибыли мы въ Вышній Волочекъ. Провели ночь въ домѣ купца Хохрякова. Купцы и мѣщане города поднесли е. выс. хлѣбъ-соль. Великій князь весьма милостиво разговариваль нѣкоторое время съ ними, и эти добрые люди были отъ него въ восторгѣ.

27-го октября. Вторникъ. Шоссе, не будучи окончено между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью, намъ пришлось ѣхать по довольно дурной и весьма песчаной дорогѣ; завтракали въ Торжкѣ, въ знаменитой Пожарской гостинницѣ, къ обѣду пріѣхали въ Тверь. На паперти собора духовенство и гражданскій губернаторъ, и всѣ чиновники и купечество ожидали пріѣзда великаго князя. Здѣсь, какъ и вездѣ, е. выс. былъ встрѣченъ радостными кликами народа.

28-го октября. Среда. Въ 4½ часа выѣхали изъ Твери, а въ 3 часа прибыли въ Москву. Встрѣченный радостными кликами народа у заставы, е. выс. былъ сопровождаемъ толпою до воротъ Кремля. Тотчасъ по пріѣздѣ великаго князя ихъ вел. отправились съ е. выс. поклониться гробницѣ митрополита Алексѣя. Его выс. былъ чрезвычайно радъ видѣть августѣйшихъ родителей своихъ и родной городъ.

29-го октября. Четвергъ. Едва колоколь Ивана Великаго возвѣстилъ столицѣ о имѣющемъ быть молебнѣ въ Вознесенскомъ соборѣ, какъ народъ толпами бросился къ Кремлю. Государь императоръ съ великимъ княземъ наследникомъ отправился въ соборъ въ 12 часовъ; до окончанія божественной литургіи, е. вел. въ сопровожденіи е. выс. присутствовалъ при разводѣ; всюду, гдѣ они показывались, радостные клики ихъ сопровождали. Вечеромъ ихъ вел. были съ великимъ княземъ въ театрѣ, гдѣ, кромѣ балета, ничего хорошаго не было. Балетъ былъ: «Венеціанскій карнавалъ»; водевиль: «Первая любовь», весьма слабая пьеса.

30-го октября. Пятница. Великій князь былъ въ кадетскомъ корпусѣ; посѣтивъ классы, залы, дортуары, мы видѣли всѣхъ молодыхъ людей, выстроенныхъ по-ротно, въ огромной и прекрасной залѣ, служившей нѣкогда во времена императрицы Екатерины тронною залой. У большей части воспитанниковъ пріятныя и благородныя наружности, но дортуары и вообще все заведеніе могло бы быть лучше содержано, въ особенности должно бы быть опрятнѣе. Всѣ эти дни е. выс. писалъ письма.

31-го октября. Суббота. Были въ манежѣ; къ обѣду я пригласилъ трехъ кадетъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ; были присланы: гг. Неѣловъ, Колычевъ, Хотинскій,—весьма милые молодые люди. Послѣ обѣда играли въ разныя игры и много веселились.

1-го ноября. Воскресенье. Его выс. великій князь былъ съ ихъ вел. у обѣдни, потомъ присутствовалъ при представленіяхъ и у развода. Къ обѣду е. выс. были приглашены: два сына князя Дмитрія Голицына и три кадета: Анненковъ, Анитинъ и Карповъ 2-й. Играли въ разныя игры, всѣ были веселы и довольны. Въ 8 часовъ гости великаго князя разъѣхались, а е. выс. пошелъ на танцевальный вечеръ къ государынѣ императрицѣ, гдѣ оставался за полночь. Великій князь много танцевалъ, но веселился бы болѣе, если-бъ лучше вальсировалъ; музыка, будучи довольно плоха, е. выс. никогда въ тактъ не попадалъ.

2-го ноября. Понедѣльникъ. Ихъ и. вел. въ сопровожденіи е. выс. наследника посѣтить изволили выставку русскихъ произведеній. Фабричныя произведенія значительно улучшились въ послѣднее время и вообще промышленность подвинулась со времени управленія министерствомъ финансовъ гр. Канкринимъ.

Собираюсь завтрашній день еще разъ свозить великаго князя на выставку. Остальную часть дня читали о примѣчательностяхъ Москвы.

3-го ноября. Вторникъ. Великій князь былъ вторично на выставкѣ русскихъ произведеній и съ большимъ вниманіемъ и любознательностію разсматривалъ различные предметы. Въ 11 часовъ великій князь поѣхалъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ учился въ рядахъ взвода застрѣльщиковъ. Возвратившись къ себѣ, великій князь сѣлъ верхомъ и мы сдѣлали прогулку вдоль Тверского бульвара. Послѣ обѣда е. выс. занимался чтеніемъ. Вечеромъ отъ 9 до 11 былъ въ дворянскомъ собраніи. Жара была нестерпимая и по этой причинѣ е. выс. веселился не много. Публика старалась видѣть его, и всѣ отъ него въ восхищеніи.

4-го ноября. Среда. Великій князь занимался чтеніемъ «Историческаго указателя Москвы». Въ 11 часовъ великій князь поѣхалъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ было произведено большое ученье въ присутствіи его вел. государя императора и генералитета. Его вел. остался совершенно доволенъ стойкою и ловкостью, съ которою эти молодые люди дѣлаютъ ружейныя пріемы, а также различными движеніями, исполненными съ точностію. Его выс. великій князь и его товарищи гр. Віельгорскій и Паткуль находились въ строю; великій князь стоялъ на правомъ флангѣ; первой шеренги застрѣльщичьяго взвода; послѣ ученья е. выс. обѣдалъ съ кадетами. Вечеромъ были у московскаго военнаго генералъ-губернатора, кн. Голицына; были живыя картины и музыка; вечеръ былъ блестящій. Картины и пѣніе удались вполнѣ. Во всѣхъ шести картинахъ не было ни одной посредственно

хорошенькой дамы, всё до одной совершенная красавица. Могли ли картины послѣ этого быть нехорошими. Прекрасная собою дѣвица Бартенева пѣла русскую пѣсню съ варіаціями и всёхъ привела въ умиленіе своимъ неподражаемо-нѣжнымъ голосомъ.

5-го ноября. Четвергъ. Сегодня утромъ е. выс. занимался чтеніемъ указателя достопримѣчательностей Москвы и ходилъ смотрѣть въ Оружейной палатѣ рѣдкія и драгоцѣнныя вещи. Имѣя свѣдѣнія о многихъ предметахъ, тамъ находящихся, онъ ихъ осматривалъ съ большимъ любопытствомъ. Вечеромъ былъ въ французскомъ театрѣ. Давали: *Les premiers amours; les anglaises pour rire et les vieux maris.*

6-го ноября. Пятница. Великій князь ѣздилъ смотрѣть большое водохранилище на Сухаревой башнѣ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ 1770 г. начались работы водопровода, посредствомъ котораго вода должна была быть проведена подъ землю на протяженіи 16 верстъ изъ родниковъ села Большая Мытица въ Москву; но въ 1788 году работа сія была приостановлена вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Рѣшено было устроить въ Сокольникахъ двѣ паровыя машины, каждая въ двадцать силъ; посредствомъ гидравлическаго пресса поднимаютъ воду на вышину 80 футовъ и такимъ образомъ Москва снабжена превосходною ключевою водою и имѣются четыре фонтана, бьющихъ постоянно. Осмотрѣвъ все съ величайшимъ вниманіемъ, великій князь прошелся по Тверскому бульвару. Вечеромъ е. выс. былъ на балѣ у княгини Бяратинской, но остался тамъ только до 11 часовъ. Ни здѣшніе балы, ни спектакли, ни вечера мнѣ собственно не могли бы доставить удовольствія, если бы я не видѣлъ искреннюю душевную привязанность добрыхъ москвитянокъ къ моему питомцу. Всё за нимъ бѣгаютъ и чтобы на него взглянуть за нѣсколько сотъ верстъ приѣзжаютъ въ Москву. Въ умиленіи сердца смотрю я на достойныхъ людей сихъ, толпами стекающихся любоваться прелестью во всемъ блескѣ восходящаго солнца, благотворною теплою коего каждый изъ нихъ, вся Россія надѣются когда нибудь быть согрѣты и преуспѣвать въ благоденствіи. Симъ чувствомъ сердца радуюсь со всею сладостною надеждою и молю Всевышняго, да сбудутся наши ожиданія. Мечта, что можетъ быть доживу до того времени, когда плоды трудовъ и заботъ моихъ будутъ видны, меня восхищаетъ.

7-го ноября. Суббота. Его выс. посетил соборы: Успенский и Архангельский, гдѣ покоются всѣ великіе князья и цари наши отъ Калиты до Іоанна Алексѣевича. Вотъ святилище російской исторіи.

Взѣзали на Ивана Великаго и любовались ярко освѣщенною солнцемъ Москвою. Мы сдѣлали прогулку пѣшкомъ вдоль бульваровъ. Толпа, сопровождавшая е. выс., была такъ велика, что я принужденъ былъ съ нимъ сѣсть въ экипажъ. Крики ура! сопровождали его всюду. Вечеромъ были въ театрѣ; французскіе актеры здѣшной труппы довольно хороши; Дюфуръ и Шардонъ отличились сегодня въ пьесѣ: «*La manie des places*». Государь много смѣялся и аплодировалъ. Здѣшняя публика, кажется, не очень любитъ французскій театр; партеръ всегда пустъ и ложи не всѣ заняты.

8-го ноября. Воскресенье. Утромъ великій князь занимался назидательнымъ чтеніемъ. Читалъ евангеліе воскресенья. Былъ у развода. Вечеромъ былъ большой балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ которомъ мы провели ночь. Его выс. былъ въ кавалергардскомъ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ; онъ прелестно хорошъ, за то и вскружилъ всѣмъ головы. Своею привѣтливостію, вниманіемъ и милою обходительностію умѣлъ онъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ его видѣвшихъ. Я имъ весьма доволенъ, а угодить мнѣ не легко.

9-го ноября. Пнѣдѣльникъ. Утромъ великій князь занимался выписываніемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ изъ Иліады. Въ 12 часовъ сопровождалъ государыню императрицу въ Александровскій институтъ, въ которомъ находятся 135 дѣвицъ. Затѣмъ ея вел. повезла великаго князя въ Екатерининскій институтъ, въ которомъ находится 280 благородныхъ дѣвицъ. Госпожи Шарнье и Пѣвцова директрисы сихъ учебныхъ заведеній. Чистота и нарядность сихъ двухъ домовъ воспитанія весьма замѣчательны. Чтобы дополнить предъ-обѣденное время, мы поѣхали съ великимъ княземъ въ Донской монастырь. Вечеромъ отъ 5 до 6 часовъ былъ у е. выс. г. Фишеръ, извѣстный естествениспытатель, который показывалъ ему различныя ископаемыя, находимыя въ окрестностяхъ Москвы. Великій князь осматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ и дѣлалъ прекрасные отвѣты ученому профессору, изумленному находить такія большія свѣдѣнія объ естественной исторіи въ 10-ти лѣтнемъ великомъ князѣ. Вечеромъ были во французскомъ театрѣ.

10-го ноября. Вторникъ. Великій князь занимался чтеніемъ тетради, составленной Карамзинымъ для государыни императрицы Маріи Федоровны, заключающей историческое описаніе замѣчательностей Москвы и ея окрестностей. Его выс. сопровождалъ государыню императрицу въ домъ трудолюбія, обязанный существованіемъ и устройствомъ благотворительнымъ лицамъ подъ предѣдательствомъ княг. Татіаны Голицыной, супруги московскаго военнаго генераль-губернатора. Г. Демидовъ пожертвовалъ на это заведеніе великолѣпный домъ и садъ, а г. Губинъ 150.000 р. на устройство.

Это благотворительное заведеніе превосходить всѣ прочія чистотой и порядкомъ. Тотъ-же Губинъ пожертвовалъ капиталъ въ 250,000 р. на проценты коего содержатся двѣнадцать молодыхъ дѣвиць. Было вечернее собраніе у государыни императрицы; е. выс. былъ приглашёнъ. Играли въ различныя игры, въ промежутки коихъ г. Щепкинъ читалъ два монолога.

11-го ноября. Среда. Утромъ ѣздили смотрѣть дачу Орлова; эта прекрасная собственность приобретена только что государемъ императоромъ. Проходя по комнатамъ, великій князь вспоминалъ малѣйшія обстоятельства своего пребыванія здѣсь, въ 1826 году, и къ счастью, съ большимъ удовольствіемъ. Оттуда проѣхали въ Симоновъ монастырь, откуда любовались величественною красотою Москвы. Послѣ обѣда е. выс. поѣхалъ со мною въ кадетскій корпусъ; великій князь прошелъ по классамъ и простился съ кадетами. Вечеромъ былъ балъ у кв. Сергія Голицына; великій князь на ономъ присутствовалъ и много веселился. Когда дамы замѣтили, что его выс. готовится къ отъѣзду съ бала, они подошли къ государю императору и просили позволить великому князю танцовать еще одинъ французскій кадрили; депутація имѣла успѣхъ и мы остались за полночь. Съ сердцемъ, исполненнымъ грусти, простился великій князь съ ихъ величествами.

12-го ноября. Четвергъ. Въ 7 часовъ е. выс. пошелъ въ спальню ихъ вел. и, простившись, отправился въ дорогу. Въ продолженіи цѣлаго дня, великій князь говорилъ объ удовольствіяхъ послѣдняго бала. Между прочимъ спросилъ у меня, которая изъ московскихъ дѣвиць болѣе мнѣ понравилась; я отвѣчалъ, что по моему всѣхъ милѣ княгиня (княжна?) Анна Щербатова; онъ улыбнулся и прибавилъ:

— «Да, рѣшительно, она самая миленькая и самая хорошенькая».

Къ обѣду мы прибыли въ Тверь, но мостъ чрезъ Волгу былъ не надеженъ, почему мы принуждены были провести здѣсь ночь.

13-го ноября. Пятница. Въ 6 часовъ утра оставили Тверь и прибыли въ Валдай въ 8 часовъ вечера; ночь провели у купца Корытникова.

14-го ноября. Суббота. Въ 6 часовъ утра мы выѣхали изъ Валдая и въ 6 часовъ пріѣхали къ обѣду и на ночлегъ на станцію Спасская Полисть. Великій князь, желая пуститься въ путь очень рано, легъ спать въ 7 часовъ.

15-го ноября. Воскресенье. Въ 3 часа утра оставили Спасскую Полисть и въ 9 часовъ прибыли въ Царское Село къ ея выс. княгинѣ Ловичъ, которую мы застали умирающею. Военный генераль-губернаторъ, комендантъ и другіе генералы и флигель-адъютанты . е. в. представлялись государю и наслѣднику.

У меня были судороги въ груди, заставившія меня остаться болѣе получаса въ Царскомъ Селѣ. Въ 11 часовъ мы пріѣхали во дворецъ; неожиданная радость ихъ выс. великихъ княженъ была невыразима. Разспросамъ и поцѣлуямъ не было конца. Въ продолженіи всего дня е. выс. рассказывалъ обо всемъ видѣнномъ имъ въ Москвѣ и въ дорогѣ.

16-го ноября. Понедѣльникъ. Великій князь началъ свои уроки, какъ будто они не были прерваны; вниманіе его въ продолженіи всѣхъ уроковъ было похвально.

17-го ноября. Вторникъ. Получено печальное извѣстіе о кончинѣ ея. выс. княгини Ловичъ, послѣдовавшей въ половинѣ второго часа ночи. Замѣчательно, что эта бѣдная принцесса могла предсказать вѣрно смерть свою; долго предъ симъ она утверждала, что не переживетъ годовщины несчастнаго дня, польской революціи, и дѣйствительно въ тотъ самый часъ, въ который вспыхнулъ мятежъ, княгиня почувствовала себя дурно и съ этого времени начались предсмертныя страданія, не прекращавшіяся до послѣдней ея минуты.

Въ продолженіи дня великимъ княземъ во всѣхъ отношеніяхъ я былъ чрезвычайно доволенъ.

18-го ноября. Среда.

19-го ноября. Четвергъ.

20-го ноября. Пятница.

} Отличные дни.

21-го ноября. Суббота. Сегодняшний день, какъ и вся эта недѣля, прошли такъ, что я не имѣлъ ни малѣйшаго случая быть недовольнымъ великимъ княземъ и его товарищами.

22-го ноября. Воскресенье. Его выс. читалъ четвертую главу евангелія Св. Луки; послѣ чего г. Павскій объяснялъ содержаніе книги Іова. Вечеромъ у великаго князя было нѣсколько молодыхъ людей и они забавлялись, представляя шарады въ дѣйствіяхъ. Въ продолженіи цѣлаго дня поведеніемъ е. выс. я былъ весьма доволенъ.

23-го ноября. Понедѣльникъ.

24-го ноября. Вторникъ.

25-го ноября. Среда.

} Прекрасные дни.

26-го ноября. Четвергъ. Поведеніемъ и ученіемъ е. выс. всѣ гг. учителя и я были чрезвычайно довольны. Гр. Чернышевъ, возвратившійся изъ Москвы, и генераль-адъютантъ Сухозанетъ, имѣвшій несчастіе потерять ногу при взятіи Праги, представлялись е. выс.; великій князь былъ весьма любезенъ, разговаривалъ довольно долго и спрашивалъ генерала Сухозанета о настоящемъ состояніи его здоровья.

Віельгорскій заболѣлъ сегодня катаральной лихорадкою.

27-го ноября. Пятница. Вчера въ 8 часовъ вечера имѣлъ я счастье получить письмо отъ е. в. государя императора изъ Москвы, въ которомъ е. в. приказать изволилъ мнѣ привезти е. выс. наследника въ Царское Село на погребеніе ея выс. княгини Ловичъ, куда и ихъ вел. изволятъ прибыть въ ночь. Почему, по окончаніи урока отъ 7 до 8 часовъ, мы выѣхали въ г. Царское Село. По прибытіи въ Царское, мы узнали, что государь императоръ тамъ уже находится съ 6 часовъ. Какъ только ея величество проснулась изволила, тотчасъ позвала къ себѣ великаго князя и много спрашивала о состояніи здоровья ихъ выс. великихъ княженъ. Государь императоръ обратился къ е. выс. съ слѣдующими словами:

— «Я весьма тобою доволенъ, потому что по рапортамъ г. Мердера я видѣлъ, что ты занимался съ большимъ стараніемъ; знай же, что ты не можешь сдѣлать меня довольнымъ иначе, какъ всегда учась съ тѣмъ же прилежаніемъ».

Погребеніе совершено въ первомъ часу. Много пышности, много

блеску, много великолѣпія, но мало слезъ; а между тѣмъ, кто, какъ не эта принцесса, образецъ ангельскаго благочестія, заслуживала ихъ. Въ 6 часовъ мы возвратились въ городъ.

28-го ноября. Суббота. Въ 7 часовъ вечера ихъ вел. изволили прибыть въ вождѣлѣнномъ здравіи въ Зимній дворецъ. Была истинная радость слышать радостныя восклицанія всей царской фамиліи, происходящія отъ великаго удовольствія снова увидѣться послѣ шести-недѣльной разлуки.

Рѣшительно можно сказать, что мало отцовъ семейства, которые были бы счастливѣе въ своемъ семействѣ государя, который могъ бы быть счастливѣйшимъ человѣкомъ, если-бъ его большое семейство имѣло хоть тѣнь сходства съ его малымъ семействомъ.

29-го ноября. Воскресенье. Въ присутствіи ихъ и. вел. и государя наслѣдника было совершено благодарственное молебствіе, въ церкви Зимняго дворца, по случаю совершеннаго прекращенія холеры, въ С.-Петербургѣ. Его выс. былъ на разводѣ. Вечеромъ были у великаго князя его товарищи по играмъ. Наслѣдникъ былъ со всѣми весьма любезенъ и предупредителенъ.

30-го ноября. Понедѣльникъ. Прекрасный день.

1-го декабря. Вторникъ. Поведеніе и прилежаніе е. выс. были похвальны.

Съ нѣкотораго времени великій князь беретъ уроки танцованія въ бальномъ костюмѣ, чтобы не казаться слишкомъ натянутымъ, когда ему придется явиться на балъ въ чулкахъ и башмакахъ. Его выс. все еще вальсируетъ слабо.

2-го декабря. Среда. Въ 12 часовъ наслѣдникъ былъ у е. выс. великаго князя Михаила Павловича, прибывшаго вчера въ С.-Петербургъ.

Его выс. только что получилъ передъ нашимъ прїѣздомъ богатую шпагу, украшенную брилліантами, съ надписью «за храбрость»; показывая оную наслѣднику, онъ сказалъ: «посмотрите, я только что получилъ эту шпагу отъ государя императора».

Прознося эти слова, великій князь замолчалъ, но глаза его наполнились слезами, удерживаемыми съ трудомъ.

3-го декабря. Четвергъ. }
 4-го декабря. Пятница. } Прекрасные дни.

5-го декабря. Суббота. Сегодняшній день какъ и вся недѣля были прекрасны. Его выс. былъ чрезвычайно прилеженъ и поведеніе было примѣрно.

Вечеромъ, одѣвшись въ полную форму Атаманскаго полка, его выс. принесъ поздравленіе государю императору и поднесъ е. вел. группу дворцовыхъ гренадеръ, нарисованныхъ имъ съ бронзовой фигуры, и два плана, одинъ представляющій редуть, другой—линію огней всѣхъ ретраншементовъ, находящихся въ системѣ временной фортификаціи. Его вел. весьма милостиво принялъ эти подарки, въ особенности фортификаціонные планы; государю императору не было извѣстно, что великій князь зналъ всю временную фортификацію и что онъ имѣлъ практическій курсъ артиллеріи. Время, въ продолженіи котораго гг. учителя не могли бывать у е. выс. по случаю карантина, было употреблено г. Юрьевичемъ на преподаваніе начальныхъ правилъ сихъ наукъ. Государь императоръ посѣтилъ великаго князя въ часъ ночи.

6-го декабря. Воскресенье. Его выс. наслѣдникъ имѣлъ удовольствіе узнать, что государь императоръ, въ воздаяніе достопамятныхъ подвиговъ и храбрости, оказанныхъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать полкамъ его выс. Павловскому гренадерскому права и преимущества старой гвардіи и Атаманскому знаки отличія на шапки съ надписью: «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года». При дворѣ былъ большой выходъ. Послѣ обѣдни великій князь отправился на гауптвахту поздравить своихъ храбрыхъ Павловскихъ гренадеръ, которые только что вступили въ карауль, и отслужилъ молебенъ.

Было большое представленіе и *baïce-main* у государыни императрицы; великій князь присутствовалъ. Вечеромъ былъ на балѣ; много танцевалъ и, возвращаясь къ себѣ, сказалъ мнѣ, что веселился. Всѣ его находятъ чрезвычайно милымъ, въ особенности дамы. Но должно, дѣйствительно, отдать ему справедливость, что нѣтъ другого ребенка его возраста, имѣющаго столько ловкости, достоинства, любезности и болѣе красивыхъ формъ, чѣмъ у него. Государь императоръ изволилъ возвести въ княжеское достоинство его сятельство графа Кочубея и въ графское генераль-адъютанта генерала отъ кавалеріи Васильчикова.

7-го декабря. Понедѣльникъ. Не смотря на то, что его выс. легъ спать въ 12 часовъ, онъ долженъ былъ встать въ 6 часовъ и приготовить уроки. Отъ 9 до 10 гуляли пѣшкомъ, отъ 12 до часу у великаго князя былъ урокъ верховой ѣзды, отъ 8 до 9 гимнастика; при всемъ этомъ усталости не было замѣтно.

8-го декабря. Вторникъ. Государь наслѣдникъ въ 9 часовъ былъ въ казармахъ Павловскаго полка, гдѣ былъ во всѣхъ четырехъ ротахъ 2 баталіона, поздравилъ ихъ съ повышеиешъ и поздравленіе это было принято съ крикомъ «ура!».

Возвратившись домой, великій князь послалъ въ баталіонъ тысячу рублей и выразилъ желаніе, чтобы всякому унтеръ-офицеру было выдано по два рубля, а рядовымъ по 1 рублю.

9-го декабря. Среда. Прекрасный день.

10-го декабря. Четвергъ. Гг. Эртель, Варрандъ и Арсеньевъ не были по случаю нездоровья. По этой причинѣ великій князь занимался у гг. Жуковскаго, Триніуса и Жилля.

11-го декабря. Пятница. Весьма хорошій день въ отношеніи ученья, можно было бы сказать тоже въ отношеніи поведенія, если бы я не былъ принужденъ сдѣлать строгое замѣчаніе великому князю за страсть его къ спорамъ, что показываетъ желаніе быть правымъ, а желаніе это можетъ быть порождено гордостью, грѣхомъ смертельнымъ.

12-го декабря. Суббота. Въ 12 часовъ наслѣдникъ сопровождалъ ихъ вел. въ крѣпость, гдѣ была совершена панаеида за упокой души въ Бозѣ почившаго императора Александра.

Во время урока г. Огюста его выс. выказалъ нетерпѣливость при замѣчаніяхъ во время вальса. Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю, что великому князю случается чаще показывать нетерпѣніе, когда ему дѣлаютъ замѣчаніе, и что желаніе быть правымъ растетъ день отъ дня больше и больше. Ему невозможно съ перваго раза быть виноватымъ

13-го декабря. Воскресенье. До 8 часовъ великій князь готовилъ свои уроки, потомъ читалъ VII главу евангелія св. Луки и нѣсколько отрывковъ изъ Христіанскаго Чтенія.

Послѣ обѣдни были у г. Монферрана, архитектора, чтобы видѣть модель лѣсовъ, предполагаемыхъ къ постройкѣ для поднятія Алексан-

дровской колонны. На платформѣ, которая будетъ вышиною равна съ балкономъ дворца, будетъ 60 кабестоновъ, у которыхъ будетъ 2000 человекъ. Его выс. осматривалъ все съ большимъ вниманіемъ и въ особенности прекрасные рисунки, представляющіе различные виды карьеровъ, изъ которыхъ добываютъ гранитъ. День проведенъ тихо. Вечеромъ были въ Эрмитажѣ. Давали «Les deux frères»,—комедія, переведенная съ нѣмецкаго Коцебу. Очень миленькая пѣса. Были весьма трогательныя сцены, но великій князь не проронилъ слезы, между тѣмъ какъ всѣ присутствующіе плакали.

— «Мнѣ очень хотѣлось плакать, но я удержался», сказалъ мнѣ великій князь, когда я ему выразилъ мое удивленіе, не видавъ его расстроганнымъ.

14-го декабря. Понедѣльникъ. Въ 12 часовъ его выс. ѣздилъ въ Аничковскій дворецъ, гдѣ присутствовалъ при благодарственномъ молебнѣ, совершаемомъ ежегодно въ присутствіи генераловъ и штабъ-офицеровъ, состоявшихъ при особѣ государя императора въ этотъ день въ 1825 году. Вечеромъ былъ балъ, на которомъ великій князь оставался до одиннадцатаго часа.

15-го декабря. Вторникъ. Весьма хорошій день.

16-го декабря. Среда. Во время урока фехтованія у г. Северрика я просилъ великаго князя стоять прямо. Онъ, вмѣсто того, чтобъ исполнить приказаніе, отвѣтилъ мнѣ:

— «Я стою прямо, какъ вы видите».

Дабы не начинать лишняго пренія, я замолчалъ; но послѣ урока я ему представилъ (неодобрительность) его поведенія противъ меня и всю печаль, мнѣ причиняемую всякій разъ, что я вижу его поддающагося его склонности къ спору, которая болѣе ничего, какъ желаніе быть правымъ, даже когда виновать.

— «Ваше поведеніе, в. выс., разрушаетъ мое здоровье и увѣряю васъ, что попеченія мои о васъ не заслуживаютъ, чтобы вы были моимъ мучителемъ».

Слова мои сильно тронули великаго князя, онъ заплакалъ и просилъ у меня прощеніе. Мы помирились, но когда великій князь пошелъ къ государю императору, имѣя красные глаза, принужденъ былъ признаться его величеству въ винѣ своей противъ меня.

— «Уходи, ты не достоинъ подойти ко мнѣ послѣ такого поведенія,

ты забыть, что повиновение есть долгъ священный, и что я все могу простить, исключая неповиновения».

Я счелъ долгомъ открыть предъ государемъ императоромъ главные недостатки великаго князя, которые преимущественно суть надмѣнность, родъ сопротивленія при исполненіи приказаній, и страсть спорить, доказывающую желаніе быть правымъ; все это имѣетъ началомъ гордость. Его величество рѣшилъ, что на будущее время великій князь не будетъ имѣть права носить мундиръ по воскресеньямъ, если ему случится показать малѣйшее непослушаніе.

17-го декабря. Четвергъ. Прекрасный день.

18-го декабря. Пятница. Прекрасный день. Мы присутствовали при экзаменѣ воспитанницъ Патріотическаго института. Государыня императрица, какъ и всѣ присутствующія, была чрезвычайно довольна успѣхами этихъ молодыхъ дѣвицъ.

19-го декабря. Суббота. Прекрасный день.

20-го декабря. Воскресенье. Отъ 6 до 8 занимались приготовленіемъ уроковъ; отъ 8 до 10 читали евангеліе св. Луки главу VIII, которую объяснялъ г. Павскій. Послѣ обѣдни великій князь сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ; вернувшись, имѣлъ удовольствіе видѣть у себя гр. Сухтельна, оренбургскаго генераль-губернатора.

За обѣдомъ у насъ были только трое Фредериксъ, потому что великій князь долженъ былъ быть въ Эрмитажѣ. Послѣ обѣда стояли въ караулѣ, великій князь командовалъ. Мы оставили Эрмитажъ послѣ первой пьесы. Его выс. было бы пріятнѣе остаться долѣе, но я счелъ полезнѣе лечь ему пораньше спать.

21-го декабря. Понедѣльникъ. Весьма хорошій день.

22-го декабря. Вторникъ. Съ 12 до 1 часу великій князь былъ въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ нѣкоторыя дѣвицы, назначенныя къ выпуску въ этомъ году изъ заведенія, играли на фортепіано и пѣли. День проведенъ хорошо.

23-го декабря. Среда. Великій князь дурно приготовилъ урокъ для г. Липмана и по существующимъ законамъ былъ содержанъ и діетѣ. Вообще вниманіе его могло быть лучше во время уроковъ

гг. Жилля и Липмана. Поведеніе его не было похвально; онъ позволилъ себѣ оправдываться, когда я дѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ занимается работою, ему не предписанной...

24-го декабря. Четвергъ. День проведенъ безъ утрека. Вечеромъ между 7 и 8 часами ихъ выс., великій князь наслѣдникъ, великія княжны и великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи, Віельгорскій, Паткуль, дѣти баронессы Фредериксъ и мои ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ звука колокольчика и открытія дверей ротонды, въ которой приготовлены были подарки. Когда всѣ особы, приглашенныя присутствовать при столь миломъ праздникѣ, были собраны, сигналъ былъ данъ и каждый ребенокъ спѣшилъ войти во владѣніе ему назначенныхъ подарковъ. Радость была великая и общая. Его выс. наслѣдникъ получилъ въ подарокъ слѣдующія сочиненія отъ государя императора: 1) «Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des nations diverses de l'Empire de Russie. 2 vol. 2) Recueil de petites marines par Bougeau. 3) Cours d'histoire des états européens modernes, par Schoell, les 15 premiers volumes».

Кромѣ того, множество различныхъ вещей. Ящикъ съ пистолетами, ружье, саблю, бюстъ Петра Великаго изъ композиціи. Государыня императрица изволила подарить: прекрасную турецкую саблю, вице-мундиръ Кавалергардскаго полка, 27 тарелокъ и 5 большихъ чашекъ, съ хорошенкими рисунками, представляющими русскія войска въ разныхъ видахъ и разныхъ родовъ. Сочиненія доставили великому князю наибольшее удовольствіе, до другихъ предметовъ онъ былъ совершенно равнодушенъ. Въ 9 часовъ вечера праздникъ кончился и всякій съ своими подарками въ рукахъ вернулся къ себѣ веселый и довольный.

25-го декабря. Пятница. До 10 часовъ его выс. занимался приготовленіемъ уроковъ и бесѣдовалъ съ г. Павскимъ, послѣ чего былъ у ихъ вел. Будучи у государыни императрицы, онъ получилъ отъ нея порученіе, побѣжалъ, упалъ и разорвалъ себѣ панталоны до такой степени, что принужденъ пережѣнить одежду; это приключеніе было причиною, что его выс. явился въ церковь позже ихъ вел. Послѣ обѣдни его преосвященство, митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій, съ чинами святѣйшаго синода, служилъ благодарственный и торжественный молебень въ память избавленія церкви и державы Россійскія отъ нашествія французовъ въ 1812 году. Генераль Красовскій представлялся его выс., который, между прочимъ, сказалъ генералу, что въ арсеналѣ своемъ имѣетъ большое турецкое ружье, суве-

пирь его пр—ва, на что сей послѣдній отвѣчалъ, прося позволеніе прислать ему каску и шлемъ, принадлежавшій Гераклию, знаменитому побѣдителю Персовъ и взятый въ Эрзерумѣ. Вечеромъ было собраніе у государыни императрицы, играли въ разныя игры и танцовали. Великій князь и его товарищи участвовали въ сихъ удовольствіяхъ. Игры были весьма веселыя и всѣ много забавлялись.

26-го декабря. Суббота. До 10 часовъ его выс. заниматься изволилъ приготовленіемъ уроковъ; великій князь съ гг. учителями будетъ заниматься не раньше какъ послѣ новаго года, потому ему предписали заниматься одному. Отъ 6 до 8 часовъ французскія сочиненія; взгляды на Пуническія войны. Отъ 8 до 9 различныя занятія на нѣмецкомъ языкѣ. Отъ 10 до 12 сочиненія по русски, взгляды на столѣтіе отъ 1362—1462 годы русской исторіи. Отъ 1 до 3-хъ чтеніе; великій князь будетъ читать изъ Плутарха жизнь Павла Эмилиа. Послѣ обѣда будетъ продолжать чтеніе Телемака.

Сегодня былъ маленькій вечеръ для дѣтей, танцовали много, но въ 9 часовъ все было кончено.

27-го декабря. Воскресенье. Ея имп. выс. государыня великая княгиня Елена Павловна изволила прибыть вчера въ 8 часовъ вечера въ С.-Петербургъ. Послѣ обыкновенныхъ занятій и обѣди, которую служили въ маленькой дворцовой церкви, мы посѣтили ея выс. великую княгиню Елену Павловну, которую нашли совершенно здоровою. Вернувшись, мы сдѣлали прогулку пѣшкомъ, не смотря на морозъ въ 14°. Вечеромъ былъ балъ на 500 особъ въ большомъ Концертномъ залѣ; его выс. на ономъ оставался до четверти двѣнадцатаго.

28-го декабря. Понедѣльникъ. День проведенъ тихо; занимались прилежно по предписанному плану.

29-го декабря. Вторникъ. Его выс. и его товарищи занимались усердно въ продолженіи дѣлаго дня. Вечеромъ были въ театрѣ, видѣли нѣмецкаго актера г. Линденштейна въ роли: «Meister Fiys и г. Воротникова въ роли «Филатки». Всѣ зрители много веселились.

30-го декабря. Среда. Я былъ принужденъ сдѣлать великому князю замѣчаніе, что онъ во время занятій былъ часто разсѣянъ. Его высочество сопровождалъ государыню императрицу къ княгинѣ Наталіи Голицыной.

31-го декабря. Четвергъ. Не смотря на морозъ въ 12°, мы гуляли пѣшкомъ. Его выс. до сихъ поръ гуляетъ безъ перчатокъ. Онъ легко забнетъ, но во время гулянія выдерживаетъ однако жъ холодъ довольно хорошо.

К. К. Мердеръ.

ВОЙНА СЪ ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ 1831 ГОДА

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

Графъ Дибичъ — императору Николаю I.

ЛШ¹⁾.

Сѣницы, 5-го марта 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, вчера вечеромъ прибылъ Чевкинъ; но я до него еще получилъ ваши августѣйшія письма съ фельдъегеремъ Рибинимъ. Согласно приказаніямъ в. в., которыя онъ мнѣ сообщилъ, я всегда буду прилагать къ моимъ письмамъ и къ подробному журналу, который я буду посылать графу Чернышеву, записку болѣе обстоятельнаго и интимнаго содержанія; но я заранѣе долженъ извиниться передъ в. и. в. въ томъ, если эти записки не всегда будутъ полны. Невольною причиною этого будетъ, главнымъ образомъ, трудность сообщенія съ отдаленными отрядами.

Гвардейскій корпусъ вступаетъ и будетъ стоять, согласно приказаніямъ вашимъ, на квартирахъ между Наревомъ и Бугомъ, безо всякаго особеннаго назначенія.

Я осмѣлюсь однако, государь, испросить вашего разрѣшенія перевести часть гвардіи на правый берегъ Нарева, когда она достаточно отдохнетъ и дороги сдѣлаются лучше. Отрядъ Сакена, который будетъ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XII, январь, стр. 93—122, февраль, стр. 381—400; т. XLII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124, май, стр. 281—308, июнь, стр. 511—530.

подрѣпленъ съ прибытіемъ второго армейскаго корпуса, будетъ всегда составлять авангардъ гвардіи и доидеть до р. Вкры и даже до Вислы. Этимъ много было бы выиграно. Само собою разумѣется, что это движеніе можетъ быть произведено лишь послѣ моей переправы черезъ Вислу, но срокъ ея невозможно опредѣлить до тѣхъ поръ, пока дѣла Толя не примутъ болѣе опредѣленнаго оборота. Порученіе, возложенное на Мѣчельскаго, осталось повидимому безъ послѣдствій.

Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о неприятелѣ съ самаго вскрытія Вислы и съ тѣхъ поръ, какъ они разстрѣляли нѣсколько евреевъ, которыхъ мы отправили въ Варшаву. Перебѣжчики говорятъ, что въ Варшавѣ стоитъ не много войска, что довольно значительныя силы расположились лагеремъ близъ Пясечнаго, сдѣлали нѣсколько окоповъ противъ Ковачева и что у нихъ есть сильныя отряды по направленію къ Гурѣ и Кохеницѣ.

Я передалъ Толю приказанія в. в. относительно Пулавы, такъ какъ въ ней стоятъ войска этого корпуса.

Когда намъ удастся съ Божьей помощью переправиться черезъ Вислу, то я исполню въ точности приказаніе в. в.

Я понимаю, насколько дѣла Европы дѣлаютъ желательнымъ быстрое окончаніе дѣлъ здѣсь, но по мѣрѣ моихъ умственныхъ силъ и по мѣрѣ обстоятельствъ я не осмѣливаюсь преступить приказаній в. в.—въ виду успѣха всего дѣла не рисковать такими военными операціями, которыя по условіямъ мѣстности и погоды могли бы повредить будущимъ успѣхамъ главныхъ силъ арміи, и надѣюсь, что Господь благословитъ эту настойчивость, хотя бы успѣхъ всей войны отъ этого и замедлился.

Мои достойные товарищи по оружію повергають къ стопамъ в. и. в. ихъ глубочайшую признательность за вашу августѣйшую память о нихъ. Также осмѣливаюсь просить васъ, государь, повергнуть и мою признательность и глубочайшее почтеніе къ стопамъ е. в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ совершенной благодарности и преданности, съ коими имѣю счастье быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрнопопдаанный И. Дибичъ-Забалканскій.

LIV.

Графъ Дибичъ — графу Чернышеву.

М. Шеница, 4-го марта 1831 г.

Вашему сятельству извѣстно, что я предполагалъ дать общее сраженіе 14-го, а не 13-го числа, въ томъ уваженіи, что гренадерскимъ полкамъ, подъ командою генерала князя Шаховскаго прибывшимъ, необходимо было отдохновеніе, на которое и назначалъ я 13-е число. Когда же 13-го числа завязалось у князя Шаховскаго дѣло, то я приказалъ тотчасъ начать дѣйствіе въ 1-мъ и 6-мъ пѣхотныхъ корпусахъ и придвинулъ резервы. Изъ прилагаемой у сего для всеподданнѣйшаго доклада подлинной диспозиціи, заготовленной, въ числѣ прочихъ, для генераль-адъютанта графа Палена, его императорское величество усмотрѣть соизволитъ всѣ предначертанныя на 14-е число движенія и дѣйствія.

Диспозиція къ атакѣ непріятеля, расположеннаго предъ Прагою на 14-е число февраля 1831 года.

Поелику главныя силы непріятельскія, по сдѣланнымъ рекогносцировкамъ, находятся при Гроховѣ, частію направо и налѣво отъ шоссе, ведущаго изъ Минска въ Прагу, и за лѣсомъ, передъ фронтомъ корпуса барона Розена находящимся, который также во власти непріятеля, чрезъ что позиція его съ фронта довольно крѣпка и не даетъ намъ возможности развернуть наши силы, иначе какъ въ слазахъ и почти подъ выстрѣлами его артиллеріи, то во избѣжаніе сей первой неудобности и чтобы дать болѣе способовъ превосходной нашей кавалеріи съ конною артиллеріею дѣйствовать на непріятеля назначаются слѣдующія общія движенія къ исполненію.

Въ два часа пополудни выступаетъ корпусъ князя Шаховскаго изъ занимаемой имъ нынѣ позиціи и идетъ чрезъ деревню Бѣлолѣнку; прейдя оную версты полторы по дорогѣ, становится по баталонно въ колоннахъ къ атакѣ на полныя дистанціи въ три линіи, имѣя передъ лѣвымъ флангомъ деревню Брудно, которую занимаетъ пѣхотою и казаками, а правымъ поперегъ старой большой дороги такъ, чтобы деревня Бѣлоленка была бы за пѣхотными линіями. Всю при себѣ имѣющуюся артиллерію выдвигаетъ передъ фронтъ свой на сто шаговъ; кавалерія князя Шаховскаго становится на правомъ флангѣ его пѣхоты, а казаки дѣйствуютъ еще правѣе по шоссе къ Прагѣ. Какъ 3-му резервному кавалерійскому корпусу и гвардейскому отряду слѣдуетъ сдѣлать почти маршъ для достиженія своего мѣста въ общемъ

ордеръ-де-баталіи, то и выступают сіи части до начатія сраженія въ два часа пополудни, имѣя при себѣ двѣ саперныя роты литовскаго сапернаго баталіона, и слѣдуютъ по дорогѣ, которую укажетъ имъ самъ генераль-маіоръ Герштенцвейгъ и офицеры генеральнаго штаба, при нихъ находящіяся и заранѣе осмотрѣвшіе дороги; 3-й резервный кавалерійскій корпусъ такъ снаровить свой маршъ, чтобы непрерывно къ пяти часамъ пополудни быть на позиціи въ двѣ линіи въ колоннахъ. Три полка 3-й уланской дивизіи и лейбъ-гвардіи уланскій его императорскаго высочества цесаревича полкъ составляютъ первую линію колоннъ, кирасиры въ 500-хъ шагахъ за ними противъ интерваловъ составляютъ вторую линію оныхъ. Вся конная артиллерія сей кавалеріи, состоящая изъ 48-хъ орудій, становится въ третьей линіи за кирасирами. Сей корпусъ занимаетъ свою позицію передъ деревнею Бѣлоленкою, передъ которою, какъ выше сказано, располагается и корпусъ князя Шаховскаго версты полторы впереди, по правую и лѣвую сторону старой дороги, ведущей вправо.

Гвардейскій отрядъ безъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка и 2-я гренадерская дивизія становятся позади деревни Кавендзинъ въ колоннахъ къ атакѣ; гвардейскій отрядъ на правомъ флангѣ, гренадеры на лѣвомъ. Сіи послѣдніе въ три линіи, обѣ сіи части войскъ съ ихъ пѣшею артиллерію составляютъ главный резервъ арміи — 6-ой корпусъ трогается съ мѣста въ три часа пополудни и 25-ю дивизіею обходитъ деревню Кавендзинъ, оставляя такъ, чтобы лѣвымъ флангомъ примкнуть къ деревнѣ Кавендзинъ; 24-я дивизія примыкаетъ къ деревнѣ Кавендзинъ правымъ своимъ флангомъ, чрезъ что сія деревня будетъ въ интервалѣ обѣихъ сихъ дивизій, которыя дѣлаютъ фронтъ къ Прагѣ.

Передъ деревнею Кавендзинъ фронтомъ къ Прагѣ выставляется артиллерія сего корпуса; на лѣвомъ флангѣ 24-й дивизіи становятся три полка литовской уланской дивизіи. Въ резервъ у 6-го корпуса становится литовская гренадерская бригада за 25-ю пѣхотною дивизіею или эшеленомъ немного противу праваго фланга оной, какъ мѣсто позволить. 1-й пѣхотный корпусъ оставляетъ по лѣвую сторону шоссе ту самую дивизію, которая при оной уже стоитъ, и занимаетъ отъ сей дивизіи нѣкоторою частію войскъ лѣсъ, влѣво отъ шоссе находящійся.

Три полка: 1-й гусарскій, 1-я бригада, 2-й конно-егерской дивизіи и ново-архангельскій уланскій полкъ составляютъ кавалерію лѣваго фланга въ командѣ графа Палена и становятся направо отъ шоссе. Прочія дивизіи сего корпуса трогаются съ мѣста въ четыре часа пополудни для занятія своихъ мѣстъ и примыкаютъ одна къ другой

такъ, чтобы 3-я дивизія стала влѣво отъ 24-й дивизіи, а на лѣвомъ флангѣ 3-й дивизіи стала бы 2-я дивизія.

Всѣ пѣхотныя дивизіи строятся въ три линіи въ ордеръ-де-батали. Вся кавалерія въ дивизионныя колонны изъ середины.

Правымъ флангомъ арміи, состоящимъ изъ корпусовъ князя Шаховскаго и графа Витта, командуетъ генераль отъ инфантеріи князь Шаховской.

Центромъ изъ 24-й и 25-й пѣхотныхъ литовской уланской дивизій и резервомъ, собственно къ 6-му корпусу принадлежащимъ и изъ литовской гренадерской бригады состоящимъ, командуетъ генераль-адъютантъ баронъ Розень.

Лѣвымъ флангомъ, состоящимъ изъ 1-й, 2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій, трехъ полковъ: 1-й гусарскій, 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи и ново-Архангельскаго уланскаго полка, командуетъ генераль отъ кавалеріи графъ Палень 1-й.

Резервъ, состоящій изъ 2-й гренадерской дивизіи гвардейскаго отряда безъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, состоитъ въ командѣ его императорскаго высочества цесаревича. Главный артиллерійскій резервъ, состоящій изъ 17-ти конныхъ и 32-хъ пѣшихъ орудій, остается въ непосредственномъ распоряженіи начальника артиллеріи, который слѣдуетъ и располагается за главнымъ резервомъ, за деревнею Кавендиново расположеннымъ. Вообще главный резервъ арміи остается въ непосредственномъ распоряженіи господина главнокомандующаго; прочими частями войскъ распоряжаются сами господа корпусныя командиры по ихъ усмотрѣнію.

Во избѣжаніе большой потери въ людяхъ рекомендуется сколько можно менѣе заниматься ружейною стрѣльбою, паче въ лѣсахъ или пересѣченыхъ мѣстахъ, а болѣе дѣйствовать холоднымъ ружьемъ, въ штыки, въ сомкнутыхъ колоннахъ съ барабаннымъ боемъ.

Артиллерія старается подъѣзжать на картечный выстрѣлъ болѣе легкими и конными орудіями и перемѣняетъ позиціи отнюдь не цѣлою батареею, но по дивизионно, чрезъ что огонь не прерывается и одна часть другую подкрѣпляетъ.

Кавалерія дѣйствуетъ въ атакахъ такъ, чтобы всегда быть эшелонированной съ фланговъ, то есть чтобы атакующіе дивизионы имѣли бы на флангахъ своихъ сосѣдніе дивизионы въ 100 или 150 шагахъ сзади.

Вообще замѣтить должно, что позиція непріятеля такова, что если не употребить быстроту въ дѣйствіяхъ, тогда онъ легко укрыться можетъ въ прагское укрѣпленіе; напротивъ того, если дѣйствіе будетъ быстрое, то будетъ стѣсненъ къ оному съ чувствительною потерею.

Господинъ главнокомандующій находится будетъ въ началѣ дѣйствія при деревнѣ Кавендзинѣ, куда посылать рапорты.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Поелику отъ неожиданнаго нападенія должно ожидать большею частію успѣхъ, то и предписывается:

1) На передовыхъ постахъ усугубить осторожность и никакихъ разговоровъ ни днемъ, ни ночью на постахъ не имѣть, дабы черезъ какую нибудь неосторожность не открыть наши намѣренія.

2) Въ бивакахъ сохранить тѣ огни, которые мы обыкновенно имѣемъ, не прибавляя и не убавляя оныхъ.

3) При перемѣнѣ позиціи, новыхъ огней не раскладывать, а въ оставленныхъ позиціяхъ биваковъ не сжигать, что обыкновенно случить неприятелю сигналомъ какой нибудь перемѣны въ лагерѣ.

4) Всѣ движенія дѣлать безъ шума и чтобъ войска не оттягивались.

Офицерамъ и баталіоннымъ командирамъ имѣть за сѣбѣ строгое наблюденіе и быть на своихъ мѣстахъ.

5) Наканунѣ сраженія, въ 6 часовъ пополудни, всѣ партикулярные обозы 1-го корпуса отправляются по дорогѣ въ Милосну; 6-го корпуса по дорогѣ въ Окуневъ.

Крестьянскія фурманки подвезанія (?) зерновой фуражъ и провіантъ, употребить для отвоза раненымъ, коимъ перевязку дѣлать: 1-му корпусу при шоссе у корчмы Ваверъ, а 6-го корпуса и праваго фланга арміи при деревнѣ Кавендзинѣ.

Подлинная утверждена господиномъ главнокомандующимъ арміею. Генераль-адъютантъ графъ Толь.

13-го февраля 1831 г.

Гл. кв. д. Милосна.

Командиру 1-го пѣх. корп. г. ген.-ад. и кав. гр. Палену 1-му.

LV.

Репортъ гр. А. И. Чернышеву—отъ ген.-ад. Нейдгарта.

М. Шеница, 5-го марта 1831 г.

Господинъ главнокомандующій арміею, назначивъ устроить переправу чрезъ р. Вислу при Тырчинѣ и между тѣмъ для отвлеченія вниманія непріятели въ то же время устраивать переправы при Тарновецѣ и Карчевѣ, которыя впрочемъ съ переходомъ арміи на лѣвый берегъ и съ приближеніемъ къ Варшавѣ равнымъ образомъ дѣйствительно должны быть готовы, изволилъ назначить на всѣхъ прописанныхъ трехъ пунктахъ построеніе мостовъ и приказалъ приступить немедленно и со всею дѣятельностію къ работамъ, нужнымъ въ семъ предположеніи, но самымъ скрытнымъ образомъ. Для прикрытія же сихъ работъ предписано расположить 2-ю пѣхотную дивизію такимъ образомъ, чтобы одному егерскому полку съ 4-мя легкими орудіями находиться въ Тарновецѣ, а другому съ 4-ю легкими орудіями въ Варкоцинѣ. Одинъ же пѣхотный полкъ съ 8-ю батарейными орудіями приказано помѣстить при устьѣ рѣки Вепржа. Сей послѣдній съ батарейною ротой располагается такимъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы владѣть фарватеромъ Вислы и не допустить никакого сплавленія, и чтобы всѣ суда и плоты, кои съ очищеніемъ рѣки отъ льда могутъ идти внизъ, были останавливаемы и вводимы въ р. Вепржъ, а тѣ изъ нихъ, кои бы покушались, не смотря на запрещеніе, пройти мимо, были бы останавливаемы и загоняемы въ Вепржъ огнемъ артиллеріи, въ крайности же и уничтожаемы сильнымъ дѣйствіемъ оной.

Таковая мѣра предписана и на пунктахъ Тарновецѣ и Варкоцинѣ, на каковой конецъ, и назначено (туда) по 4-е орудія.

Что же касается до якорей и якорнаго каната и прочихъ мостовыхъ потребностей, то о приобрѣтеніи оныхъ и высылкѣ къ арміи предписано VI-му округу путей сообщенія, на что отпущена и сумма. Часть таковыхъ матеріаловъ уже симъ округомъ отправлена чрезъ Брестъ. Сверхъ того, дабы имѣть все сіе сколь можно поспѣшнѣе, сдѣлано распоряженіе о приобрѣтеніи того, что пайти можно по рѣкѣ Бугу въ Царствѣ Польскомъ.

О всѣхъ сихъ распоряженіяхъ имѣю честь донести вашему сіятельству.

Генераль-адъютантъ Нейдгартъ.

LVI.

Всеподд. рапортъ графа Дибича—императору Николаю.

М. Шеница, 5-го марта 1831 г.

Генераль-маіоръ Балбековъ, имѣвшій первоначально назначеніе съ резервными баталіонами Минскаго и 49-го егерскаго полковъ слѣдовать въ г. Лублинъ, для содержанія гарнизона послѣ случившагося въ Устилугѣ происшествія, и съ приближеніемъ генераль-лейтенанта барона Крейца къ границѣ Россіи, получилъ отъ сего генерала, чрезъ офицера, посланнаго съ партією, изъ эскадрона Финляндскаго драгунскаго полка состоящую, приказаніе слѣдовать на присоединеніе къ командируемому имъ отряду; вслѣдствіе чего 24 февраля онъ и перешелъ границу, а 25-го прибылъ на ночлегъ въ м. Войсловицы.

Узнавъ чрезъ посланные разъѣзды о нахожденіи въ 6-ти верстахъ отъ него, въ м. Гробовицѣ, мятежниковъ въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ, въ составѣ пѣхоты и кавалеріи съ артиллерією, составлявшихъ вѣроятно передовныя войска Дверницкаго, бывшаго тогда въ Красноставѣ, видя недоброжелательство жителей, коихъ подозрѣвалъ въ готовности къ предательству, и боясь, съ одной стороны, съ слабымъ своимъ отрядомъ быть обойденнымъ и отрѣзаннымъ отъ Устилуга, а съ другой стороны, даже и пробившись чрезъ непріятеля, видя невѣрность соединенія съ генераль-лейтенантомъ барономъ Крейцомъ, ибо, полагая его въ движеніи, не имѣлъ вѣрнаго свѣдѣнія, гдѣ онъ находится — рѣшился, не дожидаясь ночи, начать немедленно отступленіе въ предѣлы Россіи. Сей небольшой отрядъ, отошедъ около 15-ти верстъ, остановился для отдохновенія, и генераль-маіоръ Балбековъ узналъ, что, вслѣдъ за его выступленіемъ изъ м. Войсловицы, непріятель занялъ оное въ значительныхъ силахъ, имѣя съ собою конную артиллерію, и слѣдуетъ за нимъ далѣе. Отправя впередъ обозы, генераль-маіоръ Балбековъ, послѣ краткаго отдохновенія, пошелъ на Устилугъ, но на разсвѣтѣ 26-го числа былъ настигнутъ непріятельскою кавалерією, которая окружила небольшой его аріергардъ. Генераль-маіоръ Балбековъ съ полу-эскадромъ драгунъ (привезшимъ ему приказаніе генераль-лейтенанта барона Крейца) и 44-мя казаками, бывшими при отрядѣ, лично ударилъ на мятежниковъ и поддержалъ свой аріергардъ. Но мятежники, вышедъ въ сіе время изъ лѣсу уже въ большихъ силахъ съ 4-мя орудіями, вновь атаквали его. Баталіоны Минскаго и 49-го егерскаго полковъ, отражая натискъ непріятеля, отступили предъ превосходными силами онаго въ совершенномъ порядкѣ, въ чемъ сви-

дѣтельствуеть незначительность потери убитыми. Во время отступления, при прослѣдованіи лѣсстаго дефиле, егеря такъ хорошо были размышаны по лѣсу, что эскадронъ непріятельской кавалеріи, не замѣтивъ ихъ и думая нанести въ тѣснинѣ рѣшительный ударъ баталіону Минскаго полка, наскочилъ на застрѣльщиковъ 49-го егерскаго полка и потерялъ до 60-ти человекъ убитыми. Такимъ образомъ генераль-маіоръ Балбековъ отступалъ на пространствѣ до 25-ти верстъ до м. Городло, при самой границѣ находящагося, въ совершенномъ порядкѣ, не смотря ни на безпрестанныя покушенія мятежниковъ, ни на чрезвычайную трудность дороги.

Отъ продолжительности марша остались на дорогѣ усталыми Минскаго баталіона: оберъ-офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 15, и 49-го егерскаго баталіона: оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 10 и нестроевой 1, кои и взяты въ плѣнъ. Потеря убитыми состоитъ только въ нѣсколькихъ рядовыхъ.

Утомленные мятежники оставили, наконецъ, отрядъ въ покоѣ и генераль-маіоръ Балбековъ возвратился въ Устилугъ, а потомъ, во ожиданіи сближенія полковъ 11-й пѣхотной дивизіи къ Дубно, перешелъ во Владиміръ. Въ рапортѣ о семъ происшествіи онъ отдаетъ всю справедливость баталіоннымъ командирамъ Минскаго полка: подполковнику Балицкому и 49-го егерскаго подполковнику Паскану за оказанное ими мужество и благоразумную распорядительность и командовавшему драгунскимъ полускадрономъ Финдляндскаго драгунскаго полка поручику Сухачеву въ отличной его храбрости.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести о семъ вашему императорскому величеству. Генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

LVII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Шеница, 8-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше величество, генераль-баронъ Гейсмаръ увѣдомилъ меня 7-го марта около пяти часовъ вечера, что полковникъ Калачковскій и подполковникъ графъ Мѣчельскій явились снова на наши аванпосты, требуютъ отъ меня аудіенціи и передали письмо на мое имя отъ главнокомандующаго арміей мятежниковъ.

Соблаговоливъ ознакомиться съ содержаніемъ этого письма, которое я имѣю честь, государь, представить вамъ въ подлинникѣ, в. и. в. найдете, можетъ быть, также какъ и я, нѣкоторое улучшеніе въ выраженіяхъ сравнительно съ первымъ письмомъ г. Скъжинецкаго, но такъ

какъ этотъ главнокомандующій, не смотря на мое рѣшительное заявленіе, все еще надѣется вести переговоры съ Россіей, относясь къ ней какъ равный къ равному, вмѣсто того чтобы заявить просто, что польскій народъ отрывается отъ преступнаго декрета, дерзнувшаго провозгласить престолъ вакантнымъ, и изъявляетъ покорность законной власти в. и. в., то я не счелъ себя вправѣ вступать съ нимъ въ переписку и принять офицеровъ, посланныхъ имъ. Въ виду этого я адресовалъ ген. Гейсмару депешу, съ которой копию при семь прилагаю и въ которой я поручаю ему передать гг. Колачковскому и Мѣчельскому мое рѣшеніе и причины, вызвавшія его. Я уполномочилъ въ то же время ген. Гейсмара сообщить этимъ офицерамъ мой отвѣтъ буквально и дать имъ съ него копии, если они того пожелаютъ.

На тотъ же случай, если бы парламентары, прочитавъ эту депешу, стали настаивать на свиданіи со мною, заявивъ, что они надѣются на благопріятный результатъ этого свиданія, я предложилъ г. Гейсмару намекнуть имъ, что я приму ихъ или пошлю когонибудь изъ моей главной квартиры для переговоровъ съ ними, если ихъ предварительныя заявленія подадутъ мнѣ подобную надежду.

На слѣдующее утро гг. Колачковскій и Мѣчельскій снова явились на наши аванпосты. Генералъ Гейсмаръ исполнилъ порученіе, возложенное мною на него; но оба офицера ограничились общими фразами и увѣреніями въ ихъ искреннемъ желаніи добиться примиренія, повторили, что для отмѣны декрета о низложеніи имъ необходимо имѣть гарантію касательно соблюденія конституціи, высказали серьезное опасеніе по поводу учрежденія въ Польшѣ русской администраціи, которой положено начало съ назначеніемъ предсѣдателя (président) и утверждали, что эта новая администрація, посягая на честь націи и на интересы страны, будетъ непреодолимымъ препятствіемъ къ усмиренію королевства.

Говоря о прежнихъ обидахъ, нанесенныхъ польскому народу, и о тѣхъ средствахъ, коими онъ старался избавиться отъ нихъ, польскіе офицеры высказали, что помощь, которую поляки ожидали со стороны Франціи, была одною изъ главныхъ ихъ надеждъ на успѣхъ всего предпріятія. Они присовокупили, что польская армія, обманутая въ своемъ ожиданіи, готова нынѣ, по желанію в. и. в., идти противъ французовъ и будетъ сражаться со своею обычною храбростью и съ той энергіей, какою внушаетъ ей обманутая надежда и всѣ бѣдствія, коими она подвергла Польшу.

По окончаніи этихъ переговоровъ Колачковскій и Мѣчельскій удалились. Мнѣ кажется, что секретныя инструкціи, данныя имъ, не уполномочивали ихъ предложить мнѣ изъясненіе покорности даже въ замѣнъ

словеснаго, хотя бы совершенно положительнаго, общанія, что в. и. в., принявъ его, соблаговолите гарантировать Польшѣ ея прежнія привилегіи, иначе я увѣренъ, что они сдѣлали бы все возможное, чтобы добиться аудіенціи и вынудить у меня подобное общаніе. Такимъ образомъ вожаки рѣшили повидимому выждать, чтобы съ ними заютѣли вести переговоры или чтобы силою оружія у нихъ была отнята всякая надежда выговорить какія бы то ни было условія. Итакъ, цѣль этой послѣдней попытки была вѣроятно узнать окончательно рѣшеніе, принятое в. и. в., и я долженъ былъ требовать прежде всего отмѣны или уничтоженія арміей декрета, разорвавшаго окончательно тѣ узы, которыя связывали эту часть подданныхъ вашихъ съ вашимъ августѣйшимъ престоломъ.

Соблаговолите, государь, принять изъявленіе совершенной преданности и глубочайшаго почтенія, съ коими имѣю честь быть в. и. в. всеижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподанный И. Дибичъ-Забалканскій.

LVIII.

Всеподданнѣйшій рапортъ графа Дибича.

М. Шеница, 8-го марта 1831 г.

Всеподданнѣйшимъ рапортомъ моимъ отъ 1-го марта я имѣлъ счастье донести вашему императорскому величеству о положеніи дѣлъ на лѣвомъ флангѣ арміи и о намѣреніяхъ генерала графа Толя, касательно дѣйствій его на линію отступленія Дверницкаго.

Нынѣ я получилъ отъ сего генерала донесеніе, въ коемъ изложено свѣдѣніе отъ 26-го февраля. Дверницкій выступилъ изъ Красностава въ Раювецъ въ числѣ 2 т. регулярной пѣхоты, 4 т. кавалеріи съ 12-ти орудіями и съ значительнымъ числомъ кракусовъ и пикинеровъ. Сіе удостовѣряло его въ направленіи мятежниковъ на Хелмъ, почему генераль графъ Толь, дабы предупредить возможность покушенія Дверницкаго обратиться съ Хелма чрезъ Ленчю опять на Лублинъ и быть въ состояніи дѣйствовать на него въ случаѣ движенія къ границѣ Россіи, фланговымъ маршемъ перешолъ съ главными силами въ Пяски, направивъ боковой отрядъ, подъ командою генераль-маіора Муравьева, чрезъ Жолкiewку въ Гиржковъ. А какъ ближайшее развѣдываніе о неприятелѣ показало, что въ Хелмѣ была только часть кавалеріи Дверницкаго и что самъ онъ былъ уже послѣ въ Грабовцѣ, откуда двинулся къ Грубешеву, и упорно остается въ своемъ намѣреніи идти въ Волинскую губернію, то генераль графъ Толь, рѣшась преслѣдовать, настичь и разбить мятежниковъ, оставивъ въ

Лублинѣ отрядъ генераль-лейтенанта барона Крейца, двинулся въ Красноставѣ. Дверницкій, получивъ увѣдомленіе о его приближеніи, находился нѣкоторое время въ нерѣшимости о направленіи своихъ дѣйствій и потому, приостановивъ оныя, отступилъ къ Ситаницѣ и расположился при семь пунктѣ. Наконецъ, 5-го числа генераль графъ Толь удостовѣрился чрезъ партіи, ходившія къ стар. Замостью и Грабовцамъ, что генераль Дверницкій 3-го числа марта отступилъ къ кр. Замостью и расположился съ пѣхотою и артиллеріею въ Новомясто, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, размѣстивъ кавалерію въ ближайшихъ селеніяхъ. Сіе побудило генерала графа Толя остановиться при Красноставѣ, имѣя авангардъ въ Тарногурѣ и Избицѣ и посылая разъѣзды къ Замостью и Скребешову.

Въ семь положеніи дѣль, съ одной стороны считая невозможнымъ, чтобы Дверницкій рѣшился сдѣлать наступательное движеніе, съ другой стороны не полагая также возможнымъ атаковать его съ успѣхомъ подъ выстрѣлами кр. Замостья, куда доступъ при теперешнемъ разлитіи водъ вовсе неудобопроходимъ, генераль графъ Толь намѣренъ оставить въ Красноставѣ лишь наблюдательный отрядъ, подъ командою генераль-маіора Муравьева, въ таковомъ однако же составѣ, чтобы въ случаѣ покушенія со стороны мятежниковъ оный могъ сдѣлать надежный отпоръ, а съ остальными войсками расположиться въ окрестностяхъ Лублина, помѣстивъ отрядъ генераль-лейтенанта барона Крейца въ м. Уржендовѣ, дабы быть въ состояніи предупредить всякое движеніе Дверницкаго за Вислу или въ случаѣ наступленія его на отрядъ генераль-маіора Муравьева, коему приказано отступить на главныя силы, разбить его при Пяскахъ, гдѣ положеніе мѣста тому благоприятствуетъ.

Въ ожиданіи отъ генерала графа Толя дальнѣйшихъ донесеній имѣю счастье представить изложенныя извѣстія высочайшему благоусмотрѣнію вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше донося притомъ, что одобривъ его намѣреніе не атаковать Дверницкаго подъ выстрѣлами крѣпости, я предписалъ оставить въ Красноставѣ одну только кавалерію отряда генераль-маіора Муравьева, а пѣхоту отвести къ Пяскамъ, гдѣ она безопаснѣе расположиться можетъ; сверхъ того, принявъ мѣры къ размѣщенію войскъ по возможности на квартирахъ, дабы запастись продовольствіемъ, стараться отнять къ тому всѣ способы у непріятели и непрерывно посылаемыми во всѣхъ направленіяхъ партіями козаковъ со всѣхъ сторонъ непрестанно его обезпокоивать.

LIX.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Шеница, 9-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше Величество, генералъ Дверницкій принялъ весьма осмотрительно единственное благоразумное рѣшеніе, представлявшееся ему послѣ того, какъ онъ отдалился временно отъ операціонной линіи—а именно онъ отступилъ подъ прикрытіе Замостья. Убійственное состояніе дорогъ и опасеніе отдалиться слишкомъ далеко отъ главныхъ силъ вынудили графа Толя не преслѣдовать его; онъ остановился въ Красноставѣ и возвратится въ Люблинъ, оставивъ тамъ отрядъ. Серавскій не переправился черезъ Вислу, у него должно быть не болѣе 3 до 4000 человекъ и онъ подготовилъ нѣкоторыя средства для переправы выше Казимижа. Весьма возможно, что Дверницкій, подкрѣпившись и отдохнувъ въ Замостѣ, постарается достигнуть вновь лѣваго берега Вислы при Раховѣ.

Здѣсь поляки два дня тому назадъ навели вновь свой мостъ, но не произвели съ тѣхъ поръ никакого иного движенія. Вчера по утру Колачковскій и Мѣчельскій явились съ вторичнымъ письмомъ отъ Скъмпецкаго. Такъ какъ оно не заключало въ себѣ ничего болѣе удовлетворительнаго, то я не отвѣчалъ на него и поручилъ Гейсмару передать ему прежніе отвѣты. В. вел. узнаете объ этомъ подробнѣе изъ прилагаемаго при семъ письма.

Сегодня прибылъ ко мнѣ прусскій майоръ Брандъ отъ фельдмаршала графа Гнейзенау, устроившаго свою главную квартиру въ Познани. Извѣстія, сообщаемыя поляками, какъ нельзя болѣе нелѣпы; они рассказываютъ, будто наша армія окончательно отступаетъ, такъ какъ въ Россіи вспыхнула будто бы революція, руководимая Ермоловымъ; что гвардія точно также возвратилась назадъ, что Каменецъ отданъ имъ генераломъ Ридигеромъ и т. п., и нѣкоторые люди какъ будто вѣрятъ подобнымъ розказнямъ.

Болѣе вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что они начали вновь набирать рекрутъ на правомъ берегу Вислы, между этой рѣкою и Вкромъ и по направленію къ Пулавамъ; я возобновлю приказаніе, отданное генералу Сакену, послать туда сильныя отряды для того, чтобы разсѣять ихъ. Но осмѣливаюсь еще разъ замѣтить в. и. в., что можно бы ожидать величайшей пользы отъ движенія генерала Сакена съ цѣлымъ отрядомъ на Плоцкъ, если бы вслѣдъ за нимъ двинулась гвардія или хотя бы часть ея. Если в. в. одобрите эту мысль, то я полагаю, что слѣдовало бы тотчасъ, по переправѣ моей

черезъ Верхнюю Вислу, двинуть генерала Бистрома съ легкой кавалеріей и съ 2-й дивизіей, оставивъ прочихъ на тѣхъ же квартирахъ. Бистромъ переправился бы черезъ Наревъ и дошелъ бы до Вкры вѣроятно безо всякаго сраженія, а Сакенъ очистить отъ непріятели всю мѣстность до Вислы. Осмѣливаюсь просить по этому поводу приказаній в. и. в. 6-я дивизія слишкомъ отдалена, поэтому не можетъ быть полезна при подобной операціи, 5-я нужна въ Вильнѣ и для постоянной окупаціи Гродно и воеводства Августовскаго, а 7-я дивизія и гусары, находясь уже по пути къ Бресту, потеряютъ всю выгоду своей позиціи, если имъ придется измѣнить направленіе, по которому они слѣдуютъ, и ихъ нельзя отвлечь безъ самыхъ серьезныхъ и печальныхъ послѣдствій отъ даннаго имъ назначенія занять мѣстность, по которой до самаго взятія Варшавы будутъ идти всѣ военныя сообщенія главныхъ силъ арміи.

Мои достойные сотоварищи по оружію приносятъ в. в. живѣйшую ихъ признательность за вашу августѣйшую память о нихъ; осмѣливаюсь просить васъ, государь, повергнуть къ стопамъ е. в. государыни императрицы мое глубочайшее почтеніе и принять увѣреніе въ совершенной признательности и преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподанный И. Дибичъ-Забалканскій.

LX.

Всеподданнѣйшій рапортъ графа Дибича.

М. Шеница, 9-го марта 1831 г.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству, что сейчасъ получено мною донесеніе генерала графа Толя, отъ 7-го марта, въ коемъ излагаетъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ имъ касательно размѣщенія командуемыхъ имъ войскъ и наблюденія непріятели, находящагося при кр. Замостьѣ. 3-й кирасирской дивизіи съ Новоархангельскимъ уланскимъ полкомъ, полками 3 гренадерской дивизіи и принадлежащею къ нимъ артиллерією, исключая 4-хъ орудій конной № 17-й роты, назначено перейти въ Люблинъ и расположиться по квартирамъ, Генералу Муравьеву оставаться при Краснотавѣ съ командуемою имъ бригадою гренадеръ, бригадою драгунъ и Украинскимъ уланскимъ полкомъ съ 4-мя орудіями конной № 17 роты, пѣшею легкою № 2-го ротою, при гренадерской бригадѣ состоящею, и Донскимъ казачьимъ Платова полкамъ, имѣя авангардъ въ Иабицѣ. Полковнику Анрепу съ казачьимъ Катасанова 1-го полкомъ, присоединившемуся отъ Влодавы и на время подчиненному генерал-майору Муравьеву и подкрѣпленному дивизиономъ уланъ, приказано

дѣйствовать между Войславцами и Тишовцами, и на случай движенія Дверницкаго слѣдовать или съ боку, или въ тылъ за онѣмъ, а въ случаѣ критическомъ отступать ему самому на Грубешовъ. Ему же предписано опустошать край какъ можно ближе къ Замостью, дабы неприятелю отнять всевозможныя средства усиливать свое продовольствіе въ крѣпости. Генералу барону Крейцу назначено перейти изъ Люблина въ Бѣлжицу, и послать отъ Грекова 5-го полка, для учрежденія постоянныхъ постовъ въ Раховѣ, въ Юзефовѣ и Камень. Кромѣ того, казачій Кирѣева полкъ изправляется въ Туробинь, подъ командою полковника Бутовскаго, съ тѣмъ чтобы занять Изебржеминь и Турай и быть въ сношеніи чрезъ Завихость съ Раховскимъ постомъ. Полковники Бутовскій и Анрепъ имѣютъ наставленіе дѣйствовать вродѣ партизановъ, донося обо всемъ чрезъ генераль-лейтенанта барона Крейца и генераль-маіора Муравьева. Генераль-маіоръ Пашковъ занимаетъ Пулаву и Каземиржъ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что всякое сообщеніе Дверницкаго съ лѣвымъ берегомъ Вислы прервано и всякое могущее быть движеніе сего генерала своевременно открыто будетъ.

Въ семь положеніи, имѣя значительныя отряды въ Бѣлжицѣ и въ Красноставѣ и малые летучіе отряды полковниковъ Анрепа и Бутовскаго вправо и влѣво отъ Замостья, и постоянныя посты въ Раховѣ, Юзефовѣ, Камени, въ Каземиржѣ и Пулавѣ, генераль-адъютантъ графъ Толь, находясь съ главнымъ резервомъ въ Лублинѣ и окрестностяхъ, можетъ дѣйствовать на подкрѣпленіе или генераль-лейтенанту барону Крейцу, или генераль-маіору Муравьеву и при движеніи главныхъ силъ арміи за Вислу, между Каземиржемъ и Тарновскомъ, успѣть на соединеніе съ оними.

Всеподданнѣйше донося о семъ вашему императорскому величеству, имѣю счастье представить на высочайшее благоусмотрѣніе копію съ рапорта генераль-адъютанту гр. Толю генераль-маіора Муравьева отъ 6-го марта.

LXI.

Рапортъ генераль-маіора Муравьева.

М. Избицы, 6-го марта.

Вашему сіятельству честь имѣю донести по извѣстіямъ, полученнымъ отъ очевидца, польскаго дезертира отъ пикенеровъ, что въ прошедшій понедѣльникъ 2-го марта ходилъ изъ Замостья отрядъ изъ 1000 человекъ регулярной пѣхоты и конницы съ 4-мя орудіями въ м. Щербжешинь, который имѣлъ назначеніе напасть намъ въ тылъ,

но, узнавъ о превосходствѣ силъ корпуса, возвратился назадъ; извѣстіе сіе подтверждаетъ прежнее мое донесеніе о направленіи части непріятельскихъ силъ изъ Щербжешина на Туробинь.

Отъ р. Вислы, изъ Янова, ожидали къ 26 числу февраля 9,000 человекъ подкрѣпленія, но они не прибыли. Ожидавшій ихъ въ Яновѣ отрядъ пикенеровъ изъ 3,000 двинулся было также на Туробинь, но, узнавъ о приближеніи корпуса нашего, ушло къ Замостью, гдѣ и теперь стоитъ въ 4-хъ верстахъ за крѣпостью.

Ворота крѣпости кромѣ Яновскихъ, что къ Щербжешину, заперты; а въ сіи провозятъ всякаго рода запасъ и рекрутъ.

По слухамъ, гарнизонъ Замостья, кромѣ 3,000 пикенеровъ, находящихся за крѣпостью, состоитъ изъ 8,000 человекъ, въ чемъ состоитъ все войско Дверницкаго.

Разъѣзды Украинскаго уланскаго полка доѣзжали сегодня послѣ полудня до села Вулки-Злоецки, а казачьи разъѣзды до села Зарудж, въ обоихъ сихъ мѣстахъ открыли непріятельскія партіи и отъ жителей они извѣстились, что часть польской кавалеріи и пѣхоты расположены въ селеніи Велюнче и Седлискѣ, что согласно съ извѣстіями, мною здѣсь собранными сего вечера.

Генераль-маіоръ Кашеневъ Любавскій, командиръ Самогитскаго гренадерскаго полка, какъ возвратившійся, далъ извѣстія, что около м. Любартова толпы вооруженныхъ жителей разбѣяны по лѣсамъ и край находится въ совершенномъ волненіи.

Росписаніе отряда польскихъ мятежническихъ войскъ подъ командою Дверницкаго.

Кавалерія.

4 полка шассеровъ, каждый по 2 эскадрона, 4 полка уланъ, каждый по 2 эскадрона, эскадронъ отъ 115 до 120 человекъ, 2 полка кракусь по 2 же эскадрона въ такомъ же числѣ.

Итого кавалеріи 20 эскадроновъ, числомъ отъ 2,300 до 2,400 человекъ.

Пѣхота.

Регулярной 4 полка, 1-й, 5 и 6-й линейные № 4 полка (не упоминать каждый полкъ), 2 пятисотныхъ баталіона. Пикенеровъ 2 полка, по 2 таковыхъ же баталіона.

Итого пѣхоты 12 баталіоновъ, числомъ до 6000 человекъ. Артиллеріи 14 орудій (въ томъ числѣ взятыя у насъ) съ полнымъ количествомъ зарядовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУНТЪ НА СѢННОЙ ПЛОЩАДИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

22-го іюня 1831 г.

Рассказъ стоявшаго въ тотъ день въ караулѣ гвардейскаго офицера.

Лѣтомъ въ 1831 году всѣ полки гвардіи были въ Царствѣ Польскомъ по случаю усмиренія польскаго возстанія; въ городѣ оставались только одни вторые батальоны означенныхъ полковъ, которые въ лагерь въ Красное село не ходили, а расположены были частью на своихъ полковыхъ и частью на городскихъ плацахъ.

Баталіонъ, въ которомъ я служилъ, былъ расположенъ лагеремъ на Семеновскомъ плацу.

Разводъ по случаю сильныхъ жаровъ назначался въ 8 часовъ утра.

Бывъ наряженъ 22 іюня въ караулъ на Сѣнную площадь, я въ назначенный часъ выступилъ съ карауломъ, куда вскорѣ и прибылъ, такъ какъ Сѣнная находится не въ очень далекомъ разстояніи отъ Семеновскаго плаца.

Проходя мимо лавокъ, расположенныхъ на Сѣнной, я особеннаго оживленнаго наплыва народа не замѣтилъ; все шло своимъ порядкомъ; продавали, покупали, спорили и ругались,—все по старому.

Было только 9 часовъ утра, а жара была нестерпимая, ни малѣйшаго движенія воздуха.

Смѣнивъ старый караулъ, я сталъ располагаться въ такъ называемыхъ вольтеровскихъ креслахъ, нарочно выдуманныхъ для того, чтобы караульные офицеры не могли заснуть и не имѣли ни минуты покоя. Это какое-то орудіе пытки, напоминающее кресла инквизиціи; сидѣть въ нихъ, упираясь спиною въ спинку кресель, нельзя, потому что они длинны, спина находится на воздухѣ, а спать нельзя потому, что коротки — чистая мука! Другой мебели не полагалось.

Подложивъ подъ спину подушку и шинель и утомленный жаромъ, я было собирался дремать, но вдругъ вбѣгаетъ старшій утерьеръ-офицеръ и съ встревоженнымъ видомъ говорить: «в. благородіе, народъ больницу разбиваетъ и что-то изъ оконъ выкидываетъ, не прикажете послать ефрейтора узнать, что тамъ такое?»

Выйдя на площадку лѣстницы, я съ возвышенія ясно увидѣлъ, что дѣйствительно громадная масса народа подошла къ устроенной въ грязномъ и смрадномъ переулкѣ центральной холерной больницы въ домѣ Таирова и что-то изъ оконъ вылетало, казалось, будто подушки, тюфяки, аптечная посуда и, какъ потомъ слышалъ, и живые люди¹⁾: доктора, фельдшера, аптекарь со служащими. Неудомѣвая, что бы это все значило, я послалъ патруль изъ 3-хъ человѣкъ для узнанія въ чемъ дѣло; но не прошло и 1/4 часа, какъ люди вернулись и рассказали, что такая сплошная масса народа сперлась у больницы, что нѣтъ никакой возможности дойти до нея. Говорили, что изъ оконъ выбрасываютъ все, что въ больницѣ было, слышали трескъ ломанной мебели и звонъ разбитыхъ оконъ и стеклянной посуды, слышали неумолкаемый крикъ, но въ чемъ дѣло, они узнать не могли.

Я написалъ тотчасъ же рапорты о всемъ видѣнномъ и слышанномъ дежурному по карауламъ, на главную гауптвахту, а въ рапортахъ къ коменданту и въ ордонансгаузъ я присовокупилъ: «такъ какъ въ караульномъ домѣ находятся 20 человѣкъ разнаго званія арестантовъ, которые, пользуясь этой свалкой, не прочь были-бы имѣть случай къ побѣгу, тѣмъ болѣе, что они теперь, прильнувъ къ рѣшеткѣ отвореннаго окна, дѣлая разные жесты народу, кричатъ: «помогите намъ выломать рѣшетку!», а наплывъ народа ежеминутно все увеличивается, то я прошу, въ случаѣ серьезнаго столкновенія, могущаго произойти караула съ народомъ, сдѣлать распоряженіе о высылкѣ войскъ для усмиренія разъяренной черни».

Это было въ 11-мъ часу утра.

По отправленіи рапортовъ я сталъ замѣчать, что народу стало вновь прибывать ежеминутно.

Лавки по Садовой, на Щукиномъ и Апраксиномъ дворахъ купцы

¹⁾ Что дѣйствительно въ этотъ день было нѣсколько человѣкъ убито народомъ, то это видно изъ объявленія генералъ-губернатора, прибитаго на улицахъ 24 іюня 1831 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Народъ подстрекаемый разными неблагонадежными людьми, вздумавъ освободить больныхъ, будто бы насильно посаженныхъ въ больницы, ворвался въ два таковыя лазарета, разогнали (?) больныхъ и причинили столь великіе беспорядки, что нѣсколько человѣкъ при этомъ лишились жизни» и проч.

стали запирають и вся эта свободная отъ дѣла толпа бѣжала съ крикомъ мимо караульнаго дома на площадь. 'Всѣхъ ѣдущихъ и идущихъ въ трехъугольныхъ шляпахъ безъ султана народъ останавливалъ, крича: «это главный дохтуръ, давай его сюда!»

Многихъ мнѣ удалось освободить, ежели не отъ смерти, то отъ побоевъ.

Такъ, народъ стащилъ съ дрожекъ полкового капельмейстера, принявъ его по трехъугольной шляпѣ безъ пера за доктора, и порядочно помяли ему бока, и только благодаря помощи, посланной съ караула, онъ былъ вырванъ изъ рукъ свирѣпой черни и приведенъ ко мнѣ.

Жаль было видѣть этого несчастнаго человѣка: блѣдный, разстрепанный, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ оторваннымъ рукавомъ отъ шинели, онъ подошелъ ко мнѣ, что-то хотѣлъ сказать, но не могъ выговорить ни слова; я ему предложилъ выпить воды и отдохнуть въ покойныхъ казенныхъ креслахъ; что съ нимъ потомъ было и куда онъ дѣвался, я не знаю.

Въ это время везли шагомъ въ наемной каретѣ въ больницу холернаго, который лежалъ на днѣ кареты; на передней скамейкѣ сидѣлъ будочникъ; не успѣла карета выѣхать на средину площади, какъ народъ вытащилъ больнаго, избилъ будочника, а карету повезли на Кокушкинъ мостъ и оттуда бросили въ Екатерининскій каналъ, гдѣ она лежала вверхъ колесами еще нѣсколько дней.

Это было часовъ въ 12 утра.

Видя, что ни откуда помощь не является, отвѣта на мои рапорты не получаю, а народу все болѣе и болѣе прибавлялось, я послалъ къ стоящему въ государственномъ банкѣ караульному офицеру записку, въ которой я просилъ его прислать мнѣ 5 человѣкъ рядовыхъ, хоть какуюнибудь помощь въ ожиданіи прибытія войска; но онъ мнѣ отвѣтилъ, что давно уже заперъ ворота на заборы и самъ находится въ осадномъ положеніи.

Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, я вызвалъ караулъ въ ружье ¹⁾, а самъ сталъ на площадкѣ лѣстницы, съ которой я могъ видѣть все пространство народнаго волненія.

Вижу, что отъ больницы потянулась процессія, несутъ на кроватяхъ больныхъ, впереди идетъ священникъ въ черномъ облаченіи съ св. дарами въ рукахъ, и вся эта орда движется на площадь къ караульному дому.

---

¹⁾ О смѣнѣ часовыхъ я думать не могъ, потому что, посылая ефрейтора съ новой смѣной, оставалось во фронтѣ — всего 7 человѣкъ, а что я могъ съ ними противъ этой громады сдѣлать?

Многіе изъ проходящихъ дамъ и мужчинъ, не желая попасть въ этотъ водоворотъ, искали спасенія въ караульномъ домѣ, между ними былъ камергеръ Г. Г. Бибииковъ, который, стоя за колонной, кричалъ мнѣ: «зарядите ружья! стрѣляйте! плохо будетъ!»

Разумѣется, всѣ его совѣты остались безъ послѣдствій.

Наконецъ, стали являться отвѣты на мои рапорты; первый явился дежурный по карауламъ полковникъ Шмигельбергъ; потомъ отвѣтъ съ главной гауптвахты, въ которомъ значилось: «что никакой помощи отъ главнаго караула мнѣ ожидать не слѣдуетъ. Дежурный по карауламъ никакого распоряженія сдѣлать не могъ, потому что на это есть власти выше его: комендантъ, плацъ-маіоръ и генераль - губернаторъ, но, къ сожалѣнію, въ эти критическія минуты ни одного изъ нихъ въ городѣ не находилось, всѣ жили, по случаю холеры, на дачахъ».

Увидѣвъ, что священникъ съ св. дарами въ рукахъ направляется прямо къ караульному дому, а за нимъ и вся процессія тянется по этому же направленію, я, не желая допустить его близко къ караулу и быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ этою разъяренною чернью, взявъ съ собою старшаго у.-оф. и двухъ рядовыхъ, вышелъ съ ними шаговъ на 30 впередъ и, подойдя къ священнику, спросилъ его: «что вамъ, батюшка, угодно? почему вы идете къ караулу?»

Онъ, блѣдный, истомленный, едва держащій въ дрожащихъ рукахъ св. дары, почти шопотомъ сказалъ мнѣ: «освободите меня отъ черни... я едва держусь на ногахъ... сдѣлайте милость... они меня замучаютъ».

Я закричалъ толпѣ: «стой! что вамъ надо?» Они остановились, поставили кровати на мостовую и начали кричать: «доктора! потрошатъ народъ! кака холера! ¹⁾... просто травятъ!... надо больныхъ причащать!»...

Я на это имъ крикнулъ: «караульня не есть мѣсто для причастья... на то есть церковь, несите туда!»... и обратясь къ священнику, сказалъ: «совѣтую вамъ, батюшка, исполнить требованіе народа и отправиться въ церковь».

¹⁾ Что народъ дѣйствительно не вѣрилъ существованію холеры, а приписывалъ припадки божьни отравѣ докторовъ и другихъ постороннихъ лицъ, то это видно изъ объявленія спб. генераль - губернатора, прибитаго на улицахъ и приложеннаго къ газетамъ отъ 28 іюня 1831 года, въ которомъ между прочимъ, сказано:

«Вчерашняго числа нѣкоторые люди, большею частью изъ простолюдиновъ, вздумали останавливать, обыскивать и даже обижать прохожихъ на улицахъ, нюхавшихъ уксусъ въ стекляночкахъ и хлористый порошокъ въ бумажкахъ, подъ предлогомъ, будто они имѣли съ собою ядъ для отравы пиши и питья».

Въ толпѣ слышались крики: «такъ! такъ! въ церковь ихъ! въ церковь!» и вся эта толпа хлынула въ церковь.

Народъ, тѣсняясь къ церкви, сталъ напирать на перила караульной платформы, начали, понемногу, окружать караулъ и взлѣзать на площадку лѣстницы, такъ что былъ моментъ, что сообщеніе съ дверями было прервано. Тутъ я не вытерпѣлъ, съ саблею на-голо въбѣжалъ я на площадку лѣстницы и крикнулъ солдатамъ: «дуйте этихъ канальевъ прикладами и чѣмъ попало!» Надо было видѣть, какъ эта толпа отъ находящихся при мнѣ двухъ рядовыхъ съ ружьями дрогнула; пошла свалка, солдаты рады были ихъ колотить за всѣ причиненныя ею дневныя безпокойства и, дѣйствительно, разогнали,—всѣ бросились на площадь.

Было около двухъ часовъ пополудни; на площади крики и волненіе не прекращались; народъ снова сталъ напирать на перила и, не смотря на крики мои, чтобъ они удалились, никто не трогался съ мѣста.

Злость меня забрала; я подумалъ: не хотите отойти по добру по здорову, такъ я васъ турну силой.

Раздѣливъ караулъ на три части, старшаго унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ я назначилъ для себя, чтобы бѣжать на площадь прямо изъ передняго выхода, сдѣланнаго въ перилахъ; другую часть въ правый выходъ, а остальную въ лѣвый, и сказалъ: «теперь стоять смирно — а какъ только закричу: «ура! лови его! лови!» всѣмъ бѣжать по данному направленію, держать ружье на руку, а бить прикладами.

Отдавъ такое приказаніе, я замѣтилъ видимую радость на лицахъ молодыхъ солдатъ и одобреніе моего распоряженія.

Народъ, видя, что я усмирился и ничего воинственнаго противъ нихъ не предпринимаю, сталъ не на-шутку напирать на караулъ и браниться съ арестантами, протягивая имъ чрезъ рѣшетку руки.

Въ этотъ моментъ я закричалъ: ура! лови его! лови! и самъ съ саблею на-голо съ тремя рядовыми... бросился впередъ на толпу... тутъ я не могъ не сознать того могущественнаго вліянія русскаго солдата на народъ... толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ бѣжала, сломя голову, отъ трехъ солдатъ!

Стоящій на площадкѣ лѣстницы дежурный по карауламъ кричалъ мнѣ: «прапорщикъ, не горячитесь, не горячитесь!», но въ мои распоряженія не входилъ и не мѣшалъ дѣйствовать по моему произволу.

Въ это время прибѣгаетъ ко мнѣ изъ караулки вѣстовой и говоритъ: «в. благ., арестанты бунтуютъ!», я подбѣжалъ къ отворенному окну и увидѣлъ, что нѣсколько рукъ, ухватившись за рѣшетку, стараются ее расшатать и кричатъ: «благодѣтели! освободите несчастныхъ! мы здѣсь

не блиновъ ждемъ, а наказанія!» Замѣтивъ нѣсколько лицъ, примѣчательныхъ по своему звѣрскому выраженію, я имъ закричалъ: «съ вами я раздѣляюсь послѣ, теперь некогда!», приказалъ запереть окна, а задвижку на замокъ, что дѣлалось обыкновенно только на ночь.

Отогнавъ толпу отъ караула шаговъ на сто, я со смѣхомъ вернулся на платформу, куда собралось и все мое побѣдоносное воинство.

Пошли рассказы о своихъ подвигахъ; одинъ говорилъ: «я одного такъ пхнулъ прикладомъ въ бокъ, что у него ребра затрещали; другой: «а я одного вдарилъ прикладомъ по шеѣ, такъ что онъ упалъ... ха, ха, ха... Послѣ такой удачной вылазки народъ уже близко къ караулу не подходилъ, а издали грозилъ мнѣ кулаками; слышны были крики: молокосось! молокосось! стали появляться, время отъ времени, летящіе камни и осколки кирпича, изъ коней одинъ попалъ солдату въ колѣно и мнѣ попалъ на дно кивера, причеиъ погнулъ весьма красивый 12-ти вершковый щетинный султанъ!

Наконецъ, часу въ пятомъ пополудни сталъ слышаться по Садовой барабанный бой, который все ближе и ближе радостно отзывался въ сердцахъ нашихъ.

Первый пришелъ на помощь караулу учебный саперный батальонъ. Мы ему обрадовались неимовѣрно; конецъ нашимъ безпокойствамъ и тревогамъ. Я уже мечталъ объ отдохновеніи, но страхъ меня бралъ, когда думалъ, что придется отдыхать въ спокойныхъ казенныхъ вольтеровскихъ креслахъ.

Батальонъ, пройдя всю площадь въ полувзводной колоннѣ, очистилъ ее отъ народнаго скопища. Народъ побѣжалъ по Садовой къ Покрову и по близъ прилегающимъ улицамъ. Батальонъ расположился на бивуакахъ на означенномъ пространствѣ. Вскорѣ за нимъ показался на Обуховскомъ проспектѣ Измайловскій батальонъ, потомъ взводъ жандармовъ, потомъ 2 орудія съ курящимися фитилями, потомъ еще и, наконецъ, войска набралось столько, что не было мѣста для помѣщенія.... Но все было поздно! достаточно было одного присланнаго во время батальона и все было-бы кончено!

Все стало успоковаться, арестанты стихли; крики народа умолкли — и я, наконецъ, часу въ 6-мъ, могъ сѣсть въ кресла и подумать объ обѣдѣ.

Но не долго продолжалось мое отдохновеніе; слышу опять, по Садовой, отъ Гостиннаго двора, крикъ; ясно слышу, кричатъ ура! Я, вышедъ на платформу, съ карауломъ сталъ ожидать ѣдущаго.

Вижу, что кто-то ѣдетъ въ шляпѣ по формѣ, съ бѣлымъ султаномъ, и останавливается у караула.

Это былъ с.-петербургскій комендантъ Башуцкіи. Отдавъ ему честь,

я подошелъ къ коляскѣ и чуть, чуть не брякнулъ: «все обстоитъ благополучно», но онъ самъ началъ разговоръ, спросивъ меня:

— «Что у васъ тутъ случилось?»

— Народъ разбилъ холерную больницу, но теперь, съ прибытіемъ войска, все спокойно.

— «Давно-ли это началось?»

— Съ утра, ваше превосходительство, часовъ съ 10-ти.

— «Какъ же я объ этомъ не зналъ».

— Я въ 10 часовъ донесъ рапортомъ вашему превосходительству и во всѣ мѣста по начальству.

Не сдѣлавъ никакого дальнѣйшаго распоряженія, онъ, сопровождаемый криками «ура», уѣхалъ.

Это было часу въ седьмомъ вечера. Вскорѣ прибылъ плацъ-маіоръ полковникъ Болдыревъ; сойдя съ дрожекъ, онъ самъ подошелъ къ караулу и первое, на что онъ обратилъ вниманіе—на старые мундиры нижнихъ чиновъ; но такъ какъ дежурнаго по карауламъ батальоннаго командира (къ которому должно было относиться его замѣчаніе) уже не было, то замѣчаніе его пропало безъ отвѣта.

Потомъ спросилъ о всемъ случившемся; я ему рассказалъ о буйствѣ арестантовъ, о ихъ крикахъ, шатаньи рѣшотки и проч.; онъ вошелъ со мною въ арестантскую; при видѣ плацъ-маіора всѣ арестанты встали, выстроились въ порядкѣ; я вызвалъ тѣхъ, которыхъ я замѣтилъ въ дерзкихъ поступкахъ и запомнилъ по ихъ нахальному виду.

Полковникъ приказалъ мнѣ ихъ переписать и по списку сдать наряженному имъ отъ учебнаго сапернаго баталіона конвою для отправления въ крѣпость, а самъ вслѣдъ за ними уѣхалъ.

Часу въ 8 пріѣхалъ въ коляскѣ генераль-губернаторъ Эссенъ; отдавъ ему честь, я отправился съ нимъ въ караульную комнату.

Взойдя въ комнату, онъ затворилъ за собою дверь и сталъ очень ласково со мною говорить: «разскажите, любезный, какъ все было: со словъ вашихъ надо будетъ писать донесеніе государю императору».

Я тотчасъ же послалъ попросить у арестованныхъ офицеровъ кресло, которое вскорѣ принесли отъ содержащагося подъ арестомъ комисаріатскаго чиновника.

Усадивъ генераль-губернатора въ кресло, а дѣлопроизводителя на казенное, самъ, стоя, въ киверѣ съ застегнутою чешуею, сталъ разсказывать о случившемся.

Дѣлопроизводитель писалъ со словъ моихъ на-черно, переписалъ и, тутъ-же запечатавъ конвертъ, отправилъ съ стоящимъ на площадкѣ фельдъегеремъ, который на тройкѣ помчался съ донесеніемъ къ государю императору въ Петергофъ.

Прибывшія войска ночевали на площади. Надо отдать полную справедливость такту и благоразумію полиціи. Въ цѣлые сутки я не видалъ ни одной полицейской души на площади (исключая будочника, везшаго въ больницу холернаго).

Ни квартальный, ни частный приставъ, ни полиціймейстеръ, ни оберъ-полиціймейстеръ, никто не явился, точно какъ будто ихъ и не существовало.

Вѣроятно, они боялись, чтобы по ихъ знаменательнымъ треуголкамъ народъ ихъ не принялъ бы за докторовъ и не поколотилъ.

На другой день я рано смѣнился и не былъ свидѣтелемъ пріѣзда государя императора на Сънную площадь и его разговора съ народомъ.

За мою распорядительность и за удержаніе арестантовъ въ повиновеніи я получилъ, по представленію батальоннаго командира (какъ личного свидѣтеля), денежную награду, а въ полку, мои товарищи по чину, меня прозвали: «Герой Сънной!»

И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.

1874 г.

ХОЛЕРНЫЙ МѢСЯЦЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Іюнь 1831 г.

III ¹⁾.

Одновременно съ происшествіемъ при лазаретѣ въ Рождественской части случилось другое. Въ исходѣ 9-го часа вечера изъ дома наследницы Щепетковой, во 2-мъ кварталѣ, вышелъ отставной титулярный совѣтникъ Петръ Наумовъ. Онъ былъ пьянъ. Замѣтя стоявшаго на порогѣ мелочной лавочки въ томъ же домѣ 12-ти-лѣтняго мальчика Александра, сына хозяина лавки крестьянина Николая Мельникова, Наумовъ схватилъ его за руку и потащилъ, говоря, что у мальчика болитъ горло и онъ въ холерѣ. Мельниковъ отнялъ сына у Наумова и увелъ въ лавочку. Туда же вошелъ чиновникъ и настаивалъ, чтобъ мальчика ему отдали, такъ какъ Александръ въ холерѣ и можетъ заразить другихъ. Отецъ рѣшительно отказалъ Наумову и онъ торопливо ушелъ.

Объ этомъ узналъ квартальный надзиратель Кобылинъ и, розыскавая Наумова, встрѣтилъ его на поворотѣ изъ 9-й Рождественской улицы на Большой проспектъ. Надзиратель пригласилъ Наумова въ Свѣзжіи домъ. Пьяный Наумовъ подтверждалъ, что дѣйствительно тащилъ въ лазаретъ находящагося въ холерѣ мальчика, и высказывалъ, что съ нимъ былъ канцеляристъ Александровскій. Оберъ-полиціймейстеръ приказалъ содержать Наумова въ Литейной части, не допуская къ нему никого, и представить Александровскаго.

Утромъ 22-го Іюня взятъ былъ изъ своей квартиры отставной канцеляристъ Александръ Александровскій и при бумагахъ отъ 24-го Іюня, въ которой упоминалось, что онъ взятъ въ толпѣ бунтующихъ, отосланъ оберъ-полиціймейстеромъ для содержанія въ петербургскую крѣпость.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLIV, ноябрь, стр. 401—416.

Слѣдствіе объ этомъ происшествіи производилось совмѣстно съ дѣломъ о бунтѣ у холернаго лазарета.

Уволенный отъ службы въ 1828 году «за нехождение къ должности и непримѣрное поведеніе», титулярный совѣтникъ Наумовъ былъ 21-го іюня вмѣстѣ съ Александровскимъ, въ числѣ другихъ гостей, у канцеляриста Петрова, жившаго въ домѣ наслѣдницы Щепетковой. Еще тамъ хмѣльной Наумовъ велъ себя неприлично и, наконецъ, ушолъ оттуда вечеромъ. Спустя часъ вышелъ отъ Петрова Александровскій. Видя стеченіе народа, канцеляристъ остановился спросить у встрѣченныхъ знакомыхъ о причинѣ. Тутъ въ числѣ другихъ, чело-вѣкъ до 20-ти такъ называемаго чистаго народа, былъ и приставъ Каретной части. Затѣмъ, когда Александровскій съ двоими знакомыми шолъ домой, то встрѣтилъ идущихъ вмѣстѣ квартальнаго надзирателя и Наумова. Александровскій спросилъ надзирателя, куда они идутъ, а Наумовъ обругалъ спрашивавшаго и сказалъ ему, что это не его дѣло и Наумовъ не долженъ давать Александровскому ни въ чемъ отчета.

Такъ объяснялъ Александровскій на допросѣ, произведенномъ только 6-го августа, требуя, чтобъ съ Наумовымъ, въ чемъ тотъ его обвиняетъ, дана была очная ставка.

Но въ очной ставкѣ между Александровскимъ и Наумовымъ надобности не предстояло. Онъ показалъ, что дѣйствительно былъ въ гости у канцеляриста Петрова, водку пилъ, но не былъ хмѣленъ, мальчика не трогалъ, не кричалъ, что онъ въ холерѣ, въ лавку за нимъ не ходилъ; но потомъ, на очной ставкѣ съ отцомъ мальчика отозвался, что былъ въ тотъ вечеръ хмѣленъ и не помнить, какъ случилось происшествіе, впрочемъ имѣетъ полное довѣріе къ показанію Мельникова. На вопросы: въ чемъ заключается прикосновенность къ дѣлу канцеляриста Александровскаго, взятаго подъ стражу по вашему указанію, давно-ли съ нимъ знакомы, частс-ли бываете вмѣстѣ, Наумовъ объяснилъ: «на канцеляриста Александровскаго не указывалъ и съ нимъ никакого дѣла не имѣлъ, знакомъ съ нимъ около 10-ти и болѣе лѣтъ, но онъ извѣстный чело-вѣкъ Рождественской части съ худой стороны, а въ подробности его поступокъ (поступковъ?) не могу описать»!

Видно, что въ дѣйствіяхъ Наумова полиція предполагала какой-то особый умыселъ, Наумову предложены были вопросы: не говорилось-ли чего у Петрова о холерѣ? Не говорилъ-ли, когда бралъ мальчика, что ему, Наумову, дано право заниматься отправленіемъ людей въ холерный лазаретъ? Не внушаль-ли людямъ, не дозволявшимъ взять мальчика, что служить при полициі? Не имѣлъ-ли намѣренія поступкомъ своимъ сдѣлать въ народѣ смятеніе и вооружить народъ противу мѣръ,

принимаемыхъ полицією къ пресѣченію распространенія холеры? Прежде того не доходили-ли до Наумова слухи или же не имѣлъ и самъ разговоръ о дѣйствіи полиціи въ отправленіи больныхъ въ холерный лазаретъ? Если слышалъ или говорилъ, то отъ кого, съ кѣмъ и что именно?

На всѣ эти вопросы, не вытекавшіе изъ обвиненія, данъ былъ отрицательный отвѣтъ.

Подтвердилось, что Наумовъ вышелъ отъ Петрова одинъ, былъ также одинъ, когда схватилъ мальчика и приходилъ за нимъ въ лавку. Мѣстный квартальный надзиратель донесъ, что хозяева дома и квартиры, гдѣ жилъ Александровскій, отозвались, что онъ велъ себя непристойно званію хорошаго человѣка, занимался не рѣдко пьянствомъ, а отъ того и дебоширствовалъ. Александровскій выпущенъ изъ крѣпости 2-го августа, а Наумовъ, съ поступленіемъ дѣла въ судъ, перемѣщенъ въ тюрьму.

Въ февралѣ 1832 года уголовная палата освободила отъ суда Наумова и Александровскаго; но при этомъ вмѣнила Наумову въ наказаніе за нетрезвость, въ которой онъ самъ сознался, тюремное содержаніе и строго ему подтвердила воздерживаться отъ нетрезвости, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по мнѣнію государственнаго совѣта, высочайше утвержденному 27-го февраля 1829 г., а также чтобъ онъ праздно не жилъ и избралъ приличную себѣ службу.

23-го іюня, съ утра, большія толпы народа стали собираться во второмъ кварталѣ Московской части. Предвидя что-то недоброе, хозяева закрыли гостинницы и лавочки.

Вскорѣ послѣ полудня проѣзжалъ въ дрожкахъ на парѣ лошадей по Разъѣзжей улицѣ штабъ-лекаръ Московской части коллежскій ассесоръ Кралицкій, и едва только замѣтила его толпа, стоявшая около дома Боровикова, какъ поднялся крикъ: «ребята, вотъ ѣдетъ, держите, держите! Ура, убить лекаря!»

Въ одно мгновеніе улица отъ дома Боровикова до Коммерческаго училища наполнилась народомъ. Его было, какъ полагалъ Кралицкій, болѣе двухъ тысячъ. Народъ кинулся къ мчавшимся на всѣхъ рысяхъ лошадямъ и мужикъ съ рыжеватою бородой, въ красной рубахѣ, схватилъ уже было за поводъ пристяжную, чтобъ остановить лошадей и даже нѣсколько времени бѣжалъ наравнѣ съ ними. Кучеръ не дремалъ; посыпались удары кнута и лошади вынесли Кралицкаго изъ толпы, кидавшей въ него камнями. Два большихъ камня попали ему въ спину, одинъ въ грудь и нѣсколько въ лошадей. Кралицкій спасся въ Сѣзжемъ домѣ Московской части и оттуда донесъ оберъ-полицеймейстеру, что чувствуетъ отъ ударовъ камнями боль въ спишъ и груди,

и отъ того же,—а также отъ испуга,—біеніе сердца и расслабленіе, такъ что не въ силахъ нѣкоторое время исправлять должности и при томъ опасается возвратиться въ свою квартиру. Кралицкій былъ едва ли не полякъ. Посланная имъ къ оберъ-полиціймейстеру бумага, по своему изложенію, показываетъ, что онъ не вполне владѣлъ русскимъ языкомъ.

4-го іюля Кралицкій заявилъ: кучеру его сказывали, будто удерживавшій лошадей былъ кучеръ купца Лерова, жившаго въ Грязной улицѣ, Ларіонъ.

Кучеръ этотъ оказался помѣщичій крестьянинъ Родіонъ Яковлевъ. Первоначально Кралицкій отозвался, что не замѣтилъ—дѣйствительно-ли Яковлевъ удерживалъ его лошадей, что кучеръ, чтобы отогнать останавливавшаго лошадей, ударилъ его нѣсколько разъ по лицу и спинѣ, и такъ какъ человекъ тотъ былъ въ одной рубашкѣ, то на тѣлѣ его должны обозначиться боевые рубцы. Поэтому Кралицкій свидѣтельствовалъ Яковлева, но слѣдовъ кнута на немъ не было. Осмотръ происходилъ чрезъ 11 или 12 дней послѣ событія, а въ такое время, какъ потомъ объяснялъ Кралицкій, знаки могли исчезнуть.

Яковлевъ отосланъ былъ 8-го іюля въ Петропавловскую крѣпость. При слѣдствіи Кралицкій и кучеръ его утверждали, что узнали Яковлева, но онъ въ обвиненіи не сознался и доказалъ, что, во время событія, ѣздилъ съ семействомъ хозяевъ къ Казанскому мосту. Люди, отъ которыхъ кучеръ лекаря слышалъ объ Яковлевѣ, оказались выѣхавшими изъ Петербурга въ Москву, да и имена ихъ были неизвѣстны.

28-го іюня приставъ Московской части донесъ: узнано полиціею, что въ толпѣ, остановавшей Кралицкаго, былъ мѣщанинъ Дмитрій Васильевъ, замѣченный прежде въ нетрезвомъ и буйномъ поведеніи. Онъ кричалъ: «я первый убью здѣшняго лекаря!» Участвовали также дворники домовъ Албрехта, Гаврилова, Коломенскаго и проч.

Мѣщанинъ Дмитрій Васильевъ, торговецъ писчею бумагою въ Гостинномъ дворѣ, имѣлъ свой домъ въ Московской части.

Взятый 28-го іюня, онъ доказывалъ, что угнетенный семейнымъ бѣдствіемъ не былъ способенъ принять участіе въ буйствѣ, что у него умерла тогда отъ холеры дочь, остававшаяся не погребенною, а престарѣлая мать находилась при смерти; что изъ жившихъ въ домѣ его нѣсколько мастеровыхъ умерли холерою и попеченіями его всѣ были вывезены и похоронены. Утверждалъ, что скромную и безпорочную жизнь его могутъ засвидѣтельствовать владѣльцы всѣхъ сосѣднихъ домовъ.

Кралицкій объявилъ, что онъ не знаетъ и не замѣтилъ Васильева.

Оберъ-полицеймейстеръ 8-го іюля отослалъ его въ крѣпость.

При слѣдствіи обнаружилось, что Васильевъ взятъ по доносу вятскаго купеческаго сына Николая Клячина. Клячинъ показаль, что 23-го іюня, послѣ полудня, проходя къ Чернышеву мосту, остановился посмотреть на бѣгущій народъ. Тутъ случился Васильевъ и сказалъ слова, относящіяся неизвѣстно до кого: «если бы онъ пріѣхалъ ко мнѣ, то я бы нанесъ руку свою». Поведеніе Васильева одобрили купцы.

О дворникѣ дома Албрехта тотъ же приставъ потомъ удостовѣрилъ, что онъ въ буйствѣ не участвовалъ и потому дворникъ этотъ не былъ взятъ полиціею.

Удѣльный крестьянинъ Астафій Михайловъ, дворникъ дома купца Гаврилова. Взятъ 8-го іюля по предположенію о виновности его мѣстнаго квартальнаго и отправленъ въ крѣпость. Самъ Михайловъ показаль, что когда по Стремянной народъ преслѣдовалъ какого-то доктора, то изъ любопытства вышелъ за калитку воротъ. Будошникъ, проходя мимо, сказалъ ему: «что ты тутъ зѣваешь, дай срокъ, я вспомню тебя при случаѣ». 8-го іюля будошникъ дѣйствительно взялъ его и отвелъ къ квартальному. Увѣряль, что не только не имѣлъ намѣренія присоединиться къ толпѣ, гнавшейся за докторомъ, но съ трудомъ ходить, такъ какъ правая нога его совершенно высохла отъ ушиба лошадыю. Будошникъ остался не спрошенъ и обвиненіе на Михайлова ничѣмъ не подтвердилось.

О дворникѣ дома Коломенскаго изслѣдованія не было.

Но съ изслѣдованіемъ случая съ лекаремъ Кралицкимъ находится въ неразрывной связи другой еще случай, къ которому мы и перейдемъ тецерь.

23-го іюня, въ 1-мъ же часу дня, въ Московской части произошло еще событіе.

Изъ частнаго лазарета послана была съ полицейскимъ вице-унтеръ-офицеромъ и фонарщикомъ холерная карета въ домъ купца Ванчакова, на Разъѣдной улицѣ близъ Мясного рынка, для взятія заболѣвшей женщины. Когда карета въѣхала во дворъ Ванчакова, вице-унтеръ-офицеръ приказаль мальчику, остававшемуся за дворника, запереть ворота, а самъ съ фонарщикомъ отправился въ верхній этажъ за больною. Не успѣли они еще взять ея, какъ услышали на дворѣ шумъ и должны были воротиться. Вице-унтеръ-офицеръ увидѣль сбѣгавшуюся толпу жившихъ тутъ мясниковъ, между которыми были даже мальчики, кричавшихъ «ура».

Толпа отворила ворота и съ улицы нахлынулъ во дворъ народъ. Фонарщика оттолкнули и карета была тотчасъ же вытащена на проспектъ. Тамъ начали ее ломать.

Въ это время изъ Грязной улицы шолъ къ дому Ванчакова мѣстный квартальный надзиратель, видѣлъ большое стеченіе мастерового народа, въ самомъ азартѣ и неистовомъ видѣ кричащаго, и воротился обратно. Надзиратель только и могъ замѣтить, что возвращавшіеся отъ кареты были мастеровые и шли прямо во дворъ Ванчакова и Костылева. А какъ въ этихъ домахъ живутъ мясники и серебряники, то надзиратель и предположилъ, что то были они, а частный приставъ догадку свою по этому случаю распространилъ еще на стекольщиковъ и дворниковъ домовъ Ванчакова и Костылева.

Затѣмъ частный приставъ представилъ оберъ-полиціѣмейстеру десять человѣкъ мясниковъ изъ дома Ванчакова, дворника изъ дома Костылева и донесъ, что дворникъ Ванчакова Гаврило Богдановъ (тотъ самый мальчикъ, который оставался за дворника) уѣхалъ на родину, также какъ и серебряники, жившіе въ домѣ Костылева.

При донесеніи было представлено всего 16 человѣкъ, считая тутъ упомянутыхъ уже нами троихъ обвиняемыхъ въ нападеніи на Кралицкаго и двухъ по особому дѣлу ¹⁾). Того же дня всѣ эти люди были отосланы въ Петропавловскую крѣпость, но комендантъ Сукинъ возвратилъ оберъ-полиціѣмейстеру четырехъ изъ мясниковъ «за неимѣніемъ въ крѣпости свободныхъ мѣстъ». Потому они отправлены для содержанія подъ строгимъ карауломъ въ Московскую часть.

Не принятые въ крѣпость мясники были помѣщиками крестьяне изъ одной и той же вотчины: Сергѣй Михайловъ, Федоръ Семеновъ, Дмитрій Дмитріевъ, Петръ Архиповъ.

Хотя они на допросѣ ни въ чемъ не сознались, но оберъ-полиціѣмейстеръ нашолъ нужнымъ доложить ихъ показанія высочайше учрежденной слѣдственной комисіи и просилъ разрѣшенія о производствѣ слѣдствія надъ ними, а также еще надъ тремя лицами, обвиняемыми по другимъ дѣламъ ²⁾).

¹⁾ Эти двое были дворовые Андрей Артамоновъ и Федоръ Зоринъ, обвинявшиеся въ шумѣ и битвѣ городского унтеръ-офицера Воротилова, при взятіи 30-го іюня чернью канцеляриста Никанорова. Артамоновъ взятъ Воротиловымъ 7-го іюля. Богѣе свѣдѣній объ этомъ случаѣ мы не имѣемъ.

²⁾ Оберъ-полиціѣмейстеръ докладывалъ тогда комисіи еще показанія крестьянъ: 1) Степана Шенкарева, обвиняемаго въ оскорбленіи Кавалергардскаго полка адъютанта, 2) Клавдія Голованова, обвиняемаго въ оскорбленіи словами Семеновскаго полка офицера, 3) вольноотпущеннаго Василья Филипова, обвиняемаго въ буйствѣ противъ штабъ-лекаря Добрецова. Подробности этихъ дѣлъ, такъ и еще одного: о поступкахъ канцеляриста Коржикова, содержащагося въ Литейной части, которое поручено было имѣсть съ ними Иванову для строжайшаго изслѣдованія преимущественно предъ всѣми дѣлами,—намъ неизвѣстны.

27-го августа послѣдовало разрѣшеніе о производствѣ этого слѣдствія.

При слѣдствіи обвиненіе на этихъ мясниковъ не подтвердилось. Не подтвердилось оно и относительно содержавшагося въ крѣпости одвотчиннаго товарища ихъ Василья Архипова. Что же касается до прочихъ мясниковъ и дворника дома Костылева, то еще при упомянутомъ нами докладѣ комисіи, сдѣланномъ 27-го августа, ихъ уже не было въ крѣпости. Допроса ихъ не было и потому они не привлекались къ дѣлу.

По окончаніи слѣдствія оставленъ былъ подъ стражею одинъ Родонъ Яковлевъ, перемѣщенный изъ крѣпости въ тюрьму.

Въ судебныхъ мѣстахъ дѣло разсматривалось только по обвиненію въ нападеніи на Кралицкаго.

Въ августѣ 1832 года Уголовная палата освободила отъ суда всѣхъ обвиняемыхъ, но при этомъ оставила Яковлева въ подозрѣніи и распорядилась отослать его въ вотчину, съ тѣмъ чтобы за поведеніемъ его былъ строгій надзоръ. Мясникамъ велѣно было «строго подтвердить, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ не вмѣшивались ни въ какія общества, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго по законамъ наказанія».

IV.

По случаю храмоваго праздника и гулянья въ Ивановъ день 24-го іюня, опасались буйства ямщиковъ Московской ямской слободы, тѣмъ болѣе что до военнаго генераль-губернатора дошло слухъ, будто ямщики похвалялись, что если покажется въ ямской полицейская холерная карета, то они разобьютъ ее. Поэтому-то окружной комисаръ надъ казенными поселянами петербургскаго, шлиссельбургскаго и царскосельскаго уѣздовъ, капитанъ графъ Люксамбургъ, еще наканунѣ Иванова дня, приказалъ головѣ Московской ямской слободы, Александру Лету, строго наблюдать, чтобъ ямщики отнюдь толпами не ходили по проспекту. На другой день, чтобъ избѣжать свопищъ ямщиковъ на улицѣ, ворота у всѣхъ домовъ были заперты; самъ графъ Люксамбургъ былъ въ ямской слободѣ и наблюдалъ за поддержаніемъ тишины между ямщиками и удостовѣряетъ, что «въ буйныхъ поступкахъ, учиненныхъ нѣкоторыми простолюдинами, ямщики ввѣреннаго ему управленія вовсе не участвовали».

Кстати, замѣтимъ здѣсь объ упомянутомъ нами случаѣ. Графъ Люксамбургъ завѣрилъ генераль-губернатора, что будто бы, за два дня до 24-го іюня, бывшій ямской голова Василій Брицынъ похва-

лялся въ кабакѣ, что съ ямщиками будетъ упорствовать, если полиція станетъ забирать ямщиковъ для отсылки въ лазаретъ.

Брицынъ по этому случаю подвергнуть былъ слѣдствію. Всѣ указанія на лицъ, отъ которыхъ будто бы Люксамбургъ получилъ свѣдѣніе о Брицынѣ, не подтвердились. Люксамбургъ преслѣдовалъ Брицына за то, что противъ желанія графа онъ, съ согласія общества, смѣнилъ неисправнаго поставщика лошадей, на что, впрочемъ, имѣлъ полное право. Люксамбургъ даже достигъ того, что Брицынъ, находившійся головою нѣсколько лѣтъ, удостоенный награды медалью, уменьшившій сборъ съ ямщиковъ на почтовую гоньбу, вмѣсто прежнихъ 12 рублей въ мѣсяцъ съ души, до 2 руб. 10 коп., былъ смѣненъ и преданъ суду за мнимое самовольство.

Судъ оправдалъ Брицына по обоимъ обвиненіямъ, а дѣявія Люксамбурга передалъ на разсмотрѣніе его начальства—мѣстной казенной палаты.

Между тѣмъ, мы узнаемъ, что 24-го іюня разными мастеровыми назначенъ былъ въ Ямской сборный пунктъ, для уничтоженія холерныхъ больницъ. Объ этомъ попечитель больницъ 3-й адмиралтейской части, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ, извѣстилъ военнаго генераль-губернатора чрезъ коллежскаго секретаря Павла Крупеникова. Что вслѣдъ за тѣмъ происходило—не передаютъ подробно находящіяся у насъ подъ рукою документы, но видно, что потому холерныя больницы охранялись военнымъ карауломъ и патрули ходили по улицамъ, забирая подъ арестъ.

Спокойствіе, однако-жь, не было восстановлено и къ вечеру. Въ 7 часу пьяная толпа народа остановила, на углу Усачева переулка, ѣхавшаго на дрожкахъ штабсъ-капитана Михайлова, избила и изуродовала его, какъ говорится, до полусмерти. Окровавленный Михайловъ едва испускалъ слабые крики. Въ это время подошелъ къ толпѣ возвращавшійся домой Крупениковъ и сказалъ мужикамъ:

— «За что вы его бьете, лучше представьте живымъ правительству».

Услыша эти слова, мастеровой въ фризовой гороховаго цвѣта шинели закричалъ: «а, и ты докторъ, тебя-то мы и ищемъ», схватилъ Крупеникова за грудь и оборвалъ на немъ шейную золотую цѣпь отъ часовъ и такую же цѣпочку съ ключикомъ. Къ мастеровому присталъ мужикъ съ рыжею бородой и началъ ругать Крупеникова. Стоявшій неподалеку извозчикъ Лазарь Антоновъ, который хорошо зналъ Крупеникова, заступился было за него и началъ увѣрять, что это не полякъ и не докторъ, а настоящій русскій, и живетъ тутъ же въ Усачовомъ переулкѣ. Толпа было приостановилась, но мужикъ съ рыжей бородою потребовалъ, чтобъ Крупеникова обыскали. На горе его

при немъ оказался пузырекъ съ уксусомъ. Мужикъ закричалъ, что это ядъ и объясненіямъ Крупеникова, что онъ носить при себѣ уксусъ какъ предохранительное средство отъ холеры, уже никто не вѣрилъ.

— «Какъ же ты увѣрялъ насъ, что онъ не полякъ, — а вотъ носить съ собой ядъ», кричали изъ толпы извощику Лазарю и тутъ же досталось ему въ шею нѣсколько кулаковъ.

Въ Усачевомъ переулкѣ подлѣ будки стоялъ биржевой извощикъ. Онъ присоединился также къ толпѣ.

— «А, дворянчики, и на васъ пришла очередь, бей ребята его до смерти!» кричалъ извощикъ и первый началъ бить Крупеникова.

Мужикъ съ рыжей бородой и прочіе изъ толпы послѣдовали этому примѣру. При побояхъ упала съ Крупеникова шляпа и ее хотѣлъ было поднять знавшій его кузнечный ученикъ Анисимъ Чеморовскій, но кто-то изъ толпы ударилъ его самого по шеѣ. У него самого слетѣла съ головы шляпа, однако-жъ онъ успѣлъ ее поднять и затѣмъ вмѣстѣ съ извощикомъ Лазаремъ Антоновымъ отправился извѣстить прислугу Крупеникова о случившемся съ ея барининомъ.

Крупеникова поволокли чрезъ Никольскій мостъ въ 3-ю часть. Но еще въ 5 кварталѣ 4-й части ему какъ-то удалось было вырваться и сбѣжать въ ресторацію, находившуюся въ домѣ полковника Аничкова. Прислуга вытолкнула его изъ заведенія и заперла дверь.

Вскорѣ повстрѣчался съ толпою поручикъ Круглековъ съ командою, назначенною для патруля. Онъ велъ еще какихъ-то забранныхъ имъ людей и отобралъ отъ толпы Крупеникова, а также пузырекъ съ уксусомъ. Народъ однако-жъ не отставалъ отъ Крупеникова. Мужикъ съ рыжею бородою слѣдилъ какъ привели его сначала къ пикету, стоявшему у больницы въ 4 кварталѣ 3-й части, а потомъ на Сѣвную гауптвахту, гдѣ и принять былъ Крупениковъ.

Жалобу свою съ описаніемъ происшедшаго Крупениковъ подавъ военному генералъ-губернатору 2-го іюля, объясняя, что ранѣе не могъ этого сдѣлать по болѣзни отъ побоевъ, да и теперь, едва съ помощію врача, получилъ малое облегченіе.

Отысканъ былъ полиціею мастеровой въ фризовой шинели. Крупениковъ и свидѣтели признали его. Это былъ нарвскій уроженецъ Карлъ Гохфельдъ, подмастерье столярнаго временнаго цѣха. Съ великаго поста онъ не имѣлъ работы и живалъ по временамъ 3-й части 3-го квартала въ Полтарацкомъ домѣ, принадлежавшемъ тогда княгинѣ Шаховской. Гохфельдъ во всемъ заперся и прежде еще допроса отправленъ въ тюрьму.

Сыскали и мужика съ рыжей, окладистой бородой. Это былъ удѣльный крестьянинъ Царскосельскаго уѣзда, Красносельской вотчины, сло-

боды Павловской, Егоръ Сергѣевъ Грановъ, прїѣзжавшій 24-го іюня въ Петербургъ для продажи сѣна. Онъ сказалъ, что, остановясь у лабазника на Никольскомъ рынкѣ, видѣлъ въ толпѣ народа человѣка въ синемъ однобортномъ сюртукѣ, вырывавшагося изъ рукъ какого-то бѣлокурого мужика, котораго называли мясникомъ. О человѣкѣ въ сюртукѣ сказывали въ народѣ, что его поймали съ ядовитыми порошками, что онъ полякъ и просили помочь мяснику отвезти поляка на гауптвахту. Мясникъ несъ порошки, счетомъ до 12-ти, а онъ, сѣнникъ, повелъ человѣка въ сюртукѣ, держа его за лѣвую руку. Повстрѣчавшись съ пикетомъ, сдали этого человѣка и потомъ провожали его до гауптвахты на Сѣнной, гдѣ какой-то генераль принялъ задержаннаго ими и порошки, а провожавшую толпу распустилъ по домамъ.

Грановъ отосланъ въ тюрьму. Дознано, что извозчикъ, котораго Крупениковъ обвинялъ въ томъ, что онъ кричалъ: «а, дворянчики, и на васъ пришла очередь; ребята, бей его до смерти!», былъ крестьянинъ Старицкаго уѣзда, Моловской волости, деревни Пыхова, Харитонъ Федотовъ. Онъ оказался выѣхавшимъ изъ Петербурга на родину въ Тверскую губернію; но къ слѣдствію требованъ не былъ и остался не спрошенъ. Впрочемъ свидѣтели по дѣлу вовсе не упоминаютъ объ этомъ случаѣ.

Крупениковъ указалъ и служителей изъ рестораціи купчихи Соколовой, вытолкнувшихъ его обратно къ толпѣ. Служители отозвались, что при приближеніи къ заведенію толпы имъ приказано было запереть двери и въ это-то время вбѣжалъ было Крупениковъ, но при всѣхъ усиліяхъ впущенъ не былъ, чтобы чернь не могла ворваться въ заведеніе и надѣлать убытка содержательницѣ.

Сама хозяйка объяснила, что 24-го іюня, когда по случаю холеры происходило отъ возмущившейся черни нарушеніе благочинія, она, по примѣру прочихъ содержателей трактировъ и подобныхъ заведеній, опасаясь, чтобы волнующійся народъ не могъ ворваться въ заведеніе и причинить какого-либо вреда и раззоренія, приказала служителямъ своимъ, чтобы они, какъ только замѣтятъ большое стѣсненіе народа и что другіе сосѣдственные содержатели запрутъ свои заведенія, то и ея ресторацію тотчасъ бы заперли. Въ то время каждый старался спастись себя и свою собственность и не было никакой возможности узнать въ возмущившейся толпѣ ни правыхъ, ни виновныхъ. слѣдовательно и при желаніи укрыть праваго можно было ошибиться и скрыть виновнаго, за что должно было опасаться ответственности предъ правительствомъ, а особенно отъ возмутителей неизбежнаго несчастья.

Поручикъ Кругленковъ и его патруль спрошенъ не былъ и вообще дальнѣйшихъ разъясненій дѣла не производилось.

Оберъ-полиціймейстеръ причиною поступковъ Гохфельда и Гранова считалъ одно неосновательное подозрѣнiе и дерзкое самоуправство и потому призналъ дѣло не подлежащимъ разсмотрѣнiю слѣдственной комиссiи, высочайше утвержденной. Съ нимъ согласился и военный генералъ-губернаторъ.

Санктпетербургская уголовная палата приговорила: «Гохфельда и Гранова, какъ обличившихся начинщиковъ собственными дерзкими дѣйствiями въ битiи Крупеникова, наказать публично руками палача плетью и дать 15 ударовъ; послѣ, какъ людей порочныхъ, выслать Гранова въ вотчину, а Гохфельда въ Нарву на мѣсто его жительства, съ запрещенiемъ проживать въ столицѣ, при чемъ Гохфельда предать на мѣстѣ сужденiю духовнаго начальства за небытiе на исповѣди и у св. причастiя, а сверхъ того предписать надворному суду, чтобы онъ потребовалъ присылки съ мѣста родины ямщика Харитона Федотова, для производства о немъ слѣдствiя».

Гражданскiй губернаторъ требовалъ ссылки подсудимыхъ въ Сибирь. Поэтому дѣло пересматривалось въ сенатѣ, который, въ июнѣ 1832 г., нашолъ требованiе губернатора превышающимъ мѣру содѣяннаго преступленiя и утвердилъ приговоръ палаты, но съ тѣмъ, чтобы осужденнымъ дано было по 25 ударовъ плетью.

Не видно однакожъ, чтобы надворный судъ сдѣлалъ требуемое отъ него распоряженiе относительно извозчика Федотова.

V.

Часу въ 9-мъ утра, 25 iюня, двое служителей фонарной команды, назначенныхъ для подниманiя съ улицы заболѣвающихъ и умершихъ отъ холеры, находились при полицейской будкѣ въ Каретной части близъ Новаго моста. Кто-то далъ знать въ будку, что на проспектѣ лежитъ мертвый. Фонарщики отправились по указанiю, для исполненiя своей обязанности, и увидѣли лежащаго на улицѣ въ Московской ямской слободѣ близъ приходскаго училища, около моста, на лѣвой сторонѣ Лиговки, неизвѣстнаго человѣка изъ простаго званiя. Больной былъ повидимому при послѣднихъ минутахъ жизни, ничего не говорилъ, глаза ввалились, лицо почернѣло, голова не держалась на плечахъ, но онъ дышалъ и пульсы бились.

Фонарщики подняли больного, посадили на извозничьи дрожки и

одинъ изъ нихъ, придерживая больного, приказалъ везть его на Съѣзжій дворъ. Толпа народа, человекъ до 20, окружила фонарщика и умирающаго. Толковали, что мужикъ былъ совершенно здоровъ и захворалъ, лишь только напился воды. Въ то же время къ дрожкамъ подошелъ патруль изъ унтеръ-офицера съ 11 рядовыми лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, посланный въ Ямскую для соблюденія тишины и спокойствія; а затѣмъ вскорѣ тутъ же проѣзжалъ въ парныхъ дрожкахъ частный медикъ Каретной части, штабъ-лекаръ Костылевъ. Народъ узналъ его и нѣсколько голосовъ обратилось къ доктору съ требованіемъ—не можетъ ли онъ пособить больному.

Костылевъ, соскочивъ съ дрожекъ, подбѣжалъ къ больному, бѣгло осмотрѣвъ его, призналъ мертвымъ и отдалъ такой приказъ фонарщику:

— «Отвези тѣло въ Съѣзжій домъ, для отправленія на показанное мѣсто», затѣмъ Костылевъ сѣлъ на свои дрожки и отправился черезъ мостъ, къ захворавшей женѣ одного купца.

Больной еще двигался и въ толпѣ послышались укоры:

— «Живыхъ людей поднимаете и отвозите хоронить».

Нѣкоторые старались оказать больному пособіе; принесли изъ сосѣднихъ домовъ деревяннаго масла, прѣснаго молока, лили мужику въ ротъ; качали его, но больной вскорѣ пересталъ дышать. Все это продолжалось съ четверть часа, а между тѣмъ Костылевъ возвращался отъ больной тою же дорогой. Кто-то изъ толпы закричалъ: «вонъ докторъ ѣдетъ» и всѣ кинулись къ Новому мосту, гдѣ и встрѣтили Костылева. Одни схватились за рессору дрожекъ, другіе кинулись къ возжамъ, остановили лошадей, стащили съ козелъ кучера, а потомъ и самого Костылева. По словамъ его, нѣкоторые бросились искать у него по карманамъ и кто-то вытащилъ бумажникъ съ 700 р. асс. и маловажными записками; шляпа съ него была сорвана, также какъ и золотая цѣпочка отъ часовъ съ печатью, но ихъ потомъ возвратилъ ему какой-то мѣщанинъ или купецъ. Кучеръ и докторъ были избиты, однако-жъ Костылеву какъ-то удалось вырваться изъ толпы и онъ подбѣжалъ было къ отворенному окну приходскаго училища, что-бы прыгнуть туда и скрыться. Жившій тутъ смотритель училища, титулярный совѣтникъ Григорьевскій, пришелъ въ затрудненіе какъ поступить. Народъ кричалъ: «если впустишь этого человѣка, мы вытащимъ самого тебя, учитель. Подай намъ вмѣсто мертваго живого». Недолго думая, Григорьевскій захлопнулъ окно и Костылевъ остался окруженный толпой.

Одни величали его измѣнникомъ полякомъ, котораго надо убить, а между тѣмъ въ толпѣ, по словамъ Костылева, многіе знали его ранѣе и прибѣгали къ его пособію. «Вотъ мужикъ отъ того померъ,

что онъ далъ ему воды напиться», кричали другіе, а одинъ ямщикъ, Алексѣй Гроховъ, запустивъ руку въ карманъ панталонъ его, вынулъ ее оттуда, какъ будто обыскавъ Костылева, поднялъ ее вверхъ и громко заявлялъ: «вотъ холера, вотъ онъ ѣдитъ и чѣмъ отравляетъ».

Мнимая находка въ карманѣ Костылева были три обыкновенныхъ конфекты въ бумажкахъ. О нихъ потомъ Гроховъ показалъ, что будто бы поднималъ ихъ на проспектъ.

На шумъ между тѣмъ подоспѣлъ голова Ямской слободы Александръ Летинъ и насколько могъ уговаривалъ толпу, въ которой частью были и ямщики, чтобъ доктора не убивали, а предали въ руки правительства. Тутъ же еще во-время подоспѣлъ и патруль, успѣвшій окружить избитаго и окровавленнаго Костылева; тогда изъ толпы кричали: «подай намъ его сюда, мы разорвемъ его на мелкія части!»

Увѣдомленный о буйствѣ къ патрулю прибылъ поручикъ Семеновскаго полка Загряжскій, но и онъ успѣлъ остановить дальнѣйшія нападенія на доктора только тѣмъ, что, по требованію толпы, приказалъ его связать какъ преступника. Въ такомъ видѣ оставался Костылевъ, пока на подкрѣпленіе патруля не прибылъ отрядъ изъ того же полка подъ командою прапорщика Фролова. Наконецъ, въ слободу съ отрядомъ лейбъ-уланъ прибылъ и временной военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь Трубецкой. Костылевъ, подъ прикрытіемъ уланъ, отправленъ былъ въ квартиру и потомъ два дня хворалъ.

Въ это утро Ямскую слободу навѣщаль и государь.

Въ дѣлѣ этомъ интересна роль, какую занимала полиція. Мѣстный надзиратель 2 квартала Каретной части, Гречуновскій, пишетъ, что видѣлъ только толпу народа близъ училища, поспѣшилъ объ этомъ дать знать частному приставу Штивену. Хотя потомъ оба прибыли къ толпѣ, но едва оттуда ушли. Гречуновскій отправился для доклада князю Трубецкому и оберъ-полицеймейстеру и потомъ видѣлъ избитаго Костылева, уже когда его провожала военная команда. Изъ показанія же одного свидѣтеля изъ ямщиковъ узнаемъ, что въ то время, какъ собирались въ слободу войска, Гречуновскій подозвалъ его и, указывая впереди на толпу, собравшуюся около училища, приказывалъ, чтобъ свидѣтель посмотрѣлъ, нѣтъ ли въ толпѣ кого изъ ямщиковъ и отозвалъ бы ихъ прочь.

Свидѣтель отозвался, что ямщиковъ тутъ нѣтъ, а если собирать ихъ по квартирамъ, на то есть разсылные.

Надзиратель 1 квартала, Проценко, отозвался лишь, что видѣлъ избитаго и окровавленнаго Костылева, а надзиратель 3 квартала, Тимошенко, передалъ, что 25 іюня по утру, часу въ 9-мъ или 10-мъ,

чернорабочіе, собравшись во множествѣ, производили разныя неистовства и буйство, останавливая всякаго, обыскивали, нѣтъ ли яду. Это болѣе происходило во 2 кварталѣ около церкви Іоанна Предтечи. Въ кварталѣ къ нему доходили слухи, что частнаго доктора убили, другіе утверждали, что только прибили и взяли и что при этомъ случаѣ прибили и частнаго пристава Штивена. Въ толпѣ, когда увидѣли Тимошенку проходившимъ въ своемъ кварталѣ по другую сторону Лиговскаго канала, раздались голоса: «вотъ еще одинъ идетъ» и многіе бросились на сторону его квартала. Тимошенко спасся бѣгствомъ въ чужомъ домѣ. А изъ толпы въ слѣдъ ему было пущено до 10-ти булыжныхъ камней изъ мостовой. Впрочемъ, свидѣтель его, купецъ Грибакинъ, рассказываетъ только, что перейдя изъ Ямской Лиговскій каналъ, встрѣтилъ Тимошенку и сказалъ ему: «намъ тутъ нечего дѣлать и съ буйнымъ народомъ не сладить, а лучше пойдете-ка по домамъ, цѣлѣе будетъ»;—и затѣмъ ушелъ.

Самъ приставъ Штивенъ объяснилъ, что когда, по извѣщенію надзирателя Гречуновскаго, прибылъ въ Ямскую слободу, засталъ доктора избитаго и связаннаго подъ охраною патруля, «въ кругу неистовыхъ» людей, которыхъ голова Летинъ уговаривалъ не бить Костылева. Штивенъ далѣе передаетъ, что онъ, «бросившись въ средину разъяренной черни сей, принималъ всевозможные способы спасти жизнь Костылева, въ чемъ и успѣлъ, съ помощію прибывшей къ нему воинской команды, при томъ «когда самъ подвергнутъ былъ опасности», то трое ямщиковъ заботились о его спасеніи.

Къ дѣлу привлечены были ямщики Московской слободы.

1) Петръ Капелинъ. На него выведено было обвиненіе, что онъ первый указалъ толпѣ на возвращавшагося въ слободу доктора и что онъ кричалъ подъ окномъ у приходскаго училища.

2) Дмитрій Абакумовъ, какъ первый ухватившій за возжи коренную лошадь.

3) Алексѣй Гороховъ, выдававшій конфеты за найденный у Костылева ядъ.

4) Алексѣй Блинниковъ, какъ участникъ буйства, требовавшій связать и убить Костылева.

Сверхъ того есть указаніе, что начинщикомъ буйства былъ крестьянинъ графа Литты, Антонъ Осиповъ, но онъ не былъ отысканъ въ Петербургѣ и остался не спрошенъ.

Четверо обвиняемыхъ содержались сначала при полиціи, а потомъ въ тюрьмѣ. Изъ нихъ потомъ сенатъ (въ указѣ 27-го іюля 1832 г.) призналъ Алексѣя Горохова уличеннымъ въ подстрекательствѣ и буйствѣ и приговорилъ: «наказать чрезъ нижнихъ полицейскихъ служи-

гелей, при собраніи ямщиковъ, плетью 25 ударами, оставить въ жилищѣ подѣ строгимъ подтвержденіемъ отъ всякихъ дерзкихъ поступковъ, служащихъ поводомъ другимъ, удерживаться. Прочихъ же подсудимыхъ, ямщиковъ Абакумова, Капелина и Блинникова, какъ ясно неувличенныхъ въ участвованіи къ буйству противъ штабъ-лекаря Костылева», сенатъ освободилъ, «оставя токмо въ подозрѣніи».

VI.

Въ Нарвской части, за шлагбаумомъ, близъ Триумфальныхъ воротъ, на большой дорогѣ, проживала старушка вдова фабриканта иностранка Елизавета Парвиль или Барби. Къ ней въ понедѣльникъ 29 іюня, въ праздникъ Петра и Павла, собралось небольшое общество. Были тутъ ключница фабричнаго мастера, саксонская подданная вдова Елизавета Моргенфро, молодой человекъ курскій посадскій Иванъ Богдановъ, служившій прежде по полиціи отставной чиновникъ Василій Мыловъ и финляндецъ Иванъ Фрейманъ.

Фрейману было лѣтъ 30. Онъ уже 17 лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, служилъ сначала купеческимъ прикащикомъ, потомъ таможеннымъ объѣзчикомъ, а въ послѣднее время содержалъ для чухонцевъ постоянный дворъ по сосѣдству съ Барби. Знакомъ онъ съ нею былъ уже года съ два, иногда ссужалъ ее небольшими деньгами и Барби знала его за пустого болтуна, даже предостерегала его, дабы онъ былъ воздержнѣе на языкъ.

Разговоръ въ обществѣ коснулся холеры. «Вчера, въ воскресенье, когда государь проходилъ мимо сената, кто-то выстрѣлилъ въ него изъ сенатскихъ оконъ», заговорилъ Фрейманъ. «Пронсшествія на Сѣнной и въ другихъ мѣстахъ и безпорядки въ городѣ отъ простого народа только цвѣтки, а ягодки будутъ еще впереди», — продолжалъ далѣе Фрейманъ.

Хозяйка и гости говорили, чтобъ онъ пустяковъ не болталъ и дурныхъ слуховъ не разносилъ. Фрейманъ отозвался:

— «Это не ваше дѣло, я знаю, что говорю, и если спросятъ, дамъ отвѣтъ и отъ кого слышалъ, докажу. Не боюсь говорить правду».

— Какъ ты, Иванъ Ивановичъ, говорилъ зимою, что хлѣба здѣсь будетъ много, а ѣсть станетъ некому, что Петербургъ будетъ пустъ и въ немъ не останется болѣе трехъ домовъ попрежнему—спросила Барби.

— «Сказалъ, такъ, что будетъ, то будетъ. Я не боюсь никого объ

этомъ говорить и дамъ отвѣтъ на этотъ счетъ тройной противъ одного вопроса, когда дойдетъ дѣло до меня», разсердившись сказалъ Фрейманъ.

Барби остановила его требованіемъ, чтобъ онъ при всѣхъ сказалъ: какіе здѣсь люди ходятъ съ большимъ зажигательнымъ стекломъ, которое дѣйствуетъ за пять верстъ и дальше, такъ что отъ него могутъ загораться строения и лѣса, какъ о томъ онъ прежде передавалъ ей.

Раздраженный Фрейманъ повторялъ попрежнему, что никого не боится, дасть при спросѣ тройной отвѣтъ и затѣмъ, ворча что-то по чухонски, вышелъ вонъ.

Въ тотъ же день посадскій Богдановъ, въ силу вѣрноподаннической присяги, подалъ доносъ на Фреймана.

Фрейманъ при допросѣ сказалъ, что какіе въ квартирѣ Барби были разговоры о холерѣ—не помнить, но дѣйствительно передавалъ слышанное имъ въ харчевнѣ отъ сидѣльца мелочной лавочки, будто во время прохода государя чрезъ Исакиевскую площадь неизвѣстный человѣкъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья и скрылся.

По указанію Фреймана былъ отысканъ сидѣлецъ лавки, помѣщикій крестьянинъ Василій Виноградовъ. Онъ сказалъ, что переданное Фрейману слышалъ отъ своего хозяина мѣщанина Семена Софронова, у котораго Фрейманъ снималъ постоянный дворъ. Но Софроновъ отъ этого отказался. Виноградовъ доказывалъ, что при разсказѣ хозяина былъ еще другой работникъ, Горностаевъ, который воскликнулъ тогда: «Боже мой, какое время пришло». Но и Горностаевъ отозвался, что ничего не слышалъ.

Фрейманъ и Виноградовъ были заключены въ тюрьму. Изъ бумагъ видно, что рѣшенное дѣло о нихъ возвращено было изъ сената въ сентябрѣ слѣдующаго года; но содержаніе рѣшенія намъ неизвѣстно.

Пока въ судебныхъ мѣстахъ производилось дѣло о Фрейманѣ, оберъ-полиціймейстеръ, 17 августа 1831 года, потребовалъ преданія суду Барби, Моргенфро и Мылова за необъявленіе правительству въ свое время о слышанныхъ ими ложныхъ разглашеніяхъ Фреймана.

Уголовная палата нашла, что «сама хозяйка, а равно и бывшіе у нея гости, къ задержанію Фреймана ничего не предприняли и о словахъ ихъ, говоренныхъ до начатія слѣдствія, правительству не объявили. Въ каковомъ случаѣ хотя они и поступили весьма неосмотрительно, но поелику дѣло не обнаруживаетъ, чтобъ сіе было ими учинено съ намѣреніемъ и чтобъ они подобныя желѣзныя разглашенія переводили кому либо другому, а напротивъ еще возражали противу неосновательности оныхъ, а потому, въ восчувствованіе сей неосмотрительности, замѣнивъ имъ въ наказаніе бытность подъ судомъ, сдѣлать имъ строгое подтвержденіе, чтобъ на будущее время подобныхъ случаевъ мол-

чаніемъ не пропускали, а извѣщали бы мѣстное начальство подъ опасеніемъ отвѣтственности за противное».

VII.

29-го же іюня, часу въ 9-мъ или 10-мъ вечера, неподалеку отъ Волковскаго вѣзда, во 2 кварталѣ Каретной части, валялся на улицѣ пьяный работникъ столярнаго мастера, дворовый человекъ Степанъ Михайловъ, 20 лѣтъ, а неподалеку отъ него стоялъ на часахъ таможенный досмотрщикъ, отставной фейерверкеръ Романъ Аняновъ, старикъ за 60 лѣтъ, имѣвшій Кульмскій крестъ и медаль за 1812 годъ.

— «Возьмите меня, я въ холерѣ», кричалъ Михайловъ. Аняновъ подошелъ къ нему и сталъ уговаривать, чтобы пошелъ домой, но Михайловъ не унимался и сталъ бранить стражника.

— «Кто далъ тебѣ кресты? кричалъ онъ — полякъ далъ. За то мы насъ и продаете, и окармливаете ядомъ».

— «Глупо дѣлаешь, что нейдешь спать, да еще ругаешься», говорилъ Аняновъ, но Михайловъ продолжалъ свое. Унималъ Михайлова сторожъ съ полицейской будки Іогановъ. «Рѣжу (?) полицію», ругаясь кричалъ столяръ.

Уговаривалъ его случившійся тутъ же смотритель откупной корчемной стражи, отставной чиновникъ Варламовъ, пришедшій посмотреть исправенъ ли приставленный отъ откупа корчемный сторожъ, но и это не помогло. Подойдя къ стражнику, Михайловъ сунулся на него всѣмъ тѣломъ, схватилъ за грудь и сорвалъ крестъ съ медалью. Схватился было за желѣзный щупъ, бывшій въ рукахъ Анянова, но тотъ повалилъ Михайлова и не допустилъ вырвать щупъ. Затѣмъ кто-то изъ рабочихъ увелъ Михайлова домой, а на другой день онъ взятъ былъ въ полицію.

Михайловъ не сознался и разсказалъ, что, проходя мимо стражниковъ, спросилъ ихъ: «что вы, таможенные, загуляли?» Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «тебѣ что за дѣло» и сталъ ругаться, а когда Михайловъ возразилъ: «что ты, собака, лаешься», то таможенные, изъ которыхъ у одного былъ щупъ, бросились его бить и сшибли съ ногъ, затѣмъ онъ вырвался и убѣжалъ домой. По словамъ Михайлова отъ удара щупомъ у него остались на рукѣ знаки.

Полицейскій сторожъ остался почему-то неспрошенъ, знаковъ отъ побой на рукѣ у Михайлова не осматривали, а откупные служащіе подтвердили обвиненіе.

Михайловъ былъ отосланъ въ тюрьму и дѣло о немъ рѣшено въ уголовной палатѣ въ апрѣлѣ 1832 года. Палата нашла его виновнымъ въ дерзкихъ поступкахъ и непристойныхъ словахъ противъ Анянова и приговорила наказать его 30 ударами плетей, чрезъ полицейскихъ служителей, а потомъ отдать подъ надзоръ владѣльцѣ его г-жѣ Ключниковой.

А. Г. Пупаревъ.

С.-Петербургъ, 1871 г.

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1853 — 1856 гг.

Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной
и крымской арміи, ген.-маіора Духонина,

† 1865 г.

Авторъ записокъ, веденныхъ подъ Севастополемъ въ войну 1853—1856 гг., генералъ-маіоръ Лаврентій Григорьевичъ Духонинъ († 1865 г.) происходитъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Отецъ Лаврентія Григорьевича—Григорій Васильевичъ происходилъ изъ оренбургскихъ казаковъ, былъ богатъ и имѣлъ большія помѣстья близъ г. Смоленска — въ 5-ти верстахъ отъ города, тамъ, гдѣ нынѣ пролегаютъ Московское шоссе и Смоленско-московская желѣзная дорога.

Во время отечественной войны 1812 г. Григорій Васильевичъ, а съ нимъ и родъ Духониныхъ лишились своего состоянія; оно было разграблено французами, ими же разорены и всѣ имѣнія, которыя были проданы и въ 1820-хъ годахъ перешли къ генералу Шемпелю.

Лаврентій Григорьевичъ родился 8-го августа 1795 г. въ гор. Смоленскѣ, а на 10-мъ году отъ роду—въ 1805 г. отвезенъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и опредѣленъ въ императорскій военно-сиротскій домъ, преобразованный впоследствии въ Павловскій кадетскій корпусъ. Послѣ 9-ти лѣтняго тамъ воспитанія Лаврентій Григорьевичъ Духонинъ, въ 1814 г., былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи, съ назначеніемъ на службу въ 10 резервную артиллерійскую бригаду, въ батерейную № 44 роту. Вслѣдствіе послѣдовавшихъ затѣмъ измѣненій въ организаціи полевой артиллеріи того времени, эта рота была переименована въ № 47 роту той же бригады, послѣ въ 26-ю 13-й артиллерійской бригады, а въ 1816 году въ резервную № 5-й батерейную роту 17-й артиллерійской бригады. Въ 1825 году Лаврентій Григорьевичъ былъ переведенъ въ 4-ю парочную батерейную роту той же бригады, а затѣмъ вскорѣ назначенъ командующимъ 4-ю батерейною ротою 7-ю артиллерійской бригады. Между тѣмъ наступила турецкая война 1828 г. и Лаврентій Григорьевичъ принялъ въ ней участіе въ составѣ войскъ, блокировавшихъ и бомбардировавшихъ крѣпость Силистрію, причемъ командовалъ двумя орудіями. Въ 1829 г. Лаврентій Григорьевичъ находился при осадной артиллеріи,

съ которою участвовалъ при взятіи крѣпостей Силистріи и Варны а также при занятіи гор. Адрианополя, гдѣ перенесъ чуму.

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію наступила польская война 1831 года, въ которой, въ чинѣ капитана, Лаврентій Григорьевичъ участвовалъ — въ должности командира артиллерійскаго парка, а при штурмѣ г. Варшавы руководилъ дѣйствіями при производствѣ лабораторныхъ работъ. Въ 1834 г. Лаврентій Григорьевичъ назначенъ командиромъ 3-й парковой бригады, а въ 1838 г. произведенъ въ чинъ полковника. Съ наступленіемъ венгерской войны 1849 г. эта бригада поступила въ составъ отряда ген.-адъютанта Граббе и прошла черезъ Галицію въ Венгрію. По возвращеніи въ Россію вскорѣ, въ предвидѣніи новой войны, Лаврентію Григорьевичу, въ 1853 году, поручено было завѣдываніе и устройство подвижныхъ и промежуточныхъ парковъ войскъ 3, 4 и 5 корпусовъ. Въ 1854 г. послѣдовало производство Лаврентія Григорьевича въ чинъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ на должность начальника артиллерійскихъ парковъ южной арміи. При дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій противъ Турціи, Англіи, Франціи и Сардиніи, Лаврентій Григорьевичъ находился съ 9-го апрѣля по 26-е мая при южной арміи, а затѣмъ, въ званіи начальника всѣхъ подвижныхъ и летучихъ парковъ, въ Крыму находившихся, при оборонѣ Севастополя на сѣверной сторонѣ оная, съ 26-го мая по 15-е сентября на Инкерманскихъ высотахъ, а съ 15-го сентября по 20-е марта 1856 г., по день полученія официального увѣдомленія о заключеніи мира — при главной квартирѣ, гдѣ и велъ изо дня въ день свои записки.

Съ окончаніемъ восточной войны, Лаврентій Григорьевичъ 5-го апрѣля 1857 г. оставилъ военную службу и поселился въ своемъ родномъ селѣ Ольшѣ, близъ гор. Смоленска, гдѣ и скончался въ 1865 г., на 70 году отъ рожденія.

М. Л. Д.

I.

Общій очеркъ Севастополя и первыя распоряженія по укрѣпленію его. — Альмское сраженіе. — Фланговое движеніе арміи. — Бомбардировка Севастополя 5-го октября 1855 г. — Смерть Корнилова.

Что такое Севастополь? — Портъ и военная гавань Черноморскаго флота! — Знаменитая бухта, гдѣ стоятъ корабли наши, есть (по выраженію моряковъ) единственная гавань въ мірѣ, гдѣ сама природа устроила ее для безопасной стоянки судовъ, защитивъ высокими горами съ юго-востока и сѣвера. Бухта эта ¹⁾, имѣя вездѣ обрывистые каменные берега и глубину воды въ 9 и болѣе сажень, представляетъ возможность приставать кораблямъ плотно къ берегу. Бухта дѣлитъ городъ на двѣ части: на южную, или настоящій городъ, и сѣверную, въ родѣ предмѣстья. На южной сторонѣ находятся всѣ власти, присутственныя мѣста и

¹⁾ Ширина ея отъ 450 до 500—600 и 750 сажень.

управленія, а также всѣ важнѣйшія зданія, какъ-то: доки, арсеналь, казармы, обсерваторія и прочее. Кромѣ того, съ сухого пути и съ юго-восточной стороны тянется рядъ сомѣнутыхъ полевыхъ укрѣпленій со рвами и амбразурами, вооруженныхъ орудіями большого калибра, а при входѣ въ бухту сторожатъ южную сторону грозные форты: Николаевскій, Павловскій мысоѣ (батарея № 10), фортъ Александра и батарея № 6. На сѣверной же сторонѣ и внутри оной находится небольшая крѣпостца, такъ называемое сѣверное укрѣпленіе, батарея № 4-го, госпиталя и нѣсколько домиковъ матросскихъ семействъ. Отъ самой крѣпостцы и почти до оконечности бухты спускается съ горы сплошной валъ съ куртинами, со рвомъ и амбразурами, вооруженными крѣпостными пушками, и составляетъ наружную оборону съ сухого пути, гдѣ крѣпостца является въ родѣ цитадели. Со стороны моря и при входѣ въ бухту стоятъ береговые форты Константинъ и Михаилъ, правѣ ихъ на высокой горѣ три редута, для удержанія непріятельскихъ кораблей съ моря и для обороны форта Констанциъ и Михаилъ въ случаѣ нападенія на нихъ — съ какой бы стороны ни было; а влѣво отъ фортовъ, и къ Инзерману вдоль бухты, тянется еще 4 редута, для обстрѣливанія батарей непріятельскихъ внѣ южной стороны. Изъ этого очерка видно, что Севастополь нашъ защищается съ моря каменными фортами и батареями, имѣющими взаимную оборону, а съ сухого пути—вновь возведенными полевыми укрѣпленіями.

Теперь взглянемъ на непріятельскую сторону: съ моря многочисленный флотъ — просто лѣсъ издали; нѣсколько разъ я принимался съ телеграфа (въ телескопъ) считать корабли ихъ и нивогда не могъ дойти до 100, въ глазахъ зарыбить и бросишь; примѣрно же и почти безошибочно положить можно—что предъ Севастополемъ и въ Камышевой бухтѣ всѣхъ непріятельскихъ судовъ имѣется около 200, не включая сюда флотъ предъ Балаклавой, Евпаторією, при Керчи и въ морѣ. Съ сухого же пути виднѣются: вблизи—траншеи и батареи, а позади ихъ и вдали—лагери непріятельскіе. Смотри на рядъ непріятельскихъ батарей, огибающихъ Севастополь съ юго-восточной стороны, откуда бросается къ намъ ежедневно отъ 25,000—50,000 до 75,000 бомбъ, гранатъ и ядеръ, независимо ракетъ, съ визгомъ и шумомъ летающихъ на 7 верстѣ, и убійственныхъ штуцерныхъ пуль, сыплю-

щихся градомъ изъ траншей непріятельскихъ; однимъ словомъ, смотря на разрушеніе твердынь нашихъ, защищаемыхъ и обороняемыхъ войсками русскими, на ихъ стойкость и самоотверженіе, съ какимъ отстаиваютъ они честь свою и родной Севастополь, и безропотно умираютъ за вѣру, царя и отечество, невольно спрашиваешь себя: — что это такое? Обыкновенная-ли война и осада города или живая бойня и рѣзня на жизнь и смерть? И дѣйствительно, эта война суцая бойня и рѣзня на жизнь и смерть, ибо упорство непріятеля, озлобленіе гарнизона отъ главнокомандующаго до рядового породило у всѣхъ одну мысль: умремъ, но не отдадимъ живыми Севастополя! Изъ такого общаго ожесточенія за обладаніе Севастополемъ рождается другой вопросъ: отчего англо-французы-турки остаются въ Крыму? Если они сильнѣе насъ численностію войскъ и средствами къ продолженію войны, то почему такъ долго держится Севастополь, ибо полевые укрѣпленія, на-скоро сдѣланныя, не могутъ служить вѣрною защитою города? Если же мы русскіе преобладаемъ надъ непріателемъ и бѣльшими средствами къ оборонѣ и численностію войскъ нашихъ, то для чего заставляемъ держать въ осадѣ Севастополь и не дѣлаемъ какой-либо диверсіи во флангъ и тылъ непріятеля? ¹⁾

Для разъясненія этого вопроса необходимо обратиться къ началу высадки непріятеля въ Евпаторіи и разсмотрѣть его силы и средства, съ которыми онъ вступилъ на нашу землю, и наконецъ самыя средства князя Меншикова, какими онъ могъ располагать для обороны края, какъ главнокомандующій и какъ довѣренная особа государя, на котораго отечество возложило не только защиту Севастополя и флота Черноморскаго, но и сохраненіе чести, достоинства и политическаго значенія Россіи въ Европѣ; отсюда очевидно, что постъ князя Меншикова былъ многозначительный. Теперь посмотримъ, что онъ сдѣлалъ? Касательно предварительныхъ распоряженій къ оборонѣ Крыма, мы положительно знаемъ, что до высадки непріятеля въ Евпаторіи князь Меншиковъ не думалъ о его защитѣ. Всѣмъ извѣстно, что въ октябрѣ 1853 г. была объявлена намъ война туреами, а въ февралѣ 1854 года—французами и англичанами; высадка же

¹⁾ Это замѣчаніе писано въ іюнѣ 1855 года.

союзниковъ на берега Крыма совершилась только 2-го сентября 1854 года.

А что дѣлалъ главнокомандующій въ эти 11 мѣсяцевъ? Шутить и острить на счетъ французовъ и англичанъ! Такое слоужество и удивительное равнодушіе къ пользамъ государства въ тѣ минуты, когда каждый потерянный часъ цѣнился сутками, необходимо должны имѣть и свои причины; въ этомъ предположеніи я замѣтилъ сослуживцамъ князя, что вѣроятно въ распоряженіи его не было денегъ и матеріальныхъ средствъ на этотъ предметъ? „Нѣтъ, отвѣчали они, государь не жалѣлъ денегъ на полезныя предпріятія: севастопольскіе доки, стоившіе казнѣ до 3.000,000 руб. серебр., могутъ служить доказательствомъ; князю стоило только указать государю на обнаженный городъ съ сухого пути—и милліоны посыпались бы въ его распоряженіе. Что же касается до средствъ матеріальныхъ, то они были слишкомъ огромны, а именно: 18,000 матросовъ, до 45,000 линейныхъ войскъ, каменные горы кругомъ города, инверманскіе лѣса и времени 11 мѣсяцевъ ¹⁾).

Эти страшные и грозные для непріятели бастіоны вокругъ Севастополя были воздвигнуты Корниловымъ въ 10—12 дней, когда непріятель уже высадился на берегъ Крыма.

Почему же главнокомандующій не сдѣлалъ этого прежде и довелъ дѣла до крайности, ибо Корниловъ доказалъ, что средства были и что съ русскимъ солдатомъ все сдѣлать можно, если начальникъ воодушевленъ честью гражданина и славою воина?—По той же безпечности князя были брошены на произволъ случая Евпаторія, Балаклава, Феодосія и даже Керчь, запиравшій входъ въ Азовское море и бывший центромъ тамошней торговли. Туда не послали даже инженера осмотрѣть мѣста и донести о мѣстныхъ средствахъ къ укрѣпленію города, а ихъ (то-есть средствъ) довольно было въ Керчи, и стоило только указать, гдѣ и что надо дѣлать, то сами жители для обороны своихъ интересовъ воздвигли бы укрѣпленія на свой счетъ ²⁾).

¹⁾ Кроме того, около Севастополя были огромные запасы корабельнаго гѣса на милліонъ рублей, которые при движеніи непріятели къ городу были сожжены.

²⁾ Такъ отзываются о томъ времени богатые жители и негоціанты города Керчи.

Отчего князь оставался неподвижнымъ до Альмской битвы? Какъ главнокомандующему, ему извѣстны были всѣ тайны политики! Съ марта мѣсяца 1854 г. всѣ иностранныя, а за ними и русскія газеты, твердили о подготавливаемой высадкѣ въ Крымъ и о сборѣ сухопутныхъ и морскихъ непріятельскихъ силъ въ Варшѣ.

Эти вѣсти, хотя и газетныя, не выходили однако-жъ изъ границъ вѣроятія и достаточно указывали на опасность. Не только главнокомандующему, но даже намъ, простымъ офицерамъ, видно было, что Севастополь, какъ военная гавань Черноморскаго флота, всегда будетъ грозой для непріятели, доколѣ станеть существовать флотъ его. Синопская битва въ 1853 году ¹⁾ была „бѣльмомъ“ въ глазахъ англичанъ! о ней и о нашемъ флотѣ кричали и шумѣли гласно въ англійскомъ парламентѣ, а потому легко предвидѣть было, что истребленіе этого флота будетъ главной заботой непріятели. Не смотря однако-жъ на это, князь ничего не сдѣлалъ для обороны Крыма и Севастополя; а потому такое видимое и непонятное равнодушіе къ опасности отечества можетъ объясняться только личною неспособностію главнокомандующаго. Тонкій царедворецъ и дипломатъ, князь Меншиковъ, былъ всегда худой адмиралъ въ морѣ, а еще хуже какъ полководецъ въ полѣ.

Гордый и самолюбивый по характеру, съ умомъ гибкимъ, надменнымъ и хитрымъ, онъ не хотѣлъ слушать предостерегательныхъ совѣтовъ адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина, Новосильскаго, Панфилова и другихъ достойныхъ учениковъ адмирала Лазарева ²⁾, людей съ именемъ, вѣсомъ и значеніемъ, которые, постигая важность обстоятельствъ лучше его, неоднократно предлагали ему объ укрѣпленіи Севастополя, Балаклавы, Евпаторіи и Керчи, именно тѣхъ мѣстъ, которыя впоследствии достались непріятели безъ боя. Но гордый князь думалъ тогда, что, будучи посломъ великаго государя по восточному вопросу

¹⁾ Адмиралъ Нахимовъ, 18-го ноября, сжегъ и уничтожилъ подъ Синопомъ турецкій флотъ, состоявшій изъ 14-ти кораблей и пароходовъ.

²⁾ Адмиралъ Лазаревъ основатель Черноморскаго флота и Севастополя: — всѣ лучшія зданія по морской части принадлежать ему; онъ же развилъ любовь къ морской службѣ въ молодыхъ офицерахъ, самъ ходилъ съ ними въ море и такимъ путемъ образовалъ опытныхъ моряковъ: Корнилова, Нахимова, Бутакова и другихъ.
Д.

въ Константинополь, онъ лучше зналъ политическую опасность и пренебрегъ совѣтомъ людей опытныхъ и достойныхъ. Такъ отзываются о томъ времени лучшіе офицеры Черноморскаго флота, люди серьезные, положительные и достойные полной вѣры.

Но долго-ли продолжалось странное и упорное бездѣйствіе князя Меншикова? Въ то время, какъ безпечный князь оставался въ сладкой увѣренности, что непріатели (уже собравшіеся въ Варнѣ) изберутъ центромъ своихъ дѣйствій Добруджу и Болгарію, чтобы заставитьъ русскихъ (перешедшихъ уже Дунай) очистить Исакчу, Тульчу и снять осаду Силистріи, англійскіе и французскіе лазутчики осмотрѣли берега Крыма, а 2-го сентября непріательскіе отряды дерзко высадились у соленыхъ озеръ, близъ Евпаторіи, въ виду 38,000 русскихъ, собранныхъ при Альмѣ. Еще за недѣлю до этого событія, частый осмотръ береговъ Крыма непріательскими пароходами заставилъ князя призадуматься о возможности высадки непріательскихъ войскъ на полуостровъ Крыма; а появленіе въ исходѣ августа предъ Евпаторіею парового флота и транспортныхъ судовъ въ значительномъ числѣ рѣшило князя двинуть туда войска свои. Оставивъ для охраненія Севастополя всего 5 баталіоновъ пѣхоты, только что прибывшихъ изъ резервовъ, онъ выступилъ къ Альмѣ въ числѣ 38,000 человекъ. Надъ нашимъ отечествомъ носились тогда грозныя тучи и всѣ видѣли, что онѣ должны разразиться подъ Севастополемъ... Вечеромъ 2-го сентября привезли съ „Альмы“ извѣстіе о высадкѣ непріателя при соленомъ озерѣ, близъ Евпаторіи, и о прибытіи туда множества транспортныхъ судовъ съ артиллеріею, лошадьми и разными запасами для арміи. Севастополь встрепенуль, опасность была близка; но какъ главнокомандующій при отъѣздѣ своемъ не сдѣлалъ на этотъ случай никакого распоряженія, то вице-адмиралъ генералъ-адъютантъ Корниловъ ¹⁾, измѣряя опасность часами, рѣшился въ этомъ затруднительномъ положеніи созвать военный совѣтъ, на который приглашены были адмиралы: Нахимовъ, Истомино, Новосильскій, Панфиловъ и другіе, а также всѣ командиры кораблей, фрегатовъ и пароходовъ съ ихъ офицерами. Извѣстивъ собраніе о высадкѣ непріателя близъ Евпаторіи и о неимѣніи на

¹⁾ Старшій его адмиралъ — Миллеръ былъ боленъ.

этотъ случай никакого распоряженія главнокомандующаго, избравивъ имъ въ краткихъ словахъ объ угрожающей Севастополю опасности, Корниловъ предложилъ на обсужденіе собранія слѣдующій вопросъ: „какія мѣры въ настоящую минуту слѣдуетъ принять для обороны города, порта и флота Черноморскаго?“—Адмиралъ Нахимовъ, Истоминонъ и съ ними вся молодежь, увлекаясь духомъ патріотизма и благопріятнымъ для парусныхъ судовъ вѣтромъ (дувшимъ въ ночи съ 2-го на 3-е сентября), предложили: немедленно выступить со всѣмъ флотомъ въ море, напасть на непріятельскія транспортныя суда съ запасами (сдвинутыхъ тѣсно и стоящихъ въ безпечности предъ мысомъ Лукулла ¹⁾), сжечь, истребить ихъ и возвратиться въ Севастополь для защиты порта, или же умереть съ честью въ битвѣ, если предпріятіе не удастся. Мысль свѣтлая, благородная и достойная героя Синопа показалаеь большинству собранія неудобноисполнимою: во 1-хъ, на такое смѣлое и рискованное предпріятіе надо было испросить согласіе главнокомандующаго; а между тѣмъ (даже въ случаѣ согласія его) вѣтеръ могъ измѣниться, а непріятель сгрузить свои запасы. Во 2-хъ, въ случаѣ истребленія нашего флота, Севастополь, какъ беззащитная жертва, сдѣлался бы тогда добычей непріятели. Въ эти минуты обстоятельства были такъ важны, шатки и неопредѣленны, а время было такъ дорого, что благоразуміе требовало избрать полезную середину. Имѣя въ виду, что безъ согласія главнокомандующаго нельзя было исполнить мысли Нахимова, а принять на себя тяжкую отвѣтственность предъ государемъ и главнокомандующимъ въ случаѣ истребленія флота никто не хотѣлъ, Корниловъ, совмѣстно съ большинствомъ, рѣшилъ: „остаться и защищать родной Севастополь дома!“—„Здѣсь, на этомъ флотѣ, сказала Корниловъ, мы возмужали и состарѣлись; здѣсь приобрѣли мы первые уроки и опытность отъ незабвеннаго учителя нашего адмирала Лазарева и здѣсь должны лечь костью нашими, защищая его до послѣдней капли крови!“—Большинство привѣтствовало рѣчь Корнилова и голосъ его одержалъ верхъ надъ порывомъ храбрыхъ патріотовъ.

¹⁾ Мысь Лукулла въ 2-хъ верстахъ отъ Альмы—позиція, гдѣ происходила битва 8-го сентября 1854 года.

Вслѣдствіе чего собраніе опредѣлило:

- 1) Немедленно приступить въ постройкѣ укрѣпленій, сперва на сѣверной сторонѣ, а потомъ и на южной сторонѣ города.
- 2) На вооруженіе воздвигаемыхъ укрѣпленій употребить орудія и лафеты отъ старыхъ кораблей, мало способныхъ къ битвѣ.
- 3) Осмотрѣть форты Константинъ, Михайлъ, Николай и Александръ и укомплектовать ихъ всѣмъ необходимымъ для обороны и встрѣчи непріятельскаго флота; и
- 4) Обо всемъ донести главнокомандующему и просить разрѣшенія.

Князь Меншиковъ не замедлил отвѣтомъ — на все согласился, а потому тотчасъ и было приступлено къ дѣлу.

Морскіе офицеры, отдавая усердію и способностямъ Корнилова полную справедливость, единогласно утверждаютъ, что Корниловъ въ это время былъ душою всего полезнаго. Его свѣтлый и образованный умъ, ласковая и мягкая манера обращенія съ подчиненными, настойчивость въ характерѣ, неослабная бдительность вездѣ, гдѣ нужно было его присутствіе, расположили къ нему всѣ сословія. По первому призыву его, о высылкѣ рабочихъ людей для постройки укрѣпленій на сѣверной сторонѣ, весь Севастополь ожилъ и сталъ на ноги. Всѣ военные, отъ адмирала до матроса, и всѣ жители города, отъ купца 1-й гильдіи до чернорабочаго, съ ихъ женами и дѣтьми, всѣ явились на службу отечества, всѣ горѣли однимъ желаніемъ: противопоставить непріятелямъ сколь можно болѣе преградъ, и дружно принялись за работу. Подполковникъ Тотлебенъ управлялъ ходомъ ихъ: одни копали ровъ, другіе насыпали валъ, третьи возили хворостъ и дѣлали фашины; въ этомъ муравейникѣ все трудилось по мѣрѣ силъ и способности, такъ что нѣкоторыя женщины и дѣти, за неимѣніемъ тачекъ и носилокъ, доставляли землю на валъ въ фартухахъ и даже горстями. При такой энергіи и настроеніи духа всѣхъ сословій совершались чудеса: къ 9-му сентября ¹⁾ сѣверная сторона обнесена была уже сплошнымъ валомъ и рвомъ (примѣрно на протяженіи болѣе 2-хъ верстъ), а въ амбразурахъ, кой-гдѣ, выглядывали и пушки.

¹⁾ Въ шесть дней, т. е. въ продолженіе 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го сентября.

Теперь послѣдуемъ за войсками на р. Альму. Первая вѣсть о высадкѣ непріятельскихъ войскъ въ Крыму какъ громомъ поразила гордаго князя,—онъ потерялся.

Трудно вообразить себѣ — говорятъ очевидцы и участники Альмскаго сраженія—общую бѣготню и суматоху около главнокомандующаго 6-го, 7-го и 8-го сентября. Личное смущеніе его и противорѣчація приказанія, разсылаемая войскамъ,—все изобличало въ немъ тогда человѣка разстроенаго.

Альмское сраженіе, какъ первая генеральная битва въ 1854 году съ европейскими войсками, замѣчательна по нравственному ея вліянію на ходъ военныхъ событій, совершившихся послѣ этого боя, хотя въ этой битвѣ англо-французы далеко превосходили насъ числительностію силъ ¹⁾ и совершенствомъ оружія, что придавало дѣйствіямъ ихъ большую самонадѣянность и смѣлость до дерзости; однакожъ эта побѣда, которую купили они страшною потерю лучшихъ войскъ своихъ, и порядковъ, съ каковыми отступили войска наши съ позиціи въ темныя сумерки, внушили союзникамъ глубокое уваженіе къ стойкости, мужеству и храбрости войскъ русскихъ; и это первое нравственное впечатлѣніе было такъ сильно, что имѣло вліяніе на всѣ дальнѣйшія дѣла ихъ подѣ Севастополемъ. Осторожность, съ какою производили они потомъ свои „подступы“ и даже штурмы, все носило отпечатокъ уваженія къ военнымъ доблестямъ русскаго солдата. Очевидцы и военные писатели, рассказывая подробно о ходѣ Альмской битвы, не объясняютъ, однакожъ, причину, отчего сраженіе это было нами проиграно? Войска показали чудеса храбрости; высшіе начальники, а также полковые и баталіонные командиры лично водили ихъ въ штыки и умирали предъ колоннами; самая позиція Альмская, на которой сражались войска русскія, была вѣдь сильно укрѣплена природою; вообще всѣ выгоды были на нашей сторонѣ, кромѣ числительности войскъ; но для „оборонительнаго“ положенія и 38,000 штыковъ русскихъ достаточно было, чтобы противустать 68,000 союзниковъ! Для прикрытія нашей неудачи (а болѣе для прикрытія современной

¹⁾ Союзники явились подѣ Альмою въ числѣ 68,000 строевыхъ войскъ; а русскихъ, полагая въ томъ числѣ и Московскій полкъ, прибывшій предъ началомъ дѣла, было 38,000 строевыхъ.

гласности при живыхъ дѣятеляхъ) большинство писателей утверждаетъ, что превосходство силъ непріятелей надъ нашими было главнѣйшею причиною, отъ которой, будто-бы, русскіе не могли удержаться на занятой ими позиціи; но эта натянутаая причина не выражаетъ всего, если вспомнимъ мы, что Кутузовъ подѣ Бородинымъ, въ 1812 году, съ 85,000 регулярныхъ войскъ противустоялъ 165,000 непріятелей, предводимыхъ великимъ полководцемъ того времени, и на позиціи слабѣе Альмской. Почему же подѣ „Альмою“, гдѣ каменистые отвѣсные берега рѣки представляли столько выгодъ для оборонительнаго положенія войскъ, мы не выдержали натиска непріятелей и уступили имъ свою позицію? Этотъ-то вопросъ и берегутъ современные писатели для потомковъ, не рѣшаясь изобличать дѣйствія живыхъ современниковъ. Люди, достойные полной вѣры и уваженія, занимавшіе во время битвы „почетныя мѣста“¹⁾, единогласно утверждаютъ, что позиція при р. Альмѣ представляла всѣ удобства держаться съ малыми силами противу большихъ, еслибы иначе распорядились для встрѣчи союзниковъ; но для этого нуженъ былъ умъ, опытность и зоркій глазъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами мѣстоположенія и изъ крѣпкой отъ природы позиціи сдѣлать ее неприступною! Но этихъ-то качествъ и не имѣлъ нашъ главнокомандующій. Князь не любилъ чужаго ума, онъ даже не собралъ военнаго совѣта, хотя бы для приличія, чтобы узнать мнѣніе людей опытныхъ; но имѣя слабость вѣряться людямъ хитрымъ и потворствующимъ его волѣ, князь предоставилъ всѣ распоряженія въ Альмскому бою любимцамъ своимъ: начальнику штаба своего, подполковнику Вуншу (передъ войною полицій-мейстеръ г. Симферополя), генеральнаго штаба подполковнику Заливскому и другимъ молодымъ офицерамъ, не видѣвшимъ даже генеральныхъ битвъ, но умѣвшихъ льстить самолюбію князя. Не отнимая у нихъ личныхъ достоинствъ, скажу только, что для приготовленія и разстановки войскъ на позиціи въ такой великой битвѣ они были очень неопытны.

Слѣдствіемъ распоряженія такихъ особъ было: 1) что со дня высадки непріятеля и до Альмской битвы, т. е. со 2-го по 8-е

¹⁾ Бывшій начальникъ артиллеріи въ Альмской битвѣ—заслуженный генералъ майоръ Каминскій, начальникъ 17-й дивизіи—г.-л. Кирьяковъ.

сентября, не было сдѣлано никакихъ искусственныхъ укрѣпленій на позиціи, представлявшей въ тому всё удобства, кромѣ элемента для батарейной батареи ¹⁾); 2) 6-го числа была объявлена войскамъ диспозиція и всю пѣхоту съ артиллеріей расположили по скату и почти у подошвы горъ лѣваго берега Альмы, оставивъ позади войскъ отвѣсныя скалы крутыхъ береговъ рѣки, не имѣвшихъ никакихъ дорогъ къ отступленію, кромѣ большой Севастопольской дороги и малыхъ тропинокъ по сторонамъ, болѣе для пѣшеходовъ; 3) при такомъ расположеніи войскъ на бугристой и каменистой мѣстности, мы не могли развернуть даже малыхъ силъ своихъ и вынуждены были стѣснить пѣхотныя колонны до того, что интервалы между линіями на лѣвомъ флангѣ рѣдко гдѣ доходили до 150 шаговъ, и сокращались до 100 и 50 шаговъ, а цѣпи стрѣлковыя разсыпались отъ 30 до 50 шаговъ; болѣе нельзя было выгадать мѣста, по сгущенному расположенію колоннъ на маломъ пространствѣ. При этомъ надо замѣтить, что подполковникъ Вуншъ и другіе съ нимъ распорядители боя, при постановкѣ войскъ на позицію 6-го числа, отдавали имъ всё приказанія отъ имени князя Меншикова. Этого господа, указывая командирамъ частей мѣста при подошвѣ горъ, имѣли въ виду планъ: „не допустить непріятелей переправиться черезъ Альму“ ²⁾, а для этой цѣли имъ надо было имѣть пѣхоту вблизи рѣки, чтобы ударить на непріятеля въ тотъ часъ, когда (при переходѣ Альмы) артиллерія разстроитъ ряды его. Но не такъ просты были союзники, какъ думалъ о нихъ г. Вуншъ! Открытая мѣстность кругомъ, на которой число русскихъ батальоновъ и батарей можно было пересчитать по пальцамъ, дала возможность непріятелю высмотрѣть расположеніе войскъ нашихъ и сообразить, гдѣ могутъ они встрѣтить наибольшую и наименьшую преграду при наступленіи. Такую именно предварительную рекогносцировку и произвелъ непріятель нашъ, когда, 7-го сентября, союзники подошли къ нашей позиціи на 2 версты: тщательный обзоръ мѣстности указалъ союзникамъ, что фланги наши не имѣли искусственной обороны, а потому французы и открыли

¹⁾ Батарейной № 1-го 16-й артиллерійской бригады.

²⁾ Рѣка Альма на мѣстѣ сраженія имѣла мостъ и нѣсколько бродовъ, способныхъ для перехода массами войскъ. Д.

сраженіе обходомъ нашего лѣваго фланга; этого движенія не предвидѣлъ г. Вуншъ, но оно-то и имѣло нравственное вліяніе на неуспѣхъ всего дѣла; 4) для полноты дѣла необходимо знать, что лѣвѣе нашего лѣваго фланга выходила отъ берега вверхъ узенькая дорожка, хотя довольно крутая и каменистая, но она вела прямо на гребень, въ обходъ нашего лѣваго фланга.

Начальникъ артиллеріи въ Альмскомъ сраженіи, генераль-маіоръ Кишинскій, замѣтивъ эту дорожку, еще наканунѣ дѣла, указавъ ее начальнику лѣваго фланга, генераль-лейтенанту Кирьякову, и именно какъ на опасность быть обойденнымъ по ней слѣва неприятелемъ; имѣя намѣреніе поставить здѣсь 4 или 8 орудій, Кишинскій просилъ у генерала Кирьякова баталіонъ пѣхоты въ прикрытіе, но г. Кирьяковъ отказалъ ему, отдѣлываясь шутками: „зачѣмъ здѣсь пушки и баталіонъ, тутъ и роты стрѣлковъ достаточно, чтобъ остановить восходящаго по этой крутизнѣ неприятеля!“ Генераль Кишинскій не удовольствовался шуткой, доложилъ о томъ главнокомандующему, а озабоченный князь, не имѣя время заниматься такими „мелочами“¹⁾, приказалъ генералу Кишинскому обратиться съ требованіемъ прямо къ г. Кирьякову. Между тѣмъ, пока шли переговоры о дорожкѣ, началось дѣло, Кирьяковъ исчезъ, баталіона пѣхоты получить было не отъ кого и оставленная безъ защиты и наблюденія злосчастная дорожка дала французамъ возможность обойти нашъ лѣвый флангъ почти безнаказанно; 5) къ числу „важнѣйшихъ“ причинъ неудачи Альмскаго сраженія я отношу также „отсутствіе главныхъ начальниковъ отъ мѣстъ своихъ въ опасный моментъ боя“. Великій Суворовъ, Наполеонъ I, Кутузовъ и другіе извѣстные полководцы во время генеральныхъ битвъ избирали для себя всегда постоянные пункты, отсюда распоряжались ходомъ сраженія; къ нимъ привозили донесенія со всѣхъ концовъ отъ частныхъ начальниковъ, и соображаясь съ обстоятельствами, полководцы эти отдавали приказанія: идти впередъ, держаться, отступать; посылали помощь изъ резерва или перемѣняли диспозицію войскъ даже въ разгарѣ сраженія. Такъ Кутузовъ, послѣ полудня 26 августа 1812 года, перевелъ всѣ войска съ праваго фланга Бородинской позиціи

¹⁾ Эта дорога не входила въ соображеніе Вунша и не была имъ указана князю.

въ центръ и на лѣвый флангъ; такимъ распоряженіемъ онъ успѣлъ поддержать бой до 10-ти часовъ ночи и сохранить за собою первоначальную позицію, хотя войскъ у Кутузова было почти на половину менѣе непріятельскихъ. Но не такъ произошло подѣ Альмою: едва начался бой, князь Меншиковъ, замѣтивъ, что французы стали обходить нашу лѣвый флангъ, послалъ туда ¹⁾, поручивъ командованіе центромъ и правымъ флангомъ генералу отъ инфантеріи князю Горчакову. Въмѣсто того, чтобы остаться на гребнѣ горъ и съ высоты управлять ходомъ сраженія, почтенный ветеранъ (князь Горчаковъ) поспѣшилъ къ мосту, гдѣ англичане напирали и порывались перейти рѣку силою, и пробылъ тамъ до вечера, т. е. до совершеннаго отступленія войскъ со всѣхъ позицій ²⁾; а между тѣмъ бой на правомъ флангѣ также кипѣлъ; начальники частей безпрестанно присылали съ донесеніемъ, что англичане тѣснятъ ихъ; одни требовали помощи, другіе разрѣшенія, и всѣ возвращались ни съ чѣмъ. Ну можно-ли допустить такой беспорядокъ въ благоустроенной арміи? Это обстоятельство было главнѣйшею причиною, что войска праваго фланга не могли устоять противу натиска англичанъ; ибо начальники частей, не имѣя распорядителя боя, не получая помощи и дальнѣйшихъ приказаній, дѣйствовали отдѣльно каждый на своемъ посту и въ концѣ концовъ отступили „безъ приказанія“. Князь Горчаковъ (корпусный командиръ) самъ говоритъ ³⁾, что онъ отправился къ центру, т. е. „къ наиболѣе угрожаемому мѣстамъ, дабы уравновѣсить тамъ бой“, но увлекшись опасностію войскъ ⁴⁾, схватилъ баталіонъ Владимірскаго полка и лично повелъ его въ штыки... Все это прекрасно, но такое самоотверженіе, похвальное въ частномъ начальникѣ, будетъ всегда укоромъ для командующаго войсками. Такой же беспорядокъ происходилъ и на лѣвомъ флангѣ, въ-

¹⁾ Князь Меншиковъ воротился оттуда уже вечеромъ, когда центръ и фланги были въ полномъ отступленіи, и замѣчательно, что безъ всякаго на то приказанія,—такъ говорятъ частные начальники.

²⁾ Онъ поручилъ распоряженіе войсками молодому полковнику Исакову, едва-ли не въ первый разъ бывшему тогда въ дѣлѣ.

³⁾ „Русскій Инвалидъ“ 1856 года № 101, въ отвѣтной статьѣ генералу Квицинскому.

⁴⁾ Полкъ Егерскій е. и. в. Михаила Николаевича (Казанскій полкъ) былъ почти уничтоженъ.

ренномъ генераль-лейтенанту Кирьякову ¹⁾, но подчиненномъ по диспозиціи князю Горчакову. Изобразивъ въ краткихъ чертахъ причины, имѣвшія болѣе или менѣе значительное вліяніе на неуспѣхъ проиграннаго сраженія, необходимо знать теперь мѣстоположеніе Альмской позиціи, размѣщеніе войскъ на ней и ходъ частныхъ битвъ, происходившихъ въ центрѣ и на флангахъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходило Альмское сраженіе 8 сентября, течеть быстрая, но мелководная рѣчка Альма, имѣющая множество бродовъ; вдоль рѣки тянется извилистая долина, усѣянная виноградникомъ. Правая сторона Альмы отлога и низменна, на ней лежитъ деревня Бурлукъ, лѣвый же берегъ рѣки представляетъ рядъ грязныхъ высотъ, съ каменными уступами и отвѣсными скалами; на этой сторонѣ и расположены были войска наши. По указанію подполковника Вунпа войска заняли эту позицію 6-го сентября, и были поставлены по обимъ берегамъ рѣки: стрѣлки заняли д. Бурлукъ и виноградники, а главные силы были расположены (на лѣвомъ берегу рѣки) по скату горъ, спускаясь уступами до самой рѣки. Гребень высотъ оставался свободнымъ. Центръ позиціи находился противъ д. Бурлукъ, правый флангъ противъ виноградниковъ, а лѣвый флангъ поставленъ въ 2-хъ верстахъ отъ моря на возвышенной мѣстности. Войска 17 дивизіи, подъ командой генераль-лейтенанта Кирьякова, составляли лѣвый флангъ; 16-я дивизія, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Квицинскаго, занимала центръ позиціи, а 14-я дивизія составляла правый флангъ; командованіе всѣми войсками поручено командиру 6-го корпуса, генералу отъ инфантеріи князю Горчакову. Полки Волынской, Московскій и 3 баталіона Минскаго полка съ двумя легкими батареями ²⁾ составляли общій резервъ центра и лѣваго фланга; правѣ ихъ стояла гусарская бригада съ 2 конными батареями ³⁾. Полкъ Углицкій составлялъ резервъ праваго фланга. Одинъ баталіонъ

¹⁾ Начальникъ 17 дивизіи. Когда Канроберъ и принцъ Наполеонъ атаковали полкъ Тарутинскій и 4-й баталіонъ Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, то не было при этихъ войскахъ никого изъ начальниковъ, оттого и снялись они самовольно и несвоевременно съ настоящей позиціи, указанной Вуншемъ, и заняли другую на высотъ горъ, близъ большой Севастопольской дороги.

²⁾ 4 и 5 легкія 17 артиллерійской бригады.

³⁾ Конная № 12-го и донская № 3-го батареи.

Минскаго полка, подъ командою подполковника Раковича, поставленъ былъ у д. Лукулъ близъ моря. Всѣхъ войскъ, по официальному донесенію князя Меншикова, находилось въ Альмскомъ сраженіи 8-го сентября: пѣхоты: 42 баталіона; кавалеріи 16 эскадроновъ и артиллеріи 84 орудія ¹⁾).

Подполковникъ Вуншъ становилъ войска безъ всякаго боевого порядка, предоставляя это частнымъ начальникамъ. Войска лѣваго фланга отдѣлялись отъ центра и праваго фланга большою Севастопольскою дорогою изъ д. Бурлюва. Влѣво отъ дороги стоялъ Бородинскій егерскій полкъ. Лѣвѣе его 4 баталіона Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ (13-й дивизіи); за ними Тарутинскій полкъ. Замѣчательно, что въ составѣ отряда изъ 12-ти баталіоновъ боевой линіи лѣваго фланга не было вовсе артиллеріи, вѣроятно по тѣснотѣ мѣста, крутизнѣ горъ и по невозможности спуститься и развернуть фронтъ батарей, гдѣ стояла пѣхота; ибо всѣ полки лѣваго фланга были сведены внизъ и поставлены въ колонны къ атакѣ при уступѣ горъ. Такое сгущеніе войскъ на маломъ пространствѣ не позволяло полкамъ развернуться и дѣйствовать всѣми силами, а открытая со всѣхъ сторонъ мѣстность дѣлала войска мишенью для непріятельскихъ стрѣлковъ. Альмское сраженіе началось въ 8 часовъ утра, 8-го сентября, адскою канонадою съ непріятельскаго флота, стоявшаго у мыса Лукулъ. Подъ покровительствомъ этого огня, стали выходить густыя колонны французовъ изъ-за кустовъ виноградника и по долинѣ Альмы приближались къ рѣкѣ. Стоявшій на сторожевомъ посту у д. Лукулъ подполковникъ Раковичъ, съ баталіономъ Минскаго полка, первый началъ дѣло, открывъ жестокой штуцерный огонь по наступающимъ колоннамъ ²⁾, и тотчасъ же послалъ офицера просить подкрѣпленія.

1) На правомъ флангѣ пѣхоты:	8 баталіон.	и 16 орудій	14 пѣх. дивиз.
Въ центрѣ	" 16	" 36	" 16 " "
На лѣвомъ флангѣ	" 12	" 24	" 17 " "
Резер. бригады	" 4	" —	" 13 " "
6 стрѣлк. батал., 6 саперн. бат.			
и сводн. морск. бат.	3	" —	" — " "

Гусарская бригада 6 лег. кав. дивиз. и кон. лег. № 12 и кон. № 3=18 ор.

Всего было 43 баталіона при 84 орудіяхъ.

²⁾ Удивительно, что на такомъ важномъ посту не было ни одной пушки: г. Раковичъ говорилъ (лично мнѣ), что имѣя онъ при себѣ 4 орудія, то не допустилъ бы непріятеля къ переправѣ и разстроилъ бы ихъ прежде, чѣмъ подошли къ рѣкѣ.

Д.

Едва услышавъ эту перестрѣлку и постигая важность поста у Лукуль, генераль Кирьяковъ немедленно послалъ въ помощь къ нему 2 баталіона Московскаго полка, съ легкою № 4-й батареєю 17-й артиллерійской бригады ¹⁾. Французская дивизія, въ числѣ 9—10,000 штыковъ съ артиллеріею, имѣя впереди полкъ зуавовъ, перешла въ бродъ Альму и по узенькой дорожкѣ (о которой хлопоталъ г. Киншинскій) быстро взошла на высоты и стала развертывать фронтъ свой. Это смѣлое и отважное движеніе въ обходъ нашего лѣваго фланга совершилось подъ покровительствомъ губительнаго огня съ непріятельскаго флота, который произвелъ въ войскахъ страшное опустошеніе, прежде чѣмъ они вступили въ дѣло. Замѣтивъ движеніе французскихъ колоннъ въ обходъ лѣваго фланга, князь Меншиковъ, въ 11 часовъ утра, прискакалъ туда и приказалъ генералу Кирьякову, съ полками Московскимъ и Минскимъ и 2-мя легкими батареями (4-й и 5-й 17-й бр.), взятыхъ изъ резерва, атаковать французовъ. Полки двинулись, но встрѣченные во флангъ бомбами и гранатами съ моря, а штуцернымъ огнемъ съ фронта—войска эти отступили. Очевидцы говорятъ, что пораженіе было ужасное и несмѣханное; разрывные заряды большого калибра сыпались какъ пули и вырывали изъ рядовъ сотнями жертвъ, такъ что полки Минскій и Московскій, менѣе чѣмъ въ часъ времени, потеряли 1,600 человекъ убитыми и ранеными, артиллерія тоже; они лишились половины прислуги и лошадей; орудія вывозили на 2-хъ, а ящики на 1-й лошади ²⁾. Чтобъ облегчить отступление этимъ войскамъ и удержать напоръ французовъ, были вызваны изъ резерва и поставлены на позицію двѣ конныя батареи (№ 12-й легк. и № 3-й донская). Мѣткіе выстрѣлы и губительная картечь этихъ батарей, направленная прямо (черезъ головы тарутинцевъ и 4-хъ бат. Брестскаго и Бѣлостовскаго полковъ) на французскую дивизію, взобравшуюся на высоты, и влѣво, по французскимъ войскамъ, подходившимъ къ рѣкѣ ³⁾, произвели желаемое дѣйствіе; пол-

¹⁾ Г. Раковичъ говорилъ, что помощь пришла очень поздно, когда третій офицеръ поѣхалъ за нею и когда французы перешли Альму.

²⁾ При атакѣ тяжело ранены: командиры полковъ: Московскаго - генераль-маіоръ Куртъяновъ, Минскаго—полк. Проходкинъ и перебиты или ранены большая часть баталіонныхъ и ротныхъ командировъ.

³⁾ Канробера и принца Наполеона.

ви Московскій и Минскій, съ легкими батареями, отошли безъ преслѣдованія и французы приостановили движеніе. Тогда князь Меншиковъ призвалъ изъ резерва гусарскую бригаду и, пользуясь замѣтнымъ разстройствомъ французской дивизіи, приказалъ вторично атаковать ихъ полками Минскимъ и Московскимъ, 2-мя легкими и 2-мя конными батареями, съ гусарскою бригадою. Конныя батареи понеслись, развернулись и открыли картечный огонь; за ними легкія батареи сдѣлали то же. Предшествующимъ батареями, полки Московскій и Минскій бросились на враговъ; но французы, потерпѣвшіе много отъ нашей артиллеріи, завидя пѣхотныя колонны, уклонились отъ боя и быстро спустились съ высотъ къ Альмѣ.

Французскій главнокомандующій, Сентъ-Арно, постигая всю важность занятія высотъ лѣваго фланга, подкрѣпилъ отступавшую дивизію другою и вторично двинулъ въ обходъ лѣваго фланга двѣ дивизіи—д'Отмаръ и Буа, а для развлеченія силъ нашихъ во время „обхода“ приказалъ другимъ 2-мъ дивизіямъ атаковать фронтъ лѣваго фланга ¹⁾). Дивизіи двинулись, одновременно напали на деревню Альми-Томакъ и на высоты—лѣвѣе онаго, и вдругъ по всей долинѣ Альмы завиглѣлъ ожесточенный бой. 4 баталіона Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ и полкъ Тарутинскій (расположенные влѣво отъ моста), тѣснимые съ фронта войсками Канробера и принца Наполеона и поражаемые во флангъ страшнымъ огнемъ съ флота неприятельскаго, были уничтожены на половину и находились въ крайней опасности, ибо войска эти (какъ выше объяснено), спертые на тѣсномъ уступѣ и поставленные въ колоннахъ одна за другою, не могли развернуться и ударить всѣми силами, а должны были дѣйствовать по-баталіонно. Это невыгодное размѣщеніе колоннъ, открытая мѣстность кругомъ и неимѣніе при полкахъ артиллеріи было причиною, что войска эти, „безъ привязанія“ ²⁾, стали искать

¹⁾ Канробера и принца Наполеона.

²⁾ При войскахъ этихъ была ужасная „анархія“. Генералъ Кирьяковъ въ минуту общаго нападенія на полки Тарутинскій, Брестскій и Бѣлостокскій неизвѣстно гдѣ находился, почему войска, державшись на 1-й позиціи до возможности, отступили сами собою, когда очевидность доказала имъ невозможность держаться на ней безъ артиллеріи или защищать оную всѣми силами.

себѣ другой позиціи на гребнѣ горъ и въ порядкѣ отступили на высоты. Замѣтивъ это, дивизіи Канробера и Наполеона повернули направо, въ обходъ на высоты лѣваго фланга, и, взобравшись на горы, выстроились въ боевой порядоѣ.

Не смотря, однакожь, на то, что 4 французскихъ дивизіи, при 70 орудіяхъ, самонадѣянно напирала на войска наши и повторенными нѣсколько разъ атаками старались сбить насъ съ позиціи, полки Московскій, Минскій, Тарутинскій и 4-й баталіонъ Брестскаго и Бѣлостовскаго полковъ, съ 4-мя легкими батареями, а также гусарскою бригадою, съ 2-мя конными батареями, выстроились по обѣимъ сторонамъ Севастопольской дороги (на высотѣ, гдѣ утромъ стояли въ резервѣ Минскій, Волынскій и Московскій полки)—храбро отбили всѣ атаки французовъ и удержали напоръ ихъ до поздняго вечера, пока войска центра и праваго фланга не предприняли общаго отступленія; только тогда войска лѣваго фланга отступили по Севастопольской дорогѣ на 2-ю позицію и, занявъ высоты, выдвинули 30 орудій и гусарскую бригаду впередъ, предпринявъ полное отступленіе на „Качу“. Утомленный непріятель, видя кавалерію и высоты, уставленные пушками, не преслѣдовалъ нашихъ войскъ и они благополучно перешли на Качу.

Теперь разсмотримъ дѣйствіе другихъ частей: главныя силы войска: центръ и правый флангъ были расположены внизу и частью по отлогому скату горъ лѣваго берега Альмы, съ цѣлю нанести непріятелю конечное пораженіе, когда онъ вздумаетъ овладѣть мостомъ и переправами въ бродъ чрезъ Альму. Въ этомъ предположеніи 3-мя баталіонами стрѣлковъ ¹⁾ были заняты д. Бурлюкъ, сады и виноградники по ту сторону рѣки, а на лѣвомъ берегу Альмы были поставлены, въ 300-хъ саженьяхъ ²⁾, батарея изъ 18 легкихъ орудій (№ 1 и 2—16 бр.) для обстрѣливанія моста продольными выстрѣлами, а правѣе оной на полугорѣ, за эполементомъ, стояло 12 батарейныхъ орудій (№ 1-го 16 б.), для дѣйствія картечью прямо по бродамъ и косвенно на мостъ. Внизу между батареями была расположена

¹⁾ 6-ой стрѣлковый, 6-ой саперный и сводно-морской баталіоны.

²⁾ Вблизи дороги Севастопольской, отъ моста въ 300-хъ саженьяхъ. Д.

пѣхота: сводный морской баталіонъ ¹⁾, полкъ е. и. в. Михаила Николаевича, 2 баталіона Владимірскаго полка, 2 роты саперъ охраняли мостъ. Полкъ Суздальскій и другіе 2 баталіона владимірцевъ съ артиллеріею стояли въ разныхъ мѣстахъ на возвышенности правѣе полка Михаила Николаевича и всѣ въ баталіонныхъ колоннахъ къ атакѣ, а суздальцы въ ротныхъ колоннахъ. Всѣ распоряженія влонились къ тому, чтобы имѣть войска готовыми, для нанесенія рѣшительнаго удара при первомъ разстройствѣ непріятели. Полки Волынскій, Минскій и Углицкій съ артиллеріею 14 бригады стояли также въ колоннахъ къ атакѣ по отлогости горъ праваго фланга. Въ то время, какъ лѣвый флангъ боролся съ 4-мя дивизіями французовъ, по всей линіи центра и праваго фланга кипѣлъ самый упорный и ожесточенный бой. Засѣвшіе въ садахъ, виноградникахъ и въ строевнѣхъ деревни Бурлюка, три баталіона стрѣлковъ первые завязали перестрѣлку съ англичанами на правомъ берегу Альмы; но поражаемые убійственными пулями „минье“ и картечными огнемъ артиллеріи, которая, пользуясь дымомъ горѣвшихъ строеній Бурлюка, развернула батареи свои въ садахъ и виноградникахъ, храбрая горсть стрѣлковъ не могла удержать наступленіе цѣлой арміи и отступила на лѣвый берегъ Альмы. Подъ покровительствомъ ужаснаго артиллерійскаго огня, стала выходить изъ Бурлюка и пѣхота англичанъ. Однѣ колонны тянулись лѣвѣе деревни, а другія, значительно болѣе первыхъ, взяли направленіе вправо отъ деревни, смѣло перешли въ бродъ рѣку и заняли виноградники на лѣвомъ берегу; но тутъ, встрѣченныя убійственною картечью изъ 12-ти батарейныхъ орудій и ружейнымъ огнемъ полка е. в. Михаила Николаевича, полки англичанъ дорого заплатили за дерзость; рѣдкимъ удалось спастись бѣгствомъ, всѣ храбрые легли и остались на мѣстѣ. Но торжество русскихъ было кратковременно; англійскій главнокомандующій подкрѣпилъ бѣглецовъ свѣжими войсками и подъ защитой густой цѣпи штуцерныхъ и батарей, дѣйствовавшихъ изъ Бурлюка, колонны англичанъ вторично перешли Альму и заняли также виноградники. Батарейная картечь 12-ти орудій и смертоносный ружейный огонь полка Михаила Николаевича попрежнему про-

¹⁾ Занявшій это мѣсто по возвращеніи съ праваго берега Альмы. Д.

извели страшное пораженіе въ рядахъ англичанъ, и сотни жертвъ падали ежеминутно; но колонны колебались, отступали и снова возвращались. Избравъ этотъ пунктъ опорною точкою на лѣвомъ берегу, англійскій главнокомандующій безпрестанно подкрѣплялъ его свѣжими войсками, пока они совершенно не утвердились. Полкъ его высочества Михаила Николаевича, имѣя противъ себя въ четверо сильнѣйшаго непріятеля, упорно держался, но потерявъ тутъ половину людей, полкового командира и всѣхъ баталіонныхъ начальниковъ, сталъ отступать; батарейная батарея, лишившись всей прислуги и болѣе $\frac{1}{2}$ лошадей, также стала сниматься и отступать; тогда англичане, тѣсняя передъ собою полкъ Михаила Николаевича, заняли эполементъ и съ нимъ 2 бат. орудія, брошенные по неимѣнію лошадей.

Еще въ началѣ боя, когда англичане только порывались перейти рѣку, князь Горчаковъ приказалъ начальнику войскъ въ центрѣ ¹⁾ ударить на непріятеля всѣми силами, когда приступать къ переправѣ. Поэтому теперь, когда англичане утвердились на лѣвомъ берегу Альмы и овладѣли эполементомъ, генералъ Квицинскій схватилъ Владимірскій полкъ и повелъ его въ штыки; храбрые владимірцы, подъ градомъ убійственнаго штуцернаго огня, уже достигли эполемента и звѣрски бросились на непріятеля; но англичане, не выждавъ удара и атаки, смѣшались и бѣжали съ занятой ими батареи ²⁾. Отступивъ сажень на 100 или болѣе и получивъ подкрѣпленіе свѣжими войсками, англичане остановились и открыли сильный штуцерный огонь; а потому между владимірцами и англичанами завязалась на этомъ пунктѣ убійственная перестрѣлка. Владимірцы держались упорно и, не смотря на огромное превосходство въ силахъ, англичане не могли сбить ихъ; близость непріятеля и удивительное хладнокровіе и стойкость владимірцевъ дали возможность простымъ нашимъ ружьямъ соперничать здѣсь съ карабинами „минье“ и произвести въ рядахъ непріятеля страшное опустошеніе, ибо все пространство отъ эполемента къ рѣкѣ (болѣе 300 саж.) было завалено трупами англичанъ.

Одновременно съ атакою на эполементѣ, были двинуты густыя

¹⁾ Генералъ-лейтенанту Квицинскому.

²⁾ Владимірцы ихъ не преслѣдовали, по неимѣнію резерва, который уже весь былъ въ бою.

колонны англичанъ противъ моста и праваго нашего фланга; ожесточенный и рукопашный бой кипѣлъ по всѣмъ боевымъ линиямъ центра; долго и съ переменнымъ счастьемъ происходила борьба на этомъ пунктѣ. Но не смотря на смертоносный картечный огонь изъ 18 легкихъ и 12 батарейныхъ орудій, англичане заняли мостъ и атаковали 18-ти орудійную батарею. Тогда (принадлежавшій къ лѣвому флангу, но стоявшій въ центрѣ) Бородинскій полкъ ударилъ въ штыки, отбилъ атаку и прикрылъ отступление (№ 1 и 2 бат. 16 бр.) 18 орудій. Замѣчая неуспѣхъ въ центрѣ, князь Горчаковъ (въ самомъ разгарѣ боя) подкрѣпилъ атакованная линіи резервомъ праваго фланга ¹⁾ и поставилъ полкъ Углицкій за Владимірскимъ, а двѣ легкія (№ 3 и 4—14 б.) близъ эполемента, и приказалъ открыть огонь по переходившимъ въ бродъ англійскимъ колоннамъ; но ужасный картечный огонь изъ 36 орудій ²⁾ не остановилъ англичанъ. Презирая всякую потерю, и подкрѣпляемые ежечасно свѣжими войсками, они перешли Альму и, взобравшись на высоты, развернули фронтъ и открыли смертоносный батальный огонь по войскамъ нашимъ. Впослѣдствіи другіе непріятельскія колонны, дѣйствовавшія правѣе и лѣвѣе этого пункта, соединились съ ними и составили одну грозную боевую линію на высотахъ нашего лѣваго берега Альмы. Еще въ началѣ боя, когда колонны англичанъ только стали приходить къ рѣкѣ, князь Горчаковъ поскакалъ на мѣсто „побойща“, чтобы лично вести полки въ атаку и примѣромъ своимъ воодушевить ослабѣвавшія войска. Съ этою цѣлію подѣхалъ онъ къ егерямъ е. в. Михаила Николаевича полка, стоявшаго тогда въ кровопролитной перестрѣлкѣ съ англичанами, но освѣдомившись о страшной убыли людей и начальниковъ, обратился къ Владимірскому полку и приказалъ ему идти въ „штыки“ (это было до атаки англичанами эполемента). Взявъ ружье на руку, Владимірцы двинулись безъ выстрѣла; непріятель приостановилъ наступленіе, но не дойдя шаговъ 150 до колоннъ англичанъ, подъ княземъ Горчаковымъ была убита лошадь, онъ упалъ и

¹⁾ За неимѣніемъ другихъ войскъ и потому что значительныя силы англичанъ были направлены въ центръ нашъ; полки же Московскій и Мнискій съ артиллерією и кавалерією были потребованы на лѣвый флангъ.

²⁾ 24 легкія и 12 орудій батарейныхъ, стоявшихъ за эполементомъ. Д.

отнесенъ за линію; тогда владимірцы, не предводимые нивѣмъ ¹⁾, остановились и завязали по прежнему убійственную перестрѣлку. Не смотря на усиленный огонь съ фронта стрѣлковъ непріятельскихъ, разсыпанныхъ внизу по отлогости горъ, а также ихъ артиллеріи и адскаго батальнаго огня, который производили пѣхотныя колонны англичанъ во флангъ по войскамъ нашимъ, когда взобрались на высоты нашего праваго фланга—полей Владимірскій, какъ скала гранитная, твердо держался въ занятой имъ позиціи полки: его императорскаго высочества Михаила Николаевича, Углицкій, Бородинскій и другіе, соревнуя ему въ храбрости, также стояли, падали и наносили непріятелю страшное поражение, такъ что всѣ усилія англичанъ сбить ихъ остались тщетными; наконецъ, когда французская батарея показалась слѣва и стала громить продольными выстрѣлами разрывныхъ зарядовъ во флангъ нашего центра, тогда, и только тогда, поражаемые съ трехъ сторонъ и лишившись болѣе половины людей и всѣхъ начальниковъ, полки центра ²⁾ стали отступать, но шагъ за шагомъ, отвѣчая непріятелю страшнымъ огнемъ. Какъ около этого времени былъ потребованъ остальной резервъ, т. е. войска праваго фланга, то завидѣвъ подрѣпленіе, которое спускалось съ горы на площадку, гдѣ стояла прежде батарейная батарея, князь Горчаковъ уже пѣшій отправился туда; но каково же было удивленіе его, когда не нашель тамъ батареи, оставленной имъ въ полномъ дѣйствиіи; только одна пушка, безъ передка и прислуги, указывала мѣсто, гдѣ она стояла ³⁾. Занявъ эполементъ свѣжими войсками и разставивъ людей по брустверу, князь Горчаковъ остался здѣсь, для прикрытія передовыхъ полковъ, сильно тѣснымихъ англичанами; но и тутъ не могъ долго держаться. Уступая превосходнымъ силамъ непріятеля, князь Горчаковъ отступилъ съ главными си-

¹⁾ Владимірскій полкъ въ день Альмской битвы потерялъ: 50 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 1500 нижнихъ чиновъ.

²⁾ Князь Горчаковъ говоритъ („Русскій Ивалидъ“. № 101), что находясь долго въ тьму сраженія и въ дыму возлѣ моста, онъ не видалъ и не знаетъ: когда и куда отступила эта батарея и по чьему приказанію это сдѣлано; и что, вообще, приказанія отступить какой либо части онъ никогда не давалъ, имѣя намѣреніе удерживать позицію до послѣдней крайности.

³⁾ Владимірскій, е. в. Михаила Николаевича, Углицкій, Бородинскій и Суздальскій. Д.

лами къ большой дорогѣ, гдѣ встрѣтилъ кн. Меньшикова, возвращавшагося съ лѣваго фланга.

Волынскій и Суздальскій полки прикрывали отступление. Удивительный порядокъ, безстрашіе и хладнокровіе, съ конемъ отбивались войски наши при отступленіи, внушили непріятелю глубокое уваженіе къ ихъ храбрости. Торжествующіе англичане не преслѣдовали колоннъ нашихъ и онѣ благополучно прибыли на „Качу“, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ (на 8-е число) русской арміи.

Такъ окончилась 1-я кровавая драма въ 1854 году на полуостровѣ Крыма. Битва эта замѣчательна по разнымъ отступленіямъ отъ общепринятыхъ правилъ. Во 1-хъ, что нѣкоторые изъ войскъ нашихъ отступали или перемѣняли позиціи самопроизвольно. Такъ, полки Тарутинскій, Брестскій и Бѣлостокскій, стѣсненные на открытой мѣстности и поражаемые съ фронта и во флангъ непріятеля, оставили первоначальную позицію и взобрались на высоты безъ приказанія; такъ оставили свою позицію и отступили: батареинныя и двѣ легкія батареи 16-й артиллерійской бригады и, наконецъ, даже главныя силы центра предприняли полное отступление, безъ приказанія и мимо желанія князя Горчакова. Все это имѣло большое вліяніе на общій ходъ дѣла, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ единства и совокупнаго дѣйствія силъ, тамъ не можетъ быть и дружнаго удара, рѣшающаго иногда судьбу битвъ. Не менѣе важно и то обстоятельство, что резервъ лѣваго фланга былъ введенъ въ дѣло и уничтоженъ почти при началѣ боя, отчего впоследствии невозможно было поддержать разбитые полки и возстановить прежній порядокъ.

По окончаніи Альмской битвы, князь Меньшиковъ, того же 8-го сентября, предпринялъ отступление до р. Качи. Генералъ Корниловъ встрѣтилъ его на Бельбеѣ, и послѣ донесенія, о возводимыхъ укрѣпленіяхъ на сѣверной сторонѣ города, спросилъ главнокомандующаго: „что будетъ съ нашимъ Севастополемъ, и какія войска останутся защищать его?“ Разстроенный князь, не пришедшій еще въ нормальное положеніе послѣ Альмскаго погрома, отвѣчалъ Корнилову: „защищайте его, какъ знаете, всѣми средствами, въ вашемъ распоряженіи находящимися; а сегодня я ничего не могу сказать вамъ положительнаго“. Съ этимъ отвѣтомъ князь Меньшиковъ выступалъ на Качу, а Корниловъ пошелъ въ Севастополь и тотчасъ собралъ второй военный совѣтъ

изъ особъ, участвовавшихъ въ совѣтъ 2-го сентября. Объявивъ собранію отвѣтъ князя и изобразивъ въ краткихъ словахъ критическое положеніе Севастополя, Корниловъ просилъ собравшихся друзей обсудить важность настоящаго случая и придумать рѣшительныя средства къ защитѣ города и гавани.

Удалой и отчаянный адмиралъ Нахимовъ еще разъ предложилъ: выступить съ флотомъ въ море и распространить ужасъ до Константинополя; но эта мысль не встрѣтила теперь сочувствія и большинство, съ которымъ согласился и Корниловъ, положило: „продолжать возведеніе укрѣпленій на южной сторонѣ города, заградить старыми кораблями входъ въ бухту и лишить непріятеля возможности внезапно атаковать насъ съ моря и сухого пути“.

Въ этомъ положеніи нашелъ дѣло князь Меншиковъ, когда на другой день, т. е. 9-го сентября, прибылъ онъ со всѣми войсками съ Качи на сѣверную сторону Севастополя. Доложивъ князю о происходившемъ совѣщаніи и о рѣшеніи большинства: продолжать укрѣпленіе на южной сторонѣ и заградить старыми кораблями входъ въ бухту, Корниловъ просилъ дозволенія исполнить эту мѣру.

Князь, выслушавъ со вниманіемъ предложеніе Корнилова, нашелъ всѣ мѣры необходимыми и приказалъ: тотчасъ приступить къ погруженію кораблей въ море, ибо флотъ непріятельскій, прибавилъ князь, можетъ явиться даже завтра и помѣшать дѣлу. Кромѣ того князь приказалъ Корнилову: 1) обезоружить корабли и употребить ихъ артиллерию на вооруженіе возводимыхъ укрѣпленій; 2) изъ 17,000—18,000 матросовъ сформировать баталіоны и обратить на защиту города, и 3) всѣ старыя и негодныя для службы орудія и лафеты затопить въ бухту, а корабельные запасы лѣсовъ истребить огнемъ.

Въ эту же ночь, 9-го числа, Корниловъ приступилъ къ исполненію приказаній главнокомандующаго. Новизна распоряженій и неожиданное устройство пѣшихъ баталіоновъ изъ матросовъ произвели разномысліе и ропотъ. Болѣе другихъ возставалъ противъ этихъ мѣръ храбрый адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ; преданный душою морской службѣ, онъ не могъ равнодушно слышать о затопленіи кораблей и обращеніи въ пѣхоту матросовъ, его боевыхъ сотрудниковъ въ морѣ, но все неудовольствіе кончилось „говоромъ“ и въ утру 10 сентября бухта была уже за-

граждена для непріятеля и приступлено къ исполненію другихъ распоряженій князя.

Трудно вообразить себѣ, говорятъ очевидцы этого событія, до какой степени упали тогда духомъ моряки наши; минуты эти были тяжкимъ испытаніемъ нашей твердости, особливо когда гордость и укрѣпленіе севастопольскаго порта — корабли наши были погружены на дно бухты ¹⁾. Но къ счастью, это состояніе умовъ продолжалось не долго; вѣсть о движеніи непріятеля къ Севастополю какъ электрической токъ пробудила всеобщій энтузіазмъ въ городѣ — Севастополь походилъ тогда на муравейникъ, все трудилось и не было мѣста на сѣверной и южной сторонѣ, гдѣ бы не работали: одни возводили укрѣпленія, другіе разгружали корабли и свозили артиллерію на берега бухты; третьи ставили пушки въ амбразуры и подносили заряды, и каждый по мѣрѣ силъ и здоровья приносилъ посильную лепту своего усердія; лѣвтяевъ и тунеядцевъ тамъ не было, и что замѣчательно, — не произошло никакихъ безпорядковъ и всякое приказаніе начальства исполнялось безропотно ²⁾.

Но судьба Севастополя висѣла на волоскѣ; хотя затопленные суда при входѣ въ бухту дѣлали вторженіе непріятельскаго флота невозможнымъ, но южная сторона города была совсѣмъ обнажена, укрѣпленія оной только что возводились, да и сѣверная сторона не представляла большой опоры. Полевой валъ, только что набросанный и вооруженный 10 — 12-ю пушками на гнѣлыхъ станкахъ, не могъ удержать непріятеля съ сухого пути, если бы союзники знали лучше дѣла наши; но Господь послалъ слѣпоту на враговъ нашихъ; обзрѣвая городъ только съ моря, откуда грозные форты ³⁾ кажутся недоступными твердынями,

¹⁾ А огромные запасы корабельныхъ дѣсовъ пылали страшнымъ огнемъ кругомъ города.

²⁾ Но при такой поспѣшности работъ, были неизбежны въ такомъ случаѣ ошибки, напримѣръ: вѣсть съ негодными орудіями много затопила и годной для службы артиллеріи. Еще въ апрѣлѣ 1855 года я самъ видѣлъ слѣды бывшей суматохи; весь берегъ бухты противъ батарей № 4-го на сѣверной сторонѣ былъ заваленъ желѣзнымъ и деревяннымъ ломомъ, и между нимъ торчали новые лафеты; тогда, кажется, никто не думалъ грузить ихъ на глубину и бросали какъ попало, а потому всю поспѣшность того времени можно было видѣть каждому.

³⁾ Константинъ, Михаилъ, Александръ, Николай, Павелъ и батареи № 4-й — 10-й.

пароходы непріятельскіе и предполагать не могли, чтобы такой важный пунктъ не имѣлъ обороны съ сухого пути, а измѣнники-татары, не понимая сущности дѣла, придали нашимъ укрѣпленіямъ (съ сѣв. стороны) преувеличенную важность. Эти вѣсти татаръ и донесенія пароходовъ были причиною, что союзники, послѣ Альмской битвы, не рѣшились атаковать Севастополь съ сѣверной стороны, но прямо перешли на южную сторону и приступили къ осадѣ города ¹⁾. Съ этою цѣлію они не торопились походомъ, и только 12-го (24-го) сентября выступили съ позиціи при Альмѣ. До р. Бельбека союзники шли вмѣстѣ, а здѣсь раздѣлились: французы остались 12-го (24-го) числа ночевать на Бельбекѣ, а англичане пошли далѣе. Въ сумерки того же дня, они прошли мимо сѣвернаго укрѣпленія и ночевали въ лѣсу, не доходя верстъ 3-хъ до Мекензіева хутора, а рано утромъ, 13-го (25-го) сентября, перейдя р. Черную по мосту близъ Чургуна, заняли Балаклаву. Французы прошли мимо сѣверной стороны утромъ, 13-го (25-го) числа, и присоединились къ англичанамъ въ Балаклавѣ 14-го сентября.

Итакъ штурмъ города, эта гроза, которой такъ справедливо опасался Севастополь, прошла благополучно; но союзники дорого заплатили за бездѣйствіе съ 9-го по 14-е сентября; дни эти были для нихъ роковыми, ибо русскіе въ это время совершили великія дѣла ²⁾. Едва колонны непріятельскія миновали сѣверное укрѣпленіе, неутомимый Корниловъ бросился укрѣплять южную сторону города и снова обратился за помощью къ севастопольцамъ.

Магическій призывъ любимаго вождя и гражданина ³⁾ про-

¹⁾ Слово въ слово такъ говорили плѣнные англичане, французы и турки.

²⁾ Если бы союзники пошли на приступъ 12-го сентября, когда князь Меншиковъ былъ на южной сторонѣ, и даже 13-го или 14-го числа, когда князь былъ на Качѣ, за 30 верстъ отъ города, въ обоихъ случаяхъ Севастополь палъ бы непремѣнно, и никакая храбрость не спасла бы его, ибо укрѣпленія (кой-гдѣ) безъ пушекъ и рва, только что возводимыя, не представляли никакой защиты и непріятель подавилъ бы своею численностію.

³⁾ Когда непріятель перешелъ на южную сторону Севастополя, въ приказѣ по флоту Корниловъ сказалъ своимъ морякамъ: „товарищи! намъ нужно отказаться отъ любимой мысли разгромить врага на морѣ — защита города требуетъ нашего присутствія въ немъ“.

извелъ взрывъ патріотизма во всѣхъ сословіяхъ; по его одному слову, какъ на пирь, стекались на работу всѣ свободные: старые и молодые, военные и частные люди, съ ихъ женами и дѣтьми и прислугою, и, увлекаясь общою опасностію, принялись дружно за топоры, лопаты и заступы; вдругъ все закипѣло! Умилительно было смотрѣть—говорять очевидцы—на общее соревнованіе другъ передъ другомъ; тутъ не было надобности въ напоминаніи, а только въ указаніи: что дѣлать? Они добровольно, сами отъ себя, учредили очереди и первые 3 дня работали день и ночь. Совокупное усердіе и неимовѣрныя усилія этихъ достойныхъ сыновъ отечества совершили подвигъ баснословный: твердыни Севастополя росли у нихъ сутками и къ 15-му числу сентября, надъ уровнемъ земли, уже возвышались укрѣпленія Малахова кургана и бастіоны № 3-й, 4-й и 5-й. Впослѣдствіи, продолжая эту линію далѣе, по обѣ стороны вооруженныхъ бастіоновъ, они воздвигли остальные твердыни Севастополя, которымъ такъ долго и справедливо удивлялась вся Европа. Между 16—18-мъ числами сентября были посланы съ нашихъ батарей къ неприятелю первые выстрѣлы, и съ тѣхъ поръ огонь не умолкалъ на нихъ до конца осады.

Будущему историку предстоитъ оцѣнить заслуги незабвенныхъ сотрудниковъ этого важнаго дѣла—адмираловъ Корнилова, Нахимова и Истомина, какъ главныхъ дѣятелей по сооруженію и оборонѣ Севастополя. Всѣ они, какъ вѣрные сыны отечества и какъ истые герои, пали славною смертію, защищая свой родной городъ и, замѣчательно, всѣ три мужа пали на тѣхъ бастіонахъ, которые сами строили.

Но что дѣлалъ главнокомандующій въ это время? Пробывъ на сѣверной сторонѣ 9-е, 10-е и 11-е числа сентября и усиливъ гарнизонъ Севастополя до 8-ми баталіоновъ пѣхоты, князь Меншиковъ рано утромъ, 12-го числа, перешелъ съ главными силами чрезъ Инкерманскій мостъ на южную сторону и оставился въ 3-хъ верстахъ на юго-западѣ отъ города.

Выше сказано, что вечеромъ того-же, 12-го (24-го), числа союзники пришли къ Бельбеку и раздѣлились тутъ. Французы ночевали на Бельбекѣ (6 верстъ не доходя до Севастополя), а англичане прошли мимо него и ночевали впереди города, въ 3-хъ верстахъ отъ Мекензіева хутора (и въ 4-хъ вер. отъ моста при

Чургунѣ). Изъ расположенія непріятельскихъ армій, 12-го (24-го) сентября, видно, что князь Меншиковъ былъ окруженъ союзниками и находился въ крайней опасности. Два единственные моста, при Инверманѣ и Чургунѣ, по коимъ могъ отступить князь Меншиковъ, были во власти непріятелей; таѣ узка, мала и невыгодна была мѣстность при спускѣ съ горъ южной стороны и при подъемѣ на горы противоположныя ¹⁾. Французамъ стоило сдѣлать 6 — 7 верстъ впередъ, чтобъ стать на сообщенія русскихъ войскъ съ Симферополемъ, Перекопомъ и Россією и буквально запереть князя на южной сторонѣ; а англичанамъ стоило сдѣлать впередъ 4 версты, чтобъ занять мостъ и всѣ переправы на Чургунѣ. Вотъ куда геній князя завелъ главныя силы, 12-го (24-го) сентября, и въ какую западню поставилъ онъ войска русскія. Кромѣ того, находясь на южной сторонѣ, князь Меншиковъ оставлялъ сѣверную сторону на произволъ случая и собственной защитѣ, если бы союзники, 12-го (24-го) числа, атаковали сѣверную сторону, ибо бухта и рѣка Черная, которыя отдѣляютъ южную часть города отъ сѣверной, были естественными преградами для поданія помощи; а перевозка арміи на пароходахъ и подъ выстрѣлами непріятелей была просто невозможна. Но великъ и до нынѣ Богъ русскій! Только безпечность союзниковъ и глубокое невѣдѣніе ихъ о расположеніи нашихъ войскъ 12-го (24-го) сентября спасли честь русской арміи.

Когда съ Сѣверной стороны дали знать главнокомандующему о прибытіи на Бельбекъ союзниковъ 12 (24) числа, то, вѣроятно, кто либо изъ смышленныхъ и приближенныхъ къ князю особъ указалъ ему на опасность, въ которой находилась армія, будучи на южной сторонѣ, ибо того же 12-го числа ночью князь принялъ обратно фланговое движеніе къ Бахчисараю ²⁾; движе-

¹⁾ Описанную здѣсь мѣстность при мостахъ Инкерманскомъ и Чургунѣ я видѣлъ и изучилъ лично въ 1855 и 1856 годахъ по заключеніи мира.

²⁾ Авторы нѣкоторыхъ статей называютъ фланговое движеніе князя къ Бахчисараю образцовымъ и превосходно соображеннымъ, но изъ самаго расположенія войскъ русскихъ и союзныхъ, вечеромъ 12 (24) числа, видно, что это движеніе было „вынужденное“ для спасенія чести русской арміи; а столкновеніе нашего арьергарда съ авангардомъ англичанъ утромъ 13 (25) числа, потеря при этомъ 30 повозокъ, достаточно указываетъ на опасность, которой подвергалась армія наша, если бы англичане заняли мостъ и всѣ переправы при Чургунѣ, а французы мостъ на Инкерманѣ вечеромъ 12 (24)

ніе, хотя очень опасное ¹⁾, но счастливо совершившееся. Ровно въ полночь съ 12-го на 13-е число князь перешолъ съ главными силами р. Черную чрезъ мостъ у д. Чургунъ, поднялся на Мекензіеву гору и, совершивъ переходъ до д. Отторкой ²⁾, сдѣлалъ тамъ отдыхъ и, отойдя до р. Качи, остановился ³⁾. Съ этой позиціи князь могъ уже дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятеля.

Въ то время, какъ князь Меншиковъ совершалъ фланговое движеніе къ Бахчисараю, союзники дѣлали фланговый маршъ на южную сторону Севастополя, а какъ путь обѣихъ армій лежалъ чрезъ мостъ при Чургунѣ, то столкновение казалось неизбѣжнымъ; и, дѣйствительно, англійскія передовыя войска, слѣдуя утромъ 13 (25) сентября къ мосту, застигли тутъ хвостъ русскихъ обозовъ и отбили у насъ 19 парковыхъ повозокъ съ снарядами и 10 пороховыхъ ящиковъ. Эти повозки были единственными трофеями англичанъ 13-го сентября.

Узнавъ о передвиженіи непріятеля на южную сторону, князь Меншиковъ прибылъ 16-го числа на Бельбекъ (при д. Оторкой), а 17-го на сѣверную сторону Севастополя и занялъ спускъ къ Инкерманскому мосту.

Оборона и осада Севастополя въ эпоху 1854—1855 годовъ такъ обильна матеріалами и такъ интересна ежедневными дѣ-

числа; тогда князю Меншикову пришлось-бы пробиваться силою или пробираться къ Бахчисараю чрезъ Байдарскую долину. Д.

¹⁾ Очевидцы и участники фланговаго движенія говорятъ, что, двигаясь въ тишинѣ ночи по горамъ Мекензіевой горы, войска наши явственно видѣли въ верстахъ 3-хъ, 4-хъ отъ дороги огромное заѣво бивачныхъ огней непріятеля. Это были англичане, которые, поторопясь занять Балаклаву, пренебрегли установленною на войнѣ осторожностью и не имѣли развѣздовъ: но если бы хоть десятокъ кавалеристовъ посланъ былъ для „развѣдыванія“, то, конечно, открыли бы движеніе русскихъ, подымавшихся цѣлую ночь вверхъ по узкой и обрывистой крутизнѣ отъ моста на гору Мекензіева хутора; но судьба хранила Россію и, по безпечности англичанъ, войска и артиллерія наша благополучно взобрались на верхъ и только 30 повозокъ утромъ 13 (25) стали добычей англичанъ.

²⁾ Оторкой лежитъ въ 1 верстѣ отъ почтовой дороги изъ Севастополя въ Бахчисарай, въ 15 или 16 верстахъ отъ Севастополя и столько же отъ Бахчисарая.

³⁾ Рѣка Кача течетъ въ 5 верстахъ отъ Бахчисарая, слѣдовательно войска князя Меншикова совершили въ этотъ переходъ добрыхъ 40 верстъ.

Д.

лами для каждаго русскаго патриота, что будущему историку этой колоссальной эпохи придется описывать событія посуточно и только тогда эта исторія будетъ вѣрнымъ изображеніемъ того, что происходило внутри и внѣ Севастополя; ибо на пространствѣ 10—11 верстъ кругомъ нашихъ верковъ сражалась не одна сила, но лучшіе умы и дарованія Европы, приспособляя къ своимъ дѣйствіямъ всѣ соображенія науки, а потому каждый день отличался какимъ-либо особеннымъ происшествіемъ. Не имѣя ни времени, ни силъ и даже способности слѣдить за ходомъ дневныхъ событій, я ограничилъ трудъ мой описаніемъ только главныхъ дѣлъ, имѣвшихъ вліяніе на продолжительность обороны и осады Севастополя; а потому, пропуская здѣсь разныя происшествія до 5-го октября, я приступаю къ описанію первой бомбардировки Севастополя, происходившей 5-го и 6-го чиселъ октября 1854 года.

5-го октября 1854 года, день незабвенный въ лѣтописяхъ Севастополя, былъ испытаніемъ мужества, стойкости и самоотверженія русскихъ при опасности и первымъ опытомъ для союзниковъ — до какой степени возможно одолѣть русскихъ при совокупномъ дѣйствіи силъ ихъ съ моря и суши. Храбрые моряки и артиллеристы, свидѣтели этого ужаснаго боя, единогласно утверждаютъ, что 5-е октября было днемъ „страшнаго суда и гнѣва Божія“. Смерть пировала на всѣхъ концахъ города и не было мѣста и уголка въ Севастополѣ, гдѣ бы не лопались бомбы и не бороздили по землѣ ядра непріятельскія ¹⁾. Корабельная и артиллерійская слободки (на концахъ города), какъ ближайшія къ непріятельскимъ батареямъ, были почти уничтожены; адмиралтейство и знаменитые доки, казармы, улицы Екатерининская, Большая и Малая Морская, Театральная площадь, бульваръ, Графская пристань и прочее—были заброшены снарядами.

---

¹⁾ „Новая Прусская Газета“ говоритъ, что съ одной французской эскадры брошено въ городъ до 50 т. ядеръ и что если присоединить къ этому сухопутныя батареи, то очень можетъ быть, что въ первый день бомбардировки противъ Севастополя и его верковъ брошено отъ 150,000 до 200,000 метательныхъ снарядовъ. Даже тамъ же, что „русскіе доказали, что восторжествовать надъ ними не такъ легко, какъ предсказывали намъ“.

Вездѣ допались заряды разрывные, сыпались осколки ихъ и даже камни мостовой выворачивались подъ ядрами. Сторона Сѣверная представляла ту-же картину. Воздухъ гудѣлъ и земля тряслась подъ оглушительнымъ ревомъ батарей съ суши и моря, а по временамъ солнце застилалось отъ дыма и не видно было ничего, кромѣ огней, сверкавшихъ изъ орудій непріятельскихъ.

Въ эти грозныя минуты Севастополь нашъ, какъ разъяренный левъ, отбивался на всѣ стороны и съ удивительною живостью, отвѣчая на всѣ залпы съ батарей непріятельскихъ, громилъ ихъ своими тяжелыми орудіями и не остался ни у кого въ долгу.

Но посреди всеобщаго разрушенія домовъ, храмовъ Божіихъ и твердынь нашихъ, говорятъ очевидцы, отрадно было смотрѣть на представителей этой кровавой драмы, адмираловъ: Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ вождей; всѣ они были примѣромъ усердія и готовности умереть за родной Севастополь. Чуждые страха, но полные хладнокровія и спокойствія, они не сходили въ тотъ день съ верховъ Севастопольскихъ; но переносясь съ одного бастиона на другой, примѣромъ личнаго самоотверженія переливали и въ подчиненныхъ своихъ тотъ жаръ и бодрость духа, коими сами воодушевлены были. Не было батарей, гдѣ бы геній ихъ не производилъ восторга въ храбрыхъ защитникахъ Севастополя. Вездѣ привѣтствовали ихъ радостнымъ ура! вездѣ гордились ими подчиненные и называли удалыми вѣтяжами, своими богатырями; а они благодарили за службу ихъ и напоминали о долгѣ воина и чести быть защитникомъ Севастополя; а иногда, для примѣра, дѣлили труды съ ними - навели орудія или наставляли молодыхъ юношей. Артиллерійская прислуга, составленная исключительно изъ моряковъ и ввѣренная храбрымъ патріотамъ ¹⁾, дѣйствовала энергически и творила чудеса.

---

¹⁾ Батареями бастиона № 3 (разсказываютъ морскіе офицеры), завѣдывалъ храбрый капитанъ 2-го ранга Попандуло; тутъ же находился и сынъ его, молодой мичманъ Попандуло. Какъ третій бастионъ болѣе другихъ наносилъ поражение непріятелю, то 5-го октября онъ видимо хотѣлъ уничтожить его, ибо противъ его было сосредоточено и дѣйствовали наибольшее число непріятельскихъ батарей. Огонь былъ ужасный, смерть пировала на этомъ бастионѣ и ежеминутно выхватывала изъ рядовъ храбрыхъ моряковъ нашихъ.

Безъ суеты и бѣготни, но съ удивительною живостью посылали они смерть врагамъ и батареи умолкали одна за другою ¹⁾. Порядокъ, усердіе и готовность на все были выше всякой похвалы: падала прислуга и ее замѣняли тотчасъ другіе, безъ приказанія ²⁾; подбивали лафеты, ранили орудія, ихъ снимали съ мѣста и становили лафетъ запасный; и все это дѣлалось съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и ревностно, какъ бы на ученьи въ присутствіи царя; это совокупное усердіе, безстрашіе и соревнованіе всѣхъ чиновъ отъ адмирала до матроса и пѣхотнаго рядового увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: въ 2—3 часамъ пополудни были сбиты почти всѣ непріятельскія орудія; огонь на батареяхъ ихъ видимо слабѣлъ и прекращался, а около 4—5 часовъ пополудни только кой-гдѣ слышался умирающей выстрѣлъ. Бомбардированіе съ моря было для союзниковъ еще менѣе удачно. Съ цѣлю развлечь силы наши и дружнымъ ударомъ съ моря и суши сокрушить, уничтожить укрѣпленія наши и истребить ненавистный имъ флотъ севастопольскій, союзные адмиралы, отыскавъ въ бухтѣ глубокія мѣста между затопленными судами, ввели въ бой до 35-ти паровыхъ кораблей и столько же пароходовъ для буксированія оныхъ.

Едва показались они на высотѣ водъ бухты, какъ встрѣченные бомбами и каленными ядрами съ фортовъ Константинъ, Александръ и батареи № 10, корабли непріятельскіе, долженствовавшіе строиться подъ перекрестнымъ огнемъ, были буквально ошеломлены отъ мѣткихъ и убійственныхъ выстрѣловъ батарей нашихъ. Когда же союзники вошли въ боевую линію (т. е. стали ближе къ намъ) и съ своей стороны начали громить залпами форты: Константинъ, Александръ и батарею № 10-го (въ особенности послѣднюю, какъ ближайшую), тогда загремѣли и другіе наши форты: Михаилъ ихъ поражалъ ихъ во флангъ, Павловскій мысокъ слѣва, а батарея № 4-го съ фронта.

¹⁾ Искусству стрѣлять скоро и мѣтко сами непріатели отдають артиллеристамъ нашимъ полную справедливость и удивляются какъ можно соединить живой огонь съ мѣткостью выстрѣловъ. Д.

²⁾ Извѣстно, что противъ батареи № 10-го былъ сосредоточенъ 5 октября страшный огонь съ непріятельскаго флота; когда у пушекъ была перебита вся прислуга и вызвали охотниковъ изъ баталіонно-морскихъ солдатъ, то весь баталіонъ изъявилъ желаніе идти на батарею и быть артиллеристами. Д.

Въ эти достопамятныя минуты батареи наши дѣйствовали такъ живо и съ такою энергіею, что многимъ изъ союзныхъ кораблей удалось сдѣлать только одинъ залпъ; ибо прежде, чѣмъ успѣвали поворотить корабль, чтобы дѣйствовать другимъ бортомъ, суда получали такія поврежденія, что должны были выводить ихъ изъ боя на буксиръ. Французскій флотъ потерпѣлъ въ этомъ дѣлѣ болѣе англійскаго и турецкаго, ибо онъ первый появился на водахъ бухты и послѣднимъ отступилъ. Выстрѣлы съ нашихъ фортовъ были такъ мѣткі, что нѣсколько кораблей загорались по 2, по 3 раза. Вообще же всѣ винтовыя и паровыя суда, а равно пароходы ихъ, вернулись изъ боя безъ мачтъ, съ течью и пробитыми бортами. При такомъ поврежденіи судовъ, адмиралы союзные уже съ 4 часовъ пополудни стали выводить на буксиръ изъ боя: сперва корабли сильно поврежденные, а потомъ и остальные, такъ что къ 6 часамъ вечера не было предъ фортами Севастополя ни единого судна непріятельскаго. Эта неудачная попытка разрушить наши приморскія батареи и истребить флотъ русскихъ въ бухтѣ очевидно доказала союзникамъ, что ихъ соединенные флоты, собранные въ такомъ громадномъ числѣ въ одномъ пунктѣ¹⁾, были недостаточны для достиженія цѣли и что пораженія, коимъ подвергались они при атакѣ фортовъ, не имѣли вліянія на ходъ осады. Это обстоятельство было одною изъ причинъ, что, до заключенія мира, флотъ непріятельскій ограничился наблюдательнымъ положеніемъ.

Изъ нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ противъ непріятельскаго флота, пострадали болѣе другихъ: фортъ Константинъ и батарея № 10-го; а съ сухого пути оказалось наибольшее поврежденіе въ верхахъ и въ потерѣ людей на бастіонѣ № 3-го—онъ былъ почти разрушенъ: амбразуры уничтожены, орудія сбиты и три раза переимѣнена вся артиллерійская прислуга.

Такъ кончился достопамятный день 5 октября 1854 года, покрывшій защитниковъ Севастополя неуваждаемою славою. Отъ матроса до адмирала и отъ чернорабочаго до купца 1-й гильдіи всѣ стяжали ее своими подвигами: военные — неусыпнымъ исполне-

¹⁾ Собственно противъ бухты Севастополя, въ бухтѣ Камышевой, находилось боевыхъ судовъ свыше 200, не включая сюда флота: при Балаклавѣ, Евпаторіи, Керчи и въ разныхъ мѣстахъ Чернаго и Азовскаго морей. Д.

ніемъ своего долга на бастіонахъ; граждане—подвозомъ боевыхъ запасовъ на батареи и матеріаловъ для починки укрѣпленій, а наконецъ и личнымъ участіемъ въ самыхъ работахъ. Исторія сохранить дѣла ихъ для потомства какъ образецъ величайшей любви къ отечеству и къ своему родному Севастополю; такъ называютъ его и теперь моряки наши.

Очевидцы говорятъ, что легко раненные и контуженные не сходили съ бастіоновъ; но послѣ перевязки становились на мѣста свои и исполняли службу до конца боя. Адмиралъ Нахимовъ, раненный изъ первыхъ, показалъ тому примѣръ. Подвиги севастопольцевъ, со дня высадки непріятелей въ Крымъ, такъ дивны, новы и необыкновенны, что внуки наши съ трудомъ повѣрятъ ихъ мужеству, которое росло по мѣрѣ опасности и было удивленіемъ даже для враговъ нашихъ. Французы, а за ними и англичане, отдавая храбрости ихъ полную справедливость, не могли надивиться неутомимой дѣятельности ихъ при возобновленіи верковъ; то, что сегодня было уничтожено, сбито и обращено въ развалины, завтра уже дѣйствовало съ большею энергіею. Не преувеличивая, сказать можно, что всѣ севастопольцы въ эту эпоху явили себя достойными сынами отечества и были—чудо-богатыри временъ суворовскихъ. Но посреди жертвъ, павшихъ въ этотъ день на полѣ чести и запечатлѣвшихъ кровію свою любовь къ отечеству, Севастополь со слезами вспоминаетъ о смерти лучшаго изъ своихъ героев—генераль-адъютанта и адмирала Владиміра Алексѣевича Корнилова. Неутомимый и неустрашимый, онъ съ ранняго утра былъ уже на мѣстѣ боя и, переѣзжая съ одного бастіона на другой, вездѣ сходилъ съ коня, здоровался съ храбрыми моряками и линейными войсками, подходилъ къ артиллерійской прислугѣ, замѣчалъ дѣйствіе орудій и повѣрялъ направленіе оныхъ; вездѣ говорилъ рѣчь къ солдатамъ, воодушевляя ихъ своимъ безстрашіемъ ¹⁾; за то воины вездѣ встрѣчали его радостнымъ „ура!“ и, отвѣчая на призывъ любимаго начальника,

---

¹⁾ На привѣстіе солдатъ, Корниловъ говорилъ: „смотри, молодцы, палять хорошенько, не торопиться, безъ суеты; вѣдь это дѣло вамъ хорошо знакомо. Никому не оставлять своей пушки, куда можно стоять на ногахъ Отступленія не будетъ. Если горниста зат, убитъ отступленіе, не вѣр ему—это измѣнникъ! Если я прие жу отступать—коли меня штыкомъ“.

восторженность матросовъ выходила тутъ изъ предѣловъ службы; ихъ закоптѣлыя отъ пороха и дыма лица выражали тогда необыкновенную отвагу и рѣшимость защищаться до послѣдняго и не отдаться живыми врагу. Такъ осмотрѣлъ онъ батареи на всѣхъ бастіонахъ и около 11-ти часовъ подѣхалъ къ башнѣ Малахова кургана ¹⁾, за брустверомъ 8-ми-орудійной батареи (въ 50-ти шагахъ отъ кургана) Корниловъ слѣзъ съ коня, осмотрѣлъ башню, приказалъ адмиралу Истомину (начальнику Малахова кургана) тотчасъ-же устроить тутъ перевязочный пунктъ для раненыхъ и, собираясь ѣхать къ Бутырскому полю, въ 11¹/₂ часовъ утра пошелъ къ своей лошади, но, не дойдя 3-хъ шаговъ до бруствера, былъ раненъ. Осколкомъ бомбы ²⁾ ему раздробило лѣвую ногу у самого живота, — она висѣла. Герой упалъ, но имѣлъ духу вынуть изъ кармана платокъ, приложить къ ранѣ и затаять страданіе: ни одного стога не вырвалось изъ его груди.

Когда-же артиллерійскіе офицеры подняли его на руки, то послѣдними словами его на этой батарее были: „отстаивайте-же Севастополь!“ и лишился чувствъ. Его положили на землѣ между орудіями и въ этомъ положеніи перевязали рану и отнесли въ госпиталь; но всякая операція оказалась невозможною и передъ героемъ стояла смерть. Тогда Корниловъ причастился Св. Тайнъ, простился съ товарищами и окружающими его ³⁾ и, умирая,

¹⁾ Башня на Малаховомъ курганѣ построена городскимъ обществомъ незадолго до высадки непріятеля при Евнаторіи. По причинѣ высокой мѣстности она видна со всѣхъ концовъ города.

²⁾ Моряки полагають, что онъ убитъ умышленно съ англійскаго флота и говорятъ: „въ это время ядра и бомбы съ трехъ англійскихъ кораблей летѣли на Малаховъ курганъ одно за другимъ“ и будто англійскій плѣнный рассказывалъ потомъ: „мы видѣли, какъ убили вашего генерала около башни“ и что они узнали его „по гнѣдой лошади съ бѣлою гривой“, на которой его видѣли прежде.

³⁾ Чувствуя приближеніе смерти, онъ просилъ позвать къ себѣ капитанъ-лейтенанта Попова, адмирала Истомина и другихъ. Успокоивъ Корнилова о ходѣ дѣлъ на бастіонѣ, Истоминъ, разстроенный до глубины души, бросился къ нему на шею и, рыдая, просилъ благословенія Корнилова; когда-же получилъ его, то, расплаканный, побѣжалъ на бастіонъ. Капитанъ-лейтенантъ Поповъ оставался при немъ до послѣдней минуты; г. Поповъ говоритъ, что мученія отъ боли заставляли Корнилова (при концѣ жизни) вскрикивать, а потому умирающій просилъ доктора дать ему успокоительныхъ капель; но увидавъ слезы Попова, сказалъ ему: „не плачьте, Поповъ, рана моя не

имѣлъ столько присутствія духа, что молился и просилъ Господа сохранить царя, Россію, флотъ черноморскій и Севастополь; въ 4 часа отошелъ онъ въ вѣчность. Такъ жилъ, служилъ отечеству и любилъ свой флотъ и Севастополь нынѣ незабвенный герой Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ ¹⁾. Миръ праху твоему, душа праведная!

Великодушный государь по царски наградилъ семейство Корнилова. Въ ознаменованіе заслугъ покойнаго адмирала, императоръ повелѣлъ: 1) На мѣстѣ, гдѣ убитъ Корниловъ, поставить ему памятникъ, а бастионъ назвать его именемъ. 2) Для содержанія семейства, кромѣ слѣдуемаго пенсіона отъ комитета, производить ежегодно изъ государственнаго казначейства вдовѣ и дѣтямъ его по пяти тысячъ рублей серебромъ. 3) Уплатить всѣ долги покойнаго казенные, въ опекунскій совѣтъ подъ заложен-

опасна, я еще переживу поражение англичанъ“, подъ конецъ благословилъ Попова и какъ будто задремалъ. Въ это время дали знать, что англійскія батареи сбиты и остались только 2 орудія. Услышавъ это, Корниловъ спросилъ: „что тамъ такое?“ и узнавши о пораженіи англичанъ, на лицѣ Корнилова просіяла небесная радость; тогда онъ собралъ послѣднія силы и произнесъ: „ура! ура!“, потомъ забылся—на вѣки. Д.

¹⁾ Приближенные къ адмиралу и имѣвшіе съ нимъ дѣла по службѣ возвращать:

а) Что покойный адмиралъ предчувствовалъ смерть свою. Отправляя утромъ 5-го октября курьера въ Николаевъ, гдѣ находились тогда жена и дѣти его, Корниловъ отдалъ курьеру письмо къ женѣ, но потомъ, какъ бы подумавши, снялъ съ себя торопливо золотые часы (доставшіеся ему отъ отца) и, вручая ихъ курьеру, сказалъ: „отдайте и часы женѣ моей, они должны принадлежать сыну, а здѣсь боюсь, чтобъ не разбились ихъ“.

б) Капитанъ-лейтенантъ Поповъ, смотритель госпиталя, майоръ Комаровскій, докторъ Павловскій, его дворовый человекъ и двое гребцовъ его гички были единственные свидѣтели послѣднихъ минутъ адмирала.

в) „Скажите моимъ сыновьямъ,—сказалъ Корниловъ священнику (который его исповѣдывалъ и причастил),—чтобъ они вѣрно служили царю и отечеству“.

г) Предъ смертію, въ родѣ завѣщанія, Корниловъ сказалъ Попову: „передайте благословеніе мое женѣ и дѣтямъ; кланяйтесь князю и скажите генералу-адмиралу, что у меня остаются дѣти“.

е) Адмирала Корнилова (по личной его просьбѣ) положили рядомъ съ гробомъ адмирала Михаила Петровича Лазарева, въ одномъ склепѣ.

ф) На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ адмиралъ Корниловъ, сложены крестъ изъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ; даръ этотъ принесли ему въ память флотскіе офицеры и матросы—его сподвижники. Д.

ныя имѣнія, на сумму 7,500 руб. сер., и частныя, на сумму 20,000 руб. сер. 4) Уплату частныхъ долговъ предоставить вдовѣ. Вслѣдствіе такого опредѣленія, вдова получила изъ государственнаго казначейства квитанцію изъ опекунскаго совѣта въ полученіи 7,500 руб. сер. и 20,000 чистыхъ денегъ на уплату частныхъ долговъ.

Л. Г. Духовинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ВОПРОСЪ О ПОЧИНѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА

20-го ноября 1857 г.

Исслѣдованіе по официальнымъ даннымъ

Извѣстно, что въ слѣдъ за воцареніемъ государя императора Александра Николаевича образованъ былъ особый комитетъ относительно разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Дѣйствія сего комитета мало извѣстны, но однако-жъ вѣдомо было, что освобожденіе крестьянъ признаваемо было симъ комитетомъ дѣломъ весьма важнымъ и что къ разработкѣ онаго нужно приступить съ крайнею осторожностію.

Затѣмъ, во время пребыванія государя императора въ Москвѣ, онъ 30-го марта 1856 года сказалъ представителямъ дворянства, — что „лучше начать дѣло освобожденія крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться пока оно само возникнетъ снизу“.

Слова сіи были понятны всѣмъ и каждому, но однако-жъ за симъ, въ теченіи болѣе полутора года, ни отъ лица дворянъ или ихъ представителей, ни отъ высшихъ властей, ни, наконецъ, отъ самого государя императора ничего гласнаго или официальнаго относительно освобожденія крестьянъ не послѣдовало.

Между тѣмъ въ это время вопросъ о крестьянахъ былъ главнымъ предметомъ разговора всѣхъ и каждого; всѣ не безъ страха ожидали чего-то. Одни съ разрѣшеніемъ онаго видѣли начало прогресса и конецъ всѣмъ неустройствамъ въ Россіи, другіе, не отрицая преуспѣянія, указывали на неразвитость народа и вообще на преждевременность освобожденія крестьянъ. Наконецъ,

были и такіе, кои съ свободою крестьянъ видѣли паденіе дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабленіе верховной власти.

Однимъ словомъ, толкамъ самымъ разнообразнымъ не было конца.

Вотъ среди этого, именно 20-го ноября 1857 года, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя генераль-губернатора сѣверо-западныхъ губерній Назимова объ устройствѣ дворянскихъ комитетовъ, для начертанія и разсмотрѣнія проектовъ о свободѣ крестьянъ.

За этимъ рескриптомъ послѣдовали немедленно другіе рескрипты на имя генераль-губернаторовъ с.-петербургскаго и московскаго, а равно и прочихъ начальниковъ губерній, и затѣмъ вся Россія представляла собою многочисленные комитеты, разрабатывающіе одинъ только вопросъ, — вопросъ объ устройствѣ крестьянъ.

Вотъ въ виду такихъ событій невольно возникаетъ вопросъ о томъ: почему первый рескриптъ послѣдовалъ на имя главнаго начальника сѣверо-западныхъ губерній, или такъ называемаго Литовскаго края, а не на имя г.-губернаторовъ С.-Петербурга или Москвы или другихъ начальниковъ губерній?

Казалось бы всего естественнѣе дворянству великорусскихъ губерній, включая сюда и двѣ столицы, Петербургъ и Москву, гдѣ по сплошному въ нихъ русскому населенію и по постоянному въ нихъ пребыванію высшихъ правительственныхъ властей, и наконецъ по патріотическому чувству, — скорѣе слѣдовало бы откликнуться на вышеозначенный зовъ государя императора. Но однако-жъ событія показали противное, — откликнулись на этотъ призывъ помѣщики сѣверо-западныхъ губерній, а не столицы и не великорусскіе дворяне.

Какъ это понять и чему это приписать?

Можетъ быть дворяне Литовскаго края лучше помѣщиковъ русскихъ губерній уразумѣли значеніе свободнаго труда при рациональномъ хозяйствѣ и невозможность развитія онаго при крѣпостномъ трудѣ; или можетъ быть, изъ чувства патріотизма къ задуманнымъ помысламъ и словамъ государя императора относительно свободы крестьянъ, они желали, при извѣстномъ воздѣйствіи генераль-губернатора Назимова, предупредить дворянство великорусскихъ губерній, или, наконецъ, въ Литовскихъ губерніяхъ

были особенныя обстоятельства, въ силу коихъ помѣщики оныхъ, во избѣжаніе удручающаго ихъ гнета, ухватились за дѣло освобожденія крестьянъ какъ за якорь своего спасенія.

Всѣ сіи вопросы не были предметомъ особыхъ изслѣдованій, а между тѣмъ они едва-ли, безъ упрека со стороны исторіи современникамъ, могутъ быть оставлены безъ должнаго изслѣдованія, такъ какъ починъ великаго крестьянскаго дѣла возникнулъ именно съ сѣверо-западнаго края, а не съ другихъ губерній.

Извѣстный по своимъ запискамъ по крестьянскому дѣлу сенаторъ Я. А. Соловьевъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что генераль-губернаторъ В. И. Назимовъ, какъ воспитатель государя императора Александра Николаевича, былъ ближе къ нему, чѣмъ прочіе генераль-губернаторы, а потому онъ и могъ смѣлѣе дѣйствовать, чѣмъ другіе.

Такъ, но въ великомъ дѣлѣ крестьянскомъ, едва-ли одни личныя отношенія могли дать починъ дѣлу, тѣмъ болѣе что и прочіе генераль-губернаторы, не говоря уже о министрахъ, знали намѣренія государя императора, но однако-жъ не могли ничего предпринять безъ торжественнаго заявленія тѣхъ лицъ, до коихъ освобожденіе крестьянъ касалось,—т. е. помѣщиковъ.

Другой монографъ („Русская Старина“ за мартъ мѣсяць 1885 г.) то-же обстоятельство объясняетъ тѣмъ, что В. И. Назимовъ, по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1856 году, послѣ коронаціи нарочито объѣзжалъ ввѣренный ему край и убѣждалъ помѣщиковъ приступить къ крестьянскому дѣлу.

Тотъ-же авторъ приписываетъ починъ крестьянскаго дѣла раздору, происшедшему между членами въ комитетахъ, открытых въ сѣверо-западномъ краѣ, по поводу инвентарей, и противъ этого не будемъ возражать, но позволяемъ себѣ думать, что и прочіе генераль-губернаторы послѣ словъ государя императора, сказанныхъ гласно 30-го марта 1856 года, въ Москвѣ, не могли иначе рассуждать и говорить, какъ только въ томъ смыслѣ, что государь императоръ желаетъ освободить крестьянъ. Но однако-жъ, не смотря на это, все безмолствовало и всѣ чего-то ждали.

По отношенію инвентарей скажемъ кратко, что введеніе оныхъ какъ въ юго-западномъ, такъ и сѣверо-западномъ краяхъ, при всемъ своемъ разнорѣчій не возбуждало вопроса о личной свободѣ крестьянъ.

Относительно того, понимали ли помѣщики сѣверо-западнаго края условія свободнаго труда лучше великорусскихъ, можно усумниться. Тотъ, кто привыкъ къ крѣпостному труду, тотъ едва-ли могъ свыкнуться съ условіями свободнаго труда, притомъ свободный трудъ обусловливается оборотомъ свободнаго капитала, а его - то и не было, иначе имѣнія сѣверо-западнаго края не попали бы сплошь да рядомъ въ руки арендаторовъ и евреевъ.

Затѣмъ о патріотическомъ настроеніи помѣщиковъ сѣверо-западнаго края, и въ особенности польскаго происхожденія, едва-ли удобно и говорить, если вспомнить, что спустя два года послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года нужно было принимать суровыя мѣры, чтобы обратить ихъ къ долгу и обязанностямъ вѣрноподданничества.

Итакъ видимо и ясно, что были особыя обстоятельства, болѣе или менѣе удручающія, чтобы подвигнуть или заставить помѣщиковъ сѣверо-западнаго края прежде прочихъ заявить о желаніи своемъ освободить, согласно волѣ государя императора, своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Обстоятельства эти, по моему крайнему убѣжденію, были: общее дѣло, касавшееся порознь всѣхъ помѣщиковъ сѣверо-западнаго края, безъ исключенія, производившееся въ судебныхъ мѣстахъ сѣверо-западнаго края и первомъ отдѣленіи 3-го департамента сената, подъ названіемъ о разборѣ вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ. Сѣверо-западныя губерніи, въ порядкѣ подсудности, были подчинены сему департаменту. Производство и послѣдствія сихъ дѣлъ для каждаго помѣщика по окончаніи были тяжки, ибо по большой части сопровождались освобожденіемъ всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, съ подтверженіемъ владѣльца платежу добавочной 7 рублевой подушной подати со времени первой 1795 года ревизіи въ краѣ.

Въ разъясненіе сего положенія я привожу слѣдующія обстоятельства, основанныя болѣе или менѣе на официальныхъ данныхъ.

Въ сѣверо-западномъ краѣ съ-изстари поселилась раскольническая секта людей, подъ названіемъ пилипоновъ.

Въ чемъ стояли вѣрованія ихъ и чѣмъ они отличались отъ

прочихъ раскольническихъ сектъ,—это не входитъ въ предметъ настоящей статьи.

Для насъ въ настоящее время достаточно сказать одно только, что это были люди пришлые, вольные, поселившіеся на помѣщичьихъ земляхъ сѣверо-западнаго края на извѣстныхъ съ владѣльцами о платѣ условіяхъ.

Въ такомъ видѣ, т. е. въ числѣ вольныхъ, они были и показаны по первой въ сѣверо-западномъ краѣ 1795 г. ревизіи.

Вольные люди, а въ томъ числѣ и пилипоны, въ то время, какъ извѣстно, платили возвышенную подать, превосходившую значительно подушную подать съ крѣпостныхъ крестьянъ. На чемъ основано было такое различіе, т. е. почему вольные люди платили болѣе, чѣмъ крѣпостные, вопросъ этотъ также не входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія.

Но кстати скажемъ, что различіе въ платежѣ подушной подати вольныхъ людей отъ крѣпостныхъ имѣло громадныя послѣдствія на грядущія поколѣнія не только въ сѣверо-западномъ краѣ, но и въ прочихъ частяхъ Россіи, именно Малороссіи.

Вольные люди, а въ томъ числѣ пилипоны, съ цѣлію избѣжать платежа возвышенной подати, при послѣдующихъ ревизіяхъ начали записываться въ число крѣпостныхъ тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ коихъ они были поселены.

Къ этому ихъ еще понуждали и другія причины; такъ, съ запискою себя въ число крѣпостныхъ, они пріобрѣтали покровительство владѣльцевъ земель и тѣмъ избавлялись отъ разныхъ стѣсненій властей и сосѣдей. Къ этому остается еще присовокупить и то, что землевладѣльцы или помѣщики записывали часто за собою по своему произволу людей вольныхъ въ число своихъ коренныхъ или крѣпостныхъ, на этомъ основаніи многіе даже мелкопомѣстные дворяне попадали, по милости крупныхъ или сильныхъ владѣльцевъ, въ число ихъ крѣпостныхъ.

Впослѣдствіи, по поводу сего вообще въ судебныхъ мѣстахъ образовалось множество дѣлъ о такъ называемыхъ людяхъ, отыскивающихъ свободу.

Къ чести правительства прежняго времени такого рода дѣла всегда пользовались покровительствомъ властей. Мѣстныя казенныя чалаты сѣверо-западнаго края, преслѣдуя вопросъ объ уменьшеніи

суммы возвышенной подати съ пилипоновъ, пришли въ убѣжденію, что это произошло отъ того, что эти люди записаны, или сами записались въ число крѣпостныхъ.

Вотъ, въ отвращеніе сего и въ видахъ сохраненія казеннаго интереса, когда дѣло дошло до сената, то со стороны 1-го департамента онаго, 17-го октября 1807 г., послѣдовалъ общій указъ о томъ, чтобы казенныя палаты сѣверо-западнаго края сдѣлали повѣрку по ревизіи 1795 г. о пилипонахъ, и буде откроется невѣрная записка ихъ въ число крѣпостныхъ по слѣдующимъ ревизіямъ, то исправила бы сказки. Указъ этотъ не былъ обнародованъ, но тѣмъ не менѣе оный былъ принятъ въ исполненію вообще въ сѣверо-западномъ краѣ.

Исчезновеніе пилипоновъ, какъ вольныхъ людей, по ревизіямъ, бывшимъ послѣ переписи 1795 года, замѣчено было казенными палатами и по отношенію другихъ вольныхъ людей, число коихъ въ краѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, простиралось до нѣскольво сотъ тысячъ.

Вслѣдствіе чего послѣдовалъ другой указъ сената отъ 10-го ноября 1826 года, коимъ предписано казеннымъ палатамъ сѣверо-западнаго края произвести повѣрку ревизскихъ записокъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и пилипоновъ, и по отношенію вообще вольныхъ людей, значившихся таковыми по ревизіи 1795 года.

Вотъ съ этого времени, т. е. съ 1826 г., начался такъ называемый общій разборъ вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ, но сначала оный замедлялся трудностію самого дѣла и впослѣдствіи, по бывшимъ въ томъ краѣ въ 1831 году военнымъ обстоятельствамъ, и вовсе остановился, но дѣло однако-жь, какъ увидимъ, не заглохло. Сначала дѣла сіи производились административнымъ порядкомъ, но впослѣдствіи приняли характеръ чисто судебныхъ дѣлъ. 2-го ноября 1837 года, по представленію бывшаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ, свободо-любиваго графа П. Д. Киселева, послѣдовало, по изясненному предмету, особое высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ. Положеніемъ симъ опредѣлены правила какъ относительно разбора вольныхъ людей въ сѣверо-за-

падномъ краѣ, такъ и порядка производства сихъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ.

Цѣль правительства, какъ объяснено въ семъ положеніи, была обнаружить, чрезъ исправленіе ревизскихъ сказокъ, дѣйствительное происхожденіе въ семъ краѣ людей по документамъ.

По смыслу сего положенія казна или правительство, въ случаѣ обнаруженія казенными палатами невѣрностей или несогласія ревизскихъ сказокъ 1795 года съ послѣдующими ревизіями 1816 и 1834 года, предъявляла искъ къ владѣльцу имѣнія о свободѣ его крестьянъ.

Въ силу этого-же положенія, не смотря на то, отыскиваются крестьяне сами свободу или нѣтъ, помѣщики должны были, въ извѣстный срокъ, представить документы на право владѣнія крѣпостными людьми.

Засимъ дѣло подвергалось судебному разсмотрѣнію въ слѣдственно-апелляціонномъ порядкѣ, т. е. въ такомъ порядкѣ, по коему дѣла восходили до сената сами собою, съ отзывами губернаторовъ и генераль-губернаторовъ, и рѣшались въ сенатѣ не иначе, какъ по истребованіи заключенія г. министра государственныхъ имуществъ.

Такъ какъ невѣрности въ сказкахъ обнаруживались, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, повсемѣстно и по многимъ имѣніямъ, то сѣверо-западный край, въ концѣ сороковыхъ годовъ и началѣ первой половины десятилѣтія пятидесятихъ годовъ, представлялъ собою почти столько-же слѣдственныхъ дѣлъ, сколько было имѣній въ краѣ. Такихъ имѣній и дачъ, какъ видно изъ высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта 21-го іюня 1850 года, по дѣлу Шукшты, по одной Виленской губерніи было 3,710. Веденіе сихъ дѣлъ, съ производствомъ мѣстныхъ разслѣдованій и защиты оныхъ въ судебныхъ палатахъ, а равно въ сенатѣ и министерствахъ, при обнаружившемся уже покровительствѣ выснихъ властей, къ отысканію свободы,—было весьма тяжело.

Въ виду сего, помѣщики сѣверо-западнаго края, говоря попросту, стонали, оправдываясь тѣмъ, что ревизскія сказки 1795 и послѣдующихъ годовъ составлены были не ими, а предше-

ственниками ихъ. Посему они считали себя, весьма справедливо, невиновными въ запискѣ вольныхъ людей—крѣпостными.

Скажу болѣе, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ, въ просьбахъ своихъ сенату, сами домогались признанія своихъ крѣпостныхъ людей вольными, ходатайствуя только объ одномъ—объ избавленіи ихъ отъ взысканія возвышенной подушной подати и оставленія за ними, владѣльцами, земли.

Представляемые помѣщиками документы, какъ-то: купчія крѣпости, ревизскія сказки и инвентари, не принимались сенатомъ въ какое либо уваженіе.

Первымъ потому, что въ нихъ хотя и заключались доказательства на принадлежность земли, но одно это, безъ исчисленія поимянно самихъ крестьянъ, не объясняло происхожденія поселившихся въ имѣніи людей, а этого только и домогалось правительство.

Равнымъ образомъ и ревизскія сказки не измѣняли положенія дѣла, такъ какъ правильность ихъ подверглась со стороны казны сомнѣнію и оспариванію.

Наконецъ, инвентари имѣній, какъ нигдѣ не явленные, также отвергались сенатомъ.

При такомъ порядкѣ не было никакой возможности доказать крѣпостное право на крестьянъ.

Думаю, что если бы въ великорусскихъ губерніяхъ казна заявила бы искъ о свободѣ крестьянъ, а помѣщики должны были сами представлять доказательства на крѣпостное владѣніе крестьянами, то явленія и послѣдствія были бы одни и тѣ-же, какъ и въ сѣверо-западномъ краѣ.

При томъ г. министръ государственныхъ имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ, почти во всѣхъ случаяхъ давалъ заключенія въ пользу освобожденія крестьянъ.

Быль 1848 годъ—время чрезвычайно свободнаго настроенія въ Россіи. Право помѣщиковъ на крестьянъ казалось уже чѣмъ-то дикимъ; защитниковъ крѣпостничества было мало... гг. сенаторы, не стѣсняясь, выражали свое мнѣніе почти всегда за свободу крестьянъ.

Я, бывши въ это время оберъ-секретаремъ I-го отдѣленія 3-го департамента, помню, что по одному дѣлу правительствую-

щему сенату было коллективное заявленіе многихъ помѣщиковъ сѣверо-западнаго края о признаніи поселенныхъ на ихъ земляхъ крѣпостныхъ людей—лично вольными. На эту просьбу, поддержанную, кажется, отзывомъ генераль-губернатора Мирковича, сенатъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе коллективныхъ просьбъ.

Въ смыслѣ признанія крѣпостныхъ людей вольными по имѣніямъ сѣверо-западнаго края, прошло много дѣлъ, а нѣкоторыя доходили и до государственнаго совѣта, въ коемъ и состоялись высочайше утвержденныя мнѣнія.

Изъ числа сихъ мнѣній укажу на мнѣніе 3-го января 1851 г. по дѣлу крестьянъ Рацкевича, и 21-го іюня 1850 года, по дѣлу о крестьянахъ имѣнія Любошиши помѣщика Шукшты.

Первое замѣчательно тѣмъ, что совѣтъ не потому призналъ крестьянъ Рацкевича вольными, что они представили доказательства о вольномъ происхожденіи, но потому, что самъ Рацкевичъ никакихъ доказательствъ или документовъ на крѣпостное право ихъ не представилъ. (Сборникъ мнѣній государственнаго совѣта 1851 года, стр. 443).

Второе мнѣніе государственнаго совѣта замѣчательно тѣмъ, что въ немъ выражено, что разрѣшеніе подобныхъ дѣлъ, въ смыслѣ освобожденія, можетъ имѣть большое вліяніе на судьбу края и что изъ этого возникаетъ, такъ сказать, государственный вопросъ. (Сборникъ высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта 1850—1851 гг., стр. 207).

Пророчество государственнаго совѣта дѣйствительно оправдалось на самомъ дѣлѣ.

При разрѣшеніи дѣла Шукшты, государственный совѣтъ, чрезъ министра юстиціи, собиралъ подробныя свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ по разбору вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ и о количествѣ сихъ дѣлъ въ Виленской губерніи.

Изъ записки, представленной совѣту министромъ юстиціи, видно, что тѣ свѣдѣнія, кои изложены выше сего, подтвердились и что неразобранныхъ вольныхъ людей остается по одной Виленской губерніи по 3,710 имѣніямъ. При этомъ совѣтъ призналъ доводы сената къ освобожденію крестьянъ помѣщика Шукшты совершенно правильными.

Соображенія, прописанныя въ семь мнѣній государственнаго совѣта, дали въ послѣдствіи твердую опору всѣмъ подобнымъ дѣламъ, производившимся въ сенатѣ, и съ этого времени дѣла по разбору вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ рѣшались, такъ сказать, по шаблону, — другого исхода, какъ освобожденіе крестьянъ, не было. Помѣщики искали спасеніе свое и защиту только въ медленности производства дѣла и въ умышленной затяжкѣ, подъ разными предлогами, въ чемъ и успѣвали. Число дѣлъ по одной Виленской губерніи было, какъ выше объяснено, 3,710. Цифра значительная, и если къ этому присовокупить число подобныхъ дѣлъ по другимъ губерніямъ края, да къ сему присоединить количество дѣлъ, производившихся и неоконченныхъ въ самомъ сенатѣ, то масса дѣлъ выйдетъ весьма и весьма значительная.

Вотъ масса такихъ дѣлъ, производившихся одновременно, не могла не отозваться на необходимости воспользоваться заявленіемъ государя императора 30-го марта 1856 года, въ особенности, если къ этому присоединилось воздѣйствіе и сочувствіе генерал-губернатора Владиміра Ивановича Назимова. Такое сочувствіе съ его стороны къ положенію помѣщиковъ края было весьма естественно и весьма кстати въ виду помысловъ государя императора. Впрочемъ, сочувствіе это не было и новостію для помѣщиковъ края, — ибо оно, какъ сказано выше сего, заявлено было и прежде Назимова — генерал-губернаторомъ Мирковичемъ.

О дѣлахъ по разбору вольныхъ людей въ краѣ генерал-губернаторъ Назимовъ не могъ не знать, ибо дѣла сіи поступали въ сенатъ съ его заключеніемъ.

Вотъ при поступленіи къ нему такихъ дѣлъ, владѣльцы имѣній, до коихъ они касались, не могли не взывать къ его сочувствію.

Засимъ, повторяю, масса такихъ подобныхъ дѣлъ, въ виду словъ государя императора, сказанныхъ 30-го марта 1856 года, при заявленіи уже владѣльцевъ, правда, вынужденной готовности признать крестьянъ своихъ вольными, и вызвала ходатайство, составленное Назимовымъ предъ государемъ императоромъ объ открытіи дворянскихъ комитетовъ для устройства крестьянъ, что и разрѣшено рескриптомъ 20-го ноября 1857 года.

Какъ только состоялся этотъ рескриптъ, дѣла по разбору

вольныхъ людей въ своемъ ходѣ пріостановились, а потомъ, когда распубликованъ былъ манифестъ 19-го февраля 1861 г.—объявлено было другое высочайше утвержденное 21-го сентября 1861 г. положеніе комитета гг. министровъ о прекращеніи вовсе дѣлъ по разбору вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ. Ясно, что дѣла сіи имѣли неразрывную связь съ общими вопросами, возникшими по рескрипту 20-го ноября 1857 года. (Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ, томъ II, часть II, стр. 29. Спб., 1862 года).

Что же выиграли, спросимъ мы сами себя, помѣщики сѣверо-западнаго края съ объявленіемъ рескрипта 20-го ноября 1857 г., объ открытіи комитетовъ по устройству крестьянъ?

Выиграли они, въ 1-хъ, то, что избавились отъ притязаній казны и веденія слѣдственныхъ дѣлъ, исходъ которыхъ, т. е. свобода ихъ крестьянъ, былъ ясенъ; во 2-хъ, то, что избавились отъ уплаты возвышенной подушной подати, которая съ исчисленіемъ ея съ 1795 года, при семи рублевомъ окладѣ, дѣлалась немомѣрно велика; въ 3-хъ, они надѣялись, что при освобожденіи крестьянъ, на условіяхъ, которыя имъ самимъ предоставлялось начертать, они достигнутъ лучшихъ выгодъ, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ судебнымъ порядкомъ; наконецъ, въ 4-хъ, избавлялись отъ введенія инвентарныхъ правилъ, которыя сами по себѣ были невыносимо тяжки и о каковыхъ дѣла еще не были приведены къ концу.

Изъ всего вышеизложеннаго должно убѣдиться, что мое изслѣдованіе о починѣ крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, какъ основанное болѣе или менѣе на официальныхъ данныхъ, едва-ли подлежитъ оспариванію.

Правда, изслѣдованіе это по своимъ фактамъ совершенно новое, но это объясняется тѣмъ, что дѣло по разбору вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ и связь ихъ съ общимъ крестьянскомъ дѣломъ не многимъ были извѣстны.

Правда, во время занятій моихъ, въ 1858—1860 годахъ, въ коммисіяхъ, съ приснопамятнымъ Н. А. Милютинымъ и Я. А. Соловьевымъ, я, по ближайшей мнѣ извѣстности дѣлъ по разбору вольныхъ людей въ сѣверо-западномъ краѣ, указывалъ и объяснялъ имъ значеніе сихъ дѣлъ, но тогда вопросъ о починѣ

общаго крестьянскаго дѣла, въ виду неокончанія самого дѣла, не былъ важенъ.

Кончу тѣмъ, что, изслѣдуя вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла, я вовсе не имѣлъ намѣренія дѣлать нарѣканія въ чемъ бы то ни было на владѣльцевъ сѣверо-западнаго края, напротивъ. хвала имъ за то, что они первые откликнулись на зовъ императора Александра II. Всѣмъ этимъ я хотѣлъ только сказать, что дѣйствию не бываетъ безъ причины,—какъ дымъ не бываетъ безъ огня. Вотъ только!

Н. М. Колмаковъ.

Село Ярославчи, Дубенскаго уѣзда, Волынской губ.
12-го—15-го мая 1885 г.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ письмахъ 1867—1870 гг.

I ').

Женева, 29-го сент. (11-го октября) 1867 г.

Здравствуйте, милый другъ Сонечка, не браните меня за слишкомъ долгое молчаніе,—ни меня, ни Анну Григорьевну. У А. Г. уже съ недѣлю готово къ вамъ письмо, но вмѣстѣ съ моимъ не посылаетъ, хочетъ еще приписать. Откровенно говорю, что желаю сердечно выманить отъ васъ отвѣтъ. Намъ до того скучно здѣсь въ Женевѣ, что письмо къ намъ зачтется вамъ на небеси въ число вашихъ добрыхъ дѣлъ. Бромъ того, вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ интересуюсь всѣмъ, что бываетъ съ вами. Путешествовали мы довольно глупо. Правда, надо бы было немного больше денегъ имѣть, чтобъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто на всей волѣ. Мы же по необходимости придали характеру нашей поѣздки видъ житья за границей, а не путешевіе по Европѣ.

Жить же за границей очень скучно, гдѣ бы то ни было. Такъ какъ въ Парижѣ дорого и пыльно, такъ какъ въ Италіи все лѣто было жарко и начиналась холера, то мы все лѣто прожили въ Германіи по разнымъ мѣстамъ, выбирая покрасивѣе мѣстность и получше воздухъ. Вездѣ было скучно, вездѣ было мѣстоположеніе хорошее и вездѣ здорovie мое было недурно. Очень, очень радовало меня еще то, что Анна Григорьевна рѣшительно не скучала, хоть я и не очень веселый человѣкъ для житья въ продолженіи шести мѣсяцевъ самъ-другъ, вдвоемъ, безъ друзей и безъ знакомыхъ. Сколько мы переговорили и вспомнили и клянусь, что если-бъ вмѣсто заграницы пришлось бы намъ провести лѣто въ Люблинѣ, подлѣ васъ, то было бы намъ навѣрно въ

') Писано къ родной племянницѣ Ф. М. Достоевскаго Софьѣ Александровнѣ Ивановой, въ послѣдствіи въ замужествѣ Хмырова.

десять разъ веселѣе. Анна Григорьевна оказалась чрезвычайной путешественницей: куда ни прѣдетъ, тотчасъ же все осматриваетъ и описываетъ; исписала своими знаками множество маленькихъ книжекъ и тетрадокъ, жаль только, что немного еще видѣла. Наконецъ, наступила осень; для путешествія въ Италію денегъ оказалось у насъ уже немного, да явились и другія причины. Хотѣли было въ Парижъ—и дурно сдѣлали, что не проѣхали, а отправились въ Женеву. Я хотѣю прежде и бывалъ раза три въ Женевѣ, но въ ней не живалъ и не зналъ, что это за климатъ: рѣшительно по три раза въ день мѣняется погода и припадки мои начались вновь, точь въ точь какъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ мнѣ надо работать и во всякомъ случаѣ просидѣть въ Женевѣ мѣсяцевъ пять. Принимаюсь серьезно за романъ (который позвольте посвятить вамъ, т. е. вамъ, Сонечкѣ, Софьѣ Александровнѣ Ивановой, я это такъ еще прежде рѣшилъ), будетъ напечатанъ въ Р. В.—кѣ. Не знаю, будетъ ли порядочно; ей Богу, если-бы не нужда, то ни за что бы не рѣшился печатать въ эту пору, т. е. въ наше время. Небо заволакивается облаками. Наполеонъ объявилъ, что самъ уже замѣтилъ у себя на горизонтѣ черныя точки. Чтобъ поправить мексиканскій, италіанскій и, главное, германскій вопросы ему надо отвлечь умы войною и угодить французамъ старымъ средствомъ: военнымъ успѣхомъ. И хотѣю французовъ теперь этимъ можетъ быть и не надуешь, но война очень можетъ быть, что и будетъ. Про это вы знаете сами (кстати, получаете ли вы какія нибудь газеты, читайте, ради Бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видимая связь всѣхъ дѣлъ, общихъ и частныхъ, становится все сильнѣе и явственнѣе). Ну-съ, а если будетъ война, то цѣна на художественный товаръ должна чрезвычайно упасть. Вотъ капитальное соображеніе, которое, признаюсь, меня даже обезкураживаетъ. У насъ и безъ войны-то началось къ художественнымъ вещамъ замѣтное равнодушіе въ послѣднее время. Хуже всего боюсь посредственности, по моему пусть лучше или очень хорошо, или совсѣмъ худо. Посредственность же въ тридцать печатныхъ листовъ вещь непростительная.

Прошу васъ, милый другъ мой, написать мнѣ и написать подробнѣе о себѣ и обо всѣхъ вашихъ, за всѣ эти 6 мѣсяцевъ. Что дѣлали вы, собственно вы, что дѣлаете теперь и что намѣрены или желаете дѣлать? Вообще, нужно намъ начать какъ-бы сязнова. Паспортъ у меня за границу взять на 6 мѣсяцевъ, но придется, кажется, прогостить здѣсь еще мѣсяцевъ 6 или больше. Зависитъ все отъ дѣла. А между тѣмъ очень-бы хотѣлось въ Россію по многимъ причинамъ. Одно то, что на мѣстѣ. Кромѣ того, непременно хочу издавать, возвратясь, нѣчто въ родѣ газеты (я даже, помнится,

вамъ говорилъ это вскользь, но здѣсь теперь совершенно выяснилась и форма, и цѣль). А для этого надо быть дома и видѣть и слышать все своими глазами. Я, впрочемъ, очень радъ, что у меня есть теперь работа; не было бы ея, я бы умеръ со скуки; но кончивъ этотъ романъ, что будетъ нескоро, ужъ не знаю, можно-ли чтонибудь начать здѣсь работать, за границей. Я и просто путешественниковъ здѣшнихъ, по три года здѣсь живущихъ, не понимаю. За границу, дѣйствительно, можно съ большою пользою и даже съ удовольствіемъ поѣхать на полгода, вездѣ объѣхать, болѣе 2 недѣль на одномъ мѣстѣ ни за что не заживаться, вотъ это хорошо. Кромѣ того, дѣйствительно, можно поправиться здоровьемъ. А то живутъ здѣсь семьями, дѣтей воспитываютъ, по русски отучаютъ, а главное, возвращаясь домой, проживъ послѣдніе поскребки, еще думаютъ насъ-же учить, а не у насъ учиться. Да здѣсь отъ всего отстанешь и послѣ того надо цѣлый годъ привыкать, чтобъ въ тонъ и въ ладъ попасть. Писателю же особенно (если только онъ не специалистъ, не ученый) невозможно заживаться. Въ нашемъ ремеслѣ, на примѣръ, первое дѣло дѣйствительность, ну а здѣсь дѣйствительность швейцарская.

Женева на Женевскомъ озерѣ. Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева верхъ скуки. Это древній протестантскій городъ, а впрочемъ пьяницъ бездна. Я сюда попалъ прямо на Конгрессъ Мира, на который пріѣзжалъ и Гарибальди. Гарибальди скоро уѣхалъ, но что эти господа,—которыхъ я первый разъ видѣлъ не въ книгахъ, а на яву, — социалисты и революціонеры, ввали съ трибуны передъ 5000 слушателей, то невыразимо! Никакое описаніе не передастъ этого. Комичность, слабость, безтолковщина, несогласіе, противурѣчіе себѣ—это вообразить нельзя. И эта-то дрянь волнуетъ несчастный людъ работниковъ! Это грустно. Начали съ того, что для достиженія мира на землѣ нужно истребить христіанскую вѣру, большія государства уничтожить и подѣлать маленькія; всѣ капиталы прочь, чтобъ все было общее по приказу и проч. Все это безъ малѣйшаго доказательства, все это заучено еще 20 лѣтъ назадъ наизусть, да такъ и осталось. И главное огонь и мечъ—и послѣ того какъ все истребится, то тогда, по ихъ мнѣнію, и будетъ миръ. Но довольно. Отвѣчать вамъ буду, милый другъ мой, непремѣнно и безъ задержекъ. Васъ очень любящій Федоръ Достоевскій.

II.

Женева, 1 (13) января 1868 г.

Дорогіе и милые Александръ Павловичъ и Вѣра Михайловна ¹⁾. Прежде всего обнимаю васъ и поздравляю съ Новымъ годомъ и ужъ, конечно, желаю отъ искренняго сердца всего самаго лучшаго и успѣшнаго! Вчера Анна Григорьевна приготовила мнѣ сюрпризомъ ^{1/4} бутылки шампанскаго и ровно въ 10^{1/2} часовъ вечера, когда въ Москвѣ уже 12 часовъ, поставила на столъ, на которомъ мы пили чай; мы чокнулись вдвоемъ, уединенно, одни однихоньки и выпили за всѣхъ намъ милыхъ и дорогихъ. А кто же милѣе и дорожее мнѣ (да и Аннѣ Григорьевнѣ, кромѣ своихъ)—какъ не вы и наше семейство? Кромѣ васъ, Федя и его семейство и Паша,—вотъ и всѣ тѣ, которыми я дорожу и которыхъ крѣпко люблю на всемъ свѣтѣ.

Оба письма ваши я получилъ и теперешнее, и ноябрское, и простите, что не отвѣчалъ. Я васъ не меньше любилъ и не меньше о васъ думалъ и помнилъ; но я былъ все это время въ такомъ напряженномъ и неудовлетворенномъ состояніи, что все откладывалъ отвѣтъ до лучшаго часу, а въ самое послѣднее время рѣшительно ни часу (буквально) не оказалось свободнаго. Все это время я работалъ, писалъ, браковалъ, рвалъ написанное и, наконецъ-то, въ самомъ концѣ декабря, могъ послать въ «Русскій Вѣстникъ» первую часть моего романа. Имъ же нужно для январскаго номера, такъ что я даже боюсь, не опоздалъ-ли?

А для меня въ этой работѣ почти все теперь заключается,—все обезпеченіе, хлѣбъ насущный и вся моя будущность. Я забралъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» немовѣрно много, до 4500 р., да вексельнаго долгу въ Петербургѣ осталось minimum на 3000 р., да самому существовать надо, да еще въ какое время! И потому на романѣ совокупились всѣ мои надежды; работать предстоитъ теперь мѣсяца 4 почти не сходя со стула. Запоздалъ я такъ, потому что забраковалъ почти всю прежнюю работу. Романъ, по оцѣнкѣ «Русскаго Вѣстника», будетъ въ 6000 р. или около. Но 4500 р. взято, значить останется мнѣ все-таки 1500. Да если онъ будетъ хорошъ, то я продамъ къ сентябрю 2-е изданіе тысячи за три (по всегдашнему прежнему примѣру). Значить и самъ проживу, и тысячи полторы вексельнаго

¹⁾ Писано къ Александру Павловичу Иванову, женатому на сестрѣ Ф. М. Достоевскаго, Вѣрѣ Михайловнѣ, остальные письма писаны Достоевскимъ къ своей племянницѣ Софьѣ Александровнѣ Ивановой, въ послѣдствіи въ замужествѣ Хмыровой.

долгу уплачу, и въ Россію ворочусь къ сентябрю этого года. И такъ вотъ что значить для меня теперь моя работа. Вся будущность и все настоящее въ ней; да кромѣ того, если романъ будетъ удовлетворителенъ, я, въ сентябрѣ же, всегда найду кредиту въ Русскоумъже Вѣстникѣ впередъ. Теперь опишу вамъ, какъ мы жили и вообще наше положеніе.

Въ этомъ отношеніи все однообразно и каждый день похожъ на всѣ предъидущіе и послѣдующіе съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Женевѣ. Я работаю, а Анна Григорьевна или готовитъ приданое нашему будущему гостю, или стенографируетъ, когда надо мнѣ помогать. Переносить она свое положеніе великолѣпно (теперь только немножко начинаетъ охатъ); жизнь наша ей нравится и если тоскуетъ, то только о своей мамашѣ.

Наше уединеніе, собственно для меня, совершенно теперь необходимо, — иначе невозможно работать. Правда, въ Женевѣ, кромѣ уединенія, очень скучно, не смотря на панораму Монблана, Женевскаго озера и Роны, изъ него вытекающей. Я это зналъ вначалѣ; но такъ сошлось, что никакого мѣста для зимовки нельзя было выбрать, при нашихъ обстоятельствахъ, кромѣ попавшейся намъ на дорогѣ, въ сентябрѣ, Женевы. Въ Парижѣ, напр., зима холоднѣе, дрова въ 10 разъ дороже, да и вообще жизнь дороже. Мы было хотѣли въ Италию, т. е. конечно въ Миланъ (не далѣе-же), гдѣ климатъ зимой несравненно мягче, да и городъ привлекательнѣе, съ его соборомъ, театромъ и картинными галереями. Но во-первыхъ, въ это самое мгновеніе всю Европу грозила охватить война и именно въ Италиі, а для беременной женщины не совсѣмъ пріятно очутиться можетъ быть на самомъ мѣстѣ войны, а во 2-хъ, все-таки желательно было, и даже неперемѣнно, чтобъ доктора и повивальныя бабки говорили на языкѣ понятномъ, а итальянскаго мы не знаемъ. Въ Германію-же ѣхать обратно совсѣмъ—было не по пути, да и не хотѣлось. Женева-же городъ ученый, съ библіотеками, со множествомъ докторовъ и проч. и всѣ они говорятъ по французски. Правда, мы не знали, что здѣсь такъ скучно и что дуютъ періодическіе вихри (бизы), прорываясь черезъ цѣпь горъ и охлаждаясь на ледяныхъ вершинахъ. Мы много очень натерпѣлись въ нашей прежней квартирѣ; дома здѣсь устроены ужасно: каминны и одиночныя рамы. Каминъ топить весь день дровами (которые здѣсь все таки дороги, хотя Швейцарія единственное мѣсто въ Западной Европѣ, гдѣ еще есть дрова)—и все равно что дворъ топить. У меня доходило въ комнатѣ до 6 и даже до 5 градусовъ тепла и такъ постоянно, а у другихъ такъ вода ночью мерзнетъ въ комнатѣ. Но теперь съ мѣсяцъ мы живемъ въ

другой квартирѣ: двѣ комнаты очень хорошія, изъ которыхъ одна теплая, такъ что очень можно жить и работатъ. У насъ въ Женевѣ морозъ доходилъ только до 8 градусовъ; во Флоренціи было +10, а въ Монпелье, во Франціи, у Средиземнаго моря, южнѣе Женевы +15°.

Въ Петербургѣ я тоже долго не пишу, да и они мнѣ почти не пишутъ. Мучаетъ меня всего больше то, что Федѣ и Пашѣ надобно непременно денегъ послать и какъ можно скорѣе, а я раньше, чѣмъ вышло 2-ю часть романа въ «Русскій Вѣстникъ», что будетъ черезъ три недѣли, рѣшительно не могу спросить суммы сколько нибудь позначительнѣе, такъ какъ слишкомъ много забралъ, а отработалъ долгу всего еще только на 1000 р., и это меня такъ мучаетъ, что даже спать не дасть спокойно. Федѣ не справиться одному, о Пашѣ надобно высылать акуратно. Я-же живу теперь постоянной присылкой мнѣ ежемѣсячно, 100 р. (ста руб.) изъ редакціи «Русскаго Вѣстника», но скоро потребуется и самому гораздо больше. Въ концѣ февраля (здѣшняго стilia) Анна Григорьевна сдѣлаетъ меня отцомъ, а на это время деньги слишкомъ необходимы и даже, на всякій случай, нужны лишнія и запасныя.

Какъ-то вы поживаете? Письма ваши для меня рѣшительный праздникъ и въ высшей степени желалъ бы я очутиться въ Москвѣ, чтобъ только увидѣться. Но все въ будущемъ и опять-таки зависитъ отъ работы. Прошу васъ очень подробнѣе увѣдомить меня о вашей жизни и о вашемъ семействѣ. Кстати, какъ я досадовалъ, когда прочелъ въ письмѣ твоемъ, Вѣрочка, (ноябромъ), что вы хотите взять для дѣтей гувернантку французенку. Къ чему? Зачѣмъ? Какое произношеніе? У французенокъ и даже у французовъ учителей (это я знаю по опыту и наблюденію) французскому языку до тонкости не научишься, а выучивается только тотъ, кто самъ пожелаетъ; произношенію же отнюдь нельзя выучиться, безъ огромнаго личнаго желанія къ тому. Да и совѣмъ его не нужно. Повѣрь, голубчикъ Вѣрочка, что къ тому времени, когда твои дѣти будутъ большими, не будутъ у насъ въ гостинныхъ говорить по французски. Да и теперь это начинается казаться смѣшнымъ. Знать языкъ, читать на немъ—дѣло другое. Можно и говорить, если понадобится за границей, но для этого довольно только понимать языкъ и читать на немъ. И что будетъ говорить эта французенка съ дѣтьми? Скверности, глупости; будетъ требовать жеманно и съ форсомъ свои подлыя, исковерканныя, смѣшныя и дикія правила объ обращеніи и изуродованныя понятія объ обществѣ, о религіи. Теперь на дѣтей твоихъ смотрѣть—душа радуется. У васъ рѣзво, крикливо, шумно—правда; но на всемъ лежитъ печать тѣсной, хорошей, доброй, согласной семьи. Французенка-же принесетъ

элементъ новый и скверный, французскій. Не говорю уже о лишнѣхъ деньгахъ.

Да и еще кстати замѣчаніе: теперь настоящему французскому произношенію невозможно и выучиться, не принявъ парижское, гортанное, скверное, дышащее подлостью въ однихъ уже звукахъ. Произношеніе это новое, всего стало входить, въ самый Парижъ-то, не далѣе какъ съ двадцати-пяти лѣтъ назадъ. У насъ учителя и гувернантки еще не смѣютъ его вводить вполнѣ. А потому, во всякомъ случаѣ, произношенію же научатся дѣти.

Но заболтался объ этой гувернанткѣ. Теперь у меня два дня отдыха, а завтра опять сажусь за работу. Здоровье мое, къ удивленію моему чрезвычайному, вдругъ поправилось съ осени необыкновенно. Припадки не бывають по семи недѣль. А между тѣмъ я работаю очень сильно головной работой. Что это означаетъ—не совсѣмъ понимаю, но очень радъ.

До свиданія, дорогіе мои, милые, цалую васъ крѣпко, желаю всего лучшаго, какъ другъ и братъ, горячо и искренно, и прошу не забывать и насъ. Адресъ мой все покажѣсть Женева. Можетъ быть въ апрѣлѣ, въ концѣ, переѣдемъ черезъ Мон-Сенисъ и спустимся въ Италію, въ Миланъ, на озеро Комо. То-то рай-то будетъ! Но все зависить отъ работы. Пожелайте мнѣ успѣха. Вашъ весь Федоръ Достоевскій.

III.

Женева, 1 (13) января 1863 г.

Милый, безцѣнный другъ мой Сонечка ..... За то, что такъ долго не отвѣчалъ, не смотря на просьбу вашу писать къ вамъ скорѣе, даю вамъ честное слово, что каждый мѣсяцъ буду вамъ присылать по письму аккуратно. Въ письмѣ къ Александру Павловичу и Вѣрочкѣ я разъяснилъ, насколько могъ, причину моего молчанія. Я былъ въ такомъ скверномъ нравственномъ настроеніи и напряженіи все это время, что ощущалъ потребность заключиться въ самый себѣ и тосковать одному. Тяжело мнѣ было садиться за письмо, да и что бы я написалъ? О моей тоскѣ? (Она-бы проглянула навѣрно въ письмѣ). Но это матерія плохая. Да и хлопотливое было мое положеніе. Отъ работы моей зависить вся моя участь. Сверхъ того я забралъ около 4500 р. въ ред. «Русскаго Вѣстника» впередъ, а имъ честное слово далъ и повторялъ его цѣлый годъ во всякомъ письмѣ въ редакцію, что романъ

будеть. И вотъ, почти передъ самой отсылкой въ редакцію романа, мнѣ пришлось забраковать его, потому что онъ мнѣ пересталъ нравиться (а коли пересталъ нравиться, то нельзя написать хорошо). Я уничтожилъ много написаннаго. Между тѣмъ въ романѣ и отдача моего долга, и жизнь насущная, и все будущее заключалось. Тогда я, недѣли три тому назадъ (18-е декабря новаго стиля), принялся за другой романъ и сталъ работать день и ночь. Идея романа моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смѣлъ браться за нее, а если взялся теперь, то рѣшительно потому, что былъ въ положеніи чуть не отчаянномъ. Главная мысль романа—изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, а особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только ни брался за изображеніе положительно прекраснаго—всегда пасовалъ, потому что это задача безмѣрная. Прекрасное есть идеаль, а идеаль—ни нашъ, ни цивилизованной Европѣ еще далеко не выработался. На свѣтѣ есть одно только положительно прекрасное лицо—Христосъ, такъ что явленіе этого безмѣрно, безконечно прекраснаго лица ужъ, конечно, есть безконечное чудо (все евангеліе Іоанна въ этомъ смыслѣ, онъ все чудо находитъ въ одномъ воплощеніи, въ одномъ появленіи прекраснаго). Но я слишкомъ далеко зашелъ. Упомяну только, что изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ христіанской стоятъ всего законченнѣе Дон-Кихотъ. Но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ. Пиквикъ Дикенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣмъ Дон-Кихотъ; но все таки огромная) то-же смѣшонъ и тѣмъ только и беретъ. Является состраданіе къ осмѣянному и незнающему себѣ цѣны прекрасному, а стало быть является симпатія и въ читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора. Жанъ-Вальжанъ тоже сильная попытка, но онъ возбуждаетъ симпатію по ужасному своему несчастью и несправедливости къ нему общества. У меня ничего нѣтъ подобнаго, ничего рѣшительно, и потому боюсь страшно, что будетъ положительная неудача. Нѣкоторыя детали можетъ-быть будутъ недурны. Боюсь, что будетъ скученъ. Романъ длинный. Первую часть написалъ всю въ 23 дня и надняхъ отослалъ. Она будетъ рѣшительно не эффектна. Конечно, это только введеніе и хорошо то, что ничего еще скомпрометировано; но ничего почти и не разъяснено, ничего не поставлено. Мое единственное желаніе,—чтобъ оно хотя нѣкоторое любопытство возбудило въ читателѣ, для того чтобы онъ взялся за вторую. Вторую, за которую сажусь сегодня—окончу въ мѣсяцъ (я и всю жизнь вѣдь такъ работалъ). Мнѣ кажется она будетъ pokrѣпче и по капитальнѣе первой. Пожаляйте мнѣ, милый другъ, хоть какой-

нибудь удачи! Романъ называется Идіотъ, посвящено вамъ, т. е. Софьѣ Александровнѣ Ивановой. Милый другъ мой, какъ бы я желалъ, чтобъ романъ вышелъ хоть сколько-нибудь достоинъ посвященія. Во всякомъ случаѣ я себѣ самъ не судья, особенно такъ сторяча, какъ теперь.

Здоровье мое совершенно удовлетворительно и я тяжелую работу могу выносить, хотя наступаетъ для меня тяжелое время по болѣзненному состоянію Анны Григорьевны. Просижу въ работѣ еще мѣсяца четыре, а тамъ мечтаю переѣхать въ Италію. Уединеніе мнѣ необходимо. Сокрушаюсь о Федѣ и о Пашѣ. Къ Федѣ тоже пишу съ этой-же почтой. Миѣ, впрочемъ, очень тяжело за границей, ужасно хочется въ Россію. Мы съ Анной Григорьевной одни одинешеньки. Жизнь моя: встаю поздно, топлю каминъ (холодъ страшный), пью кофе, затѣмъ за работу. Затѣмъ въ четыре часа иду обѣдать въ одинъ ресторанъ и обѣдаю за два франка съ виномъ. Анна Григорьевна предпочитаетъ обѣдать дома. Затѣмъ иду въ кафе, пью кофей и читаю «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ» и перечитываю до послѣдней литеры. Затѣмъ полчаса хожу по улицамъ, для движенія, а потомъ домой и за работу. Потомъ опять топлю каминъ, пью чай и опять за работу. Анна Григорьевна говоритъ, что она ужасно счастлива.

Женева скучна, мрачна, протестантскій глупый городъ, съ сквернымъ климатомъ, но тѣмъ лучше для работы.

Увы, мой другъ, раньше сентября можетъ быть никакъ не ворочусь въ Россію! Только что ворочусь, немедленно поспѣшу обнять васъ. У меня въ мысляхъ начать, по прїѣздѣ въ Россію, одно новое изданіе. Но все зависить, разумѣется, отъ успѣха теперешняго моего романа. И вообразите, такъ работаю, а не знаю еще: не опоздалъ-ли для январскаго номера? Вотъ ужъ неприятность-то будетъ!

Обнимаю васъ и цалую. Всегдашній другъ вашъ Федоръ Достоевскій.

IV.

Миланъ, 26-го октября (7-го ноября) 1868 г.

Милый и добрый другъ мой Сонечка, я ужасно давно вамъ не писалъ. Оправданій у меня нѣтъ, кромѣ одного: занятіе романомъ. Вѣрите-ли, другъ мой, что вѣдь это день и ночь, и если не пишешь перомъ, то ходишь, куришь и думаешь. Самъ себѣ не вѣрю, чтобъ не доставало дѣйствительно одного часу на письмо, но оно такъ. О себѣ же представляю слѣдующій отчетъ.

Съ женой мы живемъ согласно и дружно. Она терпѣлива и интересы мои ей дороже всего, но вижу, что она тоскуетъ по Россіи, по роднымъ и знакомымъ. Это меня отчасти мучаетъ, но въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ нельзя еще дѣлать никакихъ расчетовъ, за неясностію моего положенія. Обстоятельства-же, вопреки прежнему моему расчету, обернулись отчасти противъ меня.

Именно черезъ два мѣсяца кончается годъ, а изъ 4-хъ частей мною писаннаго романа окончено всего 3, а 4-я, самая большая, еще и не начата. А такъ какъ ни малѣйшей возможности нѣтъ написать въ мѣсяць (если писать постоянно цѣлый годъ) болѣе 3½ листовъ (говорю по опыту), то стало быть я, по крайней мѣрѣ, на 6 листовъ опоздаю въ этомъ году, т. е. въ декабрьской книгѣ «Русскаго Вѣстника» не будетъ окончанія романа. Это меня ставитъ въ неприятыѣшее и вредное положеніе, во первыхъ, потому, что ставлю въ чрезвычайно неприятыное, хлопотливое и убыточное {положеніе Редакцію журнала, которая должна додавать подписчикамъ окончаніе романа въ особомъ приложеніи (что уже убытокъ, не говоря о другомъ), и во вторыхъ, потому что и меня ставитъ въ денежный убытокъ на 900 руб., ибо я, не желая доставлять убытка журналу, предложилъ, что денегъ не возьму за эти 6 листовъ, которые не успѣютъ напечататься. Наконецъ и (главное) для меня въ томъ, что эта 4-я часть и окончаніе ея — самое главное въ моемъ романѣ, т. е. для развязки романа почти и писался, и задуманъ былъ весь романъ.

А если-бъ я успѣлъ всё докончить въ декабрѣ, то романъ, выгравъ этой развязкой, имѣлъ-бы эффектъ на книгопродавцевъ и навѣрно у меня явился-бы издатель на второе изданіе, а стало бы были-бы деньги, а съ ними возвращеніе въ Россію. Теперь-же ждать долго и все это неопредѣленно.

О частной жизни нашей скажу слѣдующее. Похоронивъ Союю, въ Женевѣ, мы, какъ вы знаете, переѣхали въ Вевей.

Къ Аннѣ Григорьевнѣ пріѣхала ея мать и жила съ нами. Въ крошечномъ и живописномъ Вевей мы жили затворниками, гуляя иногда по горамъ. Про мѣстоположеніе не говорю,—этого во свѣтъ не увидишь; но Вевей раздражаетъ нервы, чего я не зналъ, и что впрочемъ извѣстно всѣмъ докторамъ на свѣтѣ.

И падучая, и другіе нервныя припадки, зубная боль сверхъ того, замучили меня. Жена тоже заболѣла. Мы переѣхали теперь въ Италію, черезъ Симплонъ (самое пыльное воображеніе не представитъ себѣ, что это за живописная горная дорога черезъ Симплонъ), и поселились въ Миланѣ, ибо дальше ѣхать не имѣли денежныхъ средствъ (я столько забралъ въ 1½ года въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что теперь

всѣми силами стараюсь объ уплатѣ, и хоть получаю отъ нихъ деньги постоянно и значительно, но при разныхъ обстоятельствахъ едва концы свожу и въ Петербургъ ни Пашѣ, ни Эмилии Ѳедоровнѣ давно уже ничего не могъ выслать, чѣмъ мучаюсь). Въ Миланѣ хоть и часто дождь, но климатъ для моего здоровья удивительный, необыкновенный. Миланъ, впрочемъ, славится частыми апоплексическими ударами; но со мною можетъ быть и не будетъ удара. Жить въ Миланѣ не много дорого. Городъ большой и значительный, но не живописный и почти не похожъ на настоящую Италию. Въ окрестностяхъ, т. е. полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ, чудное озеро Комо, но я тамъ еще въ этотъ разъ не былъ. Всё, что есть замѣчательнаго въ городѣ—это знаменитый Миланскій соборъ, громадный, мраморный, готическій, весь вырѣзанъ à jour и фантастиченъ какъ сонъ. Внутренность необычайно хороша. Въ концѣ ноября думаю переправиться во Флоренцію, ибо тамъ есть русскія газеты и жизни, можетъ быть, дешевле. Мимоходомъ-же сдѣлаю крюкъ на три дня въ Венецію, (показать женѣ), что будетъ мнѣ стоить 100 франковъ лишнихъ.

Вотъ вкратцѣ все обо мнѣ. Нравственное состояніе мое очень тяжело: грусть по родинѣ, забота о томъ, что будетъ, т. е. какъ разрѣшатся мои обстоятельства, долги и проч. Отвычка отъ Россіи, невозможность даже писать здѣсь безъ русскихъ впечатлѣній всегдашнихъ и непосредственныхъ; вообразите, что вотъ уже шесть мѣсяцевъ ни одной газеты не читалъ русской, отставъ отъ Россіи. И ко всему этому 4-я часть романа, на которую я такъ надѣюсь и которую надо еще 4 мѣсяца писать. Но покажѣсть обо мнѣ довольно. Подробнѣ напишите мнѣ о всѣхъ вашихъ, какъ о внѣшнемъ, такъ и о нравственномъ ихъ состояніи. Обнимите за меня мамашу; я о ней каждый день думаю и молюсь. Часто думаю и о прошедшихъ дняхъ нашихъ. Покрѣпче поцалуйте Мисеньку. Сообщите подробный вашъ адресъ. Мнѣ-же адресуйте:

Italie, Milan, à Mr. Th. Dostoevsky, poste restante. Если я и не буду уже въ Миланѣ, а во Флоренціи или въ Венеціи (которую хвалятъ и рекомендуютъ на зиму), то письмо ваше, адресованное ко мнѣ въ Миланъ, по вышеданному адресу, навѣрно дойдетъ, ибо я оставлю адресъ въ миланской почтовой конторѣ. Итакъ, пишите въ Миланъ. Переѣхавъ-же, я васъ сейчасъ увѣдомлю изъ новаго мѣста. Жена вамъ кланяется, обнимаетъ и цалуетъ всѣхъ васъ горячо. Оба мы тоскуемъ по родинѣ.

Меня увѣдомили, что въ Петербургѣ съ новаго года будетъ издаваться новый журналъ. Издатель Кашпиревъ, редакторъ мой пріятель и другъ Страховъ. Просятъ моего сотрудничества. Предпріятіе

кажется серьезное и прекрасное. Майковъ пишетъ мнѣ объ этомъ съ восторгомъ.

Прочтите въ сентябрьской книгѣ «Русскаго Вѣстника» статью: Съѣздъ британскихъ ученыхъ, прочтите непременно.

Обнимаю васъ, цалую крѣпко и прижимаю къ сердцу. Вашъ другъ и братъ Федоръ Достоевскій.

V.

Флоренція, 6-го февраля (25-го января) 1869 г.

Мой добрый, милый и многоуважаемый другъ Сонечка, я вамъ не отвѣчалъ тотчасъ же на письмо ваше (которое вы написали безъ означенія числа) и умеръ отъ угрызений совѣсти, потому что очень васъ люблю. Но я не виноватъ и теперь пойдеть иначе. Теперь въ аккуратности переписки—дѣло лишь за вами, а я буду въ тотъ же день отвѣчать; и такъ какъ каждое письмо изъ Россіи для меня теперь событіе и волнуетъ меня (а отъ васъ самымъ сладкимъ образомъ), то пишите часто, если меня любите. Не отвѣчалъ же я вамъ такъ долго потому единственно, что оставилъ всѣ дѣла и не отвѣчалъ даже на самонужнѣйшія письма до окончанія романа. Теперь онъ конченъ, наконецъ. Последнія главы я писалъ день и ночь, съ тоской и безпокойствомъ ужаснѣйшимъ. Я написалъ передъ этимъ за мѣсяцъ въ «Русскій Вѣстникъ», что если онъ съ 12-й книжкой согласится нѣсколько опоздать, то все будетъ кончено. Срокъ присылки послѣдней строчки я назначилъ 15-го генваря нашего стилиа и поклялся въ этомъ. И что-жь? послѣдовало два припадка и я все-таки на 10 дней опоздалъ противъ назначеннаго послѣдняго срока: должно быть только сегодня. 25-го генваря, пришли въ редакцію послѣднія 2 главы романа. Можетъ, стало быть, вообразить, въ какомъ я теперь безпокойствѣ на счетъ того, что они можетъ быть потеряли терпѣніе и, не видя 15-го генваря окончанія, выпустили книгу раньше! Это будетъ для меня ужасно. Во всякомъ случаѣ въ редакціи должно быть на меня ужасно озлоблены; а я какъ нарочно, находясь въ эту минуту безъ копѣйки денегъ, посылаю къ Каткову просьбу о присылкѣ денегъ.

Здѣсь во Флоренціи климатъ можетъ быть еще хуже для меня, чѣмъ въ Миланѣ и въ Вевеѣ; падучая чаще. Два припадка сряду, въ разстояніи 6 дней одинъ отъ другого и сдѣлали то, что я опоздалъ эти 10 дней. Кромѣ того во Флоренціи слишкомъ ужъ много бываетъ дождя; но за то, когда солнце,—это почти что рай. Ничего представить

нельзя лучше впечатлѣнія этого неба, воздуха и свѣта. 2 недѣли было холоду, небольшого, но по подлому низкому устройству здѣшнихъ квартиръ мы мерзли эти 2 недѣли какъ мыши въ подпольѣ. Но теперь по крайней мѣрѣ я отдѣлался и свободенъ и до того меня измучила эта годичная работа, что я даже съ мыслями не успѣлъ сообразиться. Будущее лежитъ загадкой: на что рѣшусь — не знаю. Рѣшиться же надо. Черезъ три мѣсяца—2 года какъ мы за границей. По моему это хуже, чѣмъ ссылка въ Сибирь. Я говорю серьезно и безъ преувеличенія. Я не понимаю русскихъ за границей. Если здѣсь есть такое солнце и небо и такія — дѣйствительно ужъ — чудеса и искусства неслыханнаго и невообразимаго, буквально говоря, какъ здѣсь во Флоренціи, то въ Сибири, когда я вышелъ изъ каторги, были другія преимущества, которыхъ здѣсь нѣтъ, а главное — русскіе и родина, безъ чего я жить не могу. Когда-нибудь, можетъ быть, испытаете сами и узнаете, что я не преувеличиваю для краснаго словца. И однако же все-таки мое ближайшее будущее мнѣ неизвѣстно. Первоначальный, положительный расчетъ мой, въ настоящее время, отчасти лопнулъ. (Я написалъ слово: расчетъ положительный, но разумѣется каждый изъ моихъ расчетовъ, какъ человѣка безъ капитала, а живущаго работой, основанъ на рискѣ и на обстоятельствахъ). Расчетъ этотъ состоялъ въ томъ, что на 2-е изданіе романа я успѣю поправить мои дѣла и возвратиться въ Россію; но романомъ я недоволенъ; онъ не выразилъ я 10-й доли того, что я хотѣлъ выразить, хотя все-таки я отъ него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сихъ поръ.

Но во всякомъ случаѣ дѣло въ томъ, что онъ для публики не эффектенъ и слѣдственно 2-е изданіе, если и состоится, то принесетъ такъ немного, что ничего на эту сумму не выдумаешь. Кстати, о романѣ я не знаю, здѣсь сидя, никакого мнѣнія читающей публики въ Россіи. Первоначально мнѣ прислали раза два вырѣзки изъ нѣкихъ газетъ, наполненныя восторженными похвалами роману. Но теперь всякое мнѣніе давно затихло. Но хуже всего, что я рѣшительно не знаю мнѣнія о немъ самихъ издателей «Русскаго Вѣстника». Деньги они прислали мнѣ всегда по первой просьбѣ до самаго послѣдняго времени; изъ этого я выводилъ отчасти благоприятное слѣдствие. Но я очень могъ ошибаться. Теперь Майковъ и Страховъ уведомили меня изъ Петербурга, что начался новый журналъ «Заря», котораго Страховъ редакторомъ, прислали мнѣ 1-ю книжку журнала и просятъ моего сотрудничества. Я общалъ, но я связавъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и постоянствомъ сотрудничества (всегда лучше придерживаться одного) и тѣмъ, что Катковъ далъ мнѣ три тысячи впередъ, еще до выѣзда изъ Россіи. Правда, по расчету я еще очень

порядочно долженъ въ журналъ и теперь, потому что перебралъ всего, съ прежними тремя тысячами, до семи тысячъ,—такъ что ужъ и по этому одному участвовать долженъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Отвѣтъ «Русскаго Вѣстника» теперь, на мою просьбу о деньгахъ— все. Но обстоятельства мои все-таки останутся въ положеніи неопредѣленномъ. Мнѣ непремѣнно надобно воротиться въ Россію; здѣсь же я потеряю даже возможность писать, не имѣя подъ руками всегдашняго и необходимаго матеріала для письма, то есть русской дѣйствительности (дающей мысли) и русскихъ людей. А сколько справокъ необходимо дѣлать поминутно и негдѣ. Теперь у меня въ головѣ одна мысль огромнаго романа, который во всякомъ случаѣ, даже и при неудачѣ моей, долженъ имѣть эффектъ,—собственно по своей темѣ. Тема—Атеизмъ (это не обличеніе современныхъ убѣжденій, это другое и — поэма настоящая). Это поневолѣ должно завлечь читателя. Требуется большаго изученія предварительнаго. Два—три лица ужасно хорошо сложились у меня въ головѣ, между прочимъ католическаго энтузіаста священника (въ родѣ St. François Faugier). Но написать его здѣсь нѣтъ возможности. Вотъ это я продамъ 2-мъ изданіемъ и выручу много; но когда? Черезъ 2 года. (Впрочемъ не передавайте temu никому). Придется писать другое покамѣстъ, чтобъ существовать. Все это скверно. Надо, чтобъ обернулись обстоятельства иначе. А какъ они обернутся?

Знаете-ли вы, другъ мой, что вы совершенно правы, говоря, что въ Россіи я бы вдвое болѣе и скорѣе, и легче добылъ денегъ. Скажу вамъ для примѣру: у меня въ головѣ 2 мысли, два изданія: одна—требующая всего моего труда, т. е. которая ужъ не даетъ мнѣ заниматься, напримѣръ, романомъ, но которая можетъ дать деньги очень порядочныя. (Для меня это безъ сомнѣнія). Другая же мысль, почти только компилятивная, работа почти только механическая, это одна ежегодная огромная и полезная, и необходимая настольная для всѣхъ книга, листовъ въ шестьдесятъ печатныхъ, мелкой печати, которая должна разойтись непремѣнно въ большомъ количествѣ экземпляровъ и появляться каждый годъ въ январѣ мѣсяцѣ. Мысли этой я не скажу никому, потому что слишкомъ вѣрная и слишкомъ цѣнная, барышъ ясный; работа же моя—единственно редакціонная. Правда, редакция должна быть съ идеей, съ большимъ изученіемъ дѣла, но вся эта ежегодная работа не помѣшала бы мнѣ и писать романъ. А такъ какъ мнѣ нужны бы были сотрудники, то я первую васъ выбралъ бы сотрудницей (тутъ нужно и переводить) съ тѣмъ, чтобъ барыши дѣлать пропорціонально, и повѣрьте, что вы получали бы по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ получаете теперь или будете получать

за вашу работу. На счетъ литературныхъ идей, т. е. изданій, мнѣ приходили въ жизни довольно порядочныя, скажу безъ хвастовства. Я сообщилъ ихъ и книгопродавцамъ, и Краевскому, и брату—покойнику; что было осуществлено, то принесло барышъ. По крайней мѣрѣ я за мои теперешнія идеи надѣюсь. Но все-таки главная изъ нихъ—мой будущій большой романъ. Если я не напишу его, то онъ меня замучаетъ. Но здѣсь писать невозможно. А возвратиться, не уплативъ по крайней мѣрѣ 4000 и не имѣя 3000 для себя на первый годъ (итого 7000), невозможно.

Но довольно обо мнѣ, надоѣло! Такъ или этакъ, а все это должно разрѣшиться, иначе я умру съ тоски.....

.... Вашъ весь отъ всего сердца Федоръ Достоевскій.

P. S. Адресъ мой: Italie, Florence, poste restante, à M-r Theodore Dostoevsky.

Ужасно много, слышалъ, пропадаетъ писемъ.

VI.

Флоренція, 8 (20) марта 1869 г.

Вы отвѣчали акуратно и тотчасъ-же, дорогой и милый другъ мой Сонечка, на мой вызовъ начать акуратнѣе и точнѣ нашу переписку, а я-же первый и не сдержалъ слова: промедлилъ больше двухъ недѣль вамъ отвѣчать. И не могу сказать, что за дѣлами; дѣла мои я давно покончилъ и сдалъ; но за тоскливымъ положеніемъ. «Русскій Вѣстникъ» на мою просьбу о деньгахъ отвѣчалъ черезъ семь недѣль (дѣлныи великій постъ) и деньги я только что теперь получилъ и все это, не смотря на то, что самъ-же ихъ увѣдомлялъ 2 мѣсяца назадъ о крайнемъ моемъ положеніи. Получилъ письмо изъ редакціи съ большими извиненіями, что не могли выслать раньше и что задержали ихъ дѣла редакціи и счеты, и хлопоты въ началѣ каждаго года. Это правда, что въ началѣ каждаго года къ нимъ и подступиться нельзя; это у нихъ и прежде, и всегда было и я помню, что мнѣ и въ 66—67 годахъ тоже не отвѣчали въ Петербургъ по мѣсяцу; но все-же намъ съ женой отъ этого во Флоренціи было не легче и даже очень не легко. Если-бъ не заняли у одного господина 200 ф., да не получили по мелочи еще 100 франковъ, то просто умирай отъ неприятностей въ совершенно незнакомомъ городѣ. Но пуще всего тревожила насъ, во все это время, ожиданіе - неизвѣстность. Вотъ почему, дорогой другъ мой, у меня и руки не поднимались писать не только къ кому нибудь, но даже къ вамъ. Конечно, они сохраняютъ

меня сотрудникомъ и даже съ удовольствіемъ, что и по письму ихъ видно; да и не стали бы присылать деньги впередъ, если бъ не такъ. Кромѣ того я Катковымъ не только доволенъ, но даже благодаренъ ему за то, что давалъ впередъ. Нынѣ журналы обѣдѣли и впередъ не даютъ; а я получилъ отъ нихъ нѣсколько тысячъ впередъ (четыре) еще до того срока, какъ сталъ отработываться, т. е. печатать романъ. И потому ни сердиться на нихъ, ни измѣнять имъ я не могу, а главное желалъ бы имъ быть полезнымъ. Вы говорите, что по слухамъ ихъ журналъ падаетъ? Неужели это правда? Мнѣ казалось бы, что нѣтъ,—не потому, разумѣется, что я участвую, а потому, что это рѣшительно лучший и твердо сознающій свое направленіе журналъ у насъ въ Россіи. Это правда, что онъ сухъ, что литература въ немъ не всегда хороша (хотя не хуже другихъ журналовъ; всѣ первыя вещи явились у нихъ: Война и миръ, Отцы и дѣти и т. д., не говоря о прежнихъ старинныхъ годахъ, и это публика все таки помнитъ); критика рѣдкая (но иногда очень мѣткая, особенно въ томъ, что не касается такъ называемой изящной литературы), но главное—навѣрное появится въ каждый годъ, о чемъ знаетъ каждый подписчикъ, три—четыре статьи, самыхъ дѣльныхъ, самыхъ мѣткихъ, самыхъ характерныхъ и надобныхъ въ настоящее время, и самыхъ новыхъ и, главное, непремѣнно только у нихъ и ни въ одномъ другомъ журналѣ,—о чемъ знаетъ публика. Вотъ почему, мнѣ кажется, журналъ не можетъ слишкомъ упасть, не смотря на свою сухость и какъ-бы специальность.

Въ 67-мъ году самъ Катковъ, при Любимовѣ и секретарѣ редакціи, говорилъ мнѣ, что у нихъ прибыло 500 подписчиковъ лишнихъ, говорилъ-же, приписывая «Преступленію и наказанію». «Идіотъ», я вѣрю, не могъ дать новыхъ подписчиковъ; это мнѣ жаль и вотъ почему я очень радъ, что они, не смотря на видимый неуспѣхъ романа, все еще держатся за меня. Увѣдомили меня съ извиненіемъ, что не могли напечатать конецъ въ декабрьской книгѣ, но разошлютъ подписчикамъ особо. Ну, это сквернѣе всего для меня. Получили-ль хоть вы конецъ? Напишите, пожалуйста. Мнѣ впрочемъ посылаютъ сюда «Р. Вѣстникъ» и за этотъ годъ, авось выплутъ съ февральской книжкой. Изъ Петербурга мнѣ впрочемъ писали откровенно, что Идіота хотя многіе ругаютъ и хотя въ немъ много недостатковъ, но за то всѣ читаютъ съ большимъ интересомъ (т. е. тѣ, которые читаютъ). Мнѣ это только и нужно. А на счетъ недостатковъ, я совершенно и со всѣми согласенъ; а главное до того злюсь на себя за недостатки, что хочу самъ на себя написать критику. Страховъ хочеть мнѣ прислать свой разборъ Идіота, онъ не принадлежитъ къ моимъ хвалителямъ. Все я

вамъ пишу о себѣ; но такъ какъ ужъ началъ на эту тему, то ужъ слушайте, голубчикъ мой, дальше, потому что эти литературныя обстоятельства составляютъ, по нѣкоторымъ комбинаціямъ, все мое теперешнее будущее и возвращеніе въ Россію. А какъ-бы, какъ-бы хотѣлось мнѣ обнять всѣхъ васъ и даже быть съ вами постоянно, что можетъ и сбудетса! Не говорю уже, другъ мой, о томъ (что вы совершенно поймете), что въ литературномъ дѣлѣ моемъ есть для меня одна торжественная сторона, моя цѣль и надежда,—(и не въ достиженіи славы и денегъ, а въ достиженіи выполненія синтеза моей художественной и поэтической идеи, т. е. въ желаніи высказаться въ чемъ нибудь, по возможности вполне, прежде чѣмъ умру). Ну вотъ я и задумалъ теперь одну мысль, въ формѣ романа. Романъ этотъ называется Атеизмъ; нынѣ, кажется, я весь выскажусь въ немъ. И представьте-же, другъ мой: писать его здѣсь я не могу; для этого мнѣ нужно быть въ Россіи непременно, видѣть, слышать и въ русской жизни участвовать непосредственно; надо, наконецъ, писать его два года. Здѣсь же я этого не могу и потому долженъ писать другое. Все это дѣлаетъ мнѣ все дальше и дальше жизнь за границей несносною. Знаете-ли, что я теперь безъ шести или по крайней мѣрѣ безъ пяти тысячъ наличныхъ денегъ никакъ не могу возвратиться въ Россію. Я рассчитывалъ сначала на романъ, т. е. на успѣхъ Идіота. Если-бъ успѣхъ былъ равный Преступленію и наказ., то у меня были бы эти 5000. Но теперь эти расчеты надо отложить на дальнѣйшее и потому Господь знаетъ, когда я возвращусь. А мнѣ надо, надо воротиться! Вы пишете о Тургеневѣ и о нѣмцахъ. Тургеневъ за границей выдохся и талантъ потерялъ весь, о чемъ ему даже газета «Голось» замѣтила. Я не боюсь онѣмечиться, потому что ненавижу всѣхъ нѣмцевъ, но мнѣ Россія нужна; безъ Россіи послѣдніе силенки и талантишки потеряю. Я это чувствую, живемъ чувствую. И потому слушайте о моихъ литературныхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ мое настоящее положеніе, возвращеніе въ Россію и все будущее. Продолжаю писать.

«Заря» прислала мнѣ черезъ Страхова 2-е письмо; это уже формальное приглашеніе отъ редакціи писать для нихъ. Просятъ коллективно Страховъ, редакторъ Кашпиревъ и еще нѣкоторые сотрудники, которыхъ я и не знаю (Градовскій н. просить), и Данилевскій (котораго я уже 20 лѣтъ не видалъ), не романистъ Данилевскій, а другой замѣчательнѣйшій человѣкъ. Кромѣ того видно, что въ Зарѣ совокупилось уже много новыхъ сотрудниковъ, очень замѣчательныхъ по направленію (глубоко-русскому и національному). Первый номеръ. Зари произвелъ на меня впечатлѣніе сильное и именно

своимъ откровеннымъ и сильнымъ направленіемъ и двумя главными статьями: Страхова и Данилевскаго. Страхова статью прочтите, Сонечка, непременно. Вы подобнаго по критикѣ еще сродясь не читали. Данилевскаго статья, Европа и Россія, будетъ огромная статья, во многихъ номерахъ. Это рѣдкая вещь. Этотъ Данилевскій былъ прежде социалистъ и фурьеристъ, замѣчательнѣйшій человѣкъ и тогда еще, когда попался, двадцать лѣтъ тому назадъ, по нашему дѣлу; былъ удаченъ и вотъ теперь воротился вполне русскимъ и національнымъ человѣкомъ. До сихъ поръ онъ ничего не писалъ. (Его статью я вамъ особенно рекомендую). Вообще журналъ имѣетъ будущность, если только они какъ нибудь уживутся вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Страховъ, который въ сущности настоящій редакторъ, по моему мнѣнію, мало способенъ къ непрерывной, періодической работѣ. Я можетъ и ошибаюсь, дай-то Богъ. Я отвѣчалъ на ихъ предложеніе, что я всегда готовъ участвовать, но такъ какъ я, по положенію моему, нуждаюсь всегда въ деньгахъ впередъ, а Катковъ мнѣ всегда давалъ впередъ, то и у нихъ прошу для своего обезпеченія теперь же 1000 руб. впередъ. (Это немного; да и чѣмъ-же я буду жить работая? Не у Каткова-же просить денегъ, когда занять работою для другаго журнала). Письмо послалъ надѣясь а теперь жду отвѣта. Я знаю только одно, что если у нихъ есть деньги, то они навѣрно пришлютъ; но знаю и то, что у нихъ можетъ не быть, потому что знаю по опыту какъ труденъ первый годъ изданія журнала. Вообще мнѣ никакой особенной выгоды въ денежномъ отношеніи не будетъ, если пришлютъ мнѣ тысячу. У Каткова я бы то-же получилъ и даже гораздо больше. Развѣ то, что въ настоящую минуту будетъ побольше денегъ (что очень мнѣ теперь нужно), да то, что изъ этой тысячи я могу сейчасъ-же отдѣлать 400, чтобъ послать Пашѣ и Эм. Федоровнѣ п сверхъ того заплатить одинъ несноснѣйшій и мучительный для меня долгъ въ Петербургѣ, долгъ чести, безъ вѣселя. Только для этого одного долга я и спросилъ у нихъ тысячу впередъ. Кромѣ того, какъ мнѣ кажется, будетъ маленькая выгода еще въ томъ, что я явлюсь передъ публикой въ другомъ журналѣ и если явлюсь хорошо, то и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» меня будутъ побольше цѣнить. Но боюсь, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обидятся, хотя я исключительнаго сотрудничества «Русскому Вѣстнику» не обѣщаль, а стало быть могу въ свободное время участвовать и въ другихъ журналахъ. Но въ томъ бѣда еще, что я «Русскому Вѣстнику» долженъ остаюсь еще чуть не до 2,000 руб., такъ какъ всего я получилъ отъ нихъ, съ теперешней присылкой, до 7,000 руб. и всегда впередъ. Вотъ этимъ они могутъ обидѣться. Но я уже имъ написалъ, еще три мѣсяца назадъ, что романъ, который я имъ на-

пишу, будетъ готовъ не для этого, а для будущаго семидесятаго года. Вещь-же, которую я хочу писать для «Зари», повѣсть, будетъ готова въ четыре мѣсяца и возьметъ у меня именно то только время, которое я и назначилъ себѣ для гулянья, для отдыха послѣ 14 мѣсяцевъ работы. Но вообще боюсь, что выйдутъ сплетни, которыя мнѣ повредятъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».... Вашъ весь Федоръ Достоевскій.

VII.

Дрезденъ, 29-го августа (10-го сентября) 1869 г.

Наконецъ то пишу вамъ, милый и безцѣнный другъ мой Сонечка. Что то вы думали о моемъ молчаніи?... Вкратцѣ дамъ вамъ знать о себѣ; это письмо посылается только, чтобы какъ нибудь розыскать васъ и завязать вновь сношенія. Замѣчу только, что постоянно всё вы, всё это время, были въ моей памяти и въ моихъ мысляхъ. Я и Аня о васъ чуть не каждый день говоримъ, вспоминая о Россіи, а мы о Россіи вспоминаемъ даже по нѣскольку разъ на день. Засѣлъ я во Флоренціи единственно потому, что всё не хватало денегъ на переездъ. Изъ Редакціи-же «Русскаго Вѣстника» мнѣ на мою усиленную просьбу о высылкѣ денегъ мѣсяца три слишкомъ ничего не отвѣчали (имѣю фактическое основаніе предполагать, говоря между нами, что у нихъ лишнихъ денегъ не было, а потому и смолчали), наконецъ выслали 700 руб. (пять недѣль тому назадъ) во Флоренцію. Теперь прошу васъ, милый мой другъ, прибѣгнуть къ силѣ вашего воображенія и представить себѣ, каково намъ было оставаться во Флоренціи июнь, июль и 1/2 августа (нов. стilia)! Я никогда еще въ моей жизни ничему подобному не подвергался! Въ гитадахъ объявлено, что Флоренція по положенію своему, зимою, одинъ изъ самыхъ холодныхъ городовъ Италіи (т. е. настоящей Италіи, разумѣется буквально полуостровъ); лѣтомъ-же одинъ изъ самыхъ горячихъ пунктовъ всего полуострова и даже всего Средиземнаго моря, и только развѣ нѣкоторые пункты Сицилии и Алжира могутъ равняться съ нею постоянствомъ, упорствомъ и размѣромъ жара. Ну вотъ это-то пекло мы и вынесли на себѣ, какъ русскіе люди, которые всё выносить способны. Прибавлю, что въ послѣдніе полтора мѣсяца во Флоренціи наши финансы очень истощились. Правда, недостатка мы рѣшительно ни въ чемъ не терпѣли и напротивъ были всюду и во всемъ на прекрасной ногѣ; но квартира наша была довольно плоха. Мы прежнюю

зимнюю нашу квартиру принуждены были оставить по одному независящему случаю въ маѣ мѣсяцѣ и (ожидая скоро денегъ) переѣхали къ однимъ знакомымъ хозяевамъ, гдѣ и заняли, на самое короткое время (т. е. такъ рассчитывая), крошечное помѣщеніе. Но такъ какъ денегъ не присылали, то мы и принуждены были оставаться въ этомъ крошечномъ помѣщеніи (въ которомъ мы поймали двухъ подлѣйшихъ тарантуловъ) три мѣсяца. Окна наши выходили на рынокъ подъ портиками, съ прекрасными гранитными колоннами и аркадами и съ городскимъ фонтаномъ въ видѣ исполинскаго бронзоваго кабана, изъ пасти котораго бьетъ вода (классическое произведеніе, красоты необыкновенной); но представьте себѣ, что вся эта громадная масса камня и аркады, занимавшая почти весь рынокъ, накаливалась каждый день какъ печка въ банѣ (буквально) и въ этомъ-то воздухѣ мы и жили. Настоящей жары, т. е. пекла, мы захватили шесть недѣль (прежде еще можно было вынести); доходило до 34-хъ и до 35 градусовъ Реомюра (!!) въ тѣни и это почти постоянно. Къ ночи сбывало до 28, къ утру, къ 4-мъ часамъ пополуночи, бывало и 26, а затѣмъ опять начинало подыматься. И представьте, въ такой жарѣ, безъ капли дождя, воздухъ, при всей своей сухости и накаленности, былъ чрезвычайно легокъ; зелень въ садахъ (которыхъ во Флоренціи до безобразія мало,—все одинъ камень)—зелень не увядала, не желтѣла, а напротивъ, казалось, еще пуще тучнѣла и зеленѣла; цвѣты и лимоны, казалось, только и ждали этого солнца; но что для меня, арестованнаго во Флоренціи обстоятельствами, было всего страннѣе, такъ это то, что шатающіеся иностранцы (а изъ нихъ много народу очень богатаго) на половину остались во Флоренціи и даже вновь пріѣзжали; тогда какъ почти все, со всей Европы, хлынуло съ наступленіемъ жаровъ на воды въ Германію. Я не понималъ, ходя по городу и встрѣчая нарядныхъ англичанокъ и даже француженокъ, какъ можно жить добровольно въ такомъ адѣ, имѣя деньги на выѣздъ. Всего больше мнѣ было жаль мою бѣдную Аню. Она, бѣдная, была тогда на седьмомъ или на восьмомъ мѣсяцѣ; ей было ужасно тяжело въ этой жарѣ. Кромѣ того городъ всю ночь не спитъ и ужасно много поетъ пѣсень. Окна у насъ ночью, конечно, отворены, а къ утру къ 5 часамъ кричитъ и стучитъ базаръ, кричатъ ослы,—такъ что нѣтъ возможности заснуть. Наконецъ, мы выѣхали и сначала хотѣли поселиться въ Прагѣ. Но и до Праги изъ Флоренціи далеко больше 1000 верстъ (черезъ Венецію, черезъ море и черезъ Триестъ,—другой дороги нѣтъ), такъ что я ужасно трусилъ за Аню; но одинъ знаменитый флорентинскій докторъ, Запетти, осмотрѣвъ её, сказалъ, что никакой опасности и что можно ѣхать—и сказалъ правду: путешествіе обошлось отлично. Мы проѣхали черезъ

Венецію, въ которой простояли два дня, и Аня только ахала и вскрикивала, смотря на площадь и на дворцы. Въ соборѣ S. Marc (удивительная вещь, несравненная!) она потеряла свой рѣзной швейцарскій вѣеръ (которымъ ужасно дорожила), а у ней такъ мало драгоценностей!—и Боже мой, какъ она плакала. Понравилась намъ и Вѣна; Вѣна рѣшительно лучше Парижа. Въ Прагѣ мы стояли три дня, три дня искали квартиру—и не нашли. Въ результатѣ оказалось, что намъ надо, если хотимъ жить въ Прагѣ, нанять квартиру —пустыя стѣны, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, по контракту; купить свою мебель, нанять свою прислугу, завести свою кухню и проч. и проч. Иначе нельзя. Это было не по карману и мы оставили Прагу. Теперь мы въ Дрезденѣ уже три недѣли; Аня, можно сказать, на самыхъ послѣднихъ дняхъ; основались мы недурно покажѣсть; но я, я рѣшительно спасоваль. Оказалось, что горячій, знойный и сухой воздухъ флорентійскій былъ рѣшительно цѣлебень моему здоровью (да и Аня не жаловалась, напротивъ даже), главное нервамъ. Даже падучая уменьшилась, и именн о въ самый жаръ; да и вообще во Флоренціи припадки не имѣли большой силы. Теперь-же я постоянно боленъ (можетъ быть съ дороги), не знаю, простудился-ли я, или лихорадка моя отъ разстройства нервовъ. Въ три недѣли было уже два припадка—и оба злокачественные, тяжелые. Погода впрочемъ прекрасная. Я полагаю, что всё отъ рѣзкой перемены климата итальянскаго на нѣмецкій; я и теперь въ лихорадкѣ и подозреваю, что и пишу лихорадочно, т. е. безсвязно. Ну вотъ вамъ отчетъ обо мнѣ за всё время. Разумѣется, это сотая доля; кромѣ болѣзни, у меня столько тяготы на душѣ, что и объяснять нечего. Вотъ напримѣръ: въ «Русскій Вѣстникъ», къ январской книжкѣ, непременно нужно доставить хоть начало романа (они отнюдь не принуждаютъ и не насилуютъ меня; они постоянно поступаютъ со мною съ удивительною деликатностію и, не смотря на то, что я много имъ остался долженъ, никогда не отказываютъ въ деньгахъ; но я то самъ, по совѣсти, чувствую себя связаннымъ и обязаннымъ и чувствую болѣзненно). Кромѣ того, я взялъ 300 рублей весной изъ Зари, съ тѣмъ чтобы нынѣшняго года выслать туда повѣсть, не менѣе какъ въ два листа. Между тѣмъ, я еще ничего не начиналъ, ни туда, ни сюда; во Флоренціи нельзя было работать въ такомъ жару; контрактуя же себя, я именно рассчитывалъ, что еще весной выйду изъ Флоренціи въ Германію, гдѣ и примусь сейчасъ за работу. Что-же дѣлать, когда у меня три мѣсяца оттягали неприсылкой денегъ? Между тѣмъ Аня дней черезъ десять подаритъ мнѣ вѣроятно мальчишку, это тоже замедлитъ работу. Къ тому-же сама будетъ больна, а стало быть не будетъ мнѣ помогать стенографією и перепиской. Про здоровье ужъ

и не говорю. А наконецъ и самая работа! Неужели портить, слѣша на заказъ! Есть у меня идея, которой я преданъ всецѣло; но я не могу, не долженъ приниматься за нее, потому что еще къ ней не готовъ: не обдумалъ и нужны матерьялы. Надобно, стало-быть, натуживаться, чтобы изобрѣтать новые рассказы. Это омерзительно. Что со мной будетъ теперь и какъ я улажу дѣла свои—понять не могу!...

До свиданія, милый другъ. Напишите побольше о себѣ. Вообще побольше фактовъ.

Цалую васъ. Вашъ весь всегдашній Федоръ Достоевскій.

Адресъ мой: Allemaŕne, Saxe, Dresden, à Mr. Théodore Dostoewski, poste restante.

VIII.

Дрезденъ, 7-го (19-го) мая 1870 г.

Милые друзья мои, Сонечка и Вѣрочка, слишкомъ долго ужъ я не писалъ вамъ. Происходило все не отъ лѣности, а отъ разныхъ накопившихся тревогъ и вообще непріятнаго душевнаго моего настроенія.....

О насъ вообще скажу, что мы живемъ все еще въ Дрезденѣ и покамѣстъ слава Богу. Люба милый и довольно здоровый ребенокъ. Мы за ней ходимъ со страхомъ, разъ уже потерявъ ребенка. Аня ее кормить и кажется ей съ каждымъ днемъ это не подь силу. Она очень ослабѣла, очень похудѣла и притомъ тоскуеть по Россіи.

Я тоже въ этой же тоскѣ и вотъ въ этомъ-то и заключаются всѣ мои волненія и безпокойства. Дѣла мои въ самомъ худомъ положеніи. Положимъ еще есть на что существовать (хотя и слишкомъ ужъ не богато), но о переѣздѣ въ Россію трудно даже и мечтать, а между прочимъ возвращеніе въ Россію необходимо до послѣдней степени, до того, что оставаться здѣсь долѣе становится полною невозможностію. Чтобы подняться отсюда въ Петербургъ надо, во первыхъ, сдѣлать это никакъ не позже октября; позже невозможно будетъ, по холоду, не рискуя простудить Любу. Во вторыхъ, чтобы подняться только отсюда, надо на расплату съ здѣшними одними долгами не менѣе трехсотъ рублей, потомъ проѣздъ весьма длинный нѣсколькимъ лицамъ, потомъ первое хоть какое-нибудь устройство въ Петербургѣ—все это уже составляетъ чрезвычайно значительную сумму разомъ. А между тѣмъ это еще почти ничего, главное кредиторы. Имъ съ процентами накопилось до 6000 руб. Менѣе одной трети, т. е. 2000 руб., имъ нельзя предложить, съ тѣмъ чтобы въ остальномъ они подождали хоть годъ. Да и тутъ, т. е. предложивъ даже треть, трудно ожидать отъ нихъ соглашенія еще подождать. Они раздражены и навѣрно накинутся на

меня безжалостно съ горечью, съ желаніемъ наказать, отомстить. Рассчитайте же сами, какую сумму надо мнѣ имѣть, чтобъ воротиться и хоть чуть-чуть устроить дѣла: три—четыре тысячи. Гдѣ ихъ взять? Самое главное, на что я могу рассчитывать—это мои работы. Уѣзжая три года назадъ, я тоже на это рассчитывалъ. Тогда успѣхъ одного моего романа былъ очень значителенъ и понятно, что вселилъ въ меня большія надежды написать и еще романъ, такой, который разомъ, черезъ годъ же, дастъ мнѣ возможность раздѣлаться со всѣми кредиторами. Но тогда именно, потому что я уплатилъ разомъ 7000 руб. тремъ кредиторамъ,—всѣ остальные взволновались и набросились на меня: зачѣмъ только этимъ тремъ уплата, а не всѣмъ намъ? Подали ко взысканію и я уѣхалъ поскорѣе, именно съ надеждой, написавъ романъ, черезъ годъ расплатиться. Случилось же такъ, что все лопнуло. Романъ вышелъ неудовлетворителенъ, но кромѣ того вышло и то, чего я не могъ даже и предвидѣть прежде. Вышло то, что я, долго бывъ внѣ Россіи, потерялъ возможность даже и писать какъ слѣдуетъ, такъ что даже и на новое произведеніе какое-нибудь надѣяться не могу (затрудненія эти не столько духовныя, сколько матеріальныя: напримѣръ невозможность личнаго взгляда и личнаго наблюденія въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, если говоришь о настоящей минутѣ, о текущей современности). У меня, напримѣръ, и задуманъ романъ (въ успѣхъ котораго я вѣрую вполне); написать его здѣсь я совершенно не рѣшаюсь и отложилъ. Въ настоящую минуту сижу надъ одной особенной работой, которую предназначаю въ «Русскій Вѣстникъ» (въ который я еще остался долженъ).

Вы помните, другъ Сонечка, какъ вы разъ писали мнѣ по поводу одного моего романа, здѣсь написаннаго, что вы удивляетесь, какъ я берусь за такія вещи къ сроку. Ну вѣрите-ли теперь, что въ томъ, что я пишу теперь въ «Русскій Вѣстникъ», еще труднѣе задача. Я комкаю листовъ въ 25 то, что должно бы было по крайней мѣрѣ занять 50 листовъ, — комкаю, чтобъ кончить къ сроку, и никакъ не могу сдѣлать иначе, потому что ничего кромѣ этого и написать въ настоящую минуту не могу, находясь внѣ Россіи. Я получилъ чрезвычайныя похвалы изъ «Зари» за повѣстунку, которую у нихъ напечаталъ. Въ журнальныхъ разборахъ («Голось», «Петербургскія Вѣдомости» и проч.) — тоже были ко мнѣ вѣжливы. Но вы не повѣрите, до какой степени мнѣ омерзительно писать такія повѣсти, когда столько идей, уже совсѣмъ сложившихся, уже сидятъ въ головѣ—однимъ словомъ писать не то, что хочется. Вы поймете, другъ Сонечка, что это уже одно составляетъ мученіе. Но насущное разстройство дѣлъ составляетъ другую половину мученій. Отсутствіемъ

моимъ изъ Петербурга я, на примѣръ, совершенно запустилъ мои дѣла и даже преданныхъ мнѣ людей отвалилъ отъ себя (хоть Идіотъ и не удался, но за второе изданіе его нѣсколько книгопродавцевъ готовы были дать и давали хоть и небольшія, сравнительно, деньги, но все же значительныя, полторы и двѣ тысячи. И всѣ завязывавшіяся дѣла лопнули, потому что некому ихъ было вести). И такъ вотъ какое мое положеніе. Не говорю уже о томъ, что мнѣ жалко Анну Григорьевну, которой ужасно хочется домой. Всего не упишешь. Но тѣмъ не менѣе я рѣшилъ окончательно, что во всякомъ случаѣ въ нынѣшнемъ году я въ Россію возвращусь, возвращусь по осени и это будетъ навѣрно. Разумѣется, даже только по дѣламъ моимъ, долженъ буду тотчасъ же быть въ Москвѣ, если тотчасъ же не посадятъ меня кредиторы въ петербургскую тюрьму. Во всякомъ же случаѣ надѣюсь съ вами со всѣми, милыя мои, непременно въ началѣ зимы увидѣться.

Ваши искренніе: я, Федоръ Достоевскій, Аня, Люба.

Адресъ мой тотъ же: Allemagne, Dresden, à M-r Théodor Dostoevsky, poste restante.

IX.

Дрезденъ, 2-го (14-го) іюля 1870 г.

Милый другъ Сонечка, хотѣлъ тотчасъ-же отвѣчать вамъ и промедлилъ. И занятія, и всякія скверныя хлопоты тому причиною. Да вотъ еще что: манера ваша, васъ всѣхъ, московскихъ друзей, — не выставлять адресъ.

По письму вашему видно, что вы переселились къ Е. П. Коли такъ, куда-же мнѣ адресовать. Забудьте и то, что я могу потерять или заложить куда нибудь письмо съ послѣднимъ адресомъ вашимъ. Теперь я три дня рылся и перерылъ всѣ листочки за всѣ три года. Но все таки знаю адресъ, хоть и старый, и адресую на него. Дойдетъ или нѣтъ? Какъ хотите, такіе вопросы руки отнимаютъ. Умоляю васъ хоть для меня писать письма не по женской манерѣ, т. е. выставляйте число и всегда адресъ, ей Богу лучше будетъ.

Ваше письмо произвело на меня тяжелое впечатлѣніе, добрый другъ мой. Такъ неужели, если-бъ вы уѣхали въ деревню, они бы вамъ осенью ужъ и не достали переводовъ? Что вы себя мучаете-то? Вамъ нужно здоровье и счастье. Вы работаете съ утра до ночи. Вамъ нужно замужъ выходить. Соня, голубчикъ мой, не сердитесь на меня, Христа ради, за мои слова. Счастье разъ въ жизни дается, а потомъ вѣдь все горе, все горе. Ну такъ и надо къ нему приготовиться, ставъ въ возможно-нормальныя отношенія. Простите меня,

что я, три года не выдавъ васъ, такъ пишу. Вѣдь это не совѣты съ моей стороны, это просто горячія желанія. Не могу же я васъ не любить!

Что-же касается до моего возвращенія осенью въ Россію, то это разумѣется только фантазія, хотя и могущая осуществиться, но только фантазія. Вотъ увидимъ. На счетъ-же всѣхъ вашихъ остальныхъ совѣтовъ (продажи романа, возвращенія безъ денегъ въ виду невозможности того, чтобъ кредиторы арестовали меня и проч.) — скажу вамъ, что все это вы написали по неопытности, не зная сущности дѣла. Я уже двадцать пять лѣтъ литераторомъ и никогда еще не видалъ, чтобъ самъ авторъ шель предлагать книгопродавцамъ 2-е изданіе. (Тѣмъ болѣе черезъ другихъ, равнодушныхъ, которымъ все равно). Если предлагаете сами, то получаете десятую долю стоимости. Издатель, т. е. купецъ, всегда самъ приходитъ и тогда вмѣсто каждой сотни получается по тысячѣ. Идіотъ-же опоздалъ; ему еще прошлаго года надо было быть изданнымъ. На счетъ же кредиторовъ, — то повѣрьте, засадятъ, какъ пить дадутъ, и вся ихъ выгода въ томъ. Увѣрю васъ, что имъ извѣстно, сколько я, наприм., могу получить за романъ съ Р. В.—ка или съ Зари. Они и засадятъ въ надеждѣ, что тотъ или другой журналъ, или кто нибудь выкупятъ. Будьте увѣрены. Нѣтъ, воротиться надо не такъ.

Мнѣ всего тяжелѣе смотрѣть здѣсь на тоску Анны Григорьевны; ей хочется въ Россію очень. Вотъ что наиболѣе меня здѣсь разстраиваетъ. Ребенокъ здоровъ, только сосеть еще изо всѣхъ силъ, тогда какъ пора бы отучать. Вообще теперь неподвижная идея моя — ворочаться. Еще немного если здѣсь проживу, то пожалуй и деньги перестану зарабатывать; никто печатать не будетъ. Въ Россіи еще могъ бы издавать какія нибудь компіляціи или учебники. Впрочемъ, не стоятъ объ этомъ и говорить-то много. За нужду я вѣдь ворочусь, чтобъ хоть въ тюрьмѣ сидѣть. Мнѣ-бы только вотъ кончить теперь работу въ «Р. Вѣстникѣ», за которой сижу, чтобъ уже меня потомъ не тревожили. А между тѣмъ такъ устроилось, что я навѣрно до Рождества не кончу. 1-ю большую часть пришлю впрочемъ въ Редакцію черезъ 1½ мѣсяца и попрошу денегъ у нихъ. 2-ю часть пришлю къ началу зимы, а третью въ февралѣ. Начать печатать должны будутъ съ января будущаго года. Очень боюсь, что они просто не захотятъ печатать романъ мой. Я настоятельно объявлю, что вычеркивать и переправлять не могу. Началъ я этотъ романъ, соблазнилъ онъ меня, а теперь я раскаялся. Онъ и теперь меня занимаетъ очень, но я бы не о томъ хотѣлъ писать.

Каждый разъ, какъ пишу къ вамъ, чувствую какое долгое лежитъ между нами время. Вотъ еще что: хочется мнѣ ужасно, до по-

слѣдняго влеченія, предъ возвращеніемъ въ Россію съѣздить на Востокъ, т. е. въ Константинополь, Афины, Архипелагъ, Сирію, Іерусалимъ и Афонъ. Между тѣмъ это возьметъ minimum 1500 руб. Положимъ денегъ нечего жалѣть; я бы написалъ о поѣздѣ въ Іерусалимъ книгу, которая бы все воротила, а такія книги ходка, говорю по опыту. Но пока ни наличныхъ, ни времени нѣтъ, а вотъ вчера читала телеграммы, продающіяся на улицахъ, что еще чуть-чуть и война у Франціи съ Пруссіей. Теперь все такъ наболѣло, что начнись война, гдѣ бы то ни было, сейчасъ разгорится. Дай только Богъ Россіи не вступать ни во что Европейское, благо у насъ своего дѣла довольно.

Люблю васъ всѣхъ очень, чему вы вѣрно повѣрите. Любите и вы меня хоть немножко. Я въ нѣмецкой землѣ умирать не хочу; прїѣду помирать на родину.

Жена и Люба васъ целуютъ очень. У насъ жары, а у меня вчера былъ припадокъ, послѣ долгаго промежутка. Голова до того нехороша у меня сегодня, что я совсѣмъ какъ сумасшедшій.

До свиданія, милый мой другъ, попомните меня.

Обнимаю васъ и целую. Вашъ Ф. Достоевскій.

P. S. Если не отвѣтите мнѣ на это письмо, значить оно не дошло, такъ и буду считать.

Адресъ мой: Allemagne, Saxe, Dresden, à Mr. Théodore Dostoiewsky, poste restante.

Х.

Дрезденъ, 17-го (29-го) августа 1870 г.

Дорогой другъ мой Сонечка, извините, что я не тотчасъ отвѣчаю вамъ (по полученіи вашего письма отъ 3-го августа; коротенькое письмо отъ 28-го іюля тоже получилъ). Иногда бываетъ столько разныхъ хлопотъ, неприятностей, тягостей, что ни за что взяться силъ нѣтъ, тѣмъ болѣе за письмо. Я только сочиненія мои долженъ писать и пишу, въ какомъ бы ни былъ расположеніи духа, да и то иногда не выдерживаю и бросаю все. Жизнь моя не красна. На этотъ разъ хочу вамъ кое-что объяснить въ моемъ положеніи, хотя главное потому и не люблю я писемъ, что трудно въ нихъ говорить, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, о предметахъ для себя важныхъ и быть понятнымъ. Письма можно только писать живыя, къ людямъ, съ которыми въ сердечныхъ отношеніяхъ не состоишь.

Главное въ томъ, что мнѣ нужно возвратиться въ Россію. Мысль эта проста, но не могу же я вамъ рассказать въ подробности тѣ мученія и невыгоды, которыя я терплю отъ заграничной жизни, опускаю всѣ нравственныя (тоску по родинѣ, необходимость русскаго быта

мнѣ, какъ литератору, и проч.). Но напримѣръ, одни семейныя мученія чего стоятъ. Я вѣдь вижу, какъ хочется на родину Анѣ, и что здѣсь ей невыразимо скучно. Кромѣ того на родинѣ я бы имѣлъ гораздо болѣе средствъ достать для прожитія денегъ; здѣсь же мы чрезмѣрно обѣдѣли. Положимъ жить можно, но няньки нельзя нанять. Нянька здѣшняя требуетъ себѣ особую комнату, бѣлье, чортово жалованье, три обѣда, сколько-то пива (разумѣется съ иностранцевъ). Аня же и сама кормить и съ ребенкомъ ночей не спитъ. Ни развлечения, ни времени развлечь себя. А главное здоровье ея плохо. Да кому, впрочемъ, я вамъ рассказываю, когда это невозможно рассказать, потому что мелочей такихъ сотня или двѣ и въ цѣлости ихъ тягость и ужасъ. Вотъ я, напримѣръ, съ какимъ бы наслажденіемъ повезъ жену и ребенка эту осень домой, въ Петербургъ (какъ и мечталъ о томъ весною), но чтобъ уѣхать и пріѣхать нужно не менѣе 2000 руб., т. е. это безъ всякой уплаты долговъ и проч., и только чтобъ поѣхать и пріѣхать. Я сейчасъ же вижу отсюда, какъ вы скидываете плечи и говорите: «къ чему такая сумма? Какое преувеличиваніе»? Но ради Бога отучитесь, добрый другъ мой, отъ этой манеры судить о дѣлахъ людей, не зная ихъ въ подробности, — 2000 руб. необходимы, да и то все нищенскимъ образомъ устроится. Это я вамъ говорю. А гдѣ я возьму такія деньги? Теперь Любу надо отъ груди отучить и кромѣ того ей оспу привить. Сколько для Ани возни, да еще для ослабѣвшей, видимо потерявшей силы. Я вижу это и чуть съ ума не схожу. А если-бъ даже и получилъ деньги для переѣзда мѣсяца черезъ три, то будетъ зима и груднаго ребенка нельзя вести въ морозъ тысячи верстъ. Стало быть надо ждать до весны. А будутъ-ли къ веснѣ-то деньги? Замѣтите, что въ настоящее время я едва-едва пробиваюсь здѣсь кое-какъ, да и то на половину въ долгъ.

Но довольно. Теперь о другомъ, хотя все тѣсно связано съ главнымъ.

Писалъ-ли я вамъ или нѣтъ подробно о моихъ затрудненіяхъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», потому что я отдалъ мою повѣсть въ концѣ прошлаго года въ «Зарю», въ то-же время оставаясь въ денежномъ долгу у «Русскаго Вѣстника» и еще за годъ до этого давъ имъ слово, что работа мои имъ принадлежитъ. Писалъ-ли вамъ, какъ это случилось? т. е. какъ растянулась нечаянно моя повѣсть и я вдругъ увидалъ, что не успѣю доставить ничего въ «Русскій Вѣстникъ» къ началу года? Они мнѣ ничего не отвѣтили на это, только перестали деньги присылать. Въ началѣ нынѣшняго года я писалъ къ Каткову, что начну присылать романъ съ середины года, т. е. съ іюня, такъ что если они захотятъ, то могутъ въ концѣ года и напечатать его. Ну слушайте-же: работалъ я до изнуренія, понимая, что я не въ Россіи, что если прер-

вутся мои литературныя сношенія съ «Русскимъ Вѣстникомъ», то жить будетъ нечѣмъ (ибо отношенія съ другими журналами заочно тяжелы) и кромѣ того я измучился и изстрадался буквально изъ-за мысли, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» меня считаютъ подлецомъ), тогда какъ они всегда такъ великолѣпно обращались со мною. Романъ, который я писалъ, былъ большой, очень оригинальный, но мысль нѣсколько новаго для меня разряда. Нужно было очень много самонадѣянности, чтобъ съ ней справиться. Но я не справился и лопнулъ. Работа шла вяло, я чувствовалъ, что есть капитальный недостатокъ въ цѣломъ, но какой именно — не могъ угадать. Въ июлѣ, послѣ послѣдняго письма моего въ вашъ, я заболѣлъ цѣлымъ рядомъ припадковъ падучей (каждую недѣлю). Они до того меня разстроили, что уже и думать о работѣ я не могъ цѣлый мѣсяцъ, да и опасно было. И вотъ, двѣ недѣли назадъ, принявшись опять за работу, я вдругъ разомъ увидалъ, въ чемъ у меня хромало и въ чемъ у меня ошибка, при этомъ самъ собою по вдохновенію представился въ полной стройности новый планъ романа. Все надо было измѣнить радикально; не думая ни мало я перечеркнулъ все написанное (листовъ до 15 вообще говоря) и принялся вновь съ 1-й страницы. Вся работа всего года уничтожена. О, Сонечка! Если-бъ вы знали, какъ тяжело быть писателемъ, то есть выносить эту долю? Вѣрите-ли, я знаю навѣрно, что будь у меня обезпечено два—три года для этого романа, какъ у Тургенева, Гончарова или Толстаго, и я написалъ бы такую вещь, о которой 100 лѣтъ спустя говорили бы! Я не хвастаюсь; спросите вашу совѣсть и воспоминанія ваши обо мнѣ: хвастунъ-ли я? Идея такъ хороша, такъ многозначительна, что я самъ передъ нею преклоняюсь. А что выйдетъ? заравѣ знаю: я буду писать романъ мѣсяцевъ 8 или 9, скопкою и испорчу. Такую вещь нельзя иначе писать какъ два—три года. (Да и объема она: листовъ 35 будетъ). Детали можетъ выйдутъ не дурно, будутъ начерчены характеры—но на-черно. Будетъ много невыдержекъ, лишнѣе растянутостей. Бездна красота (говорю буквально) не войдетъ ни за что, ибо вдохновеніе во многомъ зависитъ отъ времени. Ну, а я все-таки сажусь писать! Развѣ не мученіе, сознательно на себя руки поднимать! Но пока дѣло не въ томъ, а дѣло въ томъ, что всѣ мои расчеты рушились. Я рѣшительно надѣялся въ началѣ года, что, пославъ значительную часть романа въ «Русскій Вѣстникъ» къ 1-му августу, поправлюсь. Теперь же что мнѣ дѣлать? Развѣ къ 1-му сентябрю вышлю часть, да и то небольшую (я хотѣлъ выслать разомъ много, чтобъ имѣть хоть основаніе попросить впередъ), теперь же просить стыдно, 1-я часть (всѣхъ будетъ 5) будетъ всего въ 7 листахъ—какъ тутъ просить? А между тѣмъ такъ какъ всѣ расчеты теперь перемѣнились,

то буквально не знаю въ настоящую минуту чѣмъ буду жить? Ну вотъ извольте работать въ такомъ настроеніи.

Наконецъ, много неизвѣстности. Положимъ если я очень буду не жалѣть себя и пошлю 1-ю часть въ сентябрѣ (такъ какъ кое-что изъ написаннаго прежде все-таки войдетъ сюда и я въ сентябрѣ поспѣю доставить листовъ 7), то во 1-хъ, это уже разумѣется для напечатанія въ будущемъ году, стало быть я опять не исполнилъ обѣщанія, а во 2-хъ, захотятъ-ли они со мной возобновить прежнія отношенія? Не съ амбиціозничаютъ-ли? Не захотятъ-ли обидѣться? Такъ какъ я долженъ имъ, то романъ примутъ, а впередъ давать не будутъ? Да и не то одно: я желаю прежнихъ дружескихъ отношеній. Не знаете-ли вы, Сонечка, чего-нибудь? т. е. продолжаютъ-ли они ждать отъ меня работы и что именно обо мнѣ говорятъ? Если знаете хоть что-нибудь, то напишите мнѣ. Но ради Бога сами съ ними не заговаривайте обо мнѣ и не разспрашивайте у нихъ. Развѣ, если вы тамъ съ кѣмъ-нибудь коротки, то скажите, что я работаю для нихъ, но что весь романъ передѣлываю и что во всякомъ случаѣ скоро начну высылать по частямъ. Впрочемъ, какъ знаете. Лучше не говорите имъ; это можно только сказать въ свободномъ, естественномъ разговорѣ, который самъ собою пришелъ, а выпытывать я отнюдь не хочу. Выпытывая можно повредить себѣ и навести ихъ на какія-нибудь подозрительныя мысли на счетъ меня. Да и вамъ не годится совсѣмъ. А потому лучше ничего не говорите имъ. Черезъ два мѣсяца все узнаю. Конечно, «Заря» съ колѣнопреклоненіемъ возьметъ мой романъ. Но мнѣ бы хотѣлось съ «Русскимъ Вѣстникомъ» возобновить отношенія.

Ну вотъ, все это меня очень волнуетъ и мѣшаетъ мнѣ жить и работать спокойно, но есть много другаго, о которомъ не пишу. Съ войной кредитъ почти совсѣмъ кончился повсемѣстно, — жить труднѣе. Но переташу какъ-нибудь. Главное бы здоровье, но его то и нѣтъ, т. е. прежняго. На счетъ войны съ вами не согласенъ совсѣмъ. Безъ войны человѣкъ деревенѣетъ въ комфортѣ и богатствѣ и совершенно теряетъ способность къ великодушнымъ мыслямъ и чувствамъ и непримѣтно ожесточается и впадаетъ въ варварство. Я говорю про народы въ цѣломъ. Безъ страданія и не поймешь счастья. Идеаль черезъ страданіе переходитъ, какъ золото черезъ огонь. Царство небесное усилимъ достается. Франція слишкомъ очерствѣла и измельчала. Временная боль ничего не значить; она ее перенесетъ и воскреснетъ къ новой жизни и къ новой мысли. А то вѣдь все была старая фраза съ одной стороны и трусость и тѣлесныя наслажденія съ другой.

Наполеонова фамилія будетъ уже невозможна. Эта новая будущая

жизнь и преобразование такъ важны, что страданіе, хоть и тяжелое, ничего не значить. Неужели вы не видите руки Божіей!

Семидесятилѣтняя наша русская, европейская, нѣмецкая политика должна тоже будетъ измѣниться сама собою. Тѣ же нѣмцы намъ откроютъ, наконецъ, каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Вообще перемѣна для Европы будетъ великая всюду.

Каковъ толчекъ! Сколько новой жизни будетъ повсемѣстно вызвано! Даже наука вѣдь падала въ узкомъ матерьялизмѣ, за отсутствіемъ великодушной мысли, что значить временное страданіе!

Вы пишете: «изрывать, убьютъ, а потомъ перевязываютъ и уживаются». Вспомните величайшія въ мірѣ слова: «милости хочу, а не жертвы». Кажется въ настоящее мгновеніе или надняхъ многое должно рѣшиться. Кто кого надуль? Кто сдѣлалъ стратегическую ошибку? Нѣмцы или французы? Мнѣ кажется, что нѣмцы.

Я еще за 10 дней такъ думалъ. Но все равно, кажется временно нѣмцы одолѣютъ: у французовъ есть одна бездна, въ которую они временно свалятся: это династическій интересъ, которому пожертвовано отечество. А многое бы я могъ вамъ написать какъ личный наблюдатель нѣмецкихъ нравовъ, по отношенію къ настоящей минутѣ, да некогда.

Всѣмъ поклонъ. Напомните обо мнѣ всѣмъ. Васъ цалую крѣпко и знайте, что нѣтъ у васъ доброжелателя и друга крѣпче меня. Мнѣ счастье ужъ одно то, что я пишу это вамъ. Пишите, не забывайте, а я сажусь за каторжную работу.

Вашъ всей душой и сердцемъ Ф. Достоевскій.

О петербургскихъ мучается душа. Ничего-то я имъ не высылаю. Раньше начала будущаго года и не вышлю, а они въ нищетѣ. Это у меня на совѣсти лежитъ; я обѣщался имъ ихъ поддерживать, особенно Пашу жалко.

Р. S. Вы моихъ дѣлъ съ кредиторами не знаете, а потому и полагаете, что имъ невыгодно будетъ меня засадить. Напротивъ, засадятъ, потому что именно это будетъ имъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, выгоднѣе. Но писалъ-ли я вамъ или нѣтъ, что у меня есть одна надежда достать тотчасъ же по приѣздѣ въ Петербургъ тысячь пять, года на три? Тогда бы я избѣжалъ тюрьмы. Надежда это не лишена основанія. Но надо лично, а заочно нельзя, да и испортить дѣло можно. Это не черезъ литературу. Но если-бъ теперешній романъ удался, то шансовъ достать эти 5000 было бы больше. Все это пусть будетъ между нами.

До свиданія, другъ мой, вашъ Достоевскій.

Сообщ. С. А. Хмырова.

ТРОИЦКО-СЕРГІЕВА ПРИМОРСКАЯ ПУСТЫНЬ

1735—1885 гг. ¹⁾.

Двѣнадцатаго мая 1885 года исполнится полтора столѣтія со дня основанія архимандритомъ Варлаамомъ, духовникомъ императрицы Анны Іоанновны, — Троицко-Сергіевой пустыни, въ 19 верстахъ отъ Петербурга, на берегу Финскаго залива, по правую сторону Петергофскаго шоссе.

До построенія пустыни, на ея мѣстѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія находилась „приморская“ дача царевны Екатерины Іоанновны, впоследствии герцогини Мекленбургъ-Шверинской. По вступленіи ея въ 1716 году въ супружество, дача отошла въ завѣдываніе придворнаго вѣдомства и, никѣмъ не занимаемая, постепенно приходила въ ветхость и разрушеніе. Въ 1732 году императрица Анна Іоанновна подарила ее своему духовнику, архимандриту Сергіевой лавры Варлааму, а черезъ два года ему-же отдала деревянную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, бывшую при загородномъ домѣ покойной царицы Прасковьи Федоровны, на Фонтанкѣ, близъ Лештукова переулка, на мѣстѣ нынѣшней с.-петербургской мѣщанской управы. По благословенію Святейшаго Синода архимандритъ Варлаамъ перенесъ эту церковь (3 1/2 саж. длины и 4-хъ—ширины) на пожалованную ему приморскую дачу и устроилъ изъ нея храмъ во имя преподобнаго Сергія, 12 мая 1735 года.

Кромѣ того, основателямъ построены были: нѣсколько деревянныхъ келій

---

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ по весьма обстоятельному изслѣдованію Павла Петровича Яковлева, много лѣтъ посвятившаго на составленіе исторіи и самаго подробнаго описанія первоклассной Троицко-Сергіевой приморской пустыни С.-Петербургской епархіи; въ особенности замѣчательна та энергія и добросовѣтность, съ которою П. П. Яковлевъ составилъ обширный трудъ: „Списки всѣхъ погребенныхъ въ Троицко-Сергіевой пустынѣ лицъ, составленные по сохранившимся документамъ и надгробнымъ памятникамъ въ алфавитномъ и хронологическомъ порядкѣ со времени кончины основателя обители архимандрита Варлаама, 1737—1884 гг.“. Ред.

для монашествующихъ; каменный флигель для настоятеля; деревянная ограда съ башнями на каменномъ фундаментѣ; необходимыя хозяйственныя зданія. Затѣмъ приобретены были покупкою отъ сосѣднихъ владѣльцевъ пашни, сѣнокосы и лѣсные земельные участки. Особого штата монаховъ не было; для богослуженія назначались монашествующіе отъ Троицко-Сергіевой лавры.

5 июля 1735 года императрица Анна Іоанновна посѣтила приморскую пустынь со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ; кушала въ покояхъ архимандрита и пожаловала въ новый храмъ книги: „типиконъ“, „требникъ“ и „пятикостаріонъ“ (Пятидесятница и Ирмологій).

По описи, составленной по высочайшему указу, 30 января 1738 года, оказалось число братіи тринадцать человѣкъ. Деревянная церковь считалась приписанною къ Сергіевой лаврѣ, изъ которой для управленія пустынью присылались „строители“. Таковыхъ до 1764 года было тринадцать; первымъ былъ іеродіаконъ Алексій Логиновъ, послѣднимъ іеромонахъ Варсонофій Корельскій.

Въ 1764 году, по учрежденіи монастырскихъ штатовъ, пустыня была введена во 2 классъ, поступила въ с.-петербургское епархіальное вѣдомство и какъ самостоятельная начала управляться архимандритами; первымъ былъ Варлаамъ Синьковскій изъ ректоровъ Троицко-Лаврской семинаріи. Изъ его преемниковъ достойны упоминанія: Веніаминъ Румовскій (1774 г.), Анастасій Братановскій (1795—1796 г.), Амвросій Протасовъ, Евгений Волховитиновъ и др. Таковыхъ настоятелей въ пятидесяти-четырехлѣтній періодъ было 25.

Съ 1819 по 1833 годъ пустынею правили викаріи петербургской митрополіи, епископы ревельскіе. Это званіе имѣли: Владиміръ Ужинскій (1819—1822), Григорій Постниковъ (1822—1826), Никаноръ Клементьевскій (1826—1831), Смарагдъ Крыжановскій (1831—1833) и Венедиктъ Григоровичъ. Затѣмъ пустыня была снова подчинена настоятелю въ санѣ архимандрита. Съ 1834 по 1884 г., въ теченіи полувѣка, она управлялась Игнатіемъ Брянчаниновымъ (1834—1857 г.) и Игнатіемъ Малышевымъ, съ 17 ноября 1857 года. 30 мая 1836 г. Сергіева пустынь была возведена изъ 2-го въ 1-й классъ.

Нынѣ въ предѣлахъ пустыни находится семь церквей и четыре каменныхъ часовни:

1) Соборъ во имя св. Троицы, строенный по плану графа Растрелли, пятиглавый, съ колокольнею. Построеніе его начато въ 1756 году архимандритомъ Афанасіемъ Волховскимъ, окончено въ 1760 г. Первый гравированный рисунокъ этого храма былъ преподнесенъ Императрицѣ Екатеринѣ II, вскорѣ по восшествіи ея на престолъ, 28 іюня 1762 г. Достаточно вспомнить о важномъ стратегическомъ значеніи Петергофской дороги, въ дни великаго государственнаго переворота, чтобы не сознать, что Сергіева пустынь

приобрѣла тогда типъ мѣстности исторической. Главный алтарь собора былъ освященъ 10 августа 1763 года, лаврскимъ архимандритомъ, членомъ Святейшаго синода Лаврентіемъ Хоцятовскимъ, въ присутствіи императрицы Екатерины II. При этомъ нашъ знаменитый витія, Платонъ Левшинъ, сказалъ слово на текстъ 1 ст. псалма XIV.

Правый придѣлъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла былъ освященъ 18-го; лѣвый, во имя св. Захарія и Елизаветы—19-го августа 1761-го года знаменитымъ проповѣдникомъ Гедеономъ Криновскимъ. Этотъ второй придѣлъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ закрытъ и лишь 16 августа 1840 года, при капитальномъ исправленіи храма, освященъ во имя усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Главная святыня собора — икона преподобнаго Сергія Радонежскаго.

2) Церковь Преподобнаго Сергія съ предѣлами Христа Спасителя (празднованіе 1 августа) и мученицы Зинаиды, на продолженіи братской трапезы и настоятельскихъ келій, пятиглавая, каменная, безъ колокольни. Строена по плану профессора архитектуры А. М. Горностаева въ строгомъ древне-византійскомъ стилѣ. Первоначальная каменная церковь во имя Св. Сергія находилась на этомъ мѣстѣ въ 1758 г., перестроена въ 1854—1859 гг., освящена с.-петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ 20 сентября 1859 года. Предѣлы освящены первый, во имя Спаса, 4 іюля 1857 г., второй 28 апрѣля 1861 г. Здѣсь особенно замѣчательны: ковчегъ съ частицами св. мощей и мраморная колонна изъ дома св. праведныхъ боготоцевъ Іоакима и Анны.

3) Церковь во имя св. мученика Валеріана, въ доми нивалидовъ князя и графовъ Zubовыхъ, построена въ 1809 году.

4) Церковь святителя Григорія Богослова, на сѣверо-восточной сторонѣ монастыря, одноглавая, строена профессоромъ архитекторомъ А. И. Штакенштейн-деромъ, иждивеніемъ графини Екатерины Дмитриевны Кушелевой, надъ прахомъ ея супруга графа Г. Г. Кушелева. Церковь освящена 11 мая 1857 г. с.-петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ.

5) Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, каменная, одноглавая, на юго-восточной сторонѣ обители; строена архитекторами Р. И. Кузьминимъ и Ю. А. Вosse, иждивеніемъ князя Михаила Викторовича Кочубея, надъ прахомъ его супруги, Маріи Ивановны, рожденной княжны Барятинской. Построена по образцу флорентинской базилики; освящена 4 августа 1863 года.

6) Церковь каменная, пятиглавая, во имя Воскресенія Христова, на южной сторонѣ монастыря, на мѣстѣ существовавшей съ 1791 г. ветхой церкви св. апостола Іакова брата Господня, впоследствии — во имя Воскресенія Христова. Въ византійскомъ стилѣ; строена по плану архитектора А. А. Парланда, подъ распоряженіемъ и наблюденіемъ нынѣшняго настоятеля, архимандрита Игнатія Малышева. Иконостасъ нижней церкви освященъ 15 мая 1884 г.; главный престоль—29 іюля того-же года преосвященнымъ митропо-

литомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ Исидоромъ въ сослуженіи прочихъ іерарховъ.

7) Церковь во имя св. Саввы Стратилата, надъ монастырскими вратами; построена въ 1863 году иждивеніемъ М. В. Шишарева. Не освящена.

Изъ часовень, кромя двухъ, при въѣздѣ въ пустынь: одна близъ алтара соборной Троицкой церкви съ иконою Тихвинской Божіей Матери, построена по проекту А. М. Горностаева въ 1864 г. Въ ней погребены основатель пустыни Варлаамъ и скимонахи: Михаилъ Чихаговъ и Макарій Макаровъ. Другая часовня, на восточной сторонѣ монастыря, на набережной пруда, построена въ 1876 г. Въ ней древняя икона Руднянскія Божія Матери.

Дальнѣйшія историческія подробности, равно свѣдѣнія о постепенномъ развитіи пустыни и объ увеличеніи ея построекъ для братіи, богомольцевъ и т. д. читатели могутъ найти въ любопытномъ, составленномъ г. П. П. Яковлевымъ, историческомъ очеркѣ „первоклассной Троицко-Сергіевой пригородной пустыни с.-петербургской епархіи“ (Спб. 1884 г., 16 стр., въ 6. 8 д. л.).

Кладбище этой обители, со временъ Екатерины II, — избранная усыпальница нашихъ знатныхъ, родовитыхъ семей, подобно Невской лаврѣ въ Петербургѣ: монастырямъ Донскому и Симонову въ Москвѣ; по своему живописному мѣстоположенію, Сергіева пустынь имѣетъ надъ ними даже нѣкоторое преимущество и видъ ея со взморья — эти высіящіеся надъ купами деревьевъ сребристые куполы съ ихъ ярко блестящими крестами, и это кладбище почти омываемое волнами залива, — подобіе тихаго пристанища на берегахъ житейскаго моря, производятъ на зрителя невыразимое, поэтическое впечатлѣніе. Изъ гробницъ весьма многія воздвигнуты надъ останками замѣтельныхъ государственныхъ дѣятелей минувшихъ временъ, — людей, съ именами которыхъ неразлучны воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ царствованій Екатерины, Павла, Александра I и Николая I. Минувшее царствованіе Царя-Освободителя хотя и внесло обильный вкладъ останковъ недавнихъ его сподвижниковъ, но оно еще не можетъ быть включено въ область исторіи временъ давно прошедшихъ. Поэтому, при спискахъ надгробныхъ надписей на кладбищѣ и въ церквахъ Сергіевой пустыни, мы придерживались исключительно именъ усопшихъ, родившихся въ XVIII стол.

Располагая фамиліи погребенныхъ по алфавитному порядку, мы, при именахъ ихъ, сокращенно въ скобкахъ, отмѣтили кладбища или храмы, гдѣ они покоятся. Отсутствие помѣтокъ означаетъ, что они погребены на общемъ кладбищѣ пустыни.

Церк. трап. — нижняя церковь и паперть при монастырской трапезѣ.
Нижняя цер. В. Х. — нижняя церковь при новомъ храмѣ Воскресенія Христова.

С. бог. — садъ при богадѣльнѣ Зубовыхъ.

На семь мѣстъ погребено тѣло боярыни Софіи Александровны Аничковой, рожд. графини Апраксиной, † 28 апрѣля 1822 г.

Подъ симъ памятникомъ лежитъ тѣло дѣвicy графини Екатерины Александровны Апраксиной, род. 1758 г. генваря 30 дня, † 1832 г. сентября 26, житія ея было 74 года, 7 мѣсяцевъ, 6 дней.

Графиня Марія Александровна Апраксина, род. 1794 г., † 12 мая 1872 г. (Нижн. цер. В. Х.).

Гр. Александръ Ивановичъ Апраксинъ, род. 7 декабря 1782 г., † 9 іюля 1842 г. (Нижн. цер. В. Х.).

Здѣсь погребено тѣло гр. Кирилла Петровича Апраксина, род. въ 1779 г. марта 18 дня, † въ 1822 г. сентября 28 дня.

Статсъ-дама ея вел-ва п кавалерственная дама святой Екатерины большого креста графиня Юлія Ѳеодоровна Баранова, рожд. Адлербергъ, род. 18 августа 1789 г., † 15 іюля 1864 г.

Здѣсь поконится прахъ кол. сов. Ѳеодосіи Ивановны Бартеневої, урожд. Бутурлиной, род. 31 января 1790 г., † 22 октября 1835 г.

Бартеневъ, Арсений Ивановичъ, статскій совѣтникъ, † 1881 г., іюля 21, 88 лѣтъ отъ рожденія.

Софья Астафьевна Батюшкова, рожд. Пальменбахъ, род. 29 мая 1781 г., † 29 іюля 1839 г.

Дѣйств. т. сов. сенаторъ Павелъ Львовичъ Батюшковъ, род. 17 іюня 1765 г., † 2 января 1848 г.

На семь мѣстѣ погребено тѣло кол. сов. и кав. Ивана Петровича Бачманова, род. 1764 г. октября 7 дня, † февраля 17 дня 1832 года

Блиновъ, Ѳеодотъ Степановичъ, сердобольскій первостатейный купецъ, † 1860 г., іюня 25 дня, 71 г. отъ рожденія.

Екатерина Львовна Ваксель, род. 23 ноября, † 18 декабря 1839 г. (С. бог.).

(Каменная пирамидальная часовня у восточной стѣны стараго собора св. Троицы; надпись на мраморной доскѣ подъ иконою Тихвинской Божіей Матери).

Здѣсь поконится основатель святаго обители сія, настоятель святой Троицкія Сергіевы лавры архим. Варлаамъ Антипиевичъ Высоцкій, духовникъ восьми высочайшихъ особъ: царицы Параскевы Ѳеодоровны, императрицы Екатерины Первья, императрицы Анны Іоанновны, царевича Алексѣя Петровича, государынь царевенъ: Екатерины Алексѣевны, Параскевы Іоанновны, Наталіи Алексѣевны и герцогини мекленбургъ-шверинскія Екатерины Іоанновны. Ему всемилостивѣйше пожалована императрицею Анною Іоанновною въ 1732 г. приморская дача, на которой онъ соорудилъ церковь, основалъ Троицко-Сергіеву пустыню въ 1734 г. Любя монастыство, устроилъ необходимыя зданія, обезпечилъ благотворно монастырское хозяйство пашенными, сѣнокосными и лѣсопорошею землями, которыя тщился пріобрѣтать покупками отъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ. † 25 іюля 1737 г. на 73 году отъ рожденія. Погребенъ 28 числа того же іюля, „Блаженъ мужъ боялся Господа“ (псаломъ 111, ст. 1.)

Часовня устроена въ 1864 г. вмѣсто прежней обветшавшей; мраморный кюль съ сею надписью въ 1879 г.—при настоятелѣ архим. Игнатіи Малышевѣ.

Вдова ген.-м. Александра Федоровна Веригина, † 6 февраля 1855 г. на 65 году отъ рожденія.

Ген.-м. Михаилъ Федотовичъ Веригинъ, † 14 генваря 1848 г. на 77 году отъ рожденія.

Л.-гв. Московскаго полка поруч. Степанъ Павловичъ Воейковъ, род. въ 1798 г. апрѣля 1 дня, † 1825 г. генваря 14 дня.

Княг. Анна Александровна Голицына, урожд. княж. Грузинская, род. 1763 г. августа 17 дня, † 1842 г. октября 12 дня (Нижн. цер. В. Х.).

Дѣйств. ст. сов. вн. Александръ Борисовичъ Голицынъ, род. 28 сентября 1792 г., † 20 января 1861 г.

Кн. Андрей Михайловичъ Голицынъ, род. 6 апрѣля 1792 г., † 18 мая 1863 г.

Кн. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Голицынъ, дѣйств. ст. сов. и кав., род. 23 октября 1793 г., † 29 октября 1854 г.

Подъ симъ камнемъ погребено тѣло дѣвицы графини Елизаветы Гавриловны Головкиной, которая род. 1752 г. октября 22 дня, † 1820 г. мая 21 дня, житія ея было 67 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 20 дней.

Здѣсь покоится прахъ княг. Маріи Александровны Горчаковой, рожд. княж. Урусовой, род. въ Москвѣ, † въ Баденъ-Баденѣ 6 (18) іюня 1853 г. (Государственный канцлеръ) вн. Александръ Михайловичъ Горчаковъ, род. 4 іюля 1793 г., † 27 февраля 1833 г.

Надв. сов. Василій Петровичъ графъ Грохольскій, род. въ селѣ Цидновка, Волынской губ., 1785 г. марта 3-го, † въ Петербургѣ 1834 г. января 23.

Здѣсь покоится тѣло двора его имп. выс-ства государя цесаревича вел. кн. Константина Павловича гофшурьера Саввы Петровича Дабовича, род. генваря 12, 1754 г., † 12 іюня 1824 г. на 71 г. отъ рожденія ¹⁾.

Здѣсь погребено тѣло княг. Маріи Васильевны Дондуковой, род. 1756 г. ²⁾.

Марія Петровна Дочиво-Добровольская, рожд. Желтухина, род. 1795 г., марта 7, † 1874 г., ноября 29. (Склепъ Янушкевича).

Здѣсь покоится прахъ члена совѣта главнаго управленія почтъ, тайн. сов. и разныхъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ кав. Флора Осиповича Доливо-Добровольскаго, бывшаго въ отечественную съ французами войну 1812, 13 и 14 гг. полевымъ инспекторомъ почтъ всѣхъ армій и полковн. 2-го егерскаго полка, род. 20 мая 1776 г., † 6 ноября 1852 г.

Маркиза Елизавета Александровна Де-Виллеро, урожд. графиня Апраксина, † 29 ноября 1854 г. на 80 году отъ рожденія.

Здѣсь покоится прахъ супруги дѣйств. ст. сов. Анны Николаевны Евревиной, род. 18 іюля 1786 г., † 9 декабря 1857 г.

Здѣсь покоится прахъ дѣйств. ст. сов. Ивана Михайловича Евревинова, род. февраля 24 дня 1781 г., † апрѣля 28 дня 1838 г.

Дѣйствительная камергерша Ольга Александровна Жеребцова, урожд. Зубова, † 1 марта 1849 г. на 84 году отъ рожденія. (Склепъ Зубовыхъ).

Здѣсь покоится прахъ рѣдкаго христіанина, сына отечества и друга, сенатора тайн. сов. Николая Васильевича Жуковскаго, род. 5 декабря 1795 г., † 15 марта 1852 г.

(Склепъ подъ церковью инвалиднаго дома и богадѣльни князя и графовъ Зубовыхъ. Надъ входомъ, на черной мраморной доскѣ, накладными золочеными буквами надпись: Храмъ вѣчнаго успокоенія роду свѣтлѣйшаго князя и графовъ Зубовыхъ сооруженъ 1809 г.).

¹⁾ При списаніи этой надписи, плита бѣлаго мрамора, на которой она изсѣчена, была нами найдена разбитою на три части и выломанною изъ памятника.

²⁾ Годъ кончины не показано.

Графиня Анастасія Александровна Зубова, род. 17 мая 1825 г., † 1-го февраля 1837 г.

Гр. Александръ Николаевичъ Зубовъ, род. 1829 г. іюня 15 дня, † 1831 г. генваря 11.

Подъ симъ камнемъ поконится тѣло дочери свѣтл. кн. Платона Александровича Зубова, княжны Александры Платоновны Зубовой, род. 1 мая 1822 г., † 24 февраля 1824 г.

Гр. Александръ Николаевичъ Зубовъ, род. 5 марта 1797 г., † 20 ноября 1875 г.

Графиня Александра Гавриловна Зубова, урожд. графиня Моденъ, род. 8 сентября 1807 г., † 28 іюня 1839 г.

Гр. Валентинъ Александровичъ Зубовъ, род. 31 августа 1831 г., † 4-го марта 1833 г.

Гр. Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, ген.-отъ инфантеріи членъ го-сударств. сов., директоръ 2-го кадетскаго корпуса и орденовъ св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Великомученика Георгія 2-го класса и прусскаго Чернаго и Краснаго Орловъ кавалеръ, род. 28 ноября 1771 г. † 21 іюня 1804 г.

Гр. Валеріанъ Николаевичъ Зубовъ, † въ Москвѣ 18 ноября 1857 г.

Гр. Валеріанъ Николаевичъ Зубовъ, род. 19 сентября 1863 г., † 20 марта 1867 г.

Ген.-м. гр. Дмитрій Александровичъ Зубовъ, род. 17 мая 1764 г., † 14 февраля 1836 г.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Зубовъ, род. 1830 г. іюля 6 дня, † 1832 г. апрѣля 2 дня.

Графиня Елисавета Васильевна Зубова, родительница графовъ, род. . . . † декабря 29 дня 1813 г.

Графиня Надежда Николаевна Зубова, род. 28 октября 1799 г., † 10-го сентября 1800 г.

Графиня Наталія Александровна Зубова, кавалерственная дама, супруга оберъ-штабмейстера гр. Николая Александровича Зубова, дочь генералиссима кн. Италійскаго гр. Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, род. 1 августа 1775 г., † 30 марта 1844 г.

Графиня Наталія Павловна Зубова, урожд. княжна Щербатова, род. 1801 г. іюня 30 дня, † 15 октября 1868 г.

Гр. Николай Александровичъ Зубовъ, оберъ-штабмейстеръ, придворной конюшенной конторы президентъ и орденовъ св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Георгія 3-го класса, св. Владимира 2-й степени и прусскихъ Чернаго и Краснаго Орловъ кавалеръ, род. 24 апрѣля 1763 г., † 9-го августа 1805 г.

Гр. Николай Александровичъ Зубовъ, род. 18 сентября 1822 г., † 9-го ноября 1823 г.

Гр. Николай Дмитриевичъ Зубовъ, гофмейстеръ двора его имп. вел.—ва, род. 9 сентября 1801 г., † 3 марта 1871 г.

Гр. Павелъ Александровичъ Зубовъ, род. 4 ноября 1823 г., † 6 апрѣля 1825 г.

Священныя Римскія имперіи свѣтлѣйшій кн. и гр. російской Платонъ Александровичъ Зубовъ, бывшій въ царствованіе Екатерины Великія ген.-фельддехмейстеръ надъ фортификаціями, генеральный директоръ, главнона

чаествующій флотомъ Черноморскимъ, Вознесенскою легкою конницею и Черноморскимъ казачимъ войскомъ, ея имп. вел.—ства ген.-ад., Кавалергардскаго корпуса шефъ, Екаторинославскій, Вознесенскій и Таврическій генераль-губернаторъ, государственной военной коллегіи членъ, императорскаго воспитательнаго дома почетный благодетель, Академіи художествъ почетный любитель, кав. орденовъ: російскихъ — св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. равноапостольнаго князя Владиміра большого креста, 1-й степени св. Анны, прусскихъ—Чернаго и Краснаго Орловъ, польскихъ—Бѣлаго Ора и св. Станислава и пмѣвшій счастье носить на груди портретъ государыни императрицы Екаторины Великія, род. 1767 г. ноября 15 дня † въ замкѣ Руентальѣ 1822 г. апрѣля 7 дня.

Гр. Платонъ Валеріановичъ Зубовъ, род. 29 марта 1796 г., † 23 октября 1800 года.

Полк. гр. Платонъ Николаевичъ Зубовъ, род. 26 іюля 1793 г., † въ Москвѣ 16 марта 1855 г.

Графиня Прасковья Александровна Зубова, урожд. княж. Вяземская, род. 27 сентября 1772 г., † 18 ноября 1835 г.

Здѣсь предано землѣ тѣло бригадира Ѳедора Ѳедоровича Зубова, † 1811 г. апрѣля 3-го дня.

(Бывшій с.-петербургскій военный ген.-губернаторъ, чл. государств. совѣта, ген. отъ инф., гр. Павелъ Николаевичъ Игнатъевъ, † 1879 г. (Нижн. цер. Препод. Сергія) ¹⁾).

(Бывшій с.-петербургскій военный ген.-губернаторъ, членъ государств. совѣта, ген. отъ инф. Александръ Александровичъ Кавелинъ, † 1850 г. (Нижн. цер. В. Х.) ¹⁾).

Гофмаршалъ Дмитрій Степановичъ Казинскій, род. 12 мая 1759 г., † 9 ноября 1804 г. (Склепъ Зубовыхъ).

Здѣсь погребено тѣло любезнѣйшей моей супруги капитанъ-комендора Карцова, Ѳедосіи Николаевны, род. 1783 г., † 1814 г. сентября 3 числа житія ея было 26 лѣтъ.

Здѣсь покоится прахъ контръ-адм. и кав. Ивана Петровича Карцова, † 4 мая 1834 г. на 66 году отъ рожденія.

Адмиралъ Петръ Ѳедоровичъ Качаловъ, род. 15 мая 1780 г., † 19 октября 1855 г.

Тайная совѣтница Елисавета Николаевна Квитка, род. въ 1776 г. августа 22, † въ 1842 г. января 5.

Гр. Петръ Андреевичъ Клейнмихель, † 1869 г. февраля 3-го, 76 лѣтъ. (Цер. трап.).

Графиня Прасковья Карловна Кнутъ, род. 15 мая 1823 г., † 27 іюля 1836 г. (Склепъ Зубовыхъ).

Здѣсь погребено тѣло ген.-лейт., сенатора и ордена св. Анны 1-го класса кав. Николая Петровича Кожина, † 1816 г., іюля 22 дня, на 66 году отъ рожденія.

Сенаторъ Иванъ Михайловичъ Колокольцевъ, † 20 ноября 1821 г. (Нижн. цер. В. Х.).

¹⁾ На надгробной плитѣ нѣтъ никакой надписи.

Адмиралъ Михаилъ Адриановичъ Лавровъ, род. 2 сентября 1799 г., † 10 ноября 1882 г.

Екатерина Петровна Левашова, урожд. Мятлева, род. 1800 г. ноября 26, † 27 марта 1821 г. (Склепъ Мятлевыхъ).

Александра Владиміровна Мезенцова, род. 21 апрѣля 1819 г., † 23 мая 1823 г. (С. бог.)

Здѣсь повоится тѣло вдовствующей супруги ген.-маіора Вѣры Николаевны Мезенцовой, рожд. графини Зубовой, род. 31 декабря 1800 г., † 27 февраля 1862 г.

Ген.-маіоръ Владиміръ Петровичъ Мезенцовъ, род. 1781 г. декабря 22 дня, † 1833 г. генваря 2 дня.

Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло ст. сов. Якова Степановича Мирковича, † 1817 г. сентября 5 дня, на 72 году отъ рожденія своего.

Ген. отъ инфантеріи Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, род. 25 ноября 1789 г., † 6 мая 1866 г. (Нижн. цер. В. Х.).

Арміи маіоръ Петръ Михайловичъ Михайловъ, род. 16 декабря 1793 г., † 19 ноября 1844 г.

Здѣсь повоится прахъ графини Елисаветы Николаевны Моденъ, рожд. Салтыковой, кавалерственной дамы меньшого креста ордена св. великомученицы Екатерины, † въ С.-Петербургѣ 8 марта 1852 г. (С. бог.).

Здѣсь погребено тѣло надв. сов. Николая Леонтьевича Мягкова, † 1824 г., сентября 26 дня, въ 8 часовъ пополуночи, на 76 году отъ рожденія. (Склепъ Мятлевыхъ подъ монастырскою ризницею).

Дѣйств. ст. сов. камергеръ и кав. Иванъ Петровичъ Мятлевъ, род. 28 декабря 1796 г., † въ С.-Петербургѣ 15 февраля 1844 г.

Тайн. сов. Петръ Васильевичъ Мятлевъ, род. 13 декабря 1756 г., † 15 февраля 1833 г.

Статсъ-дама Прасковья Ивановна Мятлева, урожд. графиня Салтыкова, род. 7 мая 1771 г., † 11 декабря 1859 г.

Конной гвардіи ротм. и кав. Петръ Петровичъ Мятлевъ, род. 1799 г., іюля 1 дня, † 24 іюля 1827 г.

(Дѣйств. т. сов., бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, род. 22 октября 1795 г., † 23 января 1869 г. (Нижн. цер. В. Х.)¹⁾).

Здѣсь повоится тѣло фрейлины двора ея имп. вел.—ва Екатерины Алексѣевны Обресковской, род. 30 сентабря 1766 г., † 19 декабря 1851 г.

Дарія Михайловна Опочинина, дочь кн. Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленскаго, род. 22 декабря 1788 г., † 5 апрѣля 1854 г.

Членъ государств. совѣта оберъ-гофмейстеръ дѣйств. тайн. сов. Федоръ Петровичъ Опочининъ, род. мая 18 дня 1779 г., † 20 декабря 1852 г.

Здѣсь повоится тѣло Николая Николаевича Оржицкаго, род. 11 іюля 1796 г., † 1 января 1861 г.

Екатерина Дмитріевна Пашкова, урожд. графиня Зубова, род. 1801 г. февраля 25 дня, † 1821 г. апрѣля 27 числа. (Склепъ Зубовыхъ).

Здѣсь повоится тѣло ген.-м. Андрея Иванова Пашкова, род. 21 марта 1793 г., † 5 февраля 1850 г., и супруги его Аделаиды Гавриловны Пашковой,

¹⁾ Надгробная плита безъ надписи.

урожд. графини Моденъ, род. 23 сентября 1803 г., † 8 мая 1844 г. (Склепъ Зубовыхъ).

Дмитрій Андреевичъ Пашковъ, род. 1820 г. апрѣля 12 дня, † 1833 г. ноября 15 дня. (Склепъ Зубовыхъ).

Здѣсь погребено тѣло покойнаго ген.-м. л.-гв. Преображ. полка командира бар. Карла Карловича Пирха, род. 11 марта 1788 г., † 9 января 1822 г. въ городѣ Видзахъ. (Въ саду Инвалиднаго дома).

Ген.-лейт. Даниилъ Петровичъ Полозовъ, род. 1 января 1794 г., † 22 ноября 1850 г.

Здѣсь поконятъ тѣло ген.-лейт. Константина Марковича Полторакаго, род. 21 мая 1782 г., † 15 марта 1858 г.

Ген.-м. Левъ Ивановичъ Потаповъ, род. въ 1773 г. февраля 18 дня, † 1831 г. ноября 10 дня. (Нижн. цер. В. Х.).

Вдова ген.-м. Потапова, Александра Петровна Потапова, урожд. графиня Грохольская, род. 1786 г. сентября 30, † 1848 г. іюля 30. (Нижн. цер. В. Х. была на кладбищѣ).

Александръ Николаевичъ Потаповъ, ген.-ад., ген. отъ кав., шефъ Рижскаго драгунскаго полка, членъ государств. и военнаго совѣтовъ, род. въ Москвѣ въ 1772 г. октября 28, † въ Петербургѣ 1847 г. марта 5-го. „Настанетъ день!“...

Дѣйств. т. сов. Александръ Михайловичъ Потемкинъ, род. 1787 года 30 января, † 1872 г. 19 іюня, на 85 году. (Нижн. цер. В. Х.).

Татьяна Борисовна Потемкина, † 1 іюля 1869 г., на 74 году отъ рожденія. (Нижн. цер. В. Х.).

Дежурный ген. главнаго морскаго штаба его имп. вел. флота, вице-адмиралъ росс. и иностранныхъ орденовъ кав. Макарь Ивановичъ Ратмановъ, род. въ Торощѣ 17 іюня 1772 года, † въ Петербургѣ 21 декабря 1833 г. Въ службѣ находился 50 лѣтъ.

Оберъ-егермейстеръ гр. Гавріилъ Карловичъ Ромондъ Моденъ, род. въ Парижѣ 17 октября 1774 г., выѣхалъ изъ Франціи въ 1793 г. и вступилъ въ томъ же году въ російскую службу, въ коей прослужилъ 40 лѣтъ; † 11 мая 1833 г. (С. бог.).

Здѣсь почіетъ прахъ фрейлины дѣвицы графини Екатерины Алексѣевны Салтыковой, род. 1778 г. генваря 29 дня, † 1817 г. іюня 21 дня.

Здѣсь погребено тѣло Василія Михайловича Самойлова, † 11 іюля 1839 г., на 58 году отъ рожденія.

Екатерина Ивановна Сорокина, вдова инж.-ген., род. 30 сентября 1790 г., † 3 іюля 1870 г.

Здѣсь погребено тѣло двора его имп. вел.—ва кам.-юнк., надв. сов. и кав. Емануила Аванъевича Струкова, род. 1795 г. мая 17 дня, † 1825 г. февраля 13 дня. (С. бог.).

Княгиня италійская графиня Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, род. 4 марта 1811 г., † 26 октября 1867 г.

Кн. италійскій, гр. Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій, род. 1 іюля 1804 г., † 31 января 1882 г.

Николай Семеновичъ Сулима, бывшій ген.-губернаторъ восточной и западной Сибири, род. 1777 г. декабря 12, † 1840 г. октября 21.

Ген.-м. Алексѣй Васильевичъ Тегловъ, род. 9 марта 1791 г., † 14 іюля 1864 года.

Здѣсь погребено тѣло флота капитана 2-го ранга и кав. Александра Егоровича Титова, род. 1782 г. 28 сентября, † 1826 г. 6 октября. Житія его было 44 года и 9 дней.

Гр. Андрей Андреевичъ Толстой, род. въ июлѣ 1771 г., † февраля 8 1844 г.

Подъ симъ камнемъ погребено тѣло дѣйств. ст. сов. и камергера графа Варфоломѣя Васильевича Толстого, † 1838 г. апрѣля 22 дня.

Графиня Прасковья Васильевна Толстая, род. 9 сентября 1796 г., † 7 февраля 1879 г.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ Толстой, род. 12 апрѣля 1797 г., † 29 октября 1875 г.

Княг. Екатерина Осиповна Тюфякина, урожд. Хорватова, род. 10 февраля 1777 г., † 6 марта 1802 г. (Склепъ Зубовыхъ).

Марія Θεодоровна Уварова, урожд. княж. Любомирская, род. 1773 г. іюля 16 дня, † 1810 г. марта 15 дня. (С. бог.).

Ольга Алексѣевна Хатова, урожд. Скрыпичина, супруга ген.-лейт. род. 27 декабря 1793 г., † 30 іюня 1873 г.

Кадетъ бывшаго имп. шляхетнаго сухопутнаго корпуса ген.-лейт. Иванъ Ильичъ Хатовъ, род. 6 декабря 1784 г., † 31 октября 1875 г. Служилъ 75 лѣтъ.

Федоръ Францовичъ Хортулари, род. 22 апрѣля 1796 г., † 24 іюля 1876 г., на 81 году отъ рожденія.

Здѣсь покоится прахъ супруги ген.-адъют. и ген. отъ инф. Храповицкаго кавалерственной дамы ордена св. Екатерины Софіи Алексѣевны Храповицкой, урожд. Деденовой, род. мая 9 дня 1786 г., † марта 30 дня 1833 г., на 47 году отъ рожденія.

Здѣсь покоится прахъ ген.-ад., ген. отъ инфант., спб. военнаго ген.-губернатора, члена государств. совѣта и комитета министровъ, предсѣдателя комитета выс. утвержденнаго въ 18 день августа 1814 г., предсѣд. попечит. совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ; орденовъ св. Владимира 1 ст., св. Александра Невскаго, св. Анны 1 ст. съ алмазами и 4 ст. за храбрость, св. Георгія 4 ст. за храбрость, шведскаго меча 1 ст. и прусскаго Краснаго Орла 2 кл. за достоинство кав., имѣющаго знаки отличія прусскаго желѣзнаго креста, серебряныя медали въ память 1812 и 1814 гг. и знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ—Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, род. 1784 г. августа 9 дня, † 1847 г. октября 31 дня, на 63 году отъ рожденія. Въ память безпредѣльной благодарности отъ супруги его Анастасіи Сергѣевны, урожд. княж. Щербатовой.

Антонъ Степановичъ Чаликовъ, ген.-м. легкой гвард. кав. дивизіи и л.-гв. уланскаго полка командиръ, род. 10 іюля 1754 г., † 28 марта 1821 г., 67 лѣтъ отъ роду. Возобновленъ (памятникъ) гвардейскими уланскими полками въ 1872 г.

Во имя Животворищей Троицы до жизни будущаго вѣка покоится здѣсь преданный прахъ рабы Божіей Анны Васильевны поручицы Чириковой, урожд. Нефедьевой, житія ей было 89 лѣтъ, † 1811 г. декабря 19 дня.

Камергеръ, ст. сов. Антонъ Александровичъ Чичеринъ, † 17 іюля 1871 г., на 92 году отъ рожденія. (За оградю при склепѣ Чичеринныхъ). (Склепъ Чичеринныхъ близъ монастырской трапезы).

Alexandrine, née le 3 février 1789, † le 12 mai 1819 à 10 heures du matin ¹⁾).

Pierre, né le 10 février 1778 ²⁾).

Ген.-ад. ген. отъ кав. Петръ Александровичъ Чичеринъ, род. въ 1778 г. 10 февраля и † 1848 г. 27 декабря, въ 10^{3/4} часовъ пополудни, отъ роду ему было 70 лѣтъ.

Гвардіи капитанъ-поручица Елена Васильевна Шереметева, урожд. княж. Голицина, род. 10 мая 1770 г., † 3 января 1852 г.

Министръ народнаго просвѣщенія тайн. сов. кн. Ширинскій-Шихатовъ, род. 15 ноября 1790 г., † 5 мая 1853 г.

Вдова ген.-лейт. Елисавета Егоровна Шкуринна, род. 12 іюля 1794 г., † 31 декабря 1867 г.

Ген.-лейт. Александръ Сергѣевичъ Шкуринъ, род. 1 августа 1783 г., † 26 ноября 1851 г.

Дѣйств. тайн. сов. кн. Сергій Григорьевичъ Щербатовъ, † 27 марта 1855 г., на 76 году отъ рожденія.

Подъ симъ камнемъ поконится прахъ ст. сов. и кав. Θεодора, Моисеева сына, Яворскаго, бывшаго главнымъ директоромъ полиціи и исправлявшаго должность штатдт-физика, окончившаго жизнь свою на 45 году отъ рожденія въ 1828 г. въ маѣ мѣсяцѣ.

Здѣсь поконится тѣло кол. сов. и кав. Андрея Васильевича Яковлева, управляющаго ораніенбаумскимъ дворцовымъ правленіемъ съ городомъ. Род. 30 ноября 1767 г., † 29 марта 1823 г., на 56 году отъ рожденія.

Дѣйств. ст. сов. и разныхъ орденовъ кав. Θεодоръ Андреевичъ Яковлевъ, служившій въ л.-гв. Преображенскомъ полку полковн. и старшимъ адъютантомъ Главнаго штаба его имп. вел., род. февраля 16 дня 1796 г., † апрѣля 22 дня 1837 г. (Склепъ Янушкевича близъ восточной стѣны трапезной церкви).

Екатерина Петровна Янушкевичъ, рожд. Желтухина, род. 13 января 1799 г., † 7 февраля 1831 г.

Николай Игнатьевичъ Янушкевичъ, отставной кап. гвардіи, род. 1 декабря 1798 г., † 30 декабря 1878 г.

Сообщ. П. П. Каратыгинъ.

¹⁾ Александра, род. 3 февраля 1789, † 12 мая 1819, въ 10 часовъ утра.

²⁾ Петръ, род. 10 февраля 1778 г.

АРХИМАНДРИТЪ ИГНАТІЙ МАЛЫШЕВЪ,
НАСТОЯТЕЛЬ СЕРГІЕВСКОЙ ПУСТЫНИ,
СОСТАВИТЕЛЬ ПРОЕКТА ХРАМА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
НА МѢСТѢ СОВѢТІЯ 1-ГО МАРТА 1881 Г.

Кладбище при Спасо-Преображенской придворной церкви, въ Стрѣльнѣ.

Эта небольшая деревянная церковь, скромной сельской архитектуры, расположена на горѣ, въ довольно живописной мѣстности. Въ ея оградѣ находится нѣсколько памятниковъ, надъ останками лицъ, нѣкогда пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ цесаревича Константина Павловича. Посѣтивъ это кладбище прошедшимъ лѣтомъ, мы сочли не лишнимъ списать эпитафій, въ виду того, что два или три монумента, съ которыхъ уже сорваны мѣдные листы съ надписями, служатъ поруками, что та-же участь угрожаетъ, конечно, и остальнымъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

У восточной стѣны:

На семь мѣстѣ покоится прахъ раба Божія Дмитрія Дмитріевича графа Куруты, ген. отъ инф., всѣхъ російскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кав., † марта 13 дня 1833 г., на 63 году отъ рожденія.

У южной стѣны:

Подъ симъ покоится состоявшій при его имп. выс.—въ государѣ цесаревичѣ велик. князѣ Константиѣ Павловичѣ, ген.-м. Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ, орденовъ російскихъ—св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени большого креста, св. Анны 1-го класса, украшеннаго алмазами, св. Георгія 4-го кл.; иностранныхъ—2-й ст. австрійскаго Леопольда, прусскаго Краснаго Ора, баварскаго военнаго ордена Максимилиана и прусскаго „за достоинство“ кав.; имѣлъ двѣ золотыя шпаги—одну съ надписью: „за храбрость“, а другую—алмазами украшенную; медали—серебряную и бронзовую, установленныя въ память 1812 г., и прусскій знакъ отличія Желѣзнаго креста за сраженіе при Кульмѣ.—Его имп. выс.—во государѣ цесаревичѣ въ признательность отличной его службы и искренней преданности къ его особѣ соорудилъ ему сей памятникъ.

Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи конной роты поручикъ Эдуардъ Пелисье, род. 18 апрѣля 1807 г., † 29 августа 1828 г. Жилъ 26 лѣтъ, 4 мѣсяца и 11 дней.

Подъ симъ камнемъ погребено тѣло служившаго при дворѣ въ Бозѣ почившаго государя цесаревича Константина Павловича, метрдотеля 6 класса Ивана Петровича Матонъ (е), † іюля 4 дня 1833 года. Житія его было 85

лѣтъ, 1 мѣсяцъ и 7 дней. Въ уваженіе его долговременной и безпорочной службы, его имп. вел—ство государь императоръ Николай Павловичъ повелѣть соизволилъ: похоронить сей прахъ при сей соборной церкви.

Подъ камнемъ симъ покоится х. гв. конной артиллер. фельдфебель Петръ Кондратьевъ сынъ Рудаченко, поступившій въ службу Полтавской губерніи, Зенковскаго повѣта, села Млинова, изъ экономическихъ крестьянъ 1798 г., въ х. гв. конную артиллерию 1800 г., находился въ походахъ и неоднократныхъ сраженіяхъ противу французскихъ войскъ 1805 г. въ Австріи и въ 1807 г. въ Пруссіи, и за оказанную въ сраженіи подъ городомъ Фриландомъ отличную храбрость и расторопность всемилоостивѣйше награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена, а сего 1811 г. мая 1 дня, во время ученія, оторвало у него пушечнымъ выстрѣломъ обѣ руки, по каковому несчастному случаю оставленъ отъ службы со всемилоостивѣйшимъ награжденіемъ фельдфебельскаго чина и пенсіономъ полнаго жалованья; на 21 день онъ же отъ сея болѣзни на 39 году отъ рожденія своего умре. Его имп. выс—ство государь цесаревичъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, отдавая всю справедливость ревности и усердной службы его, храбрости, отличному поведенію и мужеству въ терпѣніи въ настоящемъ его случаѣ, въ знакъ признательности и уваженія соорудилъ ему сей памятникъ.

Сообщ. П. П. Каратыгинъ.

30 августа
1884 г.

КНЯЗЬ ВИКТОРЪ ИЛЛАРИОНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Мнѣніе его о сбереженіи лѣсовъ въ Россіи

1876.

Зимою 1876 года, по мысли бывшего тогда министромъ государственныхъ имуществъ графа П. А. Валуева, была образована, по Высочайшему повелѣнію, особая коммисія для разсмотрѣнія вопроса о мѣрахъ къ огражденію лѣсовъ отъ истребленія. Я состоялъ членомъ этой коммисіи со стороны министерства финансовъ и наравнѣ съ прочими членами горячо сочувствовалъ мысли предотвратить законодательнымъ порядкомъ полное уничтоженіе лѣсовъ; развивающееся съ неимоверною быстротою и представляющее безусловно гибельнымъ въ климатическомъ, сельскохозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Для большаго уясненія лѣснаго вопроса мнѣ хотѣлось узнать мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, къ которымъ я питалъ особое уваженіе. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ покойный князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ, проживавшій въ то время въ Москвѣ. Я послалъ ему имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи данныя и былъ порадованъ собственно-ручнымъ письмомъ князя слѣдующаго содержанія:

Присланный мнѣ вами проектъ положенія о сбереженіи лѣсовъ, составленный въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, былъ уже мнѣ извѣстенъ.

Въ виду состоянія, въ какомъ находится та мѣстность, которая больше всего нуждается въ мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ, положеніе это мнѣ кажется недостаточнымъ и въ нѣкоторомъ отношеніи недостигающимъ цѣли. Я говорю о черноземной полосѣ средней и южной Россіи.

На основаніи трехъ пунктовъ перваго параграфа и въ особенности пункта b., всѣ лѣса, доселѣ сохранившіеся въ этой части Россіи, поступаютъ въ разрядъ имѣющихъ государственное значеніе, что вполне согласно съ дѣйствительностью. Поэтому вся вторая статья разсматриваемаго нами положенія до этой мѣстности не относится.

Что касается ограниченій, которымъ должно подлежать здѣсь пользованіе лѣсными угодіями, то мнѣ кажется, что прежде всего нужно окончательно

возбранить всякія расчистки, не дозволяя ихъ ни въ какихъ размѣрахъ, по отношенію къ общей площади лѣсной дачи, потому что дальнѣйшее уменьшеніе пространства, занятаго здѣсь лѣсомъ, терпимо быть не можетъ, а слѣдовало бы скорѣе озаботиться пріисканіемъ мѣръ къ возобновленію лѣсонасажденія, тамъ, гдѣ оно сведено.

Опредѣленіе постоянныхъ выборочныхъ рубокъ тождественно узаконенію лѣсоистребленія.

Во-первыхъ, подобныя рубки не будутъ подлежать никакому контролю, потому что таковой невозможенъ.

Во-вторыхъ, такого рода хозяйничаніе всегда влечетъ за собою медленное, но вѣрное уничтоженіе лѣсонасажденія, потому что въ такихъ дачахъ возобновленіе лѣса посредствомъ молодой поросли немыслимо; когда послѣдніе перестойныя деревья будутъ срублены, у насъ окажется пустырь съ посохшими пнями.

Въ-третьихъ, такое распоряженіе нарушаетъ всѣ права собственности, потому что, разрушая однѣ лишь выборочныя рубки сухихъ и перестойныхъ деревьевъ, правительство лишаетъ собственника возможности извлекать изъ лѣса своего какой-либо доходъ.

Слѣдовательно это будетъ совершенно напрасное и бесполезное стѣсненіе.

Сохранять лѣсъ можно только правильно веденнымъ хозяйствомъ, т. е. производя сплошныя вырубкі въ извѣстныхъ ежегодно размѣрахъ и по назначеннымъ направленіямъ и принимая мѣры къ тому, чтобы сведенные участки вновь покрывались молодою порослью и чтобы лѣсонасажденіе постоянно такимъ образомъ возобновлялось. Другого средства къ прочному сохраненію лѣсовъ не имѣется.

Опредѣленіе, что сплошными вырубками можетъ быть ежегодно сводима $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ доля всей лѣсной площади, совершенно голословно. Это не можетъ зависѣть отъ произвола, а должно быть подчинено законамъ природы, по которымъ одни лѣсныя породы достигаютъ зрѣлости въ 30 лѣтъ, а другія только въ 70 и болѣе. Наконецъ, эта пропорція можетъ быть различна, смотря по тому, какого рода хозяйства будетъ принято въ данной дачѣ.

Для чего перерубы не болѣе $\frac{1}{10}$ доли дозволеннаго размѣра рубки прощаются, мнѣ не понятно.

Предоставленіе надзора за исполненіемъ Положенія мѣстными земскими учрежденіямъ мнѣ кажется практичнымъ, въ особенности потому, что иныхъ органовъ для дѣйствительнаго осуществленія такого надзора у насъ не имѣется. Но мнѣ кажется, что по специальности этого дѣла земству необходимо содѣйствіе лицъ, научно знакомыхъ съ лѣсоводствомъ, а такими помощниками могли бы быть лѣсничіе вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Штрафами можно, конечно, понудить нерадивыхъ, но мнѣ казалось бы, что въ отношеніи такихъ владѣльцевъ, которые будутъ упорно противиться исполненію, слѣдовало бы принимать болѣе дѣйствительныя мѣры.

Въ проектѣ Положенія ничего не сказано объ обязательности караула, о пастбищѣ скота и косищѣ травъ по лѣсамъ; между тѣмъ это все составляетъ весьма важную статью въ дѣлѣ сбереженія и сохраненія лѣсонасажденія.

Въ настоящее время лѣсонстребленіе составляетъ всеобщій недугъ и сказать кто именно подвизается на этомъ поприщѣ съ наибольшимъ успѣхомъ—трудно; несомнѣнно только то, что крестьянскія общества исполняютъ такого рода подвиги быстрѣе и безтолковѣе другихъ владѣльцевъ.

Если ограничиться теперь поощрительными мѣрами, въ надеждѣ вызвать лѣсовладѣльцевъ по введенію у себя какого либо организованнаго хозяйства, то послѣдніе слѣды лѣсонасажденія исчезнутъ съ лица земли русской, прежде чѣмъ водворится какой либо въ этомъ дѣлѣ порядокъ.

Косвенныхъ мѣръ къ поднятію доходности лѣсныхъ дачъ я не знаю; а знаю только одно средство и то прямое,—это трудъ самого владѣльца. Пока онъ будетъ упорствовать на томъ, что трудиться ему не подобаетъ, доходы съ лѣсовъ будутъ доставаться не владѣльцу, а съемщику-кулаку, а помѣщикъ попрежнему будетъ утѣшать себя лживыми возгласами о невозможности всякаго на Руси хозяйства.

Если коммисія имѣетъ въ виду составить законо-проектъ по этому вопросу, общій для всей Россіи, то она врядъ ли достигнетъ полезнаго результата. При тѣхъ рѣзкихъ особенностяхъ, какими отличаются различныя мѣстности и края нашего обширнаго отечества, въ каждомъ изъ нихъ потребуются принятіе особыхъ мѣръ; въ одномъ расчистки будутъ необходимы, въ другомъ будетъ достаточно сохранить наличное лѣсонасажденіе, въ третьемъ придется разводять вновь плантаціи. Общюю мѣрою можетъ быть только обязательное введеніе правильнаго хозяйства; составленіе же тѣхъ правилъ, какія будутъ требоваться въ каждой отдѣльной мѣстности, можетъ быть съ успѣхомъ соображено только на мѣстѣ, единственнымъ компетентнымъ въ такомъ дѣлѣ институтомъ—земскими собраніями.

Извините меня, что я заболтался и можетъ быть вамъ и надоѣлъ; но дѣло это занимаетъ меня уже такъ давно, что я не могъ отказаться отъ представившагося случая, чтобы высказать свое вѣрованіе.

Примите увѣреніе и проч.

Первая страница письма украшена литографированною крупною, синею буквою В, выходящею изъ плуга, эмблемы сельскаго хозяйства, которому князь посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, и помѣчена „Москва. Марта 9 дня 1876 года“.

Мысли, высказанныя княземъ Викторомъ Иларіоновичемъ по поводу лѣсонстребленія, нисколько не утратили своего значенія, тѣмъ болѣе что пока не принято еще никакихъ мѣръ для предупрежденія этого государственнаго бѣдствія и составленный коммисіею проектъ глѣветъ съ 1876 года въ одной изъ многочисленныхъ петербургскихъ канцелярій.

Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г.¹⁾.

Всего пожертвованій на возобновленіе сего памятника поступило, какъ то было объявлено въ іюньской книгѣ «Русской Старины» изд. 1885 г.—1889 рублей.

Долгомъ считаемъ сообщить, что изъ этой суммы восемьсотъ руб. (800 р.) выдано бронзовыхъ дѣлъ мастеру А. Н. Соколову подъ его росписки. Въ мастерской г. Соколова (Каменноостровский проспектъ, домъ Опекушина) исполняется этотъ памятникъ по проекту профессора М. А. Щурупова и исполняется весьма удовлетворительно.

По условію, заключенному М. И. Семевскимъ съ А. Н. Соколовымъ 9-го марта 1885 г. и подписанному какъ ими, такъ М. А. Щуруповымъ и А. М. Опекушинымъ—г. Соколовъ обязанъ былъ исполнить заказъ къ 25-му іюня 1885 г., но памятникъ, къ величайшему сожалѣнію—еще не готовъ: остановка главнымъ образомъ за барельефами. Академикъ А. М. Опекушинъ, весьма обязательно принявшій на себя безмездно лѣпку барельефовъ къ памятнику, таковую еще не исполнилъ за недосугомъ; но, нѣтъ сомнѣнія что уважаемый и высоко талантливый художникъ сдѣлаетъ свое дѣло и, какъ всегда, превосходно. Я. А. Брусовъ, пожертвовалъ гранитный пьедесталь подъ памятникъ, таковой на мѣсто доставилъ 20 іюня.

Каменные работы, т. е. фундаментъ и сводъ подъ памятникъ, исполнены М. А. Щуруповымъ и въ счетъ суммы за нихъ (143 руб.) уплачено 50 руб. П. Н. Собенниковъ приготовилъ безмездно рѣшетку къ памятнику, которую и предполагаетъ скоро доставить.

Затѣмъ остается на лицо изъ собранной на памятникъ Волинскаго, Хруцова и Еропкина суммы 1034 р., изъ которой, по постановкѣ памятника окончательно на мѣсто и по совершенномъ его изготовленіи съ барельефами и проч., надлежитъ будетъ уплатить мастеру Соколову 800 р. въ дополненіе къ полученнымъ уже имъ 800 р., остальные деньги пойдутъ за каменные работы и проч. Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль, стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228; май, стр. 448; іюнь, стр. 663.

тый издателями «Русско-Ливонскихъ актовъ»; между тѣмъ вопросъ о степени достоверности грамотъ весьма основательно и убедительно разсмотрѣнъ въ означенной статьѣ проф. Васильевскаго, который прилагаетъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ относительно ихъ происхожденія (стр. 152—171). Не видимъ мы также надобности отступать отъ общепринятаго правосясанія имени Гедимина (у автора вездѣ Гедиминъ, какъ и въ первомъ изданіи).

Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства Н. Дашкевича. 192 стр. Кіевъ, 1885 г. Ц. 1 р. 25 к.

Замѣтки эти вызваны трудомъ г. Антоновича: «Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго» и помѣщались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на страницахъ «Университетскихъ Вѣстий»; однако вышли пространнѣе самой книги. Въ своихъ замѣчаніяхъ на эту послѣднюю, рецензентъ такъ спазать, слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ и нерѣдко существенно дополняетъ его изслѣдованіе. Рецензентъ снабдилъ свои замѣчанія весьма обстоятельными свѣдѣніями литературы по каждому вопросу; иногда ставитъ новые вопросы, а въ общемъ даетъ довольно полную картину разсматриваемаго періода, въ особенности въ тѣхъ отдѣлахъ, которые онъ считаетъ необходимыми осветить новыми фактами. Содержаніе его изслѣдованія раздѣляется на слѣдующія главы: 1) Очеркъ изученія литовско-русской исторіи; 2) Литва и Русь до впаденія Гедимина; 3) Завоеваніе южной Руси литовцами; 4) Сближеніе литовцевъ и русскихъ; вліяніе русскихъ началъ на строй Литовско-русскаго государства; 5) Воряба культуръ и народно-эстетъ въ Литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшою; 6) Люблинская унія и ея послѣствія. Въ предлагаемыхъ очеркахъ авторъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на общитія литовскихъ князей въ собранію русскихъ земель, согласовавшихся съ стремленіемъ самаго русскаго народа, и на успѣха Польша овладѣть южнорусскими землями и воспользоваться приобритеніями Литвы подъ видомъ уніи съ нею.

Новыя изслѣдованія по исторіи московскаго періода.

Цѣль настоящей замѣтки—обратить вниманіе на очерки вопросовъ изъ русской исторіи, еще мало затронутыхъ въ нашей литературѣ, тѣмъ болѣе заслуживающіе вниманія, что она составлена на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Мы разумѣемъ изслѣдованія Д. В. Цвѣтасва: 1) Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода и 2) Генералъ Николай Вауманъ и его дѣла (изъ жизни московской Ново-Иноземской слободы въ XVII вѣкѣ), напечатанныя первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1884 г.) и нынѣ вышедшія отдѣльно. Въ первой изъ монографій помѣщены статьи: 1) бракъ Маріи Владиміровны съ Магнусомъ датскимъ; 2) Сватовство Грознаго за Марію Гастингъ; 3) Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи; 4) Сватовство Михаила Теодоровича за шлезвигъ-годштинскую принцессу Доротею-Августу; 5) Сватовство Михаила Теодоровича за Екатерину, маркизанию Бравденбургскую, и 6) Дѣла Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны. Во второмъ очеркѣ описаны характерный эпизодъ изъ жизни иноземной слободы и иностранцевъ въ Россіи передъ реформою Петра. Для этихъ очерковъ авторъ пользовался, кроиъ печатныхъ русскихъ и иностранныхъ извѣстій, рукописями московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ и португальми Миллера въ бібліотекѣ того же архива. Обратимъ при этомъ вниманіе на то, что авторъ готовитъ болѣе обширный трудъ «Исторія протестанства въ Россіи до Петра Великаго», съ отдѣльнымъ сборникомъ памятниковъ къ исторіи протестанства. Очерки изъ этого весьма любопытнаго труда были отчасти помѣщены имъ уже въ Журн. мн. народа. пров. 1883 г. (положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра В.) и «Русск. Вѣстникѣ» 1883 г. (Протестанство въ Россіи въ правленіи Соѳіи). Въ своихъ статьяхъ авторъ дѣлаетъ также существенныя поправки въ соч. И. Соколова: «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв.» (М. 1880 г.), интересному по многимъ вопросамъ, затронутымъ этими послѣдними, но страдающимъ значительными недостатками въ ихъ разработкѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересилкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый. АВГУСТЪ. 1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Тайная канцелярія въ царство- ваніе Петра I. Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ, 1720— 1724 гг. Сообщ. Н. М. В.	185	VI. Николай Ивановичъ Пироговъ въ Севастополѣ въ 1854—1855 гг.: его письмо къ доктору Зейдлицу, 19-го марта 1855 г. Сообщ. Н. Ф. Здекауеръ	289
II. Холера въ Малороссіи въ 1830— 1831 гг. Очеркъ по документамъ мѣстнаго архива. Сообщ. Д. Д. Алшаруновъ	209	VII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, 1844 г. Сообщ. А. В. Смирн—вн.	307
III. Записки И. К. Мердера, воспитате- ля цесаря Александра Николае- вича, 1824—1834 гг. Гл. VIII	223	VIII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг.	313
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ	239	IX. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія пра- вительства въ 1799 г.	337
V. Подъ Севастополемъ въ 1853— 1856 гг. Записки воеводы бывш. нач. партиз. шарковъ-ложной и крым- ской арміи, г.-м. Л. Г. Духовина.	255	X. Библиографическій листокъ (на оберткѣ). Сообщ. профес. В. С. И—вн.	

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.
Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

„СЛОВО и ДѢЛО“, очерки и рассказы М. И. Семевского, изъ эпохи Петра
Великаго; изданіе третье, съ рисунками пытокъ. Цѣна два руб. съ перес.
„ДАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕНСЪВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“, 1690—1724 гг.,
историческій очеркъ М. И. Семевского, съ портретами и рисунками.
Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шавловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археогр. комиссіи. Т. I, Спб., 1884, 1286 столб., п. 3 р. Т. II, 1885 г., 846 столб., п. 2 р.

Еще въ 1837 г. императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на хранящіеся въ оружейной палатѣ запечатанныя ящики съ подлиннымъ дѣломъ розыскаго приказа о Шавловитомъ, разсмотрѣніе котораго было поручено Д. Н. Блудову; между тѣмъ послѣдній узналъ, что въ собраніи историческихъ памятниковъ гр. М. Ю. Вяземскаго есть бумаги, относящіяся къ тому же дѣлу и которыя впоследствии оказались частію этого послѣдняго. Съ 1844 г. означенныя свитки находились въ Археогр. комиссіи, гдѣ и пользовались ими Н. Г. Устряловъ (Ист. Петра В.), С. М. Соловьевъ, Н. Я. Аристовъ (Московскія смуты въ правл. ц. Софій, Варш., 1875, съ обширн. извлеч. изъ дѣла), М. П. Погодинъ (Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра В., М., 1875). Комиссія же могла приступити къ возложенному на нее порученію лишь тогда, когда бумаги гр. Вяземскаго перешли въ собственность кн. А. И. Барятинскаго, а потомъ къ кн. В. И. Барятинскому, сдавшему ихъ, вмѣстѣ со своею бібліотекою, на храненіе въ московскій публичный и румянцеваго музей, откуда уже онѣ были отосланы для разбора въ комиссію, въ 1881 г. Все изданіе этихъ матеріаловъ распределено на три тома, изъ которыхъ два вышли недавно въ свѣтъ. Приведеніе въ порядокъ и изданіе документовъ возложено было на А. Н. Труворова. Матеріалы эти, въ ихъ полномъ видѣ, проливаютъ новый свѣтъ на многія частности знаменитаго процесса и вмѣняютъ выводы, основывавшіеся прежде даже на такихъ, заслуживающихъ довѣрія, источникахъ, какъ напр. дневникъ Гордона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящее дѣло освѣщаетъ равныя стороны общественнаго и домашняго быта; въ дѣло вошла также частная переписка лицъ, причисленныхъ къ процессу. Въ томъ же дѣлѣ можно найти много матеріаловъ, относящихся къ біографіи известнаго Сильвестра Медвѣдова. Въ I т. приложена снимокъ съ (жоніи) современнаго портрета царицы Софіи, надѣлававшая много хлопотъ сторонникамъ послѣдней. Царица—изображенъ

въ коронѣ со скипетромъ въ рукахъ, съ опечатавшимся вокругъ портрета титуломъ и съ аллегорическими изображеніями ея достоинствъ и добродѣтелей.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ XLII-й,—XLII, стр. 497; т. XLIII, стр. 636; т. XLV, стр. 623; т. XLVII, стр. 505. Спб. 1885. Ц. по 3 руб. за каждый томъ.

Въ 1885 г. появился цѣлый рядъ томовъ этого, заслуживающаго полнаго уваженія русскіхъ историковъ, изданія, и печатается, какъ видно изъ послѣдняго отчета общества, такой же рядъ новыхъ томовъ.

Изданные томы отчасти служатъ продолженіемъ прежнихъ документовъ, отчасти дополняютъ ихъ, отчасти же составляютъ новое собраніе. Такъ, томъ 41-й «Сборника» посвященъ дипломатическимъ сношеніямъ Московскаго Государства съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціей (т. I-й) въ періодъ съ 1474—1505 годъ, изданнымъ подъ ред. Г. Ѳ. Карпова. Матеріаломъ для изданія этого тома послужили посольскія книги Московск. главнаго арх. мун. иностранн. дѣла, такъ наз. дѣла крымскія и нагайскія; но въ этихъ книгахъ записаны также иполніи и первая сношенія московскаго правительства съ Турціей и Казанью—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что дипломатическія сношенія съ Золотою и Казанскою ордами записывались въ особыя книги, которыя не дошли до насъ. Однако же, по замѣчанію издателя, и дошедшіе до насъ крымскія и нагайскія дѣла не только даютъ понятіе о содержаніи этихъ утраченныхъ документовъ, но и определяютъ какъ всѣ событія, такъ и дипломатическую систему, съ помощію которой Ивану III удалось совершить великое дѣло освобожденія Россіи отъ монгольскаго ига. Съ изданіемъ этого тома «Памятниковъ», въ связи съ изданными въ 1882 г. (Сборникъ, т. XXXV) дипломатическими матеріалами сношеній Московскаго Государства съ Польско-Литовскими и I томомъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Римскою имперіею» (1487—1533), вышедшимъ въ изданіи II отд. Е. И. В. канц. 1851 г., русскіе историки рѣшаютъ всѣми посольскими книгами, сохранившимися отъ времени Ивана III.

Русскіе историки, начиная съ князя

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I.

Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

I.

Яковъ Орловъ.

1720 — 1724.

Въ городѣ Ярославлѣ, у подъячаго губернской канцеляріи Ларіона Иванова проживалъ «лекарскій сынъ, изъ г. Нарвы, шведской природы» Яковъ Орловъ. По взятіи русскими войсками Нарвы, когда Орловъ былъ еще «въ малыхъ лѣтахъ», одинъ солдатъ отдалъ его дворянину Юрію Замытскому. «И тотъ Замытскій,— по словамъ Орлова,— отослалъ его въ вотчину свою, въ Переяславль-Залѣскій уѣздъ, къ женѣ своей; и у той Замытскаго жены жилъ онъ, Орловъ, два года, и крещенъ въ христіанскую вѣру и учился грамотѣ; а Замытскій де на службѣ умре; а жена его потомъ Орлова отдала отцу своему Глѣбу Матаѣеву, сыну Полозову, въ Костромской уѣздъ, въ сельцо Новое; и жилъ онъ, Орловъ, у него, Полозова, недѣли съ двѣ, а Полозовъ отдалъ его, Орлова, Ярославскому подъячему Ларіону Иванову, у котораго онъ былъ въ служеніи,—также и въ приказѣ по его, Ларіонову, велѣнію онъ, Орловъ, писывалъ,—а подъячимъ не былъ».

Въ іюлѣ 1717 г. Ларіонъ Ивановъ губернской канцеляріи донесъ, что отшедшій отъ него, нѣсколько времени тому назадъ, Яковъ Орловъ, «явился подозрителенъ». Вслѣдствіе этого онъ, Ивановъ, «взявъ Якова за карауломъ», пошелъ съ однимъ солдатомъ во дворъ, гдѣ проживалъ Яковъ, «и осмотрѣлъ въ чуланѣ два подголовка не запертые, порожніе, да три лошади, да сундукъ съ платьемъ; и спросилъ-де его, гдѣ онъ тѣхъ лошадей взялъ, и что-де въ подголовкахъ было и куда выбрано,

и откуда что взято; и онъ-де, Яковъ, сказалъ, что-де тѣхъ лошадей купилъ онъ нынѣ на Макарьевской ярмаркѣ, и платье дѣлалъ и купилъ на свои деньги,—и въ томъ-де призналъ онъ, Ларіонъ, его, Яковлева, воровство, что у него такого пожитку и денегъ, какъ онъ, Яковъ, жилъ у него, Ларіона, не было, и отвель его, Якова, въ канцелярію къ допросу». Послѣ этого взявъ троицъ урядниковъ, служащихъ при канцеляріи, Ивановъ «сталъ при нихъ обыскивать на дворѣ: нѣтъ ли у него, Якова, какихъ причинныхъ вещей; и сталъ спрашивать того-жъ двора жильцовъ, куда онъ, по взятѣ въ канцелярію, приходилъ? И того двора, Спасова монастыря, деревни Тереховой, крестьянскій малый Иванъ Никитинъ сказалъ ему, Ларіону, что-де онъ ходилъ на горничной потолокъ, и онъ, Ларіонъ, послалъ того малаго, да при немъ того же двора жильца Ивана Максимова, велѣлъ имъ на томъ потолокѣ землю рыть и искать—не положилъ ли онъ чего въ землю; и, искавъ, нашель онъ, Ларіонъ, въ землѣ денегъ шесть мѣшковъ вапримѣръ будетъ, и оныя не завязаны, только-де изъ нихъ у одного мѣшка вязка и печать помята; и запечатавъ тѣ мѣшки своею печатью, при нихъ, урядникахъ и жильцахъ, поставилъ караулъ».

Орлова вытребовали въ губернскую канцелярію, привели въ застинокъ и стали разспрашивать объ обстоятельствахъ, указанныхъ въ доносѣ Ларіона Иванова.

Орловъ объяснилъ, что во время службы его въ губернской канцеляріи, однажды, задумалъ онъ украсть казенныя деньги; съ этою цѣлю сталъ присматривать за счетчикомъ Мошковымъ и выжидать удобнаго случая. Такъ какъ деньги, въ отсутствіе счетчика, находились «въ коробкѣ» запертыми и за его печатью, то Орловъ заказалъ предварительно сдѣлать такую же печать, какая была у счетчика, и подобралъ къ коробкѣ ключъ. Улучивъ время, когда въ канцеляріи никого не было, кромѣ дежурнаго солдата, Орловъ послѣдняго отослалъ за вѣлкой, а самъ «вынялъ денежной казны восемь мѣшковъ сотенныхъ, цѣлыхъ, да початый мѣшокъ, а въ немъ 40 руб.» Послѣ этого, заперевъ и запечатавъ коробку, онъ снесъ всѣ эти деньги въ домъ, гдѣ жилъ, и положилъ «на банѣ»—а потомъ перенесъ ихъ «въ накрыленный чуланъ въ подголовокъ». Затѣмъ Орловъ началъ дѣлать разныя покупки, какъ то: домъ, дорогое платье, пару лошадей и проч.: давалъ деньги въ долгъ разнымъ лицамъ и вообще тратилъ ихъ безъ разбору; на примѣръ; купилъ себѣ «пуговицы, облитыя золотомъ, перчатки, два платка ручныхъ, бритву, виноходца игренева», за котораго заплатилъ 27 руб., и т. под. При совершеніи кражи денегъ, въ сообщничествѣ съ нимъ никто не былъ и о всемъ этомъ никому ничего не извѣстно. «А при томъ разспросѣ онъ, Орловъ, сказалъ за собою велп-

кое государево слово». Поэтому, «не разыскивая въ означенной кражѣ», губернская канцелярія препроводила Орлова въ Москву, въ преображенскій приказъ, прописавъ о всѣхъ обстоятельствахъ покражи казенныхъ денегъ.

Въ преображенскомъ приказѣ Орловъ показалъ, что за нимъ государево слово есть такое. «Въ 1712 году, будучи онъ у помянутаго Иванова въ домѣ, читалъ псалтирь старой печати при земскомъ дьякѣ Егорѣ Ѳедоровѣ, а читая говорилъ: та-де псалтирь печатана не при нынѣшнемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ», и къ тѣмъ-де его словамъ Егоръ Ѳедоровъ говорилъ объ и. в. непристойныя слова. И Егоръ въ тѣхъ словахъ передъ тѣмъ подъячимъ Ларіономъ не запирался,—и подъячій-де за то билъ ихъ плетью, а въ приказъ не отвелъ.

«Да того-жь-де подъячаго Ларіона человекъ Мокѣй Ивановъ сказывалъ за собой государево слово, и Ларіоновъ-де сынъ сказалъ о томъ отцу своему, и тотъ Ларіонъ того человека спрашивалъ, есть ли за нимъ государево слово; и человекъ-де сказалъ: слова за нимъ иѣтъ, а сказалъ-де сглупа, и тотъ же-де Ларіонъ того человека билъ за то плетью, а въ приказъ не отдалъ же. А въ то время о тѣхъ словахъ не извѣстилъ онъ, Орловъ, боясь того подъячаго, что-бъ не убилъ его до смерти».

Егоръ Ѳедоровъ «съ розысковъ повинился», что, лѣтъ семь или восемь тому назадъ, онъ, дѣйствительно, говорилъ объ и. в. какія-то непристойныя слова.

Затѣмъ все, что сказано въ оговорѣ Орлова, оказалось ложью.

По опредѣленію преображенскаго приказа Ѳедорову «положены зпаки, запятнанъ въ лобъ, и посланъ въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье»; Орловъ же препровожденъ былъ въ Ярославль «къ прежнему дѣлу въ кражѣ денежной казны».

Губернская канцелярія озаботилась, прежде всего, привести въ извѣстность — сколько растрчено Орловымъ изъ украденныхъ имъ 840 руб. казенныхъ денегъ? Въ шести мѣшкахъ, найденныхъ у Орлова, оказалось 565 руб.; возвращены отданные имъ разнымъ лицамъ въ долгъ—125 руб.; за продажу разныхъ вещей Орлова выручено слишкомъ 90 руб.,—итого 780 руб. Слѣдовательно недоставало около 60 руб.; канцелярія задумалась, какимъ бы образомъ деньги эти «доправить»? Она уже рѣшилась прибѣгнуть къ обыкновенному въ то время средству, употребляемому во всевозможныхъ затруднительныхъ случаяхъ, т. е. къ застѣнку и пыткѣ,—какъ получено было «отъ фискальскихъ дѣлъ» извѣстіе, что колодникъ Яковъ Орловъ «въ контору камерирскаго правленія фискалу Алексѣю Никитину подаль три

доношенія—преображенскаго приказа на судей, два въ великомъ государственномъ дѣлѣ, а третье объ отнятїи у него псалтири»¹⁾).

Въ одномъ изъ первыхъ двухъ доношеній было написано, что за сказываніе государева слова онъ, Орловъ, отосланъ былъ въ преображенскій приказъ, который препроводилъ его обратно въ ярославскую канцелярію къ розыску; «и нынѣ, — писалъ далѣе Орловъ, — вашему благородію предъявляю о неправдахъ и понаровахъ многимъ подсудимымъ судей преображенскаго приказа, и даже самаго главнаго судїи кн. Ромодановскаго; о семъ буду я доносить самому ц. в., и буду доносить вѣрно и правдиво; и при немъ, государѣ, оныхъ преображенскихъ судей уличу».

Второе же доношеніе было слѣдующаго содержанія: «по случаю пребыванія его ц. в. въ походѣ, прошу ваше благородіе не посылать моего доношенія, покамѣстъ его в. возвратится изъ похода въ С.-Петербургъ, чтобы мое доношеніе въ Петербургѣ, за отлучкою самаго царя, не было уничтожено, такъ какъ я доношу на преображенскихъ судей—лицъ высокихъ. Къ тому я примѣръ кладу, какъ государь самъ изслѣдовалъ дѣло о бывшемъ ростовскомъ архіереѣ Досифеѣ чисто и правдиво, чего-бы никакъ не учинилось въ преображенскомъ приказѣ, гдѣ скорѣе обвинять самаго доносителя, какъ будто всякій доноситель доносить неправдиво. И къ себѣ я опять примѣръ кладу,—въ словахъ, сказанныхъ мнѣ однимъ старымъ подъячимъ преображенскаго приказа: «тебѣ-де въ этомъ дѣлѣ помощи никакой не будетъ; гдѣ-де тебѣ устоять одному противъ пятерыхъ въ розыскахъ?»

Это было въ 1720 г. декабря 30-го, — а на другой день Орловъ отправленъ былъ въ тайную канцелярію.

Вскорѣ по прибытіи сюда, а именно 10 января 1721 года, когда Орловъ не былъ еще допрошенъ, онъ «объявилъ» новое доношеніе, писанное на имя государя, которое «и вынато изъ его подушки».

— «Въ прошломъ, государь, 1717 году въ ярославской канцеляріи сказалъ я за собою твое государево слово, а именно на ярославскаго подъячаго Егора Ѳедорова, и по тому дѣлу посланъ я былъ въ Москву, въ преображенскій приказъ, гдѣ въ томъ, твоёмъ государевомъ словѣ, розыскивали меня, нижеименованнаго; дали мнѣ три розыска; и давъ мнѣ три розыска, вышписанный отвѣтчикъ Егоръ Ѳедоровъ сказалъ: говорилъ ли или не говорилъ про тебя, государя, такія несносныя непристойныя рѣчи — будто не помнить, и то клонилось будто къ повинкѣ; и послѣ той его, Егоровой, сказки, знатно друзья и наровя ему, Егору,

¹⁾ Этого послѣдняго доношенія при дѣлѣ нѣтъ.

и подъячему Ларіону Иванову, дали мнѣ, именованному, чрезъ твой государевъ указъ еще четвертый розыскъ, не допроса свидѣтелей, на которыхъ я, нижеименованный, слася, и не смотря, что у меня отъ розысковъ подъ плечомъ было порвано; а вышеписанный Ларіонъ Ивановъ къ нему, отвѣтчику Егору Ѳедорову, надобенъ же для того, что онъ, Егоръ, жилъ у него, Ларіона Иванова, и говорилъ такіа непристойныя рѣчи у него, Ларіона, въ домѣ, и я, нижеименованный, про тѣ непристойныя рѣчи доносилъ того-жъ дня, и онъ, Ларіонъ Ивановъ, за то меня, что ему про то доносилъ, билъ конскою толстою плетью смертнымъ боемъ, и повезъ меня, нижеименованнаго, въ усадьбу свою—Бостромской уѣздъ, въ сельцо Никольское; и въ той своей усадьбѣ заперъ меня въ пустой подкльтъ, и сковаль, и приставилъ караулъ кругъ того подкльта съ копьями, и съ бердышами, и съ дубьями,—и державъ подъ карауломъ, билъ меня въ батоги смертнымъ боемъ по спинѣ и по брюху и по бокамъ, — и при томъ битьѣ онъ, Ларіонъ Ивановъ, обходя, билъ тростью не на животъ, а на смерть, и отбивъ, уѣхалъ опять въ Ярославль, а меня оставилъ въ той своей усадьбѣ подъ карауломъ; и я подъ тѣмъ карауломъ держался недѣль 10-ть, и изъ подъ того караула я ушелъ и пришелъ въ Ярославль къ нему, Ларіону, на дворъ, и говорилъ я ему, Ларіону: за что меня такъ мучилъ; и онъ меня Ларіонъ Ивановъ опять сковаль, и, сковавъ, сослалъ ко мнѣ съ тестевымъ своимъ человѣкомъ Андреемъ Тихоновымъ (и далъ) по три раза по пивному стакану вина и велѣлъ пить насильно, и тому человѣку велѣлъ говорить мнѣ, чтобъ я принесъ повинную, будто я такіахъ непристойныхъ рѣчей не слыхалъ, и я повинной не принесъ,— для того, что доносилъ я въ правдѣ, и онъ, Ларіонъ Ивановъ, сошелъ ко мнѣ самъ и билъ меня и увѣчилъ смертельнымъ боемъ, и, аки мертвое тѣло, кинулъ меня въ телѣгу подъ рогожу, и опять послалъ въ усадьбу свою въ село Никольское подъ крѣпкій караулъ съ помянутымъ тестевымъ своимъ человѣкомъ Андреемъ Тихоновымъ, и приказалъ въ той своей усадьбѣ—всѣмъ своимъ людямъ, чтобъ мнѣ писать ничего не давать, чтобъ о томъ къ тебѣ, великому государю, не послалъ бы съ кѣмъ письма; и въ томъ дѣлѣ держался я у него, Ларіона, въ усадьбѣ ровно два года, а онъ въ томъ твоёмъ государевомъ великомъ дѣлѣ въ преображенскій приказъ не сысканъ и не допрашиванъ, и очной ставки со мной никакой не было, не знаю для чего,—и то дѣло слѣдовалось съ 1717 года по 1720 годъ и явилась моя правда, да у него же, Ларіона, сказывалъ за собою человѣкъ его твое государево слово, и онъ его въ приказъ не объявилъ.

«И послѣ того вершеннаго дѣла посланъ я въ Ярославль къ розыску, и при посылкѣ Семеновскаго полку съ солдаты, на дорогѣ гово-

рилъ мнѣ того Семеновскаго полку солдатъ, а какъ того солдата зовуть, не помню, только знаю на лицо, а какъ его зовуть значится въ преображенскомъ приказѣ въ роспискѣ его солдатской, какъ онъ взялъ меня на росписку свезти въ Ярославль, что говорилъ-де ему, солдату, подъячій Ив. Чичеринъ, у котораго подъячаго мое дѣло было: какъ-де вы онаго колодника, Якова Орлова, въ Ярославль привезете, и подъячій-де ярославскій, Ларіонъ Ивановъ, васъ не забудеть: на дорогу дастъ вамъ для того, что онъ-де Орловъ съ нимъ, по дѣлу,—и о томъ о всемъ знатно въ томъ твоёмъ великаго государя въ царственномъ дѣлѣ есть ему, Ларіону, понаровка.

«А сидя я, нижеименованный, въ томъ преображенскомъ приказѣ присмотрѣлъ многія неправды за преображенскими судьями; а именно:

«Какъ ты ц. в. изволилъ быть въ Москвѣ, какъ розыскивалъ ростовскаго архіерея Досифея (въ 1718 г.), написали было колодники Василій Алексѣевъ (Бормать), да Ѳедоръ Афанасьевъ тебѣ, великому государю, доношеніе о всякихъ неправдахъ за преображенскими судьями и многія причины, что будто въ твоихъ великихъ государевыхъ дѣлахъ розыскивали чрезъ твой государевъ указъ, чинили розыски многіе, и отъ тѣхъ лишніхъ розысковъ тѣ доносители померли, а съ отвѣтчиковъ за то брали взятки великія, и тѣхъ отвѣтчиковъ освобождали, и то доношеніе у тѣхъ колодниковъ, колодникъ же Семень Дѣдешинъ скралъ и объявилъ имъ, судьямъ преображенскимъ, и они, преображенскіе судья, противъ того къ тебѣ, великому государю, доношенія призвали Андрея Ушакова, и онъ, Андрей Ушаковъ, тѣхъ вышеписанныхъ колодниковъ допрашивалъ будто отъ тебя, великаго государя, съизнова наизусть, а для чего-бъ съизнова допрашивать у нихъ было, написано въ томъ доношеніи именно какія причины,—а того колодника, Семена Дѣдешина, который то доношеніе скралъ, знатно видя они, судьи, вину свою, послѣ розысковъ повѣсили вскорѣ,—послѣ того не дали ему жить ни одной недѣли, а тѣ-де доносители стояли въ томъ въ правдѣ, и въ томъ померли.

«Еще я, нижеименованный рабъ твой, усмотрѣлъ за ними причины. Города Переяславля Рязанскаго доносилъ тебѣ, великому государю, подъяческій сынъ Андрей Микулшинъ, и стоитъ въ доношеніи своемъ въ правдѣ, и было ему три розыска, да огонь: стоитъ въ одномъ противъ своей сказки; а доносилъ онъ, будто слышалъ онъ отъ какихъ-то людей, что тѣ люди будто говорили, что тебя, великаго государя, хотятъ убить до смерти, а кто хочеть убить, и отъ кого онъ, Андрей Микулшинъ, слышалъ, про то онъ, Микулшинъ, тебѣ, великому государю, скажетъ именно, буде ты, царь государь, возьмешь его, Микулшина, передъ себя, а тѣ люди, кто про такія слова говорили вовсе ли

или не вовсе, только освобождены; и какъ отошли ему, Микулишину, розыски, сослали къ нему, Микулишину, попа исповѣдывать его, Микулишина, къ смерти,—только онъ, Микулишинъ, спорилъ, что напрасно его къ смерти приговариваютъ, и говорилъ ему, Микулишину, попъ, который приходилъ его исповѣдывать, чтобъ сговорить съ тѣхъ, на которыхъ онъ говорилъ; а его, Микулишина, приговаривали къ смерти, и въ томъ его стращали, чтобъ ему съ тѣхъ отвѣтчиковъ сговорить по велѣнію ихъ суей и подъячихъ; а онъ, Микулишинъ, и по нынѣ живъ для того, что къ смерти его приговаривать не зачто; а что попъ исповѣдывалъ его къ смерти, все это его, Микулишина, стращали, чтобъ ему съ тѣхъ отвѣтчиковъ сговорить, знатно въ томъ во всемъ есть отвѣтчикамъ понаровка.

«Да держится жъ его, князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, крестьянинъ Никита Тюкинъ лѣтъ съ 5, и доносилъ онъ на прикащика его въ великомъ твоёмъ государевѣ словѣ, и было ему чрезъ твой государевъ указъ семь застѣнковъ, стоитъ противъ своей сказки въ одномъ, а прикащику не токмо розысковъ,—но и не сысканъ, и очной ставки съ нимъ, прикащикомъ, не было, знатно есть какая измѣна.

«Доносилъ Волконскаго прикащикъ, да города Курска посадскій Иванъ Ѳедосѣевъ на какого-то старца, да дворянина, въ твоёмъ государевѣ царственномъ дѣлѣ, а о чемъ доносили, и какъ тѣхъ отвѣтчиковъ зовутъ, и про то скажетъ вышеписанный курчанинъ Иванъ Ѳедосѣевъ именно; а вышеписаннаго доносителя Волконскаго прикащика запытали и зажгли огнемъ,—розыски ему были; всѣ три розыска и огонь черезъ день, и отъ того умре; и противъ сказки своей стоялъ въ одномъ, и послѣ его, какъ онъ умре, отвѣтчики освобождены безъ наказанія; знатно есть понаровка, и въ томъ неправда.

«О нѣкоторыхъ великихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ доносилъ Москвитинъ посадскій человекъ Иванъ Ивановъ, да и на дяковъ преображенскихъ, и доносилъ князю Ромодановскому, и ему розыски въ томъ шли, а именно четыре розыска, и стоитъ онъ, Иванъ Ивановъ, въ одномъ; а на кого онъ доносилъ есть понаровка, и буде его, Ивана Иванова, изъ подъ караула изъ преображенскаго приказа ты, царь государь, прикажешь взять передъ себя, и онъ о всемъ донесетъ тебѣ, ц. в., и будетъ уличать имянно.

«А се доношеніе тебѣ, ц. в., писалъ въ ярославской канцеляріи подъ карауломъ втайнѣ.

«О всемъ тебѣ, царю государю, доносилъ я въ преображенскомъ приказѣ въ правдѣ, и правда моя сыскалась,—и нынѣ тебѣ, царю, доношу въ правдѣ-жъ».

Въ виду столь важнаго доноса, тайная канцелярія предложила

Орлову пять «вопросныхъ пунктовъ», изъ коихъ послѣднимъ требовалось, чтобы онъ показалъ «самую истину, безъ утайки, опасаясь за ложный извѣтъ лишенія живота». Первымъ изъ упомянутыхъ пунктовъ спрашивали Орлова о его происхожденіи, занятіяхъ и о жизни въ Ярославлѣ; во второмъ о дѣлѣ его съ подъячимъ Егоромъ Федоровымъ, «и по тому дѣлу что чинено неправо и кѣмъ,—и въ томъ дѣлѣ понаровка кому и какая, и отъ кого была». Въ третьемъ пунктѣ канцелярія допрашивала Орлова: «доношеніемъ ты показалъ, что за преображенскими судьями и за подъячими въ царственныхъ великихъ и въ иныхъ дѣлахъ присмотрѣлъ ты многія неправды, и отвѣтчикамъ понаровки; а за княземъ Ромодановскимъ знаешь измѣну не малую; а понеже въ томъ твоёмъ доношеніи о вышеписанномъ, хотя и показано, да скрытно; нынѣ о вышеписанномъ объяви имянно, безъ всякой утайки, и какую за Ромодановскимъ вѣдаешь измѣну, и какъ о томъ и чрезъ кого свѣдалъ?—Ты жъ показалъ,—говорилось въ четвертомъ пунктѣ,—что преображенскихъ судей въ ихъ неправдахъ уличилъ безъ розысковъ, какимъ то образомъ—покажи жъ».

На всѣ эти пункты Орловъ разсказалъ изложенное нами выше и повторилъ о судьяхъ преображенскаго приказа то, что содержится въ вынятомъ изъ подушки доношеніи его къ царскому величеству.

Тайная канцелярія опредѣлила вытребовать «по показанію Орлова дѣла, которыя были въ преображенскомъ приказѣ—въ какой они силѣ и какое по нимъ рѣшеніе учинено», а чрезъ нѣсколько времени присланъ былъ въ канцелярію и подъячій Ларіонъ Ивановъ.

Кромѣ уже намъ извѣстнаго дѣла съ подъячимъ Егоромъ Федоровымъ, Преображенскій приказъ прислалъ выписки еще изъ трехъ дѣлъ, о которыхъ доносилъ Орловъ, какъ о неправильно будто бы рѣшенныхъ въ приказѣ.

1. Города Боровска, мѣщанской слободы, Иванъ Ивановъ донесъ Преображенскому приказу, что онъ извѣщалъ канцелярію земскихъ дѣлъ «объ охраненіи е. и. в. здравія; и морять его въ заключеніи, чтобъ судейское и подъяческое воровство не явно было». Въ разпросѣ же Ивановъ показалъ, что двое боровскихъ посадскихъ людей кричали за собою при бурмистрахъ государево «слово и дѣло», не смотря на это крикуны были освобождены, «и то де знатно, они, бурмистры, вѣдаютъ за собою на е. и. в. умыселъ». Кромѣ того Ивановъ «извѣщалъ на боровскаго подъячаго Алексѣя Скрыпова, будто онъ сказывалъ ему, Ивану, что онъ знаетъ за ландратомъ Потемкинымъ и за комисаромъ Слѣпушкинымъ многія и великія причины государевыхъ дѣлъ и измѣну».

Показаніями всѣхъ оговоренныхъ здѣсь лицъ и свидѣтелей извѣты Иванова не подтвердились.

«Онъ-же, Иванъ, будучи въ Преображенскомъ приказѣ за карауломъ, согласясь съ ворами: Иваномъ Семизоровымъ, Афанасьемъ Шамординымъ, Ильею распопомъ, Васильемъ Борматомъ, Ѳедоромъ Красноселомъ и съ другими, которые по дѣламъ во многихъ воровствахъ кричали государево слово и извѣщали на князя Ѳедора Юрьевича (Ромодановскаго), и на приказныхъ людей во взяткахъ, о чемъ помянутые Красносель, Бормать и распопа распрашиваны порознь въ 1718 году передъ А. И. Ушаковымъ, и по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ они объявили, и ими ворами слѣдовано (а подлинно о томъ показано въ присланныхъ выпискахъ изъ Преображенскаго приказа), а по изслѣдованію приказной несправы и взятки не явилось, о чемъ, по именному е. и. в. указу 1718 года, марта 18 дня, за подписаніемъ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, имъ ворами вѣрить въ томъ не велѣно».

«Изъ тѣхъ колодниковъ Ѳедоръ Красносель, Василій Бормать и другіе, всего пять человекъ, казнены смертію, а три человекъ померли; а иные разосланы въ разныя мѣста».

Въ началѣ 1720 года опредѣленіемъ Преображенскаго приказа, Ивану Иванову велѣно, учиня наказанье, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ водри, сослать на каторгу въ вѣчную работу, что ему и учинено, — а не посланъ для того: послѣ того приговора коснулось до него, по его же извѣтамъ другія важныя дѣла, о чемъ слѣдуется имъ, Иваномъ, и другими колодниками розыскомъ».

2. Крестьянинъ Никита Тюкинъ пойманъ былъ «въ воровствѣ государевыхъ денегъ» и представленъ въ приказъ большой казны. Здѣсь начали его «пытать, и онъ, Тюкинъ, сказалъ за собою государево слово»; Тюкина препроводили на генеральный дворъ, а отсюда въ Преображенскій приказъ.

Однажды упоминаемый выше Ѳедоръ Красносель заявилъ въ приказѣ, что Тюкинъ ему сказывалъ: «извѣщаетъ де онъ на Булавинцевъ и Некрасова на товарищей въ измѣнѣ, которые живутъ въ вотчинѣ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, и онъ де пытанъ пятаю, и по намѣнниковъ не посылаютъ; а при розыскѣ де подъячій Бурминъ научалъ его, Тюкина, съ тѣхъ измѣнниковъ сговаривать, и говорилъ: ежели де онъ не сговорить, сожжетъ де въ уголь, а подъячій де Тебенковъ говорилъ, чтобъ онъ тѣхъ измѣнниковъ очистилъ, а буде не очиститъ, то де тебя сожжемъ».

Такъ какъ Тюкинъ въ этомъ заперся, то «изъ подлинной правды онъ пытанъ шестью застѣнками». При всемъ томъ, онъ признался только, что крестьянинъ князя Ромодановскаго сказывалъ ему «о своемъ житиѣ

на Дону съ измѣнникомъ Некрасовымъ, тамъ же живутъ бѣгле солдаты 7 человекъ».

Въ приказѣ привели было уже грозную статью по настоящему дѣлу изъ Уложения; но Тюкинъ неожиданно «подъ карауломъ умеръ».

3. Присланный изъ Кіевской губерніи въ преображенскій приказъ, «по государеву слову», колодникъ Иванъ Одинцовъ заявилъ, что «въ Кіевѣ, державшійся за карауломъ человекъ Волконскаго Петръ Тихоновъ сказывалъ ему, Одинцову: Ксенофонтъ де Алымовъ съ зятемъ своимъ Тютчевымъ говорили непристойныя слова про е. и. в.».

Тихоновъ показалъ, что отъ означенныхъ лицъ слышалъ онъ такія слова: «истинно де пророчество Гришки Талицкаго сбывается, каковъ къ намъ не милостивъ государь нашъ, по себѣ де и судей выбралъ не милостивыхъ. (Это сказано Ксенофонтомъ). И къ тѣмъ словамъ Тютчевъ говорилъ: истинно де пророчество его, явно, всеародно, да нельзя говорить; меня де комендантъ Ржевскій, отпущаючи изъ Карачева, говорилъ: дождались де мы судей немилостивыхъ». При этомъ Тихоновъ сослался на крестоваго попа Василья, который будто бы тоже слышалъ слова, сказанныя Алымовымъ и Тютчевымъ.

Попъ Василій утверждалъ, что послѣдніе при немъ ничего подобнаго не говорили.

«По слѣдованію вышечисленныхъ непристойныхъ словъ отъ Тютчева и Алымова не явилось».

Скоро Тихоновъ умеръ, — а передъ смертію на исповѣди отцу своему духовному признался, что онъ Алымова и Тютчева «поклепалъ, затѣявъ собою по злобѣ, за многіе отъ того Тютчева налоги и за поби». Прикосновенныя къ дѣлу лица были освобождены ¹⁾.

Допрошенъ былъ подъячій Ларіонъ Ивановъ. Изъ показаній его новаго ничего не выяснилось; такъ, между прочимъ, онъ говорилъ, что «держалъ Орлова въ желѣзахъ только недѣли по двѣ и по три и батожемъ бивалъ за разные его, Орлова, проступки». Затѣмъ относительно того обстоятельства, на которое указывалъ Орловъ, что будто бы дяки и подъячіе преображенскаго приказа предписывали ему дать взятки, Ивановъ показалъ, что этого никогда не бывало.

17-го декабря 1722 года объ Орловѣ состоялось такое мнѣніе А. И. Ушакова, что ему слѣдуетъ «учинить, вмѣсто смертной казни, жестокое наказаніе — бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, послать на

¹⁾ Дѣло о подъячскомъ сынѣ Микульшинѣ, о которомъ упоминаетъ Орловъ въ своемъ доношеніи на имя государя, не было въ разсмотрѣніи тайной канцеляріи, такъ какъ объ этомъ Микульшинѣ „въ преображенскомъ приказѣ еще слѣдуется розыскомъ“.

баторгу въ вѣчную работу»,—о чемъ и было сообщено въ Москву Толстому съ Писаревымъ.

Почти черезъ годъ, а именно въ октябрѣ 1723 года, тайная канцелярія опредѣлила: «о доносителѣ Яковѣ Орловѣ послать въ сенатъ доношеніе, и при немъ о винахъ его выписку и изъ дѣла экстрактъ, и требовать указаго рѣшенія—что съ нимъ, Орловымъ, чинить; а по допросу Ларіона Иванова болѣе не слѣдовать, и показаннымъ Орлова на Ларіона Иванова словамъ не вѣрить, ибо, и кромѣ уложеннаго пункта ¹⁾, Орловъ во всемъ своимъ доносомъ явился неправъ, а на Ларіона, какъ видно изъ дѣла, затѣялъ за приводъ его въ гражъ денегъ».

23-го іюня 1724 года, «правительствующій сенатъ, слушавъ поданныхъ изъ тайной канцеляріи доношеній и выписокъ, приговорили доносителю Якову Орлову, за вины его, по мнѣнію тайной канцеляріи, учинить, вмѣсто натуральной смерти, политическую, а именно бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу въ Рогервикъ за то: въ прошломъ 1717 году въ Ярославлѣ украсть изъ казны у счетчика денегъ 840 рублей; и по поимкѣ его, Орлова, сыскано тѣхъ денегъ 581 рубль ²⁾, а онъ, отбывая розыску, сказалъ за собою государево слово, изъ Ярославля отосланъ въ преображенскій приказъ, и о чемъ показанъ слѣдовано и розыскивано, и рѣшеніе учинено, и посланъ онъ, Орловъ, паки въ Ярославль къ розыску; а въ Ярославлѣ подалъ два доношенія, съ которыми въ 1721 году присланъ въ тайную канцелярію, а въ нихъ объявлено, и въ разпросѣ онъ показанъ, будто за княземъ Ромодановскимъ знаетъ онъ измѣну не малую, и за преображенскими дьяками и подьячими въ царственныхъ великихъ и въ иныхъ дѣлахъ многія неправды, и отвѣтчикамъ поваровки, и показанъ о разныхъ важныхъ дѣлахъ; и по тѣмъ его, Орлова, показаніямъ изъ преображенскаго приказа и съ объявленныхъ имъ дѣлъ взяты въ тайную канцелярію выписки, по которымъ явилось: тѣ дѣла рѣшены правильно, и измѣны его, князя Ромодановскаго, и дьячей и подьяческой неправды и отвѣтчикамъ поваровки, по присланнымъ выпискамъ, не явилось; а въ уложенъи 2-й гл. 17 ст. напечатано: «буде кто на кого доводилъ государево великое дѣло или измѣну, и не довелъ, и тому извѣтчику то-жъ учинить, чего-бъ довелся тотъ, на кого онъ доводилъ».

¹⁾ Вѣроятно, разумѣется 17 ст. II гл. Уложенія: „а буде кто на кого доводилъ государево великое дѣло или измѣну и не довелъ, и сыщется про то допрями, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, и тому извѣтчику то-же учинить, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доносилъ“.

²⁾ Какъ выше мы видѣли, съ Орлова взыскано 780 руб.

Черезъ недѣлю «Якову Орлову экзекуція учинена, за кровь-верхомъ, у столба: бить кнутомъ, дано ему 30 ударовъ и ноздри вырѣзаны».

II.

Александръ Кикинъ и попъ Ѳедоръ

1719 г.

Когда начались розыски по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Александръ Кикинъ, замѣшанный въ это дѣло, былъ арестованъ; но потомъ его обязали подпискою лишь о невыѣздѣ изъ Петербурга, что относится къ концу 1717 года. Въ это время Кикинъ обратился къ государю съ просьбою о томъ, чтобы онъ позволилъ съѣздить ему въ его подмосковное имѣніе для приведения въ порядокъ имущественныхъ дѣлъ, которыя разстроились по случаю его ареста. Съ этою же цѣлю Кикинъ прислалъ къ кабинетъ-секретарю Макарову письмо, испрашивая ходатайства передъ государемъ о разрѣшеніи ему упомянутой поѣздки. «Истину вамъ, моему государю, доношу, писалъ Кикинъ кабинетъ-секретарю, что нынѣ до меня здѣсь ни одного дѣла нѣтъ, токмо князь Петръ Михайловичъ Голицынъ безъ указа е. в. отпустить меня не смѣетъ». Въ слѣдующемъ 1718 г. Кикинъ былъ казненъ и «все его движимое и недвижимое имѣніе изъ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ отписано на е. и. в.».

Около этого времени въ Новгородѣ содержался подъ карауломъ попъ изъ Новгородскаго уѣзда, деревскія пятинны, вотчины великой государыни, Локоцкаго погоста, Ѳедоръ Ефимовъ. Въ 1719 г. онъ написалъ «царскому пресвѣтлому величеству доношеніе» такого содержания: «1719 года января 5 дня, вотчины вашего пресвѣтлаго величества, что въ близости великаго Новагорода, коростынскаго погоста приказный человекъ Яковъ Даниловъ сынъ Неклюдовъ, въ приказной палатѣ новгородской, извѣщаль и кричалъ многимъ людямъ вслухъ, что де за что меня подъ карауломъ держитъ ландратъ, и я де съ нимъ, ландратомъ, хочу передъ царскимъ величествомъ исповѣдаться въ тайномъ застѣнкѣ. За два дня взятъ изъ Питера къ Москвѣ, зачѣмъ прибѣгалъ самъ-другъ воръ измѣнникъ, Александръ Кикинъ, къ нему, ландрату Мякинину; для какого умыслу, и для какого совѣта, и что они думали, и какія онъ привозилъ вещи? И за что онъ, ландратъ, ночью изъ вотчины изъ Коростынской вывозилъ хлѣбъ, овса вывезъ 700 четвертей, да коней со стойла двѣ-

надцать, да казны денежной, того числомъ не упомяну, 1600 руб., или одно 600 р.? И про многій твой государевъ интересъ говорилъ. Да тоя жь Коростынской волости земскій Мартынъ Семеновъ (говорилъ) о взятѣй его жь, Кикина, въ Москвѣ, и какъ его казнили, и какъ тѣло его, Кикина, выкупали, стало выкупаючи въ 300 р., и погребенъ въ вотчинѣ въ подмосковной въ Шеровѣ, и псалтирь надъ нимъ, Кикинымъ, говорилъ дьячекъ Коростынский; и я, богомолецъ твой, спросилъ вышеписаннаго земскаго было ль у него, Кикина, что нибудь казны? И онъ мнѣ сказалъ взято на пресвѣтлое величество 80,000, а еще у него осталось 40,000, въ которой онъ погребенъ въ вотчинѣ Шеровѣ, въ каменныхъ палатахъ задѣлано, въ стѣнѣ поставлено. Дерзнулъ къ твоему пресвѣтлому величеству сіе прошеніе написать, за что страхомъ великимъ обдержимъ; а хошу я, богомолецъ твой, за твое великаго государя здравіе умереть, и стараюсь; залуча меня, оковавъ, въ тюрьмѣ четвертый мѣсяцъ чуть живъ сижу, морять голодною смертію, и совѣмъ меня хотять умерить. Повели, пресвѣтлое царское величество взять (меня) передъ себя, чтобъ меня не утушили. А кто сіе писаніе вручить пресвѣтлому ц. в., того сподобить и пожалуетъ государь своей милости... А буде меня и вскорѣ погубять, прикажи меня, ц. пресвѣтлое величество, помянуть».

Довошеніе это подалъ на имя государя братъ попа Ѳедора, ямщикъ Семень Ефимовъ Красовскій. Подателя довошенія взяли въ тайную канцелярію и допросили о томъ, на какомъ основаніи онъ подалъ означенное довошеніе, и знаетъ ли объ указѣ (22 дек. 1718 г.), которымъ повелѣвается доносить о подобныхъ дѣлахъ не лично государю, а опредѣленнымъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ? На это Красовскій отвѣтилъ, что о такомъ указѣ онъ не слыхалъ, почему и подалъ довошеніе своего брата прямо государю.

Тайная канцелярія опредѣлила: за то, что Красовскій «письмо попа Ѳедора дерзнулъ подать е. ц. в., въ которомъ письмѣ важности никакой не явилось, хотя по вышеписанному е. ц. в., указу декабря 22 дня 1718 г. и довелось ему учинить наказанье — бить кнутомъ, однако-жь того не учинено для того, что онъ изъ подлаго народа, да и въ разпросѣ сказалъ, что онъ про вышеписанный его великаго государя указъ былъ несвѣдомъ, — и того ради, бить его, вмѣсто кнута, батоги нещадно». Красовскаго наказали, а о другихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ довошеніи попа Ѳедора, предписано было новгородскому воеводѣ кн. Юрію Яковлевичу Хилкову, чтобы онъ допросилъ ихъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и о результатахъ допроса донесъ въ тайную канцелярію.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Хилковъ писалъ въ канцелярію, что попъ Ѳедоръ на предложенные вопросы сказалъ то-же самое, что на-

писано въ его доношеніи государю. Подьячій Неклюдовъ, показалъ, что, дѣйствительно, онъ говорилъ попу Фодору о посѣщеніи Кикинымъ съ деньщикомъ своимъ Тельнымъ бывшаго новгородскаго ландрата Мякинина. При этомъ Неклюдовъ добавилъ, что однажды въ 1718 г. онъ обѣдалъ у слуги Мякинина Варлаама Соколова, «и въ разговорѣ упомянули Александра Кикина. въ Новгородъ пріѣздъ, что необычайно пріѣхалъ, и оный Соколовъ ему, Неклюдову, сказывалъ: онъ при Кикинѣ одинъ въ комнатѣ почевалъ и видѣлъ, что оный Кикинъ въ три (раза) ночью вставалъ и молился Богу, и вынималъ письма изъ ящика, писанныя на столбцахъ, и прочитывалъ всё три (раза) и головою качалъ и воздыхалъ и, вставъ рано, пошелъ въ горницу къ Ивану Мякинину»¹⁾. Наконецъ, Неклюдовъ засвидѣтельствовалъ и о томъ, что ландратъ вывезъ изъ вотчины Кикина «фуражъ и деньги, и лошадей». Это послѣднее обстоятельство подтвердилъ и самъ Мякининъ, добавивъ, что означенныя вещи «вывозили изъ той волости въ Новгородъ посланные отъ него, Мякинина, на сбереженія и охраненія, дабы то не похищено было». «Но однако-жъ, заключаетъ Хилковъ свое доношеніе,—по тѣмъ ихъ допросамъ и по допросу Коростынского дьячка о всемъ слѣдуемъ и кто къ тому надлежитъ, сыскивая, допрашиваемъ».

Разсмотрѣвъ дѣло, тайная канцелярія въ сентябрѣ 1720 г. постановила: «оное дѣло отослать въ юстицъ-коллегію при указѣ, и отдать тамъ съ описью съ роспискою, и о чемъ надлежитъ слѣдовать въ той коллегіи, понеже по тому дѣлу въ канцелярїи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ важности никакой не явилось».

III.

Пѣчій Андрей Савельевъ

1720 г.

Осенью 1719 года у дьяка Ивана Климонтова собрались на обѣдъ гости: два попа Воскресенской церкви, что въ домѣ царевны Натальи Алексѣевны, Игнатій Матвѣевъ и Филиппъ Федоровъ, дьячекъ той же церкви Петръ Игнатьевъ, сынъ попа Матвѣева, и братъ Кли-

¹⁾ Противъ этого Соколовъ заявилъ, что ничего подобнаго Неклюдову ни:огда не говорилъ.

монтова—Семень. Всѣ были веселы и обѣдъ уже близился къ концу. Въ это время пришелъ къ Климонтову бывшій пѣвчій Наталья Алексѣевны, Андрей Савельевъ, котораго хозяинъ и пригласилъ раздѣлять съ ними компанію, не смотря на то, что Савельевъ былъ довольно пьянъ. «И по приходѣ его онъ, Климонтовъ, подносилъ имъ всѣмъ пиво за государево здоровье и выпили, и онъ, Андрей, смотря на персону царскаго величества и поднявъ трость, которая у него была въ рукахъ, махалъ и говорилъ: «ой ты!» «Хозяинъ и гости возмущались такимъ поступкомъ Савельева, который, поэтому, съ бранью выгнанъ былъ изъ избы вонъ на улицу». Скоро и гости Климонтова разошлись по домамъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, а именно въ январѣ 1720 г. дьякъ Климонтовъ взятъ былъ въ тайную канцелярію по дѣлу бывшего архимандрита Свирскаго Александра монастыря, растринги Алексѣя, — и здѣсь разсказалъ о приведенномъ случаѣ съ пѣвчимъ Савельевымъ. Послѣдняго, равно какъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, вытребовали въ тайную канцелярію.

Савельевъ показалъ, что дѣйствительно онъ былъ однажды на обѣдѣ у Климонтова; пришелъ къ послѣднему «подъ-веселье, а не суще пьянъ; и пришедъ въ избу, усмотрѣлъ на персонѣ царскаго величества (которая въ той избѣ стояла на стѣнѣ) сидять мухи; а у него въ рукахъ была трость съ лентою, и онъ-де тою лентою, которая въ трости, обмахнулъ тѣ мухи и сѣлъ за столомъ; а потомъ онъ, Климонтовъ, какъ тѣмъ понамъ, такъ и ему, Савельеву, подносилъ пиво, и пили они всѣ просто, а не за государево здоровье; а потомъ и еще, посидѣвъ, подносилъ онъ же, Климонтовъ, пива по стакану, и выпивъ, онъ, Савельевъ, пошолъ изъ дому его вонъ самовольно, а не выбитъ; а за государево-де здоровье въ бытность его въ то время въ домѣ у него, Климонтова, ничего не пивали, и онъ-де, Андрей, смотря на персону царскаго величества, поднявъ тростью не махалъ, и притомъ такнхъ словъ: «ой-де ты!» не говаривалъ».

Попы: Игнатій Матѣевъ и Филиппъ Федоровъ, дьячокъ Петръ Игнатьевъ и братъ Климонтова Семень единогласно подтвердили какъ то, что Савельевъ пришелъ къ Климонтову пьянымъ и пили за государево здоровье, такъ и то, что Савельевъ, махая тростью передъ портретомъ государя, говорилъ: «ой ты!»

На очныхъ ставкахъ съ Савельевымъ говорили то-же самое.

Тайная канцелярія опредѣлила: «Андрею Савельеву за такое его непотребное дерзновеніе, что онъ, напився пьянъ и пришедъ въ домъ къ дьяку Ивану Климонтову, поднявъ трость свою и смотря на персону его царскаго величества, которая стояла на стѣнѣ, махалъ и

притомъ говорилъ непристойныя слова, въ которыхъ хотя онъ и записался, а оный Климентовъ и свидѣтели сказали, что онъ, Савельевъ, конечно, то говорилъ, учинить ему наказаніе — вмѣсто кнута, бить батоги нещадно, а по наказаніи изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ свободить его съ запискою».

«И по вышеписанному великаго государя указу и по приговору, помянутому Андрею Савельеву учинено наказаніе: вмѣсто кнута бить батоги нещадно, а по наказаніи изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ онъ, Савельевъ, освобожденъ».

IV.

Михаилъ Карнауховъ.

1720—1723 гг.

Въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, проживалъ бывшій пѣвчій царевны Екатерины Алексѣевны Михаилъ Карнауховъ. Однажды онъ подалъ въ духовный приказъ челобитье на попа антипьевской церкви Филиппа «въ безчестьѣ жены его и въ бою дѣвки». Филиппъ былъ обвиненъ и «велѣно искъ его, Карнаухова, противъ стараго окладу вдвое—16 рублей, да за увѣчье дѣвки 10 рублей, на томъ погѣ доправить». Однако же архіерей Крутицкій Игнатій велѣлъ измѣнить это опредѣленіе приказа въ томъ смыслѣ, чтобы деньги, присужденныя съ попа Филиппа, были взысканы какъ «за безчестье гулящимъ людямъ», т. е. несравненно меньше 26 руб. Въ описываемое время, съ суммы иска взимался, между прочимъ, извѣстный процентъ казенныхъ пошлинъ. Значить, если Крутицкій архіерей привалялъ взыскать съ Филиппа въ пользу Карнаухова меньшія деньги, чѣмъ присудилъ духовный приказъ, то тѣмъ самымъ онъ уменьшилъ и количество пошлинъ, слѣдующихъ въ казну. Такимъ образомъ «явилась интереса утрата».

Затѣмъ, Карнауховъ вѣдался съ духовнымъ приказомъ и по другому случаю. Въ приказѣ производилось дѣло о казначей Саввина монастыря, іеромонахѣ Мееодіи, котораго Карнауховъ взялъ на росписку съ тѣмъ, чтобы представлять его въ приказъ по востребованію.

4-го августа 1719 г. Карнауховъ пришелъ въ духовный приказъ и сталъ требовать отъ приставовъ, чтобы они освободили изъ-подъ караула и отдали ему іеромонаха Мееодія. Бывшій въ это время дежурнымъ въ приказѣ подъячій убѣждалъ Карнаухова, что безъ раз-

рѣшенія судей нельзя исполнить его требованія. За это Карнауховъ называлъ подъячаго «воромъ и бранилъ матерны»; затѣмъ «вшедь въ приказъ, Крутицкаго архіерея называлъ воромъ же многожды, при свидѣтеляхъ», четырехъ человекъ подъячихъ. «Да того-жъ числа тотъ же Карнауховъ приходилъ въ приказъ дважды при дьякахъ Шупнинскомъ, Павловѣ, и говорилъ: «Крутицкій-де архіерей воръ, и бранилъ его, архіерея, матерны и ежели-де онъ, архіерей, куда поѣдетъ и онъ, Карнауховъ, въ градскихъ воротахъ закричитъ караулъ, и приведетъ его въ приводъ, и есть-де архіерей на кольяхъ, и Крутицкій-де архіерей будетъ на томъ колѣ; а будетъ-де его, Карнаухова, велятъ держать, и онъ-де скажетъ за собою государево слово».

О всемъ этомъ на другой день доведено было до свидѣнія Крутицкаго архіерея и Карнаухова немедленно отправили въ губернскую канцелярію. Здѣсь онъ разсказалъ о своемъ дѣлѣ съ попомъ Филиппомъ, — о приходѣ въ духовный приказъ для взятія казначея Меодія и о томъ, что крайне неприлично отзывался объ архіерей Игнатіи. А сказать за собою государево слово и обвинить Крутицкаго архіерея хотѣлъ онъ, Карнауховъ, на томъ основаніи, что, кромѣ неправильно рѣшеннаго дѣла его съ попомъ Филиппомъ, упомянутый архіерей виноватъ кое въ чемъ и другомъ, а именно: къ нему поступилъ доносъ на одного протопопа въ крайне неблаговидномъ для священнаго сана поступкѣ; архіерей, взявъ съ протопопа 400 руб., освободилъ его отъ всякой отвѣтственности. Подобныя же, неправильныя рѣшенія Игнатій постановлялъ и по другимъ дѣламъ. Кромѣ этого Карнауховъ намѣревался сказать государево слово и для того, что дьякъ духовнаго приказа Шутинскій «приказомъ архіерейскимъ хотѣлъ посадить его, Карнаухова, на большую цѣпь».

Губернская канцелярія затруднялась какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ съ Карнауховымъ? Но послѣдній самъ скоро вывелъ ее изъ затрудненія. Черезъ недѣлю, Карнауховъ сказалъ за собою государево слово и дѣло, при чемъ «объявилъ оберъ-коменданту Измайлову руки своей письмо» слѣдующаго содержанія: «держать роспись ворами и измѣнникамъ. Поручика, подъячаго Артемья Семенова, Ивана Максимова, Алексѣя Салтыкова, Василья Леонтьева, казначея Мартына, Терскаго съ бурмистры, посольскаго приказа Михаила Павлова, Михаила Родіонова, Алексѣя Владыкина, архіерея Крутицкаго, архіерея коломенскаго, въ кандалахъ на-крѣпко, и по Алексѣя Салтыкова послать нынѣшній день тотчасъ, послать указъ Леонтію тотчасъ, что строить ему, Полунину, три столба у губернской канцеляріи, у посольскаго приказа, у Тіунской избы». Вслѣдствіе этого

губернская канцелярія не замедлила отослать Карнаухова, съ дѣломъ о немъ, въ преображенскій приказъ.

Здѣсь допросили Карнаухова только о сочиненномъ имъ письмѣ; при этомъ онъ рассказывалъ, что означенныхъ въ письмѣ лицъ называлъ онъ ворами и измѣнниками по слѣдующимъ основаніямъ.

Въ то время, какъ Карнауховъ содержался въ губернской канцеляріи, служащій здѣсь «на караулѣ у колодниковъ» поручикъ Иванъ Максимовъ», безъ судейскаго вѣдома, держалъ его, Карнаухова, на цѣпи два дня и ругался матерны, и говорилъ, будто онъ, Карнауховъ, взбѣсился и бранить вице-губернатора Василья Ершова матерны, и будто называетъ того-жъ Ершова воромъ и измѣнникомъ, — а онъ, Карнауховъ, того ничего не чинивалъ».

Въ то же время, какъ Карнауховъ сидѣлъ подъ карауломъ въ губернской канцеляріи, подъячій послѣдней, Артемій Семеновъ, приказалъ одному караульному сержанту бить его, Карнаухова, «тростью безвинно».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, московскій губернаторъ, бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, да подполковникъ Василій Леонтьевъ взяли изъ Инфантерской канцеляріи на два солдатскіе полка мундировъ по семи рублей каждый; но мундировъ этихъ солдатамъ не выдали, а спили имъ «мундиръ худой, сермяжный, крашенный», такимъ образомъ «покорыствовались они на десять тысячъ рублей, — и то-де его, губернаторская и подполковничья, стала измѣна». Кромѣ того Леонтьевъ имѣлъ обыкновеніе не додавать солдатамъ деньги и провіантъ; однажды изъ продовольствія ничего не было выдано солдатамъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Но такъ какъ солдатамъ надо же было чѣмъ нибудь питаться, то Леонтьевъ приказалъ имъ «воровать у хлѣбниковъ и калачниковъ хлѣбы и калачи, и у прѣзжихъ крестьянъ запасъ отнимать безденежно, — и солдаты, по его приказу, хлѣбы и калачи и запасъ имали сильно». О всемъ этомъ сказывали ему, Карнаухову, солдаты.

Казначей губернатора Салтыкова, Ларіонъ Мартыновъ, названъ измѣнникомъ по такому случаю: на дворѣ у Карнаухова были голуби; однажды налетѣлъ на нихъ ястребъ, котораго Карнауховъ изловилъ и сталъ держать у себя. Ястребъ оказался губернаторскій. Черезъ два дня посланные губернаторомъ требовали отъ Карнаухова, чтобы онъ выдалъ имъ ястреба; Карнауховъ отвѣчалъ, что пусть ему заплатятъ три рубля за голубя, убитаго ястребомъ, и тогда онъ послѣдняго отдастъ. Послѣ этого, губернаторъ послалъ къ Карнаухову солдатъ, и онъ, «убоясь взятыя, того ястреба пустилъ на волю, а самъ ушелъ со двора». Солдаты взяли жену Карнаухова и отвели на гу-

бернаторскій дворъ. Сынъ Карнаухова Илья отправился хлопотать объ освобожденіи своей матери. Казначей Мартыновъ сказалъ Ильѣ, что его мать получить свободу только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ отдастъ ему свою лошадь, стоящую 40 руб. Илья такъ и сдѣлалъ.

Лѣтомъ 1718 г. загорѣлся каменный мостъ; Терскій и бургомистры, завѣдывающіе московской ратушей, умышленно перепонили солдатъ, такъ что они вовсе не могли тушить пожара; между тѣмъ, башни, которыя «были построены на томъ мосту, для пришествія царскаго величества, сгорѣли, — а строены тѣ башни цѣною не малою, стали тысячъ въ пять».

Дѣяки посольскаго приказа Павловъ и Родіоновъ явились измѣнниками потому, что, по ихъ винѣ, въ дѣлахъ «чинилась волокита», и что оба они вообще поступали «противно государеву указу».

Судья патриаршаго казеннаго приказа Алексѣй Владыкинъ освободилъ одного попа отъ всякой отвѣтственности, получивъ съ него взятку въ видѣ быка; а попъ этотъ вѣнчалъ 20 свадебъ «безъ вѣчныхъ памятей и не взявъ пошлинь».

Про коломенскаго архіерея Карнауховъ говорилъ, что онъ находился въ связи съ одной дѣвкой и возникшее, вслѣдствіе этого, дѣло въ духовномъ приказѣ было уничтожено, по приказанію Крутицкаго архіерея. Относительно же послѣдняго Карнауховъ передалъ то, что изложено выше.

«А къ Леонтыю-де Полунину указъ послать, чтобъ строить три столба у губернской канцеляріи, у посольскаго приказу, у Тунскаго избы, написалъ онъ, Карнауховъ, для того: тѣ столбы довелись построить вышечисаннымъ людямъ, которые написаны въ письмѣ его измѣнниками, и за вышечисанныя вины довелось учинить имъ смертную казнь, и посадить на тѣхъ столбахъ на кольяхъ; да Алексѣю-жъ бы Петровичу Салтыкову и Василью Леонтьеву, и Ларіону Мартынову подѣлать колпаки камчатые и атласные, и обнизать жемчугомъ, алмазами и изумрудами, и яхонтами, чтобъ они, будучи въ тѣхъ колпакахъ, на кольяхъ красовались, и за неправду бы ихъ была о нихъ слава въ другихъ государствахъ».

Кромѣ всего этого, Карнауховъ заявилъ, что знаетъ «воровство за вице-губернаторомъ Ершовымъ и сторожемъ оружейной палаты Кузминнымъ». Двое изъ подчиненныхъ Ершова совершили убійство, о чемъ было заявлено вице-губернатору крестьянкой Флоровой: Ершовъ, «дружа» своимъ подчиненнымъ, «о томъ убійствѣ не разыскивалъ», а челобитчицу держалъ за карауломъ въ губернской канцеляріи и «устрашивалъ ее битъ кнутомъ», чтобы она отказалась отъ своего заявленія.

Сторожъ же Кузминъ «клеимить въ домѣ своемъ воровскимъ гербомъ бумагу и продаетъ по городамъ», о чемъ сказывалъ Карнаухову Максимъ Ветошкинъ.

Кузминъ и Ветошкинъ приведены были въ преображенскій приказъ, изъ котораго въ то же время посланы были капитанъ съ подъячимъ въ домъ Кузмина освидѣтельствовать при понятыхъ: нѣтъ-ли чего «причиннаго къ тому, что въ извѣтѣ Карнаухова показано».

Ветошкинъ показалъ и на очной ставкѣ съ Карнауховымъ утверждалъ, что хотя онъ и знаетъ Кузмина, — но знаетъ его съ хорошей стороны и никогда не говорилъ того, о чемъ заявлено Карнауховымъ.

Кузминъ засвидѣтельствовалъ, что бумаги «воровскимъ клеймомъ никогда онъ не клеймилъ, и по городамъ не продавалъ, и такого воровства ни за кѣмъ не знаетъ, и самъ за воровствомъ не ходитъ, и человекъ онъ добрый, и въ томъ слася оружейной палаты на всѣхъ клеймоньщиковъ и на окольныхъ своихъ сосѣдей».

Капитанъ съ подъячимъ донесли приказу, что по осмотрѣ дома Кузмина, въ немъ «причиннаго ничего не явилось».

Преображенскій приказъ опредѣлилъ: по уложенію 2 гл. 14 статья, учинить (Карнаухову) жестокое наказанье, — бить кнутомъ нещадно, а для изслѣдованія о показанномъ интересѣ, что онъ сказалъ на боярина Алексѣя Петровича Салтыкова и на подполковника Леонтьева, отослать его, Карнаухова, къ канцелярію надворнаго суда и о томъ слѣдовать и указъ учинить въ той канцеляріи; а о духовныхъ дѣлахъ, что онъ же, Карнауховъ, разспросомъ же показалъ, по изслѣдованію о интересахъ, отослать его изъ той канцеляріи къ рязанскому архіерею, а о своихъ обидахъ съ тѣми людьми, на кого онъ показалъ, вѣдаться ему, Карнаухову, гдѣ надлежитъ».

Это опредѣленіе приказа состоялось въ концѣ 1719 года, и Карнаухова отослали въ надворный судъ. Здѣсь начали производство слѣдствія, которое продолжалось до октября 1720 года. Въ началѣ же этого мѣсяца Воейковъ съ Плещеевымъ доносили кабинетъ-секретарю Макарову, что «бывшій пѣвчій Карнауховъ извѣщалъ имъ на князя Ивана Федоровича Ромодановскаго, да на боярина Алексѣя Петровича Салтыкова о измѣнѣ,—и тотъ Карнауховъ извѣтъ посланъ, при доношеніи, въ тайную канцелярію; а въ преображенскій приказъ не послали того ради, что онъ, князь Иванъ Федоровичъ, того приказа главный судья». Макаровъ передалъ это доношеніе П. А. Толстому, и Карнаухова немедленно вызвали въ тайную канцелярію.

Здѣсь Карнауховъ, упомянувъ о нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ намъ обстоятельствахъ дѣла, объяснялъ, «что въ бытность его въ губернской канцеляріи подалъ онъ доношеніе, въ которомъ написано: москов-

скаго гарнизона о солдатскомъ мундирѣ, и чтобъ въ россійскомъ государствѣ воровъ и разбойниковъ, и измѣнниковъ, и издоимцевъ вывестъ, а какимъ образомъ то учинить, о томъ-де написано въ томъ доношеніи имянно; а написалъ-де онъ про князя Ивана Федоровича Ромодановскаго, про боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, про Василья Ершова, про коменданта московскаго Ивана Измайлова, про Григорья Терскаго. И съ тѣмъ доношеніемъ изъ губернской канцеляріи отосланъ онъ въ Преображенскій приказъ, и въ томъ приказѣ противъ того его доношенія онъ разспрашиванъ, и по тому разспросу, не изслѣдовавъ о томъ, учинено ему наказанье — бить кнутомъ, и отосланъ онъ, при указѣ, въ надворный судъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1719 года».

«И противъ того присланнаго съ нимъ указа въ надворномъ судѣ онъ разспрашиванъ же только объ одномъ вышепомянутомъ солдатскомъ мундирѣ, и тотъ-де указъ и съ разспросными его рѣчами въ надворномъ судѣ пронали, такимъ образомъ, что подъячій Аванасій Таракановъ, у котораго то дѣло было, давалъ списывать колоднику курскому подъячему Ивану Аврамову сыну, а какъ прозвище—не знаетъ, и въ томъ дѣлѣ имъ, Карнауховымъ, и тѣмъ подъячимъ, да третьимъ колодникомъ Кондратьемъ Павловымъ розыскивано, и по тому розыску онъ, Карнауховъ, очистился; и съ того времени держался онъ въ томъ надворномъ судѣ, сего октября по 4-е число; а 4-го числа въ надворномъ судѣ подалъ онъ вице-губернатору Воейкову вышеписанный извѣтъ, написавъ своею рукою, который присланъ съ нимъ въ тайную канцелярію».

«А въ томъ-де извѣтѣ про князя Ивана Федоровича Ромодановскаго, что быть ему на колѣ, написалъ онъ въ такую силу, что онъ, Карнауховъ, въ помянутую его бытность въ преображенскомъ приказѣ доносилъ въ клейменіи бумаги воровскимъ клеймомъ, а на кого именно—не упомянуть, а явно-де о томъ въ томъ дѣлѣ,—а сказывалъ-де ему, Карнаухову, про того человѣка, дворовый человѣкъ Максимъ Ивановъ, сынъ Баженовъ, и тотъ человѣкъ, который оную бумагу клеймилъ, въ преображенскомъ приказѣ былъ сысканъ и разспрашиванъ, и не разыскивая имъ, онъ освобожденъ; за что онъ, князь Иванъ Федоровичъ, да дьякъ Василій Нестеровъ взяли по 50 рублей, а сказывалъ-де ему, Карнаухову, про то помянутый же Баженовъ, а самъ-де онъ о томъ не вѣдомъ; а послѣ-де той свободы тотъ человѣкъ, который бумагу клеймилъ, по нѣкакому доношенію приведенъ въ земскую канцелярію и имъ разыскивано, и въ томъ винился».

«А измѣнникомъ-де его, князя Ивана Федоровича, написалъ онъ въ такую силу, что Каретникова мужня жена Ачейская, и какъ еѣ

зовуть, не знаетъ, будучи въ гостяхъ на крестинахъ, говорила про царственныя дѣла, а про какія, того онъ не знаетъ же, и въ томъ-де на нея Каретникову былъ доноситель въ преображенскомъ приказѣ, по которому она въ тотъ приказъ была взята и держана, и учинено ей наказанье—бита кнутомъ и освобождена,—а доноситель запытанъ до смерти,—а въ которомъ году то было, того онъ не знаетъ; а за ту-де свободу съ нея, Каретниковой, онъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ, взялъ карету въ 50 рублей, а слышалъ-де онъ про то про всё въ то время, какъ онъ держанъ въ Преображенскомъ приказѣ, въ обѣдноти, отъ колодниковъ, отъ Наума Полякова, отъ Василья Коршунова, Ивана Бормата,—а самъ про то ни про что не знаетъ же, и потому онъ, Карнауховъ, его, князя Ивана Ѳедоровича, измѣнникомъ, и что ему быть на колѣ и написалъ,—а опричь-де того за нимъ, княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, никакой измѣны онъ, Карнауховъ, не знаетъ».

«А боярина-де Алексѣя Петровича Салтыкова воромъ и измѣнникомъ и крестопреступникомъ написалъ онъ въ такую силу», что по случаю поимки губернаторскаго ястреба, Салтыковъ держалъ жезу его, Карнаухова, за карауломъ и вымучилъ у него лошадь»,—обстоятельство, намъ уже извѣстное.

«Да онъ же-де Салтыковъ,—продолжалъ Карнауховъ,—какъ набиралъ въ Москвѣ изъ поповичей въ матросы, и за то, чтобъ въ матросы не брать, со многихъ поповъ бралъ рублей по сту, а именно: съ подмосковной вотчины свѣтлѣйшаго князя села Колычева съ попа Ларіона Васильева сто рублей, а съ другихъ съ кого именно поповъ бралъ, того онъ не упомнить,—только признавасть-де онъ такія его, Салтыкова, многія становыхъ взятки по тому, во время-де того набору прихаживалъ онъ, Карнауховъ, въ губернскую канцелярію многократно, и въ тѣ-де времена прихаживали жъ бить челомъ многіе попы, а кто именно не знаетъ, и дьякъ-де Леонтія Кутазниковъ съ тѣми попами говаривалъ: дайте-де по сту рублей, такъ и дѣти-де ваши будутъ свободны, а тѣ-де слова отъ того Кутазникова слышалъ онъ самъ; а о помянутыхъ о ста рубляхъ сказывалъ ему пона Ларіона Васильева сынъ его, Василій же».

«Онъ же-де, Салтыковъ, будучи въ Казани, беретъ взятки и великія,—а съ кого именно и какія, о томъ-де онъ ни о чемъ не вѣдаетъ,—а сказывалъ-де ему про то въ разговорахъ въ нынѣшнемъ 1720 году, февраля 20 дня, дьяка Степана Большаго сынъ его дьяконъ Онуфрій, какъ онъ, Карнауховъ, и тотъ дьяконъ держаны были въ надворномъ судѣ такимъ образомъ: прїѣхалъ-де изъ Казани Василья Ершова человѣкъ, который сказывалъ про тѣ его, Салтыкова, взятки куму его дьякону, а про какія взятки, и какъ того Ершова

человѣка и кума его дьяконова зовуть, и какого онъ чину, того-де онъ, діаконъ, ему, Карнаухову, именно не сказалъ».

«Онъ-же діаконъ въ то-жъ время сказывалъ ему, Карнаухову, изъ словъ того-жъ кума своего, что къ казанскому-де дворянину, а какъ его зовуть, того сказать не упомянуть, присланъ былъ указъ, а откуда не сказалъ, по которому велѣно тому дворянину ѣхать въ С.-Петербургъ, и тотъ-де дворянинъ прочелъ тотъ указъ въ домѣ своемъ и говорилъ: охъ-де С.-Петербургъ, лучше бы-де я служилъ у шведскаго короля, нежели ѣхать въ С.-Петербургъ; а при тѣхъ-де словахъ у того дворянина были священники, и другіе посторонніе, а кто именно, того-де тотъ кумъ ему, діакону, не сказалъ,—только-де сказывалъ, что у того дворянина сынъ, а какъ зовуть не знаетъ, измѣня ц. в. нынѣ служить шведу; и тѣ-де слова, слыша отъ того дворянина, человѣкъ его, а какъ зовуть—не знаетъ же, принесъ въ Казани о томъ довошеніе, и того-де человѣка помянутый Салтыковъ, оковавъ, держалъ въ крѣпи,—и подсылали къ нему, чтобъ онъ съ того дворянина сговорилъ, и давали ему за то 500 рублей, а кто и кого подсылали, того онъ не знаетъ; а потомъ-де въ ночи взяли его въ застѣнокъ и пытали, а выведши изъ застѣнка посадили въ покаянную; и той же ночи взявъ изъ покаянной, и вывели на площадь, и отсѣкли голову; а сказывалъ-де ему о томъ о всемъ помянутый діаконъ,—а ему-де, діакону, кумъ, а тому куму человѣкъ Ершова, о которыхъ выше показано: и по тому-де по всему онъ, Карнауховъ, его, Салтыкова, и написалъ воромъ и измѣнникомъ и крестопреступникомъ; а опричь-де того за нимъ, Салтыковымъ, никакой измѣны онъ, Карнауховъ, не знаетъ».

О вице-губернаторѣ Ершовѣ и Васильѣ Терскомъ Карнауховъ говорилъ, что они брали взятки съ бурмистровъ, цѣловальниковъ и вообще съ лицъ, занимающихся винной торговлей.

Относительно коменданта Измайлова и подполковника Леонтьева Карнауховъ показалъ то-же, что и въ Преображенскомъ приказѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, «въ похищеніи интереса», состоящаго въ невыдачѣ солдатамъ мундира, денегъ и провіанта, оговаривался вмѣстѣ съ Леонтьевымъ губернаторъ Салтыковъ, — а теперь комендантъ Измайловъ.

На другой день послѣ этого показанія, Карнауховъ заявилъ, что все, что онъ «въ разпросѣ своемъ сказалъ про князя Ивана Ѳеодоровича Ромодановскаго, сказалъ напрасно, забвеніемъ».

Черезъ нѣсколько времени Карнауховъ «вновь собою показалъ: «въ прошломъ-де 1719 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ онъ, Карнауховъ, держался въ Преображенскомъ приказѣ, и въ то время тутъ же

бывшій колодникъ крестьянинъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, а которой вотчины не помнитъ, Никита Тюкинъ, сказывалъ ему, что доносилъ-де онъ, Тюкинъ, въ Москвѣ мимо Преображенскаго въ другомъ приказѣ, а въ которомъ не знаетъ, на прикащика его, Ромодановскаго, а какъ зовутъ, того ему не сказалъ, что онъ въ вотчинѣ его держитъ булавицевъ и бѣглыхъ солдатъ,—и Ромодановскій де взялъ его, по памяти, въ Преображенскій приказъ, и розыскивалъ имъ трижды, и огнемъ жегъ, а потомъ-де сынъ его князь Иванъ Ѳедоровичъ розыскивалъ имъ, Тюкинымъ, трижды-же, и огнемъ жегъ—и потомъ самъ онъ, Ромодановскій, говорилъ ему, Тюкину: сговори-де мужикъ съ прикащика, а не сговоришь, сожгу-де тебя въ уголь; и тотъ-де Тюкинъ содержится и донинѣ въ томъ Преображенскомъ приказѣ въ Москвѣ; а рѣшенія по тому дѣлу не учинено. Въ то-жъ-де время въ Преображенску колодникъ Переяславля Рязанскаго подъяческій сынъ, а какъ его зовутъ и прованіе не помнитъ, говорилъ ему, Карнаухову, что того жъ города посадскіе люди, а сколько чело-вѣкъ и кто именно—того ему не сказалъ, говорили, чтобъ его ц. в. здравіе похитить; а тѣ-де посадскіе свойственники подъячему Микулину, который сидитъ въ Преображенску, у подъячаго жъ Григорья Бурмина, и онъ де подъяческій сынъ о томъ доносилъ въ Преображенску жъ, и тѣ посадскіе люди были сысканы, и съ тѣмъ подъяческимъ сыномъ даны имъ очныя ставки, токмо ими не розыскивано, а тѣмъ подъяческимъ сыномъ розыскивано,—и съ розысковъ стоитъ противъ доношенія непремѣнно,—а посадскіе-де освобождены; а тотъ доноситель и понинѣ содержится тамъ же».

«Въ 1719 году августа 20 дня москвичъ гостинной сотни, Дмитрій Марьинцовъ, въ домѣ своемъ говорилъ про его ц. в., что де онъ, государь, повелѣлъ Волконскаго разстрѣлять напрасно, а онъ-де чело-вѣкъ былъ добрый и умный, и о томъ-де на него, Марьинцова, доносилъ московскаго гарнизона подполковникъ Григорій Овцынъ, и за то-де его, Марьинцова, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій безъ розыску билъ кнутомъ, и освободилъ; а то-де было при немъ, Карнауховѣ, какъ онъ держался въ Преображенскѣ, а кто Волконскій—не знаетъ».

Сообщ. Н. М. В.

(Окончаніе сего разсказа слѣдуетъ).

ХОЛЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1830—1831 ГГ. ¹⁾

Очеркъ по подлиннымъ документамъ.

Холера, появившаяся въ Даміэтѣ, 24 іюня 1833 г., и затѣмъ въ 1834 г. переклившая въ Европу, озаботила не мало наши городскія управленія и въ медицинскихъ обществахъ вызвала къ обсужденію старыя и нововозникшія вопросы по этому предмету. Подъ вліяніемъ того-же настроенія полюбопытствовалъ я заглянуть въ старыя дѣла о холерѣ 1830 года, хранящіяся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія. Развернувъ связки запыленныхъ дѣлъ, я увидѣлъ передъ собою рукописныя и мѣстами печатныя письма на минувшихъ годовъ; на нихъ лежали видимыя слѣды 55 лѣтней давности: грубая, частошершавая желтоватая бумага, каковой теперь нѣтъ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ; мѣстами попадаются плотныя листы, синеватые, нѣсколько высшаго достоинства, для донесеній начальству, и значительная часть подшитыхъ въ дѣла листовъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ мѣстностей, продырявлена для прокурки. Въ рукописяхъ того времени мы встрѣчаемся съ иными названіями правительственныхъ земельныхъ единицъ и отдѣльныхъ представительствъ власти. Въ это время существовало малороссійское военное губернаторство и военнымъ губернаторомъ былъ князь Репнинъ. Харьковская губернія называлась Слободско-Украинскою, уѣзды всѣ назывались повѣтами, предводители дворянствъ — маршалами. Сырой матеріалъ этотъ, большой по величинѣ и цѣнный по содержанию, представляетъ собраніе весьма разнообразныхъ свѣдѣній о жизни людей того времени и можетъ быть разработанъ въ различныхъ направленіяхъ. Можно видѣть, какъ озабочено было все населеніе слухами о приближеніи какой-то небывалой еще смертоносной болѣзни; какія мѣры принимались къ огражденію отъ ея нашествія и какъ, при наступленіи ея, переносилось народомъ общее бѣдствіе; какое вліяніе имѣло врачебное сословіе и какъ лечилась болѣзнь; какъ про-

---

¹⁾ Извлеченіе изъ доклада 15-го марта 1885 г. Обществу Полтавскихъ врачей.

являлась эпидемія, размѣры и локализациа ея въ прежніе годы; характеръ мѣстныхъ жителей и дѣйствителей того времени,—все это—вопросы весьма разнообразныя и любопытныя какъ въ бытовомъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Но для того, чтобы дать себѣ отвѣты хотя на не многіе изъ этихъ и другихъ возникающихъ вопросовъ, при просмотрѣ писемъ давноминувшаго народнаго бѣдствія и нынѣ вновь со страхомъ ожидаемаго, надо много труда и терпѣнія, да кромѣ того, надо быть человѣкомъ въ известной степени свободнымъ отъ другихъ дѣлъ—это трудъ, въ который одному человѣку, озабоченному жизнью, можно только заглянуть и съ великою сожалѣнію, второпяхъ перелиставъ десятки лѣтъ, извлечь весьма немногое—такъ пришлось и на мою долю.

Д. А.

Періодъ времени, предшествовавшій появленію холеры въ Полтавской губерніи, въ 1830 году, былъ продолжителенъ — съ іюля по конецъ ноября. Отовсюду получались тревожныя извѣщенія о приближеніи болѣзни; народная молва увеличивала еще болѣе слухи о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ населеніемъ, пораженныхъ холерою мѣстъ. Полтавская губернія была окружена со всѣхъ сторонъ (кромѣ со стороны Черниговской губерніи) захваченными уже холерою губерніями, но оставалась нетронутою въ своихъ предѣлахъ почти до марта 1831 года (за исключеніемъ заболѣваній, бывшихъ въ ноябрѣ въ г. Кременчугѣ). Это время ожиданія холеры было полно толками о ней, боязнью и крайнею озабоченностью администраціи къ охраненію границъ, дабы болѣзнь не могла вторгнуться въ предѣлы Полтавской губерніи. При просмотрѣ холернаго дѣла 1830 года прежде всего бросается въ глаза спѣшная секретная переписка губернаторовъ, съ цѣлью освѣдомленія о зараженности новыхъ мѣстностей и ходѣ «холеры-морбуса» въ ихъ губерніяхъ. По одному архиву Полтавской губерніи можно составить довольно полныя свѣдѣнія о теченіи эпидеміи во всей южной и средней Россіи и затѣмъ, что остававливаетъ на себѣ вниманіе—это громадныя карантинныя мѣры.

Изъ переписки губернаторовъ видно, «что холера морбусъ» (какъ ее тогда повсюду именовали) шла отъ западнаго берега Каспійскаго моря,—вверхъ по теченью рѣкъ—Куры, Терека, Волги и Урала». 19 іюля она появилась въ Астрахани и въ короткое время приняла большіе размѣры—люди умирали ежедневно по 100 и болѣе человѣкъ. 26 іюля холера достигла устья Урала и обнаружилась въ г. Гурьевѣ Оренбургской губерніи; 4 августа она появилась въ Царицынѣ, 8 въ Саратовѣ.

Вскорѣ стали поступать извѣщенія на имя Полтавскаго гражданскаго губернатора—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Могилевскаго:

1) 26 августа получено секретное увѣдомленіе отъ Наказнаго Атамана войска донскаго генераль-лейтенанта Кутейникова, которымъ сообщалось, что «съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца открылась въ Войскѣ Донскомъ эпидемическая болѣзнь—холера-морбусъ, которая сначала занесена съ Саратовской губерніи изъ г. Царицына и Дубовскаго посада въ Качалихскую станицу (6 августа), а затѣмъ, при всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, распространилась во всѣхъ округахъ Войска Донскаго и въ самомъ г. Новочеркасскѣ».

2) Извѣщеніе (отъ 6 сентября 1830 г., № 347) Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора Каховскаго, «секретно», о скоропостижной смерти, отъ сомнительной болѣзни, въ селѣ Черемошномъ, Курской губерніи Бѣлгородскаго уѣзда, на границѣ Слободско-Украинской губерніи, крестьянина Никиты Емельянова. Далѣе сообщается, что онъ ѣхалъ изъ Таганрога и, остановившись проѣздомъ въ селѣ Черемошномъ, на постояломъ дворѣ, 28 августа заболѣлъ, а 30 умеръ, послѣ чего на другой же день умерла мать дворника того дома, а 1 сентября въ томъ-же домѣ умеръ сынъ ея и затѣмъ черезъ 12 часовъ умерла крестьянка, обмывавшая умершаго Емельянова, а 4 сентября умеръ въ томъ-же домѣ и отецъ дворника.

Вслѣдъ за этимъ извѣщеніемъ послѣдовало отъ того же губернатора и другое—«секретно, о весьма нужномъ»: сообщалось, что въ г. Изюмѣ (Слободско-Укр. губерніи), 5 сентября, обнаружилась холера, «почему весь городъ оцѣпленъ кордонами и заставами» и имѣющая въ немъ быть 14 сентября ярмарка не будетъ допущена. Вскорѣ сдѣлано было распоряженіе о непропускѣ черезъ Харьковъ никого, ни проѣзжаго, ни прохожаго, безъ освидѣтельствованія медицинскимъ чиновникомъ.

3) Извѣщеніе отъ 14 сентября маршала Кобелякскаго уѣзда: «Пріѣзжіи изъ г. Екатеринослава рассказывалъ, что въ Екатериносл. губерніи свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь, отъ которой умерло уже 150 человекъ въ уѣздахъ Ростовскомъ, Бахмутскомъ и Александровскомъ», потому послана имъ, т. е. маршаломъ, немедленно въ Новомосковскій (сосѣдній) уѣздъ справка.

Упомянувъ о злокачественности эпидеміи, что «пути слѣдованія чумаковъ и другихъ проѣзжихъ вѣтвисто-лежащіе черезъ все протяженіе дѣшнаго повѣта», онъ проситъ разрѣшеніе «запретить все переѣзды изъ Екатеринославской губерніи, оставивъ одинъ въ Цари-

чанкѣ, а другой въ Переволочной, съ учрежденіемъ при нихъ карантинныхъ заставъ съ поставленіемъ по границѣ отъ Екатерин. губерніи, въ мѣстахъ удобныхъ къ тайному проѣзду, надлежащаго кордона». Отношеніе это оканчивается словами: «о чѣмъ буду ожидать отъ ваш. превосходительства повелѣнія».

4) 9-го сентября донесеніе полтавскаго полицеймейстера: «квартирный надзиратель Ханденко, на харьковской заставѣ, опрашивалъ партію казаковъ въ 21 человекъ; оказалось, что изъ нихъ одинъ Сизантъ Кляшко, переѣхавшій повѣтовый городъ Константиноградъ, подъ сел. Карловкою умеръ, — посему всѣ казаки остановлены были, для observaціи, за Большимъ Рагозничьимъ мостомъ; кромѣ того двое сомнительныхъ отдѣлены особо». (Дальнѣйшее наблюденіе показало, что упомянутый Сизантъ Кляшко умеръ отъ головной болѣзни и больше ничего).

5) Извѣщеніе (отъ 19 сентября 1830 года, № 4184) изъ казанскаго губернскаго правленія:

«По случаю открытія въ г. Казани опасной на людяхъ болѣзни, холеры, которая, начавшись съ 13 числа сего сентября... свирѣпствуетъ здѣсь съ видимымъ опасеніемъ, въ семь правленіи опредѣлено: поелику болѣзнь не перестаетъ и стеченіе людей въ присутственныхъ мѣстахъ можетъ быть опасно, по каковой причинѣ ученіе въ публичныхъ заведеніяхъ Казани прекращено, то впредь, до благополучнаго состоянія Казани, закрыть присутствія здѣшнихъ: губернскаго правленія, казенной, уголовной и гражданскихъ палатъ, приказа общественного призрѣнія, совѣстнаго и уѣздныхъ судовъ, дворянской опеки, городского магистрата..., получаемыя же бумаги должны быть распечатываемы секретарями по недѣлю и только требующія немедленнаго распоряженія докладываемы г. губернатору и по его приказанію исполняемы,—тѣмъ членомъ, который можетъ быть здоровымъ. Казначейство, винная и соляная экспедиціи не останавливались въ своихъ дѣйствіяхъ, также городская полиція и дума». (Дѣло Полт. губ. правл. о холерѣ съ 13 сентября 1830 г., по описи архива № 184).

Такого рода тревожныя извѣщенія получались со всѣхъ сосѣднихъ съ Полт. губернію губернаторствъ (кромѣ Черниговской губерніи), а

также отъ полицейскихъ управленій и маршаловъ со всѣхъ пограничныхъ повѣтовъ Полтавской губерніи. Толки и опасенія въ народѣ, разносимыя молвою съ окраинъ губерній, держали население въ ожиданіи и страхѣ, а оцѣпленіе, стѣснявшее людей, въ особенности рабочихъ въ передвиженіи, производило еще большее бѣдствіе, чѣмъ сама эпидемія и увеличивало всеобщій ропотъ. Въ это-то время вышло печатно слѣдующее достопамятное

«Его императорскаго величества генераль-адъютанта малороссійскаго военнаго губернатора, генерала отъ кавалеріи князя Рѣпина,

Открытое предписаніе по Полтавской губерніи. Дошло до меня свѣдѣніе, что по случаю появившейся въ смежныхъ губерніяхъ болѣзни, называемой «холера-морбусъ», многіе жители приходятъ въ уныніе и боятся послѣдствій оной, по слухамъ, — яко-бы болѣзнь сія есть прилипчивая и неизлечимая.

Сіе побуждаетъ меня обратиться лично ко всѣмъ жителямъ Полтавской губерніи, въ особенности къ простолюдинамъ, казакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ, и увѣрить ихъ, что опасенія сія совершенно неосновательны, ибо:

I. Болѣзнь, вблизи насъ находящаяся, не прилипчива, какъ чума, отъ прикосновенія, слѣдственно и не опасна какъ моровая язва.

II. Болѣзнь сія вездѣ излечивается, коль скоро дадутъ помощь въ началѣ оной.

Удостоверѣя о семъ всѣхъ жителей Полтавской губерніи, изложу я, однако-же, совѣты для предохраненія себя отъ оной и потому приглашаю всѣхъ и cadaго:

1) Твердо уповать на милосердіе Божіе и ходатайство за насъ Спасителя нашего, отвращающаго отъ прибѣгающаго къ нему всякія несчастія.

2) Вѣрить равномѣрно отеческому попеченію всемилостивѣйшаго государя нашего, обратившаго уже особенное свое вниманіе на прекращеніе сей болѣзни, а также и тому, что я исполню высочайшую волю Его Импер. Вел., употреблю всѣ мѣры къ недопущенію вторженія оной болѣзни въ Полтавскую губернію.

3) Послѣ сего быть спокойну, веселу и заниматься своими обязанностями, дѣлами и работами попрежнему.

4) Одѣваться какъ можно теплѣе, особенно же выходя на воздухъ въ сырую погоду; рубахи и портки почаще мыть.

5) Хаты содержать въ чистотѣ, опрятности и теплотѣ, вынося изъ оныхъ соръ и вывозя со двора навозъ и всякую нечистоту.

6) Не ѣсть сырой и гнилой пищи, особенно же арбузовъ, дынь, яблокъ, сливъ и всего, что можетъ производить броженіе (ворчаніе) въ желудкѣ.

7) Не спать на открытомъ воздухѣ.

8) Въ хатахъ излишнему народу не сбиваться и многимъ въ хатѣ не ночевать, особенно если онѣ сыры.

9) Не употреблять съ излишествомъ хмѣльныхъ напитковъ, но чарка настойки изъ полыня или звѣробоя весьма полезна; взрослымъ давать, смѣшавъ одну чарку настойки съ тремя чарками теплой воды, по одной чаркѣ въ день, а малолѣтнимъ совсѣмъ не нужно.

10) Не выходить на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, но съѣсть прежде кусокъ хлѣба съ солью, лукомъ или чеснокомъ.

11) Пить дегтярную воду, которая укрѣпляетъ силы и направляетъ желчь, а составлять ее, положивъ на ведро кипячей воды полкварты дегтю и мѣшая, покуда остынетъ. Напитокъ сей къ настоящему случаю весьма полезенъ и здоровъ. Сырой воды мало пить, а плодовой квасъ и сыровецъ вредны и ихъ совсѣмъ не пить.

Но если, несмотря на сіи предосторожности, болѣзнь, холера-морбусъ, чего Боже сохрани, покажется гдѣ либо, то должны урядники тотчасъ донести о семъ съ нарочнымъ нижнему земскому суду, а буде въ городѣ, доложить полиціймейстеру или городничему, которымъ предписаны отъ меня надлежащія мѣры. Болѣзнь сія узнается слѣдующими признаками:

1) Ломота, какъ бы въ лихорадкѣ.

2) Часовъ черезъ 6 судороги въ ногахъ и круженіе въ головѣ.

3) Потомъ судороги въ желудкѣ, рвота съ пѣной и поносъ.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни должны быть немедленно отвѣдены двѣ удобныя, просторныя и теплыя хаты,—одну для мужскаго, а другую для женскаго пола.

Заболѣвшихъ тотчасъ помѣщать въ сіи хаты, на подмосткахъ и на чистой соломѣ, до прїѣзда лекаря, первымъ же больнымъ, буде онъ запоздаетъ и есть въ деревнѣ рудомѣтъ, пустить ложку крови изъ руки.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни, я самъ буду объѣзжать селенья, въ которыхъ она откроется, и навѣщать лично больныхъ, слѣдственно ничего не будетъ упущено къ огражденію здоровыхъ, а страждущимъ оказана будетъ всевозможная помощь.

Я оканчиваю сіе предписаніе мое, вторично убѣждая всѣхъ вообще жителей и каждаго не вѣрять нелѣпнымъ слухамъ и быть, какъ я выше сказалъ, покойнымъ. Пятнадцать лѣтъ я уже вашимъ начальникомъ и вы всѣ знаете, что я боюсь Бога, вѣренъ государю и васъ не обижая, слѣдственно я васъ нынѣ не обманываю и вы всѣ должны, для собственной пользы вашей, исполнять мною нынѣ вамъ предписанное.

Полтава, сентября 16 дня, 1830 года.

Малороссійскій военный губернаторъ князь Рѣпининъ».

Почти одновременно съ этимъ документомъ появился и другой, но онъ не былъ открытымъ предписаніемъ, объявленнымъ всенародно, а сдѣлался достояніемъ только нѣкоторыхъ правительственныхъ учреждений, это—

«Всеподданнѣйшая докладная записка министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 28 августа 1830 года, о предполагаемыхъ имъ мѣрахъ къ пресѣченію холеры.

Изъ всеподданнѣйшихъ донесеній вашему императорскому величеству извѣстно, что эпидемическая болѣзнь, холера, въ нынѣшнемъ году вошла въ Россійскіе предѣлы... (слѣдуетъ подробное изложеніе хода холеры, начиная отъ персидскихъ городовъ въ Закавказьѣ и по берегамъ Каспійскаго моря, оттуда по Тереку и Волгѣ въ Землю войска Донскаго и переходъ ея въ оренбургское военное губернаторство, съ обозначеніемъ, сколько унесено ею жертвъ въ различныхъ мѣстностяхъ; затѣмъ говорится о мѣропріятіяхъ):

„Министерство внутреннихъ дѣлъ, при полученіи всякаго свѣдѣнія о сей заразѣ, спѣшило преподать зависящіе отъ него способы къ прекращенію оной въ мѣстахъ появленія“... (описывается что сдѣлано для отдѣльныхъ мѣстностей, говорится, что разосланы всюду наставленія, изданныя медич. совѣтомъ, командированы въ добавокъ къ мѣстнымъ врачамъ медичи и

фельдшера, посланы медикаменты въ достаточномъ количествѣ... мѣстнымъ начальствомъ преподаны наставленія... и т. п., далѣе говорится:) „такимъ образомъ, со стороны правительства приняты всѣ полицейскія и врачебныя мѣры къ охраненію народнаго благоденствія.

Но, не взирая на все сіе, язва холера пожрала уже множество народа, а быстрое распространеніе ея по разнымъ направленіямъ угрожаетъ дальнѣйшими бѣдствіями. Хотя самымъ опытомъ дознано, что болѣзнь сія есть эпидемическая, и не сообщается, подобно чумѣ, чрезъ прикосновеніе къ больнымъ или къ находящимся при нихъ вещамъ, однако-же дѣйствія ея не менѣе губительны и распространеніе въ воздухѣ гораздо быстрѣе.

Настоящія свойства ея еще недовольно извѣстны просвѣщенной Европѣ, а потому и самыя заключенія медиковъ о способахъ врачеванія, не соглашаясь въ своихъ предположеніяхъ, кажутся болѣе умозрительными или аналогическими, нежели точными. Предстоитъ надобность имѣть нѣсколько опытовъ надъ страждущими, открыть начало и ходъ скорбей ихъ, дать указываемое соображеніемъ пособіе и наблюсти за дѣйствіемъ онаго. Быть можетъ, что, при такихъ опытныхъ наблюденіяхъ, всѣ изданныя понинѣ медицинскія наставленія окажутся или недостаточными, или требующими совершеннаго измѣненія въ системѣ врачеванія.

Хотя уполномоченные сенаторы и прочіе мѣстные начальники, безъ сомнѣнія, не упустятъ ни чего, что преподано имъ отъ министерства и укажется мѣстными обстоятельствами къ принятію врачебныхъ и предохранительныхъ мѣръ, однако же при всякой новой встрѣчѣ, равно какъ и при недостаткѣ медиковъ или лекарственныхъ веществъ или другихъ какихъ либо другихъ затрудненіяхъ, они будутъ обращаться въ С.-Петербургъ съ спрашиваніемъ разрѣшенія, а между тѣмъ язва, не останавливаясь въ своемъ ходѣ, распространитъ пагубныя дѣйствія свои далѣе и далѣе.

Сенаторъ Лавровъ, распорядясь въ Астрахани, гдѣ зараза свирѣпствуетъ въ сильной степени, не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ на всемъ пространствѣ Астраханской губерніи. Подобно сему и главноначальствующій въ Закавказскомъ краѣ и графъ Сухтеленъ въ Оренбургѣ, находясь въ отдаленности одинъ отъ другаго, всѣ не могутъ согласоваться въ единствѣ способовъ и средствъ къ сопротивленію смертоносному потоку и къ удержанію губительнаго сего теченія“.

Отдаленность же столицы, какъ источника всѣхъ разрѣшеній, при поревнованіи ко благу общему, сама собою служитъ преградою къ сопротивленію злу въ самомъ началѣ.

Болѣзнь холера въ нашемъ отечествѣ есть явленіе необыкновенное, по чему и мѣры къ сопротивленію оной должны выходить изъ общаго порядка.

Въ сихъ убѣжденіяхъ, я полагаю бы весьма полезнымъ учредить центральную комиссію для прекращенія холеры, на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Начальствующимъ сей комиссіи, по избранію вашимъ императ. велич.

назначить генерала или сенатора, уполномочивъ его дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и дѣлать рѣшительныя распоряженія, какихъ только потребуетъ надобность, къ истребленію холеры и къ успокоенію жителей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она существуетъ.

2) и 3) (Говорится о томъ, чтобы предписать всѣмъ начальствующимъ губерній, областей, военнымъ губернаторамъ, чтобы они требованія комисіи исполняли и обо всемъ касательно холеры сообщали) ¹⁾.

4) 5) 6) 7) и 8) При начальствующемъ комисіею учредить медицинскій совѣтъ и въ составъ комисіи назначить особый факультетъ медиковъ. Туда же командировать профессоровъ, докторовъ военныхъ и гражданскихъ, извѣстныхъ своею опытностію, затѣмъ въ помощь имъ сколько потребуется ординаторовъ, фельдшеровъ, аптекарей, содержать въ достаточномъ количествѣ медикаментовъ....

9) Сверхъ того, въ обязанность, какъ совѣта, такъ и всей комисіи, вѣннѣтъ, кромѣ врачеванія одержимыхъ болѣзнью. изыскать тщательнѣйшимъ образомъ причины зарожденія холеры, ея свойства и вѣрнѣйшія средства къ предупреденію и излеченію оной.

10) 11) и 12) (Говорится о помѣщеніи больныхъ, объ отводѣ обывательскихъ домовъ, о внутреннемъ устройствѣ и хозяйствѣ комисіи).

13) Ассигновать къ отпуску изъ главнаго казначейства, на первый разъ, 50,000 рублей.

14) 15) и 16) (О порядкѣ и срокахъ сношеній, о прогонныхъ деньгахъ и жалованьѣ всѣмъ чинамъ. Затѣмъ записка оканчивается словами:)

Какое предположеніе мое имѣю счастье повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе вашего импер. величества.

Генераль-адъютантъ графъ Закревскій⁴.

28 августа 1830 г.

Записка эта находится въ дѣлѣ въ печатномъ видѣ и на оборотѣ послѣдняго ея листа напечатано слѣдующее:

«Указъ правительствующему сенату.

«Для пресѣченія вредныхъ дѣйствій эпидемической холеры, признали мы нужнымъ командировать министра внутр. дѣлъ, нашего генераль-адъютанта графа Закревскаго, уполномочивъ его принимать рѣшительныя мѣры и дѣйствовать къ пресѣченію сей заразы и къ препо-

¹⁾ Въ запискѣ этой пропущенъ дословный текстъ нѣсколькихъ пунктовъ, не имѣющихъ ни общаго, ни специально медицинскаго интереса.

данію страждущимъ оною всѣхъ способовъ къ излѣченію. На время командировки управленіе министерствомъ внутр. дѣлъ поручаемъ госуд. Совѣта члену, дѣйств. тайному совѣтнику Энгелю».

«Николай».

С.-Петербургъ,
4 сентября 1830 г.

Такимъ образомъ министръ внутр. дѣлъ, графъ Закревскій, самъ былъ командированъ во главѣ предложенной имъ центральной комисіи.

Согласовалось ли это съ желаніемъ графа или онъ и не помышлялъ о возможности того,—это остается неизвѣстнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ весьма лестный для него высочайшій рескриптъ и отправился немедленно въ мѣстности, пораженныя холерою. Комисіа, въ первое время по образованіи, избрала своимъ пребываніемъ г. Казань.

Главными мѣропріятіями отъ холеры въ 1830 году считались карантинныя и кордоны. При соображеніяхъ о предохраненіи населенія Полтавской губерніи отъ убійственной холерной заразы болѣе всего возлагалось надеждъ на недопущеніе проникновенія зараженныхъ людей изъ сосѣднихъ губерній. Большія пространства, вовсе не тронутыя холерой, считались зараженными вмѣстѣ съ другими только потому, что они входили въ составъ одной губерніи, гдѣ въ какой либо мѣстности уже появились заболѣванія,—правительственныя единицы принимались какъ-бы за одинъ организмъ, отъ котораго всюду можетъ сообщиться зараза. Карантинная система практиковалась въ громаднхъ размѣрахъ. Распоряженіе объ оцѣпленіи границъ Полтавской губерніи было сдѣлано только въ концѣ сентября, какъ видно изъ сообщенія о семъ полтавскаго гражданскаго губернатора отъ 23-го сентября 1830 года. № 12545, полтавской врачебной управлѣ, полученнаго въ оной пополуни въ 3 часа, въ которомъ изяснялось, что «г. малороссійскій военный губернаторъ, по случаю свирѣпствующей холеры - морбуса, въ Слободско-Украинской и Курской губерніяхъ, признавъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры отъ вторженія сей заразы въ Полтавскую губернію, изволилъ предписать его превосходительству оцѣпить весь рубѣжъ Полтавской губерніи со стороны Слободско-Укра-

инской и Курской: никого, ни проезжающих, ни проходящих через сіе оцѣпленіе не пропускать, кромѣ через карантинныя заставы, которыя учредить: роменскаго повѣта въ с. Березнякахъ, гадячскаго—с. Колединцѣ, Зѣнковскаго—м. Кузленѣ, Полтавскаго—с. Чутовѣ, Константиноградскаго—с. Старовѣровкѣ. Проезжающіе через карантинныя заставы будутъ удерживаемы въ оныхъ на 14-ти дневную обсервацію».

При каждой заставѣ были маленькіе склады лекарствъ и дезинфекціонныхъ средствъ: хлорная известь, марганца 60 фунтовъ, купороснаго масла 80 ф., каломеля 1 фунтъ, опія $\frac{1}{2}$ фунта. Кромѣ сихъ были еще—льняное сѣмя, гумми-арабикъ, мята, мятное масло и скипидаръ.

Оцѣпленіе вскорѣ было сдѣлано и со стороны Екатеринославской и Херсонской губерній. Разосланы были секретныя предписанія городничимъ и земскимъ комиссарамъ всѣхъ пограничныхъ уѣздовъ почаще удостовѣряться о положеніи уѣздовъ смежныхъ губерній и осматривать строго всѣхъ проезжающихъ и въ случаѣ сомнѣнія задерживать. Также отъ гг. маршаловъ назначены были «дворянскіе чиновники», безпрестанно и строго наблюдавшіе за точнымъ исполненіемъ сего. Между тѣмъ наступала уже глубокая осень и всюду поспѣшно строились карантинныя и кордонныя вдоль всей границы помѣщенія, но тѣмъ не менѣе они не могли поспѣть во время (по времени года) и быть достаточными для принятія всѣхъ задерживаемыхъ людей. Въ особенности партіи рабочихъ, имѣвшихъ при себѣ ничтожныя запасы дневнаго пропитанія, задерживались въ большомъ числѣ и часто оставались безъ помѣщенія на дождѣ, безъ пищи, отчего происходили мѣстами бунты и люди, выведенные изъ терпѣнья, десятками прорывались черезъ оцѣпленія, послѣ чего возникали слѣдственные дѣла.

Мѣры эти стоили и немалыхъ суммъ: Константиноградскій повѣтовый «предохранительный отъ заразительной болѣзни комитетъ» рапортомъ отъ 31 октября 1830 года доносилъ губернатору, что «для землянокъ кордонной стражи, по границѣ Харьковской губерніи, необходимо 81 сажень дровъ въ мѣсяць и таковыхъ нельзя приобрести во многихъ мѣстахъ вовсе», потому просилъ разрѣшеніе замѣнить ихъ соломой.

Карантинная система въ громаднхъ размѣрахъ проводима была повсюду, гдѣ ожидалась холера: Слободско - Украинская губернія, по всей границѣ своей, была оцѣплена отъ земли Войска Донскаго

въ Таврической губерніи поставлена была цѣпь отъ границы дѣл-ровскаго уѣзда (Екатеринослав. губерніи) до самаго Азовскаго моря (застава была въ Орѣховѣ),—вся южная и средняя Россія наложила на себя карантинныя цѣпи, считая ихъ единственнымъ спасеньемъ отъ нашествія страшной болѣзни. И эта примитивная, повидимому, простая, но ужасная мѣра оцѣпленія en masse и разобщенія населенія, вовсе неисполнимая и совершенно бесполезная, разрушила дѣла столько людей, и сама по себѣ нанесла столько тягостей населенію, что несчастія и потери, происшедшія отъ нея, надо полагать большими, чѣмъ отъ самой эпидеміи. Ложное убѣжденіе о пользѣ строго проводимой этой мѣры поддерживалось еще болѣе тѣмъ, что въ Полтавской губерніи (за исключеніемъ заболѣваній 18-го ноября въ г. Кременчугѣ) въ 1830 году холеры не появлялось (также какъ и въ Черниговской губерніи); это было по причинамъ никому неизвѣстнымъ и зависѣвшимъ отъ хода и свойства самой эпидеміи, но было отнесено всецѣло къ разумно принятымъ мѣрамъ,—какъ бы Полтавская губернія обязана своимъ спасеньемъ усердной службѣ пограничной стражи, не смотря на то, что въ дѣйствительности задерживаемые люди десятками, насильно и еще болѣе тайно, проходили черезъ нее. Да и тѣ же самыя мѣры примѣняемы были въ смежныхъ съ Полтавскою губерніяхъ (Херсонской, Екатеринославской, Слободско-Украинской и Курской) и не охранили же онѣ ихъ отъ холеры.

Но вотъ, ко всеобщему благополучію, по прошествіи мѣсяцевъ двухъ, трехъ отъ начала тревожныхъ извѣщеній, стали приходить отовсюду извѣстія успокоительныя, объ уменьшеніи числа заболѣваній, ослабленіи эпидеміи и совершенномъ, наконецъ, ея прекращеніи.

Извѣщенія эти носятъ на себѣ особый характеръ официальной торжественности. Для образца я выбралъ слѣдующія два отншенія, — о прекращеніи холеры въ г. Изюмѣ и таковое же о г. Херсонѣ:

1) Слободско-украинскаго гражданскаго губернатора отъ 24 октября 1830 г. № 16096, господину полтавскому гражданскому губернатору.

Отъ изюмской градской полиціи получено мною 22 числа сего октября донесеніе, что по случаю прекращенія въ г. Изюмѣ свирѣпствовавшей эпидемической болѣзни холеры, вслѣдствіе распоряженія здѣшняго губернскаго комитета, учинѣннаго на основаніи предписанія г. министра внутр. дѣлъ, предъ снятіемъ оцѣпленія съ города 21 сего октября, сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: по отпавленіи божественной литургіи, какъ въ соборномъ храмѣ, такъ и во всѣхъ приходскихъ церквахъ, начался крестный ходъ

ото всѣхъ церквей, съ хоругвями и иконами, а изъ пригородной церкви, съ чудотворною иконою Казанскія Божія матери, къ рѣкѣ Донцу, гдѣ имѣлось начало оцѣпленія города, и, приближась къ мосту, по прочтеніи предписаній начальства и правилъ г. министра внутр. дѣлъ, въ одно мгновеніе было снято оцѣпленіе; потомъ всѣ крестныя ходы, при многолюдномъ собраніи обоего поля людей, соединясь вмѣстѣ и приближась къ уготованному мѣсту на р. Донцѣ, совершенно было освѣщеніе воды соборомъ, затѣмъ совокупное шестіе крестнаго хода, при окропленіи города святою водою, остановилось на градской площади, гдѣ принесено было благодарственное, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе въ теплыхъ молитвахъ Господу Богу, управляющему судьбою челоувѣковъ и услышавшему ихъ въ скорбѣхъ, и возглашено было многоглаголюе его импер. величеству и всеавгустѣйшей фамиліи; наконецъ, окроплены были святою водою всѣ дома, занимавшіеся больницами, и тюремный замокъ. При чемъ полиція присовокупляетъ, что при семь случаѣхъ всеуныи жителей исчезло; духъ бодрости водворился и каждый изъ служащихъ съ новыми силами спѣшилъ къ обязанности своей на службу царскую, а отцы и матери и дѣти ихъ, бывшіе въ отсутствіи во время оцѣпленія города, спѣшили въ объятія другъ къ другу и въ дома свои.

О семъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, гражданскій губернаторъ Каховскій.

2) И. д. херсонскаго гражданскаго губернатора. отъ 18 декабря 1830 года, № 15580. господину полтавскому гражданскому губернатору.

Всевышній Творецъ, по неизрѣченному милосердію Своему, благословилъ мѣры, предпріятыя благодѣтельнымъ правительствомъ, отъ исполненія коихъ гибельная болѣзнь холера прекращена въ Херсонѣ и по благополучномъ истеченіи назначеннаго 14-дневнаго обсервационнаго термина и по отправленіи соборне о умершихъ отъ холеры панихиды и благодарственнаго Господу Богу молебствія за избавленіе г. Херсона отъ посѣтившаго несчастія, оцѣпленіе, городъ ограждавшее, снято 16 числа сего мѣсяца.

О семъ счастливымъ въ отношеніи города Херсона, равно и Николаева, гдѣ также оцѣпленіе 11-го числа декабря снято, событіи ваше превосходительство увѣдомляя, съ прискорбіемъ присовокупить имѣю честь, что гибельная сія болѣзнь открылась и продолжается еще въ разныхъ мѣстахъ уѣздовъ. и о прекращеніи коей и о недопущеніи къ распространенію ея приняты надлежащія мѣры. Вице-губернаторъ П. Бунячовъ.

Такова была прелюдія холеры въ Полтавской губерніи. Жители ея и правительственныя лица, не будучи вовсе знакомы съ характеромъ этой эпидеміи, стоявшей у порога губерніи, и получая извѣщенія съ разныхъ мѣстъ о ея ослабленіи и прекращеніи, радовались уже, что Полтавская губернія спасена отъ заболѣванія, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ затѣмъ, какъ стали обнаруживаться повсюду внутри

губерніи сначала одиночныя заболѣванія, а потомъ (въ мартѣ 1831) тяжкіе и многочисленныя случаи азіятской холеры (также и въ губерніи Черниговской). По числу больныхъ и смертности Полтавская губернія, въ 1831 году, превысила всѣ губерніи въ Россіи. Въ ней (по официальнымъ свѣдѣніямъ) заболѣвшихъ было—48,826 и умершихъ—14,552, что составляетъ 13 на 1000 по численности населенія этихъ губерній того времени.

Д. Д. Ахшарумовъ.

1 мая 1885 года,
г. Полтава.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834 гг.

VIII.

1832 г.

Новый годъ.—Маскарадъ.—Король и королева боба.—Столѣтній юбилей I-го кадетскаго корпуса.—Масляница.—Катанье съ горъ.—Великій постъ.—Экзамены.—Кончина вел. княжны Александры Михайловны.—Проступокъ и наказаніе.—Причастіе.—Катанье яиць.—Пасха.—Приключенія на балаганахъ.—День рожденія вел. князя.

1-го января. Пятница. Въ 12 часовъ пополночи ихъ величества пришли поздравить его высочество съ новымъ годомъ; великій князь спалъ глубокимъ сномъ. Онъ приподнялся, поцѣловалъ родителей и говорилъ съ ихъ величествами, однако же, на другое утро обстоятельства этого не вспомнилъ. Въ 8 часовъ принималъ поздравленія гг. офицеровъ 2-го баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и музыкантовъ сего же полка, которые играли различные марши. Потомъ всѣ гг. учителя, многіе генералы поздравляли его съ новымъ годомъ.

Въ 10 часовъ великій князь ѣздили съ поздравленіями къ ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Въ 11 часовъ была торжественная служба въ большой дворцовой церкви, въ присутствіи ихъ величествъ государя императора и государыни

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106; май, стр. 265—288; июнь, стр. 481—510; т. XLVII, июль, стр. 27—44.

императрицы, ихъ высочествъ, цесаревича наслѣдника, его высочества великаго князя Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны и государынь великихъ княженъ.

Вечеромъ былъ маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ для дворянства и купечества, какъ русскаго, такъ и иностраннаго; балъ окончился ужасномъ въ эрмитажѣ.

По доставленнымъ точнымъ свѣдѣніямъ на маскарадѣ было до 22.000 человекъ.

2-го января. Суббота. Въ продолженіи дня его высочество занимался собственными занятіями, вечеромъ онъ былъ въ нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ давали: «Die Kleinstädter und das Fest der Handwerker». Г-нъ Линденштейнъ и смѣшной танецъ ремесленниковъ много веселили великаго князя.

3-го января. Воскресенье. Замѣчательнаго ничего не было. Вечеромъ въ эрмитажѣ было собраніе, но его высочество приглашенъ не былъ.

4-го января. Понедѣльникъ. Утромъ его высочество жаловался на головную боль, однако послѣ движенія въ манежѣ боль прошла. Ихъ величества ночевали въ Аничковскомъ дворцѣ.

5-го января. Вторникъ. Въ 11 часовъ была обѣдня съ водосвятіемъ въ церкви Аничковскаго дворца. Ихъ величества и ихъ высочества изволили присутствовать при обѣднѣ.

6-го января. Среда. Его высочество заниматься изволилъ до 9 часовъ собственными занятіями. Надѣвъ кавалергардскій мундиръ, великій князь пошелъ къ ихъ величествамъ, послѣ чего всталъ на лѣвый флангъ кавалергардскаго взвода, поставленнаго въ бѣломъ залѣ. По окончаніи церемоніи водоосвященія и освященія знаменъ и штандартовъ, великій князь отнесъ штандартъ кавалергардскаго полка въ комнаты ея величества.

Вечеромъ у его высочества были по 2 кадета изъ каждаго корпуса, съ которыми онъ игралъ въ жгуты. Въ 7 часовъ все маленькое общество было приглашено къ ихъ высочествамъ великимъ князямъ, гдѣ поданы были два хлѣба, въ которыхъ находились бобы, въ каждомъ по одному, каждый хлѣбъ былъ разрѣзанъ на двадцать кусковъ, раздѣленныхъ приглашеннымъ, и тѣ, у кого были бобы, должны были быть королемъ и королевой вечера. Жребій палъ на государя

наслѣдника и великую княжну Марію Николаевну. Сдѣлали тронъ подъ балкономъ маленькаго домика, предъ которымъ всталъ почетный караулъ, подъ начальствомъ П. Баранова; барабанщикомъ былъ государь императоръ. Ихъ величества король и королева въ сопровожденіи ихъ блестящаго двора были встрѣчены радостными криками и военными почестями, ихъ сану присвоенными.

Помѣстившись на тронѣ, ихъ величества раздавали награды, провозглашаемая громкимъ голосомъ кн. А. Н. Голицынымъ. Когда главные должностныя лица были назначены, королева повелѣла начать балъ, государыня императрица взяла на себя обязанность оркестра. Протанцовавъ французскій кадрили, общество разошлось.

7-го января. Четвергъ. Его высочество позабылъ выучить наизусть заданныя ему стихи г. Варрандомъ. За обѣдомъ кушалъ одинъ супъ. Вечеромъ былъ балъ, великій князь на ономъ находился до 10 часовъ.

8-го января. Пятница. Его высочество великій князь и его товарищи поздравляли меня съ днемъ рожденія моего и поднесли подарки своей работы. Вечеромъ играли въ разныя игры съ моими дѣтьми и очень веселились.

9-го января. Суббота. Сегодня его высочество занимался съ болѣшимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Вечеромъ былъ большой дѣтскій балъ. Изъ каждаго кадетскаго корпуса было по три воспитанника, а всего 158 дѣтей на балѣ. Великій князь и его товарищи много веселились.

10-го января. Воскресенье. Ея величество государыня императрица предложила великому князю идти въ эрмитажъ на спектакль и приказала ему просить на то у меня согласія.

— «Скажите ея величеству, отвѣтилъ я, что, не зная піесъ, которыя будутъ представлены, я умоляю ея величество взять на себя рѣшить, можете ли вы ихъ видѣть или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы хорошо бы сдѣлали, мой милый великій князь, сказавъ государынѣ императрицѣ, что вы лучше бы желали остаться у себя и готовить уроки. Я увѣренъ, что чрезъ это вы доставите ея величеству гораздо болѣе удовольствія, потому что она увидитъ, что вы предпочитаете долгъ вашъ удовольствіямъ».

Великій князь сдѣлалъ, какъ будто не слышалъ совѣта моего, потому пришелъ сказать мнѣ, что его мама желаетъ, чтобы онъ шелъ въ театръ.

— «Вы не просили у ея величества позволенія остаться дома?»

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, и такимъ образомъ мы отправились въ театръ. Давали: «La Dame et la Demoiselle, comed.» и «Der Hausdoctog», глупѣйшая пѣса, которую я когда либо видѣлъ. Вернувшись къ себѣ, великій князь занимался до 11 часовъ, но работы не окончилъ.

11-го января. Понедѣльникъ. Что было мною предвидѣно—случилось. Великій князь не имѣлъ времени приготовить урокъ для г. Вуарранда, онъ получилъ отмѣтку хуже, чѣмъ его товарищи, за что получилъ выговоръ отъ государя императора и такъ какъ онъ не училъ урока, то, по нашимъ правиламъ, за обѣдомъ ѣлъ одинъ супъ.

— «Вы видите, мой милый, сколько печали себѣ готовятъ, когда не имѣютъ твердости и постоянства. Помните всегда, что малодушие бываетъ нерѣшительно, а что нерѣшительность кончается тѣмъ, что избираетъ худшее рѣшеніе. Вы колебались отказаться отъ удовольствія театра, а теперь вы печальны, грустны и раскаяваетесь».

12-го января. Вторникъ. Былъ балъ въ Аничковскомъ дворцѣ, но мы на ономъ не были. «Что причиною вашей печали?», спросилъ я у великаго князя, видя его грустнымъ и готовымъ заплакать.

— «Г-нъ Плетневъ меня аттестовалъ хуже Віельгорскаго, а папа подумаетъ, что я былъ менѣе его внимателенъ во время урока».

— Мой милый другъ, отвѣтилъ я ему, у васъ благородное и справедливое сердце, спросите у этого судьи, поступили ли противъ васъ несправедливымъ образомъ,—вы увидите, что у васъ останется лишь только желаніе въ другой разъ лучше исполнить вашъ долгъ».

Великій князь, подумавъ немного, сознался, что вина была съ его стороны.

13-го января. Среда.

14-го января. Четвергъ. } Прекрасные дни во всѣхъ отношеніяхъ.

15-го января. Пятница. }

16-го января. Суббота. Въ продолженіи дня поведеніе и ученіе его высочества и его товарищей были похвальны. Вечеромъ, однако, мнѣ пришлось сдѣлать великому князю выговоръ за дурную привычку, которую не хочетъ оставить, шутить, когда чѣмъ нибудь занимается.

«Никогда не корчите шута и помните всегда, что у шута настолько именно ума, чтобы быть глупцомъ. Человѣкъ безъ достоинства есть

существо несчастное. Государи, будучи созданиемъ общественнаго мнѣнія, должны стараться не терять его уваженія».

17-го января. Воскресенье. Его высочество занимался съ прилежаніемъ во время собственныхъ занятій и показалъ большое вниманіе во время бесѣды съ отцомъ Павскимъ. Ихъ величества изволили поручить великому князю поздравить княгиню Н. Голицыну съ днемъ ея рожденія. Онъ исполнилъ это прекрасно. Надо отдать справедливость его высочеству, онъ любезенъ не по лѣтамъ и въ особенности съ дамами, которыя всё вообще отъ него въ восхищеніи.

18-го января. Понедѣльникъ. Прекрасный день.

19-го января. Вторникъ. Вчера вечеромъ у великаго князя заболѣло горло, ему предписали сдѣлать ножную ванну, соблюдать діету и спать какъ можно болѣе.

Проспавъ сряду одиннадцать часовъ, онъ проснулся совершенно здоровымъ, но изъ комнатъ своихъ не выходилъ во весь день. Только лекція отъ 7 до 9 часовъ была пропущена.

20-го января. Среда. Его высочество занимался прекрасно у всѣхъ гг. учителей и поведеніемъ его я былъ доволенъ. Великій князь избавился совершенно отъ боли горла.

21-го января. Четвергъ. За обѣдомъ его высочество кушалъ одинъ супъ, потому что не зналъ урока у г. Эртеля. Впрочемъ поведеніе его было хорошо. Онъ писалъ письмо къ своему двоюродному брату, наследственному принцу Саксенъ-Веймарскому.

22-го января. Пятница. Былъ балъ у министра императорскаго двора въ домѣ удѣловъ, его высочество на балѣ не былъ. Поведеніе и прилежаніе великаго князя были похвальны.

23-го января. Суббота. Сегодняшній день и вся недѣля были хороши по повѣркѣ журнала.

24-го января. Воскресенье. Слѣдуетъ ли прощать обиды? спросилъ между прочимъ г. Павскій у его высочества.

— «Должно неотмѣнно прощать обиды, дѣлаемая намъ лично, но обиды, нанесенныя законамъ народнымъ, должны быть судимы законами, отвѣчалъ великій князь. Сущствующій законъ не долженъ дѣлать исключеній ни для кого».

— Это сужденіе правильно, сказала я ему, но помните, что чувства сердца должны всегда соответствовать поступкамъ нашимъ. Недостаточно знать правила, должно умѣть ихъ исполнять.

Я вполне увѣренъ, что трудно было бы найти молодого человѣка одинакихъ лѣтъ съ великимъ княземъ, который бы имѣлъ столь справедливыя понятія о своихъ обязанностяхъ: никогда не случилось слышать отъ него неправильнаго сужденія. Но, къ несчастію, столь же трудно было бы найти молодого человѣка, у котораго бы такъ мало было воли надъ самимъ собою.

25-го января. Понедѣльникъ.	} Прекрасные дни, особеннаго ничего не было.
26-го января. Вторникъ.	

27-го января. Среда. Великій князь поздравлялъ е. выс. великаго князя Михаила Павловича съ днемъ его рожденія въ Аничковскомъ дворцѣ, куда онъ пріѣхалъ именно въ ту минуту, когда мы собирались ѣхать къ нему. Александръ Николаевичъ подарилъ ему прекрасное ружье, стволъ и ложа коего покрыты золотыми и серебряными инкрустаціями.

28-го января. Четвергъ. Къ обѣднѣ е. выс. наслѣдникъ поѣхать изволилъ во дворецъ великаго князя Михаила Павловича. Потому уроковъ отъ 10 до 12 часовъ не было. Г-нъ Арсенъевъ, разсмотрѣвъ работу великаго князя объ исторіи Россіи, нашель, что начало было сдѣлано весьма хорошо, но остальное имѣло на себѣ отпечатокъ величайшаго нерадѣнія, сказавъ это великому князю, онъ прибавилъ: «хотѣлось бы плакать съ досады, в. выс., читая работу вашу, зная, что вы надежда Россіи».

Этотъ упрекъ сильно тронулъ великаго князя и онъ не могъ удержать слезъ своихъ.

29-го января. Пятница. Прекрасный день.

30-го января. Суббота. Его выс. принималъ кн. Варшавскаго, прибывшаго сегодня ночью въ С.-Петербургъ. Между 12-ю и часомъ е. выс. самъ былъ у фельдмаршала чтобы отдать визитъ. Великій князь выразилъ фельдмаршалу съ милою любезностью удовольствіе, испытываемое имъ, видя его здоровымъ и покрытымъ славой.

31-го января. Воскресенье. Отъ 6 до 8 великій князь приготовлялъ уроки для г. Липмана, потомъ читалъ XIII главу Евангелія

св. Луки, которую г. Павскій объяснял. Послѣ обѣдни былъ у г. Игнатѣва, флигель-адъютанта е. вел., у котораго крестилъ новорожденнаго сына Николая. Всѣ были восхищены его обращеніемъ и любовью.

Къ обѣду е. выс. были приглашены кадеты, подходившіе къ государю императору во время развода на ординарцы. Послѣ обѣда я доставилъ случай е. выс. и его товарищамъ слышать чревовѣщателя, что ихъ чрезвычайно занимало. Вечеромъ играли въ разныя игры и всѣ были веселы и довольны.

1-го февраля. Понедѣльникъ. Прекрасный день.

2-го февраля. Вторникъ. Ихъ вел. провели день въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ былъ балъ. День проведенъ безъ упрека.

3-го февраля. Среда.

4-го февраля. Четвергъ.

5-го февраля. Пятница.

Прекрасные дни.

6-го февраля. Суббота. Во время урока танцованія великій князь дѣлалъ фарсы.

7-го февраля. Воскресенье. Утро проведено по обыкновенію. Послѣ развода государь императоръ прислалъ къ великому князю всѣхъ кадетъ, подходившихъ на ординарцы сегодня: Инженернаго училища Шарыгинъ, Павловскаго корпуса Ольдерагъ, 2 кадетскаго корпуса Линденеръ, Института Путей Сообщенія Дихтъ.

Всѣ эти господа были приглашены къ столу ихъ выс. великихъ княженъ. Послѣ обѣда, согласно желанію е. вел., наследникъ и гости его стояли въ караулѣ, въ большомъ залѣ, гдѣ ожидали пока ихъ вел. не пройдутъ въ эрмитажъ. Мнѣ казалось, что великій князь не веселился, можетъ быть ему пріятнѣе бы было побѣгать и играть въ барры.

8-го февраля. Понедѣльникъ. Его выс. не умѣлъ рассказать и дать отчетъ прочтенной главѣ въ сочиненіи Сегюра. До сихъ поръ онъ не имѣетъ любви къ чтенію, мало у него твердости въ исполненіи по совѣсти обязанностей своихъ и вообще недостатокъ постоянства.

9-го февраля. Вторникъ. Прекрасный день; но вечеромъ снова долженъ былъ сдѣлать великому князю выговоръ за безпечность, съ которою онъ беретъ урокъ танцованія.

10-го февраля. Среда. Великий князь учился хорошо и поведение было похвально; однако-же я принужденъ былъ замѣтить ему, что при малѣйшемъ случаѣ онъ старается оправдываться и я представилъ ему, какъ должно быть осторожнымъ, извиняя себѣ недостатки, могущіи лишь только происходить отъ гордости, пагубнаго чувства, источника большей части пороковъ.

11-го февраля. Четвергъ.

12-го февраля. Пятница.

13-го февраля. Суббота.

} Поведеніе и ученіе е. выс. были
отмѣнно хороши.

14-го февраля. Воскресенье. Утро проведено какъ обыкновенно. Его выс. былъ приглашенъ участвовать въ *partie de plaisir*, въ саняхъ. Дамы бросили жребій съ кѣмъ ѣхать. Великому князю пришлось ѣхать съ баронессою Фредериксою. Государыня императрица ѣхала съ фельд-маршаломъ кн. Паскевичемъ и сани ея тотчасъ слѣдовали за санями шталмейстера кн. В. Долгорукаго, находившагося въ главѣ линіи саней. третьи сани были заняты государемъ императоромъ съ графинею Тизенгаузенъ, въ четвертыхъ наслѣдникъ цесаревичъ, потомъ слѣдовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Виртембергскій, принцъ Ольденбургскій и принцы Александръ и Эрнестъ Виртембергскіе. Всего было около двадцати саней.

На срединѣ дороги на Малой Невкѣ были приготовлены двое большихъ саней, каждая запряжена въ 8 лошадей, къ этимъ санямъ были прикрѣплены по двое саней маленькихъ. Часть общества размѣстилась въ большихъ, другая въ малыхъ, съ возможностью быть опрокинутыми. Такимъ образомъ пріѣхали на Елагинъ, гдѣ тотчасъ же начали кататься съ ледяныхъ горъ, построенныхъ противъ дворца. Великий князь отличался своею ловкостью; онъ скатилъ съ горы ихъ вел., великаго князя Михаила Павловича и другихъ особъ, съ обыкновенною увѣренностію. Около 4 часовъ перемѣнили туалетъ, танцовали до 5, въ 5 былъ завтракъ, послѣ котораго танцовали до 8 часовъ. Въ 8 час. отправились въ театръ, устроенный въ столовой залѣ. Г-жа Бра, гг. Марре, Верне и Стокле представили нѣсколько сценъ изъ комедій. Несмотря на пошлость пьесъ, всѣ смѣялись отъ души. Такъ какъ обѣдъ долженъ былъ быть въ 12 часовъ ночи, мы съ великимъ княземъ уѣхали въ 10 часовъ, весьма довольные весело проведеннымъ днемъ; рѣдко праздникъ можетъ удасться такъ, какъ сегодняшній.

15-го февраля. Понедѣльникъ. Его. выс. всталъ какъ обыкновенно въ 6 часовъ, былъ прилеженъ и вель себя прекрасно.

16-го февраля. Вторникъ. Поведеніе и ученіе были хороши. Вечеромъ отъ 7 до 8 часовъ е. выс. великій князь присутствовалъ въ унтеръ-офицерскомъ кадетскомъ мундирѣ при церемоніи освѣщеніи новаго знамени, которое государь императоръ даетъ I кадетскому корпусу въ замѣнъ стараго, по случаю столѣтней годовщины основанія корпуса.

17-го февраля. Среда. Послѣ урока г. Колинса великій князь отправился въ манежъ I кадетскаго корпуса, гдѣ были собраны всѣ кадеты сего корпуса, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя Михаила Павловича, который долженъ былъ ихъ разставить для парада, противъ памятника фельдмаршала гр. Румянцева, воспитанника I кадетскаго корпуса, основанію коего празднуютъ сегодня столѣтній юбилей. Государь наслѣдникъ находился за унтеръ-офицера въ знаменныхъ рядахъ. Государь императоръ, потомъ государыня императрица изволили проѣзжать вдоль фронта; они встрѣчены были съ военными почестями и многократными ура!

Послѣ чего государь императоръ самъ изволилъ принять команду и отдалъ военную честь памятнику, воздвигнутому фельдмаршалу гр. Румянцеву; сія торжественная минута вызвала благородный восторгъ въ сердцахъ молодыхъ россіянъ, призванныхъ къ служенію на томъ же поприщѣ и поддерживать престолъ и отечество; старые воины не могли удержаться отъ слезъ при видѣ сей почести, отдаваемой государемъ военнымъ доблестямъ.

По окончаніи парада отправились въ корпусную церковь, гдѣ былъ молебенъ, послѣ коего было освящено новое знамя. Послѣ обѣди е. выс. великій князь Михаилъ Павловичъ пригласилъ ихъ вел. весь дворъ, министровъ и знатныхъ особъ, а равно и офицеровъ I кадетскаго корпуса, къ завтраку, приготовленному въ большомъ залѣ музея. Къ 3 часамъ государь императоръ изволилъ пригласить къ обѣденному столу въ Зимній дворецъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, воспитанныхъ въ семъ заведеніи.

Гг. корпусные командиры, начальники дивизій, генераль-адъютанты и флигель-адъютанты е. вел. обязаны были угощать приглашенныхъ и кадетъ.

Старшій членъ общества былъ генераль-адъютантъ Ушаковъ. Послѣ обѣда гг. кадеты гуляли въ залахъ эрмитажа до 6 часовъ. въ 6 часовъ были они приглашены въ театръ, гдѣ весьма веселились.

18-го февраля. Четвергъ. Великій князь бралъ уроки до 12 часовъ. Было большое гулянье въ саняхъ; великій князь ѣздилъ съ государынею императрицею. По прїѣздѣ на Елагинъ, катались съ ледяныхъ горъ и въ санкахъ. Его выс. былъ опрокинутъ, но, благодаря Бога, не ушибся; вечеромъ былъ балъ, великій князь танцевалъ до 9 часовъ. Послѣ чего е. выс. Михаилъ Павловичъ повезъ его въ 1 кадетскій корпусъ на балъ, данный для родственниковъ гг. кадетъ, въ трехъ различныхъ залахъ. Прїѣздъ ихъ выс. доставилъ огромное удовольствие всему обществу, которое, казалось, веселилось отъ всего сердца. Мы тамъ оставались до 11 часовъ.

19-го февраля. Пятница. Классы продолжались до 12 часовъ. Около 2 часовъ мы отправились на блины къ флигель-адъютанту г. Игнатьеву. Погода была прекрасная и мы возвратились во дворецъ пѣшкомъ. Къ 5 часамъ были приглашены къ великому князю изъ каждаго кадетскаго корпуса по 5 воспитанниковъ и еще нѣсколько дѣтей въ Аничковскій дворецъ для катанія съ ледяныхъ горъ. Всего было до шестидесяти мальчиковъ. Горы были освѣщены и все маленькое общество веселилось чрезвычайно. Однакоже былъ неприятный случай: сынъ кн. Щербатова, при паденіи изъ саней, сильно разшибъ себѣ високъ. Терпѣніе и мужество этого 13 лѣтняго мальчика всѣмъ привело въ восхищеніе, ему перевязали рану и зашили ее и онъ во все это время не произнесъ жалобы.

20-го февраля. Суббота. Уроки продолжались до 12 час. Послѣ большой прогулки пѣшкомъ, е. выс. отправился къ обѣду къ е. и. въ великому князю Михаилу Павловичу, куда приглашены были до 40 воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Вечеромъ представлены были китайскія тѣни, показываемыя г. André, пантомима и арлекинскій танецъ, исполненный г. Флери. Этимъ зрѣлищемъ любовались болѣе 200 молодыхъ людей.

21-го февраля. Воскресенье. Утро проведено по обыкновенію. Въ часъ великій князь ѣздилъ въ саняхъ на Елагинъ, гдѣ катался съ горъ и въ салазкахъ. Е. в. государь императоръ, наследникъ, княгиня Урусова и другія особы были опрокинуты; княгиня Урусова и великій князь получили довольно сильные ушибы. Балъ продолжался до полуночи, но мы вернулись въ 10 часовъ вечера.

22-го февраля. Понедѣльникъ. Отъ до 10 до 11 е. вел. и Вильгорскій были у заутрени въ комнатахъ ихъ вел. Уроки были въ обыкновенные часы.

23-го февраля. Вторникъ. Его выс. и Вѣльгорскій были въ церкви отъ 9 до 10 утра и отъ 7 до 8 вечера. По случаю нездоровья, я принужденъ былъ не выходить изъ комнаты. Великій князь гулялъ съ г. Юрьевичемъ.

24-го февраля. Среда. Служба была въ тѣ же часы. Великій князь кромѣ того былъ у обѣдни отъ 12 до 1. Поведеніе и ученіе были весьма хороши.

25-го февраля. Четвергъ. Великій князь былъ съ поздравленіемъ у своей двоюродной сестры великой княжны Маріи Михайловны, которой поднесъ въ подарокъ бирюзовыя серги.

26-го февраля. Пятница. Прекрасный день.

27-го февраля. Суббота. Всю эту недѣлю е. выс. и его товарищи постились. Великій князь, какъ и всѣ дѣти, будучи лакомка, не пренебрегаетъ и постнымъ столомъ, напротивъ есть блюда, которыя онъ любитъ, въ особенности мелкую рыбу снятки.

28-го февраля. Воскресенье. Утро проведено по обыкновенію, частью употреблено на приготовленіе собственныхъ занятій, а потомъ въ бесѣдахъ съ отцомъ Павскимъ. Вечеромъ игралъ въ большомъ залѣ съ нѣсколькими молодыми людьми.

29-го февраля. Понедѣльникъ.

1-го марта. Вторникъ,

2-го марта. Среда.

} Прекрасные дни.

3-го марта. Четвергъ. Его выс. не показавъ большого прилежанія при приготовленіи собственныхъ занятій послѣ обѣда.

4-го марта. Пятница. Прекрасный день.

5-го марта. Суббота. На будущее время на четвертой недѣлѣ каждаго мѣсяца будетъ частный экзаменъ, третья же недѣля будетъ употреблена на повторенія; это началось съ нынѣшней недѣли. Тяжело было мнѣ замѣтить, что е. выс. не занимался съ тѣмъ усердіемъ, которое должно было бы произойти отъ желанія превзойти своихъ

товарищей. По настоящее время онъ не испытываетъ никакой потребности къ наставленію себя чтеніемъ.

6-го марта. Воскресенье. Въ 12 часовъ е. выс. наслѣдникъ представлялся государю императору въ мундирѣ атаманскаго полка, въ полной формѣ верхомъ, въ присутствіи полкового командира атаманскаго полка ген.-майора Кузнецова. Было рѣшено, что подушка сѣдла и чепракъ будутъ на будущее время изъ синяго сукна. Вечеромъ у е. выс. было нѣсколько молодыхъ людей, играли въ большомъ залѣ.

7-го марта. Понедѣльникъ. Въ часъ пополудни е. выс. ѣздили встрѣчать гвардейскихъ казаковъ. Будучи уже нѣсколько дней нездоровъ, я не могъ съ нимъ ѣхать. Экзамень былъ отъ 7 до 12 часовъ. Его высочество и Віельгорскій отвѣчали прекрасно.

8-го марта. Вторникъ. Въ 12 часовъ е. выс. ѣздили съ государемъ императоромъ въ Царское Село на встрѣчу лейбъ-гвардіи царскаго полка, прибывшаго изъ похода. Его выс. обѣдать изволили съ государемъ императоромъ въ Царскомъ Селѣ и вернулся только въ 7 часовъ вечера. По причинѣ сей поѣздки, экзамень продолжался только до 12 часовъ. Великій князь и Віельгорскій оказались равными у г. Колинса, но у г. Триніуса Віельгорскій отвѣчалъ лучше. Паткуль въ обоихъ предметахъ былъ третьимъ.

9-го марта. Среда. Былъ экзамень въ математикѣ и исторіи у г. Липмана и г. Жилля. Великій князь отвѣчалъ весьма хорошо, однако Віельгорскій имѣлъ преимущество надъ нимъ.

10-го марта. Четвергъ. Отвѣтами его высочества на экзаменѣ г. Эртеля всѣ были чрезвычайно довольны. У г. Арсеньева Віельгорскій отвѣчалъ лучше великаго князя.

11-го марта. Пятница. Г. Жуковскій былъ весьма доволенъ отвѣтами его высочества и Віельгорскаго.

12-го марта. Суббота. Экзамень былъ весьма хорошъ; продолжался только до 12 часовъ, потому что его высочество ѣздили на встрѣчу Павловскаго полка. Дождь шелъ въ продолженіи цѣлаго дня, холодъ былъ весьма непріятный, однако великій князь присутствовалъ при молебнѣ на большомъ плацу. По результату экзаменовъ видно,

что Вильгорскій болѣе всѣхъ сдѣлалъ успѣховъ. Паткуль во всѣхъ предметахъ былъ послѣднимъ. Великому князю единственно недостаетъ только доброй воли.

13-го марта. Воскресенье. Ихъ величества ѣздить изволили къ обѣду въ Петергофъ. У великаго князя было нѣсколько молодыхъ людей, съ которыми онъ игралъ въ большихъ залахъ; поведеніе его было прекрасно.

14-го марта. Понедѣльникъ. Во время урока исторіи его высочество былъ невнимателенъ и получилъ отмѣтку хуже товарищей.

15-го марта. Вторникъ. Весьма хорошій день въ отношеніи поведенія и ученія. Ея императорское высочество великая княжна Александра Михайловна заболѣла въ 4 часа пополуночи, а въ 2 часа пополуночи скончалась, вслѣдствіе конвульсій; его высочество великій князь и все императорское семейство чрезвычайно огорчены сею неожиданныю потерей.

16-го марта. Среда. Великій князь получилъ дурную отмѣтку и все время урока игралъ руками.

17-го марта. Четвергъ. Поведеніе великаго князя было хорошо, но во время уроковъ онъ былъ не очень внимателенъ. Въ 7 часовъ вечера великій князь съ ихъ величествами ѣздилъ къ великому князю Михаилу Павловичу, гдѣ присутствовали при панихидѣ и перенесеніи тѣла покойной великой княжны въ крѣпость.

18-го марта. Пятница. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя я былъ доволенъ.

Вчера отъ 5 до 6 часовъ его высочество былъ въ манежѣ Аничковскаго дворца, гдѣ въ первый разъ ѣздилъ въ каруселяхъ. Ѣздя верхомъ съ поразительною смѣлостью, онъ на первый разъ весьма хорошо исполнилъ свою роль.

19-го марта. Суббота. Въ 11 часовъ великій князь ѣздилъ въ крѣпость на погребеніе своей миленькой двоюродной сестрицы великой княжны Александры Михайловны. Онъ очень много плакалъ и былъ сильно огорченъ. По недѣльному отчету оказался великій князь третьимъ и чуть было онъ не подвергся наказанію.

20-го марта. Воскресенье. Мы были въ Царскомъ Селѣ, смотрѣли два эскадрона Атаманскаго казачьяго полка. Можно рѣшительно сказать, что красивѣйшихъ людей не возможно видѣть. День былъ прекрасный и поѣздка эта весьма пріятна; мы вернулись въ городъ въ 7 часовъ вечера.

21-го марта. Понедѣльникъ. Во время урока г. Павскаго великій князь былъ разсѣянъ и невнимателенъ. Я ему совѣтовалъ быть внимательнѣе и проснуться, но видя, что онъ все опускается, я приказалъ ему встать; это ему не понравилось и онъ старался видимо показать мнѣ свое неудовольствіе угрюмымъ видомъ; видя, что я того не замѣчаю, онъ старался мнѣ это болѣе показать, принимая (различныя) позы; тогда онъ получилъ приказаніе выйти тотчасъ изъ учебной комнаты, снять куртку и надѣть солдатскую шинель.

— «Я весьма сожалѣю, великій князь, что вы себя такимъ образомъ разжаловываете. вмѣсто того, чтобы сознаться въ винѣ вашей, быть благодарнымъ что васъ останавливаютъ, вы показываете неудовольствіе противъ людей, достойныхъ полной вашей благодарности. Сегодняшнее поведеніе ваше растерзало мое сердце, тѣмъ болѣе, что никогда бы я ничего подобнаго не ожидалъ».

Слова сія, болѣе чѣмъ наказаніе, заставили его понять безразсудство его легкомысленнаго поведенія, въ особенности, когда г. Павскій выразилъ ему удивленіе свое видѣть въ немъ всѣ признаки постыднаго чувства неблагодарности въ отношеніи людей, которые должны быть ему всего дороже на свѣтѣ, ибо они у него представители его совѣсти. Великій князь казался кающимся и глубоко понялъ свою вину.

22-го марта. Вторникъ. Его величество государь императоръ прибыль въ городъ въ 10 часовъ, но вечеромъ уѣхалъ въ Царское Село. Государь узналъ о поведеніи наслѣдника, принялъ его съ большою холодностью и даже строго запретилъ подходить къ нему. Я взялъ смѣлость сказать его величеству, что мнѣ было бы пріятно видѣть, что гнѣвъ, его величествомъ показанный великому князю, не былъ бы продолжителенъ, потому что великій князь сильно почувствовалъ свою вину. Государь обѣщалъ мнѣ исполнить просьбу мою и, отъѣзжая въ Царское Село, простилъ Александра Николаевича.

23-го марта. Среда. Великій князь учился хорошо и велъ себя прекрасно.

24-го марта. Четвергъ. Ихъ величества возвратились на ночь въ С.-Петербургъ; поведеніе и прилежаніе его высочества были похвальны.

25-го марта. Пятница. Въ продолженіи дня у его высочества были всѣ уроки за исключеніемъ лекцій г. Павскаго; время это великій князь былъ у обѣдни. Въ 7 часовъ ихъ величества уѣхали въ Царское Село.

26-го марта. Суббота. Въ продолженіи недѣли великій князь имѣлъ 4 дурныя отмѣтки; а по существующимъ правиламъ за одну дурную отмѣтку слѣдуетъ быть наказаннымъ.

Но какъ въ тѣхъ же правилахъ сказано, что добровольная хорошая работа уничтожаетъ дурную отмѣтку, великій князь представилъ четыре своихъ труда, найденныхъ хорошими, и тѣмъ избавился отъ ожидавшаго его наказанія въ воскресенье.

27-го марта. Воскресенье. У г. Павскаго читали евангеліе воскресенья и потомъ VII главу подражанія Христу. Великій князь былъ весьма внимателенъ и бодръ, отвѣты его были весьма правильны и обдуманны и вполнѣ доказывали его здравый и вѣрный умъ. Ихъ величества возвратились въ городъ и застали насъ за обѣдомъ. Лоттерей въ пользу бѣдныхъ назначена была на сегодняшний вечеръ; я пригласилъ молодыхъ людей изъ cadaго корпуса по два отличныхъ воспитанника; великій князь далъ каждому кадету по билету; такъ какъ только трое изъ сихъ господъ выиграла кое что, то его высочество выразилъ желаніе послать каждому какую нибудь бездѣлицу на память. Поведеніе великаго князя въ продолженіи цѣлаго дня было весьма хорошо.

28-го марта. Понедѣльникъ.

29-го марта. Вторникъ.

30-го марта. Среда.

31-го марта. Четвергъ.

} Прекрасные дни.

1-го апрѣля. Пятница. Поведеніе и прилежаніе были похвальны.

2-го апрѣля. Суббота. Я замѣтилъ, что великій князь занимался только собственными занятіями и negliжировалъ заданные учителями уроки, въ особенности тѣ, которые должно было выучить наизусть. Зная ..... характеръ е. выс., мнѣ не трудно было найти настоящую причину сего небреженія. По правиламъ существующимъ, каждая дурная отмѣтка можетъ быть уничтожена хорошей собственной рабо-

той. Такимъ образомъ, великій князь и Паткуль предпочли дѣлать въ продолженіи недѣли нѣсколько переводовъ, нежели читать со вниманіемъ исторію и дать отчетъ въ томъ, что читали, или выучить наизусть у г. Эртеля нѣсколько изрѣченій. Я сообщилъ открытіе мое г. Жуковскому, и было рѣшено, что на будущее время собственная работа не будетъ уничтожать дурную отмѣтку и что собственныя занятія будутъ считаться по истеченіи шести мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, возможность быть нерадивымъ при исполненіи заданныхъ уроковъ была уничтожена. Вечеромъ, въ 8 часовъ, ихъ величества и весь дворъ были у вечерни въ большой дворцовой церкви.

3-го апрѣля. Воскресенье. Во время бесѣды съ г. Павскимъ е. выс. былъ весьма внимателенъ. При дворѣ былъ выходъ и ихъ вел. были у обѣдни въ большой дворцовой церкви. Послѣ обѣдни мы сдѣлали прогулку и пошли въ Аничковскій дворецъ къ обѣду, гдѣ вѣроятно и останемся до пятницы. Его выс., получивъ на этой недѣли дурную отмѣтку, долженъ былъ остаться все послѣобѣденное время въ своей комнатѣ, между тѣмъ какъ Вельгорскій игралъ съ Фредериксами въ саду.

К. К. Мердеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

LXII ¹⁾.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ, (12) 24-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.) Вашъ курьеръ отъ (5) 17 числа прибылъ ко мнѣ вчера вечеромъ, любезный другъ; итакъ съ Дверницкимъ нѣтъ еще ничего рѣшительнаго! я не могу хорошенько понять, какимъ образомъ Крейцъ со своими козаками могъ упустить его изъ виду; я все боюсь, что онъ прошелъ черезъ Рахово и что мы со своей стороны только измучаемъ безъ пользы добрую часть нашего резерва. Я весьма одобряю ваши приготовленія къ переправѣ, пункты выбраны, кажется, хорошо. Но, любезный другъ, почему хотите вы оставить весь 6-й корпусъ въ бездѣйствіи передъ Прагою, какую вы видите въ этомъ необходимость? Вы лишаете себя такимъ образомъ цѣлаго корпуса для такого дѣла, гдѣ было бы достаточно одной дивизіи. По крайней мѣрѣ надѣюсь и убѣждаю васъ стянуть поближе къ себѣ 2-й корпусъ. Онъ будетъ не лишній для того, чтобы сразиться съ непріателемъ, и для того, чтобы было чѣмъ занять страну во время преслѣдованія.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XII, январь, стр. 93—122, февраль, стр. 381—400; т. XLII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124, май, стр. 281—308, июнь, стр. 511—530; т. XLVII, июль, стр. 45—60.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю этой минуты, такъ какъ время не терпитъ; послѣдствіемъ битвы (13) 25 числа въ Парижѣ было то обстоятельство, что окна Поццо разбиты чернью, которая была разогнана войскомъ; это любезно съ ихъ стороны.

Достовѣрныя извѣстія, полученныя сегодня вечеромъ чрезъ Данцигъ, сообщаютъ, что Шембекъ оставилъ свой постъ вслѣдствіе произошедшей ссоры. Въ донесеніи французскаго консула говорится, что на улицахъ снова строятъ баррикады.

Посылаю вамъ съ этимъ письмомъ моряка Корсакова; вы просите у насъ одинъ флотскій экипажъ; но когда же онъ прибудетъ къ вамъ? подумали-ли вы объ этомъ? въ Юнѣ мѣсяцѣ; неужели вы разсчитываете затянуть кампанію до этого времени? Тѣмъ не менѣе я постараюсь препроводить къ вамъ на подводахъ одну роту гвардейскаго экипажа, которой будетъ за глаза достаточно для того, чтобы побѣдить морскія силы поляковъ. Наши саперы 1-го баталіона всѣ умѣютъ грести и замѣнять моряковъ. Кстати, вамъ слѣдовало бы приказать Дену соорудить мостъ изъ пловучихъ понтоновъ (*radeaux pontons*), по образцу моста, сооруженнаго французами на Двинѣ; мы имѣемъ рисунокъ этого моста въ инструкціи, напечатанной для саперъ; онъ дѣлается скоро, просто и очень крѣпокъ.

Въ Кіевѣ случилось одно обстоятельство, которое весьма огорчило меня и чрезвычайно не нравится мнѣ. Сакенъ ни съ того, ни съ сего отослалъ Кайсарова съ приказаніемъ немедленно явиться ко мнѣ. Все это произошло вслѣдствіе ссоры Кайсарова съ Карповымъ. Фельдмаршалъ извѣстилъ меня объ этомъ слишкомъ поздно, такъ что Кайсаровъ сообщилъ мнѣ о своей отставкѣ, тогда какъ я не слышалъ еще объ этомъ ни слова отъ фельдмаршала. Это невозможно такъ оставить и потому я назначу Красовскаго *ad interim* начальникомъ штаба, а Кайсаровъ займетъ его мѣсто. Но придется также смѣнить Карпова и я право не знаю кѣмъ его замѣнить.

Жена моя кланяется вамъ. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ нашимъ. Прощайте, любезный другъ, сообщите мнѣ какъ можно скорѣе хороша извѣстія. Да направитъ и вдохновитъ васъ Господь.

Вашъ навсегда искренно преданный Николай.

St.-Petersbourg, le 12 (24) mars 1831.

Votre courrier du 5 (17) m'est parvenu hier soir, mon cher ami; ainsi rien encore pour Dvernitsky! je ne puis trop concevoir comment Kreutz avec ses cosaques a pu le laisser échapper de vue: je crains toujours qu'il n'ait échappé par Rachow, et que nous n'en soyons quitte que pour la fatigue inutile d'une bonne partie de notre réserve. J'approuve fort vos préparatifs de passage; les points me paraissent bien choisis. Mais, cher ami, pourquoi voulez vous laisser tout le 6 corps paralysé devant Praga; quelle nécessité y trouvez-vous? Vous vous privez ainsi d'un corps entier pour un objet où une seule division pourrait suffir. Du moins j'espère et je vous conjure d'attirer à vous le 2 corps. Il ne sera pas de trop et pour battre l'ennemi, et pour avoir de quoi occuper le pays pendant la poursuite.

J'attends avec impatience ce moment là, car le temps presse grandement; l'effet de la bataille du 13 (25) à Paris a été de faire briser les vitres de Pozzo par la populace, qui a été dissipée par de la troupe; c'est aimable tout au moins.

Les nouvelles de ce soir positives par Danzig disent que Schembeck a quitté par suite d'une brouille. Un rapport du consul de France dit que l'on fait de rechef des barricades dans les rues.

Je vous envoie Копцаковъ le marin avec cette lettre; vous nous demandez un équipage de marins; mais quand vous arrivera-t-il? y avez vous pensé? au mois de juin; et croyez vous donc trainer la campagne jusqu'alors! Cependant je chercherai à vous faire parvenir sur подводы une compagnie de la garde, qui sera plus que suffisante pour combattre les forces navales polonaises. Nos sapeurs du 1 bataillon sont tous dressés à la rame et suppléeront aux marins. A propos de cela, vous devriez faire faire par Dehn un pont de radeaux pontons, à l'instar de celui des français sur la Dwina; nous en avons le dessin dans l'instruction imprimée des sapeurs; c'est vite fait, simple et très fort.

Il vient de ce passer à Kief une chose qui me peine et me deplait beaucoup. Sacken de but en blanc a renvoyé Kaysarof, avec ordre de se rendre de suite près de moi. Tout est venu à la suite d'une brouille de celui ci avec Карповъ. Le maréchal ne m'en a instruit qu'après coup et de manière que Каїсаровъ m'a annoncé sa démission avant que je n'en ai appris un mot par le maréchal. Comme cela ne peut rester ainsi je vais p'acer Krassofsky ad interem comme chef d'état major et Каїсаровъ à sa place. Mais il faudra aussi changer Карповъ, et je ne sais en vérité par qui le remplacer.

Ma femme vous dit mille choses. Bien mes amitiés à tous les notres. Adieu, mon cher ami, envoyez moi de bonnes nouvelles au plutôt. Que Dieu vous inspire et vous conduise. A vous pour la vie. .

Votre sincèrement affectionné N.

LXIII.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Шеницы, 12-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше величество, не знаю какъ выразить в. и. в. мою признательность за августѣйшее письмо ваше отъ 4-го числа сего мѣсяца. Оно придастъ мнѣ новыя силы для исполненія приказаній в. в. по мѣрѣ моихъ способностей.

Зная милостивое отношеніе ваше ко мнѣ, я никогда не боялся, чтобы вы обвинили мнѣ въ нерадѣніи (*négligence*), но меня дѣлала несчастнымъ мысль, что, не смотря на самыя честныя намѣренія, я упустилъ изъ вида извѣщать васъ обо всемъ. Я былъ бы человекомъ самымъ неблагодарнымъ, если бы я не посвятилъ всю мою жизнь, не имѣющую теперь никакой иной цѣли, на службу валцу, государь; прошу Господа даровать мнѣ нравственныя и физическія силы, необходимыя для исполненія того великаго и важнаго дѣла, которое в. в. благоудно было возложить на меня. Осторожность и дѣятельность будутъ главными правилами, которыхъ я стану придерживаться. Признаюсь, что я ожидалъ встрѣтить гораздо менѣе затрудненій, и, къ сожалѣнію, препятствія, противопоставляемыя намъ погодою, гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя оказываетъ намъ непріятель. Погода рѣшительно не устанавливается; морозъ смѣняется оттепелью, послѣ снѣга выпадаетъ дождь и это дѣлаетъ дороги непроходимыми и весьма затрудняетъ подвозъ провіанта. По вскрытіи Вислы тотчасъ начался ея разливъ и она повсюду выступила изъ своихъ береговъ; всего грустнѣе то, что мы раззоряемъ страну по всей нашей коммуникаціонной линіи безо всякой существенной пользы, но всякое передвиженіе раззорило бы въ конецъ всю матеріальную часть арміи.

В. в. усмотрите изъ моего донесенія, что намъ угрожаетъ повидимому еще одинъ новый и жестокой непріятель. Болѣзнь, появившаяся въ Брестѣ, имѣетъ всѣ симптомы холеры; это обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбно, что всѣ ваши транспорты не могутъ слѣдовать по другому пути, въ особенности въ настоящее время года, и что въ

Брестъ сосредоточены продовольственные магазины, госпиталя и парки нашей арміи.

Болезнь до сихъ поръ не особенно развилась и смертность не велика, но она можетъ увеличиться, поэтому я послалъ немедленно Зурова съ двумя врачами для того, чтобы принять на мѣстѣ необходимыя мѣры предосторожности и чтобы прервать болѣзнь, если возможно. Хилковъ, находящійся въ Брестѣ, приметъ, какъ военный и гражданскій начальникъ, всѣ мѣры, какія должны быть ему извѣстны по карантинамъ отъ турокъ, для чего онъ употребить, если окажется нужнымъ, одну бригаду своей дивизіи. Въ случаѣ, если болѣзнь не удастся прервать въ самомъ ея зародышѣ, я разсчитываю употребить 6-ю дивизію для того, чтобы прикрыть имперію кордономъ, который будетъ разставленъ по Шарѣ и Нѣману; гвардія встанетъ по Бугу, Нареву и Бобру.

Бѣлостокъ и часть Гродненской губерніи должны остаться въ районѣ арміи, въ который войдетъ также Паленъ съ 2-й гусарской и 7-й пѣхотной дивизіей. Я приму въ этомъ районѣ всѣ мѣры, совмѣстныя съ продовольствіемъ и движеніями арміи, и надѣюсь, что, съ Божьей помощью, при бдительномъ надзорѣ и усердіи, а равно при строгомъ уединеніи всѣхъ подозрѣваемыхъ больныхъ, эта болѣзнь не будетъ имѣть серьезнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій.

В. в. знаете уже изъ моего послѣдняго письма, что Дверницкій возвратился въ Замостье; увидимъ, останется-ли онъ тамъ. Я полагаю, что онъ оставитъ въ немъ только пѣхоту и орудія.

Назначеніе, данное вами, государь, Ридигеру, чрезвычайно облегчить усмиреніе Люблинскаго воеводства. Если графъ Сакенъ пошлетъ его къ Замостью, то я разсчитываю подкрѣпить его кавалеріей и казаками, взятыми отъ Крейца, оставлю въ Люблинѣ только достаточный гарнизонъ, а остальную часть отряда Крейца двину впередъ, для занятія воеводства Сандомирскаго, въ то время, какъ я переправлюсь черезъ Вислу. Весьма важно овладѣть обоими берегами верхняго теченія Вислы въ томъ случаѣ, если Варшава окажетъ упорное сопротивленіе, но я не особенно разсчитываю на это, тѣмъ болѣе, что мы получили отъ агентовъ-евреевъ съ двухъ сторонъ извѣстія, что въ Варшавѣ разыгрались новыя сцены, вполне достойныя революціонныхъ вожаковъ. Говорятъ, будто до сорока домовладѣльцевъ этого несчастнаго города, людей преимущественно изъ купеческаго званія, повѣшены за то, что они энергично высказали необходимость прибѣгнуть къ милосердію в. в.

Позвольте, государь, по этому случаю испросить точныхъ приказаній в. в. по поводу амнистіи, которую мнѣ разрѣшено будетъ объявить. Какъ христіанинъ и преданный слуга в. в., я полагаю, что въ

подобномъ случаѣ во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ предпочесть наказъ какъ можно менѣе виновныхъ, но необходимо опредѣлить всѣ условія совершенно точно, ибо эгоизмъ скорѣе можетъ склонить къ покорности, нежели сознание своей вины. Одинъ Господь можетъ судить человѣческую совѣсть! Для земныхъ интересовъ нужны примѣры и таковыхъ нужно какъ можно менѣе; въ этомъ смыслѣ я дерзаю высказать в. в. мою мысль о необходимости обѣщать амнистію на самыхъ широкихъ основаніяхъ, при появленіи нашемъ передъ Варшавою, на лѣвомъ берегу Вислы, если поляки изъявятъ покорность. Освобожденіе крестьянъ Царства Польскаго отъ крѣпостной зависимости, по примѣру Пруссіи, и энергичное заявленіе, что эта амнистія даруется помѣщикамъ королевства, а отнюдь не подданнымъ имперіи, насколько это касается секвестрованныхъ имуществъ (в. в. могли бы объявить это черезъ меня, оставивъ на моей отвѣтственности безо всякихъ разъясненій съ моей стороны, но и безо всякихъ обѣщаній), довершило бы остальное и обезпечило бы, я полагаю, за Россіей дѣйствительное обладаніе Царствомъ Польскимъ, котораго титулъ трудно будетъ уничтожить, если мы захотимъ воспользоваться всѣми преимуществами, предоставляемыми намъ знаменитымъ лондонскимъ протоколомъ. Я прилагаю при семъ небольшую замѣтку по этому поводу.

Завтра или послѣ завтра я ожидаю Толя. Крейцъ получилъ, вѣроятно, отъ него необходимыя инструкціи и Витъ поддержитъ его въ случаѣ надобности. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я считаю долгомъ чистосердечно возстановить въ глазахъ в. в. честь графа Вита, тѣмъ болѣе, что я и самъ былъ введенъ въ заблужденіе молвою относительно его военныхъ заслугъ. Я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что во время короткой, но весьма трудной и чрезвычайно кровопролитной кампаніи нынѣшняго года онъ выказалъ большія способности, замѣтательное усердіе и даже, на мой взглядъ, не отставалъ отъ другихъ. Всѣ мои достойные сотоварищи по оружію повергаютъ себя къ стопамъ в. в.; соблаговолите повергнуть къ стопамъ е. в. государыни императрицы мое нижайшее почтеніе и примите увѣреніе въ искренней признательности и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга И. Дибичъ-Забалканскій.

LXIV.

Записка графа Дибича, приложенная къ всеподданнѣйшему письму отъ 12-го марта 1831 г.

Секретныя условія амнистїи, которыя я никогда не даровалъ бы безъ особаго приказанія на то в. и. в., но которыя, согласно вашимъ словеснымъ повелѣніямъ и августѣйшимъ письмамъ вашимъ, я считаю нужнымъ обѣщать тѣмъ, кто захотѣлъ бы вернуться къ исполненію своего долга.

1) Общая амнистія даруется всемъ тѣмъ, кто не участвовалъ въ преступныхъ заговорахъ, но примкнулъ къ мятежу по слабости характера.

2) Эта амнистія распространяется въ королевствѣ какъ на имѣнья, такъ и на личности.

3) Вооруженное сопротивленіе, оказанное законнымъ властямъ и войскамъ е. в., будетъ также прощено по его милосердію, если оно не было соединено съ еще болѣе преступными дѣйствіями, указанными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Подъ эту статью подойдутъ также генералы и начальники отдѣльныхъ частей, которые склоняютъ вѣрнное имъ войско сложить оружіе ¹⁾).

4) Изъ этой общей амнистїи исключаются:

а) Всѣ члены временнаго правительства, занявшіе свои посты сами безъ разрѣшенія законнаго правительства, а равно и министры, назначенные ими и принявшіе это назначеніе.

б) Члены сената и палаты земскихъ депутатовъ и депутаты, осмѣлившіеся предложить или поддержать своими рѣчами въ сеймѣ преступный актъ, направленный противъ императорскаго и королевскаго дома.

с) Офицеры школы подпрапорщиковъ, сапернаго корпуса и 4-го линейнаго полка, возбудившіе и учинившіе революцію 17-го (29-го) ноября.

д) Унтеръ-офицеры или солдаты, академики и прочія лица, бывшія вечеромъ 17-го (29-го) числа въ Бельведерѣ и посягнувшіе на личность е. и. в. великаго князя цесаревича.

е) Признанные убійцы польскихъ генераловъ, оставшихся вѣрными государю и погибшихъ въ преступный день 17-го (29-го) ноября.

---

¹⁾ Собственною рукою императора Николая приписано: „подъ эту статью“ и т. д.

5) Е. в., по чрезвычайному милосердію своему, даруетъ свое милостивое прощеніе даже наименѣе виновнымъ изъ лицъ, упомянутыхъ въ 4 пунктѣ, если они, движимые чистосердечнымъ раскаяніемъ, возвратятся первые на путь долга и преданности и въ особенности, если они увлекутъ за собою другихъ ¹⁾.

Записка графа Дибича со сдѣланными высочайшими отмѣтками возвращена фельдмаршалу при письмѣ императора Николая Павловича отъ 22-го марта (3-го апрѣля) 1831 г.

LXV.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ, 15-го (27 го) марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Я получилъ ваше письмо отъ 10-го числа сегодня послѣ полудня; итакъ Дверницкій также ускользнулъ отъ насъ! и мы со своей стороны заплатились только прогулкою и утомленіемъ нашей резервной кавалеріи. Вы знаете уже, любезный другъ, что я самъ предлагалъ вамъ 11-ю дивизію и 3-ю гусарскую дивизію для блокады Замостья и фельдмаршалъ Сакенъ повидимому не имѣетъ къ этому препятствій, но полки 11-й дивизіи состоятъ изъ 500 человекъ, поэтому они могутъ еще быть пригодны для этого дѣла, но послать ихъ далѣе значило бы истребить ихъ безъ всякой пользы; слѣдовательно употребите ихъ для того, чтобы окружить Дверницкаго и обложить Замостье, а для этого было бы хорошо, чтобы Крейдъ двинулся со своимъ отрядомъ и атаковалъ вмѣстѣ съ Ридигеромъ Дверницкаго, вынудивъ его войти въ крѣпость; что онъ подѣлаетъ въ такомъ случаѣ съ своей кавалеріей?

Я настаиваю на томъ, чтобы вы приблизили къ себѣ 6-ю, 7-ю и 2-ю гусарскую дивизію 2-го корпуса, чтобы имѣть при себѣ болѣе войска; не оставляйте также позади литовскихъ гренадеръ. Оставьте въ Седльцѣ (Sedlze) бывшіе резервные баталіоны 24-й дивизіи, а въ Люблинѣ таковыя же баталіоны 25-й дивизіи; этого будетъ достаточно для той мѣстности.

Розену нечего опасаться и я нахожу даже, что вы слишкомъ усѣ-

¹⁾ Этотъ пунктъ зачеркнутъ императоромъ Николаемъ.

ливаете его отрядъ; что они могутъ сдѣлать противъ него вдали отъ Праги, когда вы двинетесь на лѣвый берегъ Вислы и на Варшаву?

Наконецъ коснемся гвардіи; я вполне одобряю движеніе Сакена на Плоцкъ; въ виду этого пошлите легкую гвардейскую дивизію въ Прясницы для занятія этого пункта и для рекогносцировки мѣстности, **НО ОТНЮДЬ НЕ ДАЛѢЕ**; быть можетъ было бы еще лучше избрать Плонскъ по поводу Модлина.

Я уже писалъ Михаилу о томъ, чтобы укрѣпить Ломжу и Остроленку; я разрѣшаю двинуть пѣхоту: 3-ю дивизію въ Пултускъ, 1-ю въ Остроленку, кирасиръ въ Ломжу, но самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещаю двинуть ихъ далѣе или формировать изъ нихъ какой-либо отрядъ. Вообще, повторяю вамъ неоднократно, я вижу съ грустью, что всѣ корпуса раздроблены, разсѣяны мелкими отрядами и перепутаны между собою безо всякой видимой причины; такимъ образомъ, едва успѣлъ прибыть къ вамъ 2-й корпусъ, какъ вы отряжаете уже отъ него гусаръ полками! Вы видите какую систему войны принимаетъ противъ васъ непріятель; поэтому я не вижу инаго средства противиться ему, какъ нанести ему большіе удары; не нужно маленькихъ отрядовъ, вы не можете занять всю страну, обезпечьте только ваши главныя сообщенія, на что за-глаза достаточно 26-й дивизіи, и прикройте свои фланги казаками и легкой кавалеріей; все прочее войско должно быть сосредоточено; нанесите рѣшительный ударъ, тогда все падетъ само собою, такъ какъ у нихъ не хватитъ головы и души. По истинѣ я не понимаю какъ можно смотрѣть на это иначе.

Вы прекрасно сдѣлали, приказавъ осмотрѣть госпиталя; повторяйте это какъ можно чаще. Новыя попытки, сдѣланныя поляками черезъ своихъ парламентаровъ, не должны ввести насъ въ заблужденіе и вы отвѣчали очень хорошо.

Надѣюсь, что вы призовете къ себѣ обратно Толя, чтобы водворить во всемъ необходимый порядокъ. Поспѣшите какъ можно скорѣе переправой, не рискуя однако ничѣмъ; это становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Я пишу прямо отсюда Михаилу съ тѣмъ, чтобы передвинуть легкую гвардейскую кавалерію въ Прясницы или Плонскъ и произвести прочія перемѣны, на которыя я согласенъ. Я долженъ предупредить васъ, что съ нѣкотораго времени письма, получаемыя изъ арміи, написаны по большей части въ довольно плохомъ настроеніи; въ нихъ слышатся жалобы на бесполезное утомленіе, на недостатокъ провіанта и на недостаточную заботливость о войскѣ; между тѣмъ эти письма получаютъ изъ самой главной квартиры; вы должны слѣдить за окружающими, въ особенности постарайтесь навести справки

о поведеніи полковника Зейдлера, квартирмейстера гренадерскаго полка, который поносить жесточайшимъ образомъ Шаховскаго и Гуржо въ письмахъ своихъ къ женѣ; не слѣдуетъ разглашать изъ какого драгоцѣннаго источника вы имѣете эти свѣдѣнія, но вамъ необходимо знать это, чтобы правильно судить о нихъ.

16-го (28-го) марта, Сегодня по утру я получилъ извѣстіе о появленіи въ Брестѣ довольно сильной холеры; эта новая весьма непріятная помѣха; однако, принявъ необходимыя мѣры предосторожности, болѣзнь не трудно будетъ остановить; я боюсь только за нашихъ бѣдныхъ раненыхъ, мнѣ ихъ ужасно жаль. Всѣ извѣстія, получаемыя изъ Варшавы черезъ Берлинъ, говорятъ объ отступленіи Шембека, о принятіи новыхъ мѣръ къ оборонѣ, о перемѣщеніи правительства въ Краковъ, о потерѣ двухъ прекрасныхъ офицеровъ, маіоровъ, при выходѣ изъ Праги, при чемъ эта мѣра всѣми осуждается, о нашихъ приготовленіяхъ къ переправѣ, о вѣроятности сраженія въ окрестностяхъ Горы и проч., а я возвращаюсь опять таки къ тому, что я уже говорилъ: сосредоточьте свои силы, нанесите одинъ большой ударъ и главное не разсѣивайте своего войска. Не прогнѣвайтесь, что я вновь повторяю это. Между тѣмъ крестьяне въ Литвѣ или, лучше сказать, въ Самогитіи начинаютъ сильно волноваться; необходимо прекратить это и наказать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы волненіе не усилилось, но все таки дѣло будетъ рѣшено окончательно у васъ и горе намъ, если мы понесемъ какую нибудь серьезную неудачу. Будемъ надѣяться на милосердіе Божіе и на его покровительство.

Здѣсь все спокойно. Министерство во Франціи измѣнилось къ лучшему; Казиміръ Перье избранъ президентомъ на мѣсто Лафита; Луи—министромъ финансовъ, эти двѣ личности наиболѣе замѣчательны: Су (Soul) и Себастіани остались на своихъ мѣстахъ.

Жена моя кланяется вамъ. Передайте отъ меня поклонъ всѣмъ нашимъ. Я останавливаюсь съ удовольствіемъ на мысли, что въ настоящую минуту вы заняты переправою. Да защититъ и направитъ васъ Господь!

Прощайте, любезный другъ, вѣрьте искренней дружбѣ преданнаго вамъ Николая.

Кстати, вы представили мнѣ къ наградамъ много штабныхъ, но мало фронтовыхъ 1-го и 6-го корпусовъ, не забудьте этого: ОНИ-ТО вѣдь и остаются безъ рукъ и безъ ногъ.

S.-Petersbourg, le 15 (27) Mars 1831.

J'ai reçu votre lettre du 10 cet après midi; ainsi donc voilà aussi Dwernitsky échappé! Nous en sommes quittes pour la promenade et la fatigue de notre cavalerie de réserve. Vous savez déjà, mon cher ami, que c'est moi-même qui vous ai proposé la 11 division avec la 3 de hussards pour bloquer Zamosc et il paraît que le maréchal Sacken n'y a pas trouvé d'obstacle; mais les régiments de la 11 sont à 500 hommes, ainsi, ils seront bon au plus pour ce métier; mais s'il s'agit de les faire aller au delà, c'est les détruire sans aucune utilité; vous ne les employerez donc que pour serrer de près Dwernitsky et puis Zamosc, à quel effet il serait bon que Kreutz marche et attaque avec Rüdiger Dwernitsky, et le forcent d'entrer dans la place, et alors que fera-t-il de la cavalerie?

J'insiste à ce que vous preniez la 6, la 7 et la 2 de hussards du 2 corps près de vous, pour pouvoir avoir autant de plus avec vous; de même ne laissez pas les grenadiers de Lithuanie en arrière. Placez à Seldze les anciens bataillons de réserve de la 24 et à Lublin ceux de la 25, et en voilà assez pour ce pays là.

Rosen n'a rien à craindre, et je trouve même que vous le rendez trop fort; que voulez vous qu'ils fassent loin de Piaga contre lui, quand vous marcherez sur la gauche de la Vistule et sur Varsovie.

Enfin j'en viens à la garde; j'approuve parfaitement le mouvement de Sacken sur Plotsk; à cet effet vous ferez passer la division légère de la garde à Prjasnitz pour l'occuper et battre le pays; MAIS PAS AU DELA; peut-être Plonsk serait-il encore mieux à cause de Modlin.

J'avais déjà écrit à Michel de fortifier Lomza et Ostrolenka; je permets de faire avancer l'infanterie: la 3 division à Poulitousk, la 1-re à Ostrolenka, les cuirassiers à Lomza; mais je défends de la manière la plus positive de leur faire avancer au delà, ni d'en faire aucun détachement quelconque. En général je ne saurais assez vous répéter que c'est avec grande peine que je vois tous les corps morcelés, dispersés en petits détachements et entremêlés, sans que je puisse m'expliquer pourquoi; c'est ainsi qu'à peine le 2 corps vous arrive-t-il que déjà vous en détachez les hussards par régiments! Vous voyez quel système de guerre l'ennemi adopte contre vous; il n'y a donc

d'autre moyen de s'y opposer, qu'en lui portant de grands coups; point de petits détachements, vous ne pouvez occuper tout le pays; assurez seulement votre communication principale, à quoi suffit parfaitement la 26 division, et couvrez vos flancs par vos cosaques et votre cavalerie légère; gardez tout le reste en masse; portez le coup décisif, et alors tout tombera de soi même, car la tête et l'âme y manquera. En vérité je ne comprends pas comment l'on peut voir autrement.

Vous avez bien fait de faire visiter vos hopitaux, et répétez le le plus souvent que vous le pouvez. Les nouvelles démarches des polonais par leurs parlementaires ne doivent pas nous en imposer et vous avez fort bien répondu.

J'espère que vous aller rappeler Toll près de vous, pour faire rentrer le tout dans l'ordre nécessaire. Hâtez le plus que vous pouvez votre passage sans rien compromettre; la chose devient de plus en plus urgente. J'écris d'ici directement à Michel, pour faire passer la cavalerie légère de la garde à Prjasnitz ou Plonsk et pour les autres changements auxquels je consent. Je dois vous prévenir que depuis quelque temps les lettres qui arrivent de l'armée sont pour la plupart dans un sens assez mauvais; l'on s'y plaint de fatigues sans fruits, de manque de vivres, de peu de soins pour la troupe; or ces lettres sont du quartier général même; il faut que vous ayez l'oeil sur vos entourés et que vous vous assuriez surtout de la conduite du colonel Seydler, quartier maître des grenadiers, qui dit pis pendu à sa femme sur le compte de Schachofskoy et de Gourko; il n'en faut pas compromettre la source précieuse, mais il est bon que vous le sachiez pour savoir à quoi vous en tenir sur leur compte.

Le 16 (28). J'ai reçu ce matin la nouvelle de l'apparition du choléra à Brest et assez fort; c'est un nouveau contre-temps bien fâcheux: mais si l'on prend bien les précautions nécessaires, peut-être arrêté sans peine; je ne tremble que pour nos pauvres blessés: ceux là me font une peine horrible. Les nouvelles de Varsovie par Berlin parlent toutes de la retraite de Schembec; des nouveaux préparatifs de défense: du transfut du gouvernement vers Cracovie; de la perte de deux bons officiers majors à la sortie de Praga, que l'on blâme; de nos préparatifs de passage; de la probabilité d'une bataille aux environs de Gora etc., et moi je reviens à mes moutons; réunissez tout, frappez un seul grand coup, et ne vous disséminez point. Ne vous fâchez pas que je vous

le répète. En attendant les paysans de Lithuanie, ou plutôt de Samogitie commencent à remuer fortement; il est urgent de faire cesser et punir cela le plutôt possible, crainte que cela ne gagne; mais c'est toujours chez vous que cela se décidera, car malheur à nous, si quelque revers sérieux nous arrivait. Espérons en la miséricorde divine, qu'elle nous protège.

Ici tout est tranquille. Le ministère français est changé pour le mieux; Casimir Périer est fait président au lieu de Lafitte; Louis ministre des finances; voilà les deux les plus remarquables; Soult et Sébastiani sont conservés.

Ma femme vous dit mille choses. Mes amitiés à tous les autres. Je me dis avec plaisir que vous êtes occupé du passage à l'heure qu'il est. Que Dieu vous guide et vous inspire!

Adieu, mon cher ami, croyez à la sincère amitié de votre affectionné N.

A propos, vous m'avez présenté beaucoup de штабные pour des récompenses, mais bien peu de фронтовые des 1 et 6 corps; ne les oubliez pas, c'est CEUX qui se font casser bras et jambes.

LXVI.

Графъ И. И. Дибичъ — г.-а. бар. Розену.

15-го марта 1831 г., № 1131.

При предстоящемъ вскорѣ отдаленіи моемъ, съ главными силами арміи, къ переправѣ чрезъ верхнюю Вислу, я считаю полезнымъ начертать заблаговременно къ руководству вашего высокопревосходительства мысли и виды мои, относительно войскъ, имѣющихъ остаться на семь берегу противу Праги и Варшавы подъ начальствомъ вашимъ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ моимъ къ верхней Вислѣ, ваше превосходительство остается здѣсь, со всѣми вѣренными вамъ нынѣ войсками, на правахъ отдѣльнаго корпуснаго командира для наблюденія и удержанія всякаго непріятельскаго изъ Праги наступленія и для прикрытія отъ онаго какъ тыла движенія моего къ переправѣ,

такъ въ особенності главныхъ нашихъ сообщеній по Седлецкому шоссе и окрестнаго занятаго нами края.

Расположеніе вѣрренныхъ вашему высокопревосходительству войскъ можетъ съ пользою нѣсколько измѣниться для лучшаго сосредоточенія, а въ особенності для удобнѣйшаго продовольствія. Посему послѣ перваго перехода моего къ Вислѣ, авангардъ генераль-адъютанта барона Гейсмара можетъ отойти въ Милоску или Дембевелки, а остальная обльшая часть войскъ вашихъ съ удобствомъ перемѣстится между Минскомъ и Калушинимъ. Желательно однако, чтобы въ нынѣшнемъ расположеніи генераль-адъютанта барона Гейсмара при Ваврѣ оставленъ былъ, по мѣрѣ возможности, отрядъ казачій, подкрѣпленный эскадрономъ кавалеріи и даже нѣсколькими конными орудіями. Нужно будетъ, равнымъ образомъ, имѣть посты наблюдательные въ Гарволинѣ и Колбенѣ, на мѣсто Карчева, который вмѣстѣ съ отступленіемъ войскъ вашихъ доведется оставить.

Если бы мятежники, по полученіи перваго о моемъ движеніи извѣстія, покусились выйти противу васъ изъ Праги съ частью силъ своихъ, то я не только разрѣшаю вамъ двинуться имъ на встрѣчу и отразить ихъ, но я даже не сомнѣваюсь, что если они дерзнуть слишкомъ отъ убѣжища своего отдалиться, то ваше высокопревосходительство конечно не упустите случая нанести имъ возможное пораженіе. Буде непріятель напалъ бы на васъ со всѣми своими силами, что совершенно невѣроподобно, и буде ваше высокопревосходительство не усмотрите возможности съ выгодною удержать его при Минскѣ или Калушинѣ, то въ такомъ крайномъ случаѣ я разрѣшаю вамъ отступить къ Седлецу, который однако имѣете вы непремѣнно защитить, усилясь какъ войсками, въ семь городѣ имѣющимися, такъ и многими другими къ оному слѣдующими частями, о коихъ поставитъ васъ въ подробную извѣстность прилагаемая при семъ вѣдомость и которыя въ случаѣ надобности предоставляется вамъ къ себѣ присоединить. При таковомъ значительномъ подкрѣпленіи, я увѣренъ, что вы найдете средство отразить напоръ и самыхъ значительныхъ непріятельскихъ силъ, немогущихъ при настоящемъ его разстройствѣ быть очень многочисленными. Однако же для совершеннаго удостовѣренія противу всякаго даже опасенія, а болѣе еще для полнаго воспользованія всякимъ случаемъ, особенно удобнымъ, къ нанесенію непріятелю рѣшительнаго удара, я вмѣстѣ съ симъ отношусь къ его императорскому высочеству командующему гвардейскимъ корпусомъ (в. к. Михаилу Павловичу). чтобы въ случаѣ напора противу васъ непріятеля, слишкомъ уже чвсломъ превосходнѣйшаго, повелѣно было генераль-адъютанту Бистрому

съ передовою частью гвардіи, въ ближайшихъ округахъ Августовскаго воеводства расположенной, двинуться немедленно по востребованію вашему къ вамъ на подмогу, направляясь чрезъ Нуръ, а въ крайности чрезъ Мельники. Если-бы мятежники возымѣли намѣреніе вторгнуться съ главными силами въ край, лежащій между Бугомъ и Наревомъ, т. е. къ квартирамъ гвардіи, то ваше высокопревосходительство, оставя генерала-адъютанта барона Гейсмара съ достаточнымъ войскомъ для охраненія Седлецкаго шоссе, сами поспѣшите съ остальною частью вашего корпуса на подмогу гвардіи, стараясь по возможности ударить непріятелю во флангъ или даже въ тылъ движеніемъ чрезъ Венгровъ и Нуръ.

Сколь ни мало вѣроподобны случаи, выше сего исчисленные, я однако счелъ полезнымъ упомянуть объ оныхъ для вящей осторожности. Опасеніе значительнаго непріятельскаго нападенія изъ Праги можетъ заботить лишь въ первое время движенія моего къ переправѣ; послѣ же оной, коль скоро мы утвердились на лѣвомъ берегѣ Вислы, полное наступленіе арміи къ Варшавѣ лишитъ мятежниковъ всякой возможности отдѣлится отъ столицы многочисленныя силы и тѣмъ составитъ лучшее обезпеченіе противу всякаго важнаго на правый берегъ вторженія. Посему я полагаю: чтобы вмѣстѣ съ начатіемъ наступленія моего къ Варшавѣ ваше высокопревосходительство оставили бы для прикрытія отъ Праги генераль-адъютанта барона Гейсмара съ 1-ю и 2-ю бригадами 24-й пѣхотной, 1-ю бригадою литовской гренадерской, 2-ю бригадою 2-й конноегерской и 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизій; сами же съ остальными вашими 16-ю баталіонами и 2-ю бригадою литовской уланской дивизіи двинулись-бы къ Тырчину для переправы чрезъ Вислу и присоединенія къ главнымъ моимъ силамъ совмѣстно съ гренадерами и артиллерію, изъ Бѣлостока и Ломзы идущими, и съ 1-ю уланскою дивизіею, въ гренадерскій корпусъ слѣдующею, если оной не воспослѣдуетъ другое назначеніе. Оставленный съ генераль-адъютантомъ барономъ Гейсмаромъ отдѣльный отрядъ можетъ расположиться по удобству и обстоятельствамъ около Калушина и Минска, имѣя по возможности аванпосты и ближе къ Прагѣ. Движеніе арміи на Варшаву обезопаситъ его отъ всякаго значительнаго нападенія и потому ему представится вся возможность не только наблюдать за тыломъ переправъ нашихъ на Вислѣ и за нашими отъ оныхъ сообщеніями, но равнымъ образомъ распространить вліяніе и самое дѣйствіе и къ сторонѣ Буга, по коню и предстоитъ намъ совершить значительный славъ продовольствія.

Въ заключеніе мнѣ остается предварить ваше высокопревосходи-

тельство, что послѣ переправы арміи за Вислу, я полагаю направить главное мое сообщеніе съ имперіею впредь до большаго удобства на Мендзиржець чрезъ Коцкъ, куда приказалъ я перевести резервный баталіонъ Подольскаго пѣхотнаго полка; съ вашимъ же высокопревосходительствомъ сообщеніе мое будетъ лежать чрезъ Пулавы и Земховъ впредь до открытія ближайшаго пути.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1853 — 1856 гт.

Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Духонина.

† 1865 г.

II.

Ходъ событій съ 5-го по 24-е октября 1854 г. — Движеніе къ Балаклавѣ и въ Байдарскую долину. — Сраженіе 13-го октября. — Прибытіе войскъ 4-го корпуса. — Инкерманскій бой. — Вылазка милицей изъ Севастополя 23-го октября.

Послѣ событій 5-го октября 1854 г. исторія обороны Севастополя до 24-го числа не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ наступательныхъ движеній 6-го и 13-го октября и частныхъ ночныхъ вылазокъ изъ охотниковъ, которые, внезапнымъ появленіемъ своимъ иногда въ центрѣ непріятельскаго лагеря, становили подѣ ружье всѣ союзныя силы и держали ихъ въ безпрестанномъ страхѣ. Послѣ 5-го октября 1854 г. бомбардированіе Севастополя производилось очень слабо и мало причиняло вреда нашимъ веркамъ; но главнокомандующій, въ ожиданіи бомбардировки, и 6-го числа съ такою же силою, какъ 5-го, привазалъ генералу Семякину сдѣлать движеніе на Балаклаву. Появленіе войскъ нашихъ, 6-го и 8-го чиселъ октября, въ тылу англійской позиціи, произвело желаемое дѣйствіе. Англичане отдѣлили туда значительную часть силъ своихъ и вынуждены были ослабить огонь на батареяхъ, дѣйствовавшихъ противъ Севастополя. Страхъ, наводимый генераломъ Семякинымъ на союзные лагеря, для защиты коихъ стали

сводить отовсюду войска, а наконецъ и слабое дѣйствіе батарей непріятельскихъ противъ нашихъ укрѣпленій, 6-го, 7-го, 8-го, до 12-го числа, достаточно показывали разстройство союзныхъ силъ.

Пользуясь такимъ положеніемъ непріятеля, князь Меншиковъ приказалъ генералу Липранди, съ войсками 12-й ¹⁾ и частью 16-й пѣхотныхъ дивизій ²⁾, атаковать укрѣпленный лагерь англичанъ при д. Кадыкіой, а буде возможно, то проникнуть въ Байдарскую долину и очистить ее отъ непріятелей. Съ этою цѣлю генераль Липранди двинулъ 13-го октября изъ д. Чургунъ два отряда, одинъ къ д. Кадыкіой, на высотахъ которой было устроено 4 непріятельскихъ редута, а за ними, въ глубокой долинѣ, скрывался лагерь англичанъ; а другой отрядъ направлень въ Байдарскую долину. Отрядъ кадыкіойскій состоялъ изъ 3-хъ колоннъ подъ командою генераль-маіоровъ Левуцкаго и Семякина, и командира Одесскаго полка полковника Скюдери; отрядъ байдарскій ввѣренъ былъ генераль-маіору Гриббе ³⁾.

¹⁾ 12-я пѣхотная дивизія: полки Азовскій, Діѣпровскій, Украинскій и Одесскій, батарейная № 4-го и легкія № 6-го, 7-го и 8-го батарей 12-й артиллерійской бригады; 4-й стрѣлковый баталіонъ, гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи (16 эскадроновъ съ 8-ю орудіями конно-легкой № 12-го батареи), сводно-уланскій полкъ, Уральскій № 1-й казачій полкъ (6 сотень) и 4 сотни Донскаго № 53-го полка, съ 8-ю орудіями донской батарейной № 3-го батареи. Полки 12-й дивизіи были въ 4-хъ баталіонномъ составѣ, а батареи — въ 12-ти орудійномъ составѣ. Всего въ отрядѣ пѣхоты 13 баталіоновъ и 48 орудій; кавалеріи 16 эскадроновъ гусаръ и 10 сотень казаковъ, при 16-ти конныхъ орудіяхъ; сводно-уланскій полкъ. Отрядъ сосредоточень былъ при дер. Чургунѣ.

²⁾ Вспомогательный отрядъ генерала Жабокритскаго состоялъ: пѣхоты изъ 7-ми баталіоновъ (отд. Владимірскаго и Суздальскаго полковъ), 2-хъ ротъ стрѣлковъ 6-го баталіона; артиллеріи: 10 орудій батарейной № 1-го батареи и 4 легкой № 2-го батареи, всего 11 орудій 16-й артиллерійской бригады; кавалеріи: 1 дивизионъ гусарскаго Веймарскаго полка и 2 сотни казаковъ № 60-го полка. Отрядъ генерала Жабокритскаго, стоявшій на Инкерманскихъ высотахъ, двинулся одновременно съ чергунскимъ отрядомъ Липранди на Федюхины горы и сталъ вправо отъ редутовъ непріятельскихъ, за оврагомъ Федюхиныхъ высотъ, тамъ, гдѣ долина раздѣляетъ Кадакіойскія высоты отъ Федюхиныхъ горъ. Цѣль отряда Жабокритскаго состояла въ обезпеченіи праваго фланга Липранди отъ нападенія французовъ съ горы Сапунъ.

³⁾ Колонна Левуцкаго: Украинскій полкъ; 4 батарейныхъ и 6 легкіхъ орудій № 7-го бат.: колонна Семякина: Азовскій полкъ, 1 батар., Діѣпр. полкъ, дивизионъ батарейной и 6 орудій легкой № 6-го батареи; колонна Скю-

Колонна Левуцкаго, подойдя къ высотамъ Кадыкюй, открыла тотчасъ огонь по укрѣпленіямъ № 1-го и 2-го, за нимъ генераль Семякинъ, выстроившись лѣвѣе, выслалъ впередъ штуцерныхъ и артиллерію, и подъ прикрытіемъ этого огня, построивъ въ ротныя колонны Азовскій полкъ, повелъ его на приступъ редута № 1-го. Азовцы бросились и съ крикомъ „ура!“¹⁾ водрузили тамъ свое знамя. Защищавшіе редутъ 170 турокъ были переколоты. Три крѣпостныхъ пушки и лагерь были трофеями этого подвига. Одновременно съ нападеніемъ Семякина, Левуцкій атаковалъ съ Украинскимъ полкомъ редуты № 2-го и 3-го; а Скюдери съ Одесскимъ полкомъ редутъ № 4-го; но смѣлое, рѣшительное и быстрое занятіе редута № 1-го до того устрашило турокъ, что они, не дожидаясь удара наступившихъ колоннъ, бросились въ бѣгство и оставили намъ безъ боя редуты № 2-го, 3-го и 4-го, гдѣ найдено еще 8 орудій и весь лагерь съ запасами. Во всѣхъ-же 4-хъ редутахъ взято орудій 11²⁾, одно турецкое знамя, одинъ значекъ и множество палатокъ съ запасными погребками для пороха, зарядовъ и другихъ предметовъ.

Байдарскій отрядъ занялъ съ бою д. Комары и послалъ сотню казаковъ къ Байдарской долинь. Этимъ дѣйствіемъ заключалась 1-я половина движенія; утвердившись на высотахъ Кадыкюй, владѣя д. Комарами и всѣми дорогами, идущими изъ Балаклавы къ Чургуну и въ Байдарскую долину, генераль Липранди, занявъ пѣхотою редуты №№ 1, 2 и 3-го³⁾, двинулъ кавалерію за переваль между редутами №№ 3-го—4-го и привазалъ генералу Рызову, съ гусарскою бригадою и 10-ю сотнями казаковъ съ артиллерію⁴⁾, атаковать лагерь англичанъ. Кавалерія бросилась

дери: Одесскій полкъ и легкая № 7-й батарея; колонна Гриббе: 3 баталіона Днѣпровскаго полка, дивиз. бат. и 6 орудій легкой № 6-го батареи, 1 сотня казаковъ № 53-го полка и 1 эскадронъ уланъ. Д.

¹⁾ Во время атаки на редуты. 6 англійскихъ орудій стали между редутами № 1-го и 2-го и открыли картечный огонь во флангъ наступавшихъ колоннъ, но штуцерными Украинскаго полка и дивиз. батал. № 4-го бат. были сбиты и прогнаны.

²⁾ Изъ 11 орудій только 3 мортиры были перевезены въ Севастополь прочія заклепаны и приведены въ негодность съ ихъ лафетами.

³⁾ Редутъ № 4-го по отдаленности отъ боевой линіи былъ скрытъ до основанія и брошенъ.

⁴⁾ Отрядъ генерала Рызова составляли: гусарская бригада 6-й кавалерійской дивизіи, Уральскій казачій № 1-го полкъ въ полномъ составѣ и

и вынеслась до самаго лагеря, но встрѣченная съ фронта англійскою кавалеріею, а съ фланговъ огнемъ штуцерныхъ гусаръ, наша кавалерія не выдержала, отступила на правый флангъ боевой линіи и стала за пѣхотою; преслѣдовавшая гусаръ англійская кавалерія была встрѣчена батареями Левуцкаго и Скюдери и отброшена назадъ.

Тогда, для воспрепятствованія непріятелю обойти войска Липранди, поставили на высоты, лежавшія вправо отъ гусарской бригады, пѣхотную бригаду 16-й дивизіи, съ артиллеріею и кавалеріею, подъ начальствомъ генераль-маіора Жабокритскаго ¹⁾. Сводный-же уланскій полкъ, только что прибывшій на позицію изъ д. Комары, назначенъ былъ въ засаду и поставленъ скрытно за пѣхотою.

Едва устроились войска наши, какъ англичане, не дожидаясь общаго на нихъ нападенія, сами атаковали насъ своею кавалеріею въ числѣ свыше 2,000 человекъ; ударъ былъ смѣлъ, дерзокъ и рѣшителенъ. Не смотря на огонь изъ 6-ти легкихъ орудій ²⁾. штуцерныхъ съ фронта и другихъ батарей съ боку, кавалерія англійская врѣзалась въ нашу гусарскую бригаду и началась сѣча ³⁾ По предварительному приказанію гусары отступили по дорогѣ къ Чургуну, а увлекшіеся успѣхомъ англичане бросились ихъ преслѣдовать; но тутъ неожиданно вынеслись изъ засады уланы и атаковали ихъ во флангъ. Поражаемые съ фронта гусарами, а съ боковъ перекрестными выстрѣлами штуцерныхъ и батарей 12-й и 16-й артиллерійскихъ бригадъ, англичане дрогнули и обратились въ бѣгство; но преслѣдуемые уланами и картечнымъ огнемъ, были совершенно уничтожены. Оставшіеся на

три сотни Донскаго казачьяго № 3-го полка, съ конною легкою № 12-го казачьяго батарейною № 3-го батареями. Д.

¹⁾ Отрядъ генераль-маіора Жабокритскаго состоялъ: изъ 1-й бригады 16 дивизіи пѣхоты; Суздальскій пѣхотный полкъ въ полномъ составѣ и 3 баталіоновъ Владимірскаго полка; 10 орудій батарейныхъ (№ 1 батареи) и 4 хъ легкихъ орудій № 2 батареи 16 бригады; 2-хъ ротъ стрѣлковъ дивизіона гусаръ Сакенъ - Веймарскаго полка и 2-хъ сотенъ казаковъ № 60 (полка Попова).

²⁾ Легкой № 7 батареи 16 арт. бр. капитана Божанова и штуцерныхъ Одесскаго полка.

³⁾ При этомъ нападеніи англичане изрубили нѣсколько канонировъ и въ донской № 3 батареѣ. Д.

полѣ 400 человекъ убитыми, 60 раненыхъ и 22 взятыхъ въ плѣнъ (въ томъ числѣ 1 штабъ-офицеръ) свидѣлствуютъ о ихъ пораженіи.

Одновременно съ англійскою кавалеріею, атаковала отрядъ Жабовритскаго кавалерія французская. Эскадронъ африканскихъ егерей, прорвавшись сквозь цѣпь нашу, смѣло и дерзко заскакалъ въ тылъ батареіной № 1 батареи (16 бриг.) и сталъ рубить артиллерійскую прислугу. Уже на выручку этого эскадрона неслось нѣсколько другихъ эскадроновъ африканскихъ егерей, но встрѣченные штыками Владимірскаго полка и мѣткими выстрѣлами черноморскихъ пластуновъ и стрѣлковъ нашихъ ¹⁾, французская кавалерія обратилась въ бѣгство и болѣе атакъ не возобновляла. 3 плѣнныхъ и 10 убитыхъ остались въ рукахъ нашихъ. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ состояла:

	Генера- ловъ.	Шт. и об.- офиц	Рядо- выхъ.
Убитыхъ . . .	„	6	232
Раненыхъ . . .	1 ²⁾	19	292

Эти двѣ неудачныя атаки отбили охоту у непріятелей повторять ихъ и къ 4 часамъ пополудни прекратили послѣднюю канонаду. Такъ кончилось это первое полевое дѣло подъ Севастополемъ. Войска наши заняли д. Комары, Кадыкій и расположились въ редутахъ № 1, 2 и 3-го (а редутъ № 4-го, какъ объяснено выше, за отдаленностію скрытъ до основанія), гдѣ и ночевали.

Послѣ сраженія 13-го октября, между воюющими арміями замѣтна была общая усталость и приготовленіе къ чему-то необыкновенному; такъ должно было заключить по бездѣйствію, замѣченному въ дѣлахъ съ обѣихъ сторонъ. Англичане не безпокоили Липранди ³⁾, занимавшаго высоты въ тылу ихъ лагеря;

¹⁾ 2 роты стрѣлковаго № 6 баталіона.

²⁾ Въ числѣ раненыхъ находился командиръ гусарскаго егерскаго императорскаго высочества князя Николая Максимиліановича полка, генераль-маіоръ Халецкій, и командиръ Азовскаго полка, полковникъ Криденеръ.

³⁾ Что англичане не безпокоили Липранди—тутъ причинъ много: неимѣніе удобныхъ зимнихъ бивуаковъ, топлива и одежды по времени года, и вообще непривычка къ климату и худое содержаніе солдатъ породило въ англійскомъ лагерѣ множество болѣзней, отъ которой численность арміи уменьшилась до 16,000 человекъ. При такомъ состояніи войскъ англичанамъ было

французы строили новыя батареи противъ нашихъ верковъ и въ особенности противъ бастіона № 4-го; бомбардировка Севастополя производилась только съ сухого пути и преимущественно французами; англійскія же батареи замѣтно стихли и дѣйствовали слабо, отъ чего и поврежденія въ нашихъ укрѣпленіяхъ были незначительны и исправлялись немедленно. Въ такомъ состояніи находились дѣла до 24-го октября, то есть до дня Инверманской битвы.

Инверманская битва, обѣщавшая такъ много лестныхъ надеждъ для русской арміи, кончилась, какъ извѣстно, въ пользу союзниковъ, не отъ того, чтобы русскіе разбиты были;—нѣтъ! но потому, что отъ безтолковаго распоряженія не умѣли воспользоваться плодами пріобрѣтенныхъ въ началѣ успѣховъ и упустили вѣрный, а можетъ быть единственный, случай,—уничтожить однимъ ударомъ непріятеля. Разсматривая съ этой точки послѣдствія, которыя такъ много возвысили духъ враговъ нашихъ, я полагаю необходимымъ, прежде описанія самой битвы, разсмотрѣть событія, предшествовавшія этой эпохѣ, а именно: нравственное состояніе обѣихъ армій, численность силъ къ 24-го октября 1854 года и матеріальныя средства каждой стороны, бывшія подъ рукою въ день битвы.

Упустивши вѣрный случай взять Севастополь тотчасъ послѣ Альмскаго сраженія, союзники съ сожалѣніемъ узнали послѣ, что укрѣпленія на южной сторонѣ воздвигнуты въ промежутокъ отдыха ихъ на Альмѣ и марша на Балаклаву; а страшное дѣйствіе батарей нашихъ съ 16-го сентября дало почувствовать имъ всю важность сдѣланной ими ошибки. Это первое непріятное впечатлѣніе, а также недостигшее своей цѣли бомбардиро-

---

не до сраженій, и они рады были, что «ихъ не беспокоили», но отчего гегер. Липранди не воспользовался превосходствомъ силъ своихъ надъ непріятелемъ? онъ имѣлъ подъ ружьемъ въ 12-й дивизіи до 16,000 и въ 16-й дивизіи свыше 5,000 человекъ; силъ было достаточно, счастье благоприятствовало ему и вѣроятіе успѣха было на сторонѣ Липранди, но онъ не двигался и исторія молчитъ о причинѣ этого бездѣйствія.

Д.

ваніе Севастополя 5-го октября и неудача въ дѣлѣ 13-го числа имѣли сильное вліяніе на нравственный унадокъ духа въ войскахъ союзниковъ; ибо при высадкѣ войскъ на берега Крыма, начальники громко говорили солдатамъ, что походъ ихъ къ Севастополю будетъ прогулкою и что чрезъ мѣсяць они будутъ пировать побѣду дома, на родномъ очагѣ ¹⁾, но теперь они лично убѣдились, что борьба можетъ продлиться долго и что имъ придется зимовать безъ дровъ и соломы.

Описанныя неудачи, приближеніе зимы, недостатокъ въ топливѣ, сырые и холодные биваки, скудное продовольствіе солдатъ, состоявшее тогда изъ солонины и сухарей, и наконецъ появившіяся за тѣмъ болѣзни во всѣхъ лагеряхъ до того изнурили непривычныхъ къ такой жизни французовъ, турокъ и англичанъ, что въ половинѣ октября открылся между нижними чинами общій ропотъ и начались побѣги. Дезертиры являлись къ намъ десятками и единогласно возвѣщали о бѣдственномъ состояніи ихъ арміи. Вслѣдствіе огромной смертности, происшедшей отъ недостатковъ и разныхъ лишеній въ необходимомъ, численность союзныхъ войскъ составляла къ 24-му октября 1854 года: у англичанъ до 23,000; у французовъ до 27,000 и у турокъ до 6—7,000 человекъ; итого во всѣхъ лагеряхъ считалось подъ ружьемъ до 56,000 человекъ. Что же касается до матерьяльныхъ средствъ къ продолженію войны, то положительно знаемъ отъ плѣнныхъ и дезертировъ, что къ 24-му октября союзники ощущали большой недостатокъ въ боевыхъ зарядахъ для крѣпостной и полевой артиллеріи, чѣмъ объясняется отчасти слабое дѣйствіе батарей ихъ послѣ 5-го октября, и даже недостатокъ въ патронахъ; кромѣ того, во всѣхъ лагеряхъ нуждались въ свѣжихъ запасахъ для продовольствія войскъ и для продовольствія лошадей. Запасы сѣна въ Байдарской долинѣ, на которые такъ много рассчитывали союзники, были сожжены казаками, а заготовить новаго сѣна не успѣли. Въ противоположность арміи союзниковъ, состояніе войскъ нашихъ было въ блестящемъ положеніи. Огромные скирды на высотахъ сѣверной стороны съ запасами

---

¹⁾ Такъ говорили плѣнные офицеры французскіе и англійскіе, и почти всѣ рядовые этихъ націй, сознавая въ невѣдѣніи о силѣ и могуществѣ русскаго народа. Д.

муки, сухарей, крупъ, водки, овса, сѣна и соломы видны были каждому солдату и живой скотъ для порціи ходилъ на тучныхъ лугахъ предъ ихъ глазами. Всѣ войска безъ исключенія имѣли теплые тулупы, хорошую обувь и одежду, и, получая ежедневно улучшенную пищу ¹⁾ и подстилку соломы на бивакахъ, были веселы, довольны и не знали никакой нужды.

Къ чести русскаго солдата замѣтить должно: что за отеческое попеченіе высшаго начальства о ихъ здоровьи на бивакахъ они имѣли въ немъ неограниченную довѣренность. Эта нравственная сила и собственное сознаніе каждаго воина въ личномъ мужествѣ до того возвысили духъ храбрыхъ сева-стопольцевъ, что въ эту героическую эпоху никто не дорожилъ жизнію и славная смерть на бастіонахъ считалась почетною ²⁾. При такомъ настроеніи общественнаго духа становится понятнымъ, отъ чего русскіе безропотно умирали на бастіонахъ, а получившіе легкія раны оставались на своихъ мѣстахъ и стыдились госпиталей. Съ такими солдатами можно было чудеса творить и творили, ибо только этимъ высокимъ патріотизмомъ сева-стопольскихъ защитниковъ и объясняется причина — отъ чего русскіе выдержали смѣло бой подъ Альмою и 5-го октября подъ Севастополемъ, не дозволивъ имѣть надъ собой поверхности,

¹⁾ Всѣ линейныя войска получали ежедневно по $\frac{3}{4}$ ф. говядины, по 1 чаркѣ водки, двойную порцію крупъ и соли и по 3 ф. печенаго хлѣба; а морякамъ, кромѣ того, производилась отъ морского вѣдомства добавочныя порціи: по чаркѣ водки и $\frac{1}{2}$ ф. солонины на человѣка, а также капуста, буракъ и квасъ.

²⁾ Примѣромъ необыкновеннаго патріотизма того времени можетъ служить событіе, которому я личный былъ свидѣтель. Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года при осмотрѣ укрѣпленій Севастополя, пришелъ я на батарею Жерве. Мальчикъ лѣтъ 12-ти (къ сожалѣнію забылъ его имя) наводилъ въ то время орудіе и, смотря по линіи прицѣла, серьезно кричалъ матросамъ: „ударъ вправо (станкп!) еще! еще! — ну хорошо!“ и отошелъ; но, увидавъ меня, вытнулъ и снялъ шапку. — А ты что такое здѣсь? спросилъ я мальчвва. — „Прислуга-сь, вашепревосходительство“. — Какъ прислуга? — „Точно такъ-сь, я служу тутъ на батарее“. — Какъ, ты служилъ здѣсь? — „Служу за рядового отца моего!“ и рассказалъ мнѣ слѣдующій кровавый эпизодъ. „Мѣсяцевъ пять назадъ, съзвалъ мальчикъ, и слезы навернулись у него глазахъ, я принесъ по обыкновенію обѣдъ для моего отца; мы ѣли его вмѣстѣ вотъ тутъ (и указалъ мѣсто въ ложицѣ, прилегавшей къ валу). Только-что отецъ пообѣдалъ, помолился Богу и сказалъ: спасибо тебѣ, сынокъ, накормилъ меня“, вдругъ разорвало надъ нами бомбу и осколкомъ въ грудь убило наповалъ отца моего. Долго я плакалъ

тогда какъ союзники обладали и превосходствомъ силъ, и превосходствомъ средствъ къ веденію войны, ибо море и флотъ давали имъ возможность подвозить запасы прямо въ лагерь, въ то время какъ мы получали эти запасы сухимъ путемъ. Между тѣмъ какъ бой кипѣлъ на бастіонахъ и обагрилъ ихъ кровію защитниковъ, ряды храбрыхъ севастопольцевъ замѣтно рѣдѣли; смерть и раны выносили каждодневно до 100 человекъ изъ фронта, такъ что послѣ 5 октября армія наша уменьшилась на 10,000 человекъ и общая численность войскъ, полагая и 16,000 матросовъ, составляла не болѣе 50,000 человекъ.

И этими-то войсками должны были защищать и охранять всѣ опасные пункты Крыма; а потому армія дробилась на нѣсколько частей: одна, и наибольшая часть, отъ 25,000 до 30,000 назначалась для обороны Севастополя, остальные же войска охраняли небольшими отрядами: Мекензиеву гору, отъ вторженія съ р. Черной при Чургунѣ; устья рѣкъ Бельбека и Качи на случай высадки тутъ непріятеля, и наконецъ держали постоянный отрядъ подъ Евпаторією, гдѣ союзники засѣли въ значительныхъ силахъ и могли ударить (по произволу) на Перекопъ или Симферополь и стать на сообщеніяхъ нашихъ съ Россією; а потому съ 50,000 войскъ мы были-далеко слабѣе непріятеля, который, обладая моремъ и страшнымъ флотомъ, могъ сосредоточивать однѣ и тѣ же силы, гдѣ ему заблагоразсудится.

и горевалъ, сказалъ мальчикъ, и поклялся: отмстить проклятымъ французамъ за смерть отца моего. Пришолъ къ командиру и какъ милости просилъ дозволенія заступитъ мѣсто отца моего на батарее; командиръ согласился и съ тѣхъ поръ я исполняю обязанность наравнѣ со старыми матросами“. Къ сожалѣнію командиръ ушелъ куда-то и я не могъ лично разспросить его; но матросы, составившіе прислугу на батарее, подтвердили слова мальчика и добавили: „самъ Господь послалъ его къ намъ на пагубу врагамъ, ибо глазъ у мальчика такъ въреть, что рѣдкая, рѣдкая бомба летитъ у него мимо, но всегда рветъ ея надъ батареею непріятельской. Князь Горчаковъ, при посѣщеніи своемъ батареею, наградилъ его медалью „за усердіе“ и 50-ю рублями собственныхъ денегъ съ приказаніемъ положить ихъ въ банкъ до совершеннолѣтія. Послѣ узналъ я, что всѣ посѣщающіе принимали самое живое участіе въ этомъ мальчикѣ и ухода всегда оставляли въ рукъ его отъ 1 до 3 руб. серебр. Въ августѣ мѣсяцѣ 1856 года я встрѣтилъ этого мальчика на городскомъ бульварѣ, украшеннаго Севастопольскою медалью на георгіевской лентѣ; мальчикъ узналъ меня, снялъ шапку, сталъ во фронтъ и провожалъ меня веселой улыбкой. Я спросилъ о его жительство и узналъ, что онъ съ матерью и сестрою поселились на время въ Симферополь.

Д.

Въ это-то бѣдственное время въ пору и кстати прибылъ на помощь севастопольцамъ 4-й пѣхотный корпусъ въ числѣ 50,000 человекъ, подъ командою генерала отъ инфантеріи Даненберга.

Справедливость требуетъ сказать, что эту важную услугу для отечества оказалъ главнокомандующій кожною арміею, генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ. Не имѣя просьбы о помощи отъ князя Меншикова, ни повелѣнія императора, князь Горчаковъ двинулъ 4-й корпусъ въ Крымъ по личному распоряженію, тотчасъ по полученіи извѣстія о высадкѣ непріятеля при Евпаторіи, и предписалъ генералу Даненбергу слѣдовать туда форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ, дѣлая до 60-ти верстъ въ сутки. Для облегченія войскъ, которыя за недѣлю предъ тѣмъ воротились изъ княжествъ Валахіи и Молдавіи и не успѣли еще отдохнуть, князь Горчаковъ приказалъ заготовить на пути слѣдованія корпуса обывательскія подводы для возки солдатскихъ ранцевъ и мѣшковъ, а также слабыхъ и усталыхъ во время марша; а для поддержанія силъ и здоровья солдатъ производить имъ во все время похода „усиленное содержаніе“, состоявшее ежедневно: кромѣ провіанта еще 3-хъ порцій водки, 3-хъ фунтовыхъ порцій мяса и третной пропорціи крупъ и соли.

Каждый переходъ раздѣленъ былъ на три „привала“, куда заблаговременно высланы были комиссіонеры съ продуктами и артельщики съ котлами для варки пици; такъ что, идучи день и ночь, войска имѣли отъ 10-ти до 12-ти часовъ въ сутки отдыха и на каждомъ отдыхѣ (привалѣ) находился готовый обѣдъ, ужинъ или завтракъ съ водкою. При такомъ попеченіи начальства, войска достигли Севастополя безъ усталости и въ совершенномъ здоровьѣ. Дивизіи 10-я и 12-я прибыли туда въ первой, а дивизія 11-я во второй половинѣ октября. Вслѣдъ за пѣхотою были посланы въ Крымъ и принадлежавшіе корпусу № 11-й, 12-й и 15-й артиллерійскіе подвижные парки, съ полнымъ количествомъ боевыхъ запасовъ, для снабженія ими корпуса. Узнавъ о посылкѣ въ Крымъ 4-го пѣхотнаго корпуса, государь императоръ собственноручнымъ письмомъ благодарилъ князя М. Д. Горчакова и въ изъявленіе своего полного удовольствія сказалъ ему въ высочайшемъ рескриптѣ: „ты угадалъ мою мысль и самъ я не могъ бы лучше распорядиться“.

Изъ краткаго очерка о положеніи обѣихъ армій, не трудно

завключить, что нравственное превосходство русской арміи надъ союзниками было очевидно причиною отчего русскіе, не смотря на свою малочисленность, бодро и смѣло встрѣчали враговъ своихъ и наносили имъ чувствительное пораженіе.

Князь Меншиковъ хорошо зналъ этотъ „рычагъ“, эту могучую силу своей арміи, а бомбардировка 5-го октября и блестящее дѣло 13-го числа еще болѣе убѣдили его въ этомъ мнѣніи и внушили ему смѣлую мысль—вытѣснить союзниковъ изъ Крыма тотчасъ по прибытіи войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

Обстоятельство это не ускользнуло отъ смѣтливаго генерала Даненберга. Потерявъ репутацію свою подъ Ольтеницей ¹⁾ и

¹⁾ Въ 1853 году, около 20-го—21-го октября, турки, въ числѣ 8,000, перешли чрезъ Дунай и заняли въ княжествѣ Валахія, на лѣвомъ берегу деревни Ольтенице, въ 58-ми верстахъ отъ Бухареста. Впереди деревни были старыя батареи, которыя турки починили и расположились тамъ, имѣя по флангамъ укрѣпленія небольшой флотъ, т. е. перевозочныя суда. Узнавши объ этой высадкѣ, князь Горчаковъ приказалъ генералу Даненбергу, съ войсками 11-й пѣх. дивизіи, выгнать оттуда турокъ. Надо было видѣть воодушевленіе и радость офицеровъ и солдатъ Селенгинскаго, Охотскаго полковъ и другихъ войскъ, назначенныхъ на штурмъ видимыхъ укрѣпленій. Но первое распоряженіе Даненберга къ приступу очень смутило солдатъ—имъ приказано идти на штурмъ въ ранцахъ. Съ разсвѣтомъ, 23-го октября, артиллерія 11-й артиллерійской бригады заняла назначенныя по диспозиціи мѣста и открыла мѣткій огонь по непріятельскому укрѣпленію; подъ этимъ огнемъ двинулись на штурмъ колонны. Не смотря на перекрестный огонь съ укрѣпленій и флота турецкаго, колонны бодро и весело шли бѣгомъ и шагомъ и были уже въ 10-ти саженьяхъ отъ укрѣпленія, какъ вдругъ услышали отбой. Трубы играли отступление, колонны остановились и, подъ градомъ картечнаго огня, нѣсколько минутъ стояли въ недоумѣніи, наконецъ, слыша повтореніе отступныхъ звуковъ трубы, колонны повернули назадъ и тутъ-то, страшно сказать, легли тысячи храбрыхъ и невинныхъ жертвъ сумазброднаго распоряженія. Но что-же было причиною такого страннаго случая: воротить войска въ ту минуту, когда они готовились ударить на турокъ въ штыки и отомстить имъ за смерть своихъ товарищей?

Исторія молчитъ объ этомъ постыдномъ отбоѣ!.. Но герой этого дня, Охотскаго полка подполковникъ Скюдери, получившій здѣсь двѣ пули въ руку и третью въ спину при отступленіи, смѣло и громко говорилъ всѣмъ, что Даненбергъ ударилъ отбой „отъ потери присутствія духа“. Ординарцы, неотлучно при немъ бывшіе, единогласно подтвердили, что генералъ Даненбергъ, во все время боя, оставался на томъ мѣстѣ, откуда войска пошли на штурмъ (въ 2¹/₂ верстахъ отъ укрѣпленія) и при видѣ крови раненыхъ, которыхъ мимо него проносили фуражки, онъ, видимо, до того пораженъ былъ картиною, что нѣсколько разъ поворачивалъ коня назадъ, чтобъ не видѣть этихъ несчастныхъ. Въ этомъ положеніи разстроенаго духа, онъ вдругъ,

желая здѣсь, на новомъ поприщѣ, смыть эта пятно какимъ либо счастливымъ дѣломъ, Даненбергъ ухватился за мысль Меншикова. Хитрый иезуитъ по характеру, тонкій и умный тактикъ по теоріи и краснорѣчивый ораторъ на словахъ, Даненбергъ такъ умѣлъ „подладиться“ къ гордому князю Меншикову съ своимъ проектомъ „о возможности совершеннаго изгнанія непріятелей изъ Крыма“, что князь соблазнился его идеею и поручилъ ему начертать планъ общей атаки. Обладая обширнымъ умомъ и научными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, генераль Даненбергъ, скрытный и недовѣрчивый по природѣ, имѣлъ слабость облекать мысль свою въ глубокую тайну. Это правило тонкаго иезуита отразилось теперь на всѣхъ его дѣйствіяхъ по составленію плана Инкерманской битвы.

Не сомнѣваясь въ успѣхѣ предстоявшаго дѣла, генераль Даненбергъ до того дорожилъ тайною своего плана и столько былъ увѣренъ въ непогрѣшимости своихъ соображеній, что не считалъ даже нужнымъ посовѣтоваться объ этомъ важномъ дѣлѣ съ людьми извѣданной опытности и преданныхъ душою царю и отечеству, съ адмиралами: Нахимовымъ, Истоминымъ, Новосильцевымъ и другими достойными представителями Севастополя, которые лучше всѣхъ топографическихъ картъ знали мѣстность своего города, всѣ выходы и подходы къ непріятельской позиціи и совѣтомъ своимъ могли бы принести неисчислимую пользу въ дѣлѣ государственномъ, отъ успѣха котораго зависѣла тогда судьба Сева-

---

неожиданно для всѣхъ, закричалъ: „послать трубача!“ и приказалъ играть „роковое отступление“. Чтобы прикрыть стыдъ такого постыднаго отступленія, распустили слухъ, будто бы войска встрѣтили воду предъ валомъ и прочее,—но вышелъ вздоръ! Скюдери говорилъ мнѣ, что дождевыя лужи, правда, стояли предъ укрѣпленіемъ, но воды, могущей остановить штурмъ колоннъ, вовсе не было, что впоследствии подтвердили и офицеры генеральнаго штаба, посланные для осмотра оставленныхъ турками укрѣпленій. Князь Горчаковъ былъ такъ огорченъ этимъ происшествіемъ, что хотѣлъ тотчасъ смѣнить Даненберга, но, по добротѣ, оставилъ его и много погрѣшилъ противъ службы. Весь гнѣвъ князя Горчакова ограничился удаленіемъ Даненберга „отъ распоряженія войсками во время военныхъ дѣйствій“. Съ этою цѣлію, когда войска 10-й и 11-й дивизій находились подъ Силистрією, а 12-я дивизія подъ Калафатомъ (въ Малой Валахіи), корпусный ихъ командиръ Даненбергъ оставленъ былъ со штабомъ въ Бухарестѣ, гдѣ и находился весь мартъ, апрѣль, май, іюнь и до 20-го іюля 1854 года, т. е. до очищенія Бухареста.

Д.

стополя, а можетъ быть и цѣлой Россіи; но Даненбергъ устранилъ ихъ и сдѣлалъ болѣе—увѣрилъ князя Меншикова, что „преждевременная гласность повредитъ успѣху предстоявшей битвы“; и умный князь, попавшись въ тенета честолюбиваго эгоиста, согласился съ его предположеніемъ — и вышла кутерьма! Планъ Даненберга составленъ былъ умно и отчетливо; главная мысль онаго (какъ послѣ открылось) состояла въ томъ, чтобы, пользуясь превосходствомъ силъ нашихъ надъ союзниками, атаковать одновременно центръ и фланги непріятельской позиціи, овладѣть ихъ лагерями, отбросить къ морю и заставить бѣжать изъ Крыма. Съ этою цѣлію дивизіи 10-я, 11-я, 16-я и 17-я, каждая изъ 3-хъ полковъ, числомъ свыше 42,000 штыковъ, должны были ударить въ центръ непріятельской позиціи „при верховьяхъ Килень-Балки“; 12-я дивизія (съ кавалеріею), въ числѣ 14,000 штыковъ, должна напасть на правый флангъ союзниковъ и атаковать лагерь англичанъ при Кадыкой; отрядъ при Чургунѣ, въ 8,000 человекъ, имѣлъ обязанностію оберегать переправы чрезъ р. Черную и служить резервомъ для 12-й дивизіи; а гарнизонъ Севастополя, до 30,000 человекъ, долженъ былъ произвести вылазку и ударить на лѣвый флангъ союзниковъ, когда войска 10-й, 11-й и 17-й дивизій придутъ на одну высоту съ городомъ. Войскъ для исполненія такого огромнаго плана было достаточно; оставалось распорядиться, чтобы все двигалось безпрепятственно и притомъ вѣрно опредѣлить часъ битвы и рассчитать марши войскъ, чтобы каждая часть пришла къ бою своевременно; но для этого-то важнаго акта въ ходу битвы и недостало ума и соображенія у сочинителя плана; карты ему измѣнили и расчеты, сдѣланные по нимъ, оказались неточны; а отъ этой „бездѣлицы“, отъ совокупнаго удара 90,000 штыковъ, и зависѣлъ успѣхъ предстоящаго боя. Но послѣдуемъ за исполненіемъ плана Даненберга.

Во-первыхъ, вслѣдствіе глубокаго секрета, планъ сообщенъ былъ отчасти только начальникамъ отрядовъ: генераламъ Соймону, Павлову, князю Горчакову 1-му, Липранди и гарнизону Севастополя; но всѣмъ имъ настолько, сколько знать было нужно каждому о движеніи его отряда къ мѣсту назначенія, а объ общемъ дѣйствіи войскъ во время битвы и о цѣли битвы, т. е. какъ далеко войска должны проникнуть въ глубь непріятельской позиціи и чѣмъ долженъ кончиться день въ случаѣ успѣха или

куда отступать при неудачѣ—имъ не объявлено, но приказано ожидать дальнѣйшихъ распоряженій во время самаго боя ¹⁾). Начальникамъ другихъ частей ровно ничего сообщено не было; а потому командиры пѣхотныхъ бригадъ, полковъ, баталіоновъ и батарей были въ этомъ сраженіи шахматными фигурами или ходами, пока игроки были живы, да здоровы, а далѣе?—вышла страшная суматоха! Таеъ случилось съ войсками Соймонова, когда ранили его въ животъ и ногу и смерть похитила героя; оставшіеся по немъ старшіе начальники, командиры бригадъ и полковъ, не знали куда идти и что дѣлать далѣе; даже генераль Павловъ, долженствовавшій дѣйствовать вмѣстѣ съ войсками Соймонова, сталъ въ „тупикъ“, когда увидѣлъ, что войска эти взяли другое направленіе.

А гдѣ былъ въ это время генер. Даненбергъ? Онъ, какъ въ Олтеницкомъ сраженіи, оставался на высотѣ впереди бастиона № 2-го и ничего не видѣлъ, кромѣ дыма! и только, когда пріѣхалъ офицеръ съ донесеніемъ о смерти Соймонова и испрошеніемъ дальнѣйшихъ приказаній для войскъ его колонны (о чемъ будетъ объяснено ниже), Даненбергъ поѣхалъ къ войскамъ.

Во-вторыхъ, по диспозиціи на 24-е число, правая колонна Соймонова должна была собраться и ночевать впереди бастиона № 2-го, откуда пролегаетъ въ глубь непріятельскаго лагеря новая саперная дорога; а сборъ лѣвой колонны Павлова назначенъ на р. Черной, близъ Инкерманскаго моста. Генераль Соймоновъ, съ войсками 10-й и 16-й дивизіи и 1-мъ полкомъ 17-й дивизіи, съ 2-мя батарейными и 1-ю легкою батареями, всего въ числѣ 25,000 штыковъ, при 36-ти орудіяхъ ²⁾, долженъ былъ развернуть фронтъ правѣе Килень-Балки (т. е. „упираясь лѣвымъ флангомъ о лѣвый берегъ Балки“), гдѣ мѣстоположеніе для непріятельскихъ дѣйствій представляло всѣ удобства, и атаковать непріятеля, расположеннаго у верховья Килень-Балки.

Генералу Павлову предписано, перейдя мостъ при Инкерманѣ,

¹⁾ Ниже увидимъ о распоряженіяхъ генерала Даненберга во время битвы.

²⁾ Полки 10-й дивизіи: Екатеринбургскій, Томскій и Колыванскій.

„ 16-й „ Владимірскій, Суздальскій и Углицкій.

„ 17-й „ полкъ Бутырскій.

Артиллерія: батарейная № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады.

	№ 1-го	16-й	„	„
легкая	№ 4-го	17-й	„	„

послать 2 полка пѣхоты и 2 роты стрѣлковъ, въ числѣ 7,000 человекъ ¹⁾, для очищенія и занятія лѣсистаго оврага за р. Черною; а съ прочими войсками (въ числѣ 11,000 человекъ, при 32-хъ батарейныхъ орудіяхъ) ²⁾, онъ долженъ былъ, взобравшись на гору, идти направо по саперной дорогѣ и построить ихъ (лѣвѣ Балки) между Килень-Балкою и вышеупомянутымъ лѣсистымъ оврагомъ; и потомъ, обще съ Соймоновымъ, ударить на центръ непріятельской позиціи у верховья Килень-Балки.

Отряду Чургунскому, подъ командою генерала отъ инфантеріи князя Горчакова 1-го, поставлено въ обязанность: войсками 12-ой пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією и кавалерією, въ числѣ 14 т. человекъ, подъ начальствомъ Липранди, атаковать фронтъ и тылъ англійскаго лагеря при Кадыкой съ тѣмъ, чтобы развлечь силы англичанъ и удержать здѣсь на все время битвы обсервационный корпусъ французовъ въ числѣ 17 т. человекъ подъ командою генерала Боске. Начало битвы для всѣхъ войскъ вообще назначено въ 6 часовъ утра; командованіе войсками поручено генералу отъ инфантеріи Даненбергу.

Для правильнаго сужденія объ упорствѣ и ожесточеніи сражавшихся 24 октября армій, необходимо взглянуть и на расположеніе союзныхъ войскъ въ ту минуту, когда русскія готовились атаковать ихъ. Главныя силы англичанъ сосредоточены были по обѣимъ сторонамъ Килень-Балки; правѣ Килень-балки и на томъ мѣстѣ, которое назначено для войскъ Соймонова, была расположена дивизія Брауна; лѣвѣ его, для охраненія англійскихъ траншей, стояла бригада Асера; у верховья Килень-Балки были расположены дивизіи: 3-я Ингленда, 4-я Каткарта и гвардейская бригада Бентика, а влѣво Килень-Балки стояла 2-я дивизія Леси-Ивенса. Впереди оной находились редуты № 2-го и 3-го, а далѣе (въ 450 или 500 саж.) на высотѣ оврага каменистыми стоялъ редутъ № 1-го. Всѣ три редута находились

¹⁾ Полки 17-й дивизіи: Бородинскій и Тарутинскій егерскіе и 2 роты стрѣлковаго № 4-го баталіона.

²⁾ Полки 11-й дивизіи: Селенгинскій, Охотскій и Якутскій.

Артиллерія: батарейная № 1-го батареи 10-й артиллерійской бригады.

"	№ 3-го	"	11-й	"	"
"	№ 3-го	"	17-й	"	"

(Въ числѣ 8-ми орудій).

подъ защиту батарей: Викторія и Матильда. Всего на этой мѣстности было сосредоточено болѣе 21 т. пѣхоты. Для защиты лагеря при Кадыкой оставлена была только кавалерія англійская и отъ 5 до 6 т. турецкихъ войскъ.

Главныя силы французовъ, въ числѣ 17 т. пѣхоты, подъ командою генерала Боске, находились въ главномъ ихъ лагерѣ на Сапунъ-горѣ, для защиты Балаклавы и для противодѣйствія войскамъ Липранди, въ случаѣ нападенія ихъ на лагерь англичанъ ¹⁾. Остальныя французскія войска, въ числѣ 10 т. человекъ, составляли осадный французскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Форе и находились въ траншеяхъ, для прикрытія лѣваго фланга союзныхъ армій.

Изъ этого расположенія войскъ непріятельскихъ видно, что, не смотря на глубокую тайну плана Даненберга, союзники приготовились встрѣтить насъ на всѣхъ атакуемыхъ пунктахъ и что англичане не побоялись вывести изъ лагеря всѣ пѣхотныя войска и сосредоточить ихъ на угрожаемомъ пунктѣ. Теперь посмотримъ на исполненіе плана генер. Даненберга:—казалось, что все соображено было хорошо и толково; да вотъ бѣда: забыли рассчитать „время“ для марша каждой колонны, чтобы всѣмъ войскамъ отереть дѣйствіе одновременно въ 6 часовъ утра, и забыли осмотрѣть дороги ²⁾ предварительно, и посоветоваться о состояніи ихъ съ людьми свѣдущими, ибо на „картѣ“ онѣ были широки и удобопроходимы, на дѣлѣ же оказались непомерно круты, вились по обрывамъ каменныхъ горъ и мѣстами такъ узки, что едва проходимы для пары лошадей, отчего пѣхота шла по 3—4 человека; кромѣ того (чего на картѣ вовсе не показано) отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей образовалось на дорогѣ множество поперечныхъ рытвинъ, и мѣстами столь глубокихъ, что препятствовали ходу артиллеріи, почему войска Павлова должны были останавливаться чинить дороги и тратить драгоценное время. Это обстоятельство (отъ самонадѣянности) не вошло въ соображеніе Даненберга и послужило къ измѣненію плана на самыхъ важныхъ пунктахъ и къ пораженію войскъ

¹⁾ Говорилъ плѣнный французскій офицеръ за столомъ князя Горчакова.

²⁾ Тогда онѣ не были заняты непріятелемъ.

нашихъ. Генераль Соймоновъ тронулся съ ночлега ¹⁾ въ 4¹/₂ часа утра; но худая дорога и тяжелый подъемъ въ горы было причиною, что непріятель успѣлъ открыть движеніе Соймонова и занять назначенную ему позицію „на лѣвомъ берегу Килень-Балки“ прежде его, отъ чего войска Соймонова должны были строиться „на правомъ берегу Килень-Балки“ ²⁾, занимая каждый шагъ подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ. Лѣвая колонна Павлова, которой также назначенъ бой въ 6 часовъ утра, не могла успѣть во-время; встрѣчая тѣ-же препятствія при подъемѣ въ горы, она должна была сдѣлать лишнихъ 10 или 12 верстъ противъ колонны Соймонова, — обстоятельство важное, которое не взято въ соображеніе при составленіи плана ³⁾, а потому Павловъ пришелъ къ мѣсту назначенія между 8—8¹/₂ часами утра, когда войска Соймонова находились уже 2¹/₂ часа въ кровопролитномъ бою, имѣя противъ себя всѣ силы союзниковъ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ всѣ предшествовавшія къ бою событія, приступаю къ описанію самой битвы, происходившей 24 октября 1854 года на поляхъ Инкерманскихъ ⁴⁾.

¹⁾ Генераль Даненбергъ въ донесеніи своемъ князю Меншикову 27 октября несправедливо оклеветалъ память „героя этого дня“, храбраго генерала Соймонова, обвиняя его „въ перемѣнѣ позицій“ и въ „преждевременномъ началѣ боя“. Мы видѣли причину, заставившую Соймонова измѣнить диспозицію, — причину, о которой Даненбергъ умолчалъ въ донесеніи, и безнаказанно, по случаю смерти Соймонова, говоритъ въ свое оправданіе: „къ сожалѣнію колонна Соймонова, вмѣсто указаннаго ей направленія, перешла на правый берегъ Килень-Балки, и съ разсвѣтомъ, не выждавъ появленія колонны Павлова, быстро двинулась впередъ“.

²⁾ Отъ бастіона № 2-го по новой саперной дорогѣ.

³⁾ Если-бы г. Даненбергъ этотъ лишній маршъ отъ 10 до 12 верстъ имѣлъ въ виду при начертаніи плана и назначилъ часъ битвы въ 8 часовъ утра, тогда-бы цѣль была достигнута и совокупный ударъ 50 т. штыковъ на центръ непріятеля справа и слѣва могъ-бы имѣть блестящій результатъ.

⁴⁾ Князь Меншиковъ, въ донесеніи своемъ государю императору отъ 25 октября 1854 года, назвалъ инкерманское сраженіе „вылазкою“; спрашивается: чѣмъ же отличается обыкновенная вылазка отъ большого генеральнаго сраженія, какова была битва Инкерманская, гдѣ съ обѣихъ сторонъ болѣе 10 часовъ дрались съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, гдѣ пролито столько невинной русской крови и легло на вѣчный упокой:

генераловъ 1,	шт.-и об.-офицер. 42,	нижн. чиновъ до 3000,
ранено и конт. „ 4,	„ „ „ 206,	„ „ „ 5700,

итого вышло изъ строя 5 генераловъ, 248 шт. и об. офицер., 8700 нижн. чин.

Д.

Трудно было Соймонову строиться подъ перекрестнымъ огнемъ линейной пѣхоты и стрѣлковъ непріятельскихъ и при томъ на мѣстности открытой, куда войска наши подходили не вдругъ, но рядами въ 3—4—6 человекъ, какъ позволяла возможность смыкаться, взобравшись на горы. Чтобъ охладить порывъ восторженныхъ англичанъ и заставить молчать ихъ батареи, храбрый Соймоновъ спѣшно свернулъ въ колонны полки Томскій и Колыванскій, а за ними Екатеринбургскій во 2 линію и лично повелъ ихъ въ атаку. Вслѣдъ за Соймоновымъ тронулся и резервъ, составленный изъ 4-хъ полковъ, подъ командою генерала Жабокритскаго ¹⁾).

Осыпаемые картечью и штуцерными пулями и не имѣя простора дѣйствовать баталіонными колоннами, полки Томскій и Колыванскій перестроились въ колонны ротныя и, предшествуемые цѣпью застрѣльщиковъ, бросились въ штыки.

Дружный ударъ храбрыхъ егерей и мѣткій картечный огонь 24-хъ батарейныхъ и 12 легкихъ орудій ²⁾ нашихъ, подѣхавшихъ на самую близкую дистанцію въ непріятелю, сбили и ошеломили англичанъ неожиданностію и преслѣдовали ихъ до самаго лагеря.

Прежде чѣмъ враги могли опомниться, 3 баталіона ³⁾ этой неподобной пѣхоты бросились на непріятельскую батарею, выбили штыками англичанъ, взяли и заклепали тамъ два орудія.

Вслѣдъ за Томскимъ и Колыванскимъ полками, два баталіона Екатеринбургскаго полка прошли далѣе и, перейдя вправо Килень-Балку, атаковали войска Брауна, ворвались на штыкахъ въ лагерь его, взяли съ бою 4 орудія и также заклепали ихъ. Здѣсь справедливость требуетъ сказать, что успѣху 2-хъ предшествовавшихъ атакъ много способствовали полки Тарутинскій и Бородинскій.

Перейдя р. Черную чрезъ мостъ при Инкерманѣ, они отделились тутъ отъ колонны Павлова и пошли прямо въ лѣсистое ущеліе (лѣвѣе горной дороги, по которой шли войска 11-й дивизіи) и, взобравшись изъ оврага, очутились впереди каменеломни

¹⁾ Бутырскій и Углицкій егерскіе, Владимірскій и Суздальскій пѣхотные.

²⁾ Батарейная № 2-го 10 бр.; батарейная № 1-го 16 бр. и легкая № 4-го 17 бр.

³⁾ Одинъ баталіонъ Томскаго и два баталіона Колыванскаго. Д.

(правѣ старой почтовой дороги) на одной высотѣ съ полками Томскимъ, Кольванскимъ и Екатеринбургскимъ и на правомъ флангѣ англійскихъ войскъ. Между гвардейскою бригадою Бентинга и дивизіею Леси-Ивенса храбрые егеря, построившись по приказанію Соймонова въ ротныя колонны и предшествуемые двумя ротами штуцерныхъ (4-го сапер. бат.), двинулись впередъ и одновременно съ полками 10-ой дивизіи ударили на правый флангъ непріятеля. Бой былъ отчаянный, рукопашный и упорный и заставилъ англичанъ отдѣлится на этотъ пунетъ значительныя силы, чѣмъ много помогли Соймонову совершить смѣлую и блестящую атаку его на фронтъ и лагерь англійской позиціи. Съ такою восторженностію цѣлые два часа дрались войска русскія, имѣя вездѣ впереди храбраго генерала Соймонова. Не смотря на превосходство непріятельскихъ позицій, укрѣпленныхъ редутами, союзники вездѣ бѣжали, батареи ихъ взяты и лихое ура! огласило горы и лагерь непріятельскій. Вотъ какія чудеса можно дѣлать съ русскимъ солдатомъ, при благоразумномъ распоряженіи храбраго начальника.

Но эта яркая звѣздочка, взошедшая на горизонтъ русской славы, угасла со смертію храбраго Соймонова. Раненый въ животъ насквозь и въ ногу, онъ чрезъ полчаса ужаснаго страданія умеръ на мѣстѣ битвы. Въ то-же время, при нападеніи на фронтъ и лагерь союзниковъ, были тяжело ранены и выбыли изъ строя бригадный генералъ Вильбоа, командиръ 10 артиллерійской бригады Загоскинъ, командиры полковъ: Екатеринбургскаго, Томскаго и Кольванскаго, на половину баталіонныхъ командировъ и множество лучшихъ офицеровъ тѣхъ же полковъ. Можно представить себѣ ужасное положеніе войскъ, еще топтавшихъ и гнавшихъ бѣгущаго непріятеля, когда увидѣли, что любимый ихъ вождь, храбрый генералъ Соймоновъ, лежитъ мертвъ и недвижимъ, а старшіе по немъ начальники выбыли за ранами изъ фронта. Очевидцы столь критическаго положенія ¹⁾ говорятъ: что эти минуты колебанія, недоразумѣнія и совѣщанія куда идти и что дѣлать далѣе—были для насъ минутами роковыми. Старшій изъ начальниковъ въ 3-хъ полкахъ 10 дивизіи былъ подполков-

¹⁾ Генералы: Каминскій и Павловъ.

никъ ¹⁾, который ничего не зналъ о цѣли битвы; а потому пока судили, радили и наконецъ рѣшили продолжать битву по прежнему и послать офицера за приказаніемъ къ Даненбергу, непріятель ономился и, пользуясь видимымъ колебаніемъ войскъ нашихъ, въ свою очередь атаковалъ насъ и, тѣ-же полки, за минуту чудо-богатыри—дрогнули, стали отступать и упустили изъ рукъ вѣркую побѣду. Вотъ какъ гибнуть плоды, купленные кровію храбрыхъ сыновъ отечества, когда въ минуту опасности нѣтъ посреди ихъ распорядителя боя, нѣтъ единства въ дѣйствіи войскъ ²⁾.

Для поясненія этого несчастнаго событія, необходимо знать, что еще при началѣ боя начальникъ обсерваціоннаго французскаго корпуса, генераль Боске, прислалъ въ помощь англичанамъ $\frac{1}{2}$ баталіона стрѣлковъ и 2 баталіона линейной пѣхоты, числомъ свыше 2 т. штыковъ. Это пособіе и прибытіе на мѣсто сраженія англійскаго главнокомандующаго Роглана, который тотчасъ двинулъ къ мѣсту битвы еще не бывшія въ дѣлѣ дивизіи: 4-ю Каткарта и 3-ю Ингланда, было причиною, что въ моментъ смерти Соймонова и колебанія войскъ русскихъ англичане получили нравственный и числительный перевѣсъ въ силахъ.

Смѣнивъ разбитые полки англійской гвардіи и 3 дивизіи Леси-Ивенса, войска Каткарта и Ингланда ударили на полки 10-й дивизіи, уже прежде утомленные 2-хъ часовою кровавою битвою.

Выбитые изъ лагеря союзниковъ и преслѣдуемые непріателемъ, полки Томскій, Кольванскій и 2 баталіона Екатеринбургскаго ³⁾ спустились при отступленіи въ оврагъ (каменоломни),

¹⁾ Полки Тарутинскій и Бородинскій дрались отдѣльно отъ полковъ 10 дивизіи, на правомъ флангѣ союзниковъ; начальникъ резерва генераль Жабокритскій находился съ резервомъ верстахъ въ 2-хъ отъ побоища, генераль Каминскій былъ раненъ. Д.

²⁾ Даненберга не было тогда при войскахъ, а колонна Павлова находилась на маршѣ къ мѣсту битвы; нарочный офицеръ съ извѣстіемъ о смерти Соймонова и страшной убыли другихъ начальниковъ еще не воротился къ отряду. Д.

³⁾ Выше сказано, что 2 баталіона Екатеринбургскаго полка отдѣлились отъ прочихъ войскъ, бросились направо и, перейдя Килень-Балку, атаковали войска Брауна, ворвались въ лагерь его, взяли и заклепали 4 орудія. Въ это время Соймоновъ былъ убитъ, войска 10 дивизіи спустились въ оврагъ, и англичане, преслѣдуя ихъ, отрѣзали тогда путь отступленія екатеринбург-

гдѣ пролегаетъ старая почтовая дорога; за ними въ тотъ же оврагъ бросились и непріатели и тутъ-то завязалась кровопролитная и упорная сѣча на жизнь и смерть. Оставленные безъ поддержки другихъ войскъ, при совершенномъ безначаліи, и тѣсными возрастающими силами англичанъ въ каменоломнѣ, храбрые 2^е, полка 10 дивизіи (Том., Колыв. и ^е, Екатеринб.) дрались отбиваясь на всѣ стороны и погибли-бы до одинаго, если-бы не подоспѣли на помощь 4 полка резерва съ артиллерією и 2 полка лѣвой колонны—Бородинскій и Тарутинскій.

Резервъ генер. Жабокритскаго въ началѣ боя занималъ высоты лѣвѣе Киленъ-Балки, для охраненія нашего праваго фланга со стороны балки, гдѣ стояла дивизія англичанъ Броуна; когда же полки 10 дивизіи спустились въ оврагъ каменоломни, Жабокритскій оставилъ на прежнемъ мѣстѣ только 2 полка пѣхоты (Владимірскій и Суздальскій), а остальные два полка и всю артиллерію (2 батареин. и 2 легк. бат.) ¹) подвинулъ на 300 сажень и расположилъ на краю оврага каменоломни. Артиллерія составляла 2 фаса, одинъ параллельно Киленъ-Балки подъ прикрытіемъ Бутырскаго полка, другой фасъ поставленъ дугообразно (для обстрѣливанія верховья и середины оврага каменоломни, куда непрерывно подходили свѣжія англійскія войска), подъ прикрытіемъ Углицкаго полка.

Два полка лѣвой колонны Павлова (Бородинскій и Тарутинскій), какъ выше объяснено, атаковали въ началѣ боя правый флангъ англичанъ (выше каменоломни) и никакія усилія англичанъ не могли ихъ выбить оттуда, они держались крѣпко и грозили ворваться въ ихъ лагерь; когда же полки 10 дивизіи спустились въ оврагъ, то оставленные безъ поддержки, послѣдовали туда же и полки Тарутинскій и Бородинскій. Истощенные 2-хъ часовою битвою, полки 10 дивизіи едва держались въ оврагѣ, какъ появленіе полковъ Бородинскаго и Тарутинскаго выручило ихъ изъ бѣды. Озлобленные и ожесточенные упорствомъ непріа-

---

цамъ, находившимся за Киленъ-Балкою; но храбрые екатеринбургцы 1 и 3 батареин пробились на штыкахъ и присоединились къ войскамъ Жабокритскаго и оттуда уже присоединились къ полку въ каменоломнѣ

¹) Батареин. № 2-го 10 бр. и № 1-го 17 бр.; легкія № 4 и 5-го 16 артилл. бригады. Д.

теля, получивъ помощь, они сами атаковали англичанъ и нѣсколько разъ выгнали ихъ изъ оврага; но защищенные съ праваго фланга редутами и подкрѣпляемые непрерывно свѣжими подходящими войсками, англичане каждый разъ возвращались снова въ оврагъ, и въ такомъ переходномъ состояніи эта кровавая рукопашная рѣзня длилась до прихода войскъ Павлова. Около 8—8^{1/2} часовъ утра пришелъ Павловъ и что же нашеть? Вся диспозиція, о которой такъ много толковали съ вечера, была измѣнена; мѣсто для колонны занято было войсками Жабокритскаго; полки 10 дивизіи и 2 полка лѣвой колонны, съ которыми онъ долженъ былъ атаковать лагерь союзниковъ и отбросить ихъ къ морю, очутились въ оврагѣ; Соймоновъ убитъ, войска его упали духомъ ¹⁾.

Съ приходомъ Павлова начался 2-й періодъ этого кровопролитнаго сраженія и загорѣлся снова упорный и ожесточенный бой по всѣмъ линіямъ. Соображаясь съ обстоятельствами, въ коихъ находились войска Соймонова, и съ положеніемъ непріятеля, который подъ защитою своихъ редутовъ владѣлъ входомъ въ оврагъ, генераль Павловъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе ²⁾: 3 батарейныя батареи, въ числѣ 32 орудій, поставилъ лѣвѣе резервной артиллеріи Жабокритскаго, для прямого дѣйствія по редуту № 1-го и по колоннамъ англичанъ, которыя подъ защитою этого редута крѣпко тѣснили полки Соймонова, а для поддержанія боя, кипѣвшаго въ оврагѣ, послалъ туда первый подошедшій полкъ Охотскій егерскій ³⁾. Храбрые егеря, построившись въ ротныя колонны, стремительно атаковали англичанъ и выбили ихъ штыками изъ оврага. Оставивъ 2 баталіона преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, храбрый командиръ полка, полковникъ Бибииковъ, повернулъ другіе 2 баталіона (3 и 4) на редутъ № 1-го и атако-

¹⁾ Въ эту минуту полки Томскій, Колыванскій, Екатеринбургскій, Бородинскій и Тарутинскій лишились почти всѣхъ старшихъ начальниковъ и дрались подъ предводительствомъ прапорщиковъ и поручиковъ.

²⁾ Объ этомъ распоряженіи и вообще о ходѣ всей битвы рассказывалъ мнѣ самъ генераль Павловъ и генераль Каминскій (бывшій въ этомъ сраженіи начальникомъ артиллеріи).

³⁾ По тѣсотѣ дороги войска колонны Павлова подходили къ мѣсту битвы отдѣльными частями: впереди шолъ Охотскій полкъ и артиллерія, за нимъ полкъ Якутскій, и послѣдній полкъ былъ Селенгинскій. Д

валь его. Дружно бросились на штурмъ охотцы, но тутъ встрѣтили они отчаянное сопротивленіе; редуть защищала гордая гвардія англичанъ, подъ начальствомъ Кольдстрима; нѣсколько разъ охотцы врывались въ амбразуры, но не могли удержаться въ редутѣ, но, наконецъ, мѣткій и убійственный огонь съ батарей Павлова, коихъ разрывные снаряды лопались въ срединѣ редута, поколебали стойкость англійской гвардіи: она не выдержала послѣдняго удара охотцевъ (которые овладѣли уже всѣми амбразурами) и открыла себѣ путь на штыкахъ къ редуту № 2-го, но храбрая гвардія англичанъ дорого заплатила за эту попытку; изъ 700 защитниковъ редута № 1-го только $\frac{1}{4}$ часть присоединилась къ своимъ; всѣ прочіе легли подъ штыками и пулями охотцовъ, но и охотцамъ дорого стоилъ этотъ подвигъ: почти всѣ штабъ-и оберъ-офицеры пали при этомъ штурмѣ; а командиръ полка былъ тяжело раненъ. Изъ числа 9 орудій, найденныхъ въ редутѣ № 1-го, три орудія спущены въ оврагъ, а остальные были заклепаны.

Въ то время, какъ охотцы штурмовали редуть № 1-го, между 8 $\frac{1}{2}$ —9-ю часами утра пріѣхалъ въ войскамъ Даненбергъ. Въ числѣ дѣльныхъ распоряженій его были слѣдующія: 1-е, отосланы въ резервъ три много потерпѣвшія батареи ¹⁾, которыя съ 5 $\frac{1}{2}$ часовъ, находясь въ непрерывномъ огнѣ съ войсками Соймонова, лишились болѣе половины людей и лошадей и едва держались, а потому и были замѣнены 3 легкими батареями 11 бригады; 2-е, для усиленія огня батарей Павлова были вытребованы изъ Севастополя 2 конно-легкія донскія батареи; но онѣ прибыли поздно, когда англичане были отброшены далеко за оврагъ и дѣйствіе ихъ не могло уже принести пользу; 3-е, по мѣрѣ прихода полковъ Павлова, были направлены, для поддержанія боя на нашемъ лѣвомъ флангѣ, сперва полкъ Якутскій, а за нимъ и Селенгинскій.

Двинувши послѣдній полкъ Павлова къ оврагу, лѣвый нашъ флангъ остался безъ прикрытія, почему и переведены сюда изъ резерва генер. Жабокритскаго полки Владимірскій и Суздальскій.

Но и въ станѣ непріятельскомъ кипѣла страшная дѣятель-

¹⁾ Батарейная № 2-го 10 арт. бриг.; 8 орудій батарейн. № 3-го и легк. № 4-го 17 арт. бригады.

ность; на мѣстѣ боя находились оба главнокомандующіе: Канроберъ и Рогланъ; послѣдній безпрестанно посылалъ въ дѣло свѣжія войска, вмѣсто разбитой дивизіи Ивенса были двинуты туда 3 дивизіи Ингланда и гвардія Бентива, когда же пришло извѣстіе о взятіи редута № 1-го, то посланы туда же послѣднія войска: 4-я дивизіа Каткарта, часть дивизіи Брауна ¹⁾ и присланные отъ Боске 2 линейныхъ баталіона и $\frac{1}{2}$ баталіона французскихъ стрѣлковъ. И въ эту то минуту, не имѣя резерва, на который можно бы было опереться въ случаѣ неудачи, гордые британцы обратились за помощью къ французамъ. Раненый Канроберъ, не оставляя поля битвы, послалъ приказаніе Боске ²⁾. Выше объяснено, что еще въ началѣ сраженія прибылъ на мѣсто боя начальникъ обсерваціоннаго корпуса французскихъ войскъ на Сапунъ-горѣ, генераль Боске, съ 2-мя баталіонами линейной пѣхоты, 4 ротами стрѣлковъ и 2 батареями артиллеріи. Умный и дальновидный Боске предложилъ тогда же эту помощь английскимъ генераламъ Каткарту и Брауну (Роглана еще не было); но гордые англичане такъ были увѣрены въ собственныхъ силахъ, что отказались отъ пособія; и только въ крайнемъ случаѣ, если бы лишились редута № 1-го, просили Боске поддержать ихъ; но смѣтливый Боске лучше англичанъ понималъ опасность. Оставивъ въ английскомъ лагерѣ приведенные туда свыше 2 т. французскихъ войскъ, онъ самъ поскакалъ на Сапунъ-гору, гдѣ сосредоточены были главныя силы французовъ въ числѣ 17 т. человекъ, дабы убѣдиться: въ какой мѣрѣ предстояла опасность английскому лагерю при Кадывіой и французскому на Сапунъ-горѣ, со стороны чургунскаго отряда. Замѣтивъ, что войска Липранди „смирнехонько“ стоятъ на прежней позиціи, не трогаясь съ мѣста, а было уже 9 часовъ утра, онъ тотчасъ „смякнулъ“, что Липранди не имѣлъ намѣренія атаковать беззащитный лагерь англичанъ, и что онъ принялъ на себя только угрожающее положеніе, съ цѣлью удержать здѣсь французскія силы. Воспользо-

¹⁾ По показанію плѣннаго французскаго офицера.

²⁾ Объ этомъ событіи, со всею игривостью французскаго тщеславія, рассказывалъ подробно плѣнный офицеръ генеральнаго штаба, за обѣдомъ у князя Горчакова, гдѣ я находился; а именно, что по этому распоряженію были взяты изъ лагеря на Сапунъ-горѣ и посланы въ помощь англичанамъ 3 французскія бригады.

вавшись необъяснимымъ бездѣйствіемъ Липранди и не очень довѣряя стойкости собратовъ своихъ англичанъ, Боске рѣшился на отчаянный подвигъ: онъ отдѣлилъ въ помощь англичанъ, на случай востребованія; корпусъ отборныхъ войскъ въ 9 тыс. штыковъ ¹⁾, оставляя на Сапунъ-горѣ, противъ Липранди и для прикрытія собственнаго лагеря, только одну бригаду пѣхоты и 4 эскадрона африканскихъ егерей.

Теперь обратимся къ охотскимъ егерямъ; они не долго хозяйничали въ редутѣ № 1-го: свѣжія войска Каткарта, 2 т. французской пѣхоты и 2 полка англійской гвардіи, не бывшихъ еще въ дѣлѣ,—выбили ихъ изъ редута; но собраты ихъ, якутцы и селенгинцы — уже шли на выручку охотцевъ. Перейдя почтовую дорогу на высотѣ оврага и своротивъ налево къ редуту № 1-го, полкъ Якутскій и шедшій за нимъ Селенгинскій, предводимые генераломъ Охтерлане, встрѣтили на этомъ пути храбрыхъ охотцевъ, сильно тѣснимыхъ непріателемъ. Не долго думали якутцы, бывшіе напередѣ: не отвѣчая на картечный и штуцерный огонь, коимъ встрѣтила ихъ дивизія Каткарта и гвардія съ французскою пѣхотою, якутцы смѣло ударили въ штыки; завязался рукопашный отчаянный бой, но подоспѣвшіе селенгинцы рѣшили дѣло, сбили Каткарта и врѣзались между нимъ и гвардіею и разъединили ихъ силы. Каткартъ отступилъ на редутъ № 2-го, а гвардія къ редуту № 1-го. Оставивъ преслѣдованіе бѣгущаго Каткарта, полки Якутскій и Селенгинскій атаковали непріателя у редута № 1-го. Пылая местію за пораженіе Кельдстрома, англійская гвардія и съ нею 2 т. французовъ дрались отчаянно и долго спорили за побѣду; штыки, картечь, приклады—все было въ дѣлѣ; но командиры полковъ, оставивъ для рукопашнаго боя спереди по 2 баталіона, обошли ихъ другими баталіонами справа и слѣва и ударили въ штыки.

Гордая гвардія не выдержала удара, бросилась бѣжать и вторично понесла страшное пораженіе. Пало 12 офицеровъ и все поле было устлано трупами убитыхъ англичанъ; самъ начальникъ ихъ, Бентивъ, былъ тяжело раненъ. Разбитые гвардейцы отступили на редутъ № 3-го и русскіе снова овладѣли редутомъ

¹⁾ Рассказывалъ за обѣдомъ князя Горчакова тотъ же плѣнный офицеръ, а событія удостоверяютъ въ истинѣ разказа. Д.

№ 1-го. Въ то время, какъ происходила рукопашная „свалка“ съ гвардіею и дымъ скрывалъ сражающіяся войска, старый тактикъ и ученикъ Велингтона—Катквартъ, по свойственной гордости англичанина, вѣруя въ непобѣдимость своей гвардіи и ожидая съ минуты на минуту, что русскіе будутъ отброшены и конечно изберутъ единственный путь отступленія на прежнюю почтовую дорогу, которая спускалась вглубь „знаменитаго оврага“, рѣшился отрѣзать имъ путь отступленія, поставивъ между двухъ огней и уничтожить совершенно. Съ этою цѣлію Катквартъ поспѣшилъ занять почтовую дорогу при спускѣ въ оврагъ и очутился въ тылу нашихъ полковъ. Но въ ту минуту, когда Катквартъ совершилъ уже свой маневръ, англійская гвардія была разбита и находилась въ полномъ отступленіи. Завидя хитрость Каткарта, полки русскіе не дрогнули, но, воодушевленные своими подвигами, рѣшились наказать дерзкаго лорда и для того раздѣлили трудъ: якутцы продолжали преслѣдовать гвардію, а селенгинцы, выйдя на почтовую дорогу и оборотаясь лицомъ къ неприятелю, спереди открыли убійственный ружейный огонь по войскамъ Каткарта. Услышавъ эту пальбу, охотскіе егеря атаковали его съ тыла ¹⁾). Тогда, увидя себя окруженнымъ и постигая всю важность сдѣланной имъ ошибки, Катквартъ рѣшился пробиться, и закричалъ: „впередь!“, стараясь примѣромъ своимъ одушевить солдатъ; но солдатами овладѣлъ уже панической страхъ. „У насъ нѣтъ патроновъ!“, закричали они. „Но есть штыки“, сказалъ отчаянный Катквартъ, и повелъ войска на селенгинцевъ. Тѣснимые сзади штыками и пулями охотцевъ и поражаемые спереди селенгинцами, войска Каткарта оробѣли, атака ихъ была отбита, они кинулись въ разсыпную и обогнули селенгинцевъ ²⁾); Катквартъ вздохнулъ свободно и сталъ собирать бѣглецовъ; но вдругъ, изъ-за крутой горки, показался впереди Якутскій полкъ. Услышавъ трескотню и пальбу позади себя, полкъ бросилъ преслѣдовать гвардію и поспѣшилъ на помощь товарищамъ. Наткнувшись, такъ сказать, на бѣгущую дивизію Каткарта, якутцы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ почти на 150 шаговъ, гдѣ каждая пуля была смертельною; неумолимые селенгинцы бѣжали по слѣдамъ неприятеля

¹⁾ Отъ оврага.

²⁾ Справа и слѣва.

и довершили совершенное пораженіе. Герой этой рѣзни, Каткартъ, былъ убитъ; два бригадные командиры его, Голда и Торенсъ, тяжело ранены; а болѣе половины офицеровъ и солдатъ этой дивизіи пали жертвою дерзости Каткарта.

Храбрые полки 11-й дивизіи не ограничились этимъ успѣхомъ; уничтоживъ вполнѣ дивизію Каткарта, они пошли далѣе, и послѣ упорнаго, кровопролитнаго и отчаяннаго рукопашнаго боя взяли штурмомъ редутъ № 2-го ¹⁾. Выбитыя изъ всѣхъ позицій въ 3-й разъ, английская гвардія, 2-я дивизія Эвенса, 3-я Ингланда не думали уже о сопротивленіи и быстро отступили на редутъ № 3-го, а потомъ въ свои лагеря, но торжествующіе якутцы, селенгинцы и охотцы не дали имъ оправиться и преслѣдовали до лагеря. 6 орудій, поставленныя на высотѣ лагеря, встрѣтили ихъ картечью, но чрезъ четверть часа люди и лошади этой батареи были перебиты нашими стрѣлками, якутцы пошли на штурмъ и отбили тутъ 2 орудія, остальные успѣли англичане увезти, и потомъ выбили англичанъ изъ самаго лагеря.

Союзники отступали на всѣхъ пунктахъ и только повременамъ отстрѣливались, ходили въ штыки, дрались прикладами, но каждый разъ, сбитые въ рукопашной схваткѣ, продолжали отступать далѣе. Тяжело было гордымъ англичанамъ уступить первенство русскимъ; но не смотря на упорство и ожесточеніе, доходившее до звѣрства ²⁾, безсиліе одолѣло ихъ.

Въ эту-то роковую минуту, отбросивъ всякую спѣсь, гордые британцы громко возопили о помощи: „спасите насъ!“ просили они французскаго главнокомандующаго. Этимъ подвигомъ впередъ окончилось побѣдоносное шествіе храбрыхъ полковъ 11-й пѣхотной дивизіи. Находясь 3 ужасные часа (съ 8½ до 11½ утра) въ кровопролитномъ и, можно сказать, въ непрерывно-рукопашномъ бою; гдѣ штыкъ, прикладъ и удалство работали болѣе пули, полки эти физически утомились и сильно пострадали людьми: изъ 3,500 состава въ каждомъ полку въ 8 часовъ утра осталось къ 11½ часамъ не болѣе какъ отъ 2,500 до 2,000 въ каждомъ,

¹⁾ Отсюда былъ отправленъ 3-й офицеръ съ просьбою о подкрѣпленіи.

²⁾ Очевидцы говорятъ, что въ числѣ англичанъ находили такихъ, которые держали въ зубахъ руку или носъ убитаго русскаго; вѣроятно, что это звѣрство совершалось въ предсмертныхъ мукахъ, когда мучимый болью и стыдомъ, онъ рѣшался на послѣднюю месть—зубы; ибо у всѣхъ подобныя покойныхъ оружія не пайдено.

т. е. вышло изъ фронта въ 3-хъ полкахъ до 3,000 человекъ. Единственный генералъ при отрядѣ, Охтерлане, былъ тяжело раненъ и давно отнесенъ на перевязочный пунктъ и болѣе половины баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и лучшихъ офицеровъ также были изъ фронта.

Полковникъ Сабашинскій (командиръ Селенгинскаго полка), свидѣтель и участникъ этой кровавой драмы, говорилъ мнѣ, что изнеможеніе солдатъ въ эту минуту было полное: потъ капалъ съ закопченныхъ отъ дыма лицъ ихъ и страшная жажда, а вмѣстѣ и голодъ, томили всѣхъ, ибо съ 4¼ часовъ, когда двинулись отъ Инкерманскаго моста, они ничего не ѣли. Въ такомъ положеніи находились полки 11-й дивизіи, когда взяли съ бою редуты № 1-го и 2-го, овладѣли лагеремъ англичанъ и принудили ихъ къ полному отступленію на редутъ № 3-го. — „4 или 5 офицеровъ одинъ за другимъ, говоритъ Сабашинскій, были посланы къ генералу Даненбергу съ донесеніемъ о дѣлахъ дивизіи, о крайнемъ изнеможеніи войскъ, о страшной убыли изъ фронта ранеными и убитыми и наконецъ съ просьбою о немедленномъ подкрѣпленіи ихъ свѣжими войсками и о дальнѣйшемъ распоряженіи для отряда, но отвѣта не было; а командиры полковъ находились тогда въ томъ-же отчаянномъ положеніи, какъ были полки 10-й дивизіи, когда убили Соймонова; они не знали плана и цѣли битвы и были брошены на произволъ случая“.

Въ судьбѣ сраженія бываютъ минуты, гдѣ участь ихъ зависитъ отъ смѣтливости полководца въ рѣшительный моментъ битвы, т. е. отъ умѣнья употребить во-время средства (резервъ), въ распоряженіи его находящіяся.

Если бы въ этотъ моментъ полки 11-й дивизіи были смѣнены или подкрѣплены 4-мя полками изъ резерва, не бывшаго еще въ дѣлѣ ¹⁾, то нѣтъ сомнѣнія, что эти свѣжія войска (въ числѣ болѣе 12,000 человекъ) отбили бы напоръ 9,000 французовъ, приведенныхъ генераломъ Боске (какъ ниже увидимъ), удержали бы побѣду за русскими и непременно отбросили бы союзниковъ къ морю; но этого не случилось. Командующій войсками, генералъ Даненбергъ, былъ тогда въ резервѣ, болѣе чѣмъ за 3 версты отъ боя, и не могъ обнять всей важности этого момента

¹⁾ Бутырскій, Углицкій, Владимірскій и Суздальскій (въ каждомъ по 3,200 человекъ).

и той опасности, которой подвергалъ войска 11-й дивизіи, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ. А какія огромныя средства были тогда въ распоряженіи этого генерала! 3 полка 10-й дивизіи (Екатеринбургскій, Томскій и Колыванскій), 2 полка лѣвой колонны (Бородинскій и Тарутинскій), итого 5 полковъ, бывшихъ въ оврагѣ, и кромѣ того 4 полка въ резервѣ (Бутырскій, Углицкій, Владимірскій и Суздальскій), всего 9 полковъ были въ этотъ моментъ совершенно свободны и находились въ бездѣйствіи, ибо главныя силы англичанъ, отброшенные къ редуту № 3-го, были гонимы полками 11-й дивизіи и на пространствѣ 3-хъ верстъ впереди оврага не было тогда ни единого непріятеля; но робкому Даненбергу мерещился непріятель по ту сторону Килень-Балки; онъ ожидалъ нападенія дивизіи Броуна ¹⁾ (состоявшей при началѣ сраженія изъ 2,400 человекъ и съ которой управлялись утромъ 2 баталіона Екатеринбургскаго полка), который вмѣстѣ съ дивизіями Эвенса, Ингланда и Катварта давно уже былъ разбитъ полками 11-й дивизіи и отступалъ на редутъ № 3-го, но полный лагерь, оставленный Броуномъ подъ прикрытіемъ одного полка, наводилъ ложный страхъ на Даненберга и былъ причиною, что онъ бесполезно удержалъ при себѣ генерала Павлова ²⁾ и 4 полка изъ резерва, имѣя возможность послать эти 4 полка въ помощь 11-й дивизіи и отдѣлить въ резервѣ 2 полка изъ числа 5-ти, находившихся въ оврагѣ; такую нерѣшительностію упустилъ благопріятный случай воспользоваться побѣдою, бывшею въ его рукахъ.

Но не такъ распоряжались союзники: предупредительный Боске уже стоялъ, съ 9,000 французовъ ³⁾, за боевою линіею англичанъ и только ждалъ призыва на помощь; по первому же востребованію его, зуавы, стрѣлки венсенскіе, а за ними и вся линейная пѣхота атаковали нашъ лѣвый флангъ и одновременно съ французами, разбитые, но ободренные англичане атаковали насъ съ фронта; дружнымъ ударомъ на утомленные полки 11-й дивизіи они сбили ихъ съ мѣста и погнали въ оврагъ.

¹⁾ Дымъ отъ непрерывной пушечной пальбы, залегшій отъ Килень-Балки по всему полю сраженія, далъ возможность Броуну отдѣлаться незамѣтно для насъ.

²⁾ Свѣдѣніе это сообщилъ мнѣ генералъ Павловъ.

³⁾ Бригады Бурбаки, Д'Отмари и дю-Мане.

Итакъ во 2-й разъ погибли плоды храбрости, самоотверженія и усердія войскъ нашихъ, — плоды, купленные потоками русской крови, и въ оба раза отъ небытности при войскахъ Даненберга¹⁾ и отъ нераспорядительности его въ минуты рѣшительныя.

Отступая шагъ за шагомъ, полки 11-й дивизіи явили чудеса храбрости; не смотря на значительное превосходство союзныхъ войскъ, они держали ихъ въ почтительномъ отдаленіи, и на пространствѣ 3-хъ верстъ до оврага не позволили обойти себя; но сами ходили нѣсколько разъ въ штыки, бросались въ рукопашную схватку и не разъ наказывали дерзкихъ зуавовъ за ихъ удалство; но отражая непрерывныя атаки, много потеряли своихъ собратьевъ. Такъ достигли они оврага, не будучи подкрѣплены ни еѣмъ. Трудно повѣрить таковой истинѣ, но въ оврагѣ была такая неурядица отъ безначалія, что удивляться такому равнодушію нельзя было; хаосъ исходилъ сверху, отъ командующаго войсками.

Было 3 часа пополудни, когда полки 11-й дивизіи стали подходить къ оврагу. Мгновенно загремѣли батареи наши и мѣткій картечный огонь, вмѣстѣ съ штуцерными пулями полковъ 10-й дивизіи, остановилъ на время колонны непріятельскія, валившія въ оврагъ,—и здѣсь еще разъ повторились кровавыя сцены утра, ужасная рукопашная схватка кипѣла при спускѣ въ оврагъ: французы лѣзли на проломъ, но не смотря на всѣ усилія союзныхъ войскъ, они не могли овладѣть входомъ въ оврагъ. Однако-жъ отступление наше уже рѣшено было²⁾. Даненбергъ уѣхалъ и командованіе войсками принялъ генералъ Павловъ. Около 4^{1/2} часовъ пополудни, когда солнце погружалось за горизонтъ, всѣ батареи и полки резерва придвинуты были къ окраинѣ оврага и подъ прикрытіемъ ихъ перекрестнаго огня началось от-

¹⁾ Въ 1-й разъ — когда генералъ извѣщенъ былъ о смерти Соймонова, объ отбытіи изъ фронта, за ранами, бригаднаго генерала и почти всѣхъ полковыхъ и баталіонныхъ командировъ 10-й дивизіи и о затруднительномъ положеніи отряда отъ безначалія и неясноты куда идти и что дѣлать далѣе: по та-же исторія во 2-й разъ повторилась съ войсками 11-й дивизіи; и генер. Даненбергъ не только не раздѣлилъ опасности съ войсками, но не сдѣлалъ даже никакого распоряженія о помощи этимъ отрядамъ. Д.

²⁾ Еще неизвѣстно, кто далъ приказаніе отступать нашимъ войскамъ; генералъ Даненбергъ, въ донесеніи главнокомандующему, отъ 27 го октября, говоритъ неопредѣлительно, напримѣръ: „мы принуждены были уступить“.

ступленіе полковъ 1Г-й дивизіи, за ними шли полки 10-й дивизіи, а далѣе полки Тарутинскій и Бородинскій; за оврагомъ-же вступили въ аріергардъ полки резерва. Убійственный огонь батарей нашихъ держалъ непріятеля въ отдаленіи. Когда колонны наши собрались и выстроились, началось отступленіе полное; прежде всѣхъ двинулась артиллерія; за нею 2 полка пѣхоты направлены въ лѣсистое ущеліе къ мосту, для охраненія переправы чрезъ р. Черную; остальные войска раздѣлились на 2 части: одна половина пошла по Инкерманской долинѣ, другая направилась къ городу. Для прикрытія нашего лѣваго фланга назначенъ былъ полкъ Владимірскій. Союзники напирали легко, но когда замѣтили разъединеніе войскъ нашихъ по разнымъ дорогамъ, тотчасъ выслали сильныя колонны для преслѣдованія; но владимірцы такъ внезапно и дружно атаковали ихъ штыками, что непріятель бѣжалъ и болѣе не показывался ¹⁾, за то батареи непріятельскія провожали насъ убійственнымъ огнемъ и произвели въ войскахъ большое пораженіе.

До сихъ поръ все шло въ порядкѣ; но вотъ смерлось, наступила ночь, полилъ дождь крупный и растворилъ землю; артиллерія вязла въ грязи; полки пѣхотные, составлявшіе прикрытіе артиллеріи, пробираясь боковыми дорожками, опередили ее, и потомъ по одиночѣ разбрелись кто куда попалъ. При такомъ безпорядкѣ 140 орудій брошены были на произволь случая и бѣдная артиллерія, оставшись безъ помощи одна въ горахъ, должна была во время темной октябрьской ночи спускать орудія съ горъ на рукавахъ собственной прислуги, и такъ идучи, можно сказать „ощупью“, нѣкоторыя батареи прибыли на мѣста между 11 и 12 часами ночи.

Къ счастью, что непріятель не преслѣдовалъ насъ; но знай

войска направилась“ и прочее, а кто ихъ направилъ?—молчаніе; и только въ одномъ мѣстѣ сказано ясно: „для прикрытія“ и проч. „я направилъ Владимірскій полкъ“; но генералъ Павловъ говорилъ мнѣ, что когда войска 11-й дивизіи подошли къ оврагу и огонь непріятеля сталъ поражать резервъ, Даненбергъ исчезъ, и что войска изъ оврага выведены подъ личнымъ его наблюденіемъ; а потому должно полагать, что Даненбергъ, отъѣзжая, послалъ приказаніе Владимірскому полку чрезъ адъютанта.

¹⁾ Пльнныя французскіе офицеры, за обѣдомъ князя Горчакова, въ 1855 году, говорили, что англичане хотѣли преслѣдовать, лордъ Рогланъ настаивалъ на томъ, но генералъ Боске воспротивился, ибо войска союзныя были такъ утомлены и такъ перемѣшаны, что походили болѣе на толпы, чѣмъ на колонны.

союзники о такомъ безпорядкѣ, то 2-хъ эскадроновъ кавалеріи достаточно было, чтобы большая часть артиллеріи стала добычей непріятеля. Участники битвы и свидѣтели этого отступленія ¹⁾ съ ужасомъ вспоминаютъ о безпорядкахъ и единогласно говорятъ, что отступленіе пѣхоты похоже было на постыдное бѣгство „безъ-оглядки“, что только войска Павлова сохранили нѣкоторый порядокъ, а прочія представляли нестройныя толпы; но трудно повѣрить, чтобы въ дисциплинированной арміи происходила такая „анархія“. А причиною всей неурядицы было совершенное безначаліе. О генер. Даненбергѣ и слуху не было, генер. Жакобритскій исчез сумерками; бригадные генералы, командиры полковъ и почти всѣ баталіонные командиры—были ранены или убиты, и полками командовали прапорщики. Очевидно, что если высшіе начальники бросили свои части, то младшіе чины, усталые, голодные и промокшіе до костей, не видя надъ собою власти, должны были подумать о себѣ и спѣшить къ мѣсту отдыха, на горячую кашу.

Вылазка изъ Севастополя 24-го октября ²⁾. Къ числу свѣтлыхъ минутъ этого дня для русскаго воинства бесспорно принадлежитъ вылазка изъ города, удачно произведенная Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ, при 4-хъ орудіяхъ легкой артиллеріи ³⁾, подъ командою генераль-маіора Тимофѣева. Въ 10 часовъ утра, когда упорный бой съ переменнымъ счастьемъ кипѣлъ въ оврагѣ и на высотахъ редута № 1-го, генераль Тимофѣевъ построилъ 2 баталіона Минскаго полка въ ротныя колонны, а позади ихъ другіе 2 баталіона въ колонны къ атакѣ, разѣстилъ артиллерію посрединѣ и, вызвавъ впередъ застрѣльщиковъ, двинулся въ такомъ порядкѣ ⁴⁾ на оконечность лѣваго фланга осадныхъ работъ непріятельскихъ, защищаемыхъ сильными батареями. Едва колонны перешли оврагъ Карантинной бухты (между кладбищемъ и колодцемъ), какъ встрѣтили француз-

¹⁾ Начальникъ артиллеріи генераль-маіоръ Кишинскій, командиръ № 3 батареи 11 арт. бригады полковникъ Шейдеманъ, генераль-маіоръ Тимофѣевъ и, можно сказать, всѣ командиры и офицеры батарей 10, 11 и 17 артил. бригады.

²⁾ Все описанное здѣсь о вылазкѣ изъ города 24 октября 1854 года сообщено мнѣ лично бывшимъ моимъ другомъ, генераль-маіоромъ Николаемъ Дмитриевичемъ Тимофѣевымъ.

³⁾ Легкой № 4 батареи 14 артиллерійской бригады.

⁴⁾ Изъ воротъ праваго бастиона № 6-го.

скіе пикеты и начали тѣснить ихъ въ траншеямъ, а потомъ бѣглымъ шагомъ бросились на штурмъ батареи. Ударъ былъ такъ скоръ и рѣшителенъ, что французская батарея успѣла только разъ выстрѣлить по наступающимъ колоннамъ, какъ наши овладѣли пушками и стали колотъ артиллерійскую прислугу. Завязался страшный рукопашный бой и послѣ получасовой отчаянной свалки, французы были выбиты изъ батареи и преслѣдованы за линію траверзовъ. Взятая на батареѣ 11 осадныхъ орудій тотчасъ приведены были въ негодность: пушки заклепаны, лафеты, колеса, банники и всѣ деревянныя части порублены и сброшены въ ровъ.

Въ то время, какъ генераль Тимофѣевъ хозяйничалъ на батарее по праву сильнаго, показались густыя непріятельскія колонны и бѣглымъ шагомъ бѣжали прямо на батарею; генераль Тимофѣевъ послалъ за подкрѣпленіемъ; ему выслали 2 баталіона пѣхоты при 6-ти легкіхъ орудіяхъ ¹⁾. Построивъ эти баталіоны въ ротныя колонны, онъ составилъ изъ нихъ резервъ и расположилъ его съ артиллеріею на правой сторонѣ Карантиннаго оврага. Когда же замѣтилъ генераль Тимофѣевъ, что непріятель двинулъ сильныя колонны въ обходъ нашимъ флангамъ, то приказалъ минскимъ баталіонамъ отступать на резервъ. Отступая шагъ за шагомъ, войска совершили обратный путь въ отличномъ порядкѣ, такъ что успѣли забрать и перевезти всѣхъ раненыхъ. У оврага раненыхъ отправили впередъ; а чтобы дать имъ время дойти безъ торопливости, минцы остановились и вмѣстѣ съ баталіонами резерва (Брестскаго и Виленскаго полковъ) и 10-ю орудіями артиллеріи открыли по французамъ убійственный картечный и ружейный огонь. Когда же русскіе начали отступать къ городу, то преслѣдовавшія ихъ двѣ французскія бригады генерала Орелли остановились на мѣстѣ, гдѣ былъ расположенъ нашъ резервъ; а бригада генерала Лурмеля перешла оврагъ и жестоко наказана была за опрометчивую храбрость. Едва колонны французскія подошли подъ выстрѣлы городскихъ батарей, какъ были встрѣчены ужаснымъ картечнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій и ружейными пулями съ оборонительной стѣнки. Пораженіе

---

¹⁾ Два баталіона 13 резервной бригады, а именно: 5-й баталіонъ Брестскаго и 6-й Виленскаго полковъ; 6 орудій легкой № 4 батареи 14 артиллерійской бригады.

было огромное, генералъ Лурмель смертельно раненъ, войска постыдно бѣжали и подъ прикрытіемъ бригады Орелли отступили къ траншеямъ.

Здѣсь записки за 1854 годъ прерываются, но въ числѣ черновыхъ замѣтокъ заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія одинъ листокъ съ надписью: „для памяти“ при характеристикѣ князя А. С. Меншикова; затѣмъ слѣдуютъ нижеприводимыя строки:

Инкерманское сраженіе было необдуманнѣмъ предпріятіемъ: не было ни плана дѣйствій, ни предварительно собранныхъ свѣдѣній о мѣстности. Князь Меншиковъ ничего не хочетъ дѣлать, съ солдатомъ не здороваётся, раненыхъ не посѣщаетъ, говоритъ, что армія наша „дрянь“! и съ нею ни на что рѣшиться нельзя, ибо пѣхота выстрѣливала въ годъ по два патрона, а кавалерія не имѣла хорошей атаки съ Полтавской битвы. Князь роняетъ довѣріе начальниковъ къ солдатамъ и, обратно, самъ боится показаться на бастіонахъ и ни разу не былъ на нихъ; онъ слыветъ огромнымъ трусомъ, любитъ только льстящихъ ему штабныхъ чиновъ и съ ними измышляетъ чтд-бы именно и какъ-бы лучше написать въ Петербургъ,—короче, какъ бы ловче обмануть государя. Князь Меншиковъ равнодушенъ къ тому, что подговариваетъ каждому его сердце; понятно, что всѣ ненавидятъ главнокомандующаго. Даненбергъ всегда слылъ несчастливѣмъ военнначальникомъ, особенно послѣ Ольтенницы и Журжи; всѣ, въ томъ числѣ и солдаты, знали это и всегда не охотно и не довѣрчиво шли съ нимъ въ бой, а между тѣмъ имъ же послали на Инкерманскую рѣзню Даненберга; ему можно поручить все, что угодно: полицію, администрацію, но не предводительство, а между тѣмъ князь Меншиковъ и слышать этого не хотѣлъ, а только повторялъ безпрестанно: „солдаты дураки а, офицеры — сплетники“, затѣмъ призвалъ Даненберга и съ нимъ порѣшилъ быть Инкерманской бойнѣ и ему же, Даненбергу, поручилъ это дѣло, а онъ наваунѣ, вмѣсто распоряженій къ предстоящему бою, дѣлалъ визиты, но честный Нахимовъ проучилъ его—удалилъ Даненберга вонъ съ его китайщиной.

Л. Духонинъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Печатаемый здѣсь документъ, — письмо Николая Ивановича Пирогова къ доктору Зейдлицу — относится къ Севастопольской эпохѣ и весьма обязательно сообщенъ намъ высокоуважаемымъ Н. Ф. Здекауеромъ. Ред.

Севастополь, 16-го, 17-го и 19-го марта 1855 г.

Aequinoctium ruscum. Христосъ воскрес! Любезный другъ! благодарю, что вы меня не забыли. Не даромъ намъ здѣсь, по высочайшему повелѣнію, засчитываютъ мѣсяць за годъ службы. Если уже въ обыкновенной жизни, въ теченіи сутокъ, человѣкъ можетъ преспокойно умереть каждую минуту, т. е. 1440 разъ, то возможность умереть возрастаетъ здѣсь по крайней мѣрѣ до 36,400 разъ въ сутки (число неприятельскихъ выстрѣловъ). Къ сожалѣнію, я знаю только два способа при этой грустной перспективѣ сохранить веселое и бодрое расположеніе духа: надобно быть въ демоническомъ или набожномъ настроеніи духа. То и другое коренится во мнѣ, но, благодаря Бога, послѣднее преобладаетъ. Безвѣріе, легкомысліе и сомнѣніе моей несчастной молодости побѣждены вѣрою и любовью.

Я вѣрую, спокоенъ и на все готовъ. Это доказала мнѣ моя послѣдняя болѣзнь. Я болѣе трехъ недѣль былъ боленъ совершенно такъ, какъ въ Петербургѣ въ 1842 году; но такъ какъ я теперь опытиѣе сталъ и лучше узналъ свою натуру, то я уже до того дошелъ, что теперь могу выходить. Грѣтыя морскія ванны и постепенный переходъ отъ нихъ къ холоднымъ обливаніямъ удивительно хорошо подѣйствовали на меня. Я теперь опять обливаюсь, какъ я это въ Петербургѣ дѣлалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ ушата холодною морскою водою и чувствую себя опять здоровымъ. Прежнее безпокойство,

боязнь смерти, я не испытывалъ и былъ спокоенъ и резигнированъ во время всей болѣзни, хотя я теперь имѣлъ бы больше причинъ бояться смерти, и это потому, что я вѣрую и люблю. Но довольно о моемъ ничтожномъ я.

Общее несчастіе и горе важнѣе этого. Кровь, грязь и сукровица, въ которыхъ я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали дѣйствовать на меня, но вотъ что печалитъ меня,—что я, не смотря на всѣ мои старанія и самоотверженіе, не вижу утѣшительныхъ результатовъ, хотя я моимъ младшимъ товарищамъ по наукѣ, которые еще болѣе меня упали духомъ, безпрестанно твержу, чтобы они бодрились и надѣялись бы на лучшіе времена и результаты. Одинъ изъ нихъ, дѣльный, честный и откровенный юноша, уже хотѣлъ закрыть свой ампутаціонный ящикъ и бросить его въ бухту. «Потерпите, любезный другъ, сказалъ я ему, будетъ лучше». Между тѣмъ уже наступило весеннее равноденствіе! Я ваши два письма читалъ во время моей болѣзни, а то, не прогнѣвайтесь, они остались бы не читанными и я прибегъ бы ихъ до своего возвращенія. Читалъ я и вашу критику моихъ взглядовъ, не безъ улыбки, а также и ваше мнѣніе о происхожденіи чумы. Мое убѣжденіе объ опредѣленномъ, неизбѣжномъ отношеніи смертности въ каждой болѣзни и въ каждой значительной хирургической операціи такъ глубоко коренится во мнѣ, что никакая, хотя бы и отъ друга происходящая, критика не въ состояніи поколебать его. Я утверждаю, что ни въ одной болѣзни, за исключеніемъ перемежающей лихорадки, если она достигла повальныхъ размѣровъ и господствуетъ эпидемически, какое бы то ни было леченіе, даже придворно атомистическое¹⁾, могло бы значительно измѣнить процентъ смертельныхъ исходовъ. Холера, тифъ, воспаленіе легкихъ, эпидемическій скорбутъ, кровавый поносъ—до очевидности подтверждаютъ это. Совершенно то-же самое наблюдалъ я и при каждой значительной, опасной операціи, если она въ массахъ или эпидемически, какъ это бываетъ въ военное время, повторяется. Пребываніе мое въ Севастополѣ еще болѣе утвердило во мнѣ это убѣжденіе. То, что я въ теченіи 15 лѣтъ наблюдалъ въ петербургскихъ госпиталяхъ, то же, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, повторяется и здѣсь. Можно подмѣтить отдѣльные колебанія, которыя легко объясняются; но въ общемъ то, что въ Петербургѣ давало смертность 3-хъ изъ 5-ти, и здѣсь даетъ 3¹/₂, или 3³/₄ изъ 5. Приводимое вами противъ меня популярное мнѣніе, что хорошее леченіе даетъ лучшіе результаты плохого, только для отдѣль-

¹⁾ Намекъ на доктора Мандта.

ныхъ случаевъ справедливо, и тѣ должны подлежать безпристрастнымъ разбору и оцѣнкѣ. По слухамъ А. Майеръ счастливый литотомистъ, Б. Майеръ удачно оперируетъ бѣльмо, Ц. Майеръ отлично срѣзываетъ и спиливаетъ ноги. Но мы знаемъ, что существуютъ и лживые трубачи прославленія. Убѣдитесь сами, а главное считайте на бумагѣ, не надѣйтесь на свою память, сравнивайте успѣхи счастливыхъ и не счастливыхъ врачей, если возможно при равной обстановкѣ, и потомъ уже оцѣнивайте результаты. Отбросьте бабы толки, департаментскіе отчеты, хвастливые рассказы энтузіастовъ, шарлатановъ и слѣпорожденныхъ—спокойно слѣдите за судьбою раненыхъ съ перомъ въ рукахъ изъ операционной комнаты въ больничную палату, изъ палаты въ гангренозное отдѣленіе, а оттуда въ покойницкую—это единственный путь къ истинѣ; но путь не легкій, особенно если наблюдатель пристрастился къ извѣстной операціи или если другой оперирующій collega непременно хочетъ быть счастливымъ, а еще хуже, если онъ обязанъ официально донести департаменту объ успѣхахъ своихъ дѣйствій, тогда Боже упаси отъ правдивыхъ статистическихъ расчетовъ, они тогда не безопасны для существованія хирурга. Объ этомъ можно еще много толковать. Я можетъ быть, если останусь живъ, да отслужу свои 30 лѣтъ,—не забудьте, что намъ считается мѣсяцъ за годъ службы,—соберу результаты моихъ статистическихъ наблюденій объ ампутаціяхъ и обнародую ихъ. Ампутація, какъ одна изъ грубѣйшихъ большихъ операцій, доказывающая несовершенство искусства, именно ясно доказываетъ, что потеря каждаго члена нашего тѣла имѣетъ свой постоянный фатальный процентъ смертности. Про нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ хирургическихъ операціяхъ еще можно утверждать, что извѣстными приемами, которыми обладаютъ только знаменитые хирурги, оперированные ими ограждаются отъ большей смертности. Можно напр. допустить при камнесѣченіи, что лучший успѣхъ этой операціи зависитъ отъ ловкости, съ которой операторъ захватываетъ, и легкости, съ которой извлекаетъ мочевого камень; а о нашемъ эстонскомъ Буяльскомъ можно тоже сказать, что онъ вылущивалъ шулята съ особенною ловкостью и возможно меньшимъ растяженіемъ сѣмянныхъ кантиковъ и т. п. Но при ампутаціяхъ, если не допускать съ старыми бабами легкую и тяжелую руку, нельзя допустить прямого вліянія на успѣхъ операціи ни ловкости оператора, ни даже особыхъ искусныхъ приемовъ, которыми онъ владѣетъ. Скорость, съ которою совершается ампутація, какъ извѣстно, тоже не вліяетъ на успѣхъ этой операціи. Оперативные приемы при ампутаціяхъ такъ просты, что ихъ можно бы

съ закрытыми глазами исполнить. Если ножъ остеръ, пила хорошо зазубрена, мягкія части отрѣзаны чисто и притомъ такъ, что покрываютъ кость, если наконецъ всѣ кровоточивые сосуды хорошо перевязаны, то ампутація *lege artis* совершилась. Такъ дѣлается это ежедневно, мы видимъ, все идетъ какъ по маслу. На моихъ глазахъ здѣсь 13 или 14 врачей оперируютъ, не считая самого себя; всѣ они оперируютъ хорошо; ампутированные пользовались въ 5 различныхъ госпиталяхъ и я предоставлялъ каждому врачу вести послѣдовательное леченіе, по своему усмотрѣнію, если оно только сколько нибудь казалось цѣлесообразнымъ, да я многихъ и самъ пользовалъ и все такіе результаты до сихъ поръ остаются одни и тѣ же; то же самое было въ Симферополѣ, Карасубазарѣ и въ другихъ госпиталяхъ. Кто по своей натурѣ предназначенъ къ дурному результату, даетъ его съ ужасающимъ фатализмомъ, и даетъ его, «хотя изъ кожи вонъ полѣзай». Администрация госпиталя еще имѣетъ извѣстное вліяніе на успѣхъ ампутаціи, но и то только въ нѣкоторой степени. Хорошіи воздухъ, опрятность, питательная пища вліяютъ, конечно, на успѣхъ операціи; но и чистый воздухъ не вездѣ одинаковый. Есть госпитальная зловередная конституція, о которой я давно уже проповѣдую, которую не исправляютъ ни доступъ чистаго воздуха, ни цѣлесообразное распредѣленіе больныхъ, ни хорошая пища; причина ея кроется вѣроятно въ почвѣ, на которой выстроены госпиталь, или въ стѣнахъ его, наконецъ, не знаю гдѣ. Есть больные и довольно многочисленныя, на которыхъ болѣе чистый воздухъ, повидимому, вредно вліяетъ. Сотни разовъ случалось здѣсь, что когда оперированнаго или раненаго изъ гангренознаго отдѣленія, гдѣ воздухъ до головокруженія испорченъ и зараженъ дурными испареніями, послѣ того, какъ у него рана совершенно очистилась и приняла хорошіи видъ, переводили въ чистую палату, то уже черезъ нѣсколько дней очистившаяся поверхность раны опять получала дурной видъ и что больные сами убѣдительно просятъ, чтобы ихъ опять вернули въ гангренозное отдѣленіе. Позволительно ли природѣ такъ подшучивать надъ нами бѣдными художниками? Тѣмъ не менѣе, это фактъ. Если все это сопоставить хорошее и дурное и гдѣ же можно тутъ ожидать много хорошаго—я говорю о томъ, что есть, а не о томъ, что могло бы быть—то выйдетъ старая пѣсня; что по своей натурѣ предназначено къ дурнымъ результатамъ, даетъ ихъ конечно при нынѣшнемъ несовершенствѣ нашего искусства. Современемъ можетъ быть все будетъ лучше. Сила изобрѣтательнаго случая велика, можетъ быть современемъ изобрѣтутъ паровую машину, посредствомъ которой раны ампутированныхъ будутъ залечиваться первымъ натяженіемъ рѣ 24 часа; можетъ быть современемъ замѣнятъ ампутаціи

чѣмъ нибудь болѣе разумнымъ; можетъ быть въ будущемъ вовсе не будутъ нуждаться во врачахъ; тогда вѣроятно и процентъ смертности измѣнится; возможно, наконецъ,—что было бы еще лучше,—что совсѣмъ не будутъ умирать, чѣмъ естественно отношеніе смертности сведется къ нулю. Мы вѣроятно не доживемъ до этой прекрасной будущности. Въ настоящее время раны въ Севастополѣ также мало заживаютъ, *per primam*, какъ въ Петербургѣ, и можемъ здѣсь повторить наивный отвѣтъ ординатора Обуховской больницы, доктора Шклярскаго, данный имъ на мой вопросъ, какъ вы исцѣляете въ Обуховской больницѣ раны ампутированныхъ, *per primam, vel secundam intentionem*, отвѣтилъ: «мы лечимъ ихъ *per tertiam! t. e. per gangraenam*». Если смотрѣть на это дѣло не близорукими глазами клинициста маленькаго университетскаго городка или безъ попользованія на хвостовство, особенно же если не составляется отчетъ «по казенной надобности» и по указаніямъ славолюбиваго начальника, то выходятъ совсѣмъ другія вещи. Но довольно объ этомъ. Вы знаете, почтенный другъ, что заслуженные профессора спб. медико-хирургической академіи крѣпко держатся своихъ убѣжденій, если у нихъ вообще существуютъ таковыя.

Теперь обращаюсь къ вашимъ собственнымъ взглядамъ. Я, право, не знаю, ожидаетъ ли насъ весною карбункулезная чума или нѣчто столь же безотрадное; я только знаю, что существуетъ достаточно условий для развитія страшной эпидеміи. Тифъ уже свирѣпствуетъ, какъ здѣсь, такъ и въ Симферополѣ, «не настоящій», сказалъ мнѣ одинъ врачъ, изъ штаба князя Горчакова; но хотя и не отъ настоящаго, а умираютъ, отвѣтилъ я ему; да кромѣ госпитальныхъ больныхъ, большею частью врачи и сестры милосердія. Изъ 20 сестеръ въ Симферополѣ 6 умерло. Врачи безпрестанно заболѣваютъ и умираютъ; изъ 16, которые здѣсь въ Севастополѣ подъ моимъ руководствомъ работали, 7 заболѣли тифомъ, а изъ 18 сестеръ здѣсь 7 заболѣли и уже 2 умерли. Если вспомнить, что зимою, по всей дорогѣ изъ Севастополя до Бахчисарая, на протяженіи 60 верстъ, валялись сотнями гниющіе трупы павшихъ лошадей и воловъ, которыхъ, конечно, никто не зарывалъ, а также множество человѣческихъ труповъ, весьма поверхностно похороненныхъ, по недостатку медико-полицейскаго контроля и по каменистой твердости грунта, прибавьте къ этому изнуреніе людей отъ безпрестанныхъ крѣпостныхъ работъ, проводившихъ зиму въ грязи, въ убогихъ землянкахъ, а также, что скорбуютъ здѣсь почти всякую весну появляется и что уже теперь показываются болыныя съ цынготнымъ діатезомъ, что наши госпитали всѣ переполнены и помѣщаются въ старыхъ, полуразрушенныхъ или казематированныхъ казармахъ, гдѣ весьма трудно очищать воздухъ, что недостаетъ

бѣлья и тюфяковъ и что нѣтъ ни сѣна, ни соломы для набивки тюфяковъ, то имѣется достаточно поводовъ опасаться развитія злокачественной эпидеміи, подъ вліяніемъ предстоящихъ жаровъ. Къ этому надо прибавить еще господствующую эндемическую болѣзненную конституцію, поражающую знаменитыя крымскія лихорадки, и смрадные испаренія, поднимающіяся изъ непріятельскаго лагеря. При всемъ этомъ въ нашихъ госпиталяхъ теперь гораздо лучше, чѣмъ было въ ноябрѣ прошлаго года. О той грязи, о томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ съ октября по декабрь валялись наши больные и раненные—невозможно себѣ составить понятіе тому, кто не видалъ этого собственными глазами. Но постойте, сейчасъ начали сильно бомбардировать и кричатъ, что одинъ изъ домовъ, въ которомъ лежатъ наши больные, отъ бомбы загорѣлся! Наступила ночь. Теперь 9 часовъ. Сегодня назначены 3 вылазки и намъ опять принесутъ нѣсколько сотъ раненныхъ. Прощайте, до свиданія. До завтрашняго утра.

Много шуму изъ пустяковъ! Во время ночной бомбардировки непріятель бросилъ нѣсколько тысячъ снарядовъ въ городъ. Нѣсколько сотъ изъ нихъ лопнули передъ нашими глазами въ бухтѣ. Зажгли домъ въ нашемъ сосѣдствѣ, такъ что я уже уложилъ свои пожитки и перебрался въ Николаевскую батарею, гдѣ для насъ приготовленъ былъ небольшой блиндированный казематъ. Между тѣмъ, за исключеніемъ единственнаго пожара, бомбы намъ не причинили никакого вреда. Многія изъ нихъ лопались въ бухтѣ или въ воздухѣ; вообще бомбы мнѣ кажутся весьма невѣрнымъ разрушительнымъ средствомъ. Нѣсколько дней тому назадъ союзныя арміи бросили около 2000 бомбъ въ 4 или 5 редутъ и эти 2000 снарядовъ ранили только 60 человѣкъ и убили около 20. Хотя по нашимъ мирнымъ понятіямъ человѣческая жизнь неоцѣнима, но здѣсь всетаки думаютъ, что ничтожное дѣйствіе не стоило труда и затраты. Весь этотъ ночной шумъ долженъ былъ служить отвлеченіемъ. Мы выстроили редутъ у Малахова кургана, который угрожаетъ близкой непріятельской батареей. Союзники хотятъ во что-бы то ни стало уничтожить этотъ редутъ, и хотѣли его штурмовать эту ночь. Наши же въ ту-же ночь хотѣли проникнуть въ шанцы и траншеи непріятельскія, которыя лежатъ непосредственно впереди нашего редута, чтобы ихъ уничтожить. Союзники для отвлеченія устроили усиленную бомбардировку, наши же вылазку. По слѣдствіемъ этого было разрушеніе трехъ непріятельскихъ шанцовъ, а редутъ остался въ нашихъ рукахъ. Вся окрестность редута была наполнена тѣлами убитыхъ. У насъ было 400 убитыхъ и 1800 раненныхъ. Вся эта масса раненныхъ еще въ ту-же ночь и на другой день была

размѣщена въ различныхъ амбулансахъ въ городѣ. И мы работали два дня, пока удалось почти всѣмъ доставить необходимую помощь, но даже теперь, 6 дней послѣ сраженія, мы находимъ раненыхъ, которымъ еще не успѣли подать существенную хирургическую помощь.

На мою долю досталось 600 раненыхъ. Посредствомъ особеннаго способа, который я уже неоднократно испыталъ въ подобныхъ случаяхъ, мнѣ удалось въ 1½ дня справиться съ главнѣйшими хирургическими пособиями. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ моемъ распоряженіи находятся 10 врачей, я ими управляю деспотически, но, смѣю думать, справедливо. Я распределяю обязанности этихъ врачей такимъ образомъ, что двое или трое изъ нихъ, по очереди мѣняясь съ другими, должны сортировать вновь прибывшихъ раненыхъ. Складочное мѣсто (конюшня, палатка, а иногда и улица) для этого необходимо. Тутъ сначала выдѣляются отчаянные и безнадежные случаи (раны головныя съ выпаденіемъ мозга, брюшныя съ пораненіемъ кишекъ или другихъ брюшныхъ внутренностей), которые легко диагностируются; ихъ отдѣляютъ отъ прочихъ; имъ даютъ наркотическія средства, чтобы уменьшить ихъ страданія, и тотчасъ переходятъ къ раненымъ, подающимъ надежду на излеченіе — и на нихъ сосредоточиваютъ все вниманіе. Ихъ диагностируютъ, не трогая первоначальной перевязки, состоящей б. ч. изъ наложенныхъ на рану коршн и повязки, чтобы не терять времени; сложные переломы сортируются опять отъ простыхъ ранъ. Потомъ транспортируютъ раненыхъ съ сложными переломами костей въ операционное отдѣленіе или въ пріемный покой, по очередно, какъ они лежали по 3 или по 4 за разъ, по числу врачей, и имъ сперва подаютъ первую помощь. Прочихъ слегка перевязываютъ фельдшера, подъ руководствомъ одного или двухъ врачей. Извлеченіе пуль, расширеніе ранъ сначала не предпринимаются. Это напрасный трудъ, надъ которымъ многіе неопытные хирурги много теряютъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, раненый ничего отъ того не выигрываетъ, что ему вырѣжутъ пулю, которая торчитъ подъ кожу; напротивъ того, ему можно повредить, если второпяхъ пальцемъ или зондомъ доискиваться въ ранѣ пули, которая зашла подъ толстыми или напряженными мышечными слоями, а можетъ быть и въ кости, для того только, чтобы удовлетворить своему тщеславію и похвастать, «что я молъ вытащилъ столько-то пуль». Этимъ ослѣпляется только непросвѣщенная публика, которая самодовольно улыбається, если хирургъ изъ раны вытаскиваетъ пулю или пыжъ. Этотъ видъ помощи не слѣшной, современемъ и при большемъ досугѣ все это совершается гораздо легче и съ меньшимъ ущербомъ для больного. Напротивъ того, раненые съ сложными переломами тотчасъ и весьма

тщательно изслѣдуются. Первый діагнозъ для каждаго сколько нибудь опытнаго врача не труденъ. Крепитация и ненормальная подвижность составляютъ два вѣрнѣйшихъ признака. Такихъ раненыхъ тотчасъ приносятъ въ операціонную комнату, кладутъ ихъ на столъ или на скамью, сперва хлороформируютъ, потомъ снимаютъ перевязку (фербандъ) и рѣшаютъ, можетъ ли раненый членъ быть сохраненъ или же нужны ампутація или резекція. Если принесли много раненыхъ, то мы оперируемъ одновременно, на 3 или на 4-хъ столахъ. Тутъ также необходимъ извѣстный порядокъ, чтобы выиграть время. У меня врачи такъ распредѣлены, что около каждаго раненаго, котораго оперируютъ 4 или 5 врачей, заняты. Съ тѣмъ комплектомъ врачей, которымъ я располагаю и къ которому нерѣдко присоединяются нѣсколько постороннихъ врачей, я могу оперировать не болѣе 2-хъ много трехъ раненыхъ одновременно.

Три врача и пара солдатъ при операціяхъ—дѣйствующія лица. Одинъ слѣдитъ за пульсомъ во время хлороформирования, другой прижимаетъ артерію, третій оперируетъ; 2 или 3 солдата держатъ больнаго. Когда ампутація окончена и главныя артеріи перевязаны, уже другіе ассистенты занимаютъ остановленіемъ послѣдовательнаго кровотеченія, послѣ того какъ оперированнаго со стола перенесли на кровать. А три первые врача продолжаютъ оперировать другога раненаго. Для переноски оперированныхъ и раненыхъ назначены 4 служителя. Они стоятъ наготовѣ, руки по швамъ, чтобы тотчасъ по командѣ уносить оперированнаго со стола на кровать и принести новаго раненаго на операціонной столъ. Такимъ образомъ все идетъ какъ по маслу и я съ часами въ рукахъ убѣдился, что можно окончить 10 большихъ ампутацій, даже помощію не очень опытныхъ рукъ, въ 1 ч. и 45 минутъ. Если же одновременно оперировать на 3 столахъ и съ 15 врачами, то въ 6 ч. и 15 мин. можно сдѣлать 90 ампутацій и поэтому 100 ампутацій съ небольшимъ въ 7 часовъ времени. Этотъ расчетъ для меня очень важенъ. Когда я въ ноябрѣ 1854 г., около 20 дней спустя послѣ сраженія при Инкерманѣ прибылъ въ Севастополь, то нашелъ еще болѣе ста раненыхъ въ этомъ сраженіи, съ сложными переломами, которымъ еще не было сдѣлано никакой операціи, въ ужаснѣйшемъ положеніи. Многіе изъ нихъ со слезами умоляли, чтобы имъ отняли раздробленныя конечности; но не были оперированы по недостатку порядка. Врачи извинялись недостаткомъ времени. Между ними было 12 хирурговъ. Но имъ достало-бы времени при большемъ рвеніи и большемъ порядкѣ. Первый фербандъ я накладываю черезъ 5 или 7 часовъ, послѣ того какъ первая помощь оказана всѣмъ раненымъ; до того раны слегка покрываются корпіею и компрессами и выжидаютъ

последовательное кровотеченіе. При послѣднемъ дѣлѣ мы по этому способу, какъ было описано, съ 8 или 10 врачами сдѣлали 55 ампутацій, оперируя сначала на одномъ, а потомъ на двухъ столахъ одновременно, въ теченіи 6 часовъ; часть этихъ врачей перевязывали кромѣ того еще прежнихъ раненыхъ, а два врача послѣ ночныхъ трудовъ отдыхали полдня.

Съ 20-ю хорошо приученными и приловченными врачами такимъ образомъ можно очень много сдѣлать. Если же запустить первые 2 дня послѣ сраженія, то дѣлается чертовскій беспорядокъ, отъ котораго у каждаго голова закружится.

Теперь я приступлю къ обсужденію важнѣйшей главы вашего письма, т. е. объ угрожающей намъ злокачественной повальной болѣзни. Когда я въ декабрѣ былъ въ Симферополѣ, я подалъ докладную записку графу Адлербергу, въ которой я пророчилъ развитіе сыпного тифа въ городѣ. Мое предсказаніе, къ сожалѣнію, исполнилось. Мои врачи, сестры и сердобольныя вдовы уже умерли отъ тифа; это и не могло быть иначе. Въ то время было около 6,000 заразныхъ больныхъ, скученыхъ въ 45 домахъ города, не считая военныхъ госпиталей. Я цѣлые дни проводилъ въ сортировкѣ больныхъ, выдѣляя гангренозныя раны, тифы, холеринные поносы и отдѣляя такихъ больныхъ отъ чистыхъ ранъ и свѣже-раненыхъ. Все было напрасно. Только что я надѣялся устроить совершенный порядокъ, послѣ того какъ я отдѣлилъ всѣхъ больныхъ заразныхъ и одержимыхъ нечистыми и гангренозными язвами, помѣстивъ ихъ въ особые дома, причемъ по странной случайности гангренозные больные помѣстились въ главной кондитерской Симферополя, какъ вдругъ ночью привезли новый транспортъ изъ Севастополя и Бахчисарая и опять всѣ *réle-méle* были сложены въ разныхъ отдѣленіяхъ; это отъ того происходило, что не устроили складочнаго мѣста для вновь прибывающихъ больныхъ; о такъ называемыхъ приѣмныхъ покояхъ, при нереполненіи нашихъ больницъ, не могло быть и рѣчи. Въ городѣ были большія конюшни, въ которыхъ больные какъ свиньи въ грязи валялись вмѣстѣ съ умершими. Я настаивалъ на томъ, чтобы этотъ склепъ превратили въ приличное складочное мѣсто, на что онъ оказался пригоденъ.

Послѣ каждаго новаго транспорта больные складывались сперва туда, гдѣ ихъ сортировалъ дежурный врачъ и распредѣлялъ по разнымъ отдѣленіямъ. Но не нашли подходящаго мѣста, куда можно бы перевезти больныхъ (числомъ до 400) изъ этой ужасной трупобы. Стѣснялись объ этомъ извѣстить губернатора, который занималъ слишкомъ большое помѣщеніе, въ половинѣ котораго могли бы устроить хорошій госпиталь. Такъ проходило время въ переговорахъ и обща-

ніяхъ. Я не могъ болѣе оставаться въ Симферополѣ; устроивъ необходимѣйшую хирургическую помощь для раненыхъ и взявъ съ врачей честное слово, чтобы они по крайней мѣрѣ этихъ оперированныхъ оградили отъ смѣшенія съ гангренозными и заразными больными, я уѣхалъ; но, увы, все осталось по старому и тифъ свирѣпствовалъ безпрепятственно; вскорѣ потомъ заболѣли 18 сестеръ милосердія, главный начальникъ баронъ Кистеръ, смотритель, комендантъ, 2 главныхъ врача, нѣсколько фельдшеровъ, ординаторовъ и госпитальныхъ служителей, словомъ все, что сколько нибудь касалось госпиталей, переболѣло тифомъ. Къ счастью еще, что наступила необыкновенно холодная погода, и что вскорѣ послѣ того черезъ транспортировку нѣкоторыхъ больныхъ въ Перекопъ и Херсонъ городъ нѣсколько эвакуировался. Теперь опять наступилъ застой. Въ Симферополѣ опять накопилось до 5,000 больныхъ, сложенныхъ въ 45 инфекціонныхъ гнѣздахъ и все еще не организована правильная эвакуація ихъ. Госпитали въ Николаевѣ, Херсонѣ и Перекопѣ уже переполнились и необходимо устроить транспорты въ новомъ направленіи въ Екаринославль или Мелитополь, но не достаетъ транспортировочныхъ средствъ. Въ декабрѣ 1854 г., при сильномъ морозѣ и самой дурной погодѣ, перевозили больныхъ и раненыхъ въ татарскихъ арбахъ въ Симферополь и Перекопъ, непокрытыхъ, безъ шубъ, ночуя подъ открытымъ небомъ. Такая транспортировка продолжалась отъ 10-ти до 12-ти дней. Теперь, при перемѣнѣ начальства въ арміи, замѣчается застой во всей администраціи; между тѣмъ число больныхъ и раненыхъ послѣ вылазокъ и отдѣльныхъ стычекъ въ Севастополѣ постоянно возрастаетъ. Скучиваніе больныхъ достигло такой степени, что они въ Севастополѣ занимаютъ семь помѣщеній, изъ которыхъ только одна Николаевская батарея безопасна и блиндирована, всѣ прочія могутъ подвергаться опасности при бомбардировкѣ. Эта батарея, какъ вы легко можете себѣ представить, изъ всѣхъ помѣщеній худшее въ санитарномъ отношеніи. Въ ней теперь уже пріютились до 400 больныхъ и раненыхъ и есть еще мѣсто для столькихъ же. Раненые лежатъ между пушками на нарахъ, раны здѣсь легко поражаются автоновымъ огнемъ, а больные тифомъ. Въ этихъ 7-ми помѣщеніяхъ скучены теперь до 3,000 больныхъ. На сѣверной сторонѣ Севастополя, отдѣленной бухтой отъ самаго города, еще 3,000 больныхъ и раненыхъ уложены въ старыхъ, сырыхъ казармахъ; кромѣ того, еще нѣкоторыя помѣщенія заняты примѣрно 1,500 больными матросами. Число раненыхъ съ каждымъ днемъ прибавляется. Если случится большое дѣло, то мы уже не знаемъ, куда дѣвать раненыхъ. Число врачей тоже недостаточное. Приходится на каждого по 100 ра-

неньхъ; перевязать сто тяжело раненыхъ, съ помощью одного фельдшера, дѣло не легкое, сверхъ того ежедневно еще заболѣвають врачи и фельдшера.

Впрочемъ, теперь можно ожидать лучшаго; Горчаковъ прибылъ; князя и интенданта его Затлера административные таланты уже испытаны; онъ скупъ какъ старая мумія М.....въ, но не такой рѣзкій и мрачный эгоистъ, какъ тотъ, который ни во что на свѣтѣ болѣе не вѣрилъ, за исключеніемъ катетеровъ Дворжака. Бывало онъ сидѣлъ скрытный, молчаливый, таинственный какъ могила, наблюдалъ только погоду и въ теченіи полугода искалъ спасенія для русской арміи только въ стихіяхъ; холодный и немилосердый къ страждущимъ, онъ только насмѣшливо улыбался, если ему жаловались на ихъ нужды и лишенія, и отвѣчалъ, «что прежде еще хуже бывало». То, что сначала войны было дурно устроено, то теперь поправить очень трудно.

Надо надѣяться, что эта проклятая, старая языческая метода воевать, при которой смотрѣли на людей какъ на слѣпыхъ стратегическія орудія, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ войны и объ общемъ благосостояніи, послѣ этой войны у насъ и у союзныхъ получить смертельный ударъ, особенно если съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ смертность отъ развитія эпидемическихъ болѣзней значительно увеличится, хотя надежда и дѣйствительность двѣ вещи разныя!

Здѣсь особенно потворствуютъ развитію заразныхъ болѣзней зловердныя испаренія падалей и труповъ. Осенью и зимою на дорогахъ и улицахъ сотнями валялись павшіе лошади и волю, только недавно стали ихъ, и то только весьма поверхностно, зарывать въ землю. То-же надо сказать и о человѣческихъ трупахъ. Французы теперь работаютъ вблизи стараго чумнаго кладбища. Прибавьте къ этому дурно устроенныя отхожія мѣста въ многочисленныхъ гарнизонахъ, несносныя жары въ городѣ, которыя и теперь уже иногда невыносимы, такъ какъ солнечные лучи отражаются отъ скаль и отъ моря, самое положеніе города на холмахъ, раздѣленныхъ балками или рвами, бухты съ почти стоячею водою, эндемическій характеръ здѣсь господствующихъ болѣзней (лихорадки, тифъ и цынга весною), то, конечно, весьма надо опасаться послѣдствій, которыя можетъ причинить эта война, если она еще долго продлится. Уже въ концѣ января раны здѣсь показывали наклонность дѣлаться нечистыми. Я поэтому велѣлъ очистить такъ называемый 1-й перевязочный пунктъ въ зданіи дворянскаго собранія, перевелъ больныхъ въ другіе дома и устроилъ два новыхъ помѣщенія для нечистыхъ ранъ (гангренозное отдѣленіе), велѣлъ провѣтрить прекрасное зданіе дворянскаго собранія и уже послѣ того, какъ оно болѣе пяти недѣль при открытыхъ окнахъ стояло пустымъ, я назна-

чилъ это помѣщеніе, при увеличивающемся количествѣ раненныхъ, для перевязочнаго пункта, но не смотря на то, что въ немъ съ тѣхъ поръ располагались только вновь оперированные, раны здѣсь, какъ и въ менѣе чистыхъ помѣщеніяхъ, показывали склонность къ гангреногенци и дѣлались нечистыми, особенно послѣ тяжелыхъ раненій или большихъ операций. Въ то же время и между легко ранеными проявлялись тифъ и гнойный дѣтезъ.

Между внутренними болѣзнями преобладаютъ тифы, иногда сопряженные съ перемежающимися лихорадками (вѣроятно возвратныя горячки), и скорбутъ, но до сихъ поръ не въ острой формѣ. Врачи и сестры милосердія заболѣваютъ и здѣсь тифомъ, а нѣкоторые уже умерли отъ него. Все это предвѣщаетъ намъ страшную гнилостную тифозную эпидемію во время лѣтнихъ жаровъ; будетъ-ли она сопровождаться, какъ вы предполагаете, карбункулами и бубонами или нѣтъ, во всячески она будетъ очень смертоносна.

Поэтому когда князь Горчаковъ сюда прибылъ, я считалъ своимъ долгомъ подать ему докладную записку, въ которой я изложилъ ему угрожающую намъ опасность, доказавъ, что мы теперь также уже приготовлены принять и устроить большее количество раненныхъ, какъ и при его предшественникѣ, 24-го октября 1854 г. послѣ инкерманскаго сраженія—и предложилъ двѣ главныя и, по моему убѣжденію, единственныя мѣры для предупрежденія подобнаго неустройства:

1) Совершенную эвакуацію городскихъ госпиталей, черезъ непрерывную транспортировку. 2) Устройство госпитальныхъ палатокъ, на безопасномъ мѣстѣ, на Сѣверной сторонѣ. Николаевскую батарею, какъ единственное въ городѣ безопасное мѣсто, казематированное и блиндированное, могущую помѣстить 800 больныхъ, я совѣтовалъ представить исключительно для поданія первой помощи раненымъ и затѣмъ слѣдуетъ тотчасъ же отправлять ихъ въ кровати и на пароходахъ на Сѣверную сторону и тамъ размѣщать въ госпитальныхъ палаткахъ. Госпитальныя палатки, числомъ около 400, съ 20-ю койками каждая, тоже не должны бы пріютить болѣе 2,000 больныхъ, а прочія должны оставаться пустыми на случай нужды. Какъ только число больныхъ превыситъ 2,000, излишекъ тотчасъ долженъ быть удаленъ постоянной транспортировкой. Вино, хина и хининъ должны быть въ достаточномъ количествѣ и т. п. Но, увы, все это находится пока еще только на бумагѣ. 7,000 больныхъ скучены въ Севастополѣ, 5,500 въ Симферополѣ, нѣсколько тысячъ размѣщены въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ госпиталяхъ (въ Бахчисараѣ, Карасубазарѣ). При этомъ нѣтъ правильной транспортировки и образовался совершенный застой, который теперь продолжается уже около 4-хъ недѣль и съ

каждымъ днемъ увеличивается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ возвели эту проклятую батарею противу Малахова кургана, которая можетъ быть и очень важна въ стратегическомъ отношеніи. У насъ нѣтъ хинной корки, очень мало хинина и вина и притомъ только то вино, которое куплено мною за пожертвованныя на этотъ предметъ деньги. Генераль штабъ-докторъ Шрейберъ, хотя уже сѣдой и рябоватый, все видитъ въ розовомъ свѣтѣ, новый начальникъ арміи обремененъ занятіями и поэтому не въ состояніи обо всемъ думать; транспортно-рочныя средства еще не прибыли, госпитальныя палатки, если бы даже мое предложеніе было принято, еще не изготовлены и не поставлены. Требованіе на хину и хининъ по дефектному каталогу еще въ декабрѣ отправлено въ Херсонъ и до сихъ поръ отвѣта нѣтъ! Медикаменты и деньги, которыя я, по милости великодушной великой княгини Елены Павловны, получилъ, съ каждымъ днемъ уменьшаются все болѣе и болѣе. Значительное сраженіе предстоитъ, вѣроятно, въ скоромъ времени, нечистыя гангренозныя раны, тифозныя больныя съ каждымъ днемъ прибавляются—вотъ въ данное время наше врачебное положеніе въ Севастополѣ. Остается только надѣяться, какъ увѣряетъ докторъ Шрейберъ, что современемъ все будетъ лучше.

Въ январѣ здѣсь по высочайшему повелѣнію образовалась коммисія для изысканія врачебно-полицейскихъ мѣръ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ арміи и въ странѣ. Я тоже былъ приглашенъ быть членомъ этой коммисіи и выслушалъ съ подобострастіемъ ученныя предложенія и разсужденія о химическихъ процессахъ и причинахъ заразныхъ болѣзней, выработанныхъ на бумагѣ въ медицинскомъ департаментѣ. Генераль штабъ-докторъ пришелъ въ восторгъ отъ этого ученаго посланія и хотѣлъ такъ основательно поступать, чтобы употреблять при похоронахъ каждаго трупа хлористую известь и поэтому предписалъ старому госпитальному аптекарю готовить ее en masse. Этотъ старый плутъ, конечно, очень этому обрадовался, тотчасъ составилъ длинный списокъ химическихъ препаратовъ и аппаратовъ, въ которыхъ онъ для этого нуждался, и самодовольно улыбался, разсчитывая на вѣрный барышъ; между тѣмъ онъ отпускалъ для перевязокъ нечистыхъ ранъ, вмѣсто раствора хлориновой извести, простую известковую воду. Другой здѣсь присутствующій главный докторъ кавказской арміи Поповъ, который теперь въ Керчи, предложилъ свой подвижной или амбулаторный карантинъ, который онъ ввелъ на Кавказѣ, и требовалъ, чтобы, при появленіи эпидеміи, всякаго плѣннаго изъ союзной арміи подвергнуть такому карантину. По обсужденіи всего этого коммисія послала составленный ею протоколъ своихъ засѣданій въ медицинскій департаментъ, гдѣ его еще и теперь можно найти. Затѣмъ

все осталось по старому, какъ было и прежде; единственная переѣзна, которую я замѣтилъ, состояла въ томъ, что карантинный врачъ, который прежде очень прилежно посѣщалъ нашъ пріемный покой, вдругъ исчезъ и вѣроятно гдѣ нибудь занялъ устройствомъ передвижнаго карантина. Фабричное приготовленіе хлористой извести еще не состоялось и старый аптекаръ теперь выражаетъ свое неудовольствіе тѣмъ, что онъ всѣ врачебныя предписанія замѣняетъ aqua fontana или настоемъ ромашки. Молодому, ретивому ординатору, жаловавшемуся на эти злоупотребленія, главный врачъ госпиталя, на Сѣверной сторонѣ, отвѣтилъ: «если вы желаете на ваше предписаніе получить хорошее лекарство, то потрудитесь на рецептѣ выставить крестикъ (X) и аптекаръ тогда все какъ слѣдуетъ отпуститъ!».

Моя миссія скоро оканчивается. Я въ срединѣ или въ концѣ мая вернусь въ Петербургъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда я не останусь въ живыхъ или когда новымъ десантомъ закроютъ путь въ Симферополь. Лѣтомъ и въ Петербургѣ можетъ разыгратъ война и я уже для успокоенія моей семьи долженъ вернуться туда, тѣмъ болѣе, что я не въ силахъ сдѣлать больше того, что я до сихъ поръ сдѣлалъ. Съ другой стороны, если союзники до мая ничего рѣшительнаго не предпримутъ, то осада Севастополя, подобно Троянской, можетъ еще годъ и болѣе продлиться, и такъ какъ надо надѣяться, что между союзными не найдется Улисса, то я вовсе не любопытствую дожидаться конца этой осады. Мнѣ жаль только, что съ моимъ отъѣздомъ армія наша лишится 7 или 8 дѣльныхъ и дѣятельныхъ врачей, которые безъ меня ни за что здѣсь не останутся. Другіе ко мнѣ прикомандированные врачи зависятъ отъ военно-медицинскаго департамента и nolentes volentes должны здѣсь оставаться. Весьма сожалею также, что не буду болѣе руководить тогда столь благодѣтельною дѣятельностью сестеръ милосердія великой княгини Елены Павловны.

Скажу нѣсколько словъ объ этомъ новомъ у насъ учрежденіи. Великой княгинѣ принадлежитъ честь введенія этого учрежденія въ наши военные госпиталы. Первымъ крестовоздвиженскимъ ея сестрамъ пришлось прямо идти въ огонь страшной крымской кампаніи. Это не нравилось людямъ стараго закала; они предвидѣли, что этимъ можетъ быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администраціи. «У насъ это ввести нельзя», отвѣтило мнѣ высокопоставленное лицо по этой администраціи, когда я его спросилъ, какого онъ мнѣнія о проектѣ великой княгини. Почему же такъ? «Да потому, что одинъ генераль, который не хотѣлъ ихъ у себя вводить, сказалъ по этому поводу государю: «у насъ нельзя, ваше величество, какъ разъ у...тъ». Это былъ ихъ единственный и самый сильный доводъ. Старикъ Мел-

шиковъ мнѣ тоже сказалъ, когда я ему донесъ о прибытіи сестеръ въ Симферополь: «я опасюсь, чтобы этотъ институтъ не умножилъ бы число нашихъ сифилитиковъ». Эти старые грѣшники изучили женщину только *usque ad portionem vaginalem*.

О самоотверженной дѣятельности сестеръ милосердія въ крымскихъ госпиталяхъ надо спрашивать не меня, потому что я при этомъ не безпристрастенъ, ибо горжусь тѣмъ, что руководилъ ихъ благословенною дѣятельностью, но самихъ больныхъ, которые пользовались ихъ уходомъ.

Если только дальновидный комиссаріатъ не произнесетъ своего « *veto* », то я надѣюсь, что это молодое учрежденіе введется и въ другихъ нашихъ военныхъ госпиталяхъ, на вѣчныя времена. Всякій благомыслящій врачъ, желающій, чтобы его предписанія не исполнялись грубою рукою фельдшера, долженъ искренно желать процвѣтанія сердобольнаго ухода за больными. Если здѣшняя женщина, сомнительнаго поведенія, движимая мягкосердіемъ своей женской натуры, подобно Магдалинѣ, здѣсь на поляхъ битвы и въ госпиталяхъ, съ такимъ самоотверженіемъ помогала раненымъ, что обратила на себя вниманіе высшаго начальства и удостоилась особой награды, то уже несомнѣнно самопожертвованіе и христіанская добродѣтель женщинъ высшихъ слоевъ общества заслуживаетъ полного удивленія.

При этомъ, не могу не вспомнить наивнаго отвѣта одной прославленной Даріи. Община сестеръ милосердія, по своей инструкціи, имѣетъ право выбирать и другихъ женщинъ изъ разныхъ слоевъ общества; но сестры эти, до вступленія своего въ общину, должны принести присягу и обѣщать исполнить извѣстныя условія. Кто-то сказалъ Дарьѣ, что и она, если пожелаетъ, можетъ вступить въ число сестеръ милосердія.

Она явилась ко мнѣ узнать объ условіяхъ пріема: «надобно, отвѣтилъ я, по инструкціи, по крайней мѣрѣ цѣлый годъ оставаться цѣломудренною». — «Отчего же, можно и это, отвѣтила она», но затѣмъ исчезла и больше не являлась.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ о нашемъ стратегическомъ и политическомъ положеніи въ Севастополѣ. Я здѣсь не читаю газетъ, поэтому не знаю, какъ отдалены еще переговоры о мирѣ. Насколько съ одной стороны атомистика, а съ другой лордъ Россель этому способствуютъ — намъ тоже неизвѣстно. Даже живя здѣсь, мы ничего опредѣленнаго не знаемъ о судьбѣ Севастополя.

Въ военныхъ сферахъ котерии и интриги играютъ почти такую же роль, какъ и въ нашемъ врачебномъ сословіи. Военное искусство еще болѣе основано на предположеніяхъ и случайныхъ совпаденіяхъ, нежели наше

врачебное искусство; поэтому, разговаривая съ военными личностями, вы услышите 20 различныхъ взглядовъ, смотря по тому, происходятъ-ли они отъ приверженцевъ Меньшикова, Сакена, Горчакова и т. д. При нѣкоторомъ навыкѣ къ такимъ разговорамъ можно уже напередъ знать, какое мнѣніе выскажетъ собесѣдникъ, если только знать къ какой школѣ онъ принадлежитъ. Если напримѣръ слышится дурное предсказаніе о судьбѣ Севастополя, то вы можете быть увѣрены, что оно высказывается или полякомъ, или, что довольно странно, морякомъ. Поляки пророчествуютъ натурально дурной исходъ, потому что они поляки; но что заставляетъ собственно моряковъ опасаться дурного исхода — неудобопонятно; мнѣ кажется, что этому способствуетъ то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, какъ собственники и домовладѣльцы въ Севастополѣ, боятся за свое имущество и желаютъ быть утѣшенными. Это утѣшеніе имъ вдоволь доставляется тѣми, которые имъ съ жаромъ, противорѣчатъ, и такъ какъ они сами вѣроятнo раздѣляютъ эти надежды, то они скоро соглашаются и вполнѣ утѣшенные возвращаются на свои батареи и пароходы.

Все это относится только до офицеровъ, матросы твердо убѣждены что Севастополь неприступенъ. Возьмутъ ли Севастополь? спросилъ я однажды одного матроса. «Прежде онъ (непріятель) его могъ бы взять, теперь не возьметъ», возразилъ онъ. *Vox populi vox Dei*. Высказать ли и мнѣ свое мнѣніе? Какъ же мнѣ не высказать его, такъ какъ и моя шкура при этомъ въ опасности. Если ночью видишь полетъ безчисленныхъ свѣтящихся бомбъ, если знаешь, что отъ почтовой дороги насъ отдѣляетъ бухта, то невольно придетъ на умъ этотъ критическій вопросъ; особенно, если вы не герой, а простой врачъ. По моему мнѣнію дѣйствія союзниковъ теперь не логичны и даже дѣтскія. Чего они домогаются упорною осадю Севастополя? Есть только три способа взять Севастополь: повтореніе бомбардировки, соединенное съ штурмомъ; во вторыхъ, пресѣченіе сообщенія города съ материкомъ, черезъ продолжительное обстрѣливаніе сѣверной бухты, которая есть продолженіе севастопольскаго рейда, и 3) обложеніе города и почтовой дороги сухимъ путемъ и осадю сѣверныхъ его укрѣпленій. Кто знаетъ наши во время осады воздвигнутыя батареи и редуты, число нашихъ пушекъ, храбрость и стойкость нашего могучаго гарнизона, состоящаго почти изъ 50,000 человекъ, которые большею частью подъ блиндажами охранены отъ дѣйствія непріятельскихъ бомбъ, кто сообразитъ, что союзники въ послѣдніе два мѣсяца почти никакихъ успѣховъ не сдѣлали, и какъ мало вреда они до сихъ поръ нанесли нашимъ батареямъ, — тотъ легко присоединится къ господствующему

мнѣнію, что непріятель теперь едва-ли рѣшится на штурмъ, къ которому могли бы его подвинуть только отчаяніе или легкомысліе.

Отъ одного бомбардированія союзники еще менѣе могутъ ожидать пользы, потому что и намъ, и имъ хорошо извѣстно, какъ мало вреда до сихъ поръ намъ причинили ихъ бомбы. Чтобы прервать сообщеніе съ Севастополемъ, посредствомъ обстрѣливанія бухты, непріятель долженъ соорудить могучую батарею, на такомъ пунктѣ, которымъ до сихъ поръ не удалось ему завладѣть, не смотря на всѣ усилія, потому что пунктъ этотъ защищается многими нашими батареями № 1, Малаховскимъ и новымъ Камчатскимъ редутами. Наконецъ, для обложенія Севастополя сухимъ путемъ имъ понадобится еще армія въ 80 или 100,000, и ужъ никакъ не турецко-сардинская или неаполитанская, а по мнѣнію Жирардена даже армія въ 300,000 человекъ; намъ же тогда слѣдовало бы остаться безъ подкрѣпленій и безъ резервовъ, между тѣмъ какъ они изъ дунайской арміи съ каждымъ днемъ къ намъ приближаются. На два мѣсяца нашъ гарнизонъ имѣетъ вполне достаточный провіантъ. Я и самъ на 2 мѣсяца закупили сухарей, такъ что въ случаѣ нужды не умру съ голода. Этотъ послѣдній способъ принудить Севастополь сдаться кажется мнѣ самымъ вѣроятнымъ и непріятель, очевидно, имѣетъ его въ виду; только одного я не понимаю, зачѣмъ они тогда такъ неустайно работаютъ и стрѣляютъ, какъ будто готовятся къ скорому штурму, это имъ стоитъ много людей. Англичане столько потеряли людей, что уже оставили свои редуты и образуютъ теперь родъ резерва, между Севастополемъ и Балаклавой. Французы — веселый народъ, работаютъ одни. Жизнь въ сырыхъ траншеяхъ не понравилась любящимъ комфортъ англичанамъ. Если союзники дѣйствительно въ состояніи создать значительную армію, которая насъ на той сторонѣ побѣдитъ или запретъ, то имъ не нужны громадныя усилія и приготовленія къ штурму, ибо тогда Севастополемъ легко будетъ завладѣть. Но съ небольшою арміею они ничего не подѣлаютъ, хотя бы она и не состояла изъ однихъ сардинцевъ и неаполитанцевъ, хотя бы его святѣйшество самъ папа выслалъ бы ее изъ Рима; одною бомбардировкою безъ штурма, хотя бы она продолжалась 7 дней и 7 ночей, они не овладѣютъ Севастополемъ; они этимъ могутъ разрушить городъ и нашъ флотъ, но не повредятъ ни нашихъ укрѣпленій, ни нашему гарнизону. О самомъ городѣ и толковать не стоитъ: эти каменные груды въ два года и скорѣе могутъ быть вновь выстроены. Что-же касается до нашего флота, то онъ состоитъ изъ 6 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ пароходовъ, которые всѣ послѣ кампаніи или передѣлаются въ винтовыя суда или, по негодности, выключатся изъ списковъ.

12 кораблей уже погружены въ воду. Между тѣмъ французы, ибо красныя колеты со стыдомъ провалились, чуть что ни каждую ночь атакуютъ наши малаховскій и новый камчатскій редуты, что даетъ много занятій нашему 3-му перевязочному пункту въ Александровскихъ казармахъ. Они сосредоточились на этихъ редутахъ, какъ на главнѣйшихъ препятствіяхъ ихъ плановъ, и оставили прочія батареи, даже знаменитую 4-ую въ покоѣ. Тутъ они подводили мины, но такъ неискусно, что мы, ученики ихъ въ этомъ дѣлѣ, постоянно взрывали ихъ контрминами. Теперь туда не направляется ни одинъ выстрѣлъ. Сегодня, когда я писалъ эти строки, Сакенъ прислалъ ко мнѣ адъютанта предупредить меня, что у камчатскаго редута, ночью, будетъ дѣло. Надо готовиться и ординаторамъ, какъ адмиралъ Нефиръ своимъ матросамъ приказывалъ: «ребята, точите свои ножи». Прощайте, иду спать. Вашъ искренній другъ

Николай Пироговъ.

1855 года

18 марта, 11 ч. вечера.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

1844 г.

Почитатели таланта умершаго И. С. Тургенева должны быть вполне признательны издателямъ книжки, вышедшей въ Петербургѣ: мы говоримъ о Стихотвореніяхъ И. С. Тургенева (Спб., 1885 г., 16°, стр. II и 230. Тип. Глазунова).

Еще В. Г. Бѣлинскій, въ 1848 году, писалъ, что «лирическія стихотворенія г. Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта», а говоря про поэмы его, прибавляетъ: «въ этихъ опытахъ г. Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный». Когда появился стихотворный рассказъ — «Помѣщикъ», въ это время «все показывало, говоритъ Бѣлинскій, что г. Тургеневъ попалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое...». (Соч. В. Г. Бѣлинскаго, 1861, ч. II-я, стр. 415—416). Но въ это время начали печататься тѣ знаменитые мелкіе рассказы Тургенева, которые составили «Записки Охотника», и самъ авторъ, видя неоспоримый успѣхъ прозаическихъ произведеній своихъ, бросилъ почти совсѣмъ писать стихи, а въ апогеѣ своей литературной славы слишкомъ не долюбивалъ ихъ (доказательства см. въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева», Спб., 1885 г., №№ 188 (стр. 234), 204 (стр. 260) и 214 (стр. 274). Этимъ нерасположеніемъ автора къ своимъ стихотворнымъ произведеніямъ объясняется, почему невозможна была, при жизни Тургенева, перепечатка стиховъ его, отдѣльное изданіе, а тѣмъ болѣе — присоединеніе ихъ къ «Полному собранію его сочиненій».

Своего рода «вето», лежавшее на стихотвореніяхъ покойнаго Тургенева, со смертію автора должно было дать мѣсто не праздному любопытству читающей публики, а тому дѣйствительно живому интересу послѣдней, который невольно — и очень естественно — возбуждается какъ

вообще произведениями великаго писателя русской земли, такъ и не отъемлемымъ, безспорно имъ присущимъ, достоинствомъ стихотвореній автора «Параши» и др. (Слѣшимъ здѣсь исправить ошибку г. Н. К. на обложкѣ кн. III «Русск. Стар.» за 1885 г., гдѣ сказано Наташа, читай: Параша). Желаніе публики и удовлетворено изданіемъ особаго сборника: «Стихотворенія И. С. Тургенева», при чемъ этииъ устранено одно изъ солидныхъ неудобствъ — необходимость для каждаго, желающаго познакомиться съ произведениями молодости Тургенева, рыться въ старыхъ журналахъ.

Воздавая должное издателямъ стихотвореній Тургенева, не можемъ однако не отмѣтить два пробѣла въ изданіи, которые, въ то-же время, могли бы быть легко устранены. Первое — почему не отмѣченъ годъ написанія каждаго стихотворенія? Въ концѣ книги, правда, есть примѣчанія, но тамъ относительно мелкихъ стихотвореній допущено такое указаніе, которое, по нашему мнѣнію, ничего не указываетъ.

Второй, болѣе существенный, пробѣлъ заключается въ томъ, что въ этотъ сборникъ вошли не всѣ стихотворенія Тургенева. За неизмѣнимъ подъ руками старыхъ журналовъ, мы библиографически-вѣрно не можемъ сейчасъ указать, гдѣ помѣщены пропущенныя въ изданіи стихотворенія Тургенева. Изъ прежнихъ указаній можемъ отмѣтить списокъ, сообщенный покойнымъ М. Д. Хмыровымъ въ биографическомъ очеркѣ Тургенева (См. Портрет. Галлер., изд. Мюнстера, т. 2-й). По этому списку оказывается, что въ изданіе «Стихотвореній И. С. Тургенева» не вошли слѣдующія: Похищеніе, «Отеч. Зап.» 1842, № 3; Цвѣтокъ, «ibid» 1843, № 8; Призваніе, «ibid» 1844, № 12; В. Н. Б., «Соврем.» 1844, т. 33, № 7, и тамъ же—Замѣтила-ли ты... У покойнаго Хмырова еще указано, что въ «Современникѣ» за 1847, № 1, помѣщено девять стихотвореній Тургенева подъ общимъ заглавіемъ Деревня. За невозможностью провѣрить послѣднее указаніе, допускаемъ, что тѣ девять стихотвореній, которыя начинаются съ 170 стр. сборника и кончаются на 181, и есть помѣщенные въ № 1 «Современника» за 1847 годъ; но какъ же тогда согласить съ этимъ указаніе примѣчанія, гдѣ огуломъ показано: «помѣщены въ «Отеч. Зап.» 1841—1845 гг.»

Итакъ, согласно указанію М. Д. Хмырова, недостаетъ въ сборникѣ многихъ стихотвореній Тургенева, и потому это изданіе не можетъ считаться полнымъ. Почему издатели не помѣстили всѣ стихотворенія И. С. Тургенева, мы не знаемъ... Неужели потому, что не знали объ ихъ существованіи? Какъ-то невѣроятно такое предположеніе. Не признавали ихъ за достойныя? И это едва-ли такъ, потому что и среди помѣщенныхъ есть слабыя, да и цѣль изданія не оправдывала бы такую причину?

Для желающихъ отыскать неизданныя стихотворенія Тургенева (т. е. не вошедшія въ сборникъ), считаемъ нужнымъ замѣтить, что библиографическимъ указаніямъ покойнаго Хмырова нельзя довѣрять: мы сами, при представившемся случаѣ, начали было отыскивать стихотворенія Тургенева по указанію Хмырова, но скоро убѣдились, что указанія его далеко не точны; такъ — Откуда вѣсть тишиной у Хмырова показано въ «Отеч. Зап.» 1845, № 1, а нужно № 2; Къ К***, по Хмырову «Отеч. Зап.» 1845, № 12, а нужно: 1844, № 11, и др.

Вотъ одно изъ стихотвореній И. С. Тургенева, не помѣщенное въ книгѣ «Стихотворенія И. С. Тургенева» (Спб. 1885 г.), а между тѣмъ принадлежащее ему. Напечатано оно въ «Отечеств. Запискахъ», т. 37, 1844, № 12, оѣд. I, стр. 345—346 (по Хмырову: 1845 г., № 2). Стихотвореніе это носить названіе — «Призваніе» (Изъ ненапечатанной поэмы). (Это отрывокъ изъ какой-то иной поэмы, но во всякомъ случаѣ не изъ той, которая окончена и изъ которой въ сборникѣ приведено шесть октавъ).

Стихотвореніе это въ концѣ имѣетъ помѣту — 1844, и подписано: Т. Л., какъ вообще подписаны почти всѣ стихотворенія Тургенева въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Желательно, чтобы новое изданіе стихотвореній И. С. Тургенева было дополнено тѣми его произведеніями, которыя не вошли въ нынѣ вышедшій сборникъ.

А. Смир—въ.

Призваніе.

(Изъ ненапечатанной поэмы).

Не считай часовъ разлуки,
 Не сиди, сложивши руки,
 Подъ рѣшетчатымъ окномъ...
 О, мой другъ! о, другъ мой нѣжный!
 Не слѣди съ тоской мятежной
 За медлительнымъ лучомъ...

Не скучай... Тревожный, длинный
 День пройдетъ... Съ улыбкой чинной
 Принимай твоихъ гостей...
 Не чуждайся разговора—
 Не роняй внезапно взора—
 И внезапно не блѣднѣй...

Но когда съ холмовъ душистыхъ
 По краямъ полей росистыхъ
 Побѣжитъ живая тѣнь...
 И, сходя съ вершинъ Урала—
 Какъ дворецъ Сарданапала,
 Загорится пышный день...

Изъ-подъ тучи длинной, темной
 Тихо выйдетъ мѣсяцъ томный
 За возлюбленной звѣздой
 И, предчувствуя награду—
 Замирая—къ водопаду
 Прибѣгу я за тобой!

Тамъ изъ чаши крутобокой
 Бьетъ вода волной широкой
 На размытыя плиты...
 Надъ волной нетерпѣливой,
 Прихотливой, говорливой
 Наклоняются цвѣты...

Тамъ насъ манить дубъ кудравый,
 Старецъ пышный, величавый,
 Тѣнью пасмурной своей...
 И сокроетъ онъ счастливыхъ
 Отъ боговъ—боговъ ревнивыхъ —
 Отъ завистливыхъ людей!

Слышны клики... надъ водами
 Машутъ лебеди крылами...
 Колыхается рѣка...
 О, прійди же! Звѣзды блещутъ,
 Листья медленно трепещутъ—
 И находятъ облака.

. . . . .
 . . . . .)

О, прійди! Быстрѣ птицы—
 Отъ заката до денницы
 По широкимъ небесамъ
 Пронесется ночь вѣмая...
 Но пока волна, свежая,
 Улыбается звѣздамъ,

И далекія вершины
 Дремлютъ—темныя долины
 Дышутъ влажной тишиной—
 О, прійди! Во мгль спокойной
 Тѣнью бѣлой, легкой, стройной
 Появись передо мной!

*) Точка въ „Отеч. Зап.“ 1844 г.

И когда съ тревожной силой
Брошусь я на встрѣчу милой
И замрутъ слова мои...
Губъ моихъ не лобывая—
Пусть лежать на нихъ пылая,
Губы блѣдныя твои!

1844.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

Сообщ. А. В. Смирновъ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу

1863 — 1878 гг.

Два года тому назадъ, 27 сентября 1883 года, Петербургъ хоронилъ Тургенева. Памятны почести, возданныя памяти гениальнаго писателя — и сотни вѣнковъ, и тысячи провожавшихъ, между которыми мы видѣли представителей нашей столичной интеллигенціи, именитыхъ ученыхъ, литераторовъ, журналистовъ діаметрально противоположныхъ одно другому мнѣній и направленій, учащуюся молодежь обоого пола, „отцовъ и дѣтей“, людей трехъ поколѣній — отжившаго, настоящаго и будущаго. Помнимъ глубоко прочувствованную рѣчь А. Н. Бекетова надъ могилою Тургенева, только что засыпанною, покрытою вѣнками — и теперь изъ этой рѣчи приводимъ достопамятныя слова: „... прощаясь съ успокоившимся поэтомъ, не могу говорить о немъ какъ о погибшемъ на вѣки, ибо никогда еще не былъ онъ такъ могучъ, какъ теперь. Силы, которыя онъ въ себѣ хранилъ, передавая ихъ по временамъ въ своихъ произведеніяхъ, не только не погибли, но развились еще съ болѣею энергіею, потрясая сильнѣе, чѣмъ когда либо, сердца всѣхъ способныхъ чувствовать и мыслить“.

— „Въ небесныхъ вышинахъ есть столь отдаленныя отъ насъ свѣтила, что свѣтъ, ими изливаемый, не смотря на едва вообразимую быстроту своего движенія, доходитъ до насъ только черезъ сотни тысячъ лѣтъ. Свѣтъ этихъ мировъ поражаетъ нашъ взоръ въ то время, когда они сами давно исчезли въ недосыгаемыхъ наблюденію пространствахъ, а можетъ и вовсе перестали существовать. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ считать тѣ свѣтила погибшими, ибо волны ээира, поражающія наше зрѣніе, всколеблены ими. Матерія распалась, но силы, ее оживлявшія, продолжаютъ дѣйствовать, потрясая ээиръ въ безпредѣльныхъ и безвременныхъ пространствахъ. Воспривятый свѣтъ, въ свою очередь, не пропадаетъ: онъ только превращается въ новыя силы, переходящія въ другія, и такъ — безъ конца“.

— „Если бы даже имя нашего поэта когда либо перестало повторяться, то поэтическіе аккорды, внесенные имъ въ психическую жизнь человѣчества, никогда не замолкнутъ, развиваясь, пополняясь, входя въ составъ новыхъ, болѣе сложныхъ, симфоній; но пропасть они не могутъ никогда“...

— „Таковы послѣдствія великаго закона сохраненія силъ, „въ немъ, на ряду съ утѣшеніями, предлагаемыми намъ религією, мыслящій человекъ можетъ тоже искать утѣшенія, провожая въ послѣднее жилище останки великаго таланта“...

Тысячи присутствующихъ съ глубокимъ, искреннимъ сочувствіемъ внимали оратору и сильное, невыразимое впечатлѣніе производили его слова, особенно при величественной окружающей обстановкѣ — въ виду могилъ, при уныломъ шелестѣ полуобнаженныхъ деревьевъ, освѣщаемыхъ послѣдними лучами закатывающагося солнца.

Послѣдующіе три мѣсяца всѣ наши журналы и газеты были посвящены воспоминаніямъ о покойномъ Тургеневѣ. Должную ему справедливость отдавали рецензенты покойнаго стараго, современники Тургенева и писатели молодые, гдѣ за семь передъ тѣмъ называвшіе его и „отсталымъ“, и „консерваторомъ“.

Довыні о Тургеневѣ собственно въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны слѣдующія статьи:

Томъ XXXIX, сентябрь 1883 г. (въ приложеніи), И. С. Тургеневъ въ 1858 г., его мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ. Программа сельско-хозяйственной газеты.

Томъ XL. Стихотвореніе П. Вейнберга. — И. С. Тургеневъ въ собственныхъ его разсказахъ и письмахъ (1874—1883 гг.) (стр. 201 — 219, 272). „Крокеть“, стихотвор., 1876 (стр. 217); оно-же, по корректурѣ автора (стр. 426). Письмо къ А. В. Топорову, контрактъ съ Салаевымъ (1882—1883) (стр. 235—258). Встрѣча съ княземъ А. М. Горчаковымъ (стр. 423).

Изд. 1884 г. Томъ XLI. Арестъ въ 1852 г. (стр. 173 — 174). Записки и письма къ М. А. и Н. А. Милютиннымъ (стр. 175—194).

Томъ XLII. Воспоминанія товарища И. С. Тургенева по берлинскому университету (1839—1840 гг.), стр. 391—398. Письмо И. С. Тургенева къ Е. П. Ковалевскому (стр. 399—402).

Нынѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи свыше двухсотъ писемъ Ивана Сергѣевича къ его брату Николаю Сергѣевичу, редакция „Русской Старинѣ“ приступаетъ къ ихъ печатанію, извлекая изъ нихъ преимущественно любопытныя біографическія данныя, лично до него относящіяся. Въ этихъ письмахъ Тургеневъ является передъ читателями, всего прежде, какъ человекъ — и именно человекъ русскій, какъ добрый землевладелецъ, заботливый отецъ и нѣжный братъ. По временамъ въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ сообщаетъ брату о новостяхъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ. Иванъ Сергѣевичъ началъ въ 1863 году, переписку съ братомъ, по крайней мѣрѣ ту, которая приобрѣтена нами; началъ ее находясь въ лѣтахъ мужественныхъ, въ полномъ развитіи физическихъ и умственныхъ силъ. Затѣмъ, по этимъ же самымъ письмамъ, можно постепенно прослѣдить его вступленіе въ возрастъ старческой, когда нашъ великій поэтъ, при всей присущей ему мнительности, совершенно объективно наблюдалъ надъ собою приближеніе смертельнаго неизлечимаго недуга — и безропотно покорился своей участи. Какъ видно изъ писемъ Ивана Сергѣевича, братъ его внимательно

сгдидъ за его успѣхами на литературномъ поприщѣ, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе и сообщалъ Ивану Сергѣевичу журнальные и газетные отзывы, къ которымъ послѣдній относился несравненно равнодушнѣе, нежели его братъ. Нимало не возмущаясь нападками злобовъ 1860-хъ годовъ, Тургеневъ, въ самый разгаръ ихъ нападковъ на него за „Отцовъ и дѣтей“, писалъ Я. П. Полонскому ¹⁾:

— „Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева, присланный тобою, показываетъ, что молодые люди плюются; — погоди, еще не такъ плевать будутъ! Это все въ порядкѣ вещей и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: „на здоровье!“ и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ. Тогда они будутъ правы, а мы имъ пожелаемъ всякаго благополучія“.

1863.

Парижъ, 21 февраля, rue de Rivoli, 210.

Сейчасъ получилъ твое письмо, мой добрый другъ, и прежде всего спѣшу тебя успокоить на счетъ возникшаго въ тебѣ сомнѣнія. Записка, данная тобою, будетъ представлена княземъ ко взысканію единственно и исключительно въ случаѣ, чего Боже сохрани, твоей смерти; моя же смерть не измѣнитъ ровно ничего ²⁾: князь О** не только не представитъ твоей записки ко взысканію, но по инструкціи, данной ему отъ меня, будетъ отъ тебя получать постепенно капиталъ въ 150,000 р., который ты можешь уплачивать хотя въ теченіи 10 лѣтъ. Повторяю: только въ случаѣ твоей смерти представится записка; и тогда тебѣ-же также нечего беспокоиться на счетъ Анны Яковлевны ³⁾; либо она будетъ твоя наслѣдница, и тогда ей не трудно будетъ изъ всего нашего имѣнія выплатить четвертую часть, либо наслѣдники будутъ другіе и тогда дѣло касается не до нея. Ты изъ этого видишь, что ты во всякомъ случаѣ можешь быть совершенно покоенъ—и смерть моя не причиняетъ никакой перемѣны и никакого затрудненія.

Я уже читалъ въ «Кельнской газетѣ», присланной тобою, корреспонденцію о томъ, что я, молъ, поджигатель ⁴⁾; сегодня я посылаю про-

¹⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, 1840—1883 г. Спб., 1884 г., въ 8 д. л. (Письмо отъ 24 января 1862 г., стр. 99).

²⁾ Подчеркнуто два раза.

³⁾ Жена Николая Сергѣевича Тургенева.

⁴⁾ Это сказано было даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ относилсь къ пожару толкучаго рынка въ Духовъ день 1862 года.

тестацию противъ этого слуха, которому, впрочемъ, особой важности придавать не слѣдуетъ: мало-ли что врутъ газетчики! этого избѣгнуть нельзя.

Я вовсе не рѣшился не ѣхать въ Петербургъ, но прежде всего мнѣ нужно дождаться отвѣта на мое письмо къ императору. Пока я еще ничего оффиціальнаго не получилъ; а изъ Дрездена и изъ Петербурга я получилъ извѣстiе о томъ, что меня хотятъ судить предъ сенатомъ за сообщенiя съ Герценомъ. Какъ только я узнаю что-нибудь положительное, извѣщу тебя тотчасъ. Ты, вѣроятно, въ Дрезденѣ увидишь Маркевича ¹⁾ и графа А. К. Толстаго ²⁾; я имъ обоимъ писалъ.

Главная моя забота теперь о томъ, чтобы ты былъ покоенъ; это моя обязанность послѣ твоего дружескаго и истинно братскаго поступка.

Передай мой усердный поклонъ Аннѣ Яковлевнѣ, тебя я отъ души обнимаю и остаюсь навсегда преданный тебѣ братъ Ив. Тургенева.

Парижъ, 25 (13) февраля, среда.

Милый братъ, спѣшу сообщить тебѣ, что дѣло мое приняло благоприятный оборотъ. Я получилъ вчера чрезъ нашего посла извѣстiе, что государь соглашается на мою просьбу и что допросные пункты будутъ мнѣ высланы сюда въ Парижъ. Посоль далъ мнѣ прочесть письмо князя Долгорукова ³⁾, въ которомъ сообщается это рѣшенiе, и прибавилъ, что, по всей вѣроятности, дѣло окончится нустаяками—и вопросы будутъ мнѣ высланы только для формы. Очевидно, что на это въ Петербургѣ-бы не согласились, если-бъ дѣло имѣло какую-нибудь важность. По полученiи пунктовъ я тебя обо всемъ увѣдомлю. Сообщаю тебѣ все это конфиденциально; но ты можешь извѣстить Маркевича, отъ котораго я получилъ другое, радушное и теплое письмо, и которому ствѣчать я непременно буду.

Можно было-бы уже теперь уничтожить данныя бумаги, но лучше подождать окончательнаго разрѣшенiя этой истории. Отъ нея останется мнѣ только воспоминанiе твоего братскаго поступка и искренняго расположенiя моихъ друзей.

¹⁾ Мужъ нашей писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Марко-Вовчекъ.

²⁾ Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой (род. въ 1834, † 29 сентября 1875 г.).

³⁾ Тогдашнiй шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленiя.

Парижъ, 5 марта (21 февраля).

Любезный братъ, я очень радъ, что мое письмо тебя успокоило и благодарю тебя за сообщенныя извѣстiя. До сихъ поръ я вопросныхъ пунктовъ не получалъ; какъ только они придутъ, я тебѣ дамъ знать.

Послѣ долгихъ колебанiй, кажется, на этотъ разъ дѣло пойдетъ на ладъ съ свадьбой моей дочери; боюсь сглазить и, потому, не называю тебѣ еще имени будущаго жениха, но есть надежда, что свадьба совершится въ концѣ апрѣля или началѣ мая. По этому поводу мнѣ приходится напомнить тебѣ старинную поговорку: «кормилъ до усовъ, корми до бороды». А именно дѣло вотъ въ чемъ. Я общаю за мою дочь 100,000 франк. приданого. Изъ этой суммы 80,000 находится въ рукахъ Вiардо, но остальныхъ 20,000 пока не имѣется. Я писалъ къ дядѣ о немедленной высылкѣ мнѣ въ Парижъ 4000 р. сер., т. е. около 14,000 франковъ; но изъ нихъ тысячи четыре — пять пойдетъ на приданое и прочiя издержки, — мнѣ самому будутъ нужны деньги на прожитокъ, такъ что капитальную сумму пополнить я не могу надѣяться. Ты бы мнѣ сдѣлалъ величайшее одолженiе, если-бъ могъ мнѣ къ 15 апрѣля дать взаймы 3000 руб. сер., что составитъ около 11,000 фр. Прошу у тебя эти деньги на 6 мѣсяцевъ и чтобъ не стѣснять тебя, съ благодарностью заплачу тебѣ обыкновенные проценты. Въ октябрѣ мѣсяцѣ денегъ у меня будетъ ¹⁾ вдоволь и я тебѣ возвращу ихъ безъ малѣйшаго замедленiя. Пожалуйста, если можешь, помоги мнѣ, братъ, въ эту для меня весьма важную минуту. Съ нетерпѣнiемъ буду ждать твоего отвѣта.

Поклонись отъ меня Маркевичу и гр. А. К. Толстому. Тебя и жену твою дружески обнимаю.

Парижъ, 6 апрѣля.

Любезный братъ, начинаю съ того, что деньги (420 фр.) мною получены—за что благодарю. Потомъ долженъ тебѣ объявить (но это подъ секретомъ, ибо съ меня слово взяли)—что допросные пункты пришли, наконецъ, и отвѣты мои уже отправлены обратно въ Петербургъ. Могу тебѣ сказать, что эти пункты — совершенные пустяки, и что теперь я на это дѣло смотрю, какъ на сданное въ архивъ: здѣшнiя официальные лица (какъ-то самъ посланникъ) того же мнѣнiя. Мнѣ очень жалко, что тебѣ нездоровится, во всякомъ случаѣ

¹⁾ Вслѣдствiе какой натяжки будетъ денегъ вдоволь?

Примѣч. Н. С. Тургенева.

не совѣтую тебѣ ѣхать въ Россію раньше начала мая по здѣшнему стилю, а то, чего добраго, простудишься и на рѣкахъ сидѣть будешь. Сверхъ того, я непремѣнно желаю тебя видѣть передъ твоимъ отъѣздомъ: я хочу тебѣ вручить твою бумагу и взять свою для взаимнаго уничтоженія, такъ какъ эти предосторожности, къ счастью, болѣе не нужны. Я переѣзжаю отсюда въ Баденъ, между 20 и 25 числами нынѣшняго мѣсяца—и приѣду къ тебѣ въ Дрезденъ на сутки. Я увѣренъ, что ты-бы помогъ мнѣ на счетъ приданаго моей дочери, если-бы это отъ тебя зависѣло; но свадьба разстроилась—и потому я немедленно въ деньгахъ не нуждаюсь. Повторяю, что мнѣ необходимо свидѣться съ тобой передъ твоимъ отъѣздомъ—для инструкціи дядѣ—и по другимъ причинамъ. А потому жди меня. Будь здоровъ, не падай духомъ и не смотри такъ мрачно на будущность.

1864.

С.-Петербургъ, гостиница «Франція» у Полицейскаго моста, суббота 25 января (6 февраля).

Любезный братъ, Николай Сергѣевичъ. Я получилъ изъ Бадена отъ Віардо извѣстіе, что ты писалъ ко мнѣ туда и безпокоился о моемъ здоровьи и т. д. Онъ уже отвѣчалъ тебѣ, а я могу сказать теперь отъ себя, что я здоровъ; дѣло мое въ сенатѣ приняло очень благополучный оборотъ и я нахожусь здѣсь единственно для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ и для свиданія съ дядей, котораго жду сюда дней черезъ 10. Черезъ мѣсяць я выѣзжаю отсюда съ разрѣшенія сената; пробуду въ Парижѣ до весны, гдѣ надѣюсь, наконецъ, выдать Поленьку ¹⁾ замужъ, а тамъ—въ Баденъ—на неопредѣленное время и милости просимъ пожаловать ко мнѣ погостить. Schillerstrasse, № 277, bei H-n Anstett. Я и не зналъ, что ты основался въ Дрезденѣ; Віардо выслалъ мнѣ твой адресъ.

Парижъ, rue de Rivoli, 210. Четвергъ, 24 (12) марта.

Любезный братъ, я вчера приѣхалъ сюда изъ Бадена и надѣялся найти отъ тебя письмо, въ отвѣтъ на то, которое я дней 6 тому назадъ послалъ тебѣ изъ Бадена. Но никакого письма не оказалось и я немного начинаю безпокоиться. Пожалуйста, черкни мнѣ слова два.

---

¹⁾ Дочь Ивана Сергѣевича (род. въ маѣ 1842 г.), отъ московской мѣщанки Авдотьи Ермолаевны Ивановой. См. первое собраніе писемъ, страница 118—119.

Любезный братъ, я не успѣлъ переговорить съ тобой о просьбѣ сестры Анны Яковлевны, которую я, впрочемъ, никогда въ глаза не видалъ. Я знаю, что теперь не время давать въ долгъ и вообще тратиться; но, — извини меня за откровенность, я не думаю, чтобы ты, вообще, дѣлалъ добро соответственно твоему состоянію; а вѣдь это важнѣе всего.

P. S. Свадьба Полинки разстроилась, т. е. она не захотѣла, *et me voilà gros-père comme devant!* ¹⁾.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 31-го декабря 1864 г.
(12-го января 1865 г.), четвергъ.

Любезный братъ, спѣшу успокоить тебя увѣреніемъ, что моя безотлагательная просьба не заставитъ тебя ни двинуться съ мѣста, ни подвергнуться, вообще, какимъ либо стѣсненіямъ. Вотъ въ чемъ дѣло: я выдаю дочь свою замужъ за г-на Гастона Брюэра (Gaston Brugère), молодого и образованнаго человѣка, находящагося во главѣ значительной стекольной фабрики; свадьба должна совершиться въ Парижѣ въ концѣ февраля, т. е. съ небольшимъ черезъ мѣсяць. Сообщая нотаріусу всѣ необходимыя бумаги, я также представилъ ему твое письмо, въ которомъ ты, въ случаѣ моей смерти, общаешь Полинкѣ двадцать пять тысячъ франковъ; возникъ вопросъ: такъ какъ я общаю моей дочери черезъ нѣсколько лѣтъ выдать пятьдесятъ тысячъ франковъ, не захочешь ли ты, въ случаѣ моей смерти, возвысить общанную тобою сумму до 50.000 франковъ? я полагаю, что ты согласишься, такъ какъ это обязываетъ тебя только въ случаѣ, если ты вступишь во владѣніе моимъ наслѣдствомъ, которое, безъ сомнѣнія, много разъ превышаетъ эту сумму! Но во всякомъ случаѣ, я желаю знать твое мнѣніе и потому прошу тебя написать мнѣ твое согласіе, по французски, съ тѣмъ, чтобы я могъ показать это кому слѣдуетъ; а самое письмо мы составимъ послѣ, немедленно послѣ свадьбы, — для того, чтобы ты могъ назвать уже мою дочь M-me Brugère. Я очень былъ бы счастливъ, если бы ты могъ присутствовать на ея свадьбѣ; впрочемъ, мы до тѣхъ поръ сплещемся. Будь такъ добръ и напиши мнѣ отвѣтъ поскорѣе, такъ какъ я, можетъ быть, надняхъ долженъ буду съѣздить въ Парижъ.

Извѣстіе о твоей болѣзни меня очень огорчило; хотя я знаю, что самое вырѣзаніе желѣзъ не представляетъ никакой опасности (многіе пѣвцы это заранѣе надъ собою совершаютъ) — все-таки мнѣ очень

¹⁾ И вотъ я попрежнему остаюсь папашей. Перефразировка поговорки: *Me voilà Gros-Jean comme devant* (чѣмъ я былъ, тѣмъ и остаюсь). Ж.

тебя жаль—и я воображаю, какъ ты долженъ мучиться. У меня одно Universal-Mittel ¹⁾ какъ Скрибовское: *prenez mon ours* ²⁾, приѣзжай въ Баденъ; съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, всѣ мои прежнія «болѣсти» исчезли.

P. S. Приданое моей дочери состоитъ изъ 100,000 фр. *une fois donnés* (выданныхъ единовременно) и изъ тѣхъ обѣщанныхъ 50.000.

Конецъ 1864 и начало 1865 года были для Ивана Сергѣевича крайне хлопотливы по случаю признанія имъ своей дочери и ея свадьбы. Именно въ исходѣ декабря (24-го числа 1864 г.) онъ просилъ П. В. Анненкова ³⁾ о содѣйствіи ему, чрезъ В. П. Боткина, о выправкѣ метрическаго свидѣтельства Пелагеи Ивановны и о дозволеніи ея матери вступить ей въ бракъ. Свадьба, какъ увидимъ, состоялась; но для характеристики дочери Тургенева и его зятя считаемъ не лишнимъ привести здѣсь газетное извѣстіе, напечатанное черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ этого сватовства, вскорѣ по кончинѣ Ивана Сергѣевича ⁴⁾.

Наслѣдство И. С. Тургенева, по словамъ парижскихъ газетъ, послужило поводомъ къ тяжбѣ. Нашъ писатель оставилъ имѣніе, авторскія права, небольшую движимость и вещи, находящіяся въ его комнатѣ, въ отелѣ г-жи Віардо, въ Парижѣ (*rue de Douai*), и въ павильонѣ, гдѣ скончался Иванъ Сергѣевичъ въ Буживальскомъ помѣстьѣ—г-жѣ Віардо. Эти комнаты, по распоряженію русскаго консула, опечатаны. Претендентами на это наслѣдство являются: 1) г. Брюэръ, мужъ внѣ брака рожденной дочери И. С. Тургенева, признанной имъ самимъ документально, 8-го февраля 1865 года, и фактически разлучившейся съ мужемъ, ибо нѣсколько лѣтъ назадъ она скрылась неизвѣстно куда, и 2) г-жа Віардо, въ пользу которой Тургеневъ оставилъ завѣщаніе, признавъ ее своей законной наслѣдницею. Г-жа Віардо обратилась въ судъ съ просьбой о снятіи печатей съ комнаты, которую занималъ Иванъ Сергѣевичъ въ ея отелѣ. Противъ этого протестовалъ г. Брюэръ, явившійся въ качествѣ душеприкащика своей жены. Надняхъ разыгралась эта тяжба въ парижскомъ *Tribunal des référés*. Повѣренный г-жи Полины Віардо, Поль Мерсье, заявилъ, что его довѣрительница владѣетъ тою движимостью, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ проживалъ въ качествѣ постояльца; что лицо, потребовавшее опечатанія ея комнатъ, не имѣло на то ни права, ни основанія; такъ какъ по русскимъ законамъ не признается усыновленія внѣ брака рожденныхъ дѣтей, и такое усыновленіе можетъ быть утверждено не иначе, какъ высочайшимъ распоряженіемъ. Ривьеръ, повѣренный г. Брюэра, отвѣтилъ, что его клиентъ, являясь повѣреннымъ единственной наслѣдницею Ивана Сергѣевича, долженъ былъ ходатайствовать о наложеніи печатей въ присутствіи русскаго консула и г-жа Віардо не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого права, такъ какъ она опирается только на завѣщаніе, которое, не

¹⁾ Универсальное средство.

²⁾ «Возьмите моего медвѣдя». — Настоячивая фраза одного персонажа въ Скрибовскомъ водевилѣ.

³⁾ См. первое собраніе писемъ, стр. 117—118.

⁴⁾ «Новое Время» 1883 года, № 2712.

будучи удостовѣрено въ Россіи надлежащимъ порядкомъ и представлено предсѣдателью французскаго суда, лишено всякой силы. Предсѣдатель означеннаго суда постановилъ слѣдующую резолюцію: „въ виду того, что рѣчь идетъ о наслѣдствѣ русскаго подданнаго, процедура печатанія и составленія инвентаря должна быть произведена русскимъ консуломъ; но такъ какъ непосредственные претенденты на наслѣдство—французы и ихъ претензій спорны, а равно въ виду того, что могутъ явиться и наслѣдники изъ русскихъ, то, принимая во вниманіе заявленныя сторонами права, постановляемъ: что процедура печатанія и составленія инвентаря будетъ совершена по ходатайству русскаго консула по французской формѣ, въ присутствіи Брюэра или имъ уполномоченныхъ лицъ и вдовы Віардо, объявляющей себя наслѣдницей Ивана Тургенева. Въ случаѣ непредъявленія ходатайства русскимъ консуломъ, помянутая процедура будетъ произведена по ходатайству Брюэра, какъ представителя наслѣдника, хотя и спорнаго, въ присутствіи вдовы Віардо и русскаго консула или его уполномоченнаго.

1865.

Баденъ - Баденъ. Schillerstrasse, 277. 16-го января.

Любезный братъ, я получилъ твое письмо и слѣшу отвѣтить. Все дѣло въ томъ — имѣешь ли ты довольно довѣрія ко мнѣ, чтобъ не полагать меня способнымъ спустить всё мое имѣніе, зная, что ты общалъ выплатить 50 т. франковъ въ случаѣ моей смерти. Мнѣ кажется, будь я бездѣтень, и попроси ты меня обезпечить эту сумму твоей единственной дочери, я бы это сдѣлалъ, *auf die Gefahr hin*, какъ говорятъ нѣмцы, не получить ничего послѣ тебя. Дѣлать оговорку въ письмѣ невозможно: подобный недостатокъ довѣрія не можетъ не подѣйствовать дурно на семейство будущаго мужа моей дочери если тебѣ угодно, прежнее твое письмо будетъ уничтожено и замѣнено новымъ; отъѣзжая въ Парижъ въ началѣ февраля—я завезу его къ тебѣ въ Вюрцбургъ. Никакихъ дотаций я не намѣренъ никому больше дѣлать—и дочь моя знаетъ, что она отъ меня не получитъ ни копейки больше.

Впрочемъ я долженъ еще замѣтить, что твое письмо, обязывая тебя нравственно, легально тебя нисколько не обязываетъ—это мнѣ объяснилъ мой нотаріусъ—и потому *vous aurez toujours votre liberté d'action*.

Я долженъ прибавить, что домъ мой въ Баденѣ не войдетъ въ массу наслѣдства; все остальное пойдетъ кому слѣдуетъ по закону.

Твое нездоровье меня очень огорчаетъ; но я не могу изгнать мысль, что твой образъ жизни, я хочу сказать, твоя дѣла тому способствуетъ:

ты придержишься крѣпительнаго, которое тебѣ рѣшительно вредно. На счетъ денегъ, ты тоже напрасно безпокоишься: дѣйствительно всѣмъ помѣщикамъ приходится плохо, но сообрази, что мы всѣ живемъ выкупными суммами—а ты еще рассчитываешь на доходы. Вообще, мой совѣтъ тебѣ одинъ: *man muss das Leben auf die leichte Achsel nehmen — und ruhig den Tag genissen.*

Обнимаю тебя и кланяюсь Аннѣ Яковлевнѣ. Любящій тебя братъ Иванъ Тургеневъ.

Парижъ, 14, rue Basse, Passy. Четвергъ, 9-го февраля.

Милый братъ, душевно благодарю тебя за твой подарокъ Полинкѣ; она сама тебѣ напишетъ, какъ только выберетъ себѣ вещь по вкусу на эти деньги. Я также очень благодаренъ Аннѣ Яковлевнѣ и прошу тебя передать ей мое искреннее спасибо. Полинка напишетъ и ей.

Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, т. е. съ понедѣльника, я до того заваленъ былъ дѣлами (*contrat de mariage, reconnaissance de ma fille, publication des bans, dispenses, acte de notoriété, enregistrement etc. etc.* ¹⁾), что рѣшительно не имѣлъ времени духъ перевести.

Я прочелъ Полинкѣ то мѣсто въ твоемъ письмѣ, гдѣ ты обращаешься къ ней — и она была очень тронута твоимъ родственнымъ участіемъ.

Парижъ, 19-го (7-го) февраля, воскресенье.

Милый братъ, прилагаю два письма къ тебѣ и къ Аннѣ Яковлевнѣ отъ моей дочери, которая очень обрадовалась твоему подарку и цѣлый вечеръ щеголяла въ твоихъ серьгахъ и въ брошкѣ. Прилагаю также двѣ мои фотографическія карточки, а пріѣхавъ въ Баденъ, вышлю тебѣ еще нѣсколько, вмѣстѣ съ карточками моего будущаго зятя и Полинки, которыя еще не готовы. Въ Баденѣ я буду слѣдующее воскресенье. NB. Никакихъ *droites d'entrée* ²⁾ за серьги и брошку не взял.

Теперь еще просьба и важная. Она состоитъ въ томъ, чтобы ты переписалъ твое обѣщаніе по прилагаемому образцу. Мой нотаріусъ измѣнилъ его для твоей же выгоды и для выгоды моей дочери: ты это сейчасъ поймешь. Я далъ на себя моей дочери вексель въ 50,000 франковъ, которые буду уплачивать по частямъ, въ какіе мнѣ угодно сроки:

¹⁾ Свадебный контрактъ, признаніе (Полинки) моею дочерью, оглашеніе въ церкви, разрѣшеніе, свидѣтельство объ удостовѣреніи личности, занесеніе въ метрики т. д.

²⁾ Пошлинъ.

а до уплаты выдаю на нихъ 5⁰/₀ ежегодно. Ты берешься на себя заплатить (послѣ моей смерти) эти 50,000 франковъ, только въ такомъ случаѣ — если я ихъ не заплатилъ; если же я заплатилъ ихъ, то ты ничего не долженъ. Также, если я заплатилъ изъ нихъ, положимъ, половину или треть, или двѣ трети — ты обязываешься вы-
платить только недоплаченную часть, которую ты выдашь, когда тебѣ это будетъ возможно, платя до того времени тѣ же 5⁰/₀. Весьма вѣ-
роятно, что ты ничего на выдашь, потому что я постараюсь въ тече-
ніе первыхъ 5—6 лѣтъ de me libérer ¹⁾). Но ты самъ можешь судить,
что подобная новая редакция письма гораздо для тебя выгоднѣе.
Слова: de ses héritiers en ayant cause ²⁾, не должны тебя пугать, такъ
какъ это обыкновенная формальность, и все письмо — опять таки
скажу — имѣетъ силу часто моральную. Ты бы крайне меня обя-
залъ, если бы прислалъ тотчасъ это новое письмо такъ, чтобы я могъ
вручить его въ пятницу, наканунѣ брака, моему будущему зятю. Я бы
душевное сказалъ тебѣ за это спасибо. Число выставлено 4-го февр.,
потому что весь контрактъ составленъ этого числа.

PS. Посылаю тебѣ обратно твое прежнее обѣщаніе.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. 28 (16) февраля. Вторникъ.

Милый братъ, свадьба благополучно совершилась въ субботу; въ тотъ же день молодые уѣхали къ себѣ въ деревню, а я укатилъ въ Баденъ и только теперь начинаю нѣсколько приходить въ себя. Послѣдніе дни въ Парижѣ я кипѣлъ какъ въ котлѣ — извини — никакъ не улучилъ времени побывать у Луизы, на счетъ твоихъ платковъ. По-
сылаю тебѣ фотографію моего зятя: онъ прекраснѣйшій малый. Дочь
моя сдѣлаетъ съ себя фотографію, какъ только вернется въ Парижъ,
т. е. черезъ недѣлю. Я тогда пришлю ее тебѣ.

PS. Фабрика моего зятя находится въ Département d'Eure et
Loir, près de Cloyes, и называется Rengemont ³⁾. Родители его жи-
вуть постоянно въ Парижѣ — rue de Bruxelles, 23.

Баденъ-Баденъ, 10-го марта.

Любезный братъ, пишу тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твое
письмо. Портретъ Полинки еще не готовъ и потому, пока я тебѣ

¹⁾ Раздѣлаться.

²⁾ Его наследниковъ, на то право имущихъ.

³⁾ Департаментъ Эрн и Луары близъ Клуа—Ранжемонъ.

его переслать не могу; что же касается до моей постройки, то первый камень давнымъ давно положенъ и если бы ты прѣхалъ сюда передъ отъѣздомъ въ Россію, то увидѣлъ бы уже 2-й этажъ выведеннымъ. Особенно много хлопотъ съ садомъ, въ которомъ я вздумалъ устроить прудъ съ проточной водой — такъ какъ у меня есть очень хорошій источникъ.

Радуюсь исправленію твоего здоровья и надѣюсь, что оно теперь надолго утвердилось. Полагаю, что Фуксъ писалъ тебѣ о бѣдственномъ положеніи Екатерины Яковлевны. Я сейчасъ получилъ письмо отъ Анненкова, черезъ котораго я послалъ ей 100 руб., и эти деньги дали возможность этой несчастной дѣвушкѣ поступить въ госпиталь, гдѣ она, по приговору докторовъ, вѣроятно мѣсяца черезъ два скончается. Она прожила цѣлый годъ въ нуждѣ и бѣдствіи, даже безъ паспорта, запертаго у тебя въ московскомъ домѣ — и я долженъ считать себя косвенной и невинной причиной всего этого горя, потому что ты ее отослалъ въ Россію вслѣдствіе привезеннаго мною письма другой ея сестры. Признаюсь, это наказаніе «Петра» за проступокъ дѣйствительный или мнимый «Павла» — эти опалы напоминаютъ мнѣ покойницу-матушку, отъ которой ты самъ первый столько терпѣлъ. Въ твоемъ письмѣ ты говорилъ мнѣ о деликатности Ани Яковлевны, состоящей будто бы въ томъ, что она не утруждаетъ тебя своими родственниками; я бы согласился съ тобою, если-бъ она изъ собственныхъ денегъ имъ помогала, а то, воля твоя — эта деликатность сбивается на эгоизмъ и, во всякомъ случаѣ, не стоитъ большихъ усилій. Полагаю, что ты захочешь облегчить послѣдніе дни дѣвушки, передъ которой ты уже потому виноватъ, что могъ возбудить въ ней надежду на твое покровительство.

Прошу тебя извинить мою откровенность, но я слишкомъ тебя люблю, чтобы скрыть передъ тобою правду.

Затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ переписка прекратилась, по крайней мѣрѣ въ нашемъ собраніи писемъ Ивана Сергѣевича къ его брату не сохранилось ни одного, и причина этого перерыва намъ неизвѣстна. Этимъ временемъ Иванъ Сергѣевичъ достигъ пятидесяти-лѣтія своего возраста, осенней поры жизни — поры, въ отношеніи его здоровья — весьма тяжелой. Именно съ этой поры ему начало пзмѣнять его богатырское здоровье. Дѣтскія дѣла по имѣнію были разстроены; супружество дочери оказалось далеко не столь счастливымъ, какъ полагалъ Иванъ Сергѣевичъ; наконецъ, и литературныя его произведенія многіе изъ отечественныхъ рецензентовъ не обинуясь, называли „слабыми“, недостойными пера прежняго Тургенева. При всемъ своемъ равнодушіи къ нападкамъ „новаго поколѣнія“ на дѣателей время минувшихъ, Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ эти уколы — и негодовалъ.

выражая чувство уязвленного самолюбія въ письмахъ своихъ къ доброму другу своему—Якову Петровичу Полонскому. Такъ, въ 1866 году (1-го мая) онъ писалъ ему изъ Бадена ¹⁾:

— Забившись въ здѣшнюю норку и отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ литературу, я не пересталъ любить и русское слово, и русское искусство; а въ тебѣ я, сверхъ поэта, люблю еще человѣка. И потому еще разъ искреннее спасибо — и да не остынетъ въ тебѣ этотъ жаръ, который съ каждымъ годомъ сгораетъ въ нашихъ современникахъ! А что «ругали» тебя—это въ порядкѣ вещей, все это не что иное какъ пѣна, которую вѣтеръ гоняетъ съ одного берега на другой—противуположный. Воспѣлъ-же Некрасовъ графа Муравьева.

(Бадень, 21-го октября 1867 г.). — А что касается до лая мальчишекъ — пускай они потѣшаются... это только доказываетъ, что мы двигаемся впередъ. И пятокъ-то они не укусятъ ²⁾).

(Бадень, 2-го января 1868 г.).—Все, что ты мнѣ пишешь о твоей жизни, твоей дѣятельности, о современномъ состояніи литературы — весьма для меня интересно. Сколько можно судить издали, готовится въ ней нѣкоторое возрожденіе: посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Недостатокъ талантовъ, особенно талантовъ поэтическихъ—вотъ наша бѣда. Послѣ Льва Толстаго ничего не явилось—а вѣдь его первая вещь напечатана въ 1852 году! Способности нельзя отрицать во всѣхъ этихъ Слѣпцовыхъ, Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ и т. д., но гдѣ-же вымыселъ, сила, воображеніе; выдумка гдѣ? Они ничего выдумать не могутъ и, пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ правдѣ. Правда — воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но искусство—растеніе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ. А эти господа —безсѣмянники и посѣять ничего не могутъ ³⁾).

1868.

Бадень-Бадень, Schillerstrasse, 7. 28-го (16-го) января.

Любезный братъ, въ отвѣтъ на твое письмо имѣю сообщить тебѣ, что я вчера отправилъ вексель отъ Ротшильда Ахенбаху въ 13,000 руб. сер. на имя Николая Николаевича ⁴⁾ въ Спасское,

---

¹⁾ Первое собраніе писемъ, стр. 123—124.

²⁾ Тамъ-же, стр. 127.

³⁾ Тамъ-же, стр. 128.

⁴⁾ Тургенева, дяди братьевъ Тургеневыхъ

къ управляющему моему Н. А. Кишинскому. Злоупотребить онъ имъ не можетъ (впрочемъ я и не имѣю никакой причины заподозрить его честность), потому что вексель именной и можетъ только служить Н—ю Н—у. Кишинскій получилъ отъ меня инструкцію, не иначе выдать этотъ вексель, какъ по полученіи отъ моего дяди выданныхъ ему мною векселей. Изъ суммы Н—й Н—ъ получить 16,500; Кишинскій долженъ приплатить ему 3,500 руб. изъ экономической суммы—и это представляетъ только два векселя въ 10,000 съ процентами; дядя хочетъ еще содрать съ меня третій (въ 4,500 р.) и тоже съ процентами, но къ счастью, сей послѣдній, вслѣдствіе произведенныхъ съ нимъ дядей трипотажей (я убѣжденъ, что онъ по немъ уже все получилъ изъ выкупныхъ денегъ) — признанъ пока спорнымъ; надѣюсь, что дядя, хоть на послѣдяхъ, почувствуетъ угроженіе совѣсти и согласится всѣ векселя истребить: кажется—хорошо, за 10-ти лѣтнее управленіе, въ теченіи котораго я никогда болѣе 5,000 руб. доходныхъ въ годъ не получалъ, а самъ дядя жилъ баринно и проживалъ до 2,000 руб. сер. въ годъ (j'ai tous les chiffres noirs sur blanc de sa prorgre main ¹⁾),—хорошо, говорю, положить себя въ карманъ—ни за-что, ни про-что — 16,500 руб.! Солоно мнѣ пришлось родственное управленіе; вчера я вынужденъ былъ подписать контрактъ, которымъ я продалъ свой домъ Влардо; и то я еще долженъ былъ ему въ ножки поклониться, ибо онъ оказалъ мнѣ дѣйствительную услугу, вытащилъ меня изъ бѣды: вѣдь дяденька грозилъ Спасское съ аукціона заставить продать! Вотъ, братъ, какъ дураковъ-то пробираютъ. Молодецъ патриархальный старецъ, облившій меня слезами и слупившій съ меня до заявленія векселя все, что только могъ—мебелью, лошадьми и т. д. Я потому переѣхалъ мое намѣреніе послать на твое имя деньги, что изъ этого могли произойти новыя хлопоты, дядя-бы еще сталъ ломаться и т. д. А тутъ деньги на лицо: *payement à trois jours de date* ²⁾, я-же попросилъ И. П. Борисова съѣздить вмѣстѣ съ Кишинскимъ въ Катушище, гдѣ поселился Н—й Н—ъ. Но все таки я тебѣ благодаренъ за твою радушную готовность, а также и за предложеніе поселиться у тебя въ домѣ во время моего пріѣзда въ Москву.

Я тебѣ писалъ обо всѣхъ этихъ передрыгахъ—*pour que vous n'en ignoriez pas.*

До свиданія весною; обнимаю тебя и кланяюсь Аннѣ Яковлевнѣ.

¹⁾ «У меня всѣ цифры показаны на-бѣло его собственною рукою».

²⁾ «Уплата въ три дня отъ означеннаго числа».

Баденъ-Баденъ, 6-го (18-го) февраля.

Милый братъ, ты, я полагаю, удивился телеграммѣ, которую я тебѣ послалъ сегодня; но прочти это письмо до конца и ты узнаешь въ чемъ дѣло. Дядя продолжаетъ злодѣйствовать (другаго слова я придумать не могу) надо мною и, повидимому, поклялся меня раззорить. Тебѣ извѣстны всѣ жертвы, которыя я принесъ для того, чтобъ удовлетворить его, продажа здѣшняго дома и т. д. Выслалъ я ему вексель Ротшильда на Ахенбаха въ 13.000 руб. сер. и мой управляющій долженъ былъ вручить притомъ еще 3500 р. сер. Кажется кушъ порядочный отъ человѣка, которому онъ, разумѣется, копейки въ долгъ не далъ. И со всѣмъ тѣмъ Ник. Ник—чъ, сколько мнѣ извѣстно изъ полученной мною телеграммы, отказался взять вексель Ротшильда, явно желая содрать съ меня и проценты тѣхъ векселей, которые я, какъ дуракъ, по добродушію своему, далъ ему и изъ коихъ даже одинъ признанъ спорнымъ (т. е. по которому онъ уже получилъ деньги сполна). Можешь представить себѣ мое положеніе? Въ телеграммѣ спрашиваютъ меня, что дѣлать съ векселемъ? По долгимъ соображеніямъ и по совѣту здѣшняго банкира, я рѣшился послать секунду векселя при семь прилагаемую, на твое имя, такъ какъ ты въ Москвѣ и знаешь Ахенбаха, а приму — съ именемъ дяди, находящуюся въ теперешнее время въ рукахъ у моего прикащика Никиты Алексѣевича Кишинскаго, уничтожить, т. е. вымаравъ все, на ней написанное, возвратить ее мнѣ, о чемъ я уже писалъ къ нему. (Въ эту минуту мнѣ приходитъ въ голову, что лучше выслать эту приму къ тебѣ, чтобы ты могъ указать на нее Ахенбаху, какъ на похеренную — и получить отъ него 13,000 руб. которые, какъ ты можешь видѣть, написаны à vue ¹⁾). Получивши же эти 13,000 руб. — начинаются для тебя слѣдующія хлопоты. Надобно будетъ тебѣ немедленно списаться: а) съ Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ (адресъ его: въ городъ Мценскъ), и — б) съ моимъ управляющимъ Н. А. Кишинскимъ. Борисовъ — прекраснѣйшій человѣкъ, искренній мой другъ и во всемъ этомъ дѣлѣ оказывалъ мнѣ истинную помощь. Извѣсти ихъ обоихъ, что 13,000 руб. у тебя и ждуть востребованія. Я никакъ не рѣшаюсь самого тебя просить съѣздить во Мценскъ, тѣмъ болѣе, что желѣзная дорога ходить только до Тулы; но ты найдешь средство безопасно доставить эту важную сумму въ руки Борисова и Кишинскаго. Въ случаѣ нужды, я увѣренъ, что Борисовъ, по дружбѣ своей ко мнѣ, готовъ будетъ нарочно съѣздить съ Кишинскимъ въ Москву.

¹⁾ Съ уплатою по предъявленіи, безъ срока.

Придется тогда затѣвать процессъ, въ которомъ я, объявивъ о бездежности векселей, данныхъ Николаю Николаевичу, присовокуплю, что не отказываюсь ихъ выплатать, даже съ лихвою, ибо предлагаю 16,500 руб. вм. 14,000 руб., но не могу согласиться на уплату процентовъ. Я, вѣроятно, проиграю; но по крайней мѣрѣ до конца постараюсь защитить свою собственность и публично выставлю всю недобросовѣстность и алчность моего злодѣя. Могъ-ли я это ожидать отъ человѣка, который... Ну, да что говорить! Тотъ дядя для меня умеръ; а теперешній—это какой-то чужой, жадный грабитель и больше ничего.

Итакъ, прошу тебя земнымъ поклономъ, окажи мнѣ братскую дружбу въ этомъ столь для меня тяжеломъ дѣлѣ! (Замѣть, что подавъ векселя ко взысканію и наложивъ на Спасское запрещеніе, Н. Н. прямо бьетъ на то, чтобы купить мое лучшее имѣніе съ аукціоннаго торгу!). Извѣсти меня немедленно: во 1-хъ, о полученіи этого письма; б) о полученіи отъ Кишинскаго — примы; с) о полученіи съ Ахенбаха денегъ; д) о дальнѣйшихъ твоихъ распоряженіяхъ. Этихъ ты меня по гробъ обяжешь въ бѣдственномъ и горькомъ моемъ положеніи.

Баденъ-Баденъ. Вторникъ, 10-го марта (27-го февраля).

Милый братъ, я вчера получилъ твою телеграмму и душевно благодарю тебя. Слава Богу, я вышелъ изъ неизвѣстности, и хотя Ник. Ник. отвалилъ себѣ кушъ порядочный, но такъ какъ онъ могъ содрать съ меня гораздо болѣе — то ужъ и это считаю великимъ счастьемъ. Я обязанъ этимъ добродушному Борисову — и жду теперь отъ него подробностей.

Я пока еще здѣсь; но надняхъ съѣзжу въ Парижъ, а въ концѣ апрѣля стараго стilia отправляюсь въ Россію. Надѣюсь застать тебя еще въ Москвѣ. Здоровье мое порядочно; подагра не трогаетъ меня въ нынѣшнемъ году. А ты какъ можешь? Теперешнее время — не веселое на Руси, но ты не унывай и не вѣрь слишкомъ пессимистамъ. Коли ужъ дѣло съ дядей уладилось, то и другое все какъ нибудь поправится.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. 5-го (17-го) апрѣля.

Милый братъ, податель этого письма, Н. Н., по моему совету, отправился въ Москву для присканія себѣ литературной работы. Онъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ, но хорошій и дѣльный и заслуживаетъ участія и помощи. Прими его со свойственнымъ тебѣ добродушіемъ и будь, по мѣрѣ возможности, ему полезенъ; ты этимъ искренно обяжешь

Подобныхъ рекомендательныхъ писемъ Ивану Сергѣевичу приходилось писать въ теченіи года, какъ брату, такъ и къ нѣкоторымъ изъ его знакомыхъ въ Россіи—многіе десятки. Просившіе о рекомендательныхъ письмахъ земляки, безъ толку и безъ дѣла заматавшіеся за границей, принадлежали еще къ числу скромныхъ; несравненно докучливѣе были начинающіе авторы, приносившіе къ Ивану Сергѣевичу свои первые опыты,—а еще того назойливѣе „богема“ нашей эмиграціи: эти господа, безъ всякихъ околичностей, чуть не требовали отъ Тургенева пособія и субсидій какъ бы чего-то для него обязательнаго. По добродушію своему Иванъ Сергѣевичъ имъ помогаль—и вотъ источникъ тѣхъ обвиненій въ сношеніяхъ съ агитаторами, которыми осмѣяли Тургенева и при жизни, и послѣ смерти. Ему вѣрили въ пороки, его осмѣяли за подписку на памятникъ Флоберу; но если бы обвинители вникли въ положеніе Тургенева, окруженнаго друзьями французами, беззастѣнчиво эксплуатировавшими его доброту, то не спѣшили бы ни обвинять его, ни глумиться надъ нимъ. Что же касается до рекомендательныхъ писемъ и до распоряженій Ивана Сергѣевича о выдачѣ пособій истинно немущимъ и обоего пола попрошайкамъ, мы въ его перепискѣ съ братьями насчитали таковыхъ до десятка—и по весьма понятной причинѣ не печатаемъ ихъ. Просители и просительницы вѣроятно еще живы и напоминаніе имъ о благодареній Тургенева могло бы возбудить въ нихъ не чувства благоговѣйной признательности къ его памяти, а развѣ только досаду оскорбленнаго самолюбія.

Баденъ-Баденъ. 13-го (25-го) апрѣля.

Любезный братъ, твое письмо застало меня въ новомъ домѣ, куда я наконецъ переѣхалъ въ качествѣ постояльца. Твои сомнѣнія на счетъ моего пріѣзда въ Россію несправедливы: я непременно буду въ Москвѣ около 25 мая стар. ст. Къ сожалѣнію, раньше я туда попасть не могу—не потому, что я не въ силахъ оторваться отъ здѣшнихъ «грандеровъ», столь краснорѣчиво описанныхъ въ «Салонѣ»; всѣ эти «грандеры» не происходятъ зимой и относились гораздо болѣе къ музыкѣ г-жи Віардо, чѣмъ къ моей особѣ; но раньше конца мая я никакъ не могу кончить работы, обѣщанныя Салаеву.

Къ тебѣ, вѣроятно надняхъ, являлся или явится нѣкто N. N. съ рекомендательнымъ письмомъ отъ меня: окажи ему покровительство, но безъ особеннаго рвенія; онъ, кажется, изъ числа лоботрясовъ. Ъсть ему нечего—вотъ его главное и очень почтенное право на участіе.

Баденъ-Баденъ. Понедѣльникъ, 28-го (16-го) іюля.

Милый братъ, письмо твое изъ Карлсбада застало меня у Маслова, въ Москвѣ, въ постелѣ, схваченнаго злымъ припадкомъ подагры, которую я, по увѣреніямъ докторовъ, никакъ не могъ ожидать такъ скоро послѣ прошлогодняго приступа. На этотъ разъ она, впрочемъ, была довольно сносна и позволила мнѣ, съ грѣхомъ пополамъ, дота-

щиться сюда—три дня тому назадъ—а хотя я снова, какъ прѣѣхалъ—свалился, однако теперь это меня беспокоитъ менѣе—такъ какъ я дома. Въ будущемъ году непремѣнно придется попить какія нибудь воды.

Въ Спасскомъ я пробылъ двѣ недѣли, и могу сказать, какъ Марій, что посидѣлъ на развалинахъ Карсагена. Въ одинъ нынѣшній годъ «злополучный старецъ» — грабитель деньгами, скотомъ, экипажами, мебелью и вещами—жамкнулъ меня на 36,500 руб. сер. (мнѣ пришлось заплатить за него около 5,000 руб. долгу) — не говоря уже о томъ, что имѣнье оставлено имъ въ хаотическомъ, омерзительномъ безобразіи, что онъ никого не расчелъ, всѣхъ надулъ и т. д. Я уже не засталъ его въ Катушицахъ и очень этому радъ. Въ теченіи всего времени, проведеннаго мною въ Спасскомъ, я уподоблялся зайцу на угодкахъ; высунуть носа въ садъ не могъ, чтобы на меня изъ-за деревьевъ, изъ-подъ кустовъ, чуть не изъ земли—(не) бросались, нападали: дворовые, мужики, мѣщане, оставные солдаты, дѣвки, бабы, слѣпые, хромые, сосѣдніе помѣщики и помѣщицы, попы, дьячки—свои и чужіе—и всѣ шершавые отъ голоду, съ разинутыми ртами какъ глчата, куврыкаясь въ ноги, сильнымъ голосомъ кричали: «батюшка, Иванъ Сергѣевичъ, спасите, спасите... помираемъ!» Я долженъ былъ наконецъ, спастись бѣгствомъ, чтобы самому не остаться безо всего. Къ тому же годъ готовится страшный: яровые пропали, рожь соломой огромна, но въ колосѣ нѣтъ зерна. И что за видъ представляетъ теперь Россія,—эта, по увѣреніямъ всѣхъ, столь богатая земля! Крыши всѣ раскрыты, заборы повалились; нигдѣ не видать ни одного новаго строенія — за исключеніемъ кабаковъ; лошади, коровы — мертвые, люди—испытые; три ящика едва могли поднять мой чемоданъ. Пыль стоитъ вездѣ какъ облако; вокругъ Петербурга все горитъ: лѣса, дома, самая земля... Только и видишь людей спящихъ на брѣвѣ плашмя въ растяжку, — безсиліе, вялость и невылазная грязь и бѣдность вездѣ. Картина невеселая — но вѣрная.

Посылка г-на Жихарева (котораго я, впрочемъ, не знаю) состоитъ въ фотографіи Чадаевского кабинета: мнѣ ужъ доставили 8 такихъ фотографій и я начинаю думать, что это мистификація.

Бадень-Бадень. Schillerstrasse, 7. Суббота, 9 (21) декабря.

Любезный братъ, извѣсти меня, пожалуйста, находишься-ли ты въ Москвѣ и долго-ли намѣренъ пробыть тамъ, такъ какъ у меня есть довольно важное дѣло сообщить тебѣ, а именно: я бы желалъ выслать на твое имя деньги, которыя съ меня деретъ почтенный дядюшка и которыя я могъ достать здѣсь только продажей своего гнѣдышка.

Сумма большая и я не могу рискнуть послать ее на обумъ. Попропись отвѣтить, такъ какъ тотъ-же почтенный дядюшка подалъ вексель ко взыскаію и готовъ-бы Спасское заставить продать съ молотка.

1869.

Карлсруэ. Hôtel Prinz Max. Четвергъ, 4 марта (20 февраля).

....Въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ помѣщена моя повѣсть подъ заглавіемъ: «Несчастная»; редакція общалась мнѣ выслать сюда 6 отдѣльныхъ оттисковъ, но не смотря на мои троекратныя напомнанія, оттисковъ этихъ она не присылаетъ. Сдѣлай одолженіе, сходи ты туда и добейся того, чтобы эти оттиски были мнѣ сюда высланы, какъ въ прошломъ году они мнѣ выслали оттиски «Исторіи лейтенанта Ергунова». Очень тебѣ буду благодаренъ.

Я переѣхалъ сюда на зиму, а въ концѣ апрѣля ѣду въ Россію и пробуду дней десять въ Москвѣ. Увижу-ли я тебя тамъ?

1870.

Веймаръ, Hôtel de Russie. Понедѣльникъ, 21 (9) февраля.

Любезный братъ, изъ писемъ Валленрейтера мы знаемъ всѣ его невзгоды; онъ человѣкъ весьма нервическій—и потому не удивительно, что послѣ подобной передраги пѣніе его въ концертѣ оказалось неудовлетворительнымъ. Что онъ отличный концертный пѣвецъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—и должно надѣяться, что ему удастся въ Петербургѣ—*seine Scharte auswetzen* ¹⁾). Во всякомъ случаѣ благодарю тебя за оказанный ему ласковый пріемъ.

Я очень радъ, что мои «Воспомнанія» тебѣ понравились. Мнѣніе человѣка не литераторствующаго, каковъ ты, весьма дорого: въ немъ выражается настоящій здравый смыслъ публики. Притомъ я уже такъ отвыкъ получать одобреніе изъ Россіи, что твой отзывъ былъ особенно пріятенъ для меня.

Я, дѣйствительно, присутствовалъ (въ первый и навѣрно въ послѣдній разъ въ жизни) при казни Тропмана. Я описалъ подробно

---

¹⁾ Выказать себя во всей силѣ, молодцомъ — или: дать себя знать

эту ужасную ночь — и я полагаю, описаніе это появится во «Всемирной Иллюстраціи». Я распоряджусь, чтобы ты получилъ экземпляръ.

Въ началѣ мая я приѣду въ Спасское и пробуду тамъ около 6-ти недѣль; надѣюсь увидѣться съ тобою либо тамъ, либо въ Москвѣ.

Р. S. Сходи-ко къ Салаеву и поговори съ нимъ о слѣдующемъ обстоятельстве: онъ выслалъ мнѣ деньги (за изданіе) векселями Лури на Гинцбурга въ Парижѣ; а тотъ ихъ не принялъ и возвратилъ съ протестомъ, такъ какъ Лури — полу-банкротъ. Я объ этомъ уже даль знать Салаеву; то какъ онъ намѣренъ поступить? Денегъ я своихъ терять не желаю потому только, что Салаевъ по какимъ нибудь соображеніямъ обратился вмѣсто Ахенбаха къ дрянному и непрочному банкиру.

Кстати: пришли мнѣ хорошую твою фотографію, а то у меня никакой нѣтъ.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. Середѣ, 27 (15) іюля.

Любезный братъ, сейчасъ я получилъ твое письмо изъ Москвы и отвѣчаю немедленно. Проѣздомъ черезъ Берлинъ я узналъ (12 дней тому назадъ) объ объявленіи войны, и потому, конечно, уже не могъ останавливаться во Франкфуртѣ, а только и думалъ объ одномъ: какъ бы добраться до Бадена. Но мнѣ удалось, хотя съ великимъ трудомъ (на другой же день всѣ сообщенія прекратились — и до сихъ поръ пути не восстановлены); я тотчасъ написалъ Аннѣ Яковлевнѣ письмо, въ которомъ просилъ ее извѣстить меня, находится ли она, попрежнему, въ Швальбахѣ и куда ей послать пакетъ со 100 р., но отвѣта отъ нея не было. Получивъ твое письмо, я сегодня же написалъ ей вторично и выставилъ на конвертѣ сообщенный тобою аккуратный адресъ; посмотримъ, какой будетъ результатъ — пакетъ пока хранится у меня.

Безобразная, отвратительная эта война сначала привела все въ ужасное смятеніе, теперь все приходитъ понемногу въ порядокъ, хотя мы ежедневно ожидаемъ вторженія французовъ изъ-за Рейна. Нѣмцы всѣ воодушевлены патріотизмомъ — и первымъ результатомъ наполеоновской выходки было — объединеніе Германіи. Всѣ чувствуютъ, что не время теперь ссориться между собою, а дружно встать противъ общаго врага. Баденъ совершенно опустѣлъ; но я остаюсь здѣсь — и останусь, даже если-бъ французы пришли; что же могутъ мнѣ сдѣлать?

Баденъ-Баденъ. Вторникъ, 9 августа (28 юля).

.... Обо мнѣ ты напрасно не безпокойся; ты изъ газетъ можешь видѣть, какой неожиданный оборотъ принимаетъ война: не французы бьютъ нѣмцевъ, а нѣмцы—французовъ, и не французская армія вторглась въ Германію... а нѣмецкая во Францію. Теперь здѣсь, въ Баденѣ, нѣтъ пока никакой опасности—ибо по ту сторону Рейна весь Эльзась занятъ нѣмецкою арміей. О болѣзняхъ тоже пока не слыхать и жизненные припасы даже подешевѣли.

Я, во всякомъ случаѣ, остаюсь здѣсь.

Баденъ Баденъ. Вторникъ. 16 (4) августа.

Любезный братъ, я очень радъ благополучному возвращенію Анны Яковлевны. Но, къ сожалѣнію, я, по твоему желанію, послалъ твой пакетъ со вложеніемъ ста рублей въ Берлинъ рекомендованнымъ письмомъ; постараюсь, чтобы мнѣ его возвратили,—въ противномъ случаѣ, припиши твой убытокъ войнѣ и Наполеону—и утѣшься тѣмъ, что въ наказаніе онъ въ эту минуту: *branle diablement dans le manche* ¹⁾.

Какъ я уже писалъ тебѣ, мы здѣсь, благодаря побѣдамъ пруссаковъ, также спокойны, какъ въ Спасскомъ или въ Тургеневѣ—и я остаюсь здѣсь до зимы.

Баденъ-Баденъ. Понедѣльникъ, 10 октября (28 сентября)

Любезный братъ, ты, вѣроятно, удивишься не въ мѣру, когда узнаешь, что твое письмо отъ 6 (18) августа получено мною было только вчера, т. е. 7 недѣль послѣ отправленія! Богъ знаетъ, гдѣ оно провалялось—но пришло ко мнѣ чрезвычайно засаленнымъ. На мое замѣчаніе, почтовый чиновникъ только плечами пожалъ и промолвилъ: *Kriegszeiten!* ²⁾. Теперь дѣло въ томъ, какъ мнѣ поступить съ этими злополучными ста рублями? Твоя жена выѣхала изъ Берлина до прибытія пакета; но, можетъ быть, этотъ пакетъ былъ отправленъ къ ней въ Москву, слѣдомъ. Сдѣлай одолженіе, увѣдомь меня немедленно объ этомъ. Я полагаю, что пакетъ пошелъ въ Россію, такъ какъ онъ въ мои руки не возвращался, что всегда бываетъ со страховыми письмами.

¹⁾ Не твердо держится, покачивается на своемъ мѣстѣ.

²⁾ Военное время.

Вторникъ, 11 октября (29 сентября).

Письмо это было уже запечатано, какъ вдругъ мнѣ принесли твое письмо отъ 5 октября (23 сентября) (оно шло, стало быть, 6 дней).

Мнѣ весьма лестно, что ты такого высокаго мнѣнія на счетъ моей прозорливости; но, на сей разъ, она — *tout à fait en défaut*¹⁾; я знаю только три вещи:

- a) что Парижъ будетъ непремѣнно жестоко бомбардированъ;
- b) что Эльзась непремѣнно останется за Германіей, и
- c) что война продолжится еще долго и будетъ безобразна...

Если мои пророчества могутъ удовлетворить тебя, прими ихъ.

Лондонъ, 3 (15) ноября.

Любезный братъ, пишу тебѣ изъ Лондона, куда я прибылъ третьяго дня и гдѣ останусь недѣль около 6-ти. Я имѣлъ несчастье попасть на сквернѣйшую квартиру, которую въ скорости покидаю, а пока вотъ мой адресъ:

M. J. T. London. Devonchire place, 30. At M-r Viardot's.

Война только что разгарается. Пруссаки будутъ стараться взять Парижъ голодомъ и это можетъ имъ удасться; но этимъ еще не кончится война. Раньше весны нечего ожидать разрѣшенія этого безобразія.

Лондонъ. 4, Benkinck Street, Manchester Square. 6 декабря (24 ноября).

Любезный братъ, я получилъ твое письмо и прошу тебя передать вложенное письмо И. П. Борисову, отъ котораго я не получилъ ни строчки, что меня беспокоитъ, ибо онъ обыкновенно очень аккуратенъ и я знаю, что онъ нездоровъ.

Съ французами идетъ сильно подъ гору, — а они все еще упираются и не сдаются, что поведетъ только къ вѣдшему раззоренію страны и лишить ихъ возможности современемъ *prendre leur revanche*²⁾

Но въ дѣлахъ мірскихъ меньше всего дѣйствуетъ логика, особенно между народомъ, который, подобно французскому, руководствуется воображеніемъ.

¹⁾ Оказывается несостоятельною.

²⁾ Вернуть свой проигрышъ.

1871.

Лондонъ. 16, Beaumont Street, Portland place. 9 (21) апрѣля

Любезный другъ и братъ, сдѣлай одолженіе, по полученіи этого письма освѣдомься, что съ Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ? Я очень беспокоюсь на его счетъ, ибо оставилъ его въ весьма дурномъ состояніи здоровья. Онъ, въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, собирался переѣхать въ гостинницу Дрезденъ на Тверской, и непремѣнно хотѣлъ написать мнѣ сюда. Корреспондентъ онъ былъ до сихъ поръ крайне аккуратный—и я начинаю имѣть всякія дурныя мысли. Я ему писалъ изъ Берлина и отсюда, но отвѣта не получилъ.

Отъ И. И. Маслова никакой вѣсточки: значить съ продажей Казнаго идетъ туго или совсѣмъ не идетъ. Это меня нѣсколько смущаетъ, потому что никогда мнѣ деньги не были такъ нужны, какъ именно теперь. Сходи, освѣдомься, пожалуйста. Я знаю, онъ очень лѣнивъ писать, да ему и некогда.

... Пиши по выше выставленному адресу; я здѣсь останусь около двухъ мѣсяцевъ.

Лондонъ. 16, Beaumont Street, Marylebone. Пятница, 19 (7) мая.

Милый братъ Н. С. — Благодарю тебя за извѣстія, сообщенныя объ Иванѣ Петровичѣ Борисовѣ и о покупателяхъ на Казное, которые, однако, до сихъ поръ ни до какого результата, повидимому, не дошли. Грустно мнѣ было читать твое описаніе наружнаго вида бѣднаго Борисова — и почти жутко спрашивать о немъ... Но хуже неизвѣстности нѣтъ ничего—и потому я былъ бы тебѣ обязанъ, если-бы ты могъ сообщить мнѣ что нибудь положительное.

До тебя, вѣроятно, дошли слухи о мнимой кончинѣ г-жи Віардо, которые, слава Богу, не имѣютъ никакого основанія. Она совершенно здорова.

Можно-ли было ожидать, что французы сами повалятъ вандомскую колонну, ту самую колонну, про которую они же пѣли:

Ah, qu'on est fier d'être français,
Quand on regarde la colonne ¹⁾!

Все бываетъ, все случается, сказалъ нѣкій философъ.

---

¹⁾ Ахъ, какъ гордишься тѣмъ, что ты французъ, когда посмотришь на колонну!

Лондонъ. 17-го (5-го) іюня.

Милый братъ Н. С.—... Если мое письмо тебя застанеть еще въ Москвѣ, то будь такъ добръ, съѣзди къ Маслову и поразспроси его о томъ, какъ идетъ или нейдетъ дѣло о продажѣ Казнаго. Онъ мнѣ ничего не пишетъ, и я ему не пишу, ибо знаю, что это совершенно напрасно: онъ превосходнѣйшій человѣкъ, но едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ существуетъ болѣе неохотникъ писать письма. Несомнѣнно, онъ бы извѣстилъ меня, если бы что нибудь состоялось; но я бы желалъ повліять на него въ томъ смыслѣ, что такъ какъ мнѣ деньги крайне нужны, то не худо бы, во 1-хъ, сдѣлать фактъ продажи болѣе извѣстнымъ чрезъ газетныя объявленія (на мой счетъ, разумѣется); во 2-хъ, въ случаѣ появленія покупателя не дорожиться. Пожалуйста, потолкуй съ нимъ объ этомъ; бесѣдовать онъ не лѣнивъ,—и сообщи мнѣ результатъ вашихъ толковъ.

Я остаюсь здѣсь еще 6 недѣль.

Тѣ, вѣроятно, уже слышалъ о кончинѣ бѣднаго Борисова? Я ее ожидалъ, но тѣмъ не менѣе она меня очень огорчила ¹⁾.

---

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ г. Гаршина („Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., ноябрь, 389—390) упоминается о признанныхъ отношеніяхъ Ивана Сергѣевича къ И. П. Борису.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. ¹⁾.

25-го октября. Изъ Шафгаузена отъ 30-го сентября. Суворовъ, прогнавшій всѣ французскіе корпуса, которые хотѣли ему противиться, зашелъ гораздо въ тылъ Массень (№ 85).

— Продаются книги: Примѣчатель свѣта, или живи подумавъ, въ бум. 1 р. 20 коп., и Евелина, или вступленіе молодой дѣвицы въ свѣтъ, 3 части. въ въ бум. 5 р. 50 коп.

28-го октября. Шефъ мушкетерскаго полку генералъ-лейтенантъ Римской-Борсаковъ отставленъ отъ службы. Генералъ-лейтенантъ Сакенъ 1 и генералъ-маіоры Лыкошинъ и Марковъ 1 отставлены отъ службы (№ 86).

— За несохраненіе порядка, дисциплины и послушанія отнимается бой у полковъ Завалишина, Мамасье, Седморацкаго, Вязьминова и барона Ферзена, у гренадерскихъ баталіоновъ Огарева, Эриксона, Вильяшева, Осипова, Митюшина и Линдфорса. Полкъ же Завалишина, потерявъ знамя, оное ему новымъ не замѣняется.

— Греку Кундумъ, представлявшему прозектъ судно, котораго червь вредитъ не можетъ и пушечное ядро пробить не въ состояніи, и просившему о препорученіи ему комиссіи заготовленія матчевыхъ дѣсовъ и о выдачѣ за взятые въ казну два судна 28 тыс. руб. объявляется, что все сіе оставлено безъ уваженія, поелику по справкѣ оказалось, что прозектъ его сдѣланъ безъ всякихъ правилъ и размѣренія, способъ въ охраненію судна отъ червоточины и ядра не дѣйствителенъ, предполагаемое имъ заготовленіе матчъ убыточно, и за поступившія въ казну суда деньги выданы тому, отъ кого суда сіи куплены были.

---

¹⁾ Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при Императорской Академіи Наукъ, въ 4-ю долю. Выписки объемяютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187, 589, 784; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449 и 645; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 363 и 619; т. XLII, стр. 279; т. XLIV, стр. 625.

— Графу де-ла-Маршу, испрашивавшему въ бѣдности монаршаго воззрѣнія, объявляется, что просьба его оставлена безъ уваженія, а прошеніе отставнаго генераль-лейтенанта Экбаума, яко недѣльное, возвращено къ нему съ наддраиѣмъ.

— Желашіе купить дѣвку 14 лѣтъ могутъ таковую видѣть въ домѣ заемнаго банка у регистратора Комарова.

1-го ноября. Генераль отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ назначенъ шефомъ въ мушкетерскій полкъ, бывшій Лассія. Генераль отъ инфантеріи Лассій по прошенію его всемилостивѣйше отставленъ отъ службы съ ношеніемъ мундира. Генералу отъ инфантеріи Горичу быть начальникомъ всѣхъ препорученій, бывшихъ въ вѣдомствѣ генерала отъ инфантеріи Лассія, до прибытія генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова. (№ 87).

— Его и. в. всемилостивѣйше пожаловалъ князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго въ генералиссимусы (тамъ же, приказъ 28 октября).

— Видя съ сердечнымъ наслажденіемъ, яко государь и отецъ, каковыя подвиги храбрости и примѣрнаго мужества во все продолженіе нынѣшней кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣры оказалъ любезнѣйшій сынъ нашъ, е. и. в. великій князь Константинъ Павловичъ, во мзду и вѣдшее отличіе жагуемъ мы ему титулъ цесаревича. (Манифестъ 28 октября).

— Е. и. в. высочайше повелѣтъ соизволилъ титуламъ ихъ и. в.—въ государынь великихъ княженъ быть слѣдующимъ: ея и. в. государыня великая княгиня Александра Павловна—эрцъ-герцогиня австрійская. Ея и. в. государыня великая княгиня Елена Павловна—наслѣдная принцесса мекленбургшверинская. (Указъ сенату, объявленный Беклешовымъ 25 октября).

— Иркутскому купцу Щегорину, просившему о дозволеніи ему представить къ высочайшему двору кабинетъ рѣдкостей китайскихъ, отказывается потому, что государь императоръ въ немъ надобности не имѣетъ.

— На прошеніе армянскаго купца Акопова—о дозволеніи ему привезть тѣло на пути умершаго и погребеннаго сына его для погребенія въ Астрахани при церкви на кладбищѣ, отказывается потому, что самъ проситель судить можетъ о вредоносныхъ слѣдствіяхъ, отъ сего переноса мертваго тѣла прозойти могутъ.

— Двѣ, къ руководѣлю и къ комнатной услугѣ способныя, дѣвки продаются въ Малой Подъяческой въ Фонарщиковомъ домѣ.

— Если кто желаетъ въ домъ благородныхъ людей, не имѣющихъ своихъ дѣтей, отдать для воспитанія лѣтъ двухъ мальчика или дѣвочку, тотъ можетъ для сего явиться въ Колтовской церкви Преображенія къ протоіереев, отъ коего дальнѣйшее получить свѣдѣніе.

— Рескриптъ князю Суворову отъ 29 октября: „Побѣждая повсюду враговъ отечества, не доставало вамъ еще одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистью противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ награждаю васъ по мѣрѣ признательности моея, и ставя на вышній степень чести и геройству предоставленной, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ“.

4-го ноября. Piemонтской службы поручникъ Зино принять въ нашу штабсъ-капитаномъ (№ 89).

— Генераль отъ кавалеріи Дерфельденъ по прошенію его, что не въ силахъ отъ разстроеннаго здоровья продолжать воинскую службу, уволенъ отъ оной со всемплоствѣйшимъ позволеніемъ носить мундиръ.

— Е. п. в. всемплоствѣйше пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ войскъ подъ начальствомъ генералиссимуса князя италійскаго графа Суворова-Римническаго по 2 рубля на человѣка за неустрашимую храбрость, оказанную ими въ неоднократныхъ сраженіяхъ противъ непріятели.

— Подполковникъ графъ Цукато всемплоствѣйше пожалованъ въ генераль-маіоры съ отданіемъ старшинства.

— Генераль-лейтенантъ Эссенъ 1-й отставленъ отъ службы.

— Е. п. в. государь и императоръ Павелъ Первый, всемплоствѣйше пожаловавъ изъ представленныхъ кандидатовъ во епископа калужскаго и боровскаго святѣйшаго синода члена Иверскаго монастыря архимандрита Теофилакта и высочайше повелѣвъ посвятить его въ сей санъ гатчинскаго е. в. дворца во придворной церкви, благоволилъ указать учинить ему и нареченіе 23 числа октября въ комнатахъ опаго дворца въ присутствіи е. и. в. Вслѣдствіе чего въ сей день святѣйшаго синода члены собрались въ помянутую придворную церковь, откуда въ предшествіи придворнаго духовенства со святымъ Евангеліемъ, крестомъ и святою водою, вступили въ большую залу, гдѣ по постановленіи на предуготовленномъ присутственномъ столѣ святаго Евангелія и животворящаго креста, и по облаченіи въ надлежащія священныя одежды, ожидали пришествія е. и. в. Между тѣмъ собралась двора е. в. синклитъ, дворянство и чужестранные министры. Когда же е. и. в. въ препровожденіи всей е. в. высочайшей императорской фамиліи изъ внутреннихъ покоевъ выйти изволилъ, тогда встрѣченъ былъ у дверей залы съ животворящимъ крестомъ и препровожденъ къ присутственному столу. По занятіи е. и. в. своихъ кресель, а членами синода съ позволенія е. в. своихъ мѣстъ и по прочтеніи г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и кавалеромъ Дмитриемъ Ивановичемъ Хвостовымъ о томъ всемплоствѣйшемъ пожалованіи высочайшаго е. и. в. указа, началось по чинположенію совершеніе нареченія. Потомъ нареченный епископъ говорилъ е. и. в. приличную рѣчь. затѣмъ, приложась ко кресту и по окропленіи святою водою, подходилъ съ подобающимъ благодареніемъ къ рукѣ е. и. в. По окончаніи сего, святѣйшаго синода членомъ Амвросіемъ, архіепископомъ санктпетербургскимъ, эстляндскимъ и выборгскимъ, святотроицкіи Александроневскіи лавры священно-архимандритомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ произнесена слѣдующая рѣчь:

„Всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій, великій государь императоръ, самодержецъ всероссійскій! Государь всемплоствѣйшій! Черезъ теченіе цѣлаго почти столѣтія омытъ оправдалъ, колико благо, важно, свято и велико есть учрежденіе всероссійскаго синода, предпріятое блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти государемъ Петромъ Великимъ. Ваше и. в. всѣмъ мудрому государю свойственными и крайнему судіи приличными образами споспѣшествуи дѣяніямъ сего священнаго судилища, въ сей же день всемплоствѣйше удостоивъ собраніе присутствія всевысочайшею своею особою, даровали ему новое сіяніе, вѣщую силу и новый духъ къ прохожденію ввѣреннаго ему служенія.

„Сей синодъ по блаженной кончинѣ Петра I, едва ли не въ первый разъ сподобясь такового счастья въ благочестивое и славное царствованіе Павла I, преклоняетъ колѣна сердце и приносить отъ лица всея церкви в. и. в. всеподданнѣйшее благодареніе, коего чувствованія перенося во вся грядущія времена, долгомъ поставляетъ напечатлѣть сіе благознаменитое происшествіе въ памятникахъ своего бытія при всеискренномъ моленіи ко Всевышнему, да продолжитъ онъ дни благословеннаго царствованія в. и. в., яко дніе неба“.

По выслушаніи же сія рѣчи е. и. в. членовъ синода пожаловавъ къ рукѣ, изволилъ съ ея и. в. и ихъ императорскими высочествами пойти въ придворную церковь для слушанія божественной литургіи, а члены синода, оставшіе въ залѣ собранія, учинили и подписали о семъ происшествіи надлежащій журналъ (№ 88).

— Изъ Парижа отъ 14 октября. Въ сегодняшнемъ Редактерѣ содержится слѣдующее: 17 вандеміера (9 октября) генералъ Бонапарте, въ провозжаніи генераловъ Бертье, Лане, Мармона, Мурата и Андреоси, и гражданъ Монже и Бертоля, прибылъ изъ Египта во Фрежу въ южной Франціи, между Тулономъ и Ницею.

8 ноября. Отставленъ отъ службы войска донскаго полковникъ Платовъ (№ 89).

— Е. и. в. флигель-адъютантъ полковникъ Рябининъ назначенъ бригадмаіоромъ по инфантеріи.

— Изъ Парижа отъ 17 октября. Вчера по утру въ 7 часовъ прибылъ Бонапарте въ Парижъ. Контръ-адмиралъ Гантонъ командовалъ флотиліею, на которой возвратился генералъ Бонапарте изъ Египта во Францію. При отъѣздѣ своемъ изъ Египта Бонапарте поручилъ главную тамъ команду генералу Блеберу.

— Изъ Стокгольма отъ 15 октября. Для присутствія свидѣтелями отъ націи при наступающемъ разрѣшеніи отъ бремени нашей младой королевы, призваны сюда 6 верховныхъ чиновниковъ, а именно: Риксъ-Дроць, графъ Вахмейстеръ, государственный канцлеръ графъ Спарре и государственный маршалъ графъ Оксеншерна, вельможа и оберъ-маршалъ графъ Вахмейстеръ, вельможа и президентъ Куркъ и вельможа Браге. Всѣ губернаторы, генералы, полковые шефы и многіе епископы съѣзжаются сюда на сіе празднество. Вельможа и генералъ губернаторъ Помераніи баронъ Платенъ также сюда прибылъ.

— Продается дворовая 17 лѣтъ дѣвка, умѣющая разныя рукодѣлія, золотомъ и въ тамбуръ шить, и филе вязать, да дворовой человѣкъ 19 лѣтъ и поведенія добраго. О цѣнѣ спросить Литейной части въ 4 кварт. подъ № 450 у домоправителя отставнаго прапорщика Андрея Саврасова.

— Сего ноября 3 числа пополудни во 2 часу обронилъ нѣкто на В. О., идучи отъ коллегіи въ 9 линію по набережной, золотомъ съ зеленымъ шелкомъ по черной землѣ шитой бумажникъ, въ коемъ находилось денегъ ассигнаціями 385 р. Нашедшаго сказанной бумажникъ просятъ изъ числа имѣвшихся въ ономъ денегъ возвратитъ хотя половину изъ единого человѣколюбія, такъ какъ сія потеря для него, яко не очень достаточнаго, притомъ семействомъ обремененнаго человѣка—весьма чувствительна, за что тому, кто доставитъ просимое число изъ найденныхъ денегъ въ канцелярію юстиціи

коллегіи католицкаго департамента регистратору Станкевичу, либо живущему въ 10 линіи по набережной на В. О. въ домѣ купца Льва Романова въ 3 этажѣ ассессору Копецкому, воздастся сверхъ того должная благодарность.

— На прибывшемъ сюда изъ Пруссіи кораблѣ, стоящемъ между 7 и 8 линіями, продаются живые карпы, смотря по величинѣ ихъ, разными цѣнами.

11 ноября. Изъ Линдау отъ 17 октября. Вчера побылъ подъ нашъ городъ фельдмаршалъ князь Суворовъ съ своею арміею болѣе 24 тысячъ человекъ. Самъ онъ, великій князь Константинъ Павловичъ и генеральштабъ стали въ Линдау; армія-же расположилась лагеремъ предъ самымъ городомъ (№ 90).

— Говорится пословица: вѣрный слуга въ дому есть сокровище. Итакъ, господа, желающіе имѣть вѣрныхъ слугъ (вѣрныхъ же слугъ всякой господинъ желаетъ имѣть) снѣмъ извѣщаются, что они могутъ доставить себѣ таковыхъ слугъ, купивъ маленькую книжку и подаривъ оную слугъ своимъ, дабы они могли ее читать и почерпать изъ нея наставленія. Сія хорошая и полезная не только для слугъ, но и для каждаго книжка издана подъ заглавіемъ: Нравоучительныя наставленія слугамъ, сочиненіе славнаго Лафатера, съ присовокупленіемъ добрыхъ совѣтовъ о воспитаніи дѣтей и средство къ преусибянію въ добрѣ, 20 коп.

15 ноября. Городъ Гатчино отъ 11 ноября. Сего ноября 11 числа, въ пятницу, было въ здѣшнемъ е. и в. дворцѣ общее правительствующаго сената собраніе, которое удостоилъ государь императоръ высочайшаго своего присутствія. Въ 10 часовъ пополудни здѣсь находившіеся гг. сенаторы, а именно: князь Голицынъ, кн. Щербатовъ 1, кн. Волконской, графъ Шереметевъ, кн. Юсуповъ, Свистуновъ, Ребиндеръ, Шепелевъ, Энгельгардъ, баронъ Васильевъ, кн. Безбородко, Валугевъ, к. Гагаринъ, Сабуровъ, Колокольцевъ, графъ Головинъ, Гуревичъ, Саблуковъ, Державинъ, Говень, Молчановъ 1, г. Головинъ, Кожинъ, Тарбѣевъ, Камнинъ, Трощинскій, Алексѣевъ, г. Ильинскій, Желтухинъ, к. Щербатовъ 2, Челищевъ, генераль-прокуроръ Беклешовъ и оберъ-прокуроры: Козодавцевъ, Рындинъ и Дмитріевъ собрались въ назначенную и приготовленную для сего собранія во дворцѣ комнату. Въ 11 часовъ при шестинъ е. и в. къ той комнатѣ, сенаторы, генераль-прокуроръ и оберъ-прокуроры, встрѣта е. и в. на крыльцѣ, препровождали туда государя императора, шествовавшаго съ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ; послѣ чего е. и в. сѣвъ на свои креслы и повелѣвъ сенаторамъ занять свои мѣста, объявилъ высочайшую свою волю, дабы е. и в. государь наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Александръ Павловичъ присутствовалъ навсегда въ сенатѣ, занимая въ немъ первое мѣсто; вслѣдствіе чего е. и в. занявъ опое, началъ тѣмъ свое въ сенатѣ присутствіе. По открытіи такимъ образомъ засѣданія сената въ высочайшемъ е. и. вел. и его и. выс. присутствіи, читалъ генераль-прокуроръ именныя е. и в. данныя сенату указы, и трактованы были дѣла обыкновеннымъ порядкомъ. Е. и в., окончивъ высочайшее свое присутствіе и вышедъ изъ оного, принималъ отъ сенаторовъ всеподданнѣйшее ихъ благодареніе за удостоеніе сената присутствіемъ своимъ, всмилостивѣйшее жалуя всѣхъ ихъ, генераль-прокурора и оберъ-прокуроровъ къ рукѣ. Послѣ сего засѣданіе сената въ присутствіи е. и в. государя наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Павловича продолжалось слушаніемъ и трактованіемъ дѣлъ

и тогда оберъ-прокуроръ Козодавлевъ читалъ именные е. и. в. указы сенату и высочайше подтвержденные е. и. в. доклады сената. Чтеніе сіе прервано было тѣмъ, что статсъ-секретарь г. тайн. сов. Неплюевъ, вошедъ въ собраніе сената, объявилъ генераль-прокурору высочайшее государя императора благоволеніе въ таковыхъ выраженіяхъ, что е. и. в. вышннимъ засѣданіемъ весьма доволенъ и впредь по дѣламъ, особаго уваженія достойнымъ, присутствовать готовъ; о чемъ чрезъ генераль-прокурора сенату и объявлено. Сенатъ, принявъ такое неопѣненное е. и. в. благоволеніе съ чувствованіемъ всеподданнѣйшаго благодарности и благоговѣнія и окончивъ трактованіе дѣлъ, кончилъ тѣмъ и присутствованіе свое въ часъ пополудня (№ 91)

— Продается книга: Четыре года жизни княгини К. или образецъ супружеской вѣрности, справедливая исторія; цѣна въ папѣ 65 коп. (тамъ же).

— Благороднаго воспитанія и поведенія иностранка желаетъ опредѣлиться для присмотра и хожденія за дѣтми или камеръ-юнгферою для прислугъ какой либо барынь. Жительство имѣеть она во 2-й Мѣщанской подъ № 142 у Банмана (тамъ же).

— Въ состоящій Литейной части въ 5 кварталѣ подъ № 509 домъ потребна для надзиранія за дѣтми мамзель или мадамъ, разумѣющая по французски (тамъ же).

— Семеновскаго полку въ 10 ротѣ подъ № 439 есть продажная 21 годъ дѣвка, которая знаетъ готовить кушанье и мыть бѣлье (тамъ же).

— 18 ноября. Егерскаго корпуса бывшій яхтъ-пажъ Блокъ произведенъ въ инженеръ-поручики съ опредѣленіемъ въ собственное е. и. в. депо картъ (№ 92).

— Изъ Лондона отъ 25 октября... Въ царствованіе Іакова II, англичане снаряжали одно судно для отысканія груза богатаго испанскаго корабля, потонушаго у береговъ южной Америки. Предпріятіе было успѣшно, и спасено 300 тысячъ фунтовъ, которые лежали уже 44 года на днѣ моря. Герцогъ Абермарль получилъ на свою долю 90 тысячъ фунтовъ; 1687 года выдана медаль по сему случаю (тамъ же).

— Изъ Ганау отъ 27 октября... Нѣкто по имени Кале обнаружилъ здѣсь, что изобрѣлъ искусство летать. На сихъ дняхъ сдѣлалъ онъ здѣсь тому опытъ; спустился съ балкона, вышиною въ 80 футовъ, но вмѣсто того, чтобы летѣть, упалъ на землю, расквасилъ себѣ носъ и вышибъ зубы (тамъ же).

— Продается книга: Любомудріе противу мнимыхъ страховъ смерти, въ бумагѣ 10 коп. (тамъ же).

— На Невскомъ проспектѣ, подлѣ католической церкви противъ Милитиныхъ лавокъ, въ книжной лавкѣ подъ № 3, у книгопродавца Федора Свѣтнкова, принимается подписка на Жизнь графа Александра Васильевича Суворова-Риминскаго, обѣихъ имперій генераль-фельдмаршала, цѣна съ вышетами и портретомъ 10 р., а безъ вышетоковъ и портрета 5 р. (тамъ же).

22 ноября. Въ именномъ е. и. в. высочайшемъ указѣ, данномъ г. обер-гофмаршалу Нарышкину минувшаго октября 31 дня за собственноручнымъ е. в. подписаніемъ, изображено: Господинъ оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ! Въ видѣніе ваше къ театральнѣйшей дирекціи всемілостивѣйше опредѣлили мы кол. сов. Капниста съ жалованьемъ по тысячи по пяти сотъ рублей въ годъ изъ кабинета нашего (№ 93).

— Его и. в. всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ за отличное усердіе и ревность къ службѣ находящагося въ командѣ генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго доктора Ениша чиномъ надворнаго совѣтника.

— Сегодня ноября 19 дня, т. е. въ субботу, въ придворной гатчинскаго двора церкви происходило слѣдующее: въ семь часовъ пополудни е. и. в. благочестивѣйшій великій государь императоръ и самодержецъ всероссійскій Павелъ Петровичъ съ высочайшею императорскою фамиліею изволилъ вступить во церковь, гдѣ встрѣченъ былъ членами святѣйшаго синода и придворнымъ духовенствомъ съ животворящимъ крестомъ, потомъ началась божественная литургія, которую совершалъ синода членъ преосвященный Амвросій, архіепископъ санктпетербургскій. По приспѣяніи обычнаго времени, е. и. в. приобщился святыхъ таинъ внутрь алтаря со святого престола, а ея и. в. благочестивѣйшая государыня императрица Марія Ѳеодоровна, его и. в. благовѣрный государь цесаревичъ и великій князь наслѣдникъ Александръ Павловичъ, благовѣрныя государыни великія княгини Елизавета Алексѣевна, Анна Ѳеодоровна, Александра Павловна, Елена Павловна и благовѣрныя государыни великія княжны Марія Павловна и Екатерина Павловна приобщены предъ царскими вратами упомянутымъ преосвященнымъ архіепископомъ санктпетербургскимъ. Антидоръ, теплоту и умывальницу подносили его и. в. и ея и. в. синода члены преосвященные Ириней, архіепископъ псковскій, Павелъ, архіепископъ тверской, и духовникъ е. и. в. протопресвитеръ Исидоръ; а ихъ и. в. антидоръ и теплоту подносилъ синода членъ оберъ-священникъ протоіерей Озерецковскій. По совершеніи литургіи, по прочтеніи благодарственныхъ молитвъ и по поднесеніи животворящаго креста ихъ и. вел. и ихъ и. выс. приносили синода члены и придворное духовенство достождное поздравленіе и жалованы были къ рукѣ.

— Изъ Парижа отъ 20 октября. Мерсье нѣсколько дней тому назадъ поносилъ славу Волтера, представляя его апостоломъ нечестія и разврата. Поборники Волтеровы отвѣчали ему ругательствами. Мерсье возразилъ, что ругательныя слова не суть доказательства, и кончилъ тѣмъ: „или въ 50 лѣтъ Волтеръ будетъ выброшенъ изъ Пантеона, или не будетъ болѣе республика. Понимаете ли меня?“

— Продается портретъ князя Италійскаго графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, обѣихъ имперій генералъ-фельдмаршала, дѣна безъ рамы 3 р., въ рамкѣ за стекломъ 4 р.

29 ноября. Лейбъ-гвардіи преображенскаго полку полковникъ князь Гагаринъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его и. в. (№ 95, приказъ 25 ноября).

— Его и. в. флигель-адъютантъ полковникъ князь Гагаринъ произведенъ въ генералъ-адъютанты (приказъ 26 ноября).

— Дочери кол. ас. Погожева дѣвицѣ Александрѣ, утруждавшей государя императора прошеніемъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ей съ отцомъ за службу его пропитанія, объявляется, что не служащимъ жалованья по закону не опредѣляется.

— Санктпетербургскому мѣщанину Гаврилѣ Бѣлоусову, просившему о скорѣйшемъ въ общемъ собраніи сената рѣшеніи дѣла его о лавкѣ съ куп-

помъ Карповымъ объявляется, что дѣло его стоитъ подъ № 57, слѣдственно, ожидалъ бы онъ рѣшенія въ очередь.

— Изъ Лондона отъ 8-го ноября. Докторъ Браунъ изобрѣлъ и одобрилъ напитокъ, который называлъ бриллиантомъ; оный не только дешевле, но и здорѣе такъ называемаго крѣпкаго нива или портера.

2-го декабря.—Продается книга: Челночекъ или путешествіе къ щастію, переводъ Т. С. Руссова, въ бум. 50 коп. (№ 96).

6-го декабря.—Уволенъ отъ службы капитанъ-командоръ Биллингъ, оставшійся реверсомъ на вѣчное пребываніе въ Россіи съ пенсіономъ получаемаго имъ жалованья (№ 97).

— Предписывается всѣмъ шефамъ полковъ, чтобы въ случаѣ квартированія ротъ особо отъ полку учредили бы при таковыхъ ротяхъ госпитали для пользованія больныхъ, отдѣла все нужное для онаго отъ положеннаго на то въ полку по пропорціи числа людей въ каждой ротѣ и чтобы отнюдь больные не были привозимы въ штабъ для пользованія.

9-го декабря. Е. и. в. объявляетъ свое благоволеніе гарнизоннымъ полкамъ Вырубова, Комнатія и Ольвинцова за ихъ исправность (№ 98).

— Городъ Гатчина отъ 1-го декабря. Совѣтъ е. и. в., по высочайшему повелѣнію, собравшись сегодня въ назначенный для сего засѣданія комитѣ здѣшняго дворца, удостоенъ былъ монаршимъ присутствіемъ. Въ 10 часовъ утра, предъ начатіемъ совѣтныхъ упражненій, государь императоръ изволилъ прибыть съ государемъ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ въ сіе собраніе и объявилъ высочайшую свою волю о всегдашнемъ въ совѣтѣ присутствованіи е. и. в. государя наследника, который, по принесеніи достождождной за то благодарности, заступилъ по повелѣнію е. в. показанное для него первое мѣсто; потомъ принималъ е. и. в. всеподданнѣйшее благодареніе отъ всего совѣта какъ за удостоеніе онаго присутствіемъ священной е. и. в. особы, тако и за доставленіе ему щастія имѣть въ своемъ сословіи государя наследника, причемъ члены совѣта графъ Салтыковъ 1, графъ Сиверсъ, Соймоновъ, Беклешовъ, баронъ Васильевъ и князь Гагаринъ, правитель канцелярій совѣта и секретарь онаго жалованъ былъ е. и. в. къ рукѣ. Потомъ государь императоръ, сѣвъ въ свои кресла, указалъ и всѣмъ присутствующимъ занять ихъ мѣста и начать свое упражненіе, въ продолженіе котораго е. и. в., учинивъ нѣкоторыя по предположенному дѣлу примѣчанія и изъявивъ по оному монаршую свою волю, ко благовѣрноподанныхъ его внонующуюся, отбылъ изъ собранія, а совѣтъ въ присутствіи е. и. выс., занимаясь далѣе помянутымъ дѣломъ, кончилъ засѣданіе во второмъ часу пополудни (тамъ же).

13-го декабря. Генералъ-лейтенантъ Кутлубицкій опредѣленъ въ свиту е. и. в. (№ 99).

16-го декабря. Опредѣлены членами въ военную коллегію генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 1, генералъ-маіоры: князь Горчаковъ 2, Чубаровъ и князь Долгорукій 4. (№ 100).

— Е. и. в. соизволилъ объявить свое благоволеніе генералу отъ кавалеріи графу фонъ-дербъ-Палену за исправность города, какъ по военной, такъ и по полицейской части (тамъ же).

20-го декабря.—Дѣвицѣ Полсиной, дочери умершаго отставнаго брига-

дира, достигшей 20-лѣтняго возраста и по бѣдности своей не могущей выйти замужъ, просящей монаршей милости, и вдовѣ титулярнаго совѣтника Федоровой, просящей о пожалованіи дочери ея на приданое, объявляется, чтобъ онѣ тогда спрашивали на приданое, когда будутъ женихи, представя о нихъ свидѣтельства (№ 101).

— Вдовѣ статской совѣтницѣ Корбіевой, описывающей службу мужа и изобрѣтенную ею траву, врачующую яко-бы отъ сильныхъ конвульсій и апоплексической болѣзни, прошеніе возвращено съ надбраніемъ и со взыска-ніемъ за пересылку вѣсовыхъ пошлинъ.

— Еще есть продажная молодая дѣвка въ Семеновскомъ полку, въ 8-й ротѣ, въ домѣ подъ № 509.

23-го декабря. Изъ Парижа отъ 28-го ноября. Консуламъ была представ-лена на образецъ одежда, съ красною при томъ шапкою. «Сіе столь же мало мнѣ приличествуетъ, сказалъ Бонапарте, какъ и красныя полусапожки, о которыхъ мнѣ уже предлагали». Сей образецъ не принятъ. (№ 102).

— Продаются книги: Ахъ! какъ вы глупы, господа французы, въ пер. 1 р. 30 коп. Бездушный говорящій или повѣсть булавки и ея знакомыхъ, собственное ея сочиненіе, въ 4 част., въ пер. 1 р. 60 коп. (тамъ же).

27-го декабря. Исключенный изъ службы генералъ-лейтенантъ Львовъ всемилоостивѣйше отставленъ отъ службы съ абшидомъ (№ 103).

30-го декабря. Смоленской губерніи рославскаго уѣзднаго предводителя дворянства надв. сов. Борадовицына за поспѣшное отправленіе къ намъ усердствующихъ къ службѣ дворянъ Смоленской губерніи всемилоостивѣйше залуемъ въ коллежскіе совѣтники (№ 104).

— На Петербургской сторонѣ въ малой Разпошиной улицѣ продается домъ подъ № 33, а въ ономъ есть продажная деревенская дѣвка, умѣющая всякую черную работу хорошо исправлять.

— Отъѣзжающіе за границу: Дмитріевъ, тайн. сов. и кавалеръ, жившій у Краснаго моста, въ Гейдемановомъ домѣ. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, дѣйст. тайн. сов., съ супругою Вѣрою Николаевною, жившій въ Морской въ своемъ домѣ. Базъи де-ла-Туръ дю-Пи, съ камердинеромъ своимъ Автономъ Шованжѣ, жившій въ домѣ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 13-го мая 1886 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Мееодія, архіепископа Моравскаго, учрежденъ, въ память Славянскихъ первоучителей, конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 1,500 р. и другой въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ Грековъ, Италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у Словаковъ, у Поляковъ,—польскаго, въ Западной Руси: у Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ,—сербскаго у Хорватовъ. Прослѣдить по возможности со времени Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Сербовъ-Дуначанъ, Поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ известной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатыхъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англій, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльных нарѣчій и поднарѣчій, даже говоронъ, исчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Сочиненія на вышеизложенную тему должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1888 года, безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14-го февраля 1889 года.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 р., за второе же 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстѣншихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если Славянское Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

12 книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная карриатура.

Содержаніе: Записки Штрاندмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг.; разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Вадуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг. зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг. зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Вилепскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исследования и очерки: профес. Д. И. Игловайскаго;— профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бяльбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрия и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г. очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказы правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорпсъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Близъ Мих. Дм. Горчакова: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя сѣтки, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Щербатова, обращались въ своихъ трудахъ къ этимъ матеріаламъ; въ послѣднее время ими пользовался также авторъ исследования «Положеніе въ XV и XVI вѣкахъ» (М., 1877), но еще ранѣе и въ болѣе широкомъ смыслѣ воспользовался ими за первый періодъ существованія означенныхъ отношеній издатель памятниковъ—Г. О. Карповъ, въ своемъ исследованіи «Исторія борьбы Московскаго государства съ польско-литовскимъ» (Чтен. и. о. пет. и древн., 1866, кн. 3 и 4), въ второмъ онъ ясно обозначилъ настоящее историческое значеніе этихъ матеріаловъ, а равно указалъ и роль Ивана III въ дѣлѣ освобожденія Россіи отъ татарскаго ига. Матеріалы эти, преркрасно обрисовывая политику Ивана III, фактически опровергаютъ баснословныя представленія объ немъ изъ важнѣйшихъ актовъ его царствованія—сверженія монгольскаго ига.

Изданіе памятниковъ сопровождается явными и географическимъ указателями, причемъ въ нихъ не только обозначаются обстоятельства упоминанія съ указаніемъ соответственныхъ страницъ, но и даются болѣе точныя опредѣленія лицъ, мѣстъ и т. п., явными и біографическомъ, генеалогическомъ и географическомъ отношеніяхъ.

Въ 42 томѣ заглаживается собраніе бумагъ Екатерины II, извлеченныхъ изъ Государственнаго архива подъ наблюденіемъ П. П. Пекарскаго и Я. К. Грота. Въ вышедшемъ томѣ документа идутъ съ 1789 г. по 1796 г. и представляютъ большой интересъ по отношенію къ важнѣйшимъ внѣшнимъ политическимъ (дѣла турецкія, шведскія, польскія, франц. революція) и внутреннимъ вопросамъ (дѣло Новикова, письма къ Сивиль-де-Медльну о составленіи русской исторіи и др.). Въ заключеніе сборника бумагъ помѣщены письма, записки и наброски, писанные Екатериною къ разнымъ лицамъ и по разнымъ вопросамъ, отчасти неопредѣленные по времени, отчасти же указующіе характеръ замѣтокъ для печати. Въ дополненіе къ изданному собранію бумагъ Общество предприняло изданіе распоряженій и мѣръ, принятыхъ Екатериною по внутреннему управленію Имперією; съ этою цѣлью оно начало печатать матеріалы, извлеченные изъ Архива Правительства въ Петербургѣ. Въ вышедшемъ 42 томѣ помѣщены документы лишь съ 28

іюня 1762 г. до начала августа того же года.

43-й томъ «Сборника» составляетъ 6-й томъ матеріаловъ по Екатерининской комиссіи и заключается въ себя наказы депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ комиссію уложенія, а именно наказы: сената, синода, коллегій, главнаго магистрата, главной полиціи, ямской канцеляріи, академіи наукъ, канцеляріи коншекаціи, канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, канцеляріи таможенныхъ сборовъ, канцеляріи опекуства иностранныхъ, суднаго приказа. Къ сожалѣнію въ матеріалахъ архива II отд. Е. В. канцел. оказались пробѣлы въ некоторыхъ документахъ и проф. Султевичу, издавшему настоящій томъ, не удалось розыскать ихъ въ другихъ архивахъ.

Томъ 45-й весь занятъ финансовыми документами съ 1796 по 1825 годъ, обнимающими росписи о государственныхъ доходахъ и расходахъ за означенное время и отчеты объ исполненіи росписей съ 1801—1825, собранныя и приготовленныя для изданія А. Н. Куломзинимъ. Такимъ образомъ онъ служитъ продолженіемъ тѣхъ же матеріаловъ, отпечатанныхъ прежде въ «Сборникѣ»; кромѣ того въ вышедшемъ томѣ помѣщены планы финансовъ М. М. Сперанскаго, относящіяся къ 1810 г., обсужденіе котораго вошло въ журналы Государственнаго Совѣта, изданные подъ ред. Н. В. Калачова (Арх. Госуд. Сов.), гдѣ напечатаны также и другіе журналы Совѣта, касающіеся изданныхъ росписей. Такимъ образомъ оба означенныя изданія взаимно дополняютъ другъ друга.

Томъ 47-й—заключаетъ въ себя собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ Н. О. Дубровинимъ. Первую половину составляютъ бумаги И. И. Булгакова, состоявшаго русскимъ посломъ въ Турцію въ 1779—89 гг. и чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Польшу съ 1790—92 г., въ трудный періодъ отношеній Россіи къ обѣимъ державамъ; вторая половина отведена бумагамъ Кречетникова, Каховскаго и др., также относящимся къ польскимъ дѣламъ въ 1792 году. Оба собранія, по важности событій, изображаемыхъ въ нихъ, представляютъ значительный историческій интересъ. В. С. И.—въ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъячскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвмы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Тайная канцеларія въ царствованіе Петра I. Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ, IV—VI. Сообщ. Н. М. В.	347	VIII. Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг. Замѣтки изъ Запискамъ Я. А. Соловьева. Сообщ. Николай М. Колмаков	467
II. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг.	365	IX. Первые страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг. Сообщ. Г. Джантievъ	481
III. Девятнадцатый годъ въ запискахъ Баряры Ивановны Бакуниной	391	X. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг.	495
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ	411	XI. Фeдopъ Михайловичъ Достоевскій: его отправка въ Сибирь и пребываніе въ Омскѣ, 1850—1854 гг.	511
V. Записки И. И. Мердера, воспитателя цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. VIII IX.	429	XII. 14-е декабря 1825 г.	521
VI. Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг. Дневникъ бывшаго нач. артлл. парка въ южной и крымской арміи, г.-м. А. Г. Духонина	445	XIII. О возобновеніи памятника на общей могилѣ Волынскаго, Ерoлннн и Хрущова, † 27 іюня 1740 г.	466
VII. Докт. Зейдлицъ и Н. И. Пироговъ: письмо Зейдлица проф. Н. И. Пирогову, 19 окт. 1854 г. Сообщ. В. Ф. Здекауеръ	461	XIV. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ въ Волѣ почивающаго императора Александра Николаевича въ бытность его наследникомъ цесаревичемъ. Гравировалъ И. И. Матушинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

„СЛОВО И ДѢЛО“, очерки и рассказы М. И. Семевскаго, изъ эпохи Петра Великаго, изданіе третье, съ рисунками вытокъ. Цѣна ДВА руб. съ перес.
„ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“, 1690—1724 гг., историческій очеркъ М. И. Семевскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екаѳеринскій каналъ, д. № 78.

1885.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1885 г.

Исторія С.-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ, 1703—1782. Соч. П. Н. Петрова. Изд. И. И. Глазунова. Спб. 1885., стр. 848 + 246, съ планомъ. Ц. 8 руб.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что его трудъ — плодъ долгихъ работъ и что онъ задумалъ по возможности очертить и выставить на видъ все стороны столичнаго быта. Въ этомъ до известной степени убѣждаютъ самый объемъ труда, количество смысловъ (мелкимъ шрифтомъ) и указатель, приложенные въ концѣ. Система изложенія автора самая простая. Вначалѣ онъ говоритъ, притомъ весьма подробно, о всѣхъ трудахъ, предшествовавшихъ его книгѣ по описанію Петербурга, а затѣмъ излагаетъ судьбы новой русской столицы по царствованіямъ, внося въ свое описаніе все, что такъ или иначе соприкасалось съ жизнью города и правительственными лицами, пребывавшими въ немъ. Вълѣдствіе такой постановки дѣла, въ трудъ его вошло много такихъ общихъ фактовъ, которые могли бы съ пользою быть опущены. Самое изложеніе этой массы фактовъ крайне затруднительно для читателя, ищущаго не всегда одной новизны сообщаемыхъ данныхъ и матеріаловъ; авторъ же предпочелъ слѣдовать исключительно лѣтописному порядку, отчего неизбѣжно являются повторы и излишнія подробности. Напрасно авторъ такъ рѣзко относится къ некоторымъ изъ своихъ предшественниковъ (Миллеръ, Шторхъ), едѣлавшихъ безъ сомнѣнія въ свое время свое дѣло, по мѣрѣ силъ. Въ своемъ трудѣ авторъ воспользовался многочисленными рукописными источниками, извлеченными изъ петербургскихъ и московскихъ архивовъ, и тѣ части его труда, въ которыхъ идетъ рѣчь о распространеніи и развитіи города, о постановленіяхъ и распоряженіяхъ, касавшихся ихъ, и т. п., заслуживаютъ наиболѣе вниманія. Въ этомъ отношеніи автору удалось собрать множество весьма цѣнныхъ данныхъ. Но онъ напрасно иногда вдается въ оцѣнку такихъ обстоятельствъ, которая къ его предмету вовсе не имѣютъ отношенія (стр. 664, прим. 626), тѣмъ болѣе, что въ 10—20 строчкахъ едва ли можно представить достаточныя данныя, въ

особенности послѣ того, какъ о нихъ было высказано сужденіе такимъ объективнымъ историкомъ, какъ Соловьевъ. Здѣсь не кстати можно припомнить известное итіе его объ актахъ смутной эпохи...

Въ заключеніе упоминаетъ, что имѣется отличн. трудъ проф. Датиана, обнимающій исторію Петербурга съ того момента, гдѣ остановился авторъ, подъ заглавіемъ: Столѣтіе С.-Петербургскаго городского общества, 1785—1885 г. Изд. Спб. Гор. Думы (Спб., 1885, 403 стр., ц. 2 р.), въ которомъ дѣлается опытка жалованной грамоты 1785 г. и затѣмъ рассматривается исторія городскихъ учреждений Петербурга и состояніе городского хозяйства столицы въ послѣдующій періодъ.

Кромѣ того, при книгѣ приложены городскія росписи въ теченіе XIX вѣка и портретъ Екатерины II 1784 года. Почти одновременно въ Москвѣ появился 1 томъ обширнаго труда, изданнаго Московскою Городскою Думою, подъ редакціею вѣстнаго археолога Н. Е. Забѣлина: Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы (1387 стр.), М. 1885, основанный на множествѣ архивныхъ матеріаловъ. Пожелаемъ, чтобы и другіе наши болѣе выдающіеся города, по своей древности и современному значенію, подарили науку столь же цѣнными трудами во части своей исторіи.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. III. Изслѣд. И. И. Дубасова 1884 г., 191 стр., ц. 1 р. 50 к.

Намъ приходилось говорить болѣе подробно объ этомъ изданіи, по поводу предидущихъ выпусковъ его, а потому здѣсь мы отмѣтимъ только содержаніе настоящаго выпуска. Въ началѣ книги помѣщена древняя тамбовская лѣтопись 1636—1708 г., пополненная по московск. матеріаламъ архива мѣн. юстиціи и друг. мѣстнымъ извѣстіямъ; набѣги калмыковъ въ XVII в.; Булавинское движеніе въ тамбовскомъ краѣ; тамбовскія дѣла XVIII в.; тамбовская епархія 1787—1821; селеніе въ монастыряхъ тамбовской епархіи; наконецъ духовныя училища 1850—1860 гг. XIX стол. Въ этихъ главахъ авторъ руководствовался преимущественно матеріалами архива Шацкой канцеляріи губернскаго правленія, окружнаго суда, тамбовской духовной канцеляріи и собствен-

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ВЪ 1833 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1885 Г.

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I.

Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

IV¹⁾.

Михаилъ Карнауховъ.

1720—1723 гг.

[Окончаніе].

Да смолянинъ-де Наумъ Поляковъ доносилъ въ преображенскомъ приказѣ на смоленскихъ поповъ, а какихъ не знаетъ, которые говорили про его царское величество непристойныя слова; и розыскиванъ де онъ, Поляковъ, въ томъ пятю, а попы были не сысканы, и онъ-де, Поляковъ, казненъ смертію, въ прошломъ 1720 году; то было при немъ же, Карнауховѣ, какъ держался онъ въ Преображенску. Да какъ де онъ, Карнауховъ, держался въ московскомъ надворномъ судѣ, въ то время, приходя, сказывалъ ему таможенный солдатъ Семень Солтановъ, что доносилъ онъ въ прошлыхъ годахъ (а въ которыхъ—того ему, Карнаухову, не сказалъ) бывшему московскому вице-губернатору Василью Ершову на полковника Колычова, который съ Краснаго крыльца изъ казны забралъ къ себѣ въ домъ пятьсотъ знаменъ, пятьсотъ шпагъ, пятьсотъ фузей, да двери позолоченныя; и по тому-де его доношенію у того Колычова вышенисанное все въ домѣ вынято; а изъ тѣхъ-де знаменъ дѣлалъ онъ, Колычовъ, дѣвкамъ своимъ бостроги и юбки, и на лошадей шоры, и потомъ-де то все въ губерни-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 185—208.

скої канцеляріи уничтожено; а палата-де на Красномъ крыльцѣ (въ которой бывали караульные полковники) крыта была мѣдью, и та мѣдь съ той палаты похищена, о чемъ на того жъ Колычева доносили Ершову же онъ же, Солтановъ, и то-де уничтожено жъ; а больше того къ показанію онъ, Карнауховъ, ничего не имѣеть; а въ прежнемъ де разспросѣ о вышеписанныхъ вновь показанныхъ причинахъ онъ, Карнауховъ, не показалъ того ради, что о томъ хотѣлъ донести самому его царскому величеству, когда бъ получилъ время».

Это показаніе Карнаухова, затрогивавшее многихъ, при томъ же весьма важныхъ и вліятельныхъ лицъ, доставило судьямъ тайной канцеляріи одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ, гдѣ они могли заявить свое усердіе, свою страшно суровую дѣятельность... Съ начала 1721 г. началось изслѣдованіе.

Прежде всего въ канцелярію вызванъ былъ изъ Москвы дьяконъ Онуфрій Степановъ, на котораго, въ числѣ другихъ лицъ, сослали въ своемъ показаніи Карнаухова.

Дьяконъ Онуфрій показалъ и на очной ставкѣ съ Карнауховымъ подтвердилъ, что онъ никогда не говорилъ, будто казанскій губернаторъ Салтыковъ беретъ взятки; «а сказывалъ-де ему, дьякону, симбирянина, гостиной сотни Ивана Андреева бывший приказчикъ, Ѳедоръ Григорьевъ, сынъ Горшокъ, а ему, дьякону, кумъ; губернаторъ казанскій Алексѣй Салтыковъ взялъ съ дворянина 500 рублей, а за то де доносителю ночью отсѣкъ голову, а какое дѣло было, о томъ онъ, Ѳедоръ, не выговорилъ, да онъ же, Горшокъ, говорилъ: тотъ же де помянутый дворянинъ молвилъ: лучше-бъ де у короля шведскаго служить, нежели въ Петербургъ ѣхати; а тѣ де слова помянутый Горшокъ ему, дьякону, сказывалъ въ домѣ отца его дьяконова, дьяка Степана Большаго, наединѣ, и кромѣ оныхъ словъ онъ, дьяконъ, отъ Ѳедора Горшка другихъ никакихъ не слыхивалъ». Однако же скоро Онуфрій признался, что онъ передавалъ Карнаухову о дѣлѣ какого-то дворянина и о казни Салтыковымъ доносчика на него; но что все это онъ слышалъ отъ кума своего Ѳедора Горшка. А что въ прежнемъ разспросѣ показано, будто губернаторъ казанскій взялъ съ дворянина 500 руб., «то онъ, Онуфрій, сказалъ безпамятствомъ»: означенныя деньги дворянинъ предлагалъ доносителю, а вовсе не губернаторъ взялъ ихъ съ дворянина.

Тайная канцелярія предписала дьяку Палехину, находящемуся въ Москвѣ, чтобы онъ розыскалъ Ѳедора Горшка и допросилъ его,—а также немедленно вытребовалъ бы изъ Казани подлинное дѣло о дворянинѣ.

Скоро Ѳедоръ Горшокъ былъ найденъ и «разспрашиванъ тайно». Днося о результатахъ этого допроса и другихъ лицъ Ушакову, Палехинъ извѣщалъ, что Горшокъ и оговоренный имъ Леонтій Борисовъ «содержатся у него въ канцеляріи порознь, подъ крѣпкимъ карауломъ». Испросивъ, затѣмъ, разрѣшенія, какъ съ этими лицами поступать, Палехинъ приписалъ, что дѣло изъ Казани отъ губернатора Салтыкова къ нему прислано, «изъ котораго учиня выписку, и то подлинное дѣло пришлю къ вашему благородію, впредь не умедля».

Ѳедоръ Горшокъ показалъ, что онъ крестьянинъ села Сергіевскаго Симбирской губерніи и былъ приказчикомъ на винномъ заводѣ купца Ивана Андреева. Въ 1717 г. Ѳедоръ подалъ въ Симбирскѣ на Андреева доносъ «въ разныхъ его преступленіяхъ»; черезъ годъ доносъ этотъ, вмѣстѣ съ самимъ Ѳедоромъ, отосланъ былъ въ Казань къ губернатору Салтыкову: а такъ какъ здѣсь не послѣдовало никакого рѣшенія по этому дѣлу, то онъ, Ѳедоръ, отправился для доношенія въ Москву». Здѣсь встрѣтился онъ съ приказчикомъ вице-губернатора Ершова, Леонтьемъ Борисовымъ, и между разговорами спрашивалъ онъ, «Горшокъ, его, Леонтья, что можно ли ему, Горшку, за своимъ дѣломъ ѣхать въ Казань, и онъ, Леонтій, говорилъ ему, чтобъ онъ въ Казань не ѣздилъ,—пропадешь-де напрасно, безъ всякаго суда; зналъ ли-де Петра Онучина, который живалъ въ Каминкѣ у Репьевыхъ приказчикомъ, что помѣщикъ его, Репьевъ, пожитки у него, Онучина, всѣ обобралъ за то, что жаловался онъ, Онучинъ, помѣщику своему, Репьеву, на дядю того помѣщика своего въ обидѣ, и во взятъ хлѣба и скота, и тотъ де его, Онучина, помѣщикъ Репьевъ перевезъ его, Онучина, съ собою въ село Веденское, что слыветъ Беденга, въ которой его, Репьева, дача, обще съ Васильемъ Ершовымъ, въ которой помянутый его, Ершова, приказчикъ Леонтій Борисовъ жилъ,—и на своемъ-де помѣщиковомъ дворѣ того Онучина билъ, и въ тѣхъ-де побояхъ кричалъ онъ, Онучинъ, и сказывалъ за собою слово государево, и тотъ-де крикъ онъ, Леонтій, будучи на своемъ дворѣ, слышалъ; и при томъ-де съ нимъ, Леонтьемъ, былъ помѣщика его, Василья Ершова, братъ родной и бивъ-де его, Онучина, тотъ помѣщикъ посадилъ въ амбаръ передъ вечеромъ; и онъ де, Леонтій, подумавъ, съ тѣмъ Ершовымъ братомъ, и на другой день поутру пошли на тотъ Репьева дворъ, и того приказчика, Петра Онучина, изъ амбара вывели и отвезли въ Казань, и оный де помѣщикъ его, Петровъ, поѣхалъ за ними въ Казань; и привезши въ Казань онъ, Леонтій, того Онучина отдалъ въ губернскую канцелярію, и тотъ-де Онучинъ говорилъ на дядю того помѣщика своего, что тотъ-де дядя его, помѣщиковъ, говорилъ такія слова: охъ-де С.-Петербургъ, лучше бь дѣти его служили у шведскаго короля, не-

желя-де въ С.-Петербургѣ были, уже-де запасу и денегъ посылалъ къ нимъ много, да мочи-де его не стало,—и показалъ-де онъ, Онучинъ, въ томъ многихъ свидѣтелей, и изъ тѣхъ-де свидѣтелей одинъ былъ въ Казани сысканъ, и съ нимъ, Онучинымъ, пытаны, и съ пытки-де тотъ Онучинъ говорилъ тѣ же слова,—а другіе-де свидѣтели на очную ставку были не поставлены; а при томъ розыскѣ были фискалы, и при томъ же-де розыскѣ подходилъ къ нему, Онучину, помѣщикъ его Репьевъ и говорилъ ему, Онучину, чтобъ онъ съ дяди его смолвилъ, и пытали-де его, Онучина, жестоко, и онъ-де, Онучинъ, не стерпя оной пытки, по словамъ того помѣщика своего, съ дяди его смолвилъ; а фискалы-де тому помѣщику его въ томъ спорить не смѣли; и послѣ-де того розыску вскорѣ тому Онучину въ Казани на площади отсѣкли голову не обычно, подъ вечеръ, и знатно-де то дѣло не уничтожится, потому что-де было при фискалахъ, да знатно-де сдѣлано чрезъ великую дачу, мѣшковъ-де пять дано, и подвели-де тому, Онучину, лицо,—что смолвилъ такое, что въ уложеніи-де напечатано, что кто на кого въ чемъ будетъ говорить, а послѣ того сговорить, и тому велѣно-де чинить то жъ, въ чемъ на кого онъ говорилъ, для того и сдѣлано скоро. Да въ нынѣшнемъ 1721 году въ генварѣ или февралѣ мѣсяцѣ онъ, Ѳедоръ Горшокъ, бывши у дьяка Большаго, слышалъ отъ двороваго человѣка Григорія Васильева Крюкова о сынѣ Петра Онучина, именно о желаніи его ѣхать въ С.-Петербургъ, для доноса на помѣщика своего Репьева, по дѣлу отца его Петра Онучина, и какъ тотъ Репьевъ уговаривалъ его сына Петра Онучина ласково не жаловаться. И жилъ сынъ Онучина у помѣщика своего въ Сарайской вотчинѣ, потомъ его послалъ помѣщикъ въ другую вотчину въ Симбирской уѣздъ, и не велѣлъ захватить къ какой-то бабѣ, грозя его убить, въ случаѣ, если застанеть его у той бабы,—что и исполнилось; помѣщикъ его засталъ у бабы, билъ дубиною, и зарылъ снѣгомъ; а на другой день едва живаго отправилъ въ помянутую симбирскую вотчину съ крестьяниномъ, и на дорогѣ онъ, сынъ Онучина, умеръ. Помѣщикъ же Репьевъ отправился въ вотчину, гдѣ была жена умершаго, и выдалъ ту жену за другаго крестьянина, обѣщаясь и родъ весь Онучиныхъ перевести; а больше того съ нимъ, Крюковымъ, разговоръ у него, Ѳедора, не было; гдѣ же теперь тотъ Крюковъ онъ не знаетъ.

Леонтій Борисовъ показалъ, что онъ дѣйствительно передавалъ Ѳедору о несчастной судьбѣ Онучина, а слышалъ это отъ одного изъ его сыновей.

Дворовый человѣкъ Григорій Крюковъ сказалъ только, что объ убійствѣ сына Онучина, помѣщикомъ его Репьевымъ, онъ слышалъ отъ крестьянъ послѣдняго.

Черезъ нѣсколько времени прислано было Палехинимъ полученное отъ казанскаго губернатора подлинное дѣло о Петрѣ Онучинѣ.

Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: помѣщикъ села Беденги, казанскаго уѣзда, и деревни Кашинки, симбирскаго уѣзда, подпоручикъ Осипъ Репьевъ подалъ, въ июнѣ 1719 г., жалобу казанскому губернатору Салтыкову на своего крѣпостнаго человѣка Петра Онучина въ томъ, что онъ, состоя въ его помѣстьяхъ приказчикомъ, «хлѣбъ всякій распродалъ и пропилъ, также лошадей и скотину всякую поморилъ безгодно, а столовые припасы разворовалъ», и затѣмъ сбѣжалъ. Крестьяне Репьева поймали Онучина и представили въ село Беденгу. Сидя «за сторожею», однажды въ полночь «кричалъ онъ караулъ и сказывалъ за собою государево слово». Послѣ этого Репьевъ представилъ Онучина въ губернскую канцелярію.

Здѣсь Онучинъ разсказалъ, что однажды къ дядѣ его помѣщика, Афанасью Репьеву, пріѣхали «отъ внучать изъ арміи люди,—Григорій Балашонко съ товарищи», чтобъ дядя прислалъ своимъ внучатамъ «запасу», «и онъ, Афанасій Репьевъ, на тѣ слова говорилъ: тошно-де мнѣ отъ посылокъ тѣхъ запасовъ; стало умно-де сынъ его, Алексѣй Репьевъ, сдѣлалъ, что отѣхалъ въ иную сторону, къ шведу». При этомъ были сынъ Репьева Иванъ, Афанасій Коппинъ, да онъ, Петръ, съ Балашонкомъ. Затѣмъ о помѣщикѣ своемъ Осипѣ Репевѣ сказалъ, что онъ ведетъ безнравственную жизнь,—«а крестьянамъ помѣщика своего никакихъ обидъ и раззоренія не чинивалъ и отъ помѣщика никогда не бѣгивалъ». Когда же въ селѣ Беденгѣ посадили его, Петра, «не вѣдомо за что за караулъ, и сидя-де подъ тѣмъ карауломъ, ночью порою онъ караулъ кричалъ ли и слово государево за собою сказывалъ ли, про то-де онъ, Петръ, не упомянуть, понеже отъ страху того караула сидѣлъ въ безпамятствѣ; а про указъ царскаго величества, что кромѣ того ежели кто вѣдаетъ умышеніе на царское здоровье, и о бунтѣ и измѣнѣ слова государева никому ни о чемъ за собою сказывать не велѣно, онъ, Петръ, не вѣдалъ, понеже человѣкъ безграмотный, и слышать-де ему про тотъ указъ ни отъ кого не случилось; а въ вышеозначенномъ-де что доносить онъ нынѣ на помѣщика своего и на прочихъ, напредъ сего нигдѣ онъ, Петръ, не доносилъ, опасаясь помѣщика своего, и въ той-де его винѣ воленъ великій государь».

Онучина съ оговореннымъ имъ Григоріемъ Балашонкомъ привели въ застѣнокъ, гдѣ «Онучинъ пытанъ и жженъ клещами,—а съ пытки онъ говорилъ, что какъ Балашонка, который будто-бы передавалъ ему о непристойныхъ словахъ, сказанныхъ Афанасьемъ Репьевымъ, такъ и помѣщика своего оговорилъ напрасно, потому что у послѣдняго стало быть ему изнуреніе».

Григорій Балашонокъ показаль, что никакихъ словъ не говорилъ Онучину.

Стали Онучина пытатъ во второй разъ и онъ опять признася, что на оговоренныхъ имъ лицъ «поклепаль напрасно»; дана очная ставка въ застѣнкѣ съ Балашонкомъ—результатъ вышелъ тотъ же самый. Пытали Онучина еще..... И въ ноябрѣ 1719 г. «по указу великаго государя губернаторъ Салтыковъ съ товарищи приказали Петра Онучина въ томъ, что онъ доносилъ на Афанасья Репьева, объ отъѣздѣ сына его къ шведу, въ чемъ Репьевъ и человекъ его, Балашонокъ, запирались, а Онучинъ былъ пытавъ, а съ пытки принесъ повинную, что Репьева и человека его поклепаль напрасно, сердясь на помощника своего Осипа Репьева, наконецъ Онучину дана очная ставка съ Балашонкомъ, и на очной ставкѣ тоже винился, что поклепаль напрасно—ни объ отъѣздѣ Алексѣя Репьева къ шведу, ни о посылкѣ запасу и пр. словъ у него не было; то же самое сказалъ онъ, Петръ Онучинъ, и съ третьей пытки. И потому на основаніи уложенія 2 гл. 2 статьи, гдѣ говорится о наказаніи измѣнниковъ, и 17 статьи, гдѣ говорится о ложныхъ доносителяхъ,—и по указу е. и. в. Петра Онучина за ложный извѣтъ казнить смертію—отсѣчь голову».

Въ юлѣ 1721 г. тайная канцелярія опредѣлила: «людей, которые говорили про дѣло, бывшее въ Казани о губернаторѣ Салтыковѣ, діакона Онуфрія отослать въ синодъ, понеже до него важности нѣтъ по тому дѣлу не касается; а симбирянина гостинной сотни Иванова, прикащика Андреева Ѳедора Горшка и Ершова человека Леонтія Борисова, кои держатся въ Москвѣ у дьяка Палехина, отдать на росписки».

Послѣ этого въ тайной канцеляріи началось дальнѣйшее производство по показанію Карнаухова. Мы видѣли, что, оговаривая во взяточничествѣ Салтыкова, въ бытность его московскимъ губернаторомъ, Карнауховъ сослался на сына попа села Колычева, Василья Ларионова, а говоря о нѣкоторыхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ князя Ромодановскаго сослался на какого-то Орлова и неправильно рѣшенные дѣла въ преображенскомъ приказѣ. Отыскали Василья Ларионова и навели справку въ канцеляріи о колодникѣ Орловѣ.

Василій Ларионовъ показаль, что однажды Салтыковъ набиралъ поповичей въ плотники, «собрано-де ихъ было съ 500 человекъ,—и сидѣли въ острогѣ нѣсколько недѣль, изъ которыхъ выбрано 100 человекъ, которые и посланы въ С.-Петербургъ,—а достальные освобождены, изъ которыхъ и онъ за болѣзнію (что у него у лѣвой ноги икру собака выѣла) освобожденъ же; а ста-де рублей отецъ его Ва-

силъевъ, погъ Ларіонъ, оному Салтыкову ни за что не давалъ, также и другія ему, Салтыкову, какія дачи давали-ль и кто именно не знаетъ,—и такихъ-де словъ тому Карнаухову, что будто означенный Салтыковъ съ отца его взялъ сто рублей, никогда онъ, Василій, не сказывалъ».

Справка объ Орловѣ обнаружила, что онъ «доноситель изъ Ярославля»; зовутъ его Яковомъ, «шведской природы», и содержится нѣсколько времени въ тайной канцеляріи по какому-то дѣлу. Въ числѣ другихъ его показаній значитъ такое: колодникъ преображенскаго приказа Никита Тюкинъ сказывалъ ему, что прикащикъ Ромодановскаго «держитъ въ вотчинѣ кубанцевъ, булавинцевъ и бѣглыхъ солдатъ, и въ томъ-де имъ, Тюкинымъ, розыскивано семью, и стоитъ въ одномъ. И тотъ-де прикащикъ не сысканъ; а подлинно-ль такъ, о томъ онъ, Орловъ, самъ не вѣдаетъ». Кромѣ того другой колодникъ, со словъ посадскихъ людей города Переяславля, передавалъ ему, Орлову, что будто бы «какіе-то люди хотятъ ц. величество убить до смерти».

Тайная канцелярія предписала преображенскому приказу, чтобы онъ прислалъ «выписки», какъ объ этихъ двухъ дѣлахъ, такъ и о дѣлахъ, упоминаемыхъ въ показаніи Карнаухова.

Однако же, нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, какъ видно изъ описываемаго документа, не были присланы въ тайную канцелярію, представлено было только дѣло «по доношенію на москвича гостиной сотни Дмитрія Марьинцова».

Дѣло это заключается въ томъ, что подполковникъ казанскаго гарнизона Савенковъ донесъ въ преображенскій приказъ, будто Марьинцовъ однажды говорилъ, что «государь велѣлъ разстрѣлять напрасно маіора Волконскаго», и послѣдняго сожалѣлъ. Марьинцовъ утверждалъ, что такихъ словъ никогда не говорилъ. Спрошенные по настоящему случаю свидѣтели показали различно. На пыткѣ Марьинцовъ говорилъ: «такія слова, что маіоръ Волконскій разстрѣлянъ напрасно, онъ, Марьинцовъ, говорилъ ли—не помнить, потому что былъ пьянъ». За такія «непристойныя слова учинено Марьинцову наказанье: бить кнутомъ нещадно и освобожденъ».

Пока производились всѣ эти справки, розыски, переписка съ разными лицами и учреждениями наступилъ октябрь 1722 года. 20-го числа этого мѣсяца Карнауховъ заявилъ, что «въ казармѣ, гдѣ онъ держится, колодникъ Еюимъ Санинъ говорилъ вслухъ такія слова: въ государѣ-де нашемъ правды не стало-быть: кто-де на кого доносить, а онъ тѣмъ-же отдаетъ подъ судъ; а нынѣ-де кто ему, Санину, не станетъ сказывать, что хотятъ-де его, государя, убить, или зарѣ-

зять, о томъ-де онъ, Санинъ, доносить не станеть,—хотя-де велать ему руки и ноги отрубить, доносить о томъ не будетъ, для того, что женишка-де моя, и дѣти, и домишко раззорились,—онъ-де государь и самъ будетъ хуже вора, и онъ-де какой государь, онъ-же-де человекъ неправдивый, и при томъ-де были свидѣтели той же казармы караульный солдатъ, да колодники, по именамъ всего 6 человекъ».

Ефимъ Санинъ, подтвердивъ этотъ извѣтъ Карнаухова, объяснилъ, что раззорился онъ по милости князя И. О. Ромодановскаго,—а что «въ государѣ нашемъ правды не стало быть» и не будетъ доносить о злоумышленіяхъ на жизнь государя, «то говорилъ въ такую силу, что онъ, Санинъ, уже восьмой годъ держится подъ карауломъ; и при тѣхъ словахъ разсуждалъ о евангельскихъ словахъ: въ ню же мѣру мѣрите, да возмѣрится и вамъ».

Свидѣтели, въ числѣ 20-ти человекъ, о всемъ этомъ отозвались незнаемъ.

Извѣты Карнаухова относительно всѣхъ лицъ, кромѣ Санина, оказались ложными и въ февралѣ 1723 года тайная канцелярiя опредѣлила: «бывшему пѣвчему Михаилу Карнаухову, за ложные его воровскіе доносы на боярина Алексѣя Салтыкова, на князя Ромодановскаго,—и на преображенскій приказъ, вмѣсто смертной казни, бить его, Карнаухова, кнутомъ нещадно, и послать въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь съ нарочнымъ отъ гвардіи унтеръ-офицеромъ или капраломъ, и содержать его, Карнаухова, въ томъ монастырѣ скована до его смерти неисходно; а что было ему, Карнаухову, надлежало учинить смертную казнь,—и отъ того онъ за доказаніе его на Еюима Санина въ непристойныхъ словахъ освобождается.

V.

Огнепоклонникъ.

1722 г.

Извѣстный намъ бывший пѣвчій царевны Екатерины Алексѣевны, Михаилъ Карнауховъ ¹⁾, во время содержанія колодникомъ въ тайной канцелярiи, 20 февраля 1722 года заявилъ, что «колодникъ бѣглый солдатъ Яковъ Коноваловъ молится солнцу и огню и называетъ Богомъ, а Христа Бога нашего называетъ: онъ де идолъ, мужичій сынъ, а не Христось. А е. и. в. называетъ идолопоклонни-

¹⁾ См. IV разговоръ: „Михаилъ Карнауховъ“.

вомъ, и святыхъ угодниковъ божіихъ называетъ идолами, и христіанъ всѣхъ идолопоклонниками-жь называетъ и хочеть угодниковъ святыхъ и христіанъ перерубить и сжечь. Онъ-же-де говорилъ: блаженныя-де памяти царь Иванъ Васильевичъ молился солнцу и огню, и они-де ему помогали, и завоевалъ-де онъ Казань и Астрахань. Да про его-де и. в. говорилъ: онъ де солнцу и огню не молится, и какъ-де ходилъ на турецкую акцію, въ то время самъ было-де пропалъ и войско потерялъ. Да про его жъ величество говорилъ: хотя де онъ съ шведомъ и помирился, да я-де еще не помирился: наберу-де войско и пойду, и шведскаго короля и турецкаго султана живыхъ поберу.

«А тѣ-де его, Коновалова, всѣ слова слышали колодники-жь: князь Борисъ Ухтомской, доноситель Яковъ Орловъ, бѣглые солдаты Иванъ Мясниковъ, Иванъ Подорвановъ».

Яковъ Коноваловъ, равно какъ и лица, указанныя Карнауховымъ, какъ свидѣтели, были допрошены.

Коноваловъ показалъ, что онъ изъ крестьянъ, бѣглый рекрутъ п въ с.-петербургской гарнизонной канцеляріи «за побѣгъ приговорено ему учинить смертную казнь». Затѣмъ относительно обвиненій, взведенныхъ на него Карнауховымъ, Коноваловъ говорилъ, что только нѣкоторыя изъ нихъ онъ признаетъ справедливыми. А именно: «вѣруеть-де онъ, Коноваловъ, и покланяется солнцу и называетъ его сынъ Божій, пресвятая Богородица, Іоаннъ Богословъ, а мѣсяцъ Господь Богъ Саваофъ, отецъ Іоакимъ и Анна; огонь царь на земли отъ Господа Бога взять, отъ гроба Господня; а наученъ о томъ отъ отца своего и отъ матери, которые померли; а во Христа Бога нашего онъ вѣруеть и святымъ иконамъ покланяется, и въ церковь ходитъ; про Христа Бога нашего: онъ-де идолъ, мужичій сынъ—не говаривалъ.

«Его и. в. идолопоклонникомъ, угодниковъ божіихъ идолами, христіанъ всѣхъ идолопоклонниками не называлъ, и рубить, и жечь ихъ, угодниковъ и христіанъ, не хотѣлъ, и словъ такихъ не говаривалъ. А колодникъ-де Ухтомской называлъ его идолопоклонникомъ, что солнцу и огню покланяется, на что-де онъ, Коноваловъ, въ отвѣтъ ему сказалъ: нѣчто-де ты идолопоклонникъ, такія слова говорилъ, онъ же говорилъ: Христа-де Бога нашего распинали босова, а мы-де согрѣшили, для того, что у насъ на иконахъ пишутъ его босова, а надобно-де было писать его обутаго; онъ-же-де съ грусти говорилъ: государь-де выдалъ его, Коновалова, напрасно, для того, что на работу посылали его, Коновалова, босого и нагого.

«Что-де блаженныя памяти царь Иванъ Васильевичъ молился солнцу и огню и они-де ему помогали, и завоевалъ-де онъ Казань и Астрахань—говорилъ въ такую силу, написано-де о томъ въ святцахъ, въ уложеніи царя Давида, псаломъ его.

«Про е. и. в., что-де онъ солнцу и огню не молится, и какъ-де ходилъ на турецкую акцію, въ то время самъ было-де пропалъ и войско-де потерялъ—не говаривалъ, и притомъ онъ, Коноваловъ, сказалъ про е. и. в. самъ-де онъ побольше меня знаетъ, ему-де идтить по правую, а ему, Коновалову, по лѣвую сторону.

«Такія слова: хотя-де императорское величество съ шведомъ и помирился, а онъ, Коноваловъ, еще не помирился, набереть-де войско и пойдетъ, и шведскаго короля и турецкаго султана живыхъ побереть—говорилъ; при томъ-же говорилъ: ежели-де императорское величество пошлетъ его къ шведскому королю или къ турецкому султану и онъ, Коноваловъ, къ нимъ пойдетъ, не боится ихъ, хотя-де и въ лаптяхъ ходить, да и всѣхъ земель не боится».

Карнаухову съ Коноваловымъ даны были очныя ставки, причеи первый утверждалъ, что Коноваловъ называлъ Иисуса Христа идоломъ и мужичьимъ сыномъ, — святыхъ угодниковъ божихъ идолами же, государя и всѣхъ христіанъ идолопоклонниками «и про его-жь и. в. что-де онъ солнцу и огню не молится, и какъ-де онъ ходилъ на турецкую акцію, въ то время самъ было-де пропалъ и войско потерялъ—конечно онъ, Коноваловъ, говорилъ». Послѣдній же стоялъ на томъ, что это неправда.

Прежде допроса свидѣтелей — колодниковъ: Орлова, Ухтомскаго, Подорванова и Мясникова—навели о нихъ въ канцеляріи справку.

Орловъ намъ уже извѣстенъ ¹⁾. Князь Борисъ Ухтомскій «посланъ былъ въ Ярославль для нѣкотораго государева дѣла и по даному ему указу не исполнилъ и приличился во взяткахъ». Подорвановъ и Мясниковъ присланы изъ военной коллегіи; виновны «въ побѣгахъ и смертномъ убійствѣ», за что и приговорены коллегіей къ смертной казни.

Изъ показаній этихъ четырехъ лицъ выяснилось, что они слышали отъ Коновалова тѣ непристойныя сужденія, о которыхъ сказано въ извѣтѣ Карнаухова; при этомъ они прибавили, что Коноваловъ «говаривалъ, какъ сумазбродный, самъ собою одинъ многія бездѣльныя слова безъ всякихъ разговоровъ, — а иногда-де и ночью вставъ, одинъ кричить и все сумазбродилъ,—которыхъ словъ сказать они памятно не могутъ; а подлинно ль-де онъ, Коноваловъ, сумазбродный или безумный, того они не знаютъ».

Въ августѣ 1722 года тайная канцелярiя опредѣлила: «изъ тайной канцелярiи въ с.-петербургскую гарнизонную канцелярiю послать промеморію, въ которой объявить, чтобъ въ той канцелярiи о выше-

¹⁾ См. рассказъ „Яковъ Орловъ“.

объявленномъ бѣгломъ солдатѣ Коноваловѣ учинено было опредѣленіе по фергеру и кригс-рехту, а по тайнымъ дѣламъ слѣдованія имъ, Коноваловымъ, производить невозможно, потому что въ письмѣ изъ тайной канцеляріи секретаря Ивана Топильскаго изъ С.-Петербурга написано, что тотъ Коноваловъ по отвѣтамъ явился весьма сумасбродный, да и по присланной отъ онаго Топильскаго выпискѣ при разспросѣ отвѣты его, Коновалова, показаны весьма сумасбродные-же; также и свидѣтели четыре человѣка (которые со онымъ Коноваловымъ въ гарнизонной канцеляріи содержатся) показали именно, что оный Коноваловъ говаривалъ (какъ сумасбродный самъ собою одинъ) многія бездѣльные слова безъ всякихъ разговоровъ, а иногда-де и ночью вставъ одинъ кричить и все сумасбродилъ, и потому явно сумасбродство его означилось, и ежели чрезъ оное его сумасбродство о показанныхъ отъ него словахъ слѣдовать, то время напрасно продолжится и, можетъ быть, что онъ по тому своему сумасбродству и невинныхъ кого оклеветать напрасно, и того ради по фергеру и кригс-рехту указъ ему и учинить».

VI.

Марья Кулачиха и матросъ Яковлевъ.

1722 г.

При живомъ мужѣ, нѣкоемъ Спицинѣ, Марья Кулачиха вышла замужъ за поручика с.-петербургскаго гарнизона Бѣлорусскаго полка, Степана Кулакова. По возникшему, вслѣдствіе этого, дѣлу св. синодъ призналъ прежній бракъ Кулачихи со Спицинымъ не дѣйствительнымъ, а второй—законнымъ. Вскорѣ послѣ этого жена Кулакова стала вести жизнь безнравственную: мало того, что пьянствовала, вступала въ любовныя связи съ разными матросами, солдатами и т. п. людьми,—она завела у себя нѣчто въ родѣ дома терпимости. Такіе неблаговидныя поступки Кулачихи дошли до свѣдѣнія полиціймейстерской канцеляріи, за что и было «учинено ей наказаніе—бита кнутомъ, и опредѣлена въ работу подъ подъемными мостами»... Черезъ два мѣсяца, начальникъ рабочаго дома, маіоръ Рыкуновъ, въ полиціймейстерскую канцелярію рапортовалъ, что Кулачиха, «въ бытность съ прочими на работѣ, сказала за собою государево слово и дѣло». Въ канцеляріи спросили Марью о трехъ пунктахъ, и она заявила, что знаетъ объ измѣнѣ, поэтому Кулачиха отправлена была въ Преображенскую канцелярію.

Здѣсь, «въ разспросѣ и съ трехъ пытокъ она извѣщала—Аничкова баталіона на каптенармуса Василя Лаптева въ его, государевѣ, великомъ дѣлѣ». Извѣтъ оказался справедливымъ, вслѣдствіе чего и освободили Кулачиху отъ работъ, съ тѣмъ, что «буде она, Марья, будучи на свободѣ, впредь явится въ вышенисанномъ или въ иномъ какомъ воровствѣ, и за то будетъ казнена смертію, безъ всякой пощады».

Но недолго пришлось Кулачихѣ пользоваться свободой.

Въ декабрѣ 1721 г. пойманъ былъ бѣглый матросъ Иванъ Яковлевъ и представленъ въ полиціймейстерскую канцелярію. Здѣсь привели его въ застѣнокъ «для разспросу въ воровствахъ,—и при томъ приведеніи сказалъ онъ за собою е. и. в. слово». Стали Яковлевымъ «розыскивать, а съ розыску показалъ онъ за собою воровства и татбы два и смертныя убійства, и грабежи». При этомъ Яковлевъ говорилъ еще, что однажды онъ съ товарищемъ своимъ, матросомъ Ѳедоромъ Малымъ, съ которымъ Кулачиха находится въ любовной связи, украли 150 р. Затѣмъ, въ другой разъ они пригласили къ себѣ въ гости двухъ знакомыхъ Кулачихѣ дѣвицъ, «вывезши на Неву рѣку и зарѣзавъ одну онъ, Яковлевъ, а другую помянутый Ѳедка Малый, опустили, противъ Васильевского острова, въ прорубь, о чемъ, пріѣхавъ домой, помянутая Марья, Кирилова дочь, о тѣхъ дѣвкахъ спрашивала, и они ей сказали: поминай-де, какъ звали; но она сказала: худо-де вы сдѣлали; и про воровство ихъ она знала».

Кулачиха была розыскана и на допросѣ въ полиціймейстерской канцеляріи объяснила, что бѣглыхъ матросовъ Яковлева и Малаго она знаетъ; съ послѣднимъ имѣла однажды любовную интрижку, была у него въ гостяхъ и вообще водила съ нимъ компанію. Но «какое воровство онъ чинилъ ли и другіе кто чинять, не знаетъ»; равнымъ образомъ, объ убійствѣ двухъ женщинъ она ничего не слыхала. На очной ставкѣ, хотя Яковлевъ и утверждалъ, что на Кулачиху онъ показалъ справедливо, однако-же Кулачиха говорила, что онъ «во всемъ сказалъ напрасно».

Спрошенные по настоящему случаю свидѣтели—два человекъ сказали только, что иногда видали Кулачиху съ Ѳедоромъ Малымъ пьющими вмѣстѣ пиво.

А «вышеозначеннаго вора, бѣглаго матроса Ѳедора Малаго, въ полиціймейстерскую канцелярію не сыскано».

Пришло допросить Кулачиху «съ пристрастіемъ», при чемъ она призналась, что о своихъ сердечныхъ отношеніяхъ съ Ѳедоромъ Малымъ «сказала она на себя напрасно, бояся».

Черезъ день и Яковлевъ заявилъ, что онъ съ Малымъ никакъ

женщинъ никогда не убиваль, слѣдовательно, Кулачиха объ этомъ не могла и знать. Равнымъ образомъ, будто бы Кулачиха состояла въ любовной связи съ Малымъ, сказалъ онъ, Яковлевъ, напрасно. Самъ же онъ виноватъ только въ томъ, что «куры крадь, и поросятъ ловиль, и мошенничаль, а опричь того ничего не чиниваль».

Такимъ образомъ, было очевидно, что Кулачиха собственно ни въ чемъ не виновата. Но полиціимейстерская канцелярія взглянула на дѣло иначе. «Понеже она, Кулачиха, штрафованная напредъ сего воровка», то «опредѣлено ее пытать,—и во ономъ сперва съ подъему на вискъ утверждалась на прежнемъ показаніи, что сказала напрасно, а по другому приводу къ розыску объявила за собою е. и. в. слово».

Слово оказалось слѣдующее: «передъ взятъемъ-де ее въ полиціимейстерскую канцелярію, на каторжномъ дворѣ разговаривала она въ колодничьей казармѣ съ содержащимся въ той казармѣ Сукина человѣкомъ Иваномъ Григорьевымъ, которыя слова онъ говорилъ: когда-де было велѣно для всемірской радости о вѣчномъ мірѣ съ шведскимъ королемъ съ каторги свободить каторжныхъ невольниковъ, и тогда-де говорилъ, что изволилъ быть на каторжный дворъ е. и. в., и тогда-де хотѣли казармы запереть и приставить караулъ, и ежели-бъ заперли, то-бъ у него не устояли-бы и окончины и вышелъ бы у е. и. в. просить: я-де не меньше знаю и сыскалъ, что она, Кирилова, нашла, а что найдеть, о томъ не сказалъ».

Иванъ Григорьевъ показалъ, что онъ на каторжномъ дворѣ хотя и видался съ Кулачихой, но съ нею не имѣлъ никакихъ разговоровъ.

Послѣ очной ставки, на которой Кулачиха и Григорьевъ «утверждались» каждый въ своемъ показаніи, Кулачиху привели въ застѣнокъ, гдѣ она еще разъ «объявила за собою государево слово объ измѣнѣ». Подняли Кулачиху на дыбу... Сказавъ, что отъ Григорьева слышала означенныя въ ея прежнемъ показаніи слова, она продолжала: «онъ-же-де, Иванъ, при вышписанныхъ словахъ говорилъ-же ей, что-де онъ знаетъ объ измѣнѣ, а за кѣмъ не сказалъ, а до сего она тако-жъ въ разспросѣ и на очныхъ ставкахъ о томъ не объявила того ради, что боялась оказывать, дабы ее кошками не били».

Вновь даны очныя ставки Григорьеву съ Кулачихой, при чемъ первый утверждалъ, что съ послѣднею онъ «никакихъ разговоровъ, тако-жъ, что онъ знаетъ измѣну, ей не говариваль, и ни за кѣмъ той измѣны и самъ не знаетъ, и о томъ сказала на него напрасно. А Кулачиха утверждается на прежнихъ пыточныхъ рѣчахъ».

Полиціимейстерская канцелярія затруднялась, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Поэтому рѣшила обратиться къ А. И. Ушакову, который находился въ это время въ Москвѣ.

Въ маѣ 1722 г. Ушаковъ писалъ Девіеру: «оною Кулачихою противъ ея разспросныхъ рѣчей въ показанныхъ словахъ на Сукина человѣка Ивана Григорьева розыскивать въ полиціймейстерской канцеляріи еще дважды, а при томъ розыскѣ быть и оному Сукина человѣку, и ежели оная жонка съ тѣхъ двухъ розысковъ устоитъ въ прежнихъ своихъ рѣчахъ, то и онымъ Сукина человѣкомъ розыскивать. И буде оный человѣкъ съ розысковъ покажетъ, что онъ такія слова жонкѣ говорилъ, то болѣе имъ не розыскивая, отослать его изъ полиціймейстерской канцеляріи въ Петербургъ въ тайную канцелярію».

Вслѣдствіе этого предписанія Кулачиху съ Григорьевымъ вновъ привели въ застѣнокъ и даны имъ очныя ставки. Кулачиха при этомъ говорила, что Григорьевъ сообщалъ ей объ измѣнѣ, на каторжномъ дворѣ, безъ всякихъ свидѣтелей, и въ это время онъ былъ «весьма шумень». А Григорьевъ утверждалъ, что такихъ словъ Кулачихѣ не говаривалъ и пьянымъ не бывалъ.

«Кулачиха въ застѣнкѣ важна въ третіе» и опять дана ставка съ Григорьевымъ; «съ розыску она говорила то жъ, что и въ другомъ розыскѣ». Григорьевъ объяснилъ, что онъ ничего не говорилъ Кулачихѣ,—да это было и невозможно, такъ какъ на каторжномъ дворѣ строго воспрещено разговаривать мужчинамъ съ женщинами, и слѣдовательно это могли бы замѣтить или слышать караульные офицеры, урядники и капралы.

Полиціймейстерская канцелярія справилась на каторжномъ дворѣ «о содержаніи въ колодничьей казармѣ колодниковъ какой имѣлся между мужеска и женска полу приказъ», а также кто были на караулѣ изъ офицеровъ и урядниковъ въ то время, какъ содержалась тамъ Кулачиха съ Григорьевымъ?

При этомъ оказалось, что на каторжномъ дворѣ «колодники содержатся мужска пола съ женской въ одной казармѣ порознь, и въ той колодничьей казармѣ стоитъ особливый караулъ всегда; а ежели кто придетъ въ колодничью казарму свойственникъ или знакомый человѣкъ, и безъ вѣдома караульнаго офицера никого пускать не велѣно».

Четыре человѣка офицеровъ, ефрейторъ и капраль, вызванные въ канцелярію, показали, что колодниковъ «велѣно содержать подъ карауломъ»,—тайно не разговаривать, особенно мужчинамъ съ женщинами,—никого изъ колодниковъ пьяными они «не видали и вина ни къ кому не приносится», такъ какъ колодники всегда находятся при караулѣ.

Найдено необходимымъ еще разъ «розыскать» Кулачихою, которая теперъ показала: «Чубарова-де (котораго—не показано) дѣвка Ненила, Лукьянова дочь, на каторжномъ дворѣ, въ колодничьей казармѣ, говорила ей, Марья: маоръ-де Рыкуновъ, по дѣлу гвардіи сол-

дата Одинцова съ грекомъ Юрьемъ Савельевымъ, его, Юрья, свободилъ изъ-подъ караула и взялъ съ него анкирекъ ренскаго, да анкирекъ водки; да она-жь де, дѣвка, ходила отъ флота къ поручику Петру Иванову (отъ котораго взята подъ караулъ), и просила, чтобъ съѣздилъ къ Рыкунову и просилъ о ней, и презентовалъ, чтобъ былъ къ нему склоненъ, и онъ-де ѣздилъ, и отвезъ анкирекъ водки,— а какъ-де везъ, и она (какъ ее вели изъ канцеляріи на каторжный дворъ подъ караулъ) тотъ анкирекъ у него въ саняхъ видѣла, и послѣ-де того приходила къ ней отъ онаго поручика дѣвка, а какъ зовутъ—не помнить, и сказывала, что Рыкуновъ хотѣлъ ихъ съ Чубаровою поми- рить и свободить безъ розыску,—а тѣ слова разговаривали онъ межъ себя, а другія никто не слыхалъ, и она-де, Ненила, о томъ ей зака- зывала; да она-жь де, Ненила, говорила ей, что госпожа ея держала бѣглаго солдата, котораго-де у ней выняли, да она-жь де отпустила въ деревню сущаго вора и дала ему воровской пропускъ, и тѣ де слова говорили онъ между собою-жь, а другія кто слышали-ль, не знаетъ».

Вытребовали Ненилу, допросили; но она «въ разспросѣ и съ очной ставки въ показанныхъ на нее отъ Кулачихи словахъ во всемъ за- пиралась».

Послѣ этого, въ іюнѣ 1722 г., Кулачиха съ Григорьевымъ и Не- нилой отосланы были въ тайную канцелярію.

Здѣсь Кулачиха ничего новаго не заявила, а утверждала только то, что показывала на Григорьева и Ненилу въ полиціймейстерской канцеляріи, т. е. она говорила, что Григорьевъ передавалъ ей на- единѣ о своемъ знаніи какой-то измѣны и былъ въ это время «весьма шумень», хотѣлъ выбить въ казармѣ окна, чтобы видѣть государя во время пребыванія его на каторжномъ дворѣ, и заявить, что онъ, Гри- горьевъ, «не меньше знаетъ и сыскалъ, что она, Марья, нашла». При этомъ Кулачиха хотѣла, впрочемъ, спросить Григорьева «современемъ, какую и за кѣмъ онъ знаетъ измѣну,—такъ-жь что онъ не меньше ея нашель, но о томъ спросить ей у него не случилось, за взятъемъ ее въ полиціймейстерскую канцелярію». А о Ненилѣ говорила, что она передавала ей о Марьѣ Чубаровой, будто послѣдняя «держитъ у себя въ деревняхъ воровъ и бѣглыхъ солдатъ», что въ деревнѣ отца ея, Чубаровой, убили какого-то доносителя съ женою и посадили въ воду.

Григорьевъ показалъ, что въ бытность его на каторжномъ дворѣ онъ ничего не говорилъ съ Кулачихой, да и говорить было нельзя «для того, что отъ караульныхъ офицеровъ приказы были, чтобъ ко- лодники никто съ нею (Кулачихою) никакихъ разговоровъ не имѣли, и для того де и часовые при нихъ были особенные какъ при муже

скомъ, такъ и при женскомъ полѣ». Кромѣ этого, Григорьевъ разсказалъ, что въ С.-Петербургѣ «пришелъ онъ, Григорьевъ, въ 1721 г. лѣтомъ, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ не знаетъ (понеже онъ грамотѣ не умѣетъ), и явился маіору Рыкунову, и просилъ его, чтобъ онъ отписалъ къ зятю своему, помянутому Сукину, объ отпускѣ жены его, Григорьева, Аксины на волю, для того, что онъ, Григорьевъ, не крѣпостной его, Сукина, а вольный человѣкъ, польской природы (а вѣры онъ католической отъ рожденія), и жилъ онъ, Григорьевъ, у Сукина и съ женьбою съ полтора года; и Рыкуновъ сказалъ ему, Григорьеву,—что ее на волю отпустить нельзя, для того, что онъ крѣпокъ сталъ быть по женѣ, на что онъ, Григорьевъ, ему, Рыкунову, говорилъ: онъ де вышепомянутому Сукину не крѣпокъ, понеже е. и. в. указы повелѣваютъ таковыхъ людей польской породы не крѣпить, а за жену-де онъ, Григорьевъ, давалъ ему, Рыкунову, и зятю его помянутому Сукину 20 рублевъ, и на то-де Рыкуновъ ему сказалъ: денегъ не надобно, а надобны де имъ люди,—и посылалъ его, Григорьева, паки по прежнему къ зятю своему Сукину жить; но онъ, Григорьевъ, не пошелъ, а сказалъ, что лучше-де ему быть при немъ, Рыкуновѣ, нежели у Сукина; и оный Рыкуновъ, осердясь, послалъ его, Григорьева, на каторгу, гдѣ онъ и доднесь живетъ близъ года, а кромѣ того никакой вины ему не сказалъ. А онъ-де Иванъ, житель города Аршавы, отецъ его шляхтичъ, Григорій Осиповъ сынъ, прозваніемъ Лещинскій, который умре лѣтъ съ 13-ть, а въ Россію онъ, Иванъ, вышелъ лѣтъ съ 15-ть и жилъ въ разныхъ мѣстахъ, а потомъ присталъ, своею волею, къ помянутому Сукину въ Петербургѣ, и послѣ того жилъ у него въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ухмѣвѣ, и онъ Сукинъ женилъ его на приданной своей дѣвкѣ помянутой Аксины; токмо онъ, Григорьевъ, жить у него не хочетъ, за то, что онъ, Сукинъ, къ нему, Ивану, сталъ быть не добръ, за то и отсталъ».

Ненила показала, что все, въ чемъ ни оговаривала ее Кулачиха, не правда, такъ какъ она не только такихъ, но и подобныхъ разговоровъ съ ней никогда не имѣла. На очной ставкѣ съ обѣихъ сторонъ было сказано то же самое.

Привели Кулачиху въ застѣнокъ; было ей 30 ударовъ. Но пытаемая стояла въ своихъ прежнихъ показаніяхъ.

Въ декабрѣ 1722 г. состоялось въ тайной канцеляріи опредѣленіе, въ которомъ прописаны всѣ, уже намъ извѣстныя, обстоятельства дѣла, съ замѣчаніемъ, что «по слѣдованію» всего того, о чемъ заявляла Кулачиха въ своихъ показаніяхъ, «не явилось». А ты,—внушала канцелярія Кулачихѣ,—хотя съ четырехъ розысковъ въ томъ и утверждаешься,—и тѣмъ твоимъ извѣтамъ не вѣрить, потому, что ты напредь сего штрафованная воровка, да и для того, на тѣхъ Сукина человѣка

и на дѣвку Ненилу въ разспросахъ до розысковъ ничего не показывала, а какъ тобою въ воровствахъ начали розыскивать, въ то время ты тѣ слова и объявила на обоихъ, отбывая розысковъ и вѣдая, что по розыскахъ подлежишь смертной казни противъ объявленія тебѣ изъ преображенской канцеляріи, и за вышепоказанныя твои затѣйныя слова е. и. в. указалъ учинить тебѣ наказанье—бить кнутомъ нещадно, чтобъ впредь таковымъ воровкамъ такъ чинить было неповадно».

Изложивъ ходъ дѣла о Марьѣ Кулацихѣ, обратимся теперь къ матросу Яковлеву, который собственно и является настоящимъ зачинщикомъ рассказаннаго эпизода.

Будучи въ полиціейстерской канцеляріи, Яковлевъ, кромѣ извѣстнаго намъ оговора Кулацихи, чрезъ нѣсколько времени заявилъ, что онъ знаетъ за собою е. и. в. слово, а именно: «онъ слышалъ отъ нѣ котораго человѣка важныя къ умышленію о здравіи е. и. в. слова», о чемъ «онъ воръ, Яковлевъ», и говорилъ боцманъ-мату Познякову, писарю Подольскому, да с.-петербургскаго надворнаго суда подъячму Борису Ѳедорову. Однако-же, чрезъ нѣсколько дней, Яковлевъ признался, что означенныхъ лицъ оговорилъ «напрасно» и показалъ: «вышеломянутыя первыя умышленныя о здравіи е. и. в. слова конечно слышалъ онъ Галицкаго уѣзда, Судайской осады, дворянина Бориса Иванова, сына Горталова, который живетъ отъ пригородка Судая въ шести верстахъ въ селцѣ Желудевѣ, деревни его Прокофьиной, отъ крестьянина Сергѣя Максимова, который въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ 1721 г., предъ Николаевымъ днемъ дни за три, пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ для продажи коровья масла, и побѣхалъ въ тое-жъ деревню; также онъ, воръ, на того дворянина Бориса Горталова сказалъ, что онъ подговариваетъ у иныхъ помѣщиковъ людей и крестьянъ и солдатскихъ дѣтей въ Москвѣ, и нанимая привозить въ Галичъ и отдавать въ рекруты съ своихъ восьми дворовъ, да другихъ принимаетъ въ складку, о которыхъ можетъ именно показать».

Въ виду заявленія «государева слова» полиціейстерская канцелярія не рѣшалась дѣйствовать самостоятельно. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ она снеслась съ П. А. Толстымъ, который приказалъ «въ воровствахъ его, Яковлева, слѣдовать, не смотря на его затѣйное продолженіе».

Стали Яковлевымъ «слѣдовать съ подъему» и съ перваго розыску онъ говорилъ, что въ сообществѣ съ 15-ю человѣками, «которымъ именъ не знаетъ, учинили семь кражъ и два смертныя убійства, да сверхъ того по улицамъ сдирали со многихъ платье, и краденую ружьядъ клали къ купеческому человѣку, да продавали мяснику коровы».

При этомъ Яковлевъ подтвердилъ прежнее свое показаніе о дворянинѣ Горталовѣ. Черезъ нѣсколько же времени «безъ розыску» заявилъ, что онъ «на себя и на вышеписанныхъ людей въ душегубствахъ, воровствахъ и поклажеяхъ показалъ напрасно, а онъ токмо крадь куръ и поросать».

Полиціймейстерская канцелярія еще разъ снеслась съ тайной канцеляріей, и послѣдняя опять предписала «о воровствахъ его, Яковлева, слѣдовать, не смотря ни на какія отговорки».

Вслѣдствіе этого Яковлевымъ «розыскивано трижды, и съ трехъ розысковъ утверждался онъ на вышеозначенномъ своемъ извиненіи, а именно, что—на себя и на другихъ сказывалъ напрасно».

Объ этомъ увѣдомлена была тайная канцелярія, которая и опредѣлила «послать въ Галичь къ командирамъ указъ, дабы въ Галицкомъ уѣздѣ, близъ вотчинъ дворянина Горталова съ смежными съ тѣми вотчинами другихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ вотчинамъ сыскать повальнымъ обыскомъ, спрашивая подлинно, подъ великимъ страхомъ, что у онаго Горталова крестьянинъ или человѣкъ Сергѣй Максимовъ были и нынѣ есть-ли, и буде такой человѣкъ или крестьянинъ такимъ именемъ и отчествомъ по сыску явится, то взявъ у него, Горталова, вѣсть его, заковавъ въ кандалы,—также и оный сыскъ, запечатавъ, прислать въ тайную канцелярію въ самой скорости, подъ крѣпкимъ карауломъ».

Посланный по этому опредѣленію солдатъ донесъ въ тайную канцелярію, что крестьянина Сергѣя Максимова въ вотчинахъ Горталова нѣтъ и никогда не бывало. То же подтвердилъ и представленный въ канцелярію Горталовъ.

Въ октябрѣ 1722 года тайная канцелярія опредѣлила: о бѣгомъ матросѣ Иванѣ Яковлевѣ «послать въ полиціймейстерскую канцелярію промеморію, въ которой написать»,—что на Горталова и на крестьянина его Максима показалъ онъ не справедливо, и что «Яковлевъ чрезъ плутовскія свои слова уповаетъ продолжить время по тому дѣлу и возобновить знатно еще о другихъ дѣлахъ, какъ между таковыми плутами и ворами довольно есть; того ради надлежитъ надъ нимъ Яковлевымъ, учинить, по государевымъ правамъ, скорое рѣшеніе».

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772 — 1863.

Составитель представляемых здѣсь Записокъ принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ русскихъ людей; представитель старинной дворянской фамиліи, онъ вѣрой и правдой прослужилъ многіе десятки лѣтъ Россіи и ея державнымъ представителямъ, на его вѣку четыре раза смѣнившихся; — храбрый воинъ на ратномъ полѣ, мудрый и честный администраторъ на поприщѣ гражданской службы, — А. М. Тургеневъ былъ человекъ весьма образованный и отличался свѣтлымъ взглядомъ на все, что только относилось къ славіи и пользѣ дорогаго отечества — Россіи, такъ, напр., онъ пламенно желалъ освобожденія крестьянъ и былъ столь счастливъ, что на закатѣ дней увидѣлъ свою мечту осуществленною!

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ въ высшей степени интересныя записки А. М. Тургенева, писанныя имъ въ 1848 году, предпосылаемъ имъ весьма обстоятельный очеркъ всей его жизни.

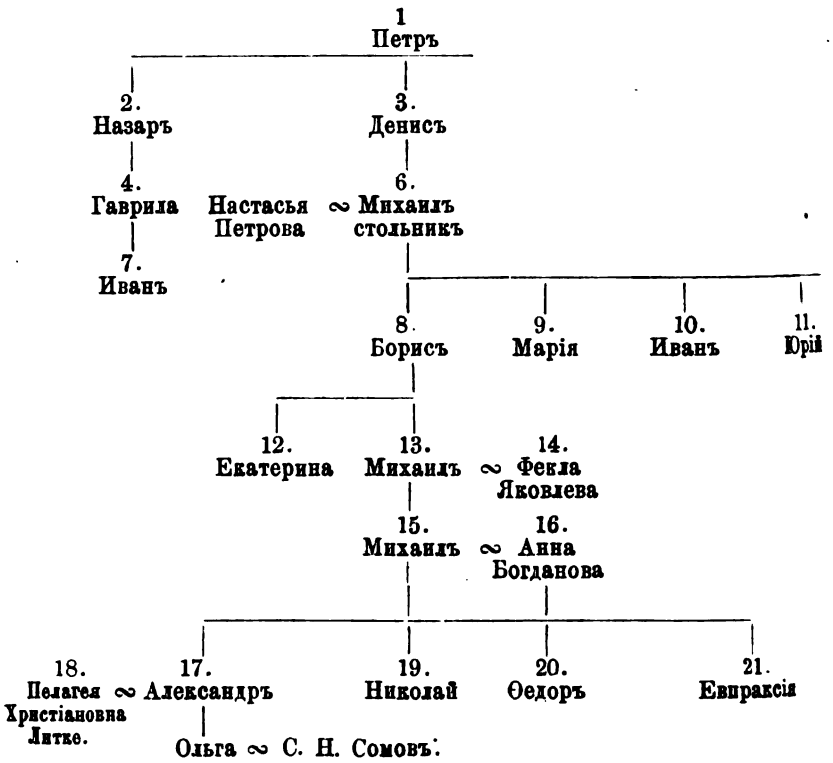
Записки и очеркъ жизни А. М. Тургенева получены нами отъ его внука, Александра Сергѣевича Сомова, которому и приносимъ нашу глубочайшую благодарность.

Ред.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ родился въ Москвѣ 26 октября 1772 г., въ приходѣ Преображенія Господня, въ домѣ, слишкомъ 200 лѣтъ принадлежащемъ роду Тургеневыхъ.

Поколѣнное родословіе этой вѣтви фамиліи Тургеневыхъ:

Гербъ рода Тургеневыхъ: подъ рыцарскимъ, лазуреваго цвѣта съ золотымъ подбоемъ, наметомъ, увѣнчаннымъ шлемомъ съ обыкновенною золотою дворянскою короною, осягаемою тремя страусовыми перьями, поставленъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя части, изъ коихъ въ нижней половинѣ въ лѣвой части въ голубомъ полѣ золотая звѣзда изъ Золотой Орды, происхождение рода Тургеневыхъ показующая, надъ коюю серебряная рогатая луна, означающая прежній магометанскій законъ; а надъ сею частью въ верхней половинѣ на лѣвой части, въ серебрянномъ полѣ, парящій съ распростертыми крыльями и какъ-бы отлетающій отъ луны орелъ, смотрящій вверхъ,—означаетъ удаленіе отъ магометанства и воспареніе къ свѣту христіанской вѣры. Въ той же верхней половинѣ на правой части въ красномъ полѣ обнаженный съ золотою рукояткою мечъ—въ воспоминаніе кроваваго закланія страдальца Петра Никитича Тургенева отъ Гришки Отрепьева самозванца за безобязненное обличеніе его; въ нижней половинѣ на правой части въ золотомъ полѣ готовый, осѣдланый, бѣгущій по зеленому лугу конь, показующій всегдашнюю рода Тургеневыхъ готовность и ревность къ службѣ государю и отечеству.

11-го февраля 1786 г. Александръ Тургеневъ, 14 лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу, унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. 5 ноября 1796 г., наканунѣ смерти императрицы Екатерины II, въ день ея заболѣванія, Тургеневъ былъ въ караулѣ во дворцѣ.

8 ноября его уже назначили ординарцемъ къ императору Павлу I и онъ былъ очевидцемъ первыхъ вахтъ-парадовъ.

При образованіи въ 1796 г. кавалергардскаго полка имѣлось въ виду составить его исключительно изъ дворянъ, разсѣянныхъ по всей гвардіи. Кромѣ дворянскаго происхожденія требовался еще извѣстный ростъ. А. М. былъ средняго роста и поэтому, когда очередь дошла до него, то завѣдывавшій формированіемъ, гатчинскій полковникъ Давыдовъ, рѣшилъ—«куда его, каратыша», и Тургеневъ, съ производствомъ въ корнеты, былъ выпущенъ, 18 декабря 1796 г., въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ.

Полковымъ командиромъ былъ Гудовичъ, а шефомъ—князь Волконскій, къ которому Тургеневъ былъ назначенъ адъютантомъ.

Въ запискахъ своихъ А. М. Тургеневъ подробно описываетъ опалу, которой подверглись офицеры Екатеринославскаго полка во время коронаціи за то только, что полкъ именовался прежде «князя Потемкина - Таврическаго полкомъ» — именовъ для государя непріятнымъ.

Въ началѣ мая 1799 г. вокругъ Москвы было собрано до 100,000 войска на царскій смотръ. Тургеневъ состоялъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ и генералѣ-инспекторѣ всей Россійской кавалеріи, графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. За болѣзнью государева бригадъ-майора онъ былъ назначенъ исправлять эту должность на все время маневровъ. Съ мая 1799 г. до 18 сентября 1803 г., когда былъ уволенъ отъ службы ротмистромъ, Тургеневъ состоялъ адъютантомъ при моск. генералѣ-губернаторѣ, графѣ Салтыковѣ. Графинѣ Салтыковой удалось убѣдить Тургенева оставить на время службу и ѣхать учиться за границу. Послушавшись добраго совѣта, Тургеневъ отправился въ Геттингенъ, гдѣ и слушалъ курсъ наукъ 1803—1806 гг.

Изъ заграницы онъ вернулся, по его собственнымъ словамъ, совершенно другимъ человѣкомъ. Кромѣ курса философіи, юридическихъ и естественныхъ наукъ, которыя онъ слушалъ въ геттингенскомъ университетѣ, Тургеневъ основательно изучилъ французскую и нѣмецкую литературу. Пропутешествовавъ еще нѣкоторое время по Европѣ, Тургеневъ, по возвращеніи на родину, принимаетъ участіе въ трудахъ Сперанскаго. 15 апрѣля 1811 г. Тургеневъ вновь принятъ на службу штабъ-ротмистромъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ его королевскому высочеству генералу отъ кавалеріи герцогу Александру Виртембергскому.

20 января 1812 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ съ оставленіемъ въ той же должности.

5 марта 1812 г. переведенъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ съ оставленіемъ въ той же должности.

1 апрѣля 1812 г. назначенъ дивизионнымъ адъютантомъ къ командиру 1-ой гренадерской дивизіи, генераль-адъютанту гр. Строганову.

Въ этой должности Тургеневъ участвовалъ при занятіи французами г. Вильно 7 августа; въ сраженіи при деревнѣ Любиной; въ главныхъ сраженіяхъ при селеніи Бородинѣ 24 и 26 августа.

Во все время этого сраженія онъ былъ посылаемъ въ самыя опасныя мѣста и, не смотря на адскій огонь, исполнялъ всѣ приказанія въ точности. Подъ самый конецъ сраженія, везя приказанія на слѣдующій день, онъ былъ жестоко контуженъ въ голову однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ и лишился владѣнія правой руки. Всю ночь пролежалъ онъ среди убитыхъ и только къ разсвѣту нашли его по особому настоянію графа Строганова, въ безсознательномъ состояніи.

За Бородино Тургеневъ былъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени съ бантомъ.

Въ 1813 г., не получивъ полного излеченія, онъ явился къ войску и участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ.

1-го мая 1814 г., за полученною раню, Тургеневъ уволенъ отъ службы капитаномъ съ мундиромъ.

Съѣздивъ за границу для излеченія раны, Тургеневъ поступаетъ въ гражданскую службу управляющимъ Θεодосійской таможенной, окружнымъ таможеннымъ начальникомъ брестъ-литовскимъ, а затѣмъ астраханскимъ.

12 декабря 1823 г. онъ назначается тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Ввѣренную ему губернію Тургеневъ нашелъ въ большомъ разстройствѣ: недоимки простирались до 2.800,000 р.; татары обложенные подушною податью и всѣми земскими повинностями по новому учрежденію управленія сибирскихъ губерній, бунтовали и отказывались платить.

Предсѣдатель губернскаго правленія вынужденъ былъ предпринять цѣлый походъ противъ бунтовщиковъ съ жандармами и 2-мя ротами солдатъ, окончившійся однако безъ всякаго результата. Тургеневъ безъ всякаго насилія, дѣйствуя исключительно вразумленіемъ и разъясненіемъ, собралъ сполна всю недоимку въ 7 мѣсяцевъ. Такое быстрое очищеніе огромной недоимки не могло не обратить на себя вниманіе въ Петербургѣ и императоръ Александръ велѣлъ благодарить Тургенева и лично выразилъ удовольствіе свое по этому поводу генераль-губернатору западной сибіри, Капцевичу. Вниманіе, оказанное госу-

даремъ Тургеневу, послужило ему не въ пользу: Капцевичъ видѣлъ въ немъ себѣ опаснаго соперника и старался всевозможными придирками выжить его со службы. Наконецъ, въ мартѣ 1825 г., Тургеневъ неожиданно былъ уволенъ по прошенію, со снятіемъ чина, хотя никогда никакого прошенія не подавалъ.

По прїѣздѣ А. М. Тургенева въ Петербургъ, многочисленные друзья его вывели на чистую воду всѣ интриги Капцевича и въ маѣ 1826 г. высочайшимъ указомъ императора Николая повелѣно:

«Отставленнаго изъ гражданскихъ губернаторовъ со снятіемъ чина статскаго совѣтника Тургенева, за хорошее управленіе его Тобольскою губерніею, принять на службу чиномъ статскаго совѣтника, не считая того, что онъ былъ отставленъ, и причислять кандидатомъ для опредѣленія губернаторомъ на открывшуюся ваканцію».

Вскорѣ послѣдовалъ второй высочайшій указъ, коимъ повелѣно выдавать Тургеневу до полученія мѣста то жалованье (5,000 р.), которое онъ получалъ въ должности тобольскаго губернатора.

Въ 1828 г. Тургеневъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, но 27-го декабря того же года перешелъ, по просьбѣ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, директоромъ медицинскаго департамента, дѣла котораго были въ страшномъ безпорядкѣ. Положеніе Тургенева было, дѣйствительно, критическое: двѣ многочисленныя арміи были въ дѣйстви; одна растянулась отъ Прута до Адрианополя, другая въ Малой Азій; чума въ Одессѣ и ея окрестностяхъ; чума въ Бессарабіи; холера въ Оренбургѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ имперіи и при всемъ томъ полное истощеніе государственной казны. Такимъ образомъ Тургеневу предстояло не только водворить порядокъ въ учрежденіи, которое не знало его съ самаго своего основанія, но и найти въ этомъ же учрежденіи средства на удовлетвореніе непомѣрныхъ требованій военнаго времени и борьбы съ двумя страшными эпидеміями—чумой и холерой. Онъ энергично принялся за дѣло и въ незначительный промежутокъ времени ему удалось снабдить обѣ арміи всѣмъ нужнымъ.

Главнокомандующій Дибичъ оффиціально просилъ прекратить подвозъ медикаментовъ въ армію, засвидѣтельствовавъ, что ихъ было вполне достаточно.

Такихъ блестящихъ результатовъ Тургеневу удалось достигнуть слѣдующимъ образомъ: уѣзжая въ отпускъ на 4 мѣсяца, Закревскій оставилъ ему въ наслѣдство уже высочайше одобренный докладъ объ обмѣнѣ получаемаго нами отъ китайцевъ ревеня на другія лекарства и хирургическіе инструменты, съ доплатою нами имъ еще 200 р. на каждый принимаемый отъ насъ пудъ ревеня.

Разсмотрѣвъ внимательно этотъ проэктъ, Тургеневъ убѣдился въ страшной его невыгодѣ и наотрѣзъ отказался его выполнить. Закревскій, съ своей стороны, не хотѣлъ входить съ новымъ докладомъ по тому же предмету къ государю. Наконецъ выведенный изъ терпѣнія настояніемъ Тургенева, сказалъ ему: «дѣлай какъ знаешь, въ моемъ отсутствіи, съ нѣмцемъ» (Энгель, тайный совѣтникъ, которому поручено было управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, не смотря на то, что былъ на лицо товарищъ министра—Новосильцевъ).

Тургеневъ, получивъ разрѣшеніе отъ Энгеля дѣйствовать въ данномъ случаѣ по своему усмотрѣнію, продалъ 1800 пудовъ ревеня съ торговъ, а не прежнимъ дрогистамъ монополистамъ, за 720,000 р. и на эту сумму снабдилъ аптеки обѣихъ армій по каталогу военного положенія, т. е. на 975,000 чел.

Такимъ образомъ взамѣнъ 1,800 пудовъ ревеня правительство получило медикаментовъ на 720,000 рублей; между тѣмъ по прежней системѣ за меньшее количество медикаментовъ не только отдавалось 1,800 пуд. ревеня, но еще приплачивали 200 р. за принимаемый пудъ ревеня, а всего 360,000 рублей.

Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ наградою Тургеневу за его успѣшную дѣятельность.

— «Много, много тобой доволенъ, я никогда этого не забуду», сказала ему императоръ Николай при представленіи.

Вернувшись изъ заграницы и узнавъ при первомъ докладѣ отъ самого государя объ удачной операци съ ревенемъ, Закревскій, который былъ прежде весьма друженъ съ Тургеновымъ (онъ былъ на ты), вдругъ перемѣнился въ обращеніи, сталъ придирается къ послѣднимъ мелочамъ и искать случая избавиться отъ него. Убѣжая въ отпускъ, онъ поручилъ Тургеневу сначала устно, а затѣмъ не официальной запиской, произвести нѣкоторыя постройки и поправки въ зданіяхъ, принадлежащихъ медицинскому департаменту на Аптекарскомъ островѣ. Все это было исполнено Тургеновымъ въ точности, но въ виду хорошихъ отношеній, существовавшихъ между нимъ и Закревскимъ, Тургеневу и въ голову не приходило требовать по этому дѣлу официального уполномочія.

Между тѣмъ Закревскій сталъ обвинять Тургенева въ самовольномъ расходованіи казенныхъ суммъ. Тургеневъ, глубоко оскорбленный такимъ поступкомъ Закревскаго, просилъ объ отставкѣ. Императоръ Николай отставки не принялъ, но, уволивъ Тургенева отъ должности директора медицинскаго департамента, повелѣлъ причислить его къ герольдіи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, съ сохраненіемъ жалованья директора и пенсіона, пожалованнаго за 1812—1814 гг.

Не довольствуясь выходомъ изъ министерства Тургенева, Закревскій назначилъ особую комиссію для ревизіи департамента за время управленія Тургенева. Не смотря на то, что комиссія эта состояла исключительно изъ ярыхъ приверженцевъ Закревскаго, она не нашла ничего, что можно было бы поставить въ упрекъ Тургеневу за исключеніемъ, яко-бы самовольной, постройки зданій на Аптекарьскомъ островѣ. Къ счастью своему, Тургеневу удалось найти частное письмо Закревскаго, въ которомъ послѣдній прямо поручалъ ему произвести эти постройки. Тогда комиссія разошлась безъ всякихъ результатовъ.

Между тѣмъ Закревскій приказалъ военному губернатору с.-петербургскому, Эссену, объявить Тургеневу, по высочайшему повелѣнію, домашній арестъ. Эссенъ, введенный въ заблужденіе, въ точности исполнилъ приказаніе и въ теченіи 18 мѣсяцевъ ежедневно утромъ и вечеромъ являлся къ Тургеневу полицейскій офицеръ освидѣтельствовать—дома ли онъ находится. Два раза подавалъ Тургеневъ прошенія государю, жалуясь на незаконный арестъ по высочайшему повелѣнію, котораго не существовало. Третье прошеніе его было передано лично государю другомъ Тургенева, Н. Лонгиновымъ. Императоръ Николай повелѣлъ строжайше изслѣдовать все дѣло, которое перешло въ комитетъ министровъ. Но здѣсь Закревскій вышелъ сухъ изъ воды: онъ изустно объявилъ Эссену о существованіи высочайшаго повелѣнія объ арестѣ Тургенева и письменныхъ уликъ противъ него не было никакихъ, почему комитетъ министровъ, не смотря на фактически осуществившійся арестъ, и пришелъ къ такому заключенію, что Тургеневъ напрасно считаетъ себя арестованнымъ, что и было официально ему объявлено.

Получивъ знакъ отличія безпорочной службы, утомленный 44-хъ лѣтней службой—Тургеневъ вышелъ въ отставку.

Тургеневъ получилъ первоначально домашнее воспитаніе и затѣмъ уже 30-ти слишкомъ лѣтъ поѣхалъ доучиваться въ геттингенскій университетъ. По своимъ убѣжденіямъ онъ весь принадлежалъ къ екатерининскому вѣку и до конца 90-лѣтней жизни своей сохранилъ въ душѣ обаяніе мудрой императрицы.

Этотъ екатерининскій либеральный здравый духъ онъ затаилъ въ себѣ въ теченіи царствованій императоровъ: Павла, Александра I и Николая, но онъ вылился наружу при реформахъ Александра II.

И вотъ, когда заговорили объ освобожденіи крестьянъ, Александръ Михайловичъ явился ярымъ его защитникомъ.

Да оно и не могло быть иначе: А. М. былъ лучшимъ другомъ Жуковскаго и все гуманное и справедливое всегда находило въ немъ откликъ.

Явленіе было многознаменательное: 90-ти лѣтній старикъ, родовою дворянинъ, всѣмъ и каждому доказывалъ, что «нельзя продавать людей какъ скотину» и что освобожденіе крестьянъ не уничтожить дворянства, которое всегда останется опорю престола.

Противники освобожденія понимали хорошо то вліяніе, которое имѣлъ Тургеневъ, и не побрезгали средствами. Тургеневъ получилъ приглашеніе явиться отъ шефа жандармовъ, кн. Вас. Ан. Долгорукаго.

Это приглашеніе сильно потрясло и оскорбило А. М., тѣмъ не менѣе онъ отправился. Не менѣе его смутился и кн. Долгорукій, увидавъ передъ собой какъ лунъ бѣлаго старика, увѣщаннаго медалями и крестами.

— «Въ ваши годы, въ ваши годы»....., могъ только произнести шефъ жандармовъ.

— «Прослуживъ вѣрой и правдой четыремъ императорамъ, мало надежды, чтобы я измѣнилъ пятому», отвѣчалъ А. М. Тургеневъ.

Не смотря на то, что, по настоянію многочисленныхъ друзей Тургенева, кн. Вас. Андр. Долгорукій извинился передъ нимъ, объясняя происшедшее ошибкой, что А. М. смѣшали съ родственникомъ его, Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеновымъ, однако случай этотъ произвелъ на него такое непріятное впечатлѣніе, что онъ уѣхалъ на 1857 и 1858 г. за границу.

Манифестъ 19 февраля 1861 г. привелъ въ умиленіе Тургенева; вотъ что онъ писалъ дочери своей:

— «Вчерашній день совершилось дѣло на землѣ истинно великое, христіанское и до вчерашняго никогда не случавшееся! Благочестивѣйшій и благодунѣйшій царь и самодержецъ православной Россіи разрушилъ, сокрушилъ навсегда оковы, приковывавшія 23 милліона къ землѣ, какъ неодушевленное дерево прикрѣпляли корни, глубоко вѣд्रीयшія въ землѣ безъ малаго столѣтіе. 23 милліона народа, поработаннаго до скотскаго существованія, возродилъ въ человѣчскій бытъ, отверзъ милліонамъ очи и уста, возродилъ въ милліонахъ сознаніе человека, что не скотина, не вещь, что его не будутъ продавать какъ быка или мѣнять на борзую собаку.

«Въ сонмѣ царей нашъ православный царь сталъ выше всѣхъ царей, ему предшествовавшихъ и сущихъ!»

По возвращеніи изъ геттингенскаго университета до своей смерти А. М. Тургеневъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими людьми Россіи: Сперанскимъ, Канкринимъ, Жуковскимъ, съ которымъ переписывался въ теченіи 30 лѣтъ, кн. П. А. Вяземскимъ, графами Строгановыми; въ 1850 годахъ на квартирѣ его на Милліонной собирались молодые литераторы и читали свои произведенія. Здѣсь И. С. Тургеневъ впервые прочелъ свой рассказъ «Муму» и многія другія повѣсти;

гр. Л. Н. Толстой свои «Военные рассказы»; тутъ же читали свои произведенія В. П. Боткинъ, Я. П. Полонскій, И. А. Гончаровъ, Дружининъ; тутъ же бывалъ Н. А. Милютинъ и многіе другіе дѣятели по освобожденію крестьянъ.

А. М. Тургеневъ женился 17 апрѣля 1835 г. на Пелагеѣ Христіановнѣ Литке, отъ которой имѣлъ дочь Ольгу, крестницу Василя Андреевича Жуковскаго, вышедшую замужъ за С. Н. Сомова.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ скончался въ іюлѣ 1863 года, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ и погребенъ.

Не смотря на свой 92-й годъ, онъ до конца жизни своей сохранилъ зрѣніе и память.

А. С.

I.

1848 года, октября 26 числа, въ три часа пополудни, совершилось семьдесятъ три года, какъ я былъ оживотворенъ, увидѣлъ свѣтъ Божій и закричалъ, нѣтъ—заплакалъ. Всѣ приходящія жить подъ солнцемъ начинаютъ воплемъ; всѣ здѣсь на испытаніи, а въ искуствѣ быть—страдательное бытіе.

Появленіе мое на семь свѣтѣ сбылось въ первопрестольномъ радѣ Царства Русскаго въ Москвѣ, въ домѣ и нынѣ еще (1848 г.) существующемъ, въ Китаѣ-городѣ (такъ называлась часть города), между Ильинскихъ и Варварскихъ воротъ Бѣль-города (также названіе части города), на скатѣ горы къ Варварскимъ воротамъ, второй домъ отъ церкви Преображенія Господня, что слыветъ на Глинищахъ. Этотъ домъ принадлежалъ дворянскому роду Тургеневыхъ и болѣе 200 лѣтъ переходилъ по праву наслѣдія отъ отца къ сыну.

Заря жизни моей была прекрасна, какъ теплое утро дня въ маѣ; родитель мой былъ дворянинъ знаменитаго рода; имѣлъ болѣе тысячи душъ крестьянъ, ему принадлежащихъ, получалъ болѣе 20-ти тысячъ рублей въ годъ съ имѣнія доходу; въ то время 20 тысячъ рублей значили болѣе ста двадцати тысячъ настоящаго времени. Вотъ цѣнность жизненныхъ потребностей продовольствія: я помню—калачъ покупали за одну копейку мѣдью;

такого же вида, но вѣроятно менѣе вѣсомъ, нынѣ калачъ стоитъ 35 в., т. е. 10 коп. серебромъ; посему можно представить себѣ въ какомъ изобиліи и довольствіи жилъ тогда православный народъ Царства Русскаго! Счастливая, беззаботная, увѣренная жизнь распространялась тогда во всѣхъ разрядахъ общества; всѣ и каждый были несомнѣнно увѣрены, что рука сильного не задавить его по произволу, по прихоти!

Кн. Прозоровскій, Александръ Александровичъ, ген.-аншефъ, главнокомандующій въ Москвѣ, вопреки узаконенія, приказалъ поставить 25 человекъ солдатъ на квартиры въ домѣ состоящаго на дѣйствительной службѣ капитана Трубникова; капитанъ, не получивъ отъ кн. Прозоровскаго на прошеніе о сводѣ солдатъ съ постоя изъ его дома удовлетворенія, послалъ на высочайшее имя императрицы Екатерины всеподданнѣйшее прошеніе; почта пришла изъ Москвы въ два часа пополудни; по повелѣнію ея величества куверты на высочайшее имя почтъ-директоръ былъ обязанъ лично, безъ наималѣйшаго промедленія, подносить ея величеству въ которомъ бы часу времени приходъ почты ни случился. Почтъ-директоръ Калининъ явился съ кувертомъ во дворецъ; камердинеръ Секретаревъ разбудилъ Государыню (такъ было навсегда приказано), ввелъ почтъ-директора; онъ поднесъ ея величеству кувертъ. Государыня, прочитавъ прошеніе капитана Трубникова, изволила сказать почтъ-директору:

— „Подождите нѣсколько минутъ въ другой комнатѣ“, камердинеру Секретареву приказала подать шахматную складную доску, держать чернильницу и свѣчу и на томъ же прошеніи Трубникова изволила собственноручно написать рѣшеніе сими словами:

„По полученіи сего свести солдатъ изъ дома капитана Трубникова“, — запечатала въ кувертъ, подписала: „нашему генер.-аншефу, кн. Прозоровскому въ Москвѣ“, и, отдавая его почтъ-директору, приказала тотчасъ отправить съ нарочнымъ, прибавя къ сему слова: „надѣюсь, проситель останется довольнымъ и наша съ нимъ корреспонденція симъ окончится“!

Съ 1786 или 1787 года я былъ уже записанъ въ конный полкъ гвардіи, въ чинѣ вахтмейстера; меня отправили на службу царскую, дали мнѣ слугу и дядьку Филиппа, снабдили избы-

точно бѣльемъ, полотенцами, чулками и проч., и пр. Дядькѣ Филиппу вручили пятьсотъ рублей денегъ на содержаніе мое во градѣ Св. Петра, наказавъ ему деньги поберегать, мнѣ воли не давать тратить деньги напрасно; кибитку, въ которой меня отправляли, начинили, какъ праздничный пастеть, пирогами, пирожками, кулебякой, домашними сухарями къ чаю, калачами тверскими (лучшіе калачи въ Москвѣ пекли тогда на Тверской улицѣ); къ сему провіанту было приобщено три, четыре кисы съ жареными курицами, утками; гусь и индѣйки жарены, во уваженіе ихъ родства, имѣли отдѣльное помѣщеніе, для каждой изъ сихъ первостатейныхъ особъ была особая киса; сзади кибитки было привязано, — не подумайте чего инаго, — было привязано большое ведро съ замороженными щами.

Надобно сазать, меня отправляли на службу зимнимъ путемъ, въ филипповъ постъ; ямщикъ былъ нанятъ протяжный до Питера; ѣхалъ шагомъ вмѣстѣ съ обозами; въ тогдашнее время на почтовыхъ ѣзжали государственные сановники, знатные вельможи, — а я былъ вахмистръ, невелика птица; даже по чину не ваше благородіе, а ваша милость потому титуловали меня, что я родовой дворянинъ, на службѣ же царской послѣдняя спица въ колесницѣ!

Передъ отправленіемъ, меня родители благословили иконою Спасителя нашего, Нерукотворенною именуемою. Сверхъ сего родительница надѣла мнѣ на шею небольшой крестъ Животворящей съ ладонкою и дала мнѣ мѣшочекъ съ мѣдными копѣйками и денежками, наказавъ накрѣпко, чтобы я не могъ отказать просящему милостыни Христа ради; въ мѣшечкѣ было мелкою монетою рубля полтора.

Вотъ нынѣ дилижансы, постъ-кареты, заведены еще экстра-постъ-кареты, правда ѣдутъ скоро, какъ перепела быстро летаютъ — да зато голодно! Мы тогда ѣзжали тихо, да сытно и на дорогѣ не кувыркались. Пословица говорить: тише ѣдешь — дальше будешь! Прежде, т. е. въ наше время, люди жили не топясь, они ходили, а не бѣгали, ѣзжали, а не скакали, зимою одѣвались въ шубы для содержанія тепла въ тѣлѣ, а не одѣвались для щегольства по лѣтнему, зато и жили они долго, не только не знали, не страдали, да и не слыхивали о болѣзняхъ,

которыми нынѣ страдают преимущественно въ такъ называемомъ лучшемъ кругу общества.

Извѣстно уже, что шестіе мое совершалось на протяжныхъ, на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ безъ перемѣны; меня везли дней 18 и можетъ быть 20; давно это было, запомнилъ, но вотъ о чемъ твердо помню: мнѣ не довелось ни одного раза въ продолженіе всего времени путешествія развязать мѣшечка, всѣ копейки и денежки — прибыли со мною во градъ Святаго Петра безъ ущерба — точно въ томъ порядкѣ, какъ были уложены родительницею моею въ Москвѣ. Это свидѣтельствуетъ, что въ дорогѣ, въ продолженіи 20-ти дней, я ни одного нищаго, просящаго милостыню, не видалъ. По моему сіе событіе есть вѣрнѣйшее и никакому опроверженію не подверженное доказательство благоденствія и довольствія быта народнаго. Всѣ написанныя статистики экономіи государственнаго хозяйства вѣрнѣе и справедливѣе доказать сего не могутъ! Дополню еще тѣмъ, что тогда видали людей огорченныхъ, плачущихъ-же (только) на погребеніяхъ при послѣднемъ цѣлованіи.

II.

Я долго уже служилъ въ полку до роковаго дня несчастія Россіи, до 6-го числа (ноября) 1796 года, дня кончины мудрой, добродѣтельнѣйшей, всегда милостивѣйшей, всегда справедливѣйшей повелительницы сѣвера, Великой Екатерины, Императрицы Всероссійской! Молодость моя счастливо и пріятно провратилась; тогда съ тысячью рублей ассигн. можно было жить и пріятнѣе, и изобильнѣе, нежели въ настоящее время съ 10-ю тысячами! Содержаніе мое пищею стоило шестьдесятъ рублей въ годъ; почтенная вдовствующая супруга вахмистра Кутликова, Татіана Борисовна, содержала что нынѣ называютъ *café-restaurant*; объ акцизахъ тогда никому и во снѣ не грезилось,—это налетѣвшія къ намъ гости изъ нѣмецкины; мы тогда жили безъ системы, безъ познанія о государственной экономіи, безъ наималѣйшаго вмѣшиванія въ хозяйство домашнее блюстительной, неусыпной о тишинѣ, спокойствіи и порядкѣ городской полиціи! но всѣ были довольны; тишина, спокойствіе и во всемъ должный порядокъ были всегда сохранены ненарушимо, о чудо! безъ этого систематическаго порядка за пять рублей асс. въ мѣсяцъ имѣли обѣдъ изъ четырехъ блюдъ и пирожки къ супу, а послѣ обѣда чашку кофе. Въ настоящее время (1848 г.), не только у Излера, да въ Палкинскомъ и Балабинскомъ трактирахъ за 1 р. 50 к. серебр. сытъ не будешь. У г-на Излера гвардейскіе подпрапорщики тысячи рублей за одни пирожки состоятъ въ долгу.

5-го числа ноября 1796 г. я былъ въ караулѣ, въ Зимнемъ дворцѣ; офицеръ, начальникъ караула, былъ поручикъ Янковичъ - де - Мирьево. Вотъ что тогда вдругъ всѣ во дворцѣ узнали и пересказывали о приключившейся болѣзни государыни.

По заведенному съ давняго времени порядку, императрица Екатерина въ 6 часовъ утра 5 числа ноября встала съ постели, по обыкновенію сварила себѣ кофе (Екатерина утромъ сама приготавливала себѣ кофе), выпила, какъ то всегда дѣлала, одну чашку. Всегдашніе безсмѣнные въ комнатахъ ея величества служители, горничная (камеръ-юнгфера), Марія Савишна Перекусихина, и камердинеръ, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, не

замѣтили ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, поступѣ, въ рѣчахъ государыни; никакого самомалѣйшаго признака нездоровья или изнеможенія; императрица ходила по комнатѣ твердо, бодро, занималась прочтеніемъ представленныхъ наканунѣ докладовъ, казалось была въ хорошемъ, веселомъ расположеніи духа—шутила въ разговорахъ съ ними.

Въ 8 часовъ Екатерина пошла въ комнату, въ которую и цари ходятъ своими ногами.

Захаръ Зотовъ заглянулъ въ кабинетъ, чтобъ доложить ей о чемъ-то; не увидѣвъ ея на креслахъ за бюро, притворилъ дверь и ожидалъ возвращенія. Прошло минутъ 10-ть, Зотовъ опять заглянулъ въ кабинетъ и, не увидавъ императрицы на креслахъ, бросился въ ту комнату, куда государыня пошла, отворилъ дверь и увидѣлъ государыню лежащую на полу. Отъ испуга камердинеръ Зотовъ закричалъ, на крикъ его всѣ бывшіе въ комнатахъ камеръюнкферской и въ дежурной камердинеры прибѣжали.

Впродолженіи 10 минутъ вся прислуга въ Зимнемъ дворцѣ и весь гвардейскій караулъ знали уже о приключившейся болѣзни ея величеству—матушкѣ-государынѣ, какъ тогда Екатерину называлъ старый и малый. Послали ту-же минуту за Роджерсономъ, лейбъ-медикомъ, и къ другимъ докторамъ. Императрицу перенесли въ кабинетъ ея и положили посреди комнаты на матрасѣ; съѣхались доктора, прибѣжалъ генераль-адъютантъ свѣтл. кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ. Екатерина не могла говорить, будучи поражена ударомъ апоплексическимъ, но сохранила память и волю; знаками изъясняла, что она никакого пособія врачебнаго искусства не хочетъ и наконецъ съ напряженіемъ силы отдернула руку, когда хотѣли ей пустить кровь.

Въ 10 часовъ утра всѣ залы дворца были наполнены царедворцами, государственными сановниками и прочими служащими чиновниками, также и жителями города, имѣвшими право приѣзда ко двору. Дворцовская площадь была покрыта экипажами, народъ толпился передъ дворцомъ. Меня послалъ ген.-ад. кн. Зубовъ къ маіору гвардіи коннаго полка, генер.-маіору Григорію Алексѣевичу Васильчикову, съ приказаніемъ ему прибыть немедленно во дворецъ.

Въ 12 часовъ князь Зубовъ послалъ брата своего, графа Николая Зубова, въ Гатчино (всегдашнее мѣстопребываніе вел.

князя наслѣдника Павла Петровича) извѣстить его высочество о случившемся съ императрицею.

Въ 6-мъ часу пополудни прибылъ великій князь наслѣдникъ въ Петербургъ изъ Гатчино.

Вся семья его высочества при немъ была созвана въ комнату предъ кабинетомъ. Наслѣдникъ въ тревожномъ состояніи духа; нетерпѣніе обнаруживалось на лицѣ его, негодование на смерть... Его высочество безпрестанно входилъ въ кабинетъ, гдѣ лежала на матрацѣ страдавшая его мать, и возвращался съ видомъ неудовольствія. Медики толпились вокругъ матраца, на которомъ угасала жизнь лампы, озарявшей блескомъ славы, величія и могуществомъ вселенную, — систематически, ученѣйшимъ образомъ, объясняли свои мнѣнія и предположенія о причинѣ происшедшей болѣзни, спорили, соглашались и ничего къ возстановленію здравія страдавшей не предпринимали.

Въ комнатѣ, предъ кабинетомъ, гдѣ было семейство царское, господствовала глубочайшая тишина и молчаніе; на двухъ лицахъ изъ присутствовавшихъ въ семъ собраніи — на лицѣ великаго князя Александра Павловича и свѣтл. князя Платона Зубова, выражалась скорбь души; прочіе толпились въ почтенномъ разстояніи отъ царскаго семейства, щитилися одинъ за другого, чтобы не быть въ первомъ ряду; всѣ и каждый старались сформировать свои рожи, чтобы на нихъ изображалось вмѣстѣ радостное ожиданіе будущаго и приличное сожалѣніе о бывшемъ; украдкой, въ ожиданіи роковой минуты, нюхали табакъ! У всѣхъ была дума на умѣ, что будетъ пора, когда и подышать свободно не удастся.

Великій князь Павелъ, только успѣвшій выйти изъ кабинета, услышавъ, какъ и всѣ въ комнатѣ находившіеся, въ кабинетѣ ужасный стонъ и столь громкій, что его во всѣхъ залахъ дворца слышали, вынулся въ кабинетъ и едва отворилъ двери, лейб-медикъ Роджерсонъ встрѣтилъ его привѣтствіемъ: *tout est finit*. Великій князь Павелъ повернулся на каблукахъ направо кругомъ на порогъ дверей, накрылъ голову огромной шляпой, палка по формѣ въ правой рукѣ, охриплымъ голосомъ возгласилъ:

— „Я вашъ государь! по па сюда“!

Мгновенно явился священникъ, поставили аналой, на которомъ были возложены Евангеліе и Животворящій крестъ Господень.

Супруга его величества, Марія Θεодоровна, первая произнесла присягу. Послѣ ея величества великій князь, старшій сынъ и наслѣдникъ, Александръ, началъ присягать; императоръ подошелъ къ великому князю и изустно повелѣтъ изволилъ прибавить къ присягѣ слова: „и еще влянусь не посягать на жизнь государя и родителя моего“! Прибавленные слова къ присягѣ поразили всѣхъ присутствующихъ какъ громовой ударъ...

Не стало одного лица между живыми, одинъ человекъ отделился навсегда отъ миллионѣвъ — и сто миллионѣвъ бѣдствуютъ (въ Россіи въ 1796 году считали 50 мил. населенія, но у насъ считаютъ одинъ мужескій полъ, присоедините женщинъ, ибо онѣ также человекъ и увидите, что все населеніе Россіи въ 1796 году составляло болѣе 100 мил. жителей; я думаю не считать женщину человекѣмъ началось и осталось со времени подавлявшаго Русь ига татарскаго: ханскіе баскаки и сборщики дани, переписчики числа головъ — какъ послѣдователи Магометова закона, въ которомъ считаютъ женщину оживленною утварью, потребностью человекъ, но не человекѣмъ, ввели и у насъ сей порядокъ).

III

Впродолженіи 8 часовъ царствованія вступившаго на все-россійскій Самодержавный тронъ, весь устроенный въ государствѣ порядокъ правленія, судопроизводства, — однимъ словомъ, всѣ пружины государственной машины были вывернуты, столкнуты изъ своихъ мѣстъ, все опрокинуто вверхъ дномъ и все оставлено и оставалось въ семъ исковерканномъ положеніи четыре года! Однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ! Мѣста государственныхъ сановниковъ ввѣрены людямъ безграмотнымъ, не получившимъ никакого образованія, не имѣвшимъ даже случая видѣть что либо полезное, поучительное; они кромѣ Гатчины и казармъ тамъ, въ которыхъ жили, ничего не видали, съ утра до вечера маршировали на учебномъ мѣстѣ, слушали бой барабана и свистъ дудки! Бывшему у генер.-анш. Степана Степ. Апраксина въ услугѣ лакею Клейнъ-Михелю повелѣно обучать военной тактикѣ фельдмаршалѣвъ. Да шесть или семь тогда находившихся въ Петербургѣ фельдмаршалѣвъ сидѣли около стола, вверху котораго предсѣдательствовалъ бывшій лакей

Апраксина Клейнъ-Михель и исковерканнымъ русскимъ языкомъ преподавалъ такъ названную тактику военного искусства фельд-маршаламъ, въ бояхъ посѣдѣвшимъ! Вся премудрость ученія Клейнъ-Михеля заключалась въ познаніи фронтоваго ученія вступающаго въ караулъ батальона, въ отправленіи службы будучи въ караулѣ, какъ выходить въ сошки, брать ружья и прочихъ мелочей.

Первый подвигъ свой (новый порядокъ) обнаружилъ объявленіемъ жестокой, беспощадной войны злѣйшимъ врагамъ государства русскаго—круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ!

На другой день человѣкъ 200 полицейскихъ солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или четыре партіи, бѣгали по улицамъ и во исполненіе (особаго) повелѣнія срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія быстро и побѣдоносно кончена: въ 12 часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокровенными главами и въ раздранномъ одѣяніи, полунагіе.

Двери, ставни оконъ и все, что деревянное въ строеніи выходило на улицу, было въ одни сутки раскрашено въ шахматы; видъ сей и до сего времени (1848 г.) напоминаютъ намъ будки гауптвахтъ и фонарные столбы.

Въ день объявленія войны соединеннымъ врагамъ Россіи, круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ, я самъ былъ на волось отъ бѣды, могъ быть признанъ за лазутчика, посланнаго непріателемъ для развѣдыванія о состояніи войска, и конечно молитва доброй моей матери спасла меня отъ бѣдъ и напастей.

Предъ разсвѣтомъ на 7-е число дали мы присягу воцарившемуся государю на вѣрность службы; намъ объявили приказъ не надѣвать кромѣ мундира другаго платья,—въ царствованіе Еватерины внѣ службы всѣ были одѣты во фраки; всѣмъ было приказано не отлучаться съ квартиръ, быть во всегдашней готовности.

Я достоинъ былъ быть наказаннымъ — не исполнилъ приказа; но молодость и любопытство, сильные двигатели въ 18-ти-

лѣтнемъ возрастѣ, заставили меня преступить заповѣдь. Я надѣлъ теплую кирейку (такъ тогда называли скуртукъ), голову прикрылъ конфедераткой (шапочка, обыкновенно чернаго сукна, удобная, повойная и красивая) à-la-Костюшко, и пошелъ изъ полка, расположеннаго тогда за Таврическимъ дворцомъ, по прямой линіи къ Смольному монастырю. Я прошелъ благополучно, безъ страха и опасенія, до Невской набережной, не встрѣтилъ даже ни одного обезшляпеннаго и оборваннаго высланнымъ войскомъ рыцарствовать, но взоидя на мостъ, перекинутый черезъ каналъ у бывшаго дома Бецкаго, увидѣлъ съ моста сильный натискъ на носителей круглыхъ шляпъ, фраковъ и жилетовъ. Первая мысль у меня была уклониться благовременно отъ нашествія. Я вспомнилъ о приказаніи не надѣвать другаго платья кромѣ мундира, не отлучаться изъ расположенія полка; меня пугала и конфедератка на головѣ. Къ счастью моему, я былъ въ 10 шагахъ отъ двери квартиры почтеннаго друга моего, Василя Алексѣевича Плавильщикова, жившаго тогда въ домѣ Бецкаго, переданнаго уже супругѣ генерала Рибаса; я и юркнулъ къ нему, какъ чижъ въ западню; хозяинъ велѣлъ подать кофе и мы, будучи внѣ опасности подвергнуться оскорбленію полицейскихъ солдатъ, смотрѣли въ окно на героевъ полицейскихъ, не скажу съ удовольствіемъ, но не могли удержаться отъ смѣха! Въ этомъ представленіи мелодрамы являлись столь странныя и каррикатурныя позы, что и одержимый тяжкою болѣзнію, увидѣвъ ихъ, забылъ бы свою боль тѣла и расхохотался. Одинъ, лишенный шляпы, удостоенный изорванія фрака и жилета, въ недоумѣніи, что съ нимъ сдѣлали, ограждалъ себя знаменіемъ креста, которое и сохраняло пострадавшаго отъ дальнѣйшихъ и вѣщихъ оскорбленій; вступившихъ же въ споръ и состязаніе съ рыцарствующею полиціею героевъ привѣтствовали полновѣсными ударами палкою. Жалобамъ не внимали, суда не давали, а изъ бока или спины награжденія полученнаго не вынешь,—это такой формуляръ, котораго (никакая) власть не можетъ выскоблить: что на спинѣ или на боку отиснуто, съ тѣмъ и въ могилу ляжешь.

Другъ мой, Плавильщиковъ, видѣвъ усердное исполненіе особаго повелѣнія, сказалъ мнѣ:

— Я васъ, Александръ Михайловичъ, не выпущу отъ себя до темной ночи; вѣроятно съ ночью темнотою буря эта поза-тихнетъ и вы благополучно въ санкахъ доѣдете въ полкъ.

Я охотно согласился на предложеніе и остался у него до вечера.

Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ зналъ уже объ объявленной войнѣ врагамъ отечества; ему сообщилъ эту тайну знаменитый нашъ Иванъ Афанасьевичъ Дмитріевскій, который рано утромъ былъ у военнаго губернатора, Николая Петровича Архарова, видѣлъ собранное войско на истребленіе шляпъ и изуродованіе фраковъ и жилетовъ и слышалъ всѣ распоряженія и наставленія, данныя предводителямъ: наступать смѣло, дѣйствовать рѣшительно, безъ пардона. В. А. Плавильщиковъ давно уже послалъ слугу къ театральному бутафору (покупщикъ всѣхъ потребностей для сцены) просить какой нибудь старой театральной трехъугольной шляпы; если бы кто предложилъ 100,000 руб. за трехъугольную шляпу, то и тогда не могъ бы получить, ее: во всѣхъ лавкахъ, шляпами торгующихъ, и о заводѣ трехъугольныхъ шляпъ помысла не было. Слуга Плавильщикова замедлилъ; вотъ уже два часа пополудни, а слуги еще нѣтъ! Въ тогдашнюю эпоху всякая бездѣлица наводила безпокойство; но скоро мы услышали большое словопрепираніе, крикъ и всегда сему сопутствующую брань. Мы оба потихоньку сошли съ лѣстницы, приложили уши къ двери, чтобы дознать причину словопренія и услышали слѣдующій разговоръ:

Слуга Плавильщикова: „Да что вы за безтолочь, не пускаете меня въ домъ, гдѣ я живу; меня посылали мой господинъ вотъ за шляпою, видите вотъ она, онъ меня дожидается“.

Начальникъ когорты отвѣчалъ: „Да хотя бы самъ Гавріилъ митрополитъ тебя дожидался и тогда не пропущу; ты слѣпъ развѣ, посмотри хорошенько бурвалами, видишь дверь мажутъ, а мазать двери повелѣлъ государь и намъ приказано до вечера всѣ двери, ставни, квасни, фонарные столбы непременно вымазать въ шахматы по данному образцу, а кто не вымажетъ назначенной лепорціи (пропорціи), тому посулена стойка богатая—500 палокъ на спину; такъ я такого сытнаго угощенія не желаю и коли ты еще будешь намъ мѣшать мазать, такъ я тебя такъ чупрысну по мордасу, что ты всѣ звѣзды на небѣ пересчитаешь!“

Василій Алексѣевичъ закричалъ слугѣ: „Что-жъ дѣлать, дожидайся пока оюнчатъ мазанье!“

Черезъ часъ спустя осада со входа къ намъ была снята и слуга, иззабнувшій на улицѣ, подалъ съ ворчаньемъ Василю Алексѣвичу засаленную и молью источенную шляпу, которая,

вѣроятно, со временъ Елизаветы, когда Аблязовъ (Аблесимовъ) сочинилъ русскую оперу „Мельникъ“, валялась въ углу бутафорской кладовой. Плавильщиковъ былъ очень доволенъ такою находкѣ, да какъ и не быть довольнымъ; что до того, что засаленный, грязный войлокъ на головѣ, да подъ покровительствомъ его—голова цѣла, не отвезуть для житья каморки за Невой, въ Петропавловской.

Вечеромъ, часовъ въ 9, мнѣ наняли сани и я благополучно доѣхалъ домой. Лишь только я перешагнулъ порогъ въ мою комнату, Филиппъ, дядька, объявилъ мнѣ, что дежурный вахтмейстеръ Ягапкинъ прислалъ гефрейтора съ приказомъ, чтобы я, въ 5 часовъ утра, явился на ротный дворъ просто въ плащѣ, а тамъ будутъ меня одѣвать по новой формѣ, что я наряженъ на ординарцы въ его величеству государю. Вѣсть эта меня какъ морозомъ охватила; нечего дѣлать—въ 5 часовъ утра я былъ уже на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волосы по утвержденной формѣ и пригонять амуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы обмануть ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха. Меня посадили на скамью посрединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку, потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного чѣмъ мене сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ и еще 73 года жить на семь свѣтѣ, я этой продѣлки не забуду!

Минуть 5 и много 6 усерднаго тренія головы моей костюмеромъ привело меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая либо немощъ: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все въ ней находившееся вертающимися. Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣскольбо минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена и г. профессоръ обманенія головъ по формѣ благоволилъ объявить вахтмейстеру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головѣ моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, меня, вмѣсто пудроманта, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзъ на двѣ

половины лица и, набравъ въ ротъ артельного квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепазданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи, прочесали мнѣ волосы гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клестеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною 8 вершковъ, пруть для образованія косы по формѣ, бужли придѣлали мнѣ войлочные, огромной природы, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фалконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ 9 часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ головы моей, какъ изверженная лава волкана, и я подъ симиъ покровомъ могъ безъущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду. Принялись за облаченіе тѣла моего и украсили меня не яко невѣсту, но яко чучело, поставляемое въ огородахъ для пуганія воронъ. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я не могъ понять, для чего преобразовали меня изъ вида человѣческаго въ уродливый видъ огороднаго чучела.

Въ 11 часовъ утра стоялъ приготовленный караулъ предъ дворцомъ, это тогда называли вахтъ-парадъ. По вступленіи новаго караула въ Зимній дворецъ, предъ окончаніемъ вахтъ-парада, когда царю ничего не оставалось дѣлать и его величество ожидалъ караульный капитанъ съ лентою, чтобы его величество благоволилъ завязать свернутое знамя, подбѣжалъ ко мнѣ ужасный Аракчеевъ, который тогда всѣмъ по военной части распоряжалъ и командовалъ, и сказалъ: „ступай за мной, ракалія, являться къ государю“.

Я пошелъ.

Шаговъ пять не доходя до царя, Аракчеевъ далъ мнѣ знакъ являться. Я остановился и во все горло, сколько было духа, проговорилъ: „къ вашему императорскому величеству отъ коннаго л.-гв. полка на ординарцы присланъ“.

Всемиловѣйшій государь, въ знакъ высочайшей милости, благоволилъ улыбнуться и, подойдя ко мнѣ, изволилъ начать рѣчь ко мнѣ:

- Вы, сударь, изъ которой губерніи дворянинъ?
- Изъ Московской, ваше величество, отвѣчалъ я.
- Ваша, сударь, фамилія?
- Тургеневъ, ваше величество.
- Я зналъ артиллеріи генераль-лейтенанта Тургенева, что онъ вамъ?

— Дѣдъ, ваше величество.

— Хорошо, сударь, такъ мы знакомые люди, и, подойдя ко мнѣ еще ближе, потрепавъ меня по плечу, изволилъ сказать: „эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша“.

Я былъ уже одѣтъ по новой, т. е. по гатчинской формѣ.

Плацъ-адъютантъ провелъ меня въ предкабинетную комнату и сказалъ: „будь здѣсь безотлучно“. Брандобрѣй царскій, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, царство ему небесное, подошелъ самъ ко мнѣ и началъ мнѣ преподавать правила, какъ я долженъ исполнять мою должность.

— Вотъ, ты видишь, у тебя надъ головою сонеть, какъ скоро государь дернетъ шнурокъ, сонеть зазвенитъ, ты ту-же минуту ступай въ кабинетъ, да смотри—живѣе, не робѣй, по формѣ, да не опускай глазъ внизъ; когда государь тебѣ будетъ что повелѣвать, смотри во всѣ глаза на его величество; никого къ царю не пускай, а уважи на меня, чтобы я предварительно доложилъ; когда тебѣ идти обѣдать я скажу.

Вскорѣ послѣ сего наставленія Ив. Пав. Кутайсовъ вышелъ изъ кабинета царскаго и сказалъ мнѣ:

— Императоръ сейчасъ изволилъ ѣхать верхомъ, ты поѣдешь за нимъ, ступай скорѣе, чтобы твоя лошадь была готова.

Я только что успѣлъ приготовить лошадь свою, какъ государь сходилъ уже съ лѣстницы подъ большими средними воротами въѣзда на большой дворъ; Фрипонъ, вѣрный слуга и товарищъ во всѣхъ походахъ, сраженіяхъ и атакахъ, въ окрестности Гатчины и Павловска, стоялъ у крыльца какъ вытесанный изъ мрамора. Его величество изволилъ осмотрѣть мундштукъ, заложилъ цѣпочку, и съ соблюденіемъ правилъ эвитаціоннаго искусства, ступилъ ногою въ стремя и взобрался на коня. Мнѣ было приказано ѣхать съ правой стороны, въ разстояніи, чтобы голова моей лошади равнялась съ бедромъ коня царскаго; съ лѣвой стороны въ такомъ же порядкѣ ѣхалъ камеръ-гусарь. Свиту состав-

ляли генераль-адъютанты, флигель-адъютанты и военный губернаторъ Архаровъ: толстое туловище съ огромнѣйшимъ пузомъ, какъ турецкій барабанъ, и на рыжемъ иноходцѣ, — каррикатурнѣе ничего быть не можетъ этой фигуры.

Государь, по выѣздѣ изъ воротъ, изволилъ шествовать по прямой дирекціи въ Луговую-Милліонную улицу, потомъ по Невскому проспекту до Казанскаго собора. Переѣхавъ мостъ, поворотилъ налѣво, по берегу Екатерининскаго канала, и прибылъ на Царицынъ лугъ; здѣсь изволилъ подѣхать къ Оперному дому (большой деревянный театръ, на которомъ представляли оперу итальянскую), объѣхалъ три раза вокругъ и, остановясь предъ входомъ (обычнымъ), охрипло сиповатымъ голосомъ закричалъ:

— Николай Петровичъ! (военный губерн. Архаровъ).

Архаровъ подѣхалъ къ царю; его величество, указавъ на театръ, соизволилъ повелѣть Архарову, „чтобы его (театра), сударь не было!“

Пихнулъ по своей привычкѣ Фрипона, наградивъ по головѣ палкою; чудесное животное былъ Фрипонъ: получивъ ударъ по головѣ, конь ухомъ не пошевелилъ. Павелъ Петровичъ толкнулъ Фрипона въ лѣвый бокъ шпорою и курцъ-галопомъ благополучно прибылъ въ Зимній дворецъ; сойдя съ коня и давъ Фрипону, вѣрному коню, нѣсколько кусковъ сахару; изволилъ шествовать въ свой кабинетъ, а я — къ дверямъ кабинета, стоять подъ сонетомъ.

Черезъ четверть часа щелкнулъ ключъ въ замкѣ дверей и изъ боковой двери вышелъ Ив. Пав. Кутайсовъ и сказалъ мнѣ: „ступай скорѣй за кавалерскій столъ, ѣшь досыта, да не мѣшкой, опять становись подъ сонеть!“

Подъ сонетомъ стоялъ до 5-ти часовъ безъ тревоги, но не безъ скуки, одинъ, истопника даже не было.

Вдругъ надъ головою у меня задребезжалъ сонеть; я въ ту же минуту вошелъ въ кабинетъ къ его величеству. Государь изволилъ стоять подлѣ литавръ конно-гвардейскихъ, поставленныхъ предъ штандартами; изволилъ сказать мнѣ:

— „Подойди сюда“.

Я подошелъ.

Государь началъ рѣчь семи словами: „вотъ здѣсь на литав-

рахъ должна всегда лежать труба штабъ-трубача; поѣзжай скорѣе къ генералу Васильчикову, возьми у него трубу штабъ-трубача, привези ко мнѣ, а ему скажи, что онъ дѣла своего не знаетъ!“

Поскакалъ я въ конную гвардію къ ген. Васильчикову, дорога меня вела мимо Царицына луга. Вообразите мое удивленіе: опернаго дома какъ будто никогда тутъ не было: 500 или болѣе рабочихъ ровняли мѣсто и столько-же ручныхъ фонарей освѣщало ихъ; работали съ огнемъ: въ ноябрѣ въ Петербургѣ въ 5 часовъ пополудни темно какъ въ глухую полночь. Это событіе дало мнѣ полное понятіе о силѣ власти и ея могуществѣ въ Россіи.

Шестьдесятъ шесть лѣтъ тому исполнилось, какъ меня начали учить грамотѣ русской; тогда обучали насъ читать послѣдованной псалтыри, печатанной въ типографіи Кіево-Печерской лавры, и я при семъ случаѣ вспомнилъ слова Давида: „Возносящеса яко кедръ ливанскіе, идохъ мимо и се не бѣ!“

IV.

Тридцать четыре года царствованія Екатерины II, царствованія мудраго, благотворнаго, великодушнаго, всегда обдуманнаго, всегда вроткаго, постоянно милосердаго, приучило всѣ умы въ постоянно плавному ходу общественной жизни: не было скачковъ, переломовъ, перемѣнъ, отмѣнъ; всѣ и каждый зналъ свое дѣло и былъ совершенно увѣренъ и спокоенъ, что дѣлаеть не ошибочно, не страшась подѣисковъ, дѣйствовалъ рѣшительно и безбоязненно всякой отвѣтственности. Справедливо сказалъ Нелединскій-Мелецкій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: „Правленіе умы заводить, послѣдній рабъ царю вслѣдъ ходить; коль пьяницы султаны, тогда имамъ, купецъ, солдатъ всѣ—пьяны!“

Екатерина сказала въ грамотѣ, дарованной дворянству: „отнынѣ да не накажется никогда на тѣлѣ дворянинъ російскій“.

Наслѣдовавшій ей Павелъ Петровичъ не хотѣлъ продолжать самодержавствовать по стопамъ ея, избралъ себѣ примѣромъ Петра I-го и началъ подражать просвѣтителю народа русскаго, да въ чемъ?—началъ бить дворянъ палкою.

Петръ присутствовалъ въ Сенатѣ, по крайней мѣрѣ, два раза въ

недѣлю, Павелъ ноги въ Сенатъ не поставилъ, не зналъ, какъ дверь отворяется въ храмъ верховнаго судилища; общее собраніе Правительствующаго Сената называлъ Овчимъ Собраніемъ.

Лишь только поднялъ Павелъ Петровичъ палку на дворянъ, все, что имѣло власть и окружало его въ Гатчинѣ, начало бить дворянъ палками. Дворянская грамота, какъ и учрежденіе объ управленіи губерній, лежали въ золотомъ ковчегѣ на присутственномъ столѣ Правительствующаго Сената, не бывъ уничтоженными, но неприкосновенными, какъ подъ спудомъ.

Несправедливо обвиняють Екатерину въ томъ, что она, видѣвъ запальчивый до изступленія характеръ сына, опрометчивость, не дававшую въ немъ мѣста здравому разсудку, наклонность его, можно сказать—и болѣе нежели наклонность, къ жестокимъ наказаніямъ, разрушающимъ чловѣка, не подумала благовременно сдѣлать распоряженіе о наслѣдїи самодержавства, не передала его внуку своему, великому князю Александру, старшему сыну сына своего.

Но вотъ вопросъ, подлежащій къ разрѣшенію: Екатерина при вступленіи на всероссійскій тронъ объявила манифестомъ народу русскому и во всей Европѣ, что восприняла бразды правленія и будетъ царствовать только до совершеннолѣтія сына ея. Если бы сынъ ея былъ одаренъ хотя посредственными способностями къ ношенію на раменахъ своихъ бремя правленія царскаго, Екатерина не могла бы безпрепятственно царствовать 34 года. Зависть Европы къ блистательной ея славѣ, постепенно укрѣпляющемуся величію и могуществу государства, страшнаго всей вселенной, не оставила бы прямаго наслѣдника безъ преподанія ему совѣтовъ и изъявленія готовности на содѣйствіе, нѣтъ! никто сего испытанія не рѣшился предпринять, сколь оно ни представлялось выгоднымъ для завидующихъ, ибо всякая смута въ Россіи препинала бы путь къ славѣ, величію и могуществу державы Русской.

Напротивъ, король и философъ великій Фридрихъ II, въ наставленіяхъ наслѣдникамъ своимъ, постановилъ непреложнымъ правиломъ, обращать всегда взоръ на Сѣверъ и всегда согласоваться съ предпріятіями мудрой повелительницы его.

Иосифъ II, императоръ, по тогдашнему именовавшійся римскій, о которомъ думали много, но который сдѣлалъ мало, т. е. много началъ и ничего не кончилъ, въ бытность свою въ Пе-

тербургъ, путешествуя подъ именемъ капитана Вейсъ или Фалькъ — не помню, обращался съ в. вн. наслѣдникомъ съ соблюденіемъ строгаго придворнаго этикета; тотъ-же Іосифъ, посѣтивъ Екатерину во время ея путешествія въ Херсонъ и Тавриду, обращался съ вн. Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ, какъ школьный товарищъ. Потемкинъ принималъ Іосифа, лежа въ постелѣ; можно заключить, что Фридерикъ и Іосифъ, во всякомъ случаѣ, были готовы поддержать владычество Екатерины.

Говорили, и утвердительно, при вступленіи на тронъ императора Павла, что духовное завѣщаніе дѣйствительно было Екатериною написано и ввѣрено въ храненіе кабинетъ-министру графу Безбородко, которымъ Екатерина назначала преемникомъ престола велик. князя Александра, родителя-же его, в. князя Павла, назначала быть генералиссимусомъ всѣхъ войскъ. Если первое назначеніе и дѣйствительно было опредѣлено духовнымъ завѣщаніемъ, то второму нельзя дать вѣры.

Екатерина болѣе и лучше нежели кто либо знала, что могущество, власть, слава, крѣпость и существованіе власти опирается на войско. Возможно-ли повѣрить, чтобы столь мудрая и прозорливая государыня, каковою весь свѣтъ признавалъ Екатерину, передавая Александру вѣнецъ и державу, въ то-же время отнимала у него могущество и крѣпость самодержавія назначеніемъ главнымъ повелителемъ войскъ устраниннаго отъ наслѣдія великаго князя, прямого законнаго наслѣдника и родителя, назначеннаго ею на царство! Это неимовѣрно.

Разсказывали, что лукавый малороссъ Безбородко, немедленно по прибытіи великаго князя изъ Гатчины, поднесъ его высочеству ввѣренное храненію его духовное завѣщаніе. Великій князь, принявъ отъ Безбородко духовную, изорвалъ и бросилъ въ каминъ. Если это справедливо, то должно согласиться, что Безбородко поступилъ какъ высокій умъ государственнаго правленія!!

При коронаціи въ Москвѣ, Павелъ пожаловалъ графу Безбородко 15 или 20 тыс. душъ крестьянъ. Безбородко, за пять мѣсяцевъ службы императору, получилъ награжденія во сто разъ болѣе, сколько былъ награжденъ императрицею за все время служенія при лицѣ ея величества!

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. М. Тургеневъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

въ запискахъ Варвары Ивановны Бакуниной.

Варвара Ивановна Бакунина; жена Михаила Михайловича Бакунина, сопровождала своего мужа въ 1796 году въ персидскомъ походѣ, а въ 1812 году была свидѣтельницей достопамятныхъ событій эпохи отечественной войны. Объ обоихъ этихъ моментахъ въ ея жизни Варвара Ивановна оставила два рукописныхъ разсказа. Мужъ ея, впоследствии начальникъ одной изъ губерній, и она—нынѣ давно умерли. Рукописи ея весьма обязательно доставлены намъ Е. М. Бакуниной. Печатаемъ второй изъ помннутыхъ разсказовъ. Рукопись подлинная неразборчиво написана, нѣсколько словъ нами не разобраны, нѣкоторыя и недописаны у автора. Разсказъ этотъ имѣетъ значеніе только какъ замѣтки современницы, заносившей въ свой дневникъ всё слухи, ходившіе въ то время въ обществѣ. Ред.

I.

Напомянанія.

Живучи въ столицѣ и въ короткомъ знакомствѣ съ людьми, намъ по связямъ и должностямъ многое извѣстно не всё извѣстное и многому даже скрытныя причины,—пришло мнѣ на мысль писать видѣнное мною, чего дозволено, и слышанное вѣрное—чего еще болѣе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ трудно будетъ себѣ привести на память обстоятельно разнообразныя случаи и происшествія, коими изобилуетъ вѣкъ нашъ; еще труднѣе будетъ припомнить новыя постановленія, замѣненныя другими; неоднократно изобрѣтенія бесполезны, но нѣкоторое время важными почитаемыя переимѣны въ образѣ мыслей, сужденіяхъ и превратности счастья людей, попереимѣнно возвышающихся и ниспадающихъ, все это мало-по-малу совершенно изгладится изъ памяти. Пріятно мнѣ будетъ самой найдти здѣсь любопытныя и достопримѣчательныя приключенія, всѣми давно забытыя; ежели бы болѣе имѣла досужнаго времени, могла бы описать напомянанія лѣтъ юности моея, времени высшей степени славы Россіи. Солнце ея было тогда на

самою высотѣ неба, плавно стало склоняться къ западу, но вдругъ быстро покатилося, скрылось подъ горизонтомъ,—сумракъ, потомъ глубокая тьма покрыла землю нашу. Вдругъ яркая багряная заря предвозвѣстила намъ восходъ солнечный; но едва стало оно освѣщать и согрѣвать насъ, какъ пары зараженные, поднявшись изъ земли ненавистой, собрались въ густой туманъ, сокрыли и притупили благотворные лучи его. О, когда Богъ русскихъ, вставши на сопротивныхъ и разсѣя мглу, просвѣтитъ отечество наше блестящюю полуденнымъ, облекши въ прежнюю славу!

Январь. Ожиданное преобразованіе сената не вышло къ пріятному всёю удивленію, вообще мало перемѣнъ, особливо въ сравненіи прошлагодняго.

Съ нетерпѣніемъ ожидали желаннаго мира съ турками. Надежда на оныя казалась основательною по благоразумнымъ распоряженіямъ М. Л. Голицына-Кутузова и неожиданномъ успѣхѣ во всёхъ его предпріятіяхъ противу непріятеля, который, въ ужасъ приведенный, болѣе насъ еще желалъ мира.

6-го числа не было парада Крещенскаго, но войска не распущены; нѣкимъ поводомъ къ предположенію, что ожидаютъ повседневно извѣстія о мирѣ и войска удержаны для торжества.

13-го числа большой парадъ, день рожденія Имп. Елисаветы Алексѣевны; каждаго пѣшаго полка гвардіи третьяго баталіона арестованы всё офицеры, худо маршировали, отъ того, можетъ быть, что озябли, морозъ былъ пресильный. На другой день войска отпущены и пріятная надежда наша стала ослабѣвать. М. Л. грустныя письма, скоро потомъ полученныя, заставили насъ оную считать тщетною.

Февраль. Слухи о налогахъ, разнообразныя толки, неудовольствіе отъ того, что исчезла надежда къ миру. Начали поговаривать о войнѣ съ французами и пророчить близкій походъ гвардіи. Гласъ Божій—гласъ народа. Манифестъ о налогахъ вышелъ, много недовольныхъ; но ропотъ уменьшился, когда сказанъ походъ полкамъ; не стали жалѣть о собственности, въ надеждѣ, что употреблено будетъ въ пользу на военныя издержки противъ врага ненавидимаго.

Армейскіе два полка вышли передъ масляницей, во время которой также пошли два полка гвардіи, егерскій и литовскій. Въсто веселія и сумасбродства масляныхъ, вездѣ тихо и уныло; безпокойныя лица отъѣзжающихъ и печальныя остающихся вселяютъ грусть и въ тѣхъ, кои не участвуютъ въ разставаніяхъ и не провожаютъ близкихъ сердцу; уныніе усугубилось и негодованіе возродилось отъ повелѣнія вести офицеровъ пѣшкомъ; изъявленіе единогласное неудовольствія; къ счастью, причина онаго скоро доведена до Государя, чрезъ его камердинера Крылова. Справедливо и милостиво сказалъ:

— „Въ мысляхъ не было; когда бы имѣлъ возможность, всёхъ бы повезъ въ самыхъ покойныхъ каретахъ“.

Посланы съ снѣгъ въ полки ушедшіе фельдъегера. Удовольствіе тамъ и здѣсь и благодарность Государю.

Мартъ. Приѣтно было только по колокольному звону, что пришелъ постъ, потому что на масляницѣ никому веселье не шло на умъ; выходить черезъ день полки; около половины мѣсяца вся гвардія будетъ уже внѣ Петербурга. Вел. князь выѣхалъ 18-го.

Великъ день для отечества и насъ всѣхъ—17-й день марта! Богъ ознаменовалъ милость свою на насъ, паки къ намъ обратился и враги наши пали. Открыто преступленіе въ Россіи необычайное, измѣна и предательство. Неизвѣстны еще всѣмъ ни какъ открылось злоумышленіе, ни какія точно были намѣренія и какимъ образомъ должны были приведены быть въ дѣйствіе. Должно просто полагать, что Сперанскій найѣренъ былъ предать отечество и Государя врагу нашему. Увѣряютъ, что въ то же время хотѣлъ возжечь бунтъ вдругъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи и, давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ. Извергъ, не по доблести возвышенный, хотѣлъ довѣренность Государя обратить ему на погибель. Магницкій, наперсникъ его и сотрудникъ, въ тотъ же день сосланъ. Увѣряютъ, что Ф. А. Воейковъ соучастникъ въ преступленіи, но онъ еще не наказанъ, удаленъ только отъ министра и дана ему бригада въ Москвѣ. Видно онъ еще не уличенъ, а подозрѣваемъ. Время откроетъ истину; слухи, также противорѣчащія другъ другу, и разногласіе въ томъ, кто открылъ преступленіе и какимъ образомъ.

17-го ввечеру Сперанскій былъ призванъ къ Государю, который, какъ увѣряютъ, долго его увѣщевалъ, надѣясь и ожидая признанія, но тщетно; ожесточенный измѣнникъ твердо увѣрять о своей невинности, наконецъ, уличенный доказательствами, кои были въ рукахъ Государя, бросился къ ногамъ его и рыдалъ горько, отъ страха ли то было или досады, что открылось, или отъ раскаянія—Богу одному извѣстно. Послѣ сего разговора былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ чиновникомъ, какъ говорятъ, въ Нижній, Магницкій—въ Вологду. Бумаги ихъ теперь разбираютъ Вязмит., Гол. и Молч. (?). Умудри ихъ Господи обнаружить все, открытъ преступниковъ и сообщниковъ ихъ и оправдать невинныхъ.

18-го числа потихоньку, за великую тайну, на ухо другъ другу шептали о ссылкѣ недостойнаго вельможи, но 19-го сдѣлалось то совершенно гласно и принята вѣсть съ восторгомъ; посѣщали другъ друга для поздравленія, воздали славу и благодареніе Спасителю Господу и хвалу сыну отечества, открывшему измѣну, но намъ неизвѣстному.

Никакое происшествіе на моей памяти не возбудило всеобщаго вниманія до такой степени, какъ это; все забыто,—одно занятіе, одна мысль, одинъ у всѣхъ разговоръ.

Любопытство у всѣхъ безгѣрное—знать обстоятельно причины паденія и будущую участь преступника; никого, однако же, измѣна не удивляла; давно ее угадывали, изъ всѣхъ новыхъ постановленій, клонящихся къ разрушенію порядка повсемѣстно и потрясенія въ самомъ основаніи зданія правленія. Исчислять начали всѣ вымысленныя положенія для удаленія отъ дворянства и для возрожденія взаимнаго негодованія.

Напримѣръ, указъ объ экзаменахъ. Какой способъ имѣютъ бѣдныя дворяне, желающіе служить въ гражданской службѣ, учиться языкамъ, римскимъ правамъ, философіи, физикѣ и проч. По этихъ экзаменахъ всѣ мѣста должны быть заняты семинаристами, подобными Сперанскому. Постановленіе, что придворное званіе не даетъ чина, пресѣкло лестную дорогу дворянамъ, лишло права награждать дѣтей за службу отцовъ и приближать ихъ къ себѣ; унизило и достоинство двора. Придворный мундиръ сдѣлался театральнымъ платьемъ, никакой цѣны не имѣющимъ за порогомъ двора. Что же было сдѣлано для возбужденія недовѣрчивости къ царю—еще важнѣе. Комиссія погашенія долговъ, которая походила на объявленіе банкротства и вновь положеніе не дѣлать подрядовъ, иначе какъ на серебро. Повседневно наслушавшись разнообразныхъ повѣствованій, особливо объ открытіи измѣны, иные говорятъ, что открыла в. к. Е. П., другіе Ари., сіи увѣряютъ, что Балашевъ, а тѣ—что Баграціонъ, но всѣ согласуются въ желаніи примѣрнаго наказанія преступнику и обнародованія преступленія и наказанія.

О, Боже, наставъ и просвѣти въ трудныя времена сіи императора, коему благоволилъ вѣрить счастье столькохъ милліоновъ людей; да укрѣпишь и умудренъ твоею силою и премудростію побѣдить враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ. Посреди всеобщаго одобренія нѣсколько робкихъ и слабыхъ голосовъ приносятъ немногія (?) невѣроятныя оправданія, сѣтуютъ на клевету, злобу и униженія министровъ противъ невинности, превозносятъ умъ, потому что о душѣ уже говорить нельзя, и увѣряютъ, что доказано уже, сколько Сперанскій могъ бы быть полезенъ, ежели бы не заблуждался! Но какъ судить о способностяхъ того, который все разрушалъ, какъ ручаться, что могъ бы соорудить или поддерживать; неужели тотъ, кто имѣя силы и способъ опрокинуть прекраснѣйшее зданіе, докажетъ намъ тѣмъ, что могъ бы и соорудить оное, ежели бы не на разрушеніе себя употребилъ.

24-го числа послѣ обѣда собранъ былъ сенатъ для чтенія манифеста о рекрутахъ. Съ 500—два. Манифестъ писалъ Шишковъ; слогу его важень, краснорѣчивъ и силенъ, но дикъ для многихъ: не привыкли къ изрѣченіямъ и оборотамъ рѣчи совершенно русскимъ; одна рѣчь взята изъ Феофанова слова на Полтавскую побѣду; бѣлая часть читателей не выразутъ.

Послѣ обнародованія манифеста начали говорить, что Шишковъ будетъ на мѣстѣ Сперанскаго, но потомъ замолчали; онъ устранился отъ двора, а Оленинъ началъ изгнѣваться и вѣроятно всѣмъ показалось, что послѣдній будетъ

государственнымъ секретаремъ, а не первый; тѣмъ паче, что имѣлъ случай видѣть часто Государя, докладывая по дѣламъ Сперанскаго. Продолжали говорить о паденіи Сперанскаго и всѣ благомыслящіе сожалѣли, что не гласно преступленіе и не строго наказаніе. Не радовались милосердію, называя оное попущеніемъ; единомысленники и потокатели Сперанскаго стали громче проповѣдывать о мнимои невинности его. О турецкомъ мирѣ не говорили, но о союзѣ съ шведами.

Апрѣль. Пришло непріятное, но ожидаемое извѣстіе объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ австрійцевъ съ французами; не удивило никого, кромѣ тѣхъ, кои бы надобно было сіе давно предвидѣть; огорчились какъ вещи неожиданной, удивились какъ не (?); стали говорить о скоромъ отъѣздѣ Государя, который назначилъ себѣ спутниками, кромѣ неразлучнаго гр. Толстаго, канцлера, Кочубея, Чячагова и Аршфельда, Аракчеева и Балашева. Барклай уже напередъ уѣхалъ. Здѣсь остался Вязмитиновъ главнокомандующимъ, коему поручена и часть дѣлъ министра полиціи. Н. И. Салтыковъ назначенъ предсѣдателемъ въ совѣтъ и въ комитетѣ министерскомъ.

9-го сего мѣсяца Государь, простясь съ царскою фамиліею, пріѣхалъ въ сопровожденіи только великихъ князей въ Казанскій соборъ въ часъ пополудни; митрополитъ служилъ молебенъ въ путь шествующимъ съ колѣнопреклоненіемъ. Государь плакалъ и всѣ съ нимъ; по окончаніи молебствія митрополитъ благословилъ Государя, который простился съ братьями, поклонился всѣмъ и сѣлъ въ коляску. Нѣсколько десятковъ тысячъ народу, собравшагося на тротуарахъ передъ церковью, закричало «ура»; стоящіе на крыльцѣ чиновники и всѣ бывшіе въ церкви повторили тѣ же восклицанія со слезами; Государь скоро усакалъ изъ вида, но народъ бѣжалъ долго за нимъ вслѣдъ.

Благослови, Господь, путь его и наставь его устроить все ко благу любезнаго отечества нашего. Передъ отъѣздомъ Государь призвалъ Шишкова и предложилъ ему мѣсто государственнаго секретаря; сей съ сокрушеннымъ сердцемъ принялъ предложеніе сіе, говоря, что всѣ силы и способности готовъ посвятить на службу Государю и пользу отечества. Назначеніе сіе удивило всѣхъ по не исканію, а удаленію Александра Семеновича отъ двора и вельможей; обрадовались всѣ честные и благомыслящіе люди такому выбору и почли оной новымъ знакомъ милости Господней. Одинъ Богъ могъ сіе внушить Государю, котораго отводятъ и отдаляютъ отъ Александра Семеновича, какъ и отъ всѣхъ честныхъ и прямудушныхъ людей. Со стыдомъ остался искавший всѣми способами мѣста сего и разчитывавшій уже, что оное получить.

Государь пробылъ въ Царскомъ Селѣ до 3 часовъ утра 10-го числа и продолжалъ путь свой, хотя съ трудностью, по причинѣ переправъ и испортившейся дороги, но благополучно, и прибылъ въ Вильно 14-го сего мѣсяца, въ Верное Воскресеніе. Унылѣе и пустѣе стоялъ городъ по отъѣздѣ Госу-

даря; всё слухи на нѣсколько дней замолкли. На Вербной и Страстной недѣлѣ всё назначенные въ путь за Государемъ выѣхали.

Чичаговъ, увѣряють, что поѣхаль въ Царьградъ, чтобы заключить за одинъ разъ миръ съ турками и англичанами; говорятъ, что онъ заѣдетъ въ Вильно для объясненія съ Государемъ, потому что наставленіе, данное ему отъ канцлера, противно тому, которое онъ получилъ отъ Государя; сказываютъ, что онъ поѣдетъ только до Бухареста, а Грейгъ отправленъ будетъ въ Царьградъ для переговоровъ съ англичанами; доброжелательствующіе М. Л. Голицыну-Кутузову увѣряють, что онъ миръ сдѣластъ прежде пріѣзда Чичагова; желательно, чтобы это сбылось. Праздники не шумны и не много веселы лицъ; при такомъ случаѣ всякій вспоминаетъ отсутствующихъ, съ коими обыкновенно праздновалъ, и горестъ возобновляется. Утверждаютъ навѣрное, что австрійцы или Франць не утвердили трактата оборонительнаго и наступательнаго, заключеннаго съ французами посломъ ихъ Шварценбергомъ. Говорять отъ того, что венгерцы отказали наотрѣвъ помощь людямъ и деньгами въ случаѣ войны съ Россією.

Испанцы взяли Бадіосъ и Мадритъ. Корпусъ испанскій перешелъ Пиреней и взялъ денежную контрибуцію съ южныхъ провинцій Франціи. Въ Свѣтлый праздникъ передъ вечерней пріѣхалъ курьеръ отъ Государя; онъ пишетъ, что крайне доволенъ изъявленіемъ усердія жителей и порядкомъ, найденнымъ въ войскахъ по всемъ частямъ.

N.B. Не забыть о Финляндіи.

Посоль французскій увѣрялъ всѣхъ, что у насъ войны съ Франціей не будетъ; переговоры съ Наполеономъ продолжались.

Май. 1-е мая гулянье было по обыкновенному, каретъ было не мало, какъ въ прошлый годъ, щеголяли лошадьми, каретами и упряжами. Многочудство удивило по великому числу выѣхавшихъ изъ Петербурга военныхъ, которые составляли, какъ казалось, большую часть гуляющихъ. Мостъ также былъ еще не наведенъ, то и островныхъ не было. Императрицы обѣ были на гуляньѣ.

Извѣстія получались частыя; отъ Государя ничего рѣшительнаго намъ не обѣщали; слухи безпрестанные ходили одинъ другому противорѣчащіе: то миръ, то война. Государь обѣзжалъ войска и новыя крѣпости; вездѣ все въ наилучшемъ порядкѣ и готовности; лестныя надежды наши возрастали. Всѣ письма изъ арміи наполнены желаньями войны и бодрости духа; увѣряють, что и солдаты нетерпѣливо хотять приблизиться къ неприятелю, чтобы отметить прошедшія неудачи.

Общее желаніе всѣхъ, чтобы шли впередъ и предупредили бы Наполеона въ Пруссіи, но кажется ближніе и довѣренныя совѣтники Государя противнаго сему мнѣнію; въ глубокой своей премудрости рѣшили они вести войну

оборонительную и впустить непріятеля въ границы наши; тѣ, кои не знаютъ нѣмецкой тактики и судятъ по здравому разсудку, весьма симъ огорчаются, считая это зломъ наибольшимъ, тѣмъ паче, что пограничныя наши губерніи—польскія и нѣмецкія и что Наполеонъ можетъ въ нихъ получить и продовольствіе, и встрѣчать консперанцію; боятся также, что когда онъ приблизится къ русскимъ губерніямъ и объявитъ крестьянъ вольными, то можетъ легко сдѣлаться возмущеніе, но что до этого Фулю, Армфельду и прочимъ! Здѣсь встаетъ дать точное понятіе о сихъ двухъ приближенныхъ совѣтникахъ императора русскаго.

Весь май мѣсяцъ не знали навѣрное, миръ ли продолжится или будетъ разрывъ; столь же боялись перваго, какъ желали послѣдняго. Цесарцы обнаружили свои намѣренія, объявили союзъ свой съ французами оборонительный и наступательный; теперь казалось бы никакая политика и никакія основательныя причины не должны намъ препятствовать и идти на встрѣчу врага нашего и не подвергать опустошенію наши пограничныя губерніи; но, увы, вѣдно сжечь построенные на Нѣманѣ мосты, по крайней мѣрѣ войска наши на границѣ. Государь близко оттуда, нашъ берегъ Нѣмана выше противнаго города и удобно, какъ сказываютъ, его защищать; много французовъ погибнетъ, не поправши родимой земли нашей.

Іюнь. Все еще въ спокойствіи, но глубокая тишина сія не есть ли предтеча жестокой бури; пишутъ изъ Вильны, что занимаются разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ—игуменя за чарку, сестры за ковши; молодые офицеры пьютъ, играютъ и прочее... вседневные orgies (не знаю русскаго слова сего значенія, по чистотѣ правовъ нашихъ, не давно искаженныхъ; не имѣли мы доселѣ нужды обогащать такими изреченіями языкъ нашъ; новые наши сочинители, конечно, оказали оному сію услугу, научились по русски въ старыхъ). Все въ бездѣйствіи, которое можно почти назвать столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ, исполняскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ, 300,000 воиновъ подъ его предводительствомъ; увѣряютъ, что войска у насъ не менѣе, но неизвѣстный, неопытный, не заслужившій довѣренности войскъ Барклай ими начальствуетъ.

Барклай, главнокомандующій, служилъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ съ честью, потомъ командовалъ егерскимъ полкомъ и наконецъ бригадою; о разумѣ его, о свойствахъ, о благородныхъ чувствахъ, о возвышеніи душі никто не слыхивалъ, а ему ввѣренъ жребій Россіи. О, бѣдное мое отечество, какими трудами, подвигами, невѣроятнымъ мужествомъ возводятся тебѣ на степень величія и славы мужи и жены превосходнаго ума и рѣдкой доблести;

низвергнуть же тебѣ съ оной, посрамить стыдомъ одного Барклая, когда ему дана власть царская.

Государь самъ съ нимъ—пословица: одинъ умъ хорошо, а два лучше; но одна неопытность и одно неискусство гораздо лучше двухъ. Совѣтники же царскіе и наперсники не удобны подать не только совѣта, ниже мысли доброй; о двухъ уже говорено, скажемъ о прочихъ: Аракчеевъ, злобный и мстительный человѣкъ, служилъ только въ Гатчинѣ, училъ военному искусству на Марсовомъ полѣ и на площадяхъ Исакиевской и Дворцовой и, какъ увѣряютъ, разсуждаетъ о вещахъ совсѣмъ противно здравому разсудку. Балашевъ отнюдь не военный, да и не государственный человѣкъ. Кочубей былъ весьма дурной министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ первый наложилъ руку на гражданскую часть и началъ разстройство и путаницу, которыя доведены до совершенства его преемниками. Канцлеръ Румянцевъ по своимъ способностямъ могъ бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ Сентъ-Маринской республикѣ, подлый льстецъ въ добавокъ, душою преданъ былъ всегда Наполеону, ненавидимъ и презрѣнъ всѣми до такой степени, что радовались, когда ему сдѣлался ударъ, отъ котораго ротъ и глаза покривились, жалѣли всѣ, что онъ оправился.

Государь купилъ у Беннгсена дачу близъ Вильны, за 12,000 червонныхъ; нажаловалъ фрейлинъ, камеръ-юнкеровъ изъ тамошнихъ; это кажется означаетъ, что мы польскія губерніи считаемъ крѣпкими и вѣрными.

10-го, въ Духовъ день, всѣ военные чины, находящіеся при особѣ императора, давали балъ въ Запретѣ (дачѣ, купленной у Беннгсена); присутствующіе на семъ праздникѣ писали, что былъ образчикъ Петергофскаго; вечеръ былъ прекрасный, собраніе многочисленное, хозяева ласковые, гости привѣтливы, музыка огромная, иллюминація прекрасная. Веселіе было ли тутъ,—не знаю, да и не думаю, развѣ у ослѣпленныхъ и ничего не предвидящихъ.

Вдовствующая императрица извѣстила рескриптомъ Вязмитинова, что миръ съ турками заключенъ, о чемъ и увѣдомленъ Государь; но по неполученіи отъ султана ратификаціи, нельзя еще оный торжествовать. Извѣстіе сіе обрадовало, но привыкшіе къ недовѣрчивости не торжествовали, а ждали подтвержденія. Между тѣмъ какъ веселились въ Вильнѣ, войска наши отодвигали отъ границъ, кои совершенно оставлены безъ обороны.

12-го числа французы перешли Нѣманъ съ четырьмя колоннами, въ Ковнѣ въ . . . . . и Юрбургѣ,—во всѣхъ сихъ мѣстахъ были только казацкіе посты, которые сорваны; первое извѣстіе о вторженіи непріятеля въ наши предѣлы пришло въ Вильну ночью съ 12-го на 13-е іюня.

13-го числа Государь, со всѣмъ войскомъ, оставилъ Вильну; изъ жителей кто хотѣлъ и могъ выѣхалъ, но большая часть осталась ждать французовъ, которые заняли Вильну 14-го числа. 17-го получено здѣсь извѣстіе, что ворвались или, справедливѣе сказать, что вошли французы въ Россію; не

умѣю изъяснить чувствъ, возбужденныхъ сею вѣстью; все, что досада, стыдъ и горестъ имѣють тягчайшаго, слилось для удрученія сердець истинно русскихъ; не облегчало ихъ чтеніе рескрипта на имя Н. И. Салтыкова, коего выраженія оказывали недоувѣрчивость къ себѣ и боязнь.....

Напрасно стали намъ доказывать, что оборонительная война гораздо выгоднѣе наступательной, вообще увѣряли насъ, что планъ постановленный премудръ и Наполеона заведуть и обмануть; въ пустынѣ проповѣдывали оптимисты сіи, никого не убѣждая; горестъ, негодованіе были во всѣхъ устахъ и на всѣхъ лицахъ. Черезъ день печатались извѣстія изъ арміи, кои назывались bulletins.

Въ нихъ говорили объ успѣхахъ нашихъ, о медленности Наполеоновои, о недоувѣрчивости къ силамъ своимъ, самое же дѣло намъ показывало совершенно противное; усилъвали мы точно въ отступленіи, непріятель же не завоевывалъ, но забиралъ цѣлыя губерніи. Горестъ и страхъ часъ отъ часу умножались, однако же старались насъ обмануть (?), увѣряя, что необычайный сей поступокъ происходитъ отъ того, отступаютъ только до назначеннаго мѣста, ... что все это дѣлается по премудрому плану . . . , что, придя въ крупкую позицію, останются и отразятъ непріятеля, что нужно сіе, чтобы навѣрное его разбить и заставить раскаяться въ дерзости. Сіи и подобныя предположенія нѣсколько времени насъ тѣшили, сперва онымъ вѣрили, надѣялись, потомъ начали сомнѣваться и, наконецъ, извѣрились совершенно.

24-го іюня Барклай отдалъ престранный приказъ, превратившій, хотя не совсѣмъ складно написанный, въ которомъ призываетъ ихъ храбро поражать врага, а самъ отъ него велитъ бѣжать. Еще оставалась нѣкоторая надежда, что войска наши останются въ укрѣпленномъ лагерѣ, на время, при Дриссѣ; вступали въ оный 28-го числа. Іюня 27-го, незабвенный вѣчно для Россіи день Полтавской побѣды,⁴ не пропущенъ также безъ приказа, хотя въ немъ, напоминая побѣды праотцевъ нашихъ, заставляютъ потомковъ слѣдовать по стезямъ ихъ, но между тѣмъ велитъ идти назадъ, что, однако же, надобно сказать къ чести нашихъ воиновъ, весьма не охотно исполняютъ.

Лагерь при Дриссѣ, — говорятъ и мало дѣлають, во многоглаголаніи нѣсть спасенія, — укрѣпленный долго съ великими трудами и издержками, скоро былъ оставленъ и погасъ послѣдній слабый лучъ надежды нашей. Въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца прибылъ сюда графъ Голенищевъ-Кутузовъ, котораго, по заключеніи турецкаго мира, рескриптомъ вызвалъ Государь для полученія должной имъ награды, сдавъ армію адмиралу Чичагову; можно было подумать, что Кутузову поручено будетъ начальство флотомъ, но нѣтъ, онъ, прибывъ сюда, не нашелъ не только награды, но и самого награждающаго съ обычною кротостью и спокойствіемъ духа. Огорченный только общимъ несчастіемъ и по опытности и дальновидности болѣе еще другихъ предвидѣлъ бѣдствія.

Июль. Часъ отъ часу унылѣе и мрачнѣе становились частыя и ложныя обѣщанія Барклая остановиться и отразить непріятеля; они вывели изъ терпѣнія. Получено отъ 6-го извѣстіе, что послѣ описанныхъ успѣховъ армія быстро слѣдуетъ къ Полоцку, соображая свои движенія съ непріятельскими, то есть отступаетъ по мѣрѣ его приближенія. Горесть, страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми; со всѣхъ сторонъ получаемы были страхъ наносящія извѣстія; Эссенъ въ чрезмѣрной робости пишетъ изъ Риги, что не можетъ отвѣчать за цѣлость оной и преградить непріятелю путь къ Петербургу; сотни рижскихъ выходцевъ, всеневно сюда прибывающихъ, подтверждаютъ слова его и умножаютъ всеобщій страхъ; всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ велѣно собраться и сдѣланъ чрезвычайный совѣтъ; призванъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ; сіе обстоятельство усугубило ужась. Предсѣдатель Совѣта, гр. Салтыковъ, человекъ безъ твердости и старый царедворецъ, рѣшился призвать въ Совѣтъ оставленнаго, гонимаго двороваго,—знать уже все погибло! Кутузовъ подалъ совѣтъ вызвать войска изъ Финляндіи, сдѣлать укрѣпленія со стороны Нарвы и Псковской дороги, въ выгодныхъ мѣстахъ; назначилъ Чичагова. Разнесшися повсемѣстно о семъ слухи привели всѣхъ въ недоумѣніе и робость, стали думать о побѣгѣ изъ Петербурга, многіе стали выѣзжать, другіе собираться и укладываться. Всеобщее уныніе и страхъ усугубились по полученіи здѣсь 10-го числа манифеста, коимъ призывалъ Государь всѣхъ сыновъ Россіи на защиту отечества; съ сокрушеннымъ сердцемъ оный читали, но, дыша злобою и мщеніемъ на врага, охотно приняли предлагаемый способъ, коимъ надѣялись ему отомстить за стыдъ и горесть. Получено извѣстіе, что Государь 7-го числа оставилъ армію въ Полоцкѣ и ѣдетъ чрезъ Смоленскъ въ Москву; вѣсть сія нѣсколько ободрила, начали надѣяться, что можетъ быть планъ войны пережѣнился; доброжелатели Барклая стали проповѣдывать, что онъ былъ стѣсненъ и не могъ слѣдовать своимъ планамъ, что Фуль и Армфельдъ, бывая Государя, ему мѣшали; въ то-же почти время Витгенштейнъ отразилъ непріятеля и взялъ генерала St . . . . .; лучъ надежды опять проглянулъ, но увы, не долго пріятная мечта насъ утѣшала.

13-го (іюля) получено извѣстіе, что ратификація мира подписана султаномъ. 14-го было благодарственное молебствіе; утѣшилъ миръ унылыя души наши и, что называется, хоть духъ перевели; замедленіе полученія ратификаціи приводило уже въ сомнѣніе, боялись, чтобъ французамъ не удалось коварствами преклонить султана на свою сторону. 17-го числа, во исполненіе манифеста, открылось собраніе дворянства с.-петербургской губ. для устроенія ополченія. Начальникомъ избрали гр. Голенищева-Кутузова, который благосклонно принялъ просьбу дворянства и со слезами ихъ благодарилъ, прибывъ въ собраніе, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ и восклицаніями; полки, названы дружинами, составляющіе оныя—войнами, коихъ назначено съ 25 душъ одинъ. Гр. Голенищевъ-Кутузовъ занялся съ дѣятельностію и усердіемъ образованіемъ с.-петербургскаго

ополченія; по доблестямъ и заслугамъ его маловажно для всѣхъ казалось занятіе сіе, но великіе люди не унижаются, занимаясь малымъ, но оное возвышаютъ, не имѣя на то время инаго способа быть полезнымъ отечеству; не возгнушались и сию постомъ, ему предлагаемымъ, подобно Эпаминонду, не отрекшемуся послѣ предводительства арміями, служить простымъ воиномъ подъ начальствомъ неопытныхъ полководцевъ, возведенныхъ проницательствомъ и коварствомъ на высшую степень. Прежде собранія дворянскаго былъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, передъ коимъ прочтено воззваніе Св. Синода, превосходящее все, что прежде было писано и обнародовано; по мыслямъ и по приличности и красотѣ слога вдохновенно оное кажется вѣрою и любовію къ церкви и отечеству. Въ сей же день получено извѣстіе отъ 9-го, что армія идетъ форсированнымъ маршемъ къ Витебску, но единственно для соединенія съ арміей кн. Багратіона, коей авангардъ уже въ окрестностяхъ Могилева. Последнее нѣсколько усладило первое и стали мечтать, что, по соединеніи, военныя дѣйствія совершенно перемянутся.

9-го числа (іюля) Государь прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ былъ принятъ съ восклицаніями; дворянство предложило на защиту отечества ополченіе, числомъ, какъ увѣряютъ, до 20,000 воиновъ.

Въ Москвѣ полученъ манифестъ отъ 6-го изъ Полоцка, въ коемъ призывается первопрестольный градъ и губернія Московская на защиту отечества и извѣщаетъ государь Москву о скоромъ своемъ прибытіи. Съ 11-го на 12-е въ полночь государь прибылъ въ Кремлевскій дворецъ; 12-го было благодарственное молебеніе о заключеніи мира съ Портою. При шествіи государя въ соборъ и при возвращеніи, безчисленное множество народа сопровождало его съ восклицаніями. 15-го открыто собраніе дворянства, въ коемъ положено отдать съ 10 душъ одного воина. Съ 21-го на 22-е въ ночь прибылъ государь сюда. Сердца наши, стѣсненные горестью, озлобленныя, неудобны были чувствовать радости, ни чувствовать восторговъ. Обычное унылое молчаніе вездѣ царствовало и день сей былъ для всѣхъ мраченъ, подобно и вредящимъ; по повелѣнію городъ былъ иллюминированъ. Получаемыя извѣстія отнюдь не утѣшительны, хотя войска наши вездѣ оказываютъ храбрость и генералы искусство. Графъ Остерманъ въ Островнѣ, Раевскій въ Дашковкѣ пожали лавры, да бесполезныя для Россіи.

24-го числа читали мы отъ 18-го непонятную реляцію: Коновницынъ заѣхнулъ графа Остермана, оказалъ то же искусство, — войска — ту же храбрость, отразилъ непріятеля и ночью отступилъ къ мѣсту, назначенному для генеральной баталіи. Но извѣстіе, что Багратіонъ перемянулъ весь планъ, вмѣсто того, чтобъ идти на Могилевъ и Оршу, пошелъ на Мстиславъ и Смоленскъ, и Барклай рѣшился идти къ Смоленску. Онъ называетъ это движеніе смѣлымъ; доселѣ никому не приходило въ голову отступленіе и стараніе избѣгать непріа-

дела называть смѣлостію, которая въ иныхъ случаяхъ можетъ называться только благоразуміемъ и во всѣхъ—осторожностію. Барклай хвалится тѣмъ, что маневрировалъ предъ лицомъ непріятеля, а успѣхомъ сего, незабвенной памяти, достойнаго предпріятія обязанъ онъ искуснымъ распоряженіямъ гр. Палема, который тутъ показалъ все, что проворливости и воинское нѣютъ наиболѣе блистающаго; онъ умѣлъ извлекать пользу изъ малѣйшей дефили, и проч. Простяли бы мы, что это не по русски сказано, но больно, что не по русски сдѣлано и потому (?) показалъ намъ блескъ сей; не постигли мы преждрости нѣмецкаго плана и тщетная храбрость, насъ не защищающая, не получала похвалъ нашихъ. Приближеніе къ Смоленску непріятеля, идущаго по слѣдамъ нашей арміи, исполнило всѣхъ страха и горести. Одинъ гр. Витгейнштейнъ отражалъ непріятеля, неподвижно стоя подобно скалѣ, о кою свирѣпыя волны, ударяясь, разбиваются, не потрясая оной. Какъ удивительно кажется, что армія стотысячная бѣжить безъ оглядки, оставляя на разграбленіе врагамъ цѣлыя области, въ то самое время, когда корпусъ 13-тысячный для виду только защиты Петербурга, но въ самомъ дѣлѣ оставленный на жертву, противустоятъ двумъ арміямъ, изъ коихъ каждая вдвое сильнѣе онаго, не допускаетъ ихъ напасть совокупными силами и такъ ихъ раздѣляетъ, что никогда уже имъ соединеніе не удастся.

25-го числа отъ гр. Витгейнштейна получены утѣшительныя и ободряющія извѣстія, что онъ 18-го числа, не давъ соединиться Удино съ Магдональдомъ, атаковалъ перваго и разбилъ близъ Клястиць. Командующій и два генерала ранены, 3,000 ряд. съ 25 офицерами взяты въ плѣнъ, съ двумя пушками и ящиками, казенные и партикулярные обозы захвачены. Графъ Витгейнштейнъ легко раненъ, гусарскій генераль-майоръ Кульневъ, къ общему сожалѣнію, убитъ. Размышляя, что симъ ясно видишь руку Божію; презирающій на Россію Господь показываетъ очевидно Свой (всеблагій) промыселъ, но не губить ея, оставляетъ въ наступающъ лучъ надежды, да не отчаеися и студио приобѣгнемъ къ всеильной помощи Его, благо намъ и наступимъ....

..... Гр. Витгейнштейнъ увѣряетъ, что непріятель отступитъ отъ Риги: мы ему вѣримъ, не бывъ имъ обмануты; онъ первый облегчилъ горестъ нашу и уменьшилъ ужасъ нашъ. Онъ защитилъ Псковъ и Петербургъ, не взглядимъ подвигъ его въ памяти потомства; отсалѣ всякій русскій провозвостъ будетъ имя его съ благодарностію и почтеніемъ.

25-го (іюля) о сей побѣдѣ было благодарственное молебствіе въ Таврическомъ дворцѣ.

27-го получено отъ Торماسова изъ Кобрина отъ 16-го донесеніе къ государю, что при овладѣніи симъ городомъ 15-го разбитъ саксонскій отрядъ и взяты въ плѣнъ командующій онымъ съ тремя полковниками и 63 штабъ и оберъ-офицерами, сверхъ того восемь пушекъ, 4 знамени и множество оружія разнаго. 28-го было о сей побѣдѣ молебствіе въ Таврическомъ дворцѣ.

Во изъявленіе благоволенія къ службѣ графа Голенищева-Кутузова, окончившаго войну и заключившаго полезный миръ съ Портою, гессударь возвелъ его на княжеское всероссійской имперіи достоинство, съ титуломъ свѣтлости. Страннымъ для многихъ показалось такое награжденіе: Михаилу Иларіоновичу 67 лѣтъ, мужскаго поколѣнія не имѣеть,—на что ему такіа прибавленія къ имени, которое его подвигами знаменитыми останется незабвеннымъ во вѣки? Между тѣмъ въ одинъ голосъ всѣ кричали, что мѣсто его не здѣсь, что начальствовать онъ долженъ не мужиками С.-Петербургской губерніи, но армію, которую сберегая, Барклай отдаетъ Россію; имя его сдѣлалось ненавистнымъ, никто изъ прямо русскихъ не произносилъ его хладнокровно, иные называли его измѣнникомъ, другіе сумасшедшимъ или дуракомъ, но всѣ соглашались въ томъ, что онъ губить насъ и предаетъ Россію. Нѣкоторые еще изъ нѣмецкой партіи слабымъ голосомъ его защищали, но заглушаемы были громкими криками негодованія; не совсѣмъ отчаявшіеся увѣрили, что въ Смоленскѣ останется армія, что въ древнюю Россію не впустятъ непріятеля, что удобное къ защищенію мѣстоположеніе Смоленска и укрѣпленія его удержатъ непріятеля, и что онъ не осмѣлится дерзкою ного поставить на Святую Русь. Извѣрившись совершенно Барклаю, полагали единственную надежду на князя Голен.-Кутузова; одна у всѣхъ мысль, одинъ разговоръ; возмущены женщины, старые, молодые, однимъ словомъ всѣ состоянія, всѣ возрасты нарекали его единодушно спасителемъ отечества; единогласно призывали его, громко бездѣ раздавалось, что гибель наша неизбежна, когда не будетъ предводительствовать армію князь Гол.-Кутузовъ. Такое движеніе арміи, которая, уже соединясь съ Багратиономъ, все продолжала отступать, ясно намъ показало, что ежели хотятъ еще что защищать, то конечно не Петербургъ, а Москву; безпокойство, уныніе, страхъ дошли до высочайшей степени, хотя русская храбрость и военное искусство гр. Витгенштейна насъ могли нѣсколько успокоивать, но съ другой стороны робость и неблагоразуміе Эссена насъ пугали; онъ безъ нужды сжегъ форштаты Риги, многихъ раззорилъ, при пожарѣ были безпорядки, грабежъ и даже смертоубійство, и бѣдные жители Риги, не вида непріятеля, испытали всѣ бѣдствія войны.

Августъ. Устроенъ комитетъ для сосредоточенія дѣлъ внутренняго ополченія; посажены въ оный гр. Аракчеевъ, министръ полиціи Балашевъ и государственный секретарь Шишковъ. Неизвѣстно, способны ли они были сосредоточить дѣла, даже сего и не понимаю, но извѣстно всѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ въ военномъ дѣлѣ не искусенъ.

II.

Слова и случаи.

Л. назначенъ генераль-интендантомъ, не годился быть Моск. губ.; какое же доказательство, что удобенъ занять такое важное мѣсто? Онъ досталъ или самъ сдѣлалъ модель печи для печенія сухарей на армію.

..... сказалъ ..... „ты имѣешь всё прелести, мила, любезна, любовь совершенно мнѣ по сердцу; одно только въ тебѣ мнѣ не нравится: ты родилась княжною и теперь носишь знатную древнюю дворянскую фамилію“.

Государь позвалъ Шишкова для какого-то препорученія и сказалъ ему: „я не много читалъ русскаго, а иностраннаго довольно, но ничего не читалъ такого прекраснаго, какъ ваша рѣчь о любви къ отечеству“.

Растопчинъ сказалъ про Козодавлева будто ко многимъ приступалъ, прося посмотрѣть портретъ (Сперанскаго?), потому что не удалось его иррощенько видѣть и не помнитъ совсѣмъ въ лице. Удачно, остро и справедливо сказано по извѣстнымъ всѣмъ свойствамъ.

Губерн. Вол. Камбурле женѣ дали бантъ (?), что всѣхъ удивило: была она урожденная Конд., а онъ изъ еврейскаго рода, но говорятъ, что въ проѣздѣ М. А. черезъ Житомиръ были встрѣчи торжества, праздники, шалевая кровать (?) и проч.; удивленіе превратилось въ негодованіе во многихъ.

Вензель дали Витовтовой дочери, конечно дабы возобновить и усугубить удивленіе о вышеописанномъ. Витовтовъ служилъ въ филантропическомъ комитетѣ; не знаю, какую пользу сдѣлалъ роду человѣческому вообще; своимъ согражданамъ и отечеству никакихъ услугъ не оказалъ, но себѣ умѣлъ выпросить 180 тысячъ и разныя привилегіи на фабрикахъ.

Государь, призвавъ Шишкова, сказалъ ему: „неужели откажешься отъ моей довѣренности и мѣста государственнаго секретаря?“ Видно, внушено было государю, что онъ не приметъ предложенія; но коварные въ стыдѣ остались: Шишковъ со слезами отвѣчалъ, что „готовъ служить вездѣ всѣми силами и способностями государю и отечеству“.

Всѣ свидѣтели отъѣзда государева, чиновники и простолюдины, плакали навзрыдъ, отъ души за него молились и съ сердечнымъ чувствомъ любви и горести восклицали „ура“ ему вслѣдъ. Провода государя, возвратившіеся въ домъ рассказывали ими видѣнное, слезы ихъ вновь текли и слушавшіе ихъ съ ними вмѣстѣ плакали. Добрый народъ русскій, врожденное въ тебѣ чувство любви къ вѣрѣ, царю и отечеству течетъ съ кровью въ жилахъ твоихъ; не измѣняется въ несчастія и угнетенія. Да сохранить чувства сіи въ роды родовъ и благословеніе Божіе пребудетъ нерушимо надъ нимъ. Нельзя не напомнить здѣсь приличныхъ двухъ стиховъ изъ нашихъ славныхъ лириковъ:

О, сколь монархъ благополученъ,
Что знаетъ Россами владѣть;
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.

и стихъ:

О, російскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы,
Когда разслабъ весь смертный родъ,
Какой ты не причастенъ славы?

Оленинъ, добивавшійся смѣны Госуд. Секретаря всякими исканіями и разгласившій, что оный получить, написалъ къ Шишкову, что обидѣлся бы всякимъ инымъ выборомъ, но его признаетъ достойнѣйшимъ себя и прибавилъ: „не примите сіе за лобзаніе Іуды“.

Арифельдъ за столомъ у государя на рѣчь, что Бонапартъ любилъ трагедіи и далъ содержаніе на шесть трагедій, сказалъ: „забыли седьмую, на плоту по Нѣману въ Тильзитѣ“.

Онъ же сказалъ, и также къ слову, о дороговизнѣ фуража въ Вильнѣ: „я бы тамъ Гурьева не сталъ кормить“.

Генераль-провіантмейстеръ Лобановъ въ отчаяніи, когда у него требуютъ нѣсколько сотъ тысячъ, то выдаютъ ему пять или шесть (?) онъ (?) что будетъ несчастливъ, хотя обо всемъ безпрестанно представлялъ и поправить этого ему невозможно.

Въ Духовъ день въ Вильнѣ назначенъ былъ праздникъ въ Запретѣ, дачѣ, купленной у Бенигсена; для помѣщенія многочисленной бесѣды построили обширную галлерею, но за нѣсколько часовъ до бала крыша оной упала. Архитекторъ скрылся; неизвѣстно, по незнанію ли своего художества или по злему умыслу онъ такъ построилъ галлерею; ежели послѣднее правда, то весьма счастливо, что не вѣрно разочтено было время паденія.

Барклай, подѣхавъ къ солдатамъ, когда они ѣли кашу, спросилъ: „ребята, хороша ли каша?“

— „Хороша, отвѣчали они ему, да не за что насъ кормить“.

Какой справедливый и жестокий упрекъ для него, который былъ причиною, что они себя считали недостойными ѣсть русскій хлѣбъ.

Военные чины при особѣ государя давали праздникъ въ Вильнѣ. Звали всѣхъ французскими билетами, на коихъ было написано: *la maison militaire de sa M. l'Empereur* и проч.; прежнихъ руссакамъ могло бы показаться, что этотъ Емпереуръ не русскій царь, да и о домѣ военномъ на Руси и слыхомъ не слыхали.

Близъ Сычевки, уѣздный городъ Смоленской губ., вели плѣнныхъ французъ; по неосторожности и пьянству, конвой нашъ (?) у нихъ ружья; они ушли и начали стрѣлять по мужикамъ; сіи, вооружась дубинами и дрекольями, на нихъ ударили, половину перебили до смерти, иныхъ до полусмерти, прочихъ перевязали. Служъ о нападеніи французовъ пронесся по деревнямъ; не знали, что плѣнные взбунтовались, но подумали, что то войска французскія. Черезъ нѣсколько часовъ 9,000 тыс. вооруженныхъ крестьянъ съ своими помѣщиками пришли на помощь своихъ сосѣдей.

Дохтуровъ, получа двукратное повелѣніе оставить Смоленскъ съ угрозою отъ Барклая, что откажетъ ему отъ команды и напоминовеніемъ, что имѣетъ власть его разстрѣлять, пошелъ въ соборъ, отпѣлъ молебень, поднялъ чудо-

творный образъ Смоленскія Богоматери и увезъ съ собою. Всѣ плакали, выходя изъ Смоленска. Вдали, посреди рыдающихъ воиновъ нашихъ, слышны были восклицанія французовъ: *vive l'Empereur*. О милосердый Боже, сжался надъ горестной Россіей; нѣкто сказалъ: справедливѣе бы имъ кричать: *vive Barclai*.

Вертье писалъ къ (?) чтобы предложилъ Государю оставить мѣстныхъ начальниковъ въ губерніяхъ, занятыхъ французами, дабы облегчить поселянъ и обывателей и сохранить порядокъ; онъ прибавляетъ въ письмѣ своемъ, что хотя и далеко зашло между Франціею и Россіею, но имп. французовъ не удаленъ отъ возобновленія согласія, что онъ видѣлъ письмо его и одобрилъ и что свидѣтельствуеть почтеніе императору русскому.

А. С. Шишковъ говорилъ Барклаю о беспорядкахъ и обидахъ, причиненныхъ войсками обывателямъ, на коняхъ и управы нельзя найти. Барклай отвѣчалъ очень хладнокровно, что нѣтъ одинъ токмо предметъ—сбереженіе арміи, не думая болѣе ни о чемъ. Онъ положилъ себѣ въ голову, что Россія для арміи, а не армія для Россіи. Превосходная логика.

Когда пришло извѣстіе отъ Эссена, будто 40,000 французовъ переправились черезъ Двину и идутъ къ Петербургу, то мин. внутр. дѣлъ Козодавлевъ укладъ всѣ свои пожитки въ 18 сундуковъ и отправилъ въ Тихвинъ, въ монастырь, прося архимандрита поставить въ самое безопасное мѣсто; сей не нашель вѣрнѣе и безопаснѣе мѣста, какъ въ ризницѣ за алтаремъ; сундуки большіе не входятъ въ сѣверныя и южныя двери, надо нести черезъ царскія мимо престола, въ царскія двери не входятъ, тяжело, и простые монахи и іеромонахи въ облаченіи тащили сундуки, отъ тяжести конь поль треснулъ.

Мамоновъ кромѣ ополченія сформировалъ полкъ изъ своихъ людей, отдалъ въ пожертвованіе всѣ брилліанты, золото и серебро и изъ нѣсколькихъ сотъ тыс. доходу оставилъ себѣ ежегодно только по 15 тыс. на все продолженіе войны. Такая любовь къ отечеству, таковой подвигъ въ 22 года—свыше всѣхъ похвалъ.

Константинъ Павловичъ говорилъ Барклаю, что пора бы остановиться и должно бы удерживать Смоленскъ; съ безпримѣрнымъ хладнокровіемъ Барклай

отвѣчалъ, что поступаетъ по предназначенному плану и отчетомъ ему не обязанъ; въ другомъ случаѣ похвальна бы была таковая твердость.

Вообще Барклая (считали) неудобовозможнымъ, къ тому же гордъ до крайности, ни разу не сдѣлалъ совѣта военнаго. Иногда посылаетъ корпуснаго генерала съ отрядомъ, не объясняетъ ему ни своихъ намѣреній, ни его цѣли, а просто даетъ приказаніе, какъ бы капрану.

Вел. Князь, отправясь изъ арміи, встрѣтился въ Бронницахъ съ Кутузовымъ; онъ ему сказалъ, будто бы поѣхалъ единственно для того, чтобы просить государя назначить князя главнокомандующимъ; однако же онъ не воротился въ армію, хотя желаніе его было уже удовлетворено. Князь ему совѣтывалъ ожидать въ Петербургѣ государя, который былъ тогда въ Або, для свиданія съ Бернадотомъ. Говорилъ, что пріѣздъ его (т. е. вел. князя въ Або) можетъ подать поводъ къ заключеніямъ о большихъ еще несчастіяхъ и воспрепятствовать переговорамъ.

Вел. Кн. отвѣчалъ, что на это не посмотреть и непремѣнно поѣдетъ въ Або; тогда (какъ увѣряютъ) кн. Мих. Лар. весьма учтиво напомнилъ его высочеству, что онъ у него въ командѣ, и что, имѣя право запретить ему ѣздить въ Або, онъ принужденнымъ находится оное употребить.

Константинъ Павловичъ дождался государя въ Петербургѣ.

Фельдмаршалъ гр. Ник. Ив. Салтыковъ, воспитатель государя и великаго князя, оставленный въ отсутствіи Государя председателемъ комитета министровъ и госуд. совѣта, словомъ главою надъ всѣмъ, лишаась супруги своей, просить помощи царской на погребеніе и, получа 50,000 руб., употребилъ, по словамъ однихъ, 32 т., а другихъ—27 т., а остальными деньгами воспользовался.

Государь, прибывъ сюда въ іюль, считается въ походѣ еще понинѣ, перваго октября; не принимаетъ министровъ: кромѣ военнаго и морскаго нѣтъ докладныхъ дней для прочихъ; по сей самой причинѣ Балашевъ ничего не дѣлаетъ, хотя называется мин. полиціи и здѣшнимъ военнымъ губернаторомъ. Вязмитиновъ править обѣими должностями. Въ ознаменованіе же, что государь въ походѣ, оберъ-гофмаршалъ гр. Ник. Александр. Толстой ходитъ въ шпорахъ.

Кон. Павл. представилъ въ Екатеринославскій казачій полкъ 126 лошадей, полагая за каждую 225 руб. Экономическій комитетъ ополченія сомнѣвался—

отпустить ли деньги, находя, что лошади оныхъ не стоятъ. Государь приказалъ, говоря, что пожертвованіе уже сдѣлано, слѣдственно можетъ онымъ распла- гать по произволу; 28,350 р. залочены, лошади приняты, 45 сапатыхъ за- стрѣляны немедленно, чтобы не заразить другихъ, 55 негодныхъ велѣно про- дать за что бы то ни было, а 26 причислены въ полкъ.

Лишнее бы было разсуждать о сихъ трехъ случаяхъ; мнѣ кажется только, что языкъ недостаточенъ и названія истинно выразительнаго для каждого изъ оныхъ нельзя приискать. Надобно изобрѣсти новыя.

Спектакли французскіе были запрещены. Государь, возвратясь, приказалъ оныя возобновить; никто почти не ѣздилъ. Въ первомъ ярусѣ одна Марья Ант. (Нарышкина), которая всѣмъ рассказываетъ, что ставать спектакли для нея и она оными забавляется; на нее за это весьма негодуютъ, сказываютъ даже, что на лицѣ ей сдѣлана какая-то грубость.

Послѣ взятія Смоленска играли Дмитрія Донскаго, всѣ плакали, не какъ въ театрѣ, а какъ бы въ церкви, особливо во время молитвы Дмитрія, которую трагедія и кончается; непосредственно за оной, когда всѣ чувства растрево- жены, воспламенены, когда всякій чувствуетъ живо любовь къ отечеству и горестъ отъ его несчастія, выходитъ актеръ для объявленія, что на другой день будутъ играть французскую комедію. При семъ ненавистномъ имени на- чали шикать, актеръ хотѣлъ продолжать, закричали: „не надо!“ и не дали ему кончить. Въ тотъ вечеръ и на другой день пошли объ этомъ толки; покрови- тели фр. театра кричали, какъ бы это было преступленіе, заслуживающее казнь не менѣе самаго богоуленія, или важное оскорбленіе величества. О, бѣдный и терпѣливый русскій народъ, подстрекаютъ тебя всячески, внушаютъ нена- висть противъ французовъ, возбуждаютъ отищеніе за обиды и несчастія, а потому требуютъ, чтобы съ пріятностію онихъ слушалъ, чтобы глядя на нихъ утѣшался; хотятъ слѣпаго повиновенія не токмо въ должности, но и по при- хотямъ даже въ забавахъ твоихъ.

На другой день играли французскую комедію; на дверяхъ театра прилѣ- пили листочекъ, будто бы отъ имени Ал. Льв. Нарышкина, въ коемъ назы- вали подлецами всѣхъ, кто въ театрѣ будетъ. Въ слѣдующій спектакль най- дены стихи бранные на Александра Льв., въ третій спектакль не произо- шло ничего и съ тѣхъ поръ черезъ день безъ помѣхи французы играютъ,

но послѣ русскаго спектакля о франц. не объявляютъ и безпримѣрно кроткіе сограждане мои успокоились.

Москва взята; враги лютые, неистовые, въ сердцѣ Россіи, а сограждане ихъ такіе же точно изверги, какъ и тѣ, готовые имъ содѣйствовать здѣсь во множествѣ; дѣятельныя и крутыя распоряженія для удаленія ихъ выжились ничѣмъ; нѣсколько беззащитныхъ, бѣдныхъ, не имѣющихъ никакихъ закомствъ и связей, слѣдственно по сему самому и неопасныхъ, выслано, прочіе всѣ остались и за нихъ ругаются; Марья Антоновна за иныхъ отвѣчала, а за весьма многихъ просила.

Спектакли французскіе продолжаются; неужели есть русскіе, которые могутъ смотрѣть на французовъ безъ отвращенія и содроганія? Неужели могутъ забавляться, когда враги въ Москвѣ? . . . . .

В. И. Бакунна.

1812 г.

ВОЙНА СЪ ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ 1831 ГОДА

въ перепискѣ императора Николая I съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

LXVII ¹⁾.

Вѣдомость

войскамъ, находящимся въ тылу арміи отъ Седльце до границы Россіи.

Званіе войскъ.	Пункты, въ конхъ они находятся.	Время прибытія войскъ.
6 ротъ 6-го Егерскаго полка . . .	Подъ командою генераль-маіора Пенхержевскаго, находятся въ Седльцѣ.	
4 орудія легкой № 3 роты		
24 артиллерійской бригады		
2 эскадрона Татарскаго уланскаго полка		
3 сотни 5-го Черноморскаго полка.	Въ вѣдѣніи генераль-маіора Пинабеля, находятся въ Венгровѣ.	
1 сотня Донскаго Ильина полка .		
2 роты 6-го егерскаго полка . . .	Въ вѣдѣніи генераль-маіора Пинабеля, находятся въ Венгровѣ.	
2 эскадрона Татарскаго уланскаго полка		
Резервный баталіонъ Брестскаго пѣх. полка	Въ Біалѣ.	

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 94—122, февраль, стр. 381—400; т. XLII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124, май, стр. 281—308, июнь, стр. 511—530; т. XLVII, июль, стр. 45—60, августъ, стр. 239—254.

2 роты гренадер. Императ. Австрійск. полка	}	}	Прибудуть изъ Ломзы 19-го марта.			
2 роты гренадер. Короля Прускаго полка						
1 рота Астраханскаго гренадерскаго полка						
Легкая № 2 рота 3-й артиллерійск. бригады						
2 орудія легкой № 2 роты 1-й артиллерійской бригады						
Одно орудіе легкой № 3 роты 1 грен. артиллер. бригады						
Лабораторная № 2 рота						
Подвижной паркъ № 1						
1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи				}	}	Изъ Россіи придуть 22 марта.
Батарейная № 1 рота 3-й гренадерской артиллер. бригады						
Ямбургскій уланскій полкъ	}	}	Прибудуть 16 марта.			
Оренбургскій уланскій полкъ и конная № 11 рота				Въ Біалѣ.		
2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною № 4 ротой	}	}	Прибудеть 15 марта.			
				Въ Мендзиржицѣ.		

LXVIII.

Всеподдан. рапортъ графа Дибича.

16-го марта 1831 г., м. Шеницы. № 1165.

Сдѣлавъ предварительныя распоряженія о приготовленіи способовъ къ переправѣ чрезъ верхнюю Вислу, я предпринимаю съ главными силами арміи движеніе влѣво, оставляя на шоссе, противу Праги, генераль-адъютанта барона Розена съ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и поручая ему оберегать край, въ тылу арміи находящійся, и главное сообщеніе съ Россією по шоссе чрезъ г. Седльце и Мендзиржицъ. Завтрашняго, т. е. 17-го, числа марта войска 1-го пѣхотнаго гренадерскаго корпусовъ выступаютъ съ мѣста своего расположенія и слѣдуютъ въ направленіи къ Бобровникамъ и Држончгову, что на Вепржѣ. Главная моя квартира перейдетъ первоначально въ Зелеховѣ. Все-

подданнѣйше донося о семъ, имѣю счастье представить на высочайшее благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества копію съ повелѣнія моего генераль-адъютанту барону Розену, даннаго ему для руководства въ дѣйствіяхъ его при всѣхъ возможныхъ, хотя даже и не вѣроподобныхъ, предпріятіяхъ противу него мятежниковъ отъ Праги въ превосходныхъ силахъ.

LXIX.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Шеницы, 16-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.) Ваше величество, болѣзнь, проявившаяся въ Врестѣ, приняла къ несчастію довольно серьезный характеръ, хотя князь Хилковъ не теряетъ надежды приостановить ея развитіе.

Было также нѣсколько случаевъ заболѣванія въ Мендзиржицѣ (Mendzirzycie), попрежнему въ средѣ евреевъ, которые по своей нечистоплотности и по тѣснотѣ, въ которой они живутъ, служатъ повидимому разсадникомъ этой печальной болѣзни.

Такъ какъ погода сдѣлалась въ послѣдніе дни суше и дороги становятся болѣе проходимы, то я рассчитываю съ завтрашняго дня начать движеніе влѣво, чтобы переправиться черезъ Вислу при Турчинѣ, если непріятель не сосредоточитъ въ этомъ пунктѣ своихъ главныхъ силъ; а если бы это случилось, чего непріятелю не удастся скрыть отъ насъ вслѣдствіе высоты береговъ, то я направлюсь къ верхнему теченію Вислы съ тѣмъ, чтобы совершить переправу даже выше Пулавы, гдѣ я навѣрно найду гораздо болѣе средствъ въ продовольствію; Турчинскій мостъ представляетъ, напротивъ того, гораздо болѣе выгоду для этихъ тактическихъ цѣлей.

Мосты устраиваются какъ можно секретнѣе на этихъ обоихъ пунктахъ и кромѣ того строятся болѣе на виду въ Карчевѣ и Терновскѣ для того, чтобы задержать часть непріятельскихъ силъ близъ Варшавы; съ этой же цѣлью я оставилъ мой авангардъ передъ Вавромъ (Wawre), гдѣ онъ занялъ впрочемъ весьма выгодную позицію и гдѣ Розень удержитъ его до переправы, не взирая на громадныя затрудненія, сопряженныя съ продовольствіемъ этого отряда. Я оставляю затѣмъ только одну дивизію 6-го корпуса на шоссе до прибытія Розена, а когда онъ подойдетъ, то и она послѣдуетъ за мною, равно какъ и гренадерская бригада, идущая изъ Вильно.

1-ю уланскую дивизію я намѣреваюсь, напротивъ того, двинуть на правый берегъ Буга, подкрѣпивъ прибывающими къ намъ первыми

полками 5-й дивизіи войска, находящіяся на Наревѣ, съ тѣмъ, чтобы они перешли болѣе энергично въ наступленіе, очистили бы всю мѣстность между нижнимъ теченіемъ Вислы, Наревомъ и Бугомъ, обезпечивъ намъ сообщенія водою и сухимъ путемъ съ мѣстностью менѣе истощенною и облегчивъ намъ полученіе продовольствія изъ Пруссіи; гвардія послѣдовала бы въ такомъ случаѣ за этимъ отрядомъ лишь въ качествѣ резерва, но я осмѣливаюсь просить назначить Бистрома командующимъ всѣмъ авангардомъ и если генераль Уминскій, двинувшійся къ Остроленкѣ съ 14 эскадронами и 9 баталіонами, осмѣлится переправиться черезъ Наревъ до прибытія этихъ подкрѣпленій отъ арміи, то будетъ необходимо, чтобы гвардейскій корпусъ подкрѣпилъ Сажена, для того чтобы заставить его дорого поплатиться за подобную смѣлость; это было бы еще блестящее дѣло для гвардіи.

Настоящая позиція непріятеля до того растянута, что ее трудно уяснить себѣ; Дверницкій находится въ Замостьѣ, Уминскій идетъ на Остроленку, Сѣравскій близъ Пулавы, сильные отряды находятся въ Кошеницахъ, Радомѣ, Магрушевѣ и Гурѣ, наконецъ резервная кавалерія въ Прасочнѣ и новобранцы, въ особенности съ одною изъ ихъ новыхъ пѣхотныхъ дивизій, состоящей изъ трехъ полковъ—въ Варшавѣ.

Къ намъ перешелъ одинъ вновь произведенный офицеръ 8-го полка; онъ былъ извѣстенъ намъ въ чинѣ унтеръ-офицера, бывши въ учебномъ баталіонѣ, въ которомъ находились также нѣкоторые солдаты 6-го корпуса. Я счелъ нужнымъ обойтись съ нимъ какъ съ офицеромъ, не разспрашивая его особенно когда онъ былъ произведенъ, но полагаю, что онъ произведенъ послѣ возстанія. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, согласуются съ извѣстіями, получаемыми нами отъ евреевъ, исключая убійства знатныхъ жителей Варшавы, которыя повидимому еще не подтверждаются.

Графъ Толь возвратился два дня тому назадъ весьма утомленный дурнымъ состояніемъ дорогъ, которыя начинаютъ однако улучшаться, благодаря наступившимъ морозамъ. Онъ умоляетъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ е. в. государыню императрицу соблаговолить быть воспріемницею родившейся у него дочери и я самъ осмѣливаюсь передать вамъ, государь, эту просьбу моего искренняго друга и достойнѣйшаго и усерднѣйшаго изъ моихъ помощниковъ. Всѣ прочіе достойные его товарищи повергають къ стопамъ в. в. ихъ искреннѣйшую признательность.

Въ награду ген.-лейт. Крейцу я могу просить только чина, такъ какъ послѣ смерти Потемкина онъ болѣе всѣхъ былъ обойденъ чинами.

Соблаговолите, государь, повергнуть къ стопамъ е. в. государыни императрицы мое искреннее и глубочайшее почтеніе и принять увѣ-

реніе въ совершенной признательности и искренней преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всеижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

LXX.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ, 17-го (29-го) марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.) Сегодня по утру, только что проснувшись, получилъ я, любезный другъ, ваше хорошее письмо отъ 1 (13) числа. Благодарю Бога за обѣ вновь одержанныя побѣды; я считаю ихъ весьма важными, ибо онѣ докажутъ неприятелю, что хотя мы и находимся временно въ вынужденномъ бездѣйствіи, но они не должны думать, что мы уснули. Дѣло Крейца достойно похвалы; весь его маневръ передъ Дверницкимъ и атака Люблина задуманы искусно и выполнены превосходно. Разрѣшаю вамъ представить его къ награждѣ; меня особенно радуетъ, что мои драгуны, вопреки мнѣнію тѣхъ людей, которые отвергають пользу этого рода оружія, доказали, что въ случаѣ недостатка пѣхоты они превосходно могутъ замѣнить ее; это дѣло возвыситъ ихъ духъ, а вы отмѣтите его наградами.

Мнѣ будетъ очень жаль, если раны, полученныя Делингсгаузеномъ и Шиллингомъ, заставятъ ихъ выйти изъ этого корпуса, такъ какъ они въ немъ единственные офицеры *distingués*. Дѣло Лахмана также дѣлаетъ ему честь точно также, какъ и его солдатамъ. Теперь я льщу себя надеждою, что Толь съумѣетъ настичъ и уничтожить гражданина ген. Дверницкаго, прежде нежели онъ успѣетъ уйти черезъ Рахово; это было бы слишкомъ жалко!

Вы снова прекрасно отвѣтили на дерзость Скъянецкаго; я не могу понять, чего они хотятъ, развѣ телько выиграть время, но это расчетъ довольно глупый. Мои два послѣднія письма предписываютъ вамъ единственныя условія, которыя я допускаю.

Вы прекрасно сдѣлали, остановивъ гвардію; оставьте ее тамъ до полученія отъ меня дальнѣйшихъ приказаній, но прикажите все таки второму корпусу прибыть какъ можно скорѣе и какъ можно ближе къ вамъ; можетъ быть возможно оставить позади гусарь и 1-ю уланскую дивизію, чтобы дать время первымъ сформироваться, а прочнымъ отдохнуть и поберечь себя подобно гвардіи.

Надѣюсь, что теперешнее состояніе Вислы дозволяетъ уже подумать о переправѣ; время не терпитъ и во Франціи дѣла въ такомъ

положении, что я ожидаю съ каждымъ курьеромъ не извѣстія объ объявленной войнѣ, но о внутреннемъ переворотѣ, первую жертвою котораго будетъ гражданинъ король (roi citoyen), хотя онъ и называется гражданиномъ. Такимъ образомъ наши догадки оправдываются.

Гнейзенау въ Познани; имъ придется опасаться за это провинцію, если война еще затянется.

Мой братъ Константинъ отвѣтилъ мнѣ и общаетъ повиноваться и устроить все какъ можно лучше. Онъ нездоровъ, также какъ и его прелестная жена.

Надѣюсь получить отъ васъ въ скоромъ времени хорошія извѣстія. Жена моя кланяется вамъ, а я цалую васъ. Вашъ навсегда. Искренно преданный Николай.

Кланяйтесь отъ меня всѣмъ нашимъ. Чевкинъ у васъ, приважите ему приучить Долгорукова къ его дѣлу; я увѣренъ, что вы будете имъ очень довольны.

S.-Petersbourg, le 17 (29) mars 1831.

C'est ce matin à mon reveil que j'ai reçu, mon cher ami, votre bonne lettre du 1-r—13. Dieu soit béni pour les deux nouveaux succès obtenus; je les regarde comme importants, car ils prouveront à l'ennemi que si nous sommes forcément dans une inaction momentanée, ils ne doivent point croire que nous dormons. L'affaire de Kreutz est vraiment belle; toute sa manoeuvre devant Dvernitsky et l'attaque sur Lublin sont habilement combinées et parfaitement combinées. Je vous autorise à le présenter pour une récompense; et ce que me rejouit c'est que mes dragons, en dépit de ceux qui soutiennent l'inutilité de cette arme, ont prouvé qu'ou il n'y pas d'infanterie ils peuvent la remplacer parfaitement; ce coup relevera leur esprit et vous relevez par des croix.

Je serais fâché si les blessures de Dellingshausen et de Schilling les éloignaient de ce corps, dont ils sont les seuls officiers distingués. L'affaire de Lachman lui fait aussi honneur ainsi qu'à la troupe. Maintenant je me flatte que Toll saura atteindre et détruire le citoyen général Dvernitsky, avant qu'il n'échappe par Kachof, car cela serait trop dommage!

Vous avez de nouveau parfaitement répondu aux impertinences de Skrzynetsky; je ne comprends pas trop ce qu'ils veulent, à moins que ce ne soit que pour gagner du temps, assez sot calcul. Mes deux dernières lettres vous prescrivent les seules conditions que j'admets. Vous

avez parfaitement bien fait d'arrêter la garde; laissez l'y jusqu'a nouveaux ordres, mais faites toujours arriver le second le plutôt et le plus près possible; peut-être les hussards et surtout la 1 de hulans pourraient-ils être lassés en arrière, pour laisser aux premiers le temps de se former et aux autres de se reposer et de se ménager à l'instar de la garde.

J'espère que la Vistule vous aura déjà permis de songer au passage; le temps presse et l'horizon français est tel, que j'attends d'un courrier à l'autre la nouvelle non d'une attaque au dehors, mais bien d'un bouleversement, dont la première victime sera le Roi citoyen, tout citoyen qu'il est. Voilà nos prévisions qui se réalisent.

Gneisenau est à Posen et ils ne sont pas sans inquiétudes pour cette province, si la guerre trainait encore.

Mon frère Constantin m'a répondu et me promet d'obéir et d'arranger le tout pour le mieux. Il est souffrant mais surtout sa femme adorable.

J'espère bientôt avoir de bonnes nouvelles de vous. Ma femme vous dit mille choses et moi je vous embrasse. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

Mille choses à tous les autres. Чевкинъ est chez vous; faites lui dresser Dolgorouky à son genre de travail; je suis sûr que vous en serez très content.

LXXI.

Всеподданн. рапортъ графа Дибича.

19-го марта 1831 г., м. Зелеховъ.

Его императорское высочество, командующій гвардейскимъ корпусомъ, отношеніемъ своимъ отъ 16-го марта, увѣдомилъ меня, что по полученнымъ донесеніямъ отъ генераль-маіора барона Остенъ-Сакена и генераль-адъютанта Бистрома непріятель, 13-го числа сего мѣсяца, атаковалъ казачій постъ, расположенный въ Забинѣ, но который, бывъ подкрѣпленъ казаками Грекова 4-го полка, опрокинулъ 600 кракусовъ и захватилъ около 30-ти человекъ въ плѣнъ. 14-го же числа войска мятежниковъ, въ числѣ 5000 т. человекъ конницы и пѣхоты при 8-ми орудіяхъ, принудивъ къ отступленію наши казачьи посты по Варшавской дорогѣ, предприняли обзорніе г. Остроленки. Непріятельскія колонны подпущены были на вѣрный пушечный выстрѣлъ, гдѣ открытый огонь изъ орудій 3-й батарейной роты 2-й гвардейской артиллерійской бригады, посланной туда вмѣстѣ съ л.-гв. сапернымъ баталіономъ генераль-адъютантомъ Бистромомъ на подкрѣпленіе аван-

гарда, и необыкновенно мѣткіе выстрѣлы принудили немедленно непріятеля къ послѣшнему отступленію.

Вслѣдствіе такового покушенія мятежниковъ, его императорское высочество нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія распоряженія.

1) Устроивъ прочнымъ образомъ мостовое укрѣпленіе, при переправѣ чрезъ р. Наревъ, по важности пункта Остроленки, непремѣнно удерживать оный отрядомъ генераль-маіора Сакена и даже въ случаѣ необходимости подкрѣпить оный л.-гв. Финляндскимъ полкомъ.

2) Остальныя войска 2-й гвардейской дивизіи соединить въ окрестностяхъ м. Мастково, на тѣсныхъ квартирахъ, исключая л.-гв. Павловскаго полка, оставленнаго въ г. Кольно вмѣстѣ съ 6 ротами гренадерскаго графа Аракчеева полка, 4-мя орудіями и однимъ эскадрономъ л.-в. казачьяго полка, который постами своими вдоль рѣки Писсекъ наблюдаетъ за пространствомъ между Новгородомъ и границею Пруссіи.

3) Л.-гв. уланскій полкъ перевести въ м. Трошинъ, а л.-гв. гусарскій въ с. Пыски, дабы остальные полки легкой гвардейской кавалерійской дивизіи могли тотчасъ войти въ соединеніе со 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею.

4) Оставляя л.-гв. конно-егерскій полкъ съ легкою № 2 батареею въ Анджеевѣ въ видѣ авангарда 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, сблизить лѣвый флангъ 2-й бригады сей дивизіи къ сторонѣ Замброва для совершеннаго обезпеченія направленія къ городу Бѣлостоку. Собщеніе между л.-гв. конно-егерскимъ и л.-гв. гусарскимъ полками будетъ производиться 2-мя эскадронами л.-гв. казачьяго полка, расположенныхъ въ Шумовѣ.

5) 1-ю кирасирскую дивизію сблизить нѣсколько къ г. Ломжѣ.

6) Въ случаѣ покушенія непріятеля, переправиться чрезъ р. Наревъ близъ Остроленки. Защита сего пункта предоставлена генераль-маіору барону Сакену при содѣйствіи генераль-адъютанта Бистрома, имѣющаго въ таковомъ случаѣ присоединить къ войскамъ правой колонны три первые полка легкой гвардейской кавалерійской дивизіи съ легкою № 1 батареею.

7) Разъѣзды велѣно послать отъ Остроленки до Рожанъ и изъ Червина до Пржеицы и по направленію къ Вышкову, равно какъ и съ сего послѣдняго города прямой дорогой изъ Анджеева.

Находя всѣ распоряженія, сдѣланныя его императорскимъ высочествомъ, совершенно соотвѣтствующими обстоятельствамъ, я не преминулъ изъявить полное одобреніе мое, оставаясь въ совершенной увѣренности, что таковыя мѣры въ предупрежденіе намѣренія непріятеля будутъ увѣнчаны несомнѣннымъ успѣхомъ.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

LXXII.

Генераль-адъютантъ баронъ Розень — графу Дибичу.

19-го марта 1831 г..

Сего числа, въ 4 часа утра, открыто аванпостами генераль-адъютанта барона Гейсмара, что непріятельская пѣхота и конница вышли въ значительныхъ силахъ изъ Праги. Съ разсвѣтомъ усмотрѣны пѣхотныя и кавалерійскія колонны, шедшія по шоссе и вправо отъ оной, съ намѣреніемъ обойти правый флангъ генераль-адъютанта барона Гейсмара, который, находя непріятеля въ превосходнѣйшихъ силахъ, отступилъ по шоссе, но по послѣднимъ извѣстіямъ находится по ту сторону Милосны, и непріятель остановился.

По разсказамъ одного плѣннаго всѣ войска, бывшія въ Варшавѣ, вышли оттуда на сію сторону и состоятъ изъ двухъ полковъ кавалеріи, четырехъ пѣхотныхъ и разныхъ иррегулярныхъ войскъ.

Я собираю первый мой эшелонъ изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, 16 орудій артиллеріи и 9 эскадроновъ кавалеріи къ Дембевелькѣ для подкрѣпленія авангарда и для удержанія на первый случай непріятеля; вторая колонна изъ трехъ полковъ пѣхоты, одного уланскаго и 8 орудій будетъ находиться между Рышею и Бржозою для прикрытія праваго фланга моего; далѣе въ Мистовѣ, по дорогѣ къ Якубову, собираются два полка пѣхоты, 8 орудій, 5 эскадроновъ конныхъ егерей, Аванпостамъ велѣно какъ можно медленнѣе отступать. Три эскадрона конныхъ егерей занимаютъ Векговку, Карчевъ и Варшавицу, потомъ отступать на Глинянку, Кольбель и Осецкъ и далѣе на Шеницу, Старогроцкъ и Гарволинъ; непріятеля буду задерживать по возможности въ Дембевелькѣ, Минскѣ и Калушинѣ, если дѣйствительно силы его окажутся весьма превосходными.

О чемъ вашему сіятельству донести честь имѣю, почтеннѣйше присовокупляя, что вмѣстѣ съ симъ я предписываю 2-й бригадѣ 2-й гусарской дивизіи слѣдовать въ Калушинъ, а 2-й бригадѣ 1-й уланской дивизіи въ Седльце, принявъ нужныя мѣры для отвращенія перенесенія въ армию холеры, еслибы она уже была въ слѣхъ войскахъ. Другой плѣнный увѣряетъ, что силы непріятельскія, вышедшія изъ Варшавы, заключаютъ всю первую пѣхотную дивизію и сверхъ того косіонеры и прочее.

Сейчасъ полученный рапортъ отъ генераль-адъютанта Гейсмара представить честь имѣю; я ожидаю здѣсь и его, и непріятеля, ибо эшелонъ мой еще соединяется изъ Стоядлы.

LXXIII.

Рапортъ генераль-адъютанта барона Гейсмара—командиру 6 п. и., генераль-адъютанту барону Розену.

Отъ 19-го марта 1831 г.

На повелѣніе вашего высокопревосходительства донести честь имѣю, что не усиленная рекогносцировка, но всѣ войска, въ Варшавѣ и окрестностяхъ находившіяся, учинили на вѣрренный мнѣ авангардъ нападеніе; большая потеря наша можетъ свидѣтельствовать, что войска наши дерутся хорошо; ко мнѣ необходимо подкрѣпленіе, потому что они продолжаютъ сильно наступать; я уже за Милосномъ буду нѣсколько удерживаться у опушки лѣса, чтобы остановить стремленіе непріятели; пѣхота вся въ дѣлѣ; уланскія лошади очень устали и мнѣ совершенно необходимо подкрѣпленіе, особенно пѣхотою, чтобы по крайней мѣрѣ отступить съ меньшею потерею. По словамъ плѣнныхъ нападеніе учинено дивизіею пѣхоты и 3-мя полками кавалеріи. Мы овладѣли однимъ знаменемъ 5-го пѣхотнаго полка.

Отъ плѣнныхъ узнано, что кромѣ войскъ, противъ меня дѣйствующихихъ, очень много пошли по Модлинской дорогѣ.

LXXIV.

Рапортъ бар. Розена—графу Дибичу.

Отъ 20-го марта, изъ Поляки.

Сего числа непріятель слабо преслѣдовалъ аріергардъ мой. Немнѣніе никакой удобной позиціи, необходимость собрать усталыхъ и разсѣявшихся въ лѣсахъ людей и особенно топкость мѣстоположенія, не позволяющаго еще вывозить артиллерію на позицію, побудили меня отступить чрезъ Калушинъ до Поляковъ, имѣя авангардъ за мостомъ чрезъ болотистую рѣчку при Ягоднѣ; дѣйствовать буду по обстоятельствамъ. О большихъ движеніяхъ непріятели на одинъ какой либо изъ моихъ фланговъ не имѣю никакого извѣстія; подробнѣе о всемъ вслѣдъ за симъ буду имѣть честь донести вашему сіятельству.

LXXV.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Рыки, 21-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше величество, мнѣ весьма грустно, государь, сообщить вамъ о новомъ и весьма чувствительномъ поражениі, понесенномъ генераломъ Розеномъ третьяго дня близъ Дембевелки передъ Минскомъ. Авангардъ Гейсмара, завязавъ со своею пѣхотою сраженіе противъ непріятеля, шедшаго на Вавръ съ болѣе превосходными силами, держался повидимому слишкомъ долго и возвратился совершенно разстроенный къ эшелону, которымъ командовалъ самъ генералъ Розень въ Дембевелки и который составлялъ остатки 24-й дивизіи. Тутъ произошло вторичное сраженіе, длившееся 24 часа, но донесеніе генерала Розена такъ коротко, что изъ него нельзя понять самаго хода дѣла, но видно только, что ему пришлось отступить къ Минску съ большимъ урономъ, потерявъ 4 орудія, завязшія въ грязи, и что онъ рассчитывалъ отступить въ ночь до Калушина. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Розена, который встрѣтитъ отступая сильныя эшелоны кавалеріи и надѣюсь будетъ въ состояніи удержать Левицкое ущелье (*défilé de la Liwitza*). Я предписываю ему при этихъ обстоятельствахъ, въ особенно важныхъ случаяхъ, представлять донесенія прямо в. и. в., такъ какъ я нахожусь уже на Вепшѣ и намѣреваюсь сосредоточить корпусъ Витта для того, чтобы начать переправу при Турчинѣ. Теперь я долженъ видѣть и узнать изъ донесеній Розена о томъ, что намѣренъ предпринять непріятель. Движеніе непріятеля на Сѣдлецъ, за Ливицу, докажетъ его намѣреніе идти на Брестъ; въ такомъ случаѣ я пойду за нимъ съ моими соединенными силами, чтобы настигнуть его съ фланга или съ тыла; если же, наоборотъ, онъ вернется въ Варшаву, то я поспѣшу переправиться черезъ Вислу, дабы воспользоваться отсутствіемъ значительной части непріятельскихъ силъ, и приближу Розена къ себѣ, оставивъ лишь кавалерію и нѣсколько пѣхоты на шоссе, по которому второй корпусъ начинаетъ уже выступать съ довольно значительными силами. До прибытія его я не счелъ возможнымъ оставить на этомъ важномъ пути отрядъ менѣе 6-го корпуса въ виду смѣлыхъ дѣйствій мятежниковъ, которымъ отчаяніе и недостатокъ... внушаютъ движенія, исполняемыя, надобно отдать справедливость, съ большимъ искусствомъ въ этомъ смыслѣ и съ отвагою.

Я полагаю, что послѣ этой попытки со стороны непріятеля необходимо, чтобы правый флангъ, а именно гвардейскій корпусъ совершилъ то движеніе, о которомъ я говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ; этимъ движеніемъ онъ не только не подвергнетъ себя опасности, но напротивъ того займетъ такую позицію, которая обезпечить за нимъ одновременно обѣ операціонныя линіи, изъ коихъ Бѣлостокская линія важнѣе Ковенской, но представляетъ менѣе средствъ къ продовольствію, проходя черезъ мѣстность, истощенную долгимъ пребываніемъ войскъ 6 корпуса и проходямъ всей арміи, тогда какъ правый берегъ Нарева представляетъ мѣстность гораздо лучше сохранившуюся и всѣ выгоды близости къ Пруссіи и судоходства по двумъ большимъ рѣкамъ.

Только что получилъ я донесеніе Розена о томъ, что непріятель преслѣдовалъ его 20 числа весьма вяло, но что онъ предпочелъ тѣмъ не менѣе переправиться черезъ Ливицу, оставивъ авангардъ за рѣкою очевидно для того, чтобы не вступить въ мѣстность болотистую, гдѣ артиллерія въ настоящее время года не могла бы отступить.

Я произведу завтра большую рекогносцировку съ легкой кавалеріей по шоссе черезъ Шеницы и Ы.....; если бы непріятель повернулъ въ мою сторону, что кажется мнѣ весьма мало вѣроятнымъ, то я былъ бы готовъ встрѣтить его, если же наоборотъ онъ отступить или двинется по направленію къ Розену, то я буду дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что изложено мною выше.

Погода наступаетъ наконецъ весенняя и я надѣюсь, что съ Божіей помощью она установится и дороги по ту сторону Вислы будутъ лучше.

Я весьма огорченъ тѣмъ, что случилось въ главной квартирѣ 1-ой арміи. Я долженъ сказать в. и. в., что люди, пріѣхавшіе отсюда и вполнѣ заслуживающіе довѣрія, говорятъ, будто первое неудовольствіе графа Сакена было слѣдствіемъ любовной и вдвойнѣ преступной интриги, которую генералъ Кайсаровъ имѣлъ съ г-жею Захаровой, женою одного изъ дежурныхъ адъютантовъ, бывшаго его личнымъ адъютантомъ и побочной дочерью фельдмаршала. Весьма возможно, что въ этомъ грязномъ дѣлѣ была нѣкоторая вина и со стороны генерала Карпова, приходящагося по женѣ, по крайней мѣрѣ, законнымъ родственникомъ графу Сакену. Во всякомъ случаѣ осмѣливаюсь откровенно высказать в. и. в. мое мнѣніе, основанное на многолѣтнемъ и зачастую весьма горькомъ опытѣ, что интрига всегда вредитъ службѣ и что при подобныхъ обстоятельствахъ это было неизбѣжно со стороны корпуснаго командира, оскорбленнаго лично главнокомандующимъ, даже если бы на его мѣстѣ былъ человѣкъ менѣе склонный къ интригѣ, нежели Кайсаровъ.

Графъ Толъ и Нейдгардтъ повергають себя къ стопамъ в. и. в. Сובлаговолите, государь, повергнуть къ стопамъ е. в. государыни императрицы мое глубочайшее и искреннее почтеніе.

Примите также, государь, мою искреннюю благодарность за присылку Корсакова; я завтра же пошлю его къ мостамъ, которыя Герстенцвейгъ и Обручевъ (саперъ) построили по моему мнѣнію довольно хорошо. Шлюпки изъ Варшавы еще не показывались, но за то нѣсколько брандеровъ, пущенныхъ нами противъ Прагскаго моста, также не имѣли никакого успѣха.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ глубочайшей благодарности и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга И. Дибичъ-Забалканскій.

LXXVI.

Всеподд. рапортъ графа Дибича.

М. Рыки, 21-го марта 1831.

Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству отъ 16-го марта, что предпринимаю движеніе влѣво съ главными силами арміи, дабы перейти черезъ верхнюю Вислу на лѣвый берегъ оной. Войска 1-го пѣхотнаго и гренадерскаго корпусовъ выступили съ мѣстъ прежняго своего расположенія 17-го числа, въ три весьма трудные марша достигли къ р. Вепржу и расположились на правомъ берегу оной—1-ый корпусъ между м. Рыками и Бобровниками, занимая пункты сіи и Варкоцинъ и Стенжицу; гренадерскій корпусъ въ с. Мясечкѣ и Држончговѣ и между оными; гвардейскій отрядъ въ Коцкѣ и окрестностяхъ. 3-й резервный кавалерійскій корпусъ 22-го, а наипозже 23-го числа, соберется между Маркушевымъ и Пулавами, имѣя въ головѣ полки 3-й гренадерской дивизіи, къ оному прикомандированной. Главная моя квартира въ м. Рыки; предварительныя работы и приготовленія способовъ переправы уже совершенно приходятъ къ окончанію и черезъ два или три дня мостъ при Тырчинѣ можетъ быть наведеннымъ, въ чемъ я лично удостовѣрился, обозрѣвая съ начальникомъ главнаго штаба и генераль-квартирмейстеромъ арміи пунктъ переправы.

Между тѣмъ 20 числа я получилъ донесеніе отъ генераль-адъютанта барона Розена, оставленнаго мною предъ Прагою, на шоссе, для обереженія края въ тылу арміи и прикрытія главнаго сообщенія съ Россією, проходящаго черезъ Седльце, что непріятель, вышедъ изъ Праги 19-го числа по утру, наступилъ въ превосходныхъ силахъ на

авангардъ его, подъ командою генераль-адъютанта барона Гейсмара, при Милоснѣ находившійся, и что оный отходить на соединеніе съ нимъ къ Дембевельскамъ, гдѣ расположенъ его передній эшелонъ. Вслѣдъ за симъ донесеніемъ получено мною и другое. Генераль баронъ Розень увѣдомляетъ, что съ присоединеніемъ авангарда къ переднему эшелону началось весьма жаркое дѣло, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ, во время коего непріятель, несравненно въ превосходящемъ противу него числѣ наступившій, безпрестанно усиливалъ свой лѣвый флангъ, и когда генераль баронъ Розень, подкрѣпша противъ него правый флангъ, ослабилъ свой центръ, то подошедше въ сіе время новыя сильныя колонны непріятельскія повели атаку на оный и тѣмъ принудили его отступить къ Минску.

Поспѣшность, съ кою оны послалъ мнѣ рапортъ сей, не дозволила ему собрать свѣдѣній о понесенной имъ потерѣ; доносить однако же, что не досчитывается 4-хъ орудій, кои остались въ топн, по невозможности ихъ вывезти; что между ранеными находятся полковники: Курошъ, Цемировъ 1-й, Аслановичъ и Квицинскій, а полковникъ Глазатовъ убитъ; что оны самъ и генераль-адъютантъ баронъ Гейсмаръ были почти въ рукахъ непріятели и едва могли спастись и что, наконецъ, видя себя не въ силахъ къ удержанію стремленія весьма превосходящаго въ числѣ непріятели, оны предполагаетъ въ ночи на 20-е число отступить къ Калушину, дабы, соединивъ всѣ части корпуса, отразить непріятели.

Дальнѣйшаго донесенія я еще не имѣю и потому, представляя на высочайшее усмотрѣніе вашего императорскаго величества вышеизложенное, всеподданнѣйше доношу, что я приостановилъ на время движеніе 1-го пѣхотнаго и гренадерскаго корпусовъ, въ ожиданіи опредѣлительнаго извѣстія о послѣдствіяхъ нападенія непріятели на генераль-адъютанта барона Розена, которое рѣшить—привести ли въ исполненіе предпринятую мною переправу чрезъ Вислу и начать полное наступленіе на Варшаву или обратиться правымъ берегомъ во флангъ мятежниковъ, если бы я удостовѣрился, что они со всѣми главными силами вышли изъ Варшавы противъ генерала барона Розена.

Сейчасъ получено мною краткое донесеніе отъ сего генерала отъ 20 числа, изъ коего видно, что непріятель уже не дѣлалъ на него въ тотъ день большого натиска, но неимѣніе выгодной позиціи, необходимость собрать усталыхъ и въ особенности топкость грунта, совершенно уже растворившагося и препятствующаго выводить на позиціи артиллерию, побудили его отступить за Калушину и остановиться при с. Полякахъ, имѣя авангардъ за мостомъ чрезъ болотистую рѣчку при Ягоднѣ, гдѣ оны дѣйствовать будетъ по обстоятельствамъ. Генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

LXXVII.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ, 22-го марта (3-го апрѣля) 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Я получилъ третьяго дня, любезный другъ, ваше письмо отъ 12 числа. Я вижу съ удовольствіемъ, что вы совершенно увѣрены въ моемъ расположеніи къ вамъ, оно также неизмѣнно, какъ и откровенность, съ какою я всегда говорю съ вами. Вы увидите, что происходитъ въ Варшавѣ изъ копій съ чрезвычайно интересныхъ депешъ, полученныхъ изъ Берлина. Вѣроятно вы уже знаете также о нападеніи, произведенномъ на Остроленку Уминскимъ, пришедшимъ съ двухъ сторонъ; судя по первому извѣстію, полученному мною, первая атака не удалась ему, но гвардія уже была въ дѣлѣ, чего я особенно просилъ васъ избѣгать. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что гвардія, составляющая резервъ арміи въ 12,000 человекъ, сражающаяся противъ 80,000 поляковъ, должна находиться на аванпостахъ! Надѣюсь, что эта попытка не удастся и что Михаилъ съ Сакеномъ заставятъ его дорого заплатить за подобное предпріятіе! Вы увидите изъ депеши, полученной изъ Варшавы, до чего невѣроятно, какъ этотъ корпусъ могъ пройти подъ носомъ у Гейсмара и Розена, и что онъ не только не былъ потревоженъ, но даже не былъ замѣченъ! Повторяю еще разъ, что же дѣлаютъ казаки и легкая кавалерія,—это по истинѣ непостижимо и я начинаю думать, что на аванпостахъ спать, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности. Прошу васъ разъяснить это и донести мнѣ.

Еще болѣе важно возстаніе, охватившее округи Тельшъ, Россіенскій и Хавли; сообщеніе съ Ковно пресѣчено окончательно; та же участь постигла вѣроятно въ настоящее время дорогу въ Полагень; это не можетъ такъ оставаться; имѣя въ Ригѣ только 4 баталіона, безъ кавалеріи, Паленъ могъ двинуться лишь съ 2 баталіонами, и я вынужденъ послать отсюда на подводахъ пѣхоту, которая можетъ прибыть на мѣсто около 1 (13) апрѣля, но до тѣхъ поръ произойдетъ много безпорядковъ, сообщенія могутъ быть прерваны и я опасуюсь за Вильно. Вотъ уже два дня, какъ я не имѣю оттуда извѣстій. Все это доказываетъ вамъ, какъ необходимо покончить все какъ можно скорѣе; но вы не пишете мнѣ ничего о вашихъ приготовленияхъ, о способахъ переправы. Мѣры, принятыя вами относительно холеры, хороши и

достаточны, но Бога ради не разстройте ради этого превосходную резервную дивизию, какъ вы намѣревались сдѣлать это, оставивъ тамъ одну бригаду 1-й уланской дивизіи; что за несчастная привычка все разъединять, дробить, смѣшивать и распредѣлять, Богъ знаетъ, куда и какъ! Вы не имѣете ни одного корпуса въ цѣлости, всё они раздроблены и далеки отъ ихъ первоначальнаго состава. Такимъ образомъ 2 роты полка императора австрійскаго преслѣдуютъ мятежниковъ между Ковною и Кейданами, а Сакенъ имѣетъ 4 конныхъ орудія 1-й батареи, принадлежащей 1-й гусарской дивизіи; возможны ли подобныя вещи? Ради Бога, приведите все въ надлежащій порядокъ и не дробите войско такъ невѣроятно; вы сами всегда осуждали это въ Ермоловѣ.

Что же касается почти невѣроятной возможности скорого примиренія, то я посылаю вамъ обратно вашу записку, отмѣтивъ въ ней необходимыя измѣненія. Вы можете сказать кромѣ того, что законы страны будутъ соблюдены въ той мѣрѣ, насколько они совмѣстны съ безопасностью и благосостояніемъ государства, но болѣе ничего нельзя обѣщать, такъ какъ это невозможно и связало бы мнѣ руки. Курьеръ, прибывшій изъ Лондона, привезъ намъ оттуда самыя успокоительныя извѣстія; изъ Парижа мы не получали никакихъ извѣстій. Не могу высказать вамъ, съ какою тревогою и съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ васъ какихъ нибудь рѣшительныхъ новостей.

Осторожность, постоянство, упорство и дѣятельность, вотъ мой совѣтъ, и не допускайте, чтобы войско упало духомъ отъ бездѣйствія, способнаго деморализовать ихъ, когда они видятъ, что только они одни ничего не дѣлаютъ, а поляки между тѣмъ отваживаются на самыя рискованныя дѣла.

Жена моя кланяется вамъ. Передайте мой поклонъ всѣмъ нашимъ. Прощайте, любезный другъ, да направитъ и защититъ васъ Господь, вашъ навсегда искренно преданный Николай.

S.-Petersbourg, le 22 Mars (3 Avril) 1831.

J'ai reçu avant hier, mon cher ami, votre lettre du 12. Je suis charmé de vous voir persuadé de mes sentiments pour vous; ils sont invariables comme la franchise avec laquelle je vous parle toujours. Vous verrez par les copies des dépeches infiniment intéressantes de Berlin, ce qui se passe à Varsovie. Vous aurez déjà appris aussi l'attaque d'Ostrolenka par Uminsky venu de deux côtés; il paraît d'après la première nouvelle qui m'en est parvenue, que la première attaque ne lui a pas réussi, mais déjà la garde a été au feu, chose que je

vous avais recommandé particulièrement d'éviter. En effet n'est-il pas pour le moins extraordinaire de voir la garde devant faire la réserve d'une armée de 120,000 hommes contre 80,000 polonais, se trouver aux avant-postes! J'espère que cette tentative ne réussira pas et que Michel avec Sacken lui feront payer cher cette entreprise. Vous verrez par la dépeche de Varsovie, qu'il est incroyable que ce corps ait pu passer sous le nez de Geismar et de Rosen, que non seulement il n'a pas été inquiété, mais pas même aperçu! mais encore une fois que font donc les cosaques et la cavalerie légère, en vérité c'est incroyable, et je commence à croire que l'on dort aux avant-postes, au lieu de faire son devoir. Je vous engage de tirer cela au clair et de m'en faire rapport.

Mais ce qui est bien autrement important est l'insurrection générale des districts de Telscha, Rossiena et Cavlya; déjà la route de Kovno est totalement interceptée, et celle de Polangen doit l'être à l'heure qu'il est; ce n'est pas tolérable; n'ayant que 4 bataillons à Riga, sans cavalerie, Pahlen n'a pu marcher qu'avec 2, et je suis obligé d'envoyer sur подводы de l'infanterie d'ici, qui y peut arriver vers le 1 (13) avril; mais jusque là beaucoup de désordre sera commis les communications interrompues et je tremble pour Wilna. Je n'en ai aucune nouvelle depuis deux jours. Tout cela vous prouve combien il est urgent que vous en finissiez le plutôt possible; mais vous ne me dites rien sur vos préparatifs, ni moyens de passage. Vos mesures pour le choléra sont bonnes et suffisantes, mais, de grâce, n'allez pas pour cela de nouveau décomposer une superbe division de réserve, comme vous l'aviez l'intention en y laissant une brigade de la 1 de lanciers. Quelle malheureuse manière de tout décomposer, morceler, mêler, distribuer, Dieu sait où et comment! Vous n'avez pas un corps intact tout est par petits morceaux hors de sa composition primitive. C'est ainsi que 2 compagnies de l'Empereur d'Autriche font la chasse aux insurgés entre Kovno et Keidany, et que Sacken se trouve avoir 4 pièces à cheval de la 1 batterie appartenant à la 1 de hussards; comprend on chose pareille? Au nom de Dieu ramenez tout à son orde prescrit et point de ces incontenables décompositions que vous blâmiez tant dans Jermoloff.

Quant à l'improbable possibilité d'un accommodement je vous renvoie votre note les changements indispensables. Vous pouvez en outre dire que les lois du pays seront conservés en autant qu'elles seront compatibles avec la sureté et le bien être de l'état; mais rien au delà, car cela est impossible et me lierait les bras. Un courrier de Londres nous a porté les nouvelles les plus satisfaisantes de Londres; nous n'avons rien de Paris. Je ne puis vous dire avec quelle anxiété et impatience j'attends de vos nouvelles décisives.

Prudence, constance, persévérance, mais activité, et ne laissez pas abattre l'esprit des troupes par une inaction faite pour les démoraliser, quand ils voient que ce n'est qu'eux qui ne font rien et que les polonais hasardent les coups les plus hardis.

Ma femme vous dit mille choses. Mes amitiés à tous les vôtres. Adieu cher ami qui Dieu vous guide et vous inspire; à vous pour la vie votre tendrement affectionné. N.

(Продолжение слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

1824—1834 гг.

1832 г.¹⁾.

4-го апрѣля. Понедѣльникъ. Отъ 6 до 9 его выс. и Вѣльгорскій занимались нѣкоторыми собственными занятіями. Отъ 9 до 10 были у заутрени. Отъ 10 до 11 ихъ выс. великія княжны Марія и Ольга Николаевны, великій князь Александръ Николаевичъ и Вѣльгорскій занимались вмѣстѣ назидательнымъ чтеніемъ у г. Павскаго. Отъ 12 до 1 была обѣдня, послѣ которой мы гуляли пѣшкомъ и потомъ были въ манежѣ. Послѣ обѣда его выс. читаль нѣсколько выбранныхъ писемъ г-жи Севинье. Ихъ вел. обѣдали въ Зимнемъ дворцѣ, откуда возвратились въ 8 час. къ вечерни.

5-го апрѣля. Вторникъ. Отъ 6 до 8 часовъ е. выс. занимался собственными занятіями. Отъ 8 до 9 часовъ читаль въ присутствіи г. Павскаго Евангеліе с. Матеея, читаемое обыкновенно въ этотъ день при заутренѣ. Отъ 10 до 11 находились какъ вчера въ учебной комнатѣ великой княжны Маріи Николаевны и занимались назидательнымъ чтеніемъ въ присутствіи государыни императрицы. Отъ 12 до часу были у обѣдни. Мы гуляли пѣшкомъ, но такъ какъ вѣтеръ былъ очень силенъ и холоденъ, то, сдѣлавъ визитъ графинѣ Вѣльгорской, зашли въ великолѣпный мебельный магазинъ Гамбса и

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106; май, стр. 265—280; июнь, стр. 481—510; т. XLVII, июль, стр. 27—44; августъ, стр. 223—238.

осматривали его; ихъ вел. обѣдали въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ принимали коменданта крѣпости, проѣхавшаго чрезъ Неву въ катерѣ, въ первый разъ по вскрытіи рѣки.

Послѣ обѣда великій князь читалъ въ сокращенной всеобщей исторіи путешествій экспедицію Гамо (Васко). Вечеромъ была всеобщая.

6-го апрѣля. Среда. Читали въ присутствіи г. Павскаго евангеліе, которое будутъ читать во время заутрени. Потомъ отъ 10 до 11 отецъ Павскій бесѣдовалъ съ ихъ выс. и говорилъ о приготовленіи къ исповѣди. Обѣдня была въ 12 часовъ. Послѣ обѣда е. выс. и Віельгорскій занимались назидательнымъ чтеніемъ. Вечеромъ, послѣ всеобщей, великій князь исповѣдывался. Онъ много плакалъ и казалось мнѣ, что онъ чистосердечно сознавалъ свои ошибки, рѣшился серьезно исправиться. Главные его недостатки суть: лѣнь, гордость и скрытность. Онъ самъ знаетъ свои недостатки и надо думать, что онъ всѣми силами старается будетъ отъ нихъ избавиться.

7-го апрѣля. Четвергъ. До 9 часовъ е. выс. бесѣдовалъ съ г. Павскимъ о важности св. Причастія. Въ 9 часовъ пошли въ церковь, а около 11 вся императорская фамилія причастилась св. Тайнъ. Великій князь гулялъ пѣшкомъ, послѣ обѣда занимался рисованіемъ, снималъ видъ Невскаго проспекта изъ окна своей комнаты. Вечеромъ былъ у всеобщей.

8-го апрѣля. Пятница. До 9 часовъ е. выс. занимался выучиваніемъ разныхъ нѣмецкихъ изреченій. Въ 9 часовъ, пожелавъ добраго утра ихъ велич., мы пошли пѣшкомъ въ Зимній дворецъ. Отъ 10 до 12 занимался повтореніемъ географіи. Отъ 12 до 2 находился въ большой церкви Зимняго дворца, гдѣ присутствовалъ при Богослуженіи. Послѣ обѣда занимался опять географіею, вечеромъ былъ въ маленькой дворцовой церкви.

9-го апрѣля. Суббота. Все утро е. выс. занимался собственными занятіями. Отъ 12 до часу былъ у обѣдни, потомъ гуляли пѣшкомъ до 3 часовъ. Послѣ обѣда игралъ оловянными солдатами, видно было, что онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приглашенія великихъ княженъ собиравшихся красить яйца. Наконецъ пришло приглашеніе и великій князь воспользовался имъ съ поспѣшностью; придя къ сестрицамъ, занялся работою съ величайшимъ усердіемъ; видно было, что занятіе это столько-же забавляло его, сколько великихъ княженъ и подругъ ихъ; е. выс. легъ спать въ 9 часовъ; но въ 11 ночи всталъ, чтобы

присутствовать при заутренѣ, совершенной въ церкви Зимняго дворца, въ присутствіи ихъ вел. государя императора и государыни императрицы и ихъ имп. выс. великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. Принявъ поздравленія отъ членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ, генераловъ, гвардіи и арміи штабъ и оберъ-офицеровъ, и двора, ихъ имп. вел. слушали обѣдню, послѣ чего вся императорская фамилія пошла во внутренніе покои государыни императрицы, гдѣ разговливались. Великій князь вернулся въ свои комнаты въ 4 часа утра.

10-го апрѣля. Воскресенье. Великій князь всталъ въ 8 часовъ. Отъ 9 до 10 принималъ гг. офицеровъ полковъ лейбъ-гвардіи Павловскаго, лейбъ-гвардіи гусарскаго, Атаманскаго казачьяго и потомъ многихъ генераловъ и другихъ лицъ; послѣ сего мы отправились съ поздравленіями къ е. выс. герцогу Виртембергскому, кн. Волхонскому и генераламъ Бистрому и Денрерадовичу. На разводѣ присутствовали французскій посолъ, маршалъ Мартъе, герцогъ Тревизскій, имѣвшій аудіенцію у государя императора, при которой государь наслѣдникъ присутствовалъ. Въ свитѣ посла состояли: маркизъ де Trévisе, поручикъ генеральнаго штаба, vicomte de Bellozane, эскадронный командиръ генеральнаго штаба, comte de Perthuis, капитанъ генеральнаго штаба, всѣ трое адъютанты герцога; le prince d'Eschemuhl, перъ Франціи, и г. Cazenev, attaché d'ambassade.

Послѣ вечерни въ большой церкви былъ baise-mains; ночь и весь день проведены въ постоянныхъ суетахъ.

11-го апрѣля. Понедѣльникъ. Отъ 7 до 12 часовъ е. выс. Александръ Николаевичъ занимался собственными занятіями. Былъ у обѣдни и у развода. Послѣ обѣда собралось нѣсколько молодыхъ людей; играли въ жгуты. День проведенъ безъ упрека.

12-го апрѣля. Вторникъ. Его выс. занимался собственными занятіями до 12 часовъ. Присутствовалъ при разводѣ и потомъ былъ съ поздравленіями у герцога Виртембергскаго по случаю дня его рожденія. Генераль Бенкендорфъ представлялъ е. выс. гг. офицеровъ и юнкеровъ черкесскихъ, числящихся въ конвоѣ е. величества.

Къ столу е. выс. я пригласилъ изъ каждаго кадетскаго корпуса по два воспитанника и нѣсколько молодыхъ людей, посѣщающихъ великаго князя; играли въ жгуты до 6 часовъ, послѣ чего танцовали въ ротондѣ съ обществомъ ихъ имп. выс. великихъ княженъ. День проведенъ весело и безъ упрека.

13-го апрѣля. Среда. Собственныя занятія продолжались до 12 часовъ пополудни; вечеромъ отъ 6 до 8 хорошій день.

14-го апрѣля. Четвергъ. Занимались до 12 часовъ. Отъ 12 до 3 гуляли. Вечеромъ танцовали у моей жены.

15-го апрѣля. Пятница. Утро проведено по обыкновенію какъ вчера. Въ часъ мы отправились съ государемъ наследникомъ въ манежъ кавалергардскаго полка, гдѣ разспрашивалъ нѣкоторыя сѣденія о томъ, какъ подъѣзжать на ординарцы къ государю императору. Вечеромъ великій князь былъ на вечерѣ у государыни императрицы.

16-го апрѣля. Суббота. Утромъ, какъ и всѣ эти дни, были собственныя занятія. День этотъ останется навсегда въ моей памяти.

Я имѣлъ новое доказательство безпредѣльнаго милосердія Всевышняго ко мнѣ и я вполне увѣренъ, что Онъ покровительствуетъ питомцу моему и бдитъ о сохраненіи дней его драгоценныхъ.

Въ 6 часовъ пополудни мы поѣхали верхами кататься вокругъ качелей; сдѣлавъ нѣсколько круговъ, мы проѣхали на Марсово поле; великій князь былъ на своей любимой лошади, Малекъ-Адель, осѣдланной казацкимъ сѣдломъ и на одной уздечкѣ.

Прибывъ на плацъ, мы подняли лошадей въ галопъ и наконецъ пустили въ карьеръ. Великій князь меня обскакалъ и, не будучи въ состояніи остановить свою лошадь, хотѣлъ сдѣлать вольтъ передъ веревкою, протянутою вокругъ плаца, но лошадь, будучи близъ веревки, перепрыгнула чрезъ нее; великій князь не ожидалъ этого и упалъ на мостовую.

Испугъ мой былъ невыразимъ, когда я увидѣлъ его лежавшаго на землѣ и безъ движенія. Подойдя къ нему и приподнявъ его съ помощію (проходившаго въ эту минуту возлѣ насъ мѣщанина), первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣть, не зашиблена ли голова; не видя никакихъ знаковъ, я растегнулъ ему воротникъ и развязалъ галстухъ, но онъ все оставался въ безпамятствѣ; тогда я велѣлъ близъ стоящему извозчику принести воды, которою я брызнулъ ему въ лицо, вслѣдствіе чего онъ очнулся и пришелъ въ себя. Къ счастью, между лицами, собравшимися вокругъ насъ, находился полковникъ Романовичъ, который предложилъ свою коляску; я принялъ его предложеніе съ благодарностью и такимъ образомъ привезъ его выс. во дворецъ. Съ плаца еще я послалъ г. Багратіона, офицера лейбъ-гвардіи уланскаго полка, за г. Арендтомъ, докторомъ и хирургомъ е. в., а также за

докт. Крейтономъ; не прошло болѣе десяти минутъ съ прибытія нашего въ комнаты великаго князя, какъ г. Крейтонъ явился. Онъ осмотрѣлъ великаго князя и, къ невыразимому моему удовольствію, объявилъ, что кромѣ сильнаго намятія мускула у праваго плеча ничего не было. Послѣ сего я рѣшился везти великаго князя къ ихъ вел., съ тѣмъ, чтобы самъ онъ объявилъ имъ обо всемъ случившемся. Такимъ образомъ ихъ вел. не испытали никакого испуга. Государь выразилъ великому князю свое неудовольствіе за небрежность, съ кою онъ ѣздитъ верхомъ, и въ особенности укорялъ его, что онъ не имѣетъ надъ собою власти и не можетъ удержать слезъ своихъ. Вернувшись къ себѣ, великій князь успокоился. Доктора нашли нужнымъ поставить ему нѣсколько пиявокъ къ затылку и дать ему слабительное. Нѣсколько разъ показывалось у е. выс. нервное безпокойство; около 11 часовъ онъ заснулъ.

17-го апрѣля. Воскресенье. Его выс. спалъ до 8 часовъ, не просыпаясь; онъ чувствовалъ себя здоровымъ, но не могъ поднять правой руки; онъ однако одѣлся и принималъ нѣкоторыхъ лицъ. Былъ большой выходъ; всѣ лица, на выходѣ бывшія, заходили справляться о здоровьи е. выс. Ихъ вел., возвращаясь отъ обѣдни, вошли въ комнаты великаго князя и дали ему подарки, которые онъ долженъ былъ получить наканунѣ дня своего рожденія. Государь императоръ подарилъ наследнику великолѣпные геодезическіе инструменты, сдѣланные въ г. Колпинѣ г. Самойловымъ подъ надзоромъ г. Вильсона. Отъ государыни императрицы великій князь получилъ прекрасную дорожную шкатулку, саблю, турецкій кинжалъ и нѣсколько книгъ для библіотеки.

18-го апрѣля. Понедѣльникъ. Великій князь спалъ двѣнадцать часовъ съ ряду; сонъ и успокоительная микстура, прописанная г. Крейтономъ, ему принесли большую пользу; онъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и только въ правой рукѣ чувствуетъ небольшую боль. Онъ почти весь день провелъ у государыни императрицы, гдѣ читалъ Донъ-Кихота попеременно съ великими княжнами.

19-го апрѣля. Вторникъ. Великій князь провелъ ночь весьма хорошо; онъ начинаетъ подымать правую руку и надѣется скоро быть въ состояніи владѣть своею саблею. Какъ и вчерашній день, онъ сегодняшній провелъ у ея величества.

20-го апрѣля. Среда. Ночь провелъ прекрасно. День проведенъ весьма пріятно у государыни императрицы. Вечеромъ катались въ

коляскѣ; мы заѣзжали въ оранжерею Таврическаго сада и ѣли тамъ клубнику. Прогулка эта и сіе посѣщеніе были слѣдствіемъ неудавшагося намѣренія; въ 6 часовъ должна была быть репетиція развода въ кавалергардскомъ полку, готовившагося на завтрашній день; мы думали также при ономъ присутствовать.

Въ 8 часовъ вечера великій князь одѣлся въ кавалергардскій мундиръ, понесъ рисунокъ своей работы въ подарокъ ея вел. и поздравлялъ по случаю тезоименитства.

21-го апрѣля. Четвергъ. Въ 10 часовъ е. выс. пошелъ въ комнаты къ ихъ вел. Въ 11 часовъ была обѣдня и потомъ разводъ отъ кавалергардскаго полка, вступившаго въ карауль во дворецъ. На слѣдникъ подъѣзжалъ на ординарцы. Всѣ были удивлены видѣть е. выс. верхомъ, и въ особенности не могли надивиться его ловкости. Онъ исполнялъ дѣло какъ опытный кавалерійскій офицеръ.

Государь императоръ выразилъ ему совершенное свое удовольствіе. Ихъ вел. обѣдали въ семействѣ.

Вечеромъ былъ большой дѣтскій балъ; великій князь танцевалъ нѣсколько танцевъ, но вовсе не усталъ. Въ 11 часовъ легъ спать весьма довольный днемъ.

22-го апрѣля. Пятница. Великій князь спалъ до 8 часовъ. Отъ 10 до 3 имѣлъ уроки. Вниманіе было не совсѣмъ похвально.

23-го апрѣля. Суббота. Его выс. началъ свои уроки съ утра. Какъ вчера былъ не совсѣмъ внимателенъ. Ихъ вел. изволили уѣхать на нѣсколько дней въ Петергофъ. Вечеромъ былъ урокъ танцеванія; великій князь танцевалъ по обыкновенію съ небрежностью. День впрочемъ былъ довольно хорошъ.

24-го апрѣля. Воскресенье. Собственныя занятія, потомъ бесѣда съ г. Павскимъ. Обѣдня. Отъ 12 до 1 часу великій князь давалъ сеансъ г. Неффу, портретному живописцу, послѣ чего мы катались верхомъ по городу. Послѣ обѣда и вечеромъ е. выс. игралъ оловянными солдатами, потомъ бѣгалъ съ своими товарищами въ большіе залы, гдѣ представляли парадъ и конныхъ ординарцовъ; раскрашивали литографіи, представляющія разные полки русской кавалеріи. Поведеніе великаго князя было весьма хорошо.

25-го апрѣля. Понедѣльникъ.

26-го апрѣля. Вторникъ.

} Весьма хорошіе дни.

27-го апрѣля. Среда. Весьма хорошій день. Ихъ вел. и е. выс. наследникъ ѣздили въ крѣпость на панихиду объ успокоеніи души въ Бозѣ почившаго цесаревича Константина, по случаю дня рожденія покойнаго.

Полезно посѣщать гробницы. Къ несчастію, въ шумѣ большого свѣта слишкомъ часто забываютъ свою смертность.

28-го апрѣля. Четвергъ. Весьма хорошій день. Сегодня обѣдалъ у е. выс. кн. Багратионъ, офицеръ уланскаго е. выс. великаго князя Михаила Павловича полка, котораго въ день паденія съ лошади великаго князя я посылалъ за г. Арендтомъ.

29-го апрѣля. Пятница. Хорошій день. Великій князь въ присутствіи е. выс. принца Ольденбургскаго нѣсколько разъ дѣлалъ шалости.

Когда мы остались одни, я дѣлалъ ему замѣчанія по этому предмету; онъ самъ сознался, что человѣкъ унижается, дѣлая изъ себя шута, и общалъ мнѣ исправиться отъ сего недостатка.

30-го апрѣля. Суббота. Во время урока г. Плетнева великій князь выказалъ большую слабость характера.

Сегодня утромъ онъ объявилъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ, что, не имѣя въ продолженіи сей недѣли ни одного посредственнаго аттестата ни у кого изъ учителей, онъ думалъ имѣть отличную недѣлю. Но представивъ г. Плетневу работу, сдѣланную съ большимъ нерадѣніемъ и исполненную ошибокъ, которыхъ онъ могъ избѣгнуть, если бы былъ внимателенъ, получилъ въ журналѣ посредственную отмѣтку; видя, что обстоятельство это уничтожаетъ его надежду, онъ плакалъ какъ маленькій ребенокъ.

Сегодня обѣдалъ у насъ г. Романовичъ, полковникъ Финляндскаго полка, въ коляскѣ коего я привезъ великаго князя во дворецъ, послѣ его паденія съ лошади.

IX.

Пріемъ депутатовъ Царства Польскаго.—Спускъ корабля.—Гулянье 1-го мая.—Парадъ.—Повѣздки на Елагинъ.—Импровизаторъ Лангеншварцъ.—Отъѣздъ вел. княжеть.—Каникулы.—Выступление въ лагерь.—Праздникъ кирасирскаго полка.—Производство въ ротмистры.—Полковыя ученія.—Маневры.—Парадъ 1-го августа.—Возобновленіе занятій.—Постановка Александровской колонны.—Болѣзнь Мердера.—Рожденіе в. кн. Михаила Николаевича.

1-го мая. Воскресенье. Депутаты Царства Польскаго, коимъ поручено повергнуть къ стопамъ е. и. в. всеподданническую благодарность поляковъ, за дарованную амнистію и милости Царству Польскому, были приняты торжественно ихъ вел. въ присутствіи всего императорскаго двора, членовъ государственнаго совѣта, сената, генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи, арміи и флота, собранныхъ въ Георгіевскомъ залѣ, гдѣ рота дворцовыхъ гренадеръ была выстроена шпалерами.

Около 3 часовъ въ присутствіи ихъ вел. былъ спущенъ 86 пушечный корабль: «Не тронь меня». Я находился на пароходѣ «Ижора» съ генераль-адмираломъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который разспрашивалъ меня все время о всемъ видѣнномъ имъ. Онъ удивилъ меня своими замѣчаніями и необыкновеннымъ умомъ.

Его выс. наслѣдникъ былъ въ Екатерингофѣ на гуляніи; онъ сѣдовалъ за государемъ императоромъ верхомъ. Погода была благоприятная и гуляніе было блестящее.

2-го мая. Понедѣльникъ.	} Прекрасные дни, поведеніемъ и ученіемъ великаго князя я былъ доволенъ.
3-го мая. Вторникъ.	

4-го мая. Среда. Отъ 9 до 11 государь наслѣдникъ находился на репетиціи большого смотра, назначеннаго на пятницу; онъ находился передъ первымъ взводомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; е. выс. исполнялъ обязанность свою прекрасно. Вернувшись къ себѣ въ 11 часовъ, онъ продолжалъ свои уроки и всѣ гг. учителя были имъ весьма довольны.

5-го мая. Четвергъ. Весьма хорошій день.

6-го мая. Пятница. Большой смотръ войскъ, назначенный на сегодняшній день, былъ отказанъ по случаю дурной погоды.

7-го мая. Суббота. Сегодняшній день, какъ и вся недѣля, были весьма хороши.

8-го мая. Воскресенье. Отъ 6 до 9 великій князь занимался собственными занятіями и бесѣдовалъ съ отцомъ Павскимъ, съ которымъ читалъ евангеліе сегодняшняго дня.

Въ 9 часовъ мы отправились въ манежъ кавалергардскаго полка, гдѣ великій князь, взявъ подъ свою команду первый взводъ, поѣхалъ за штандартами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Узнавъ на пути, что парадъ вмѣсто 11 часовъ имѣеть быть въ 1 часъ пополудни, великій князь былъ принужденъ отвести взводъ обратно. Не зная на что употребить время, мы отправились въ Таврическій дворецъ и потомъ сдѣлали прогулку въ коляскѣ къ Смольному монастырю. Въ 11 часовъ великій князь снова всталъ передъ своимъ взводомъ и взявъ штандарты изъ Зимняго дворца, привезъ къ полку, выстроенному уже на Царицыномъ лугу. Парадъ былъ великолѣпный, но ходъ ужасный. Его выс. былъ передъ первымъ взводомъ, онъ исполнялъ свои обязанности отлично и заслужилъ одобреніе государя императора.

Послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы отдыхать, онъ бѣгалъ съ товарищами въ залахъ, гдѣ дѣлали конно-артиллерійское ученіе. Вечеромъ были у государыни императрицы, гдѣ была лотерея; е. выс. выигралъ хорошенкій браслетъ съ бирюзой и объявилъ мнѣ, что хочетъ подарить оный Елизаветѣ Барановой въ день ея свадьбы; я былъ чрезвычайно доволенъ великимъ княземъ, онъ былъ въ продолженіи всего дня любезенъ со всѣми и весьма внимателенъ во всемъ, что дѣлалъ.

9-го мая. Понедѣльникъ. Съ сегодняшняго дня собственныя занятія будутъ отъ 6 до 8, уроки же будутъ начинаться только съ 8 и продолжаться будутъ до 4 часовъ. Въ четыре часа обѣдъ. Послѣобѣденное время будетъ употреблено на чтеніе, рисованіе и гимнастику. Великій князь занимался прилежно и поведеніемъ его я былъ доволенъ.

10-го мая. Вторникъ. Хорошій день.

11-го мая. Среда. Хорошій день.

Вечеромъ е. выс. присутствовалъ на свадьбѣ дѣвицы Елизаветы

Барановой съ кн. Михаиломъ Голицынымъ. Онъ подарилъ ей бра-слетъ, выигранный на лотереѣ. Ихъ вел. въ 11 часовъ вечера уѣхали въ Петергофъ и останутся тамъ нѣсколько дней.

12-го мая. Четвергъ. Поведеніе е. выс. во время лекціи г. Арсеньева было крайне не хорошо. Великій князь долженъ былъ дать письменный отчетъ о нѣкоторыхъ урокахъ, онъ исполнилъ трудъ этотъ на половину и съ видимою небрежностью. Г-нъ Арсеньевъ не могъ не принять этого къ сердцу и выразилъ великому князю свое неудовольствіе, говоря ему, что считаетъ себя сильно оскорбленнымъ е. выс., видя изъ небрежности представленнаго труда, что онъ не имѣетъ къ нему никакого вниманія. Эти слова имѣли желанный успѣхъ, великій князь былъ глубоко тронутъ ими и не могъ удержать слезъ своихъ. Я объявилъ его больнымъ и онъ во время обѣда былъ на діетѣ. Урокъ этотъ ему сдѣлалъ пользу; я почти увѣренъ, что онъ на будущее время будетъ осторожнѣе и не такъ небреженъ.

13-го мая. Пятница. Г-нъ Арсеньевъ былъ совершенно доволенъ представленной великимъ княземъ работой о состояніи германцевъ по уничтоженіи Римской имперіи. День былъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ.

14-го мая. Суббота. День рожденія ея и. в. великой княжны Елизаветы Михайловны; великій князь ѣздилъ ее поздравлять и просилъ принять отъ него маленькій фермуаръ изъ брилліантовъ, который былъ принятъ съ большими благодарностями. Вечеромъ былъ дѣтскій балъ въ Михайловскомъ дворцѣ; великій князь и его товарищи тамъ были и много веселились.

15-го мая. Воскресенье. Извѣстный Мауереръ и его два сына, изъ коихъ одному 13, а другому 11 лѣтъ, играли въ присутствіи ихъ выс. Отецъ и старшій сынъ играли на скрипкѣ, а маленькій на виолончели; точность, смѣлость и чувство, съ которыми эти дѣти играютъ, замѣчательны.

Великій князь былъ въ Большомъ театрѣ, чтобъ видѣть первое представленіе балета Кія-Кингъ, только что поставленнаго на сцену г. Титосъ, балетмейстеромъ изъ Берлина. Декораціи, костюмы и танцы были исполнены отлично, но музыка могла бы быть лучше исполнена.

16-го мая. Понедѣльникъ.

17-го мая. Вторникъ.

18-го мая. Среда.

} Прекрасные дни.

19-го мая. Четвергъ. Погода была прекрасная, но около 3 часовъ разразилась жестокая гроза. Молнія упала на барку, нагруженную дровами, находившуюся противъ дома гр. Лаваль; однако несчастія никакого не было; мачта барки и нѣсколько стеколъ были разбиты.

Ихъ вел. обѣдали на Елагиномъ; мы тоже туда поѣхали послѣ обѣда верхомъ, съ намѣреніемъ пить чай у ихъ выс. великихъ князей, которыя, испуганныя грозою, приказали намъ сказать, что удовольствіе это отказано.

20-го мая. Пятница. Великій князь не выходилъ къ обѣдни, которую служили въ маленькой церкви; государь императоръ посовѣтовалъ великому князю лучше заняться прилежно своими уроками. Погода была прекрасная и мы вечеромъ пили чай у ихъ выс. на Елагиномъ островѣ.

21-го мая. Суббота. Собственные занятія и урокъ г. Эртеля были у великаго князя. Послѣ обѣдни, въ маленькой дворцовой церкви, е. выс. поздравлялъ великую княгиню Елену Павловну и своего брата Константина Николаевича, которому подарилъ точеный изъ слоновой кости корабль, доставившій большое удовольствіе маленькому генералъ-адмиралу. Остальная часть дня проведена въ приготовленіяхъ къ переѣзду. Вечеромъ у ея вел. былъ танцевальный вечеръ на Елагиномъ, наслѣдникъ оставался тамъ до полуночи. Его выс. избѣгалъ танцевъ, имѣя немного узкіе башмаки, тѣснившіе ему ноги.

22-го мая. Воскресенье. Бесѣдовали съ г. Павскимъ, потомъ были у обѣдни. Отъ 12 до 2 великій князь занимался собственными занятіями съ похвальнымъ прилежаніемъ. Послѣ обѣда мы дѣлали прогулку въ линейкѣ по Парголовской дорогѣ.

23-го мая. Понедѣльникъ. Уроки были какъ въ городѣ. День проведенъ тихо и безъ упрека.

24-го мая. Вторникъ. Прекрасный день. Яхта Голубка, на которой находились 24 кадета меньшаго класса морскаго корпуса, бросила якорь противъ Елагинскаго дворца. Его выс. генералъ-адмиралъ познакомился съ своими молодыми сослуживцами, пригласилъ ихъ въ садъ поиграть и предполагаетъ всякій день обѣдать у нихъ на яхтѣ.

25-го мая. Среда. Прекрасный день.

26-го мая. Четвергъ. Послѣ обѣда мы ѣздили въ Парголово. Графиня Поліе была крайне обрадована посѣщеніемъ ихъ выс., которые

съ своей стороны много веселились, бѣгая по саду. Убранство кабинета графини и прекрасные виды изъ онаго всѣхъ восхищали.

27-го мая. Пятница. Хорошій день.

28-го мая. Суббота. Прекрасный день. Адмиралъ Крузенштернъ обѣдалъ за столомъ наследника; онъ рассказывалъ нѣкоторыя подробности, чрезвычайно интересныя о своемъ путешествіи вокругъ свѣта.

Ихъ выс. слышали нѣмецкаго импровизатора, г. Лангеншварцъ; ему предложили тему: музыка и живопись; подумавъ нѣсколько минутъ, онъ прочелъ прекрасные стихи. Нельзя этому молодому человѣку отказать въ талантѣ къ версификаціи, но было бы желательно однако, чтобы его движенія и дикція были болѣе приличны, потому что видѣть его безъ смѣха почти невозможно.

29-го мая. Воскресенье. Погода была весьма неприятная. Парадъ Измайловскому полку и обѣдъ гг. офицерамъ сего полка были отказаны.

У е. выс. были въ гостяхъ оба Шувалова, съ которыми, не смотря на холодъ, онъ игралъ въ саду до 8 часовъ вечера.

30-го мая. Понедѣльникъ. У е. выс. учителей не было и онъ занимался все утро собственными занятіями.

Мы катались верхомъ, были въ деревнѣ Колымяги, гдѣ пили чай въ палаткѣ, съ ихъ выс. великими княжнами.

31-го мая. Вторникъ. Его выс. учился прекрасно у всѣхъ бывшихъ сегодня гг. учителей. Вечеромъ игралъ съ маленькими кадетами морского корпуса, которые послѣ того отправились въ Петергофъ. Такъ мало было воды, что они оставались всю ночь на мели, въ Малой Невкѣ.

1-го іюня. Среда. Великій князь имѣлъ только три лекціи, по случаю приготовленій къ нашему отъѣзду въ Петергофъ. Въ 3 часа ихъ имп. вел. въ сопровожденіи всѣхъ августѣйшихъ дѣтей, за исключеніемъ великаго князя Николая Николаевича, сѣли въ двѣнадцативесельную шлюпку и доѣхали до парохода, который и взялъ ее на буксиръ; обѣдали и прибыли въ Александрію. Погода была ясная, но вѣтеръ холодный. Мы расположились на фермѣ.

2-го іюня. Четвергъ. Уроки продолжались и я былъ весьма доволенъ прилежаніемъ е. выс. и его товарищей.

3-го іюня. Пятница. }
 4-го іюня. Суббота. } Весьма хорошіе дни.

5-го іюня. Воскресенье. По случаю церковнаго праздника лейб-гвардіи гренадерскаго полка, былъ парадъ и обѣдъ для гг. офицеровъ сего полка, при которомъ е. выс. присутствовалъ. Мы ѣздили на дачу г. Балабина. Погода среди дня была теплѣе предъидущихъ дней, но къ вечеру сдѣлалась крайне непріятною. ●

6-го іюня. Понедѣльникъ. }
 7-го іюня. Вторникъ. } Прекрасные дни.

8-го іюня. Среда. Ея вел. государыня императрица, желая передъ отъѣздомъ ихъ выс. великихъ княженъ оставаться какъ можно болѣе вмѣстѣ со всѣми дѣтьми, изъявила желаніе съѣздить одна съ ними завтракать въ Ораніенбаумъ; такимъ образомъ урокъ г. Коллинса у е. выс. не состоялся. Послѣ обѣда ея вел. насъ пригласила пить чай на собственную дачу. Его выс. наслѣдникъ, его товарищи, всѣ флигель-адъютанты, находящіеся въ Петергофѣ, ѣздили туда верхомъ, а дамы въ экипажахъ. Великій князь сдѣлалъ болѣе пятнадцати верстъ верхомъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости.

9-го іюня. Четвергъ. Извѣстіе, что холера появилась въ Голштейнѣ, было причиною, что отъѣздъ ихъ выс. отложенъ до субботы.

Вчера въ Петербургѣ былъ ужасный пожаръ, сто сорокъ домовъ сгорѣло въ Ямской. Принцъ Ольденбургскій рассказывалъ намъ нѣсколько раздирающихъ сердце сценъ; будучи дежурнымъ при государѣ, онъ былъ на пожарѣ цѣлый день. Ихъ вел. и дворъ пили чай въ Стрѣльнѣ. Великій князь туда ѣздилъ верхомъ, что составило навѣрное верстъ 18.

10-го іюня. Пятница. Великій князь обѣдалъ въ семействѣ. Вечеромъ пили чай въ Марли и послѣ того ѣздили на собственную дачу, дамы въ экипажахъ, а мужчины верхомъ. Великій князь сдѣлалъ болѣе 15 верстъ верхомъ.

11-го іюня. Суббота. Въ 10 часовъ утра вся императорская фамилия была въ церкви, гдѣ слушала молебенъ по случаю отъѣзда ихъ выс. великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевны.

Предполагая ѣхать въ 3 часа, обѣдали въ Монплезирѣ ранѣе 2

часовъ, но пароходъ, не будучи готовъ, прибылъ только въ 7 часовъ. Часъ отъѣзда былъ крайне тягостенъ для вѣжнаго и чувствительнаго материнскаго сердца ея вел. Ихъ выс. великія княжны много плакали, но изъ всѣхъ дѣтей всего неутѣшительнѣе былъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который не могъ понять какъ можно разстаться съ ея выс. Александрю Николаевною. Государь наследникъ былъ менѣе другихъ печаленъ и сумѣлъ удержать слезы. Государь императоръ сопровождаетъ ихъ выс. до Ревеля.

12-го іюня. Воскресенье. Сегодня великій князь купался въ первый разъ въ этомъ году, въ Петергофской гавани; въ водѣ было 12°. Въ прошломъ году мы начали купаться 24-го мая. День проведенъ весьма весело; обѣдали въ Монплеzirъ, вечеромъ мы сопровождали ея вел. во время гулянія ея верхомъ; все общество пило чай въ англійскомъ саду, а ужинало въ Монплеzirъ. Мы удалились къ себѣ въ 9 съ половиною часовъ.

13-го іюня. Понедѣльникъ. Великій князь занимался усердно у всѣхъ гг. учителей и поведеніе его было прекрасно.

14-го іюня. Вторникъ. Уроки продолжались только до 2 часовъ; его выс. былъ внимателенъ. Въ 2 часа мы отправились въ большой дворецъ къ обѣду. Въ 5 часовъ ея вел. государыня императрица, великая княгиня Елена Павловна, государь наследникъ, фрейлины, кн. Волхонскій и находящіеся здѣсь флигель-адъютанты поѣхали на пароходѣ Нева на Елагинъ, куда прибыли въ 7 часовъ. Вечеръ былъ прекрасный и государыня императрица каталась въ коляскѣ съ великимъ княземъ. Ея вел. получила извѣстіе, что великія княжны остались въ Ревелѣ, по случаю появленія холеры въ Гамбургѣ.

15-го іюня. Среда. Государь императоръ вернулся изъ поѣздки въ Ревель въ 2 часа ночи. Въ 12 часовъ ѣздили въ крѣпость на панихиду по великомъ князѣ Константиנѣ Павловичѣ. Уроки были въ обыкновенное время и вниманіе великаго князя было похвально. Вечеромъ мы ѣздили верхомъ.

16-го іюня. Четвергъ. Его кор. выс. принцъ Вильгельмъ прусскій прибылъ въ часъ пополудни. Радость великаго князя видѣть своего дядю была велика; наследникъ замѣтилъ, что е. выс. нѣсколько пополнѣлъ, но невозможно ему было сдѣлаться любезнѣе и веселѣе.

Возвращаясь вечеромъ изъ 1-го кадетскаго корпуса, мы были охро-

кинута изъ экипажа; благодаря Бога, паденіе наше было счастливо; но могло имѣть дурныя послѣдствія.

17-го іюня. Пятница. Хорошій день. Ыздили верхомъ по направленію къ Лахтѣ. Остальное время дня играли въ саду.

18-го іюня. Суббота. Мы ѣздили въ городъ, чтобы проститься съ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, который уже находился на пароходѣ «Наслѣдникъ Александръ», чтобы ѣхать въ Кронштадтъ, гдѣ его ожидалъ пароходъ «Николай».

Великій князь былъ очень огорченъ его отъѣздомъ, особенно въ столь разстроенномъ состояніи здоровья.

Съ сегодняшняго дня начнутся наши вакаціи: Вечеромъ былъ у ея вел. балъ; великій князь оставался до 11 часовъ.

19-го іюня. Воскресенье. Дождь шель въ продолженіи цѣлаго дня, такъ что выступленіе кадетъ въ лагерь было отложено на завтрашній день. Наслѣдникъ обѣдалъ у ихъ вел. Вечеромъ онъ игралъ въ саду.

20-го іюня. Понедѣльникъ. Обѣдали въ часъ; отдохнувъ, мы поѣхали въ 1-й кадетскій корпусъ, съ которымъ великій князь прибылъ на сборное мѣсто близъ казармъ Измайловскаго полка. Въ 5 часовъ е. выс. великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, и потомъ государь императоръ, въ сопровожденіи всей свиты и герцога Тревизскаго, французскаго посла, прибыли и проѣхали по фронту; послѣ чего колонна въ три тысячи молодыхъ дворянъ двинулась и прошла передъ е. вел., по полувзводно, въ отличномъ порядкѣ; государь императоръ изволилъ имъ объявить с овершенное свое удовольствіе; пройдя заставу, остановились, сняли ранцы и продолжали походъ.

Въ Красномъ Кабачкѣ снова остановились; здѣсь для баталіона 1-го кадетскаго корпуса, въ которомъ находился великій князь, былъ приготовленъ чай и закуски.

Напившись чаю и отдохнувъ немного, пустились въ путь въ 9 часовъ, а въ 11 съ половиною прибыли весело, съ пѣснями, въ Стрѣльну, гдѣ наслѣдникъ провелъ ночь во дворцѣ. Его выс., сдѣлавъ 20 верстъ пѣшкомъ, нисколько не былъ уставши; онъ былъ веселъ и разговорчивъ во время ужина и легъ спать весьма довольный днемъ.

21-го іюня. Вторникъ. Въ 6 часовъ утра наслѣдникъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Гатчину праздновать полковой праздникъ имени своего кирасирскаго полка. Государь императоръ находился въ Цар-

скомъ Селѣ; мы проѣздомъ останавливались, чтобы пожелать е. в. добраго утра. Во время церковнаго парада и молебна, бывшими передъ дворцомъ, шелъ дождь не переставая.

Его выс., будучи въ полной парадной формѣ, могъ легко простудиться и я сильно боялся за него.

Командиръ полка, ген.-м. Жадовскій, пригласилъ е. выс. присутствовать при обѣдѣ нижнихъ чиновъ, приготовленномъ на дворѣ нѣ занимаемаго дома; великій князь принялъ приглашеніе съ удовольствіемъ; подойдя къ столу своего эскадрона, онъ пилъ за здоровье государя императора и полка; нѣсколько разъ повторенное ура, было отвѣтомъ кирасиръ. Послѣ легкаго завтрака у генерала, великій князь распростился съ нимъ и съ офицерами и уѣхалъ въ Царское Село. Мы опоздали къ большому обѣду, который былъ данъ государемъ императоромъ офицерамъ е. вел. полка, и потому обѣдали у себя.

Въ 7 часовъ великій князь пріѣхалъ въ котеджъ къ государынѣ императрицѣ, только что прибывшей на пароходѣ изъ Елагина.

Ея вел. очень радовалась видѣть своихъ трехъ сыновей вмѣстѣ и здоровыхъ.

Мы ночевали въ Стрѣльнѣ.

22-го іюня. Среда. По случаю проливнаго дождя мы сдѣлали только маленькую утреннюю прогулку; занимались чтеніемъ, по очереди, до 2 часовъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ у насъ обѣдалъ. Такъ какъ вступленіе кадетъ въ лагерь, по случаю дурной погоды, было отложено, то мы къ нимъ ѣздили и отъ нихъ вернулись ночевать въ Александрію.

К. К. Мердеръ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1853—1856 гт.

Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной
и крымской арміи, ген.-маіора Духонина.

† 1865 г.

III ¹⁾.

Севастопольскій дневникъ, веденный во время осады.

1855 г.

11 апрѣля. Сегодня представлялся главнокомандующему; веселое и всегда доброе лицо князя Горчакова было на сей разъ много озабоченное; онъ спросилъ меня о паркахъ. Тамъ узналъ я, что 10-го числа во время бомбардировки положило животь свой за вѣру и отечество 54 человѣка, изъ нихъ на одномъ бастионѣ № 4-й легло 29 чел.

Въ 4 часа встрѣтился съ генераломъ-гевальдигеромъ полковникомъ Косинскимъ, на коего возложена обязанность собирать убитыхъ, свозить ихъ въ общее мѣсто и послѣ церковной панихиды предавать землѣ; говорилъ мнѣ, что съ 1 по 6-е апрѣля убито и похоронено имъ съ честію 1,118 человѣкъ, съ 6-го же числа по настоящее число (11 апр.) счета не сведено.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, июль, стр. 87—124; августъ, стр. 255—288.

Въ 7 часовъ пилъ у меня чай Николай Ивановичъ Швейковскій и говорилъ, что бомбардировка началась съ перваго дня праздника, т. е. 27 марта, турками, ибо французы и англичане имѣли въ тотъ день Пасху съ нами, а потому и бомбардировка была слаба; но съ 28 марта по 6-е апрѣля, въ продолженіи 10 дней, былъ въ буквальномъ смыслѣ адъ, земля дрожала и воздухъ гудѣлъ отъ непрерывнаго огня; полагаютъ, примѣрно, что они бросили въ эти дни до 36 т. бомбъ и разныхъ снарядовъ. Въ этотъ несчастный періодъ пало до 700 человекъ въ сутки нашихъ на всѣхъ батареяхъ.

12 апрѣля. Всю ночь съ 11 на 12 число была канонада, а съ утра до 7 вечера продолжалась сильная и частая, такъ что свистъ и гулъ не прекращался; въ 7 часовъ вечера вдругъ умолкло, вѣрно ужинать захотѣлось всѣмъ. Флотскій лейтенантъ Игнатьевъ рассказывалъ, что матросы ихъ такъ привыкли къ службѣ на бастіонахъ, что во время канонады, когда первая очередь стрѣляетъ, вторая поетъ пѣсни, играютъ на гитарѣ, а иногда и пляшутъ. Одинъ изъ матросовъ говорилъ, что на 3 день праздника Пасхи упало на бастіонѣ № 4 и разорвало 2,118 бомбъ, кромѣ тѣхъ, которыя перелетѣли черезъ или не лопнули, и кромѣ ядеръ и гранатъ, но только однѣхъ бомбъ большого калибра 2,118. Въ теченіи 11 числа наши контръ-мины взорвали и засыпали часть траншейныхъ непріятельскихъ работъ; убитыхъ на всѣхъ бастіонахъ было 32, раненыхъ неизвѣстно. Во время бомбардировки англичане для сожженія нашего флота бросали ракеты съ батареи на 7 и болѣе верстъ; одна изъ нихъ попала въ главный штабъ, пробила потолокъ, оторвала ноги писарю и ранила 2-хъ адъютантовъ; другая упала въ госпиталь, тоже пробила потолокъ, убила 2-хъ солдатъ и 1 женщину и ранила 2-хъ женщинъ. Ракеты эти такъ дороги, что обходятся непріятелямъ: средняя по 300 руб., большая до 600 руб. серебромъ одна.

13 апрѣля. Вчера былъ я у генерала Затлера; рѣчь зашла о возможности взять Севастополь, если не будетъ принято мѣръ сильныхъ, выходящихъ изъ правилъ обыкновенной обороны, ибо нѣтъ крѣпости, которая бы не могла быть взята правильною осадой. Генераль Крыжановскій пылкій, умный, съ энергическимъ патриотизмомъ человекъ, выслушавъ это опредѣленіе, вздохнулъ и сказалъ: „да! можетъ быть и возьмутъ Севастополь“. — Да почему же

не сдѣлають диверсій? продолжалъ Затлеръ.— „Потому что войскъ мало“.— Помилуйте? да у меня на продовольствіи 142 т.!— „Вѣрно—сказалъ генераль Крыжановскій, но въ строю едва-ли наберется 85 т.“, и сталъ считать потерю со дня прибытія князя Горчакова; ея набралось свыше 8 т. „Я предложилъ князю Горчакову, сказалъ генераль Крыжановскій, послать 45 т. или 50 т., но всего 15 т. направились на редуты, а прочіе прямо на единственный слабый пунктъ къ сѣверной сторонѣ(?). Правда, намъ придется проходить подъ огнемъ англійскаго флота, но пространство небольшое и тогда мы очутимся въ тылу союзныхъ войскъ. Поможетъ Богъ, ударъ будетъ рѣшительный и французамъ, если не выдержатъ натиска, придется топиться въ морѣ или сдаться. Князь Горчаковъ, прибавилъ Крыжановскій, совершенно согласился съ моею мыслию, но сказалъ, что войскъ мало для этой диверсіи“.— Въ это время пришелъ генераль Бутурлинъ и сказалъ: „какъ мало войскъ?“ стали считать и насчитали одной пѣхоты 93 т. съ 6-ою и 9-ою дивизіями, которыя еще на походѣ. Тутъ мы скоро съ Крыжановскимъ ушли и дорогою продолжали этотъ разговоръ.— „Вѣдь изъ 93 т. можно взять половину, сказалъ я, для такѣго важнаго предпріятія“.— „Конечно можно, если штурмъ удастся, но вѣдь надо подумать, кто будетъ защищать Севастополь, если дѣло будетъ проиграно. Впрочемъ, прибавилъ г. Крыжановскій, надо сказать, что князя Горчакова много сбиваетъ Тотлебенъ, который увѣряетъ, что Севастополя никогда взять не можно“.

14 апрѣля. Сегодня опять разговоръ завязался о томъ же у генерала Затлера, гдѣ пилъ я чай. Затлеръ говорилъ, что онъ предложилъ князю Горчакову поставить сильную батарею въ городѣ позади 4-го бастиона, противу котораго сосредоточена вся дѣятельность непріятеля, чтобы на случай, ежели взорвутъ 4-й бастионъ, эта батарея встрѣтила штурмующихъ; но князь Горчаковъ сказалъ: „да, это хорошо, но я никогда не позволю непріятелю укрѣпиться въ занятомъ бастионѣ,—я тогда самъ пошлю войска на штурмъ“.

Вчера непріятели бросали ракеты, сегодня одна изъ нихъ упала въ 20 шагахъ отъ дома князя Горчакова и убила лошадь, другая въ нашей балкѣ, но вреда ни кому не сдѣлала.

16 апрѣля. Ночь съ 15 на 16 и утро сего числа проведены въ большой пальбѣ. Нашъ артиллеристъ, теперь генеральнаго

штаба, Лавровъ, который завѣдываетъ нашими ложементами и траншеями впереди бастіона № 4, говорить, что французы въ 60 шагахъ закладываютъ новую большую батарею впереди нашихъ ложементовъ; „видно, говоритъ Лавровъ, какъ роютъ землю и бросаютъ слишкіомъ высоко; штурдерная пальба на этомъ пунктѣ не умолкала. Вчера и сегодня убито на этихъ ложементахъ 3 саперныхъ офицера; о числѣ убитыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно, но ранено 27 человекъ“. Этихъ несчастныхъ я самъ видѣлъ, какъ переносили съ судовъ на носилкахъ въ госпиталь. Похоронные марши всякій день раздираютъ мою душу. Лавровъ говорить, что пѣхотные поля, которые служатъ теперь въ ложементахъ, изъ 4,000 состава уменьшились до 800 и 750 человекъ.

18 апрѣля. Съ вечера 17 и до разсвѣта была большая канонада съ нашихъ и непріятельскихъ батарей, причемъ до полуночи слышенъ былъ сильный ружейный огонь. Графъ Бобринскій, ординарецъ князя Горчакова, который прошлую ночь дежурилъ въ траншеяхъ, говорить, что предметомъ пальбы были со стороны непріятели наши ложементы, выстроенные передъ 4 и 5 бастіонами, которые теперь соединяютъ траншеями; съ нашей стороны—такіе же ложементы, которые строитъ непріятель впереди своихъ батарей. При этой перестрѣлкѣ убитъ нашъ артиллеристъ штабсъ-капитанъ Лавровъ, умный и образованный и очень свѣдущій офицеръ въ военной наукѣ. Онъ былъ траншей-майоромъ. Еще 16 числа въ субботу мы съ нимъ вмѣстѣ обѣдали у князя Горчакова и вмѣстѣ вышли отъ него. Онъ охотникъ былъ до сигаръ, а потому, дойдя до моей квартиры, просилъ его въ себѣ; онъ пришелъ и около часу, почти до 6-ти часовъ вечера, пробылъ у меня куря сигару. Причемъ завелъ странный разговоръ: сперва о худомъ воздухѣ въ госпиталяхъ города, а потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „ежели меня ранятъ въ руку, ногу, куда ни было, я бы желалъ, чтобы меня перевезли сюда на Сѣверную сторону и ампутацію дѣлали въ здѣшнемъ госпиталѣ“. Что за мысль, подумалъ я тогда же,—и вотъ въ ночи съ 17 на 18-е число предчувствіе его оправдалось. Убитыхъ вчера на бастіонѣ № 4 было 8, ранено 11.

19 апрѣля. Сегодня хоронили Лаврова; только за гробомъ можно видѣть кого люди истинно уважали: всѣ чины генеральнаго и главнаго штаба стояли на пристани, куда пришелъ па-

роходъ съ его тѣломъ, отсюда понесли его на вѣчное жилище и предали прахъ землѣ съ честью.

Въ ночи съ 18 на 19 число убили храбраго офицера князя Голицына, изъ отряда генерала Хрулева, и изъ того же отряда убили 2 офицеровъ Екатеринбургскаго полка.

Цѣлый день 19 числа была очень живая и сильная канонада съ обѣихъ сторонъ. Англичане бросили сегодня до 20 ракетъ; но ни одна вреда никакого не причинила. 5 изъ нихъ упали въ Сухой балѣѣ, гдѣ я живу, 8 въ бухту, а 5 или 6 въ разныхъ мѣстахъ; французы съ своей стороны бросали много бомбъ, нѣсколько бомбъ разорвало направо и налѣво редута № 4, гдѣ живетъ князь Горчаковъ. Я обѣдалъ у князя Горчакова; передъ обѣдомъ и во время обѣда взрывъ бомбъ былъ видѣнъ и слышенъ.

Сегодня одинъ артиллеристъ нашъ рассказывалъ о безпорядкѣ отступленія 24 числа; говорить, что 150 орудій были брошены безъ всякаго прикрытія и что противу французовъ-штуцерниковъ, кои въ числѣ 6 т. провозжали артиллерію пулями, было оставлено лишь 36 орудій легкихъ; они открыли картечный огонь, коимъ и остановили; подъ конецъ, часовъ въ 6 вечера, пришелъ батальонъ пѣхоты и ударилъ во флангъ стрѣлкамъ и тѣмъ все кончилось. Видно, что вѣрнѣе досталось и неприятелямъ, ибо преслѣдованія не было никакого. Причина отчего оставлена артиллерія безъ прикрытія происходила отъ страшнаго безпорядка; ибо мостъ при Ингерманѣ, куда назначено было отступать артиллеріи, былъ занятъ англичанами, 2 батареи—1 конная и 1 казачья, проскакали черезъ него маршъ-маршемъ, что удивило и самого неприятеля, ибо англичане пропустили ихъ безъ выстрѣла. Меньшиковъ и другіе при немъ генералы просто потерялись и бросили войска. Артиллерія сама себя защищала, нѣкоторыя батареи пришли съ позиціи въ полночь. На другой день Меньшиковъ прислалъ узнать—сколько оставлено орудій у неприятеля и крайне удивился, когда узналъ, что всѣ дома.

20 апрѣля. Около 11-ти часовъ ночи, 19 числа, при полномъ свѣтѣ луны, французы сдѣлали нападеніе въ огромныхъ силахъ на ложементы выстроенаго впереди 5-го, между 5 и 4 бастіонами, защищаемые съ нашей стороны пѣхотнымъ полкомъ изъ 800 человекъ. Еще въ исходѣ 11 часа было тихо и покойно, кой-гдѣ слышались рѣдкіе выстрѣлы, но вдругъ въ 11 часовъ

бѣглый огонь изъ орудій и ружей послышался съ батарей и ложементовъ 5 и 4 бастіоновъ и, усиливаясь все болѣе и болѣе, слился потомъ въ одинъ адскій гулъ ружейной и пушечной пальбы; по временамъ слышны были одни залпы изъ орудій или одинъ частый усиленный огонь изъ ружей, но всегда страшный и необыкновенно сильный. Небо предъ батареями было красно-багровое, огни изъ ружей и орудія мелкали какъ молніи, и грохотъ залповъ и пальба страшно вторился надъ горами и водою. Страшное это дѣло продолжалось съ равнымъ усиліемъ до 2-хъ часовъ, а потомъ обыкновенная перестрѣлка все утро и день. Предметомъ тревоги было нечаянное нападеніе непріятеля на наши ложементы—извѣстно, что наши укрѣпленія обнимаютъ въ окружности до 12 верстъ. Всѣ пункты равно обороняемы быть не могутъ, да и войскъ не достало, если-бы держать на каждомъ пунктѣ столько силъ, чтобы отбить непріятеля въ значительныхъ силахъ; а потому французы, нападая постоянно на 4 бастіонъ, теперь совокупили огромныя силы въ 25 т. для нападенія на ложементы впереди 5 бастіона. Въ то время, какъ выходили они изъ-за горы, орудія батареи Бутакова встрѣтили ихъ картечью, пѣхота ружейнымъ огнемъ, но масса привалила и взяла ложементы. Тутъ пѣхота бросилась въ штыки и выбила ихъ изъ оныхъ, французы дрогнули, побѣжали и были провожаемы опять картечью. Помню эту минуту, когда по всей линіи умоли гроза и страшная молнія перестала сверкать. Но не надолго. Французы, отступивши за выстрѣлы, штурмовали во 2-й разъ и были также отбиты; а потомъ въ третій разъ, причемъ, наконецъ, заняли наши ложементы и 9 мортиръ, которыми они вооружены были. Сколько потеряли французы—съ точностію неизвѣстно, но плѣнные показали свыше 2 т. убитыхъ; у насъ же изъ 800 человекъ убито 157, которыхъ и перевезли на Сѣверную сторону, да 30 офицеровъ при послѣднемъ штурмѣ оставлено на мѣстѣ, слѣдовательно 187; оберъ-офицеровъ убито 5 и батальонный штабъ-офицеръ 1; ранено рядовыхъ свыше 260, офицеровъ 7. Всего вышло изъ отряда рядовыхъ свыше 450 человекъ, офицеровъ 12 и командировъ 1. Слѣдовательно остальные до 350 рядовыхъ не могли уже отбить своихъ ложементовъ. Резервъ же былъ на Сѣверной сторонѣ и пока переправили туда полкъ, слѣдилось утро. Теперь надо ожидать ночью жестокой мести. Я ви-

дѣлъ 157 убитыхъ, привезенныхъ на баркасѣ. Сердце сжималось отъ сожалѣнія, глядя на эти невинныя жертвы. Вотъ честные мученики и святые люди; ихъ переносили по 3 и по 4 человѣка на носилкахъ, обертывая въ простыни,—кровь потовомъ еще текла изъ ранъ.

21 апрѣля. При нападеніи французовъ на ложементы было 2 роты Волынскаго полка, по 40 человѣкъ, всего 80 человѣкъ, и баталіонъ углицкій; при 3-мъ нападеніи, говорятъ, что угличане оробѣли и отступили, причѣмъ командиръ баталіона взятъ въ плѣнъ; но волынцы дружно ударили въ штыки и заставили французовъ отступить, но потомъ, когда были окружены французами, которые предлагали имъ плѣнъ, волынцы пробились на штыкахъ сквозь ряды французовъ. Въ теченіе дня 20 числа убито и ранено 300 человѣкъ, всего убыло изъ строя въ теченіи 20-го, а въ ночи съ 19 на 20 число—до 900 человѣкъ.

Случай личной храбрости: начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Коцебу, при осмотрѣ происходившаго побоища въ ночи съ 19 на 20 число, взшелъ при 5 бастіонѣ на башню. Флотскій лейтенантъ, командиръ батареи, взшелъ также съ нимъ, чтобы показать мѣсто нападенія, и въ ту минуту, какъ онъ объяснялъ дѣло, указывая рукою на мѣста, штуцерная пуля влетѣла ему въ ротъ и несчастный лейтенантъ покатился внизъ по ступенямъ; но Коцебу еще съ $\frac{1}{4}$ часа оставался тамъ подъ градомъ пуль.

Начальникъ штаба 3 корпуса, генераль-маіоръ Веймарнъ, при осмотрѣ вчерашняго побоища, взшелъ на брустверь; въ это время въ 2-хъ шагахъ упала 5-я бомба и разорвало ее. Веймарнъ посмотрѣлъ и сказалъ: „вѣдь она могла убить меня“, и продолжалъ осмотръ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ уронъ нашъ при потерѣ ложементовъ: до 500 человѣкъ, да сего числа при штурмѣ этихъ ложементовъ днемъ легло и ранено до 500, убито на прочихъ батареяхъ до 40, всего выбыло изъ строя 20-го и 21-го чиселъ до 1200 человѣкъ, а ложементовъ не отобрали. Къ вечеру было собрано около 5 бастіона до 20 баталіоновъ, примѣрно отъ 12 до 13 т. пѣхоты; они назначались на штурмъ для отобранія ложементовъ, но поздно вечеромъ приказано это предпріятіе оставить. Это обстоятельство всѣхъ огорчило, вся главная

квартира теперь призадумалась, и есть о чемъ, ибо французы не теряютъ время, работаютъ въ ложементяхъ и прорыли амбразуры противъ насъ. Ежели имъ удастся и орудія поставить тамъ, то паденіе 5 бастиона несомнѣнно; ибо ложементы, которые отняли они у насъ, въ 30 саженьяхъ отъ бастиона и могутъ събить наши батареи, а штурмовать тогда ихъ просто невозможно. Малыми силами нельзя, а большихъ развернуть не можно; да и дѣйствіе картечью въ 30 саженьяхъ болѣе нежели убійственное; можно 5 т. потерять, прежде чѣмъ люди дойдутъ туда. Теперь спасеніе отъ Бога!

22 апрѣля. Ночь прошла въ малой перестрѣлкѣ изъ ружей; до свѣту не умолкала пушечная пальба, причемъ было взорвано у непріятеля 3 пороховыхъ склада.

23 апрѣля. Въ теченіе ночи была вылазка подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта Хрулева. Особыхъ подвиговъ не было, привели только 7 человекъ плѣнныхъ, въ числѣ ихъ англійской службы офицеръ 1. Князь Горчаковъ въ этотъ день былъ очень веселъ; я обѣдалъ у него, онъ спросилъ меня: „какое сегодня число?“—23-е.—„А, 23^{1/2}!“ Потомъ другого спросилъ о томъ же; оказалось, что предъ обѣдомъ привезли къ нему донесеніе съ бастиона № 4-го, что пущенными бомбами взорвало у непріятеля очень большой пороховой погребъ; объ этомъ самъ князь рассказывалъ за столомъ съ удовольствіемъ. За взрывъ пороховыхъ погребовъ 22 и 23 чиселъ пожаловано на батарею 6 георгиевскихъ солдатскихъ крестовъ и одинъ крестъ офицерскій командиру.

24 апрѣля. Ночь прошла въ слабой перестрѣлкѣ и пушечной пальбѣ съ обѣихъ сторонъ. Апрѣля съ 25 по 7 мая я былъ въ разъѣздѣ, а потому и журнала за эти дни не велось.

8 мая. Въ ночи были небольшія съ нашей стороны вылазки, но на сей разъ окончились неудачно: непріятель открылъ огонь, дѣло было жаркое, съ нашей стороны легло на мѣстѣ свыше 40 и ранено 80 человекъ.

9 мая. День и ночь были очень покойны, кой-гдѣ была слышна слабая пальба.

10 мая. День и ночь прошли въ тишинѣ и спокойствіи. Сегодня предъ вечеромъ во француско-англійскомъ флотѣ замѣнены были салюты и музыка на непріятельскомъ флангѣ. Эту честь отдавали генералу Конроберу, бывшему главнокомандующему

французскихъ войскъ, онъ отъѣзжалъ во Францію. Мѣсто его заступилъ генераль Пелисье.

11 мая. Съ 9 часовъ вечера 10-го мая открылся огонь на бастионы 5, 4 и 6, почти на $\frac{3}{4}$ пространства оборонительной линіи. Отъ 10 часовъ до 3-хъ утра стрѣльба, учащаясь сильнѣе и болѣе, превратилась наконецъ въ адскую канонаду. Воздухъ гудѣлъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ и, слившись подъ конецъ въ одинъ ревъ и грохотъ, вторимый горами, представлялъ страшную картину разрушенія; ружейная пальба тоже не умолкала, иногда нѣсколько ослабѣвала, но чаще были минуты, гдѣ, слившись съ громомъ пушечной канонады, весь этотъ хаосъ представлялъ ужасное явленіе—смерть и истребленіе. Во все время этой рѣзни или бойни огненное зарево не сходило съ горизонта по линіи укрѣпленій, а пламя, вылетавшее изъ жерлъ орудій и стволовъ ружейныхъ, представляло издали перекрестную и неугасаемую молнію, которая сверкала огненными языками. Въ это же время чистое лазуревое небо при полномъ освѣщеніи луны было безпрестанно разсѣваемо огненными шарами, огненными букетами и огненными столбами или горящими лентами; это были бомбы, картечныя гранаты, которыя отъ 8 до 10 штукъ разомъ бросали изъ мортиръ, и наконецъ ракеты. Бомбы и огнен. букеты были посылаемы и отъ насъ къ неприятелю. Отъ англичанъ послѣ 12 часовъ ночи, отъ батареи неприятельской впереди Малахова кургана и правѣе, посыпались на насъ 2-хъ и 3-хъ пудовыя бомбы; эти снаряды падали по всѣмъ направленіямъ; на дворѣ моей квартиры упала одна, 5-го числа далѣе другая, около воротъ двѣ и впоследствии около оконъ три. Но Богъ помиловалъ тогда меня для дѣтей. Не знаю, спалъ-ли кто въ эту ужасную ночь въ Севастополѣ или на Сѣверной сторонѣ, но я не могъ прилечь до 2-хъ часовъ. Неумолкаемый грохотъ пушекъ и ружейной пальбы, багровое зарево мелькающей молніи и эти огненные летающіе шары-бомбы, было истинно картиною ужасною, гдѣ смерть много и много жертвъ отправила на вѣчный покой.

Съ нашей стороны полагають убитыхъ и раненыхъ до 3 т., а о $2\frac{1}{2}$ т. есть уже донесеніе, о прочихъ же сводятъ счетъ. Въ этомъ дѣлѣ убитъ генераль Адлербергъ—бригадный командиръ, и командиръ сапернаго баталіона, полковникъ Зацѣпинъ, и было болѣе 40 штабъ и оберъ-офицеровъ. Французы и англи-

чане считаютъ убитыхъ на мѣстѣ свыше 3 т., да конечно столько же ранено, ибо все поле побоища было покрыто трупами. Причины битвы было нападеніе непріятеля на наши ложементы; они въ числѣ 15 т. или 20 т. напали на насъ, но дорого заплатили и ложементовъ не взяли, окончательно окопы остались за нами. Боже мой! за вершокъ, сажень земли столько пролито крови!

Теперь новыя хлопоты: 25 т. непріятельскихъ войскъ посажены на суда и отплыли въ море, но куда—неизвѣстно. Посланы во всѣ мѣста курьеры, чтобъ узнать, гдѣ назначена высадка. Князь Горчаковъ собирается идти на встрѣчу. Все готово, чтобы двинуться по первому извѣстію. Сегодня это покрыто тайною, но завтра конечно будетъ открытъ непріятель.

12 мая. Въ 9 часовъ вечера, съ 11 на 12 число, поднялась тоже канонада, перестрѣлка, бросаніе бомбъ, гранатъ вмѣсто картечи и ракетъ. Воздухъ гудѣлъ отъ соединенныхъ раскатовъ грома. Замѣчательно, что вчера производилась пальба и съ флота непріятельскаго, но съ кораблей, удаленныхъ вправо и закрытыхъ горою. Наши форты Константиновскій и Александровскій имъ отвѣчали. Я вчера нарочно ходилъ на гору вправо отъ бастиона и съ батареи смотрѣлъ на адъ и смерть, которые извергали орудія и ружья. Пальба въ родѣ слитой молніи сверкала надъ батареями и грохотъ выстрѣловъ, отражаясь на морѣ и въ горахъ, повторялся этотъ громъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Бомба крестила горизонтъ и, лопавшись въ воздухѣ, спускалась на землю въ видѣ золотыхъ яблокъ,—такъ крупны были куски состава, кои назначены зажигать. Два дома были дѣйствительно зажжены ими и сгорѣли, потому что въ этомъ ужасѣ некому было тушить пожара. Это сраженіе было за обладаніе ложементами, не знаю—почему не было приказанія гѣхотѣ защищать долго, но отступить и навести непріятеля подѣ картечный огонь, что и было исполнено. По этому случаю ружейная пальба слышна была только въ началѣ, а потомъ всю ночь напролетъ и до 8-ми утра продолжалась одна канонада. Сколько потеряли французы—неизвѣстно, пленныхъ не было, но должно полагать, что много, ибо по занятіи ложементовъ они были подѣ адскимъ картечнымъ огнемъ. Съ нашей стороны убитыми и ранеными вышло 320 человекъ. Не знаю, для какой цѣли построили впереди укрѣпленія столько ложементовъ; всѣ они теперь въ рукахъ непріятеля и представ-

ляютъ имъ случай, не работая надъ ними, обратить ихъ намъ во вредъ.

Сегодня похоронили двѣ жертвы побоища, съ 10 на 11 число. Это генераль-маіоръ Адлербергъ съ сыномъ; оба убиты въ одномъ дѣлѣ и въ одно время; сына его нашли только сегодня. Миръ праху вашему, доблестные сыны Россіи!

Сегодня я былъ на пристани, судно въ эту минуту причалило къ берегу съ ранеными и я невольно остановился взглянуть на этихъ несчастныхъ. Всѣ они были уже перевязаны на Южной сторонѣ, но облитыя кровью шинели и блѣдныя, болѣзненные, лица свидѣтельствовали, сколько они страдали. Это были легко раненные въ голову и съ прострѣленными руками и ногами; многіе отъ боли и мученія жаждали и просили пить. 100 человекъ съ носилками тотчасъ подняли 25 и понесли ихъ въ госпиталь, потомъ вернулись во 2-й и 3-й разъ, а также, забравши по 25, отнесли и вернулись назадъ. Одинъ изъ раненыхъ, босой, въ одной рубахѣ и шинели, сходилъ съ баркаса одинъ; онъ обратилъ мое вниманіе, я подошелъ къ нему и, видя изнеможеніе силъ, приказалъ посадить его. Грудь его была широко обернута бинтами. „Куда тебя ранило, служба“?—Вотъ сюда, указывая на грудь, попала пуля и прошла на вылетъ. Когда наши отступили—продолжалъ онъ—солдатъ французскій подошелъ ко мнѣ и хотѣлъ приколотъ, но я сталъ просить офицера, говорилъ раненый, и тотъ началъ бранить солдата: „за что ты его безоружнаго хочешь убить, это стыдно, ступай, сказалъ мнѣ, въ своей батарее“. И вотъ я началъ ползти, но у меня началъ захватывать духъ и во рту, и на груди, и назади; и я долго ползъ, пока увидѣлъ солдатъ нашихъ. „Братцы! помогите“, тогда они взяли меня и отнесли въ госпиталь. Тутъ онъ сталъ скорбѣть о братѣ родномъ. „Черезъ одного человекъ стоялъ около меня въ шеренгѣ, ваше благородіе, когда пошли въ штыки, и теперь не знаю живъ-ли? Хотѣлъ молебень о немъ отслужить“. Я сталъ увѣрять больного, что братъ его живъ и остался въ полку, потомъ сунулъ въ руку ему на молебень и ушелъ. Солдатъ этотъ Эриванскаго полка.

13 мая. Ночь съ 12 мая прошла покойно, то есть стрѣляли изрѣдка до свѣта, но не было уже такого адскаго огня, какъ въ ночи съ 10 и 11 чиселъ. Сегодня опять встрѣтилъ раненыхъ, которыхъ несли въ госпиталь; но одинъ изъ нихъ, опираясь на

длинный шесть, тихо переступая ногами, шелъ самъ. Рядомъ съ нимъ шелъ солдатъ, который несъ его ранецъ и мѣшокъ съ вещами. Этотъ раненый подстрекнулъ мое любопытство, я своротилъ съ своей дороги и подошелъ къ нему. „Куда ты служба раненъ?“—Вотъ сюда попала пуля и теперь сидитъ тамъ,—онъ указалъ мѣсто въ лѣвой ногѣ ниже паха. „Какого ты полка и когда раненъ?“—Житомирскаго, ваше благородіе, а раненъ 10 числа. Баталіонный нашъ маіоръ—забылъ фамилію—когда смеркалось, сазалъ намъ: ребята! пойдѣмъ, поставимъ туры (а онѣ были уже тамъ). Вотъ мы пошли, а французы ждали насъ, лежа въ оврагѣ. Вдругъ вскочили, да какъ дадутъ залпъ, такъ и повалились; а молодецъ маіоръ нашъ построилъ насъ въ кучки, да какъ приурадили въ штыки, всѣхъ положили тутъ. Потомъ пошли на ихъ батарею, заняли и ее, да вишь гвоздей-то не было, ваше благородіе, не чѣмъ было заколотить; послали за гвоздями, пока молодецъ сбѣгалъ—къ французамъ подошло подкрѣпленіе и тутъ начался, ваше благородіе, рукопашный бой и штыками, и привладами, работали всѣмъ, и съ этою сволочью было управились, но пришло третье подкрѣпленіе и показалась вправо англійская кавалерія. Едва мы отошли назадъ шаговъ 150, какъ съ нашихъ батарей пустили картечь—одну, другую, десятки и все, что насъ тѣснило, легло на вѣчный покой. Картечь перестала, мы опять впередъ и докололи послѣднихъ, но уже тутъ, ваше благородіе, и идти было нельзя впередъ—вездѣ лежали побитые французы, много ихъ легло, видимо-невидимо!—„А кавалерія-то, спросилъ я, которая неслась?“—Ну, ваше благородіе, тутъ Господь Богъ помогъ намъ видимо. Англичане стали стрѣлять съ флота бомбами, ядрами и картечью; повѣришь-ли, ваше благородіе, ни одни къ намъ не долетѣли и вся эта кара Божія пала на кавалерію и не знаю, воротилось-ли ихъ хоть десятокъ домой,—всѣ легли и люди, и лошади; и мѣсто это просто усѣяно было трупами конскими и людскими.—„А сколько, служба, по твоему, было кавалеріи?“—Кто же ее знать, а такъ съ нимъ полкъ всадниковъ 600 или 700 было.—„А много въ вашемъ баталіонѣ убитыхъ?“—Много, ваше благородіе: изъ 700 человѣкъ, съ которыми пошли, осталось въ живыхъ и нетронутыхъ человѣкъ 150. Вотъ какую любопытную исторію рассказалъ мнѣ раненый солдатъ; оставивъ его, я невольно принесъ Господу Богу благодареніе за видимое покровительство защитника Св. Креста!

Сегодня принесли донесеніе, что непріятель показался на Чургунѣ и занялъ мѣсто, гдѣ стояли наши передовые аванпосты. Князь Горчаковъ и часть главнаго штаба въ часъ пополудни уѣхали туда. По всему видно, что къ непріятелю пришло большое подкрѣпленіе и что онъ располагаетъ большими силами.

14 мая. Въ Байдарской долині повазалось 15 т. піемонтцевъ. Сегодня снаряжали туда горную артиллерію; не зная мѣстности, не могу опредѣлить достовѣрно, но говорятъ, что полевой артиллеріи туда ввести не можно, а потому и хотятъ употребить горную артиллерію. Завтра 15-го числа главная квартира переходитъ на позицію при Мекензіевой горѣ. Противъ Чургуну непріятель сосредоточиваетъ большія силы. Пришло извѣстіе, что Керчь занятъ былъ безъ выстрѣла. Говорятъ, что силы непріятельскія, высаженные въ Керчь, простирались до 30 т.; а нашъ отрядъ тамъ состоялъ отъ 3 до 4 т. Бѣда идетъ на насъ со всѣхъ сторонъ!

15 мая. Ночь цѣлую на 15 число происходила канонада, особенно на Сѣверной сторонѣ насъ сильно беспокоила англійская батарея своими ланкастерскими пушками. Въ предшествующіе дни и ночи бросалось отъ 100 до 200—трехъ-пудовыхъ ядеръ, но вчера въ ночи было ихъ пущено къ намъ на Сѣверную сторону наименѣе 500 ядеръ—трехъ-пудовыхъ, кромѣ бомбъ. У меня на квартирѣ упало въ разные дни два, а около дому 5 шаговъ вправо и влѣво, до 100 штукъ; но Господь до сихъ поръ хранить меня для дѣтей. Сегодня, въ 8 часовъ утра, князь Горчаковъ выѣхалъ къ Инкерману. Говорятъ, что намѣренъ долго пробыть тамъ. Вчера собраны были у него графъ Сакенъ, генералъ Павловъ и другіе дивизіонные начальники, вѣроятно для отдаванія послѣднихъ приказаній. Я много опасаюсь за сегодняшнюю ночь: по случаю Троицына дня много и много пьяныхъ, въ особенности матросы. Будетъ большое счастье, если непріятель оставить насъ эту ночь въ покоѣ.

16 мая. Ночь съ 15 на 16 прошла очень спокойно, батареи почти молчали. Сегодня получено подробное донесеніе о Керчи и Никополѣ. Непріятель занялъ оба эти города; нашъ отрядъ взорвалъ свои редуты и отступилъ. Говорятъ, что французы предложили жителямъ выборъ—остаться или выѣхать.

Князь Горчаковъ воротился на Сѣверную сторону. Въ 4 часа французы сдѣлали взрывъ мины подъ бастіономъ № 4. Еще не

могъ собрать свѣдѣніе—какая опасность угрожаетъ теперь этому бастиону. До 7½ часовъ производилась пальба съ нашихъ батарей по воронкѣ, которая образовалась отъ взрыва; особо неприятель не могъ тамъ работать. Теперь, наконецъ, стало извѣстно, что въ сраженіи въ ночи съ 10 на 11 число убыло у насъ изъ строя:

		ген.	шт.-и об.-оф.	ряд.
	Всего . .	1	71	3189
Изъ нихъ {	убитыхъ . .	1	48	1870
	раненныхъ . .	„	23	1319

17 мая. Ночь съ 16 на 17-е число прошла покойно.

19 мая. Въ ночи и до самаго утра происходила сильная пушечная пальба съ нашихъ батарей; обстрѣливали нашъ ложементъ между 5 и 4 бастиономъ, который 11 числа оставленъ имъ, дабы неприятель не могъ тамъ укрѣпиться и поставить орудій.

Съ 20 на 24 мая днемъ и ночью съ батареи рѣдкая пальба, но съ англійской батареи и ланкастерскихъ пушекъ каждую ночь посылаютъ по 200 и болѣе 3-хъ пудовыхъ ядеръ по всѣмъ направленіямъ Сѣверной стороны. Недавно пробило крышу въ управленіи начальника артиллеріи и контузило писаря, еще позже пробило крышу на кухнѣ начальника артиллеріи и сильно контузило его человѣка; ко мнѣ на дворъ съ Сухой балы упала сегодня одна бомба, около дома—семь.

25 мая. Севастополь. Ночь 24-го и до 3-хъ часовъ пополуни 25-го Севастополь отдыхалъ совершенно, кое-гдѣ летали бомбы неприятельскія или ядра, но такъ рѣдко, что никто не обращалъ на то вниманія. Однако же были несчастія въ городѣ: бомба упала на 3-хъ лѣтнюю дѣвочку и наповаль убила во время перѣзда чрезъ бухту одного офицера. Бомба перервала его пополамъ, такъ что на ту сторону привезли только ноги; были и еще два случая, но здѣсь они обыкновенны. Итакъ до 3-хъ часовъ пополудни все было тихо; вдругъ выстрѣлъ, разъ, два, десять,—пошла потѣха. Загрохотали горы и переваты учащенной пушечной пальбы съ обѣихъ сторонъ чрезъ ¼ часа слились въ одинъ протяжный ревъ. Все выбѣжало смотрѣть, отправился и я на передовой ложементъ сѣвернаго укрѣпленія. Съ этой точки всѣ батареи наши и неприятельскія какъ на ладони. Солнце

горѣло на горизонтѣ и обдавало жаромъ, на небѣ ни одной тучки, и только дымки батарей указывали точки, куда обращены выстрѣлы. Въ эту минуту редуты Селенгинскій, Волынскій, Камчатскій, Малаховъ Курганъ, весь 5 бастионъ и четвертый были въ дыму, отъ № 4 бастиона вся правая сторона нашихъ батарей была въ молчаніи. Батарея непріятельская на Херсонесѣ сдѣлала было нѣсколько выстрѣловъ, но въ отвѣтъ посланные выстрѣлы съ форта Константиновскаго и ближайшихъ нашихъ батарей прекратили дѣйствіе съ Херсонеса и наши замолчали тоже. Главнѣйшее дѣйствіе батарей непріятельскихъ было направлено на редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій, на Малаховъ Курганъ и бастионъ № 5. Около 6 часовъ канонада была уже не такъ жива, но продолжалась.

Въ 9 часовъ, когда пала ночь, посыпались на наши батареи бомбы и такъ часто, что я насчиталъ въ одну минуту 11 бомбъ, но бомбы летѣли одна за другою, а иногда по 3 и по 4 разомъ; страшно смотрѣть на эти огненные шары, а каково встрѣчать такую гостью, куда она пожелуетъ. Господи Іисусе Христе, помилуй наше Христолюбивое воинство и пошли ему мужество перенести эту грозу! Но и наши батареи работали славно: между 4 и 5 часами я видѣлъ самъ, какъ одна батарея непріятельская совершенно замолчала; и какъ огонь ихъ замѣтно сталъ слабѣть, вѣроятно отъ потери подбитыхъ орудій, видѣлъ и взрывъ непріятельской батареи,—вѣроятно малый пороховой погребокъ, или зарядный ящикъ взлетѣлъ на воздухъ.

26 мая. Инкерманъ. Всю ночь напролетъ, утро, полдень и теперъ 10 часовъ вечера ужасная, страшная канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращается; днемъ стрѣляли даже залпами, бомбы сотнями, бросаемаы съ нашихъ и непріятельскихъ батарей, врестятъ и бороздятъ небо, встрѣчаясь въ воздухѣ одна противъ другой. Около 7 часовъ французы сдѣлали нападеніе вдругъ на 3 нашихъ редута: Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій. Главнокомандующій больно, едва держащійся на ногахъ, прибылъ сегодня сюда и сѣлъ впереди моей палатки. Коцебу, Липранди, Серженутовскій давно были тамъ; смотря черезъ телескопъ, докладывали князю, что видны колонны непріятельскія, какъ идутъ на штурмъ, потомъ роковая записка съ телеграфа „редуты Селенгинскій и Волынскій взяты, наши дерутся въ лоцинѣ“. Черезъ

¼ часа другая записка: „Камчатскій редуть взять“. Тутъ князь приказалъ генералу Крыжановскому взять батарейную батарею и идти къ оврагу и стрѣлять по взятымъ Селенгинскому и Волинскому редутамъ. Черезъ ¼ часа батарея потянулася. Въ то-же время пріѣхалъ графъ Толстой отъ графа Савена изъ города съ извѣстіемъ, что редуты Селенгинскій, Волинскій и Камчатскій атакованы и что онъ послалъ въ помощь туда полкъ пѣхоты; „болѣе,—приказалъ доложить графъ Савенъ,—послать немогъ, ибо ожидаемъ общаго штурма на городъ“. Тутъ князь приказалъ Липранди тотчасъ же послать въ городъ полкъ пѣхоты, а графу Савену приказать приготовить суда для перевозки ихъ въ городъ; потомъ князь приказалъ ѣхать туда же начальнику штаба, генералу Коцебу, и самъ пошелъ домой. Лицо его выражало страданіе и было болѣзненно, видно, что сегодняшній день слишкомъ чувствителенъ его сердцу.

Л. Духонинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д-РА ЗЕЙДЛИЦЪ и Н. И. ПИРОГОВЪ.

Открытое письмо доктора Зейдлица проф. Н. И. Пирогову ¹⁾.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Дерптъ, 19 октября 1864 г.

Моему дорогому другу и соратнику на зеленомъ полѣ, Спб. Медико-Хирургической конференціи профессору Пирогову.

Васъ менѣе удивить, что я при настоящихъ своихъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ прочиталъ вашу хирургию, нежели то, что берусь за перо, чтобы съ вами кое о чемъ поспорить. Само собою разумѣется, что мнѣ и въ голову придти не могла мысль осуждать или критиковать вашу хирургическую богатую опытность и сдѣланные изъ нея выводы.

Я желаю съ вами обсудить только нѣкоторыя общенаучныя положенія, которыя вы, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ себѣ самому и нашей благородной науки и особенно практической медицины, съ какою-то математическою увѣренностью отстаиваете.

Вы сами сознавались, что и теперь способны колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ — и не перестанете ихъ подвергать строгой повѣркѣ, дабы тамъ, гдѣ это окажется необходимымъ, замѣнить ихъ болѣе вѣрными данными, позвольте мнѣ поэтому попытаться предложить вамъ такого рода обмѣнъ или перемѣну въ вашихъ теперешнихъ убѣжденіяхъ.

Въ 3-мъ выпускѣ вашей хирургической клиники, на 2-й страницѣ, вы высказываете убѣжденіе: «что во всякой болѣзни, и во всякой операціи существуютъ постоянныя неизблемыя отношенія въ неудачѣ и смертельномъ исходѣ ихъ». Это справедливо, если при этомъ имѣется въ виду известная отдѣльная болѣзнь или операція — но двѣ раз-

---

¹⁾ Отвѣтъ на это письмо проф. Н. И. Пирогова, переведенное Н. Ф. Здекауеромъ съ нѣмецкаго языка, см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 года, августъ, стр. 289.

личныя между собою болѣзни или хирургическія операціи, при одинаковой внѣшней обстановкѣ, непременно покажутъ, что онѣ, именно потому, что онѣ не однѣ и тѣ-же, могутъ имѣть неодинаковые исходъ и окончаніе. Наблюдая цѣлый рядъ болѣзней и хирургическихъ операцій, мы усмотримъ извѣстный процентъ неудачъ и смертельныхъ исходовъ, который выразится ариѳметическимъ числомъ, по моему мнѣнію, см. стр. 6 вашего сочиненія, и этимъ выразится ихъ особенность, такъ сказать—ихъ натура. Но вы сами опровергаете это положеніе слѣдующими затѣмъ словами: «эти отношенія находятся въ зависимости отъ постоянныхъ вліяній внѣшнихъ условій на различные болѣзненные процессы, отъ индивидуальности больного и отъ вида травматическаго пораненія, неизбежнаго при каждой операціи». Эти три внѣшніе фактора (въ патологіи приводится ихъ болѣе) между собой различны во времени и пространствѣ и поэтому являются главными причинами того, что извѣстныя болѣзни и хирургическія операціи, въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, относительно неудачи или смертельнаго исхода не одинаково протекаютъ, а слѣдовательно и не даютъ постоянныхъ статистическихъ результатовъ. Я съ намѣреніемъ употребилъ выраженіе «статистическихъ», потому что введеніе ваше очевидно стремится къ тому, чтобы доказать, что полученные въ массѣ статистическіе результаты даютъ самое вѣрное понятіе о натурѣ болѣзни и объ оцѣнкѣ способа леченія, на что именно я намѣренъ вамъ возражать. Вы сами приводите, что *Seges à Montpellier* находится въ завидномъ положеніи видѣть почти всѣхъ своихъ ампутированныхъ выздоравливающихъ при первомъ натязаніи (*per primam intentionem*) — что у-насъ въ Петербургѣ только изрѣдко удается, что въ томъ счастливомъ краѣ нѣтъ ни скорбута, ни алкоголизма, которые могли бы воспрепятствовать успѣху правильно сдѣланной операціи, наконецъ, что даже въ одномъ и томъ же городѣ напр., въ С.-Петербургѣ, каждая больница обладаетъ особенною степенью злокачественности — вотъ по моему мнѣнію достаточно критеріевъ, доказывающихъ, что болѣзни и хирургическія операціи одинаковой природы могутъ имѣть весьма различные исходы. На страницахъ 6, 7 и 8-й вы еще подробнѣе разбираете вышеупомянутыя внѣшнія вліянія и все-таки на стр. 10 приходите къ заключенію, что всѣя болѣзни и всякій хир. оперативный методъ имѣютъ опредѣленный процентъ смертности, только нѣсколько видоизмѣняемый странкою, особенностями класса народа и внѣшними вліяніями. На это изреченіе, пре-

тивурѣчащее вашей собственной, столь цѣнной, опытности, вѣроятно повліялъ недавно введенный, безъ всякой критики, въ разнообразѣйшія отрасли медицины статистическій методъ—и вы увлеклись случайнымъ совпаденіемъ вашей статистики при ампутаціяхъ съ Малгеневскою.

Статистика en masse умѣстна только тогда, когда можно сопоставить массу однородныхъ случаевъ и гдѣ сумма одинаковыхъ внѣшнихъ вліяній значительно превышаетъ случайно могущихъ воздѣйствовать на больныхъ факторовъ, такъ что вліяніе послѣднихъ можно себѣ представить настолько ничтожнымъ, что оно и не входитъ въ расчетъ при взвѣшиваніи внѣшнихъ вліяній, потворствующихъ тому или другому исходу болѣзней или хирургическихъ операцій.

При опредѣленіи средней продолжительности жизни въ извѣстной странѣ можно считать и случайно смертельные случаи отъ механическихъ причинъ или отъ самоубійства, но эти цифры ничтожны въ сравненіи съ $\%$ общей смертности.

Статистика en masse должна обнимать только короткіе періоды, если допустить, что вліяющіе на нее факторы представляютъ собою измѣнчивыя со временемъ величины. Она должна также ограничиваться извѣстнымъ пространствомъ, потому что характеристическое вліяніе извѣстныхъ факторовъ на одну группу можетъ быть изглажено противоположными вліяніями въ другой группѣ; такъ, что если мы желаемъ посредствомъ статистики установить естественный или природный законъ, то мы должны разсматривать объектъ нашего изслѣдованія при возможно одинаковыхъ и несложныхъ извнѣ вліяющихъ факторахъ. Между ними тѣ, которые обуславливаютъ неудачу или смертельный исходъ въ болѣзняхъ и хирургическихъ операціяхъ, по времени и пространству, оказываютъ разнообразѣйшее вліяніе.

Если статистическія цифры взяты изъ продолжительной эпохи, обнимающей нѣсколько десятковъ лѣтъ и притомъ изъ разныхъ странъ свѣта и отъ различныхъ научныхъ школъ, то мы, конечно, можемъ въ результатъ получить статистическій *sigisum*, но никогда не разскроемъ естественно историческаго закона. Такимъ образомъ послѣдствіе дурного леченія изглаживается вліяніемъ хорошаго климата и напротивъ успѣхъ наилучшаго леченія можетъ быть парализованъ вліяніемъ дурного климата. Средняя статистическая цифра, выведенная изъ этихъ двухъ рядовъ наблюденій, дастъ математическій средний выводъ, но нисколько не укажетъ на абсолютное достоинство самихъ способовъ леченія. Предположимъ, напримѣръ, что кромѣ натуры

или сущности болѣзни, или хирургической операціи, существуетъ для обѣихъ еще постоянно вліяющій факторъ и что вы сами, напримѣръ, съ одинаковымъ стараніемъ и искусствомъ предприняли бы: леченіе ста первичныхъ сифилитическихъ язвъ или сто ампутацій бедра, или сто камнешѣченій, но изъ нихъ нѣкоторыхъ на теперешнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, другихъ въ Montpélier, а послѣднихъ въ Петербургѣ въ Обуховской больницѣ, то неужели вы думаете, что результаты ваши успѣховъ и процентъ смертности только незначительно будутъ между собою разниться? Я думаю, что между вашими успѣхами будетъ огромная разниа. Они были бы блистательными въ Монпелье, весьма не удачны на театрѣ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Сопоставивъ эти два ряда наблюденій, выведенныя изъ нихъ среднія статистическія цифры отнюдь не дадутъ вѣрнаго понятія ни о натурѣ лечимыхъ вами болѣзней или предпринятыхъ вами операцій, ни о степени вашего искусства и тщанія, онѣ бы можетъ привели бы насъ къ странному заключенію, что Обуховская больница, давая приблизительно тождественныя съ вышеупомянутыми статистическими выводами цифры, выражаетъ собою точную оцѣнку хирургическихъ болѣзненныхъ процессовъ и хирургіи вообще.

Вліяніе такихъ невѣрныхъ выводовъ вѣроятно породило нѣсколько грустное настроеніе, проглядывающее въ 3-мъ выпускѣ вашей клиннки.

Подъ вліяніемъ этого безотраднато настроенія духа, вы выразили научную ересь, «что процентъ смертности независимъ отъ врачебнаго вліянія». Это мнѣніе высказывалъ Гуфеландъ, если я не ошибаюсь, 30 или 40 лѣтъ тому назадъ, и оно проникло въ публику и съ тѣхъ поръ до пресыщенія повторялось врачами.

Пусть только врачебное вліяніе будетъ надлежащее и вы увидите, что не только въ отдѣльныхъ случаяхъ, но и въ массѣ $\%$ смертности совершенно измѣнится ¹⁾. Non est crimen artis, quod est crimen professoris. Тайна надлежащаго врачебнаго вліянія кроется не въ извѣстныхъ школахъ, ни во врачахъ извѣстной эпохи en masse, но только въ отдѣльныхъ врачахъ всѣхъ школъ и всѣхъ временъ. Если крестья-

---

¹⁾ Syphilis считалась прежде почти неизлечимой болѣзью, а теперь при надлежащемъ употребленіи ртутныхъ и іодистыхъ препаратовъ легко излечивается. Молярійныя болѣзни со введеніемъ хинина сдѣлались безопасными, то-же надо сказать о многихъ операціяхъ послѣ введенія Листеромъ асептической перевязки.

Примѣч переводчика Н. Ф. З.

нинъ, съ своей заржавленной иглою, лучше снималъ бѣльмо, чѣмъ Рустъ, то онъ счастливымъ приемомъ усвоилъ себѣ настоящее искусство этой операціи, которымъ не вполне владѣлъ Рустъ. Когда Рустъ своими наставленіями нарушилъ успѣхи доморощенного оператора, онъ совершилъ *crimen professoris*, относительно операціи катаракты. Ему бы слѣдовало усвоить себѣ приемы очевидно счастливо оперирующаго крестьянина и потомъ ввести ихъ въ хирургию, при ученіи объ операціи катаракты. Если старая баба при уходѣ за роженицами имѣетъ менѣе неудачъ, чѣмъ указываетъ статистика родовспомогательныхъ заведеній, то она лучше дѣйствуетъ, нежели работающія въ этихъ заведеніяхъ лица. Я желалъ бы, чтобы вы хоть разъ увидѣли, какъ эстляндскій мужикъ въ моемъ имѣніи скоро и ловко выхолощиваетъ моихъ козловъ и бычковъ своимъ хлѣбнымъ ножомъ, котораго онъ подтачиваетъ на подошвѣ своего сапога, и при этомъ изъ цѣлой сотни не теряетъ ни одного оперированнаго, между тѣмъ какъ ветеринары далеко не такъ счастливы. Если-бы всѣ хирурги такъ ловко оперировали катаракты, какъ рустовскій крестьянинъ, или дѣлали кастраціи, какъ мой эстонецъ, или камнесѣченіе, какъ frèге Сdме, то статистика успѣховъ была бы выгоднѣе нынѣшней относительно неудачъ и смертности, на которую теперь влияетъ то, что болѣе дурныхъ, чѣмъ хорошихъ врачей. Извѣстно, что во всѣхъ отрасляхъ знанія и искусства хорошіе адепты несравненно рѣже плохихъ; такъ, какъ одна ласточка еще не указываетъ на лѣто, такъ и одинъ Пировъ еще не составляетъ золотой вѣкъ хирургіи. Хорошая десятина моей пахатной земли можетъ дать до 30-го зерна, но изъ этого не слѣдуетъ, что прочія 999 десятинъ даютъ больше средняго дохода, получаемаго вообще въ остзейскихъ губерніяхъ. Только въ этомъ смыслѣ вы правы, что врачебное вліяніе, по разницѣ школы и метода, имѣетъ только второстепенное вліяніе на успѣхъ. Очень жаль, что мы не всѣ д-ра Мандты, относительно его чудесныхъ излеченій, и что не всѣ мои десятины даютъ такой урожай, какъ та особенно плодородная—будь это такъ, то акціи общества страхованія жизни и моей суммы стояли бы очень высоко. И такъ, дорогой другъ мой, стремитесь неустанно къ постоянному улучшенію хирургіи, такъ какъ и я посильно постараюсь удобрить и оплодотворить мою землю и постепенно улучшатся проценты смертности и урожай. Несомнѣнно, что продолжительность жизни народовъ съ вѣками увеличилась, а на

поляхъ, по здравому учению доктора Тера, увеличились урожаи. Измѣните же и вы, достойнѣйшій другъ мой, въ новомъ изданіи вашей хирургіи, вашъ неутѣшительный взглядъ на вліяніе хирургіи на % смертности на болѣе отрадный.

Вашъ другъ и collega д-ръ Зейдлицъ.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОНКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾

Отъ г. Ломоносова (31 іюля) въ Слб. . . . . 11 р. 25 к.

А всего съ прежде поступившими. . . 1,900 р. 25 к.

Примѣчаніе. Памятникъ въ главныхъ частяхъ готовъ, исполненъ въ бронзы, по рисунку проф. Щурунова и находится въ мастерской А. Н. Соколова. Къ сожалѣнію, барельефъ не выгнѣшенъ еще акад. А. М. Онегуинымъ, а потому и не отлить г. Соколовымъ и монументъ не можетъ еще быть поставленъ на мѣсто.—Расходъ произведенъ: 1000 руб.—мастеру А. Н. Соколову и 50 руб. въ счетъ 143 руб. каменщикамъ (по счету М. А. Щурунова).
Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 461—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 214; февраль, стр. 471; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228; май, стр. 448; іюнь, стр. 667; іюль, стр. 184.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ВЪ 1857—1860 гг.

Замѣтки къ Запискамъ Я. А. Соловьева.

I.

Съ февраля мѣсяца 1880 года и почти до настоящаго текущаго года, на страницахъ «Русской Старины», печатались чрезвычайно интересные Записки сенатора Я. А. Соловьева по крестьянскому дѣлу.

Записки сіи онъ началъ писать въ юлѣ мѣсяцѣ 1876 г., окончилъ ихъ въ октябрѣ того же года, и, какъ видно изъ содержанія оныхъ, обхватываютъ собою весь періодъ времени, въ которое, такъ сказать, вершилось крестьянское дѣло.

Время незабвенное для всякаго любящаго свое дорогое отечество и славное для царствованія императора Александра III

Я. А. Соловьевъ умеръ 11 декабря 1876 года.

Питая глубокое уваженіе къ памяти Я. А. Соловьева, какъ одного изъ ревностныхъ дѣятелей великаго крестьянскаго дѣла, я какъ современникъ его, а отчасти и сотрудникъ его по одной изъ частей сего дѣла, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу сихъ записокъ и сдѣлать на нихъ свои замѣтки.

Замѣтки сіи тѣмъ болѣе оказываются необходимыми, что въ настоящее время уже раздаются голоса въ не пользу Я. А. Соловьева, опредѣляя его дѣятельность: остервенѣлою и враждебною въ высшей степени для помѣщиковъ. («Русск. Архивъ», записки графа Д. Н. Толстаго, 1885 г., № 5, стр. 44).

Такъ-ли?

По мнѣнію графа Д. Н. Толстаго, «способности Соловьева не превышали посредственности, но что онъ одаренъ былъ неуклончивымъ постоянствомъ въ направленіи и энергіи воли, но при всемъ томъ, какъ пишеть г. Толстой, онъ былъ особенно вреденъ министерству внутрен-

нихъ дѣлъ, во время управленія онымъ графомъ Валуевымъ (тамъ же, стр. 47).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія по поводу сихъ голословныхъ и несправедливыхъ нареканій и вникая только въ смыслъ оныхъ, можно вывести совсѣмъ иное убѣжденіе о Соловьевѣ, какое имѣлъ о немъ графъ Толстой.

Извѣстно и несомнѣнно то, что полезная дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ, въ особенности, выразилась въ періодъ времени освобожденія крестьянъ, и если, какъ на самомъ дѣлѣ и было, большая часть сей дѣятельности пала на долю земскаго отдѣла, бывшаго подъ управленіемъ Я. А. Соловьева, то служеніе его было въ высшей степени полезно и славно. Присвоеніе же Соловьеву г. Толстымъ свойствъ: неуклончиваго постоянства, энергіи и воли, не только не служатъ ему укоромъ и не омрачаютъ памяти о немъ, но, напротивъ того, людямъ, кои одарены свыше сими свойствами, если только они направлены къ добру и освящены любовію къ человѣчеству, ставятъ памятникъ. Да! А у Соловьева недостатка въ любви къ народу, къ священному естественныхъ правъ человѣка, кажись, не было. Полезная его дѣятельность началась подъ управленіемъ министра С. С. Ланскаго и продолжалась во время графа П. А. Валуева.

Спрашивается, какой-же онъ дѣлалъ вредъ помѣщикамъ?

Что-же касается до Н. А. Милютина, обнаружившаго впоследствии государственныя способности, то при началѣ крестьянскаго дѣла онъ былъ только директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а крестьянскаго дѣла пока былъ чуждъ.

Записки Соловьева начинаются съ отрывка, подъ заглавіемъ: Крестьянское дѣло въ 1856 году—по 1859 годъ.

Статья сія, между прочимъ, содержитъ въ себѣ заявленіе его о томъ, что будто-бы въ Россіи во время производства крестьянскаго дѣла были, такъ сказать, партіи, кои, по его мнѣнію, можно бы назвать: «охранительною, консервативною, ретроградною, реакціонною, крайняго помѣщичьяго направленія крѣпостниковъ» и т. п., въ противоположность партій: «прогрессивной, либеральной, эмансипаторовъ» и проч.

При этомъ Соловьевъ, правда, оговаривается, объясняя, что партіямъ симъ если нельзя присвоить того значенія, которое онѣ имѣютъ за границею, то тѣмъ не менѣе партіи сіи проявлялись и у насъ хотя въ хаотическомъ видѣ. Затѣмъ Я. А. Соловьевъ излагаетъ чрезвычайно интересныя событія въ ходѣ крестьянскаго дѣла, а равно характеры лицъ, дѣйствовавшихъ по оному и большинство коихъ уже отошло въ вѣчность.

Все это крайне любопытно какъ для лицъ, бывшихъ въ то время

и здравствующихъ понинѣ, такъ и для людей новаго поколѣнія. Честь и хвала Я. А. Соловьеву!

Но какъ современникъ его, я позволяю себѣ усумниться только въ правильности взгляда его на дѣятелей крестьянскаго дѣла, въ томъ смыслѣ, какъ онъ ихъ описываетъ.

Въ то время, для людей свободно и разумно мыслящихъ, безъ подчиненія себя существовавшему и отживавшему порядку вещей, требовавшему измѣненія,—было въ ходу одно выраженіе: красные, но это только относилось въ большинствѣ случаевъ къ отдѣльнымъ лицамъ, а не къ партіямъ, которыхъ съ тѣми названіями, какъ описываетъ Соловьевъ, рѣшительно не было.

Такъ, напримѣръ, въ этомъ смыслѣ С. С. Ланской, какъ пишетъ Соловьевъ, называлъ Н. А. Милютина краснымъ, да и самъ Соловьевъ назвалъ себя предъ Ланскимъ краснымъ, но о партіяхъ не было, да и не могло быть рѣчи. «Русская Старина» изд. 1883 г., мартъ, стр. 582.

Мнѣ кажется, что Я. А. Соловьевъ, въ началѣ своей службы, долго жилъ въ губернской средѣ, гдѣ партіи являются какимъ-то неизбежнымъ зломъ.

Въ крестьянскомъ дѣлѣ сначала извѣстно было одно только,—это то, что государь императоръ желаетъ и имѣетъ твердое намѣреніе покончить вопросъ, тяготящій вѣками надъ Россіею,—именно вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, на основаніяхъ необходимыхъ для ихъ помѣщиковъ; но какія это могли быть основанія—никто изъ жившихъ тогда дѣятелей, не могъ исполнѣ себѣ уяснить. Да и самъ государь, позволяю себѣ думать, со всею своею любовію къ человѣчеству и въ особенности къ Россіи затруднялся высказать, что и какъ онъ желаетъ все это сдѣлать.

Въ доказательство сего привожу то, что въ первомъ рескриптѣ на имя генераль-губернатора Назимова, 20 ноября 1857 г., сказано было весьма глухо объ освобожденіи крестьянъ. Въ этомъ рескриптѣ прописано только, что дворянство с.-з. губерній изъявило благія намѣренія относительно помѣщичьихъ крестьянъ, и ничего болѣе. Затѣмъ уже въ разъясненіяхъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшихъ вслѣдъ за рескриптомъ, сказано: что намѣренія дворянъ с.-з. края состоятъ въ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ,—освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что вначалѣ вопросъ о свободѣ крестьянъ и объ основаніяхъ какъ достигнуть этой свободы—былъ теменъ, только время и дальнѣйшія усилія ревнителей дѣла и цѣлой массы комитетовъ столичныхъ и губернскихъ уяснили что и какъ

приступить и сдѣлать, чтобы достигнуть указанной Государемъ Императоромъ цѣли,—безъ тяжкаго и явнаго нарушенія интересовъ помѣщиковъ.

За царемъ и всѣ приближенные къ нему, о коихъ упоминаетъ Соловьевъ, подчиняясь его волѣ, однако-жъ, какъ и слѣдовало ожидать, позволяли себѣ заявлять только мнѣнія, но не въ смыслѣ отрицанія идеи о свободѣ крестьянъ, но лишь въ порядкѣ, способѣ, времени, условіяхъ и наконецъ трудности разомъ приведенія сего въ исполненіе. Посему, по мнѣнію моему, при разсмотрѣніи крестьянскаго дѣла, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ онаго, вовсе не существовало тѣхъ партій, о коихъ упоминаетъ Соловьевъ, а были люди служивые, болѣе или менѣе близкіе къ государю и вліятельные, кои думали о томъ, какъ бы лучше повести это дѣло—окончить оное безъ сотрясенія государства, и не ввести царя въ ошибку; не осуждать за это нужно, но воздавать должную похвалу. Само собою разумѣется, что люди эти выросли при крѣпостномъ порядкѣ вещей, а потому они не безъ страха взирали на новый порядокъ, который неминуемо возникнетъ съ освобожденіемъ крестьянъ.

Правда, воля Государя Императора какъ путеводная звѣзда ярко блистала въ высотѣ, но самая почва пути, по которому нужно было идти, была темна еще, а потому мысль объ освобожденіи крестьянъ, въ томъ видѣ, какъ она олицетворилась и выразилась въ Положеніи 19 февраля 1861 года, развилась не вдругъ, а мало по малу, съ большими или меньшими усиліями и задержками.

И дѣйствительно, какъ на самомъ дѣлѣ и оказалось, что для составленія крестьянскаго положенія не было такого мудреца, который съ самаго начала производства онаго обхватилъ бы, такъ сказать, все дѣло сразу, и вообще имѣлъ бы ясную идею что и какъ вести оное, и какъ нужно освободить крестьянъ.

Всѣ шли ощупью, а въ рѣчахъ не договаривали то одного, то другаго, но время дѣлало свое!

Вотъ почему многіе изъ дѣятелей сего дѣла, если не отвергали прямо возможность освобожденія крестьянъ, то по крайней мѣрѣ, при трудности обнять оное вполнѣ, сомнѣвались въ быстротѣ и окончательномъ успѣхѣ онаго.

Въ подтвержденіе сего приведемъ факты изъ тѣхъ же Записокъ Соловьева, о коихъ мы ведемъ рѣчь.

Я. И. Ростовцевъ, по его мнѣнію, сначала не сочувствовалъ идее освобожденія крестьянъ, а впоследствии изъ реакціониста превратился въ яраго ревнителя, прогрессиста и отчаяннаго эмансипатора; мало того, онъ писалъ извѣстные письма изъ загра-

ницы и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался изъ многихъ достойныхъ,—достойнѣйшимъ,—предсѣдателемъ редакціонной комисіи. («Русск. Стар.» изд. 1883 г., февраль, стр. 265).

Какъ объяснить такую пережѣну въ Ростовцевѣ? Объяснимъ просто, что Ростовцевъ, сначала не принадлежа ни къ какой партіи, не понималъ дѣлъ или, по крайней мѣрѣ, не могъ объять его во всѣхъ подробностяхъ, но потомъ, болѣе и болѣе усвоивая себѣ мысль царя объ освобожденіи крестьянъ, и при всеобщемъ, такъ сказать, давленіи движенію къ этому,—пошелъ быстро и опередилъ многихъ, шедшихъ съ нимъ рядомъ.

Вотъ почему, въ свое время, о немъ говорили такъ, что онъ прежде всѣхъ понялъ волю Государя.

То-же самое слѣдуетъ сказать и о графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ.

По мнѣнію Соловьева, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освобожденія крестьянъ, а между тѣмъ событія показали, что и онъ, въ званіи предсѣдателя редакціонной комисіи, со славою покончилъ это дѣло и тѣмъ довершилъ намѣренія Государя Императора.

Вообще Соловьевъ имѣлъ превратныя понятія о графѣ Панинѣ.

Графъ Панинъ, какъ извѣстно, отличался своею глубокомысленностію, многосторонними знаніями и не допускалъ развитія законодательства иначе, какъ путемъ строгой исторической послѣдовательности.

При томъ графъ Панинъ зналъ, что С. С. Ланской, при многихъ отличныхъ своихъ качествахъ, былъ слабъ и иногда слѣпо подчинялся своимъ подчиненнымъ.

Подобное подчиненіе для графа Панина было немислимо. Повторяю, что мнѣ положительно было извѣстно, что графъ Панинъ зналъ, что Соловьевъ, по крестьянскому дѣлу, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ пропагандистомъ. Вотъ почему графъ Панинъ, при объясненіяхъ своихъ съ нимъ, Соловьевымъ, былъ суровъ и сдержанъ.

Что графъ Панинъ не былъ противникомъ освобожденія крестьянъ и относился къ возложенной на него обязанности, по званію предсѣдателя редакціонной комисіи, въ высшей степени добросовѣстно, скажу, что, со времени назначенія его въ сіе званіе, онъ неустанно занимался симъ дѣломъ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Многіе чиновники министерства юстиціи, избранные имъ для сего дѣла, неуклонно посвящали все свое время для исполненія его многообразныхъ порученій, клонившихся къ успенію онаго по разнымъ предметамъ.

Къ сему добавить нужно, что графъ Панинъ, при своей усидчивости и отличныхъ способностяхъ къ изученію всякаго рода дѣлъ, могъ подчиняться постороннему вліянію только по зрѣломъ разсмо-

трѣнн дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Это онъ доказалъ, управля министерствомъ юстиціи въ теченіи 20 лѣтъ, разбирая дѣла лично, часто многосложныя, поступавшія изъ общаго собранія сената и производившіяся въ государственномъ совѣтѣ.

Дѣло крестьянское, какъ сказано выше сего, въ своемъ началѣ, было темное, во всякомъ случаѣ новое, выходящее изъ круга науки, не обставленное осязательными данными, а потому немудрено, что графъ Панинъ отнесся къ сему дѣлу вначалѣ сдержанно и съ явномъ и исполнѣ основательною осторожностію.

Между тѣмъ самъ Соловьевъ въ дѣлахъ былъ ретивъ, иногда рѣзокъ, а подь-часъ и крикливъ.

Шереховатость эта ни мало не умаляетъ его достоинствъ какъ дѣятеля.

Кто работаетъ съ страстію какъ Соловьевъ, тотъ не можетъ весь подчиняться условіямъ и приличіямъ свѣтской жизни.

Помню, когда въ первый разъ, кажется въ 1858 году, я пришелъ къ Соловьеву и объявилъ ему, что командированъ отъ министерства юстиціи для занятій, по составленію свода замѣчаній губернаторовъ объ уѣздномъ и губернскомъ управленіи по крестьянскому дѣлу, — Соловьевъ весьма крикливо спросилъ меня — какого мнѣнія я буду держаться и какую инструкцію я получилъ отъ графа Панина.

На это я отвѣчалъ, что, не разсмотрѣвши дѣла, впередъ никакого мнѣнія имѣть не могу, что же касается до инструкціи, то графъ Панинъ, по обыкновенію своему, никогда и никого преждевременно не стѣсняетъ своими мнѣніями. Впрочемъ, сказалъ я, графъ Панинъ просилъ меня знакомить его, время отъ времени, съ ходомъ дѣла по комисіи, а когда будутъ печататься какія либо записки, то не оставить снабжать его оными.

Вотъ и все! Соловьевъ успокоился, но какъ будто не довѣрялъ моимъ словамъ.

Впрочемъ, установившіяся наши отношенія впоследствии сдѣлались дружескими и таковыми остались до конца его жизни.

Я работалъ въ комисіи, знакомилъ графа Панина съ занятіями въ оной, представлялъ ему записки, которыя въ ней печатались, и вовсе не справлялся о томъ впередъ — какъ посмотреть на нихъ графъ Панинъ.

Повторяю къ чести его, что онъ никогда не стѣснялъ министерскихъ своихъ производителей преждевременными своими заявленіями, но терпѣливо выжидалъ со стороны ихъ доклада и сообщеній; резолюціи его на доклады выражали всегда внимательное разсмотрѣніе ихъ дѣла. Истину моихъ словъ подтвердятъ еще многіе живущіе нынѣ,

бывшіе его подчиненными и занимающіе теперь высшія государственныя должности.

О графѣ Панинѣ можно написать цѣлыя томы анекдотовъ, болѣе или менѣе свидѣтельствующихъ о его странностяхъ и причудахъ.

Анекдоты сіи, спустя болѣ 30 лѣтъ, еще и теперь рассказываются не безъ смѣха. Кстати расскажу одинъ изъ нихъ, относящійся ко времени крестьянскаго дѣла и свидѣтельствующій о своеобразномъ его искусствѣ и способѣ устранять разногласія.

Нѣкто генераль Красновъ прибылъ въ С.-Петербургъ, въ качествѣ депутата отъ дворянства одной изъ южныхъ губерній, для заявленія своего мнѣнія въ редакціонной комисіи. Предсѣдателемъ сей комисіи былъ тогда графъ Панинъ.

По прибытіи Краснова въ комисію, графъ Панинъ, указывая ему на многочисленность членовъ этой комисіи, затѣмъ привѣтствовалъ его добрымъ словомъ и предварилъ, что всѣ прочіе депутаты другихъ губерній уже одобрили труды комисіи и что теперь ему только остается сказать свое слово.

Красновъ, казакъ по происхожденію, зная по опыту, что одинъ въ полѣ не воинъ, и видя, что всѣ на него устремили свои взоры, съ цѣлію можетъ быть возражать ему, поспѣшно высказалъ, что и онъ тоже согласенъ.

«Прекрасно, прекрасно, заревѣлъ графъ Панинъ, благодарю васъ и поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы можете немедля возвратиться домой, не утруждая себя болѣе заботами въ трудахъ редакціонной комисіи».

Затѣмъ графъ любезно всталъ, разцѣловалъ Краснова нѣсколько разъ на обѣ щеки, съ пожеланіемъ ему добраго и счастливаго пути. Красновъ удалился.

Но на другой день не успѣлъ Красновъ еще проснуться, какъ къ нему явился курьеръ изъ министерства юстиціи съ приглашеніемъ немедленно пожаловать къ графу Виктору Никитичу.

Красновъ поспѣшно явился къ графу, ожидая услышать отъ него что либо особенное.

Но графъ, встрѣтивъ любезно Краснова, сказалъ ему то-же самое, что и прежде говорилъ: «какъ я радъ, генераль, что еще разъ могу съ вами проститься, поѣзжайте, поѣзжайте домой, не медлите, не стѣсняйтесь».

При этомъ графъ снова началъ его обнимать и снабжать громкими поцѣлуями.

Красновъ конфузился, благодарилъ и удалился, приписывая дѣйствія графа Панина его чрезвычайной къ нему любезности.

На третій день повторилась та-же самая исторія.

Курьеръ снова прибылъ къ Краснову съ заявленіемъ пожаловать къ графу.

Долго думалъ Красновъ,—идти или не идти? Пошоль, и чтоже? Графъ опять началъ высказывать свою радость по поводу того, что онъ можетъ съ нимъ еще и еще разъ проститься и разцѣловать его. Красновъ тогда только догадался, что ему нужно поскорѣе выбраться изъ Петербурга, а то, пожалуй, какъ онъ выразился,—графъ засосетъ его своими поцѣлуями.

Были ли удостоены прочіе депутаты дворянства другихъ губерній подобными ласками и проводами отъ графа Панина—не знаю,—исторія умалчивается!...

Тѣ, кои близко знали графа Панина, говорили, что это не просто онъ такъ сдѣлалъ; вѣроятно, онъ подозрѣвалъ, что Красновъ привезъ въ Петербургъ отъ своихъ дворянъ много замѣчаній на проектъ крестьянскаго положенія редакціонной комисіи. Впрочемъ, это только одно предположеніе. И такъ, убѣдимся въ томъ, что оказалось на самомъ дѣлѣ, что графъ Панинъ не былъ противникомъ крестьянскаго дѣла, что если онъ сначала указывалъ на важность сего дѣла, и то, что оно нужно вести съ крайнею осмотрительностію, то это только свидѣтельствомъ о его своеобразной мудрости.

Вообще не слѣдуетъ забывать, что по смерти Я. И. Ростовцева, графъ Панинъ былъ избранъ Государемъ Императоромъ председателемъ редакціонной комисіи, какое званіе онъ принялъ съ сознаниемъ и убѣжденіемъ всей важности возлагаемаго на него порученія, какое и исполнилъ.

II.

Я. А. Соловьевъ съ восторгомъ отзываясь о бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскомъ, ставитъ его во главѣ прогрессивнаго движенія, приписываетъ ему вначалѣ весь успѣхъ крестьянскаго дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ его добродушнымъ, въ смыслѣ слабости и безпечности, въ смыслѣ достиженія предположенныхъ цѣлей («Рус. Стар.» 1880, 1881 и 1883 за февраль мѣсяць, стр. 233, 282 и 320). Дѣйствительно, С. С. Ланской въ свое время слытъ за добродушнѣйшаго человѣка, но крайне не былъ твердъ при словесныхъ преніяхъ и рѣдко поддерживалъ свои представленія. Притомъ онъ замѣчательно склоненъ былъ къ смѣху. Хототалъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ: проводилъ ли онъ какое-либо дѣло или проигрывалъ его,—Ланской хототалъ одинаково и хототалъ до стран-

ности. И это всё знали, хотя и отдавали ему дань уваженія за его добросердечіе и благородство.

Своею уступчивостію при словесныхъ преніяхъ, въ комитетахъ и комиссіяхъ, бывшихъ по крестьянскому дѣлу, онъ приводилъ иногда въ отчаяніе Н. А. Милютина.

Помню такой случай: въ комиссіи, въ которой я участвовалъ, вмѣстѣ съ Милютинымъ и Соловьевымъ, состоялось такое предположеніе, чтобы проэктъ о мировыхъ посредникахъ былъ утвержденъ и введенъ прежде, нежели будетъ опубликовано и введено общее крестьянское положеніе. Предположеніе это было мотивировано весьма важными соображеніями, а главное тѣмъ, чтобы сіи лица, утвержденныя на мѣстѣ до крестьянскаго положенія, были, въ нѣкоторомъ родѣ, воспріемниками отъ святаго крещенія, т. е. приняли бы на свои руки новорожденное дитя свободы, и затѣмъ воспитывали бы его въ правилахъ крестьянскаго положенія. Всѣ сіи выраженія суть слова самого Н. А. Милютина. По поводу сего комиссія вошла съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а сіе послѣднее— не замедлило предположеніе это внести въ главный комитетъ.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія сего представленія. По приѣздѣ Ланскаго изъ комитета, Милютинъ встрѣтилъ его вопросомъ о томъ—прошло ли представленіе по изясненному предмету или нѣтъ? Но Ланской со смѣхомъ отвѣчалъ: «не уважили». «Но вы, по крайней мѣрѣ, остались при своемъ мнѣніи?» возразилъ Милютинъ. «Какой, отвѣчалъ Ланской со смѣхомъ, отступился и подписалъ».

Если бы посредники введены были въ дѣйствіе до опубликованія общаго крестьянскаго положенія, то многихъ замѣшательствъ, обнаружившихся вслѣдъ за сѣмъ, не было бы въ губерніяхъ.

При одновременномъ же введеніи крестьянскаго положенія, оно было ново и темно для многихъ.

Случаи слабости Ланскаго были не рѣдки, а потому министерство внутреннихъ дѣлъ едва ли играло подобающую роль сначала и до конца въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Вотъ почему государь императоръ искалъ себѣ пособника въ этомъ дѣлѣ, помимо Ланскаго, и нашелъ его въ Я. И. Ростовцевѣ.

Впослѣдствіи же времени министерство внутреннихъ дѣлъ нашло себѣ покровительство и благотворное участіе въ особѣ великой княгини Елены Павловны, которая въ особености была благосклонна къ Н. А. Милютину. Въ ящее подтвержденіе сего приведу слѣдующій фактъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ видно и изъ Записокъ Соловьева, постоянно отвергало мысль объ учрежденіи временныхъ ге-

нераль-губернаторствъ, но, уступая непреклонной волѣ государя, поручило написать инструкцію для сихъ лицъ В. А. Арцимовичу, бывшему тогда калужскимъ губернаторомъ и находившемуся, вмѣстѣ со мною, въ составѣ коммисіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу. Писалъ ли онъ сію инструкцію или нѣтъ и въ чемъ она состояла—мнѣ неизвѣстно. Но вотъ что мнѣ вѣдомо, потому что я былъ участвующимъ лицомъ въ составленіи той инструкціи.

Въ главномъ комитетѣ, по указанію государя императора, составлены были соображенія о необходимости учрежденія временныхъ генераль-губернаторовъ и начертаны начала для дѣйствій сихъ лицъ, разумѣется въ общихъ чертахъ.

Начала сія сообщены были въ три министерства: военное, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ тѣмъ чтобы министерства сіи, въ возможно скоромъ времени, начертали бы подробныя правила для дѣйствія сихъ лицъ...

Само собою разумѣется, что бумаги сіи въ три министерства были одинаковаго содержанія, но, какъ водится, за разными нумерами. Вотъ въ одинъ изъ вечеровъ майскаго или іюнскаго дня, кажется 1859 года, директоръ департамента министерства юстиціи, М. И. Топильскій, съ нѣсколькими писцами и курьеромъ, прибылъ ко мнѣ въ квартиру на Васильевскомъ острову и, передавая мнѣ упомянутую бумагу главнаго комитета, объявилъ приказаніе г. министра юстиціи, гр. В. Н. Панина. Приказаніе состояло въ слѣдующемъ: чтобы я, въ тотъ же вечеръ и ночь, непременно составилъ бы инструкцію для временныхъ генераль-губернаторовъ. Далѣе Топильскій объявилъ мнѣ, чтобы инструкція была переписана на-бѣло и представлена къ г-ру графу Виктору Никитичу, а затѣмъ къ часу слѣдующаго дня она имѣетъ быть представлена, чрезъ государственнаго секретаря, В. П. Буткова, государю императору. При этомъ Топильскій добавилъ, что учрежденіе генераль-губернаторовъ составляетъ государственную тайну и что по этой причинѣ я, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ разглашать объ этой работѣ.

Само собою разумѣется, что, выслушавъ Топильскаго и обозрѣвъ наскоро ту бумагу, я началъ разъяснять ему трудность и невозможность въ назначенное короткое время составить столь важную инструкцію. Но всѣ мои убѣжденія были напрасны.

Велѣно писать и я съ напряженнымъ вниманіемъ и не безъ горечи на душѣ началъ писать эту инструкцію.

Въ то время я былъ въ министерствѣ юстиціи старшимъ юрисконсультомъ по консультаціи и пользовался большимъ вниманіемъ графа Виктора Никитича Панина.

Нужно сказать, что почти со дня вступленія на престолъ государя императора Александра Николаевича въ министерство юстиціи начали поступать разные законодательные проэкты по разнымъ частямъ.

Разсмотрѣніе и написаніе сихъ проэктовъ въ большинствѣ случаевъ было поручаемо мнѣ, что я и дѣлалъ весьма старательно, быстро и къ крайнему удовольствію своего начальства. Однимъ словомъ въ то время, къ коему относится описываемое происшествіе, я считался опытнымъ дѣльцемъ и приближеннымъ лицомъ къ высшей власти. Но обратимся къ описываемому случаю.

Означенная инструкція была написана въ одну ночь, переписана и представлена по начальству.

По сей инструкціи временнымъ генераль-губернаторамъ предоставлялась власть военная, административная и судебная; однимъ словомъ—это было что-то въ родѣ прежнихъ воеводъ.

Топильскій, прочитавъ мою работу, остался ею крайне довольнымъ и бросился меня цѣловать. Лобызаніе это было всякій разъ, когда представляемая отъ меня работа была болѣе или менѣе важная. Послѣ того я узналъ, что написанная мною инструкція была дѣйствительно представлена въ предположенный день Государю Императору и имъ утверждена безъ всякихъ измѣненій.

Всякій другой чиновникъ, при тѣхъ заявленіяхъ удовольствія, кои сыпались на мою главу, со стороны начальства, возвеличился бы, но я скорбѣлъ, чувствуя, что моя работа была въ разрѣзъ моимъ убѣжденіямъ, такъ какъ въ лицѣ предположенныхъ временныхъ генераль-губернаторовъ соединялись власти военная, административная и судебная.

Почти въ день утвержденія этой инструкціи, С. С. Ланской прислалъ въ Министерство Юстиціи довѣренное лицо—узнать въ какомъ положеніи находится дѣло по составленію оной.

Я не могъ скрыть того, что рассказано выше сего.

Слышалъ я еще, что графъ Викторъ Никитичъ и В. П. Бутковъ, по случаю проведенія сей инструкціи, торжествовали.

Впослѣдствіи я узналъ, что С. С. Ланской, послѣ сдѣланныхъ ему сообщеній, обратился къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, послѣдствіемъ чего было то, что одобренная и утвержденная уже Государемъ Императоромъ инструкція послана была за границу къ Я. И. Ростовцеву.

Между тѣмъ недѣли чрезъ три послѣ сего вотъ что случилось:

Въ одинъ прекрасный день я былъ позванъ къ Топильскому, который встрѣтилъ меня съ суровымъ взглядомъ и сказалъ мнѣ, что

сокрытый вопросъ объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ, съ текстомъ самой бумаги главнаго комитета, напечатанъ былъ дословно въ издаваемомъ Герценомъ за границею журналѣ «Колоколъ»; что такой оглаской государь императоръ крайне недоволенъ, причисляя подобныя дѣйствія къ государственной измѣнѣ, посему государь заявилъ, чтобы дозвано было, кто именно виновенъ въ этомъ, съ тѣмъ чтобы подвергнуть виновнаго взысканію.

Вслѣдствіе сего начались розыски по министерствамъ: военному, внутреннимъ дѣламъ и юстиціи, о виновномъ. Вотъ въ виду этого Топильскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что я могу представить въ свое оправданіе? Такому допросу я былъ подвергнутъ нѣсколько разъ, а между тѣмъ случай спасъ меня отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

Въ военномъ министерствѣ при чтеніи «Колокола», въ коемъ отпечатаны были главныя положенія объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ, замѣченъ былъ № той бумаги, какая адресована была именно въ военное министерство, а не въ другія. Ясно, что Герценъ почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ той бумаги, которая адресована была въ военное министерство.

И дѣйствительно открылось, что извѣстный въ свое время князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, доставъ чрезъ какого-то писаря военнаго министерства копію съ той бумаги, сообщилъ оную Герцену: сколько мнѣ извѣстно, князь Голицынъ за эту непопозволительную предѣлку былъ сосланъ въ одинъ изъ губернскихъ или уѣздныхъ городовъ сѣверной Россіи.

Во всякомъ случаѣ не статья Герцена, а весьма основательныя замѣчанія министерства внутреннимъ дѣламъ очень хорошо написанныя В. А. Арцимовичемъ, были причиною, что мысль объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ пала окончательно. Впрочемъ въ замѣняли отчасти лица, кои были командированы по личному усмотрѣнію государя, въ губерніи, вслѣдъ за объявленіемъ манифеста 19 февраля 1861 года. Такъ, при написаніи крестьянскаго положенія одни предположенія замѣнялись другими и все какъ будто было шатко, измѣнчиво и неопредѣленно. Чтобы доказать, что и лучшіе люди того времени, когда писалось это положеніе, не имѣли окончательнаго опредѣленнаго взгляда, какъ слѣдуетъ свершить это великое дѣло, я расскажу еще слѣдующее:

Н. А. Милютинъ безспорно весь преданъ былъ душею и тѣломъ дѣлу освобожденія крестьянъ, но и онъ не сразу прозрѣлъ что и какъ по этому предмету нужно сдѣлать.

Однажды я засталъ его усидчиво занимавшимся работою редакціонной комисіи, надъ таблицей о разсчетѣ по размѣру надѣла съ числомъ рабочихъ дней.

Увидя это, я ему невольно сказалъ: «неужели вы думаете, что по этому рецепту, писанному въ Петербургѣ, не смотря на его математическую точность, будутъ отбываться работы издѣльной повинности въ Россіи? Работа работѣ рознь,—день на день не похожъ, да и земля, что ни полоса, то особая статья».

«Что же по вашему дѣлать нужно», спросилъ меня Н. А. Милютинъ.

«Я думаю, что безъ выкупа немисливо освобожденіе крестьянъ съ землею».

Мысль эту, т. е. выкупа, Н. А. Милютинъ сначала, какъ я твердо помню, положительно отрицалъ.

А между тѣмъ въ Запискахъ Я. А. Соловьева («Русск. Старина» 1882 г., мѣсяцъ январь, стр. 247) сказано, что Н. А. Милютинъ, разумѣется впослѣдствіи, пришелъ къ убѣжденію, что выкупъ, въ видѣ государственной операціи, представляется совершенно возможнымъ и что по сему предмету онъ собиралъ нужныя свѣдѣнія.

Тотъ же Милютинъ, открывая въ 1858 году комисіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, въ первомъ засѣданіи сказалъ навсегда памятные для меня слова:

— «Господа, мы приступаемъ къ дѣлу, въ которомъ я пока ничего не вѣдаю и ничего не смыслю. Но даю вамъ слово положить свою душу на это дѣло».

И, дѣйствительно, положилъ. Какъ объяснить эту перемѣну? Неужели такъ, что сначала онъ принадлежалъ къ одной партіи, а потомъ къ другой? Разумѣется нѣтъ! По моему, всякій дѣлецъ, но только не самонадѣянный и не самообольщающійся, приступая къ работѣ, не сознаетъ вполнѣ, къ какому выводу онъ придетъ. Только усидчивая работа и при возраженіяхъ другихъ о томъ же предметѣ получается окончательное и вѣрное убѣжденіе и точный выводъ.

То-же самое совершилось и съ Милютинымъ и со многими другими лицами, о коихъ упоминается въ Запискахъ Соловьева, за исключеніемъ, можетъ быть, весьма немногихъ лицъ.

Описываемыя въ Запискахъ Соловьева мнѣнія въ губерніяхъ большинства или меньшинства дворянъ по разнымъ предметамъ вовсе неважно. Мнѣнія сіи были потоліку важны, поколику они согласовались съ мнѣніями работавшихъ въ редакціонной и другихъ комисіяхъ. Главное было то, что дворянство повсемѣстно и единогласно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей.

Въ этомъ заслуга дворянства, а потому вѣчная ему слава!

По отношенію прочихъ частей Записокъ Я. А. Соловьева не могу не сказать того, что въ нихъ нѣтъ строгаго хронологическаго порядка, а потому, читая ихъ, трудно усвоить себѣ описываемыя имъ дѣйствія

мѣсть и лицъ. Вообще описанія трудовъ комисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ далеко не полны. Въ работахъ по этой комисіи Я. А. Соловьевъ выставляетъ себя главнымъ дѣятелемъ, около котораго будто бы все вращалось и дѣлалось по его указаніямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ дѣятельность его, особенно въ первое время, далеко не обхватывала всего того, что писалось и работалось въ этой комисіи. Самому Соловьеву принадлежитъ разработка вопроса о соединеніи городской и уѣздной полиціи и вообще надзоръ за перепискою и печатаніемъ всѣхъ записокъ въ комисіи. Трудъ, правда, далеко не маловажный.

Сводъ же отзывовъ начальниковъ губерній и выводы изъ нихъ по вопросу объ учрежденіи мировыхъ судей (посредниковъ) написанъ нѣ пишущимъ сіи строки, безъ всякаго участія кого бы то ни было. Равнымъ образомъ, написано и напечатано было мною историческое обозрѣніе судебно-полицейскаго разбирательства въ Россіи.

Далѣе Н. И. Стояновскій написалъ наказъ судебнымъ слѣдователямъ и вообще разработалъ вопросъ объ отдѣленіи отъ полиціи слѣдственной части.

С. И. Зарудный написалъ записку о способахъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, по вопросамъ, касающимся комисіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ.

Сенаторъ К. Г. Рѣпинскій много потрудился надъ составленіемъ проекта о мировыхъ посредникахъ, К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ весьма много содѣйствовали трудами своими вообще по исполненію обязанностей, возложенныхъ на эту комисію.

Самъ Н. А. Милютинъ, въ качествѣ предсѣдателя, неуспѣшно трудился и вообще много способствовалъ къ тому, чтобы занятія нашей комисіи шли въ параллель съ работами редакціонной комисіи, такъ какъ многіе предметы были общіе. Посему думаю, что Записки Я. А. Соловьева, при многихъ своихъ достоинствахъ, оказываются далеко не полными и требующими нѣкоторой провѣрки... Немудрено,—Записки сіи писаны спустя много лѣтъ послѣ того, какъ совершились самыя событія. Во всякомъ случаѣ, честь и хвала тебѣ, доблестный и ретивѣйшій дѣятель знаменитой эпохи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости! Память о тебѣ будетъ незабвенна.

Николай Колмаковъ.

Село Ярославичи,
іюнь 1885 года.

ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ ВЪ ИСТОРИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ РОССИИ

1862—1867.

I.

Въ 1882 году въ одномъ изъ юридическихъ обществъ былъ доложенъ рефератъ по поводу 20-ти лѣтняго юбилея «Основныхъ положеній» судебной реформы, въ 1884 году свершилось двадцатилѣтіе со времени высочайшаго утвержденія уставовъ 24-го ноября 1864 года.

Юбилей судебной реформы есть прежде всего юбилей русскаго юридическаго самосознанія и русской юридической печати. Въ то самое благодатное время, о которомъ доселѣ одни вспоминаютъ съ чувствомъ горечи, а другіе съ чувствомъ умиленія и благодарности, время, когда образовалась первая прочная завязь будущей судебной реформы, открылилась русская юридическая мысль и слово.

Въ сентябрѣ 1862 года были Высочайше утверждены «Основныя Положенія» преобразованія судебной части, давшія первый серьезный толчекъ русской юридической литературѣ.

Для кого и для чего были дотолѣ нужны труды русскихъ юристовъ? Въ тайникахъ подлежащихъ канцелярій получали начало и совершали свое законодательное теченіе предначертанія законовъ и не раньше дѣлались они извѣстными юристамъ, какъ по полученіи «юридическаго знаменія», т. е. по утвержденіи и опубликованіи. Дѣвственная чистота правительственныхъ законопроектовъ тщательно охранялась отъ нечистоплотнаго прикосновенія стороннихъ людей. Средствомъ для этого служила та непроницаемая канцелярская тайна, которая не менѣе надежна, чѣмъ сказочные семь замковъ.

Въ 1862 году совершилось знаменательное событіе, составляющее эпоху въ исторіи русской мысли и печати. Помянутыя выше «Основ-

ныя Положенія» были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе съ цѣлью вызвать замѣчанія со стороны лицъ, интересующихся судебнымъ дѣломъ. Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей проекты Судебныхъ Уставовъ, статсъ-секретарь В. П. Бутковъ, принялъ еще особыя мѣры для привлеченія юридическихъ силъ къ предстоящей важной работѣ. Онъ обратился съ специальными приглашеніями къ профессорамъ юридическихъ факультетовъ, членамъ судебного вѣдомства и другимъ лицамъ, прося ихъ содѣйствія.

Намъ теперь черезъ 20 лѣтъ этотъ фактъ кажется незначительнымъ; но для правильнаго уразумѣнія фактовъ общественной жизни необходимо имѣть въ виду ихъ историческую обстановку, предшествовавшее имъ состояніе общества. Напомнимъ съ этою цѣлью любопытный фактъ, имѣвшій мѣсто всего лѣтъ за десять до времени, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ 1850-хъ годахъ Н. И. Стояновскій, впоследствии одинъ изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, представилъ въ цензуру свое «Практическое руководство» по судопроизводству, отличавшееся отъ немногочисленныхъ юридическихъ изданій того времени тѣмъ, что, кромѣ выписки изъ законовъ, оно заключало и собственные мысли автора. Цензура запретила книгу по основаніямъ, которыя почти буквально воспроизводило извѣстное сужденіе калифа Омара, высказанное предъ сожженіемъ Александрійской библиотеки. Цензоръ рассуждаетъ такъ: все, что нужно знать о законахъ, оно заключается въ книгахъ закона, а чего въ нихъ нѣтъ, то лишнее. Коротко и ясно. Мнѣніе это особенно любопытно въ томъ отношеніи, что выражаетъ собою резюме господствовавшихъ въ то время въ официальныхъ сферахъ воззрѣній на роль печати вообще, а юридической въ частности.

Мудрено ли, что мѣропріятіе Буткова произвело громадное впечатлѣніе. На приглашеніе его отозвалось 448 человекъ. Цифра колоссальная даже и не для того времени. Представленные ими замѣчанія на Основныя Положенія, составившія 6 томовъ in folio, какъ и слѣдовало ожидать, не всѣ одинаковаго достоинства, что объясняется невысокимъ уровнемъ тогдашней юридической науки. Да въ данномъ случаѣ не это и важно. Важно то, что былъ данъ толчекъ юристамъ для пробужденія отъ вѣкового сна, навѣяннаго мертвящею средою. Въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе неблагоприятныя условія, въ которыя была поставлена русская юриспруденція, нужно удивляться не тому, что не всѣ сдѣланныя юристами замѣчанія отличаются большими достоинствами, а скорѣе тому, что не въ конецъ былъ у нихъ атрофированъ мыслительный аппаратъ.

Какъ только явился запросъ на юридическія познанія, тотчасъ

явились и предложенія. Для лучшей организаціи своихъ работъ юристы стали собираться въ группы. Такихъ группъ было нѣсколько въ Петербургѣ, но всѣ онѣ имѣли частный характеръ. Въ Москвѣ же, по инициативѣ профессора Лешкова, было положено уже въ 1863 году начало правильно организованному и официально утвержденному юридическому обществу при Московскомъ университетѣ. Явились предположенія объ изданіи юридическихъ газетъ и журналовъ, осуществившіяся впоследствии. Назовемъ для примѣра: Юридическую Газету, Юридическій Вѣстникъ, Судебный Вѣстникъ, Гла- сный Судъ.

Оживились и юридическіе факультеты и стали привлекать массу слушателей. Даже такіе отсталые юристы, какъ С. И. Баршевъ, и тѣ, подчиняясь повелительно сказавшемуся духу времени, стали выражать сочувствіе новымъ потребностямъ и взглядамъ. Въмѣсто раздававшася съ кафедры дикрамба въ честь плети и кнута, подкрѣпленнаго приличными цитатами изъ Ветхаго Завѣта, и г. Баршевъ сталъ отвергать тѣлесное наказаніе.

Я не хочу сказать, что всѣ эти явленія обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно опубликованію Основныхъ началъ судебной реформы. Безъ сомнѣнія, и всѣ эти явленія, и сама судебная реформа были бы немислимы безъ того либеральнаго движенія къ обновленію всего нашего строя жизни, которымъ ознаменовалось начало 1860-хъ годовъ, но всетаки ближайшею причиною описанныхъ явленій было гласное обсужденіе судебной реформы.

II.

Еще глубже, еще сильнѣе было общее значеніе судебной реформы для русскаго общества и русскаго народа.

Печать 1860-хъ гг. хорошо поняла и вѣрно оцѣнила эту сторону ея. Лучшимъ образчикомъ могутъ служить «Московскія Вѣдомости». Вотъ нѣсколько извлеченій изъ краснорѣчивыхъ статей этой газеты:

Общее значеніе судебной реформы.

«Немногое изъ того, что совершилось прежде, и не многое изъ того, что намъ обѣщаетъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности и значенію съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство и его впервые получаетъ теперь Россія. Народная жизнь, гдѣ стѣхія права не имѣетъ надлежащаго развитія, не способна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и бесилія; все, чѣмъ только дожить человѣческое общество, предпо-

лагаеть прежде всего идею законности и обеспечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Но законность и право становится дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правый судъ и гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная. И вотъ такой-то судъ является у насъ теперь впервые, а съ нимъ впервые водворится въ нашей политической жизни начало законности и права.....

«Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было намъ дожить, вотъ что предоставляется живущему нынѣ поколѣнію утвердить и ввести въ силу. Только съ точки зрѣнія этого новаго преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положить явственную грань между прошлымъ и грядущимъ и которое не замедлитъ отозваться во всемъ. Дѣйствіе его не ограничится сферою собственно судебныхъ установленій; какъ стихія, она разольется повсюду и всему дастъ новый видъ, новую силу, новое значеніе... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою. Судъ независимый и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало-по-малу сообщится и всѣмъ проявленіямъ общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законною свободою и обеспеченіемъ права, будетъ уже не словомъ, а дѣломъ!» («Московскія Вѣдомости» 1865 г., № 86).

Оставляя въ сторонѣ техническія усовершенствованія, введенныя уставами 20 ноября, остальные нововведенія можно свести къ тремъ пунктамъ: установленіе независимой магистратуры, введеніе суда присяжныхъ и гласности. Значеніе всѣхъ этихъ важныхъ нововведеній прекрасно разъяснено тогда же въ печати:

Независимость суда.

Независимость суда отъ администраціи есть самое существенное условіе правильнаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы оно ни было обставлено и въ какія бы формы ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько къ судейскому званію. Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы ни было отношеніи унизить его предъ административными властями, было бы покушеніемъ противъ сущности этого великаго преобразованія, было бы ненавистною попыткою парализовать его силу.

(Это писалось по поводу слуховъ объ обязаніи предсѣдателей судовъ являться въ губернаторамъ по ихъ приглашенію, слуховъ впоследствии оправдавшихся).—(„М. Вѣд.“ 1866 г., № 156).

Когда появились толки объ ограниченіи въ судахъ начала публичности, та же газета въ слѣдующихъ выраженіяхъ защищала это великое начало:

«Правда ли, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участию въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствию его госуда; ственной пользѣ. начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гнѣенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть?» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 198).

Главныя достоинства суда присяжныхъ печать видѣла въ томъ, что «судъ при участіи присяжныхъ есть живая общественная сила», а также въ томъ, что онъ «составляетъ лучшую гарантію гражданской свободы». (1866 г., № 86, 1867 г., № 69).

Нельзя не согласиться, что означенныя выписки составляютъ самую убѣдительную апологію судебной реформы.

III.

«Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи, т. е. съ судебною реформою. (Моск. Вѣд. 1867 г., № 69).

Нельзя сказать, чтобы это обѣщаніе, данное именемъ исторіи, было въ точности выполнено русскою литературою. Она до сихъ поръ въ большомъ и можетъ быть неоплатномъ долгу предъ дѣятелями, подготовившими и осуществившими судебную реформу. Не беря на себя непосильной задачи очистить этотъ долгъ, позволимъ себѣ напомнить объ именахъ наиболѣе крупныхъ дѣателей по составленію судебныхъ уставовъ ¹⁾.

Еще въ прошломъ столѣтіи были сдѣланы попытки организовать судъ на правильныхъ основаніяхъ, но всѣ онѣ ни къ чему не привели. По выраженію официальной записки это былъ «трудъ тяжкій по безконечности, но увлекательный по своимъ благимъ послѣдствіямъ».

Въ 1850 годахъ были составлены и даже внесены въ государ-

¹⁾ Къ сожалѣнію, по недостатку имѣющихся матеріаловъ, пропуски неизбежны; а потому убѣдительно просимъ дополнить настоящія замѣтки надлежащими указаніями.

отвенный совѣтъ проекты уставовъ гражданскаго и уголовного судопроизводства и судоустройства, но они, внося нѣкоторые улучшения, носили паллиативный характеръ. Ни о несмѣняемости судей, ни тѣмъ паче о судѣ присяжныхъ и рѣчи не было.

И безъ того достаточно славный 1861 годъ и для судебной реформы составляетъ эпоху. Въ этотъ годъ радикальнѣйшимъ образомъ измѣнилось и направленіе, и ходъ подготовительныхъ работъ по судебной реформѣ. Починъ этого событія громадной важности исходилъ отъ тогдашняго государственнаго секретаря, статсъ-секретаря Владимира Петровича Буткова, и его либеральнаго кружка, въ составъ котораго входили уже умершіе С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, П. А. Зубовъ, С. И. Зарудный, Н. Т. Погуляевъ и др.

Дѣло происходило такъ.

Въ октябрѣ 1861 года покойный государь Александръ II вернулся изъ Крыма. В. П. Бутковъ представилъ записку о состояніи работъ по судебной реформѣ; а также съ свойственнымъ ему искусствомъ доложилъ устно о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ государственнымъ совѣтомъ при разсмотрѣніи, составленныхъ прежде, безъ опредѣленнаго плана и несогласованныхъ между собою, проектовъ судопроизводства и судоустройства. Государь одобрилъ докладъ своего статсъ-секретаря. Съ этого времени начальникъ II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, графъ Д. Н. Блудовъ, завѣдывавшій дотолѣ работами по судебной реформѣ, отходитъ на второй планъ и руководящая роль переходитъ къ Буткову. Люди, искусные въ тонкостяхъ нашего дѣловаго этикета, замѣтили это сразу. Черезъ Буткова, государственнаго секретаря, объявлено было представшему въ государственномъ совѣтѣ повелѣніе государя о представленіи имъ, по соглашенію съ государственнымъ секретаремъ, (въ дѣйствительности дѣло происходило наоборотъ) доклада. Докладъ о положеніи судебной реформы былъ высочайше утвержденъ 23-го октября 1861 года и онъ-то намѣтилъ или, лучше сказать, очистилъ почву для проведенія судебной реформы на широкихъ гуманно-либеральныхъ основаніяхъ. Докладъ повелѣвалъ прежде составленія проектовъ судопроизводства и судоустройства, составить на основаніи прежнихъ проектовъ «главныя основныя начала» судебной реформы и дѣло это было поручено государственной канцеляріи подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Буткова. Чтобы не обидѣть старика графа Д. Н. Блудова, и для него было найдено ничего не значущее, но громкое по названію назначеніе, а именно: ему поручалось «высшее наблюденіе».

Съ 23 октября 1861 г. Бутковъ уже официально является двига-

телемъ и руководителемъ судебъ судебной реформы. Благодаря искусному подбору людей въ государственной канцеляріи, работа шла, какъ говорится, какъ по маслу.

Ближайшими сотрудниками Буткова были прикомандированные, по высочайшему повелѣнію, состоявшій при государственной канцеляріи Плавскій, оберъ-прокуроръ общаго собранія московскихъ департаментовъ сената Буцковскій и современные ветераны судебной реформы: предсѣдатель департамента государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій и сенаторъ С. И. Зарудный. Имена этого квадрумвирата вмѣстѣ съ именемъ Буткова займутъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго прогресса.

Другими помощниками Буткова были: оберъ-секретарь общаго собранія московскихъ департаментовъ сената, К. П. Побѣдоносцевъ, помощники статсъ-секретарей: П. Н. Даневскій и С. П. Шубинъ, московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій и экспедиторъ государственной канцеляріи А. П. Вилинбаховъ.

Матеріаль, имѣвшійся въ распоряженіи этихъ юристовъ, былъ слишкомъ недостаточенъ, чтобы на основаніи его можно было издать что нибудь дѣйствительно хорошее и грандіозное. Поработавши усердно, они менѣе чѣмъ въ три мѣсяца успѣли выбрать изъ старыхъ проектовъ все, что было въ нихъ путнаго. Но извлеченныя начала не удовлетворили ни составителей ихъ, ни передовую фракцію правительственныхъ сферъ.

Между тѣмъ въ 1862 году графа Блудова, по должности предсѣдателя соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго, смѣнилъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, котораго можно назвать вторымъ столпомъ судебной реформы. Онъ дѣйствовалъ объ руку съ Бутковымъ и помогъ ему вывести ее на широкую дорогу. Онъ представилъ докладъ, удостоившійся высочайшаго утвержденія, о необходимости предоставить болѣшій просторъ для составленія основныхъ положеній. Въ этихъ видахъ повелѣно было: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ (имена ихъ приведены выше) о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Магическая формула была произнесена! Запретъ, лежавшій на сокровищницѣ челоѳческаго духа, на европейской наукѣ, и связывавшій работниковъ, по судебной реформѣ, былъ снятъ. Не только разрѣшено, но предписано руководствоваться данными «европейской науки и опыта». Точно по мановенію волшебнаго жезла сразу

измѣнилась вся обстановка работы и работниковъ. На мѣсто безцѣльнаго пережевыванія гнилыхъ продуктовъ доморощенного канцелярскаго законо-искусства, явилось ознакомленіе съ великими твореніями европейской науки, изъ которой черпались данныя полными горстами. Для судебной реформы, а чрезъ нее и для Россіи, открылись новые горизонты и возможность устроить жизнь на европейскихъ началахъ. За это приобщеніе судебной реформы къ европейской наукѣ, въ чемъ по справедливому замѣчанію Лероа-Болье заключается весь секретъ успѣха судебной реформы, потомство не забудетъ имени князя П. П. Гагарина.

Къ сожалѣнію, точное указаніе на день этого знаменательнаго событія неизвѣстно. Изъ имѣющихся у насъ документовъ видно только, что оно имѣло мѣсто въ концѣ января 1862 года.

Воодушевленные новымъ плодотворнымъ направленіемъ дѣла названные выше юристы отдались ему съ удвоеннымъ рвеніемъ. Если кропатели разныхъ мертворожденныхъ проэктовъ считали свой трудъ «увлекательнымъ по благимъ послѣдствіямъ» (?), то какъ же было не увлекаться этимъ людямъ, которымъ выпалъ счастливый жребій заложить фундаментъ будущаго зданія новыхъ судовъ, устроенныхъ на европейскій ладъ? Скорая и спорая, и дружная работа увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Съ небольшимъ въ два мѣсяца составлены были Основныя Начала: 1) гражданскаго и 2) уголовного судопроизводства, 3) судоустройства, 4) объ особыхъ родахъ уголовного судопроизводства. 5) о переходныхъ мѣрахъ и 6) о штатахъ новыхъ судовъ. Обратите вниманіе: «въ два мѣсяца!».

Вновь выработанныя «Основныя начала» перенесли на русскую почву первые элементы цивилизованнаго общежитія. Достаточно сказать, что тутъ впервые высказывается мысль о полномъ отдѣленіи судебной власти отъ административной и законодательной (§ 1), о созданіи независимой магистратуры, о присяжныхъ засѣдателяхъ, о гласности и др. особенностяхъ, впервые введенныхъ «Судебными Уставами».

Основныя начала, покоившіяся на данныхъ европейской науки и опыта, были выработаны. Но если они и теперь встрѣчаютъ не мало противниковъ, то не трудно представить себѣ какъ относились къ нимъ 20 лѣтъ тому назадъ столпы нашего консерватизма. В. П. Буткову предстояла не легкая роль примирить съ новыми началами правительственныя сферы. Нужна была ловкость, мудрость и настойчивость, чтобы преобороть многоразличныя препятствія, которыя возникали по пути судебной реформы. Я не возьму на себя смѣлость утверждать, что Бутковъ обладалъ всѣми этими качествами, однако, непреклонной энергіи его и основательному знакомству его со всѣми

пружинами правительственного механизма мы обязаны тѣмъ, что реформа была доведена до конца. Этотъ, на видъ очень свѣтскій, человекъ, порхавшій отъ одного удовольствія къ другому съ беззаботностью мотылька, велъ «свою линію» неукоснительно, и гдѣ представлялся удобный случай, всегда успѣвалъ замолвить словечко въ пользу своихъ любимыхъ идей.

Возвращаемся къ изложенію хода судебной реформы.

Основные положенія были изготовлены юристами государственной канцеляріи.

Основные начала гражданского и уголовного судопроизводства были особо представлены Государю предсѣдательствовавшимъ въ Государственномъ Совѣтѣ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, имя котораго столь тѣсно соединено со многими славнѣйшими реформами императора Александра II, и вслѣдъ затѣмъ 9-го апрѣля 1862 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о безотлагательномъ внесеніи дѣла въ государственный совѣтъ.

Въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1862 года Основные Положенія были рассмотрѣны въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта и прошли тутъ благополучно. Въ департаментахъ въ это время присутствовали: кн. П. П. Гагаринъ (предсѣдатель) и члены: принцъ Ольденбургскій, графъ В. Н. Панинъ (въ качествѣ министра юстиціи), Кочубей, баронъ М. А. Корфъ, гр. Ѳ. П. Литке, Н. И. Бахтинъ, А. С. Норовъ, Гофманъ, И. М. Толстой, П. А. Мухановъ, Д. А. Милютинъ и Краббе. Всѣ предположенныя государственною канцеляріею основанія проходили солиднымъ большинствомъ. Графъ В. Н. Панинъ нерѣдко оставался при «единогласіи». Такъ, онъ не соглашался, чтобы гласность была распространена на сенатъ; предвосхищаль мысль объ установленіи кассационныхъ барьеровъ (залоговъ); требовалъ сословныхъ привилегій для дворянъ. Къ мнѣніямъ гр. Панина изрѣдка присоединялся и принцъ Ольденбургскій.

Вакантное время прервало ходъ работъ на одинъ мѣсяць. Съ возобновленіемъ сессіи государственнаго совѣта началось въ общемъ его собраніи обсужденіе «Основныхъ началъ». Совѣтъ посвятилъ этому дѣлу 3 засѣданія: 27-го августа, 3-го и 4-го сентября. Въ засѣданіяхъ присутствовали въ качествѣ предсѣдателя: кн. П. П. Гагаринъ и въ качествѣ членовъ: великій князь Николай Николаевичъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, графъ С. Г. Строгановъ, графъ В. Н. Панинъ, князь В. А. Долгоруковъ, К. В. Чевкинъ, князь А. М. Горчаковъ, Брокъ-Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій, графъ Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И.

Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А. М. Княжевичъ, князь А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головинъ, М. Х. Рейтернъ, П. А. Валувъ, Гернгрось, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый.

Въ памятный день 29-го сентября 1862 года въ Царскомъ селѣ послѣдовало высочайшее утвержденіе знаменитыхъ «Основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи», принятыхъ въ Россіи и за границей съ большимъ сочувствіемъ и, даже можно сказать, съ энтузіазмомъ.

Утвержденіе Основныхъ положеній было важною побѣдою либеральной партіи. Оно еще болѣе укрѣпляло положеніе В. П. Буткова и почти предрѣшало участь судебной реформы. Государь утвердилъ всѣ мнѣнія, принятія большинствомъ государственнаго совѣта; изъ мнѣній «панинской» партіи было принято имъ только одно: о представленіи на высочайшее утвержденіе приговоровъ о лишеніи дворянства чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія. Оставалось заняться изготовленіемъ окончательныхъ проектовъ.

IV.

Одновременно съ утвержденіемъ основныхъ началъ судебной реформы состоялось высочайшее повелѣніе, коимъ предписывалось образовать, уже прямо подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, особую комиссію для изготовленія проектовъ уставовъ уголовного и гражданского судопроизводства и судоустройства, на основаніи только что опубликованныхъ основныхъ положеній. Бутковъ тутъ обнаружилъ вполне свои организаторскія способности. Выше мы уже показали, съ какимъ искусствомъ и настойчивостью старался онъ вызвать обмѣнъ мыслей по поводу Основныхъ Положеній.

Работы въ самой комиссіи были организованы такъ, что обезпечивалась какъ зрѣлость, такъ и разносторонность обсуждения. Комиссія подраздѣлялась на три отдѣленія — судоустройства, гражданского и уголовного судопроизводства. Первоначальный проектъ составлялся редакторомъ, затѣмъ онъ обсуждался въ отдѣленіи и наконецъ въ общемъ собраніи комиссіи при участіи особо приглашенныхъ лицъ экспертовъ, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣченныя недоразумѣнія. Матерьяломъ, надъ которымъ работала комиссія, служили, помимо работъ прежнихъ комиссій, замѣчанія.

высказанныя 448-ю лицами на Основныя Положенія, иностранныя законодательства и теоретическія изслѣдованія.

Къ участию въ работахъ были привлечены лучшія юридическія силы. Вотъ персоналъ комиссіи.

Отдѣленіе судопроизводства, подъ предсѣдательствомъ состоящаго при государственной канцеляріи Плавскаго, состояло изъ слѣдующихъ членовъ: директора департамента министерства юстиціи барона Врангеля, старшаго чиновника II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи П. Даневскаго, помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта Я. Г. Есиповича, губернскихъ прокуроровъ Д. А. Ровинскаго и Принтца и секретаря при предсѣдателѣ департамента законовъ государственнаго совѣта Желтухина. Кромѣ того, въ качествѣ экспертовъ, приглашались Буцковскій, Поповъ, Н. И. Утинъ, Книримъ, управляющій дѣлами главнаго комитета для устройства сельскаго состоянія статсъ-секретарь Ѳ. М. Жуковский, помощникъ статсъ-секретаря К. И. Домонтовичъ, управляющій Земскимъ Отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. А. Соловьевъ и М. И. Зарудный, а въ общемъ собраніи комиссіи кромѣ означенныхъ лицъ участвовали: сенаторы М. Н. Любошинскій и Матюнинъ, предсѣдатель с.-петербургскаго коммерческаго суда Фришъ, оберъ-прокуроръ сената Эссенъ, вице-директоръ медицинскаго департамента Розовъ и присяжные стряпчие коммерческихъ судовъ петербургскаго Зефтигенъ и Лыжинъ, и московскаго Петровъ.

Въ гражданскомъ отдѣленіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, извѣстнаго юриста-писателя С. И. Заруднаго, членами были оберъ-прокуроръ сената К. П. Побѣдоносцевъ, членъ консультаціи министерства юстиціи Н. В. Калачевъ, чиновникъ II Отдѣленія А. Ѳ. Бычковъ, помощникъ статсъ-секретаря С. П. Шубинъ, предсѣдатель курской гражданской палаты Шечковъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты Гуринъ, экспедиторъ государственнаго совѣта А. П. Вилинбаховъ, а также Книримъ, Г. К. Рѣпинскій, кн. И. С. Волконскій, О. Квистъ и Баршевскій. Въ качествѣ экспертовъ приглашались Эссенъ, Тюринъ, Фришъ, Мотовиловъ, Ионинъ, фонъ-Дервизъ, Самарскій-Быховецъ, профессоръ Вицынъ, Крейтеръ, гр. Комаровскій, Шульцъ, Каннистъ, Безсоновъ и Мадьяновъ. Въ общемъ собраніи участвовали, кромѣ указанныхъ выше экспертовъ, еще: Заблоцкій-Десятовскій, Семеновъ, Куломзинъ и Гирсъ.

Уголовное отдѣленіе состояло подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора, замѣчательнаго юриста (хотя и не имѣвшаго высшаго юридическаго образованія), Буцковскаго, изъ членовъ: статсъ-секретаря

государственнаго совѣта П. А. Зубова, оберъ-прокурора М. Е. Ковалевскаго, помощниковъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта Я. Г. Есиповича и Любимова, чиновника II Отдѣленія Б. А. Перетца, губернскихъ прокуроровъ Попова и Принтца, профессора Н. И. Утина и Плавскаго.

Въ качествѣ экспертовъ были приглашены: Гольтгоеръ, Чендуровъ, Романовскій, В. Д. Философовъ, Глѣбовъ, Розингъ, Петерсъ, Тизенгаузенъ, Яневичъ-Яневскій, проф. В. Д. Спасовичъ, Александровъ, Макалинскій, Купріяновъ и Христіановичъ.

Да не посѣтуетъ читатель за приведеніе этого длиннаго списка. Намъ хотѣлось этимъ способомъ воздать скромную дань признательности этимъ почтеннымъ лицамъ, изъ коихъ каждый по мѣрѣ своихъ познаній и способностей потрудился добросовѣстно для великаго дѣла.

Отдѣленіе судопроизводства имѣло 47 засѣданій съ 6-го ноября 1862 года по 12 сентября 1863 года. Общее собраніе разсмотрѣло проектъ судоустройства въ 8-ми засѣданіяхъ.

Отдѣленіе гражданскаго судопроизводства имѣло 91 засѣданіе съ 30 ноября 1862 года по 24 октября 1863 года. Общее собраніе разсмотрѣло проектъ въ двадцать одно засѣданіе.

Уголовное отдѣленіе имѣло 89 засѣданій съ 14-го января по 30-е июня 1863 года. Общее собраніе разсмотрѣло проектъ въ 14-ти засѣданіяхъ.

Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о колоссальности труда, выполненнаго комиссіею Буткова, достаточно вспомнить, что обширныя и превосходно разработанныя объяснительныя записки, коими сопровождался проектъ, занимаютъ 1758 печатныхъ страницъ *in folio*.

И эта работа была исполнена при 30-ти членномъ составѣ комиссіи и въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ!

Чѣмъ же объяснить эту замѣчательную по результатамъ и удивительную по быстротѣ работу, какъ не влияніемъ той великой собирательной силы, которая называется общественнымъ воодушевленіемъ и которымъ обыкновенно сопровождается эпоха либеральныхъ преобразованій.

Работы Бутковской комиссіи были окончены къ осени 1863 года, но прежде чѣмъ идти на окончательное обсужденіе государственнаго совѣта имъ нужно было пройти еще одну стадію, согласно высочайше утвержденному плану, а именно: на проектъ должны были слѣжать свои замѣчанія главноуправляющій II отдѣленія его императорскаго величества канцеляріи и министръ юстиціи.

Большую пользу принесли судебной реформѣ замѣчанія послѣдняго. Причиною тому было то, что на мѣсто графа Панина былъ назначенъ, столь популярный впоследствии въ судебномъ мирѣ, Дмитрій Николаевичъ Замятинъ.

Послѣ утвержденія Основныхъ Положеній, положеніе Панина было очень фальшиво и онъ вышелъ въ отставку. Преемникъ его, Замятинъ, всею душею былъ привязанъ къ кореннымъ основамъ реформы и всячески споспѣшествовалъ ихъ успѣху. Для лучшей выработки замѣчаній онъ устроилъ особое совѣщаніе изъ чиновъ своего министерства подъ главнымъ руководствомъ всегдашняго радѣтеля и поборника либеральныхъ основъ судебной реформы, товарища своего Н. И. Стояновскаго. Выработанныя въ такомъ порядкѣ замѣчанія министра юстиціи Замятина имѣли цѣлью не обходить или прямое нарушение основныхъ началъ реформы, какъ это дѣлалъ его предшественникъ, а болѣе тщательную охрану ихъ и послѣдовательное проведеніе. Замѣчанія касались болѣе, чѣмъ 1000 статей и многія изъ нихъ были приняты государственнымъ совѣтомъ. Содержанія ихъ мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ имѣли случай подробно разбирать ихъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Въ видахъ наилучшей обработки матеріала предъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, Замятинъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы проекты комиссіи В. П. Буткова были сообщены для представленія замѣчаній оберъ-прокурорамъ и сенаторамъ, а также о томъ, чтобы товарищъ его, Н. И. Стояновскій, находился во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта по дѣлу судебной реформы, съ правомъ представлять объясненія. Многіе ли способны въ интересахъ дѣла настолько жертвовать своимъ самолюбіемъ, что въ самый разгаръ преобразовательной дѣятельности выдвигать своего талантливаго товарища! Въ декабрѣ 1863 года внесены были въ государственный совѣтъ проекты судебныхъ уставовъ, разработанные такъ, какъ ни одинъ законопроектъ не былъ разработанъ у насъ...

Въ матеріалахъ замѣчается отсутствіе участія общественныхъ элементовъ, но не забудемъ, что ни земскаго, ни городского самоуправленій еще не было. Въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта проекты были окончены рассмотрѣніемъ къ 1-му іюля. Послѣ лѣтняго вакантнаго времени проекты были рассмотрѣны осенью въ общемъ собраніи государственнаго совѣта,

¹⁾ См. „Русскую Мысль“ за 1882 годъ, № № 11 и 12, и книгу мою „Страшница изъ исторіи судебной реформы“.

подъ предсѣдательствомъ кн. П. П. Гагарина и при государственномъ секретарѣ В. П. Бутковѣ. Наконецъ, всѣ затрудненія были обойдены и, послѣ трехлѣтняго труда, въ 20-й день ноября 1864 года, Россія получила изъ рукъ царя-преобразователя тотъ замѣчательный памятникъ законодательства, о которомъ академикъ В. П. Безобразовъ справедливо замѣтилъ, что онъ «есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ умственный памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени»; памятникъ, который теперь получилъ наименованіе

«Судебные уставы императора Александра II».

Г. Дьянтіевъ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ письмахъ въ его брату Николаю Сергѣевичу

1863—1878 гг.

1871 г. ¹⁾).

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. 17-го (29-го) октября.

Милый братъ, пишу тебѣ за два дня до моего окончательнаго выѣзда изъ Бадена; говорю: окончательнаго, потому что здѣшняя жизнь для меня прекратилась, домъ мой проданъ московскому банкиру Ахенбаху и съ перваго ноября я долженъ сдать его. Віардо навсегда также покидаютъ Баденъ и переселяются въ Парижъ. На первый случай и я ѣду туда—и буду жить у нихъ въ домѣ—*chez de Douai*, 48, но въ декабрѣ я прибуду въ Россію и доберусь и до Москвы, гдѣ, разумѣется, увижу тебя. Очень сожалѣю о томъ, что годъ выдался для тебя такой неудачный; но денежные потери, какъ онѣ ни чувствительны, поправимы. Главное—надо стараться сохранить здоровье и близкихъ тебѣ людей, и свое собственное.

Надѣюсь, что болѣзнь А. Я. въ скоромъ времени приметъ благополучный исходъ; а за границу въ будущемъ году (который, навѣрное, отличится совершенной политической тишиной) съѣздить, конечно, не мѣшаетъ. Я самъ въ юнѣ мѣсяцѣ отправляюсь въ Карлсбадъ; надо, по мѣрѣ возможности, ослабить вліяніе подагры, которая въ теченіи 6 недѣль мучила меня сильно. Я и теперь еще хожу плохо. Если Салаевъ точно распродалъ все мое изданіе и подумываетъ о новомъ, то пусть онъ мнѣ напишетъ объ этомъ въ Парижъ теперь же: я могу принять кое-какія мѣры и сдѣлать ему предложенія.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 313—336.

Засимъ обнимаю тебя и кланяюсь Аннѣ Яковлевнѣ. Желаю вамъ обоимъ всего хорошаго.

Твой любящій братъ Иванъ Тургеневъ.

Мой адресъ въ Парижѣ, какъ уже сказано: М-г J. T., chez M-г Viardo, rue de Douai, № 48, Paris.

Я узналъ, что и жена Ивана Петровича, Люція Тургенева, скончалась. Я ей (выслалъ) небольшой пенсіонъ (!) и желалъ бы знать, остался-ли отъ нея ребенокъ—или и онъ умеръ? Полагаю, что ты это можешь узнать отъ Сергѣя Петровича.

Помѣта Н. С. Тургенева: „Получено 23 (4) окт. Москва“.

1872.

Парижъ. 48, rue de Douai. Воскресенье. 28-го (16-го) января.

Любезный братъ, обращаюсь къ тебѣ съ слѣдующею просьбою. Изъ полученныхъ здѣсь сегодня «Московскихъ Вѣдомостей» я увидалъ, что въ прошлый четвергъ 13-го числа была дана въ бенефисъ г-жи Васильевой ¹⁾ моя комедія: «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Хотя я всячески уговаривалъ г-жу Васильеву этой комедіи не давать—ибо она вещь не сценическая и непремѣнно должна нагнать скуку,—я же вовсе не драматическій писатель,—однако мои доводы не подѣйствовали: видно, ничего другаго подъ рукою не было. Не полагаю, чтобы ты находился въ театрѣ 13-го числа,—однако невозможнаго нѣтъ ничего. Если ты былъ, потрудишься написать мнѣ чистосердечно твое впечатлѣніе и впечатлѣніе публики; если ты не былъ и если эту комедію дадутъ еще разъ, не полѣнись съѣздить для сообщенія мнѣ твоего впечатлѣнія; ибо хотя я вообще къ литературѣ охладѣлъ, а къ театру—подавно, однако не настолько, чтобы уже совсѣмъ потерять всякій интересъ къ моимъ вещамъ. Ты бы меня этимъ весьма обязалъ.

Парижъ. Суббота 17-го (5-го) февраля.

Спасибо тебѣ, любезный братъ, за присланныя вырѣзки изъ журналовъ; хотя впрочемъ я изъ нихъ не узналъ ничего новаго, ибо ни-

---

¹⁾ Высокоталантливая московская актриса († 1882 г.), дочь покойнаго пѣвца Николая Владиміровича Лаврова († 1840 г.). Комедія Тургенева ее имѣла успѣха и на петербургской сценѣ. Е.

чего инаго и не ожидалъ; моя комедія, какъ я тебѣ это писалъ заранѣе, должна была получить фіаско. Оттого я и бросилъ (съ 1851 года) писать для сцены; это не мое дѣло. Миѣ остается только упрекнуть себя—зачѣмъ я имѣлъ слабость согласиться на просьбы г-жи Васильевой? Впрочемъ, все это не имѣетъ важности.

Очень сожалѣю я о болѣзненномъ состояніи Анны Яковлевны; впрочемъ, я, зная твою мнительность, утѣшаю себя мыслию, что ты преувеличиваешь. Но критическіе годы всегда тяжелы для женщины, и я полагаю, ты поступишь очень умно, если съ первымъ появленіемъ весны повезешь свою жену за границу, на воды.

Помѣта. Получено 23 (4) янв. Москва. 7-мъ днемъ.

Парижъ, четвергъ, 4-го апрѣля (23 марта).

Любезнѣйшій братъ, Николай Сергѣевичъ, спасибо за присланныя вырѣзки изъ газетъ. Рѣшительно ваша старая Москва—*veut faire feu des quatre pieds* ¹⁾ и удивить Европу. Надѣюсь, что какъ бы ни возвысились цѣны на жизненные припасы, онѣ не превзойдутъ твоихъ средствъ и ты не покинешь Москвы, не дождавшись меня (это будетъ въ самомъ началѣ мая мѣсяца), тѣмъ болѣе, что за границу на воды раньше іюня ѣхать не за чѣмъ. Душевно радуюсь тому, что Аннѣ Яковлевнѣ стало лучше и увѣренъ, что пребываніе въ тепломъ климатѣ окажетъ благотѣльное вліяніе на ея здоровье. Заявленіе киевлянъ меня сердечно тронуло—и ты вѣроятно уже прочелъ въ «С.-П. Вѣдомостяхъ» то, что я сказалъ по этому поводу. Что-же касается до миѣнія публики на счетъ меня, какъ литератора, то оно подвержено приливамъ и отливамъ—и я уже слишкомъ старый воробей, чтобы бросаться на эту мякину. *Tout casse, tout pousse, tout rASSE* ²⁾, а эти чувства прежде всего. Отупѣлъ я очень за эти послѣдніе два года.

Картина Н. Тургенева — слѣпаго въ больницѣ, возбудила во мнѣ жалость... всетаки я глубоко любилъ его—и не могу я не дорожить этимъ прошедшимъ. Я непременно посѣщу его—да и ты, братъ, могъ-бы то же сдѣлать, вспомнивъ, что мы всѣ люди—жалкія, слабыя, на смерть осужденныя существа. «Сегодня—тотъ, завтра—я», какъ-же не сострадать къ своему ближнему—и кто изъ насъ безгрѣшенъ; кто имѣетъ право строго судить другаго? Я не сомнѣваюсь, что твое по-

¹⁾ Употребила всѣ средства для успѣха, или по простонародному выраженію—поставила послѣднюю копейку ребромъ.

²⁾ Все ломается, все проходитъ, все прѣдается.

сѣщеніе будетъ для него отрадой въ теперешнемъ горестномъ его положеніи.

Помѣта. Получено 9-го апрѣля (28-го марта) 1872 г. 5-мъ днемъ.

Парижъ, 16-го (4-го) апрѣля.

Любезный другъ и братъ! Сейчасъ получилъ я твое письмо, въ которомъ ты извѣщаешь меня о жестокой и скорбной потерѣ, тебя поразившей. Въ моемъ глубокомъ и искреннемъ сочувствіи ты, я увѣренъ, не сомнѣваешься. Женщина, съ которой ты около 30 лѣтъ прожилъ въ согласіи и дружбѣ ¹⁾ и которая умѣла внушить тебѣ такую сильную привязанность, не могла не имѣть особенныхъ достоинствъ и не быть дорогою для меня. Понимаю, какъ должно тебѣ казаться горькимъ и несноснымъ твое одиночество; но что-же дѣлать! надо стараться жить, пока еще живется; надо стараться создать себѣ дѣятельность, прилѣпиться къ чему-нибудь, если главный корень уже на вѣки вырванъ! Всѣ мы существа эфемерныя: «*petits papillons d'un moment*» ²⁾, какъ говоритъ Вольтеръ—всѣ осуждены на скорую смерть—и не успеешь оглянуться, какъ уже все покончилось! *Le tout est de savoir soutenir la vie* ³⁾.

Мнѣ самому очень хочется какъ можно скорѣе увидать тебя и подать тебѣ братскую руку помощи; я ускоряю свой отъѣздъ—и надѣюсь въ самыхъ первыхъ числахъ быть въ Москвѣ—и, ужъ конечно, остановлюсь у тебя. До того времени, милый братъ, старайся не предаваться слишкомъ унынію и отчаянію—а вѣрь въ неизмѣнную дружбу твоего брата, который заочно обнимаетъ тебя со всею нѣжностью и жаромъ любящаго сердца. До скорого свиданья!

Помѣта. Получено 10-го (22-го) февраля. Москва. 5-мъ днемъ

Парижъ, 12-го мая (30-го апрѣля).

Я отъ того не тотчасъ отвѣчалъ тебѣ, любезный братъ и другъ, что полагалъ въ скоромъ времени свидѣться съ тобою; между тѣмъ меня здѣсь задержали нѣкоторые непредвидѣнные дѣла—и я беру перо, чтобы извѣстить тебя о моемъ отъѣздѣ, который будетъ имѣть мѣсто послѣ завтра; я нигдѣ, кромѣ Петербурга, останавливаться не буду (и въ Петербургѣ я пробуду всего дня три, четыре), такъ что скоро послѣ получения тобою этого письма, мы, Богъ дастъ, свидимся.

¹⁾ Невѣстка Ивана Сергѣевича, Анна Яковлевна.

²⁾ Минутные мотыльки.

³⁾ Вся суть въ томъ, чтобы умѣть выносить жизнь.

Я напишу тебѣ два слова изъ Петербурга, тотчасъ послѣ моего прїѣзда. Глубоко и искренно сочувствую твоему одиночеству и горю; кромѣ времени на это нѣтъ врача... Ты очень хорошо сдѣлалъ, что пригласилъ къ себѣ въ домъ родственниковъ Анны Яковлевны, по крайней мѣрѣ ты не будешь одинъ.

Въ Петербургъ Иванъ Сергѣевичъ прибылъ 13-го мая, а черезъ три дня выѣхалъ въ Москву; въ половинѣ августа онъ возвратился во Францію, проживая до начала сентабря въ приморскомъ городкѣ Сень-Валери-о-Соммъ, откуда и писалъ брату слѣдующее:

Saint-Valéry aux Somme, maison Ruhaut, 14-го (2-го) сентабря.

Любезный братъ, пишу тебѣ все еще изъ моего приморскаго городка, который я, впрочемъ, скоро оставляю (мой адресъ отнынѣ опять rue de Douai, 48). Представь себѣ, что моя подагра все меня не оставляетъ и, по временамъ, даже сильно мучитъ! Никогда не было у меня такого продолжительнаго припадка. Чуть ли не хочется эта болѣзнь сдѣлаться у меня хронической.

18-го (6-го) юля у моей дочери родилась дочка, а мнѣ внучка, которой дали имя Жанне. Я на дняхъ ѣду крестить ее.

Изъ деревни я получаю неутѣшительныя извѣстія. Урожай плохъ, въ Спасскомъ холера и т. д. *Le séjour là-bas n'est pas précisément ce qu'il y a de plus séduisant* ¹⁾. Отказъ Порфирія ²⁾ я предвидѣлъ; впрочемъ, богадѣльнѣ еще приличнѣе быть на выбранномъ тобою съ Кишинскимъ мѣстѣ.

Картину Богатова прошу хранить у себя, пока я распоряжусь высылкой. Я полагаю, что всѣ работы въ домѣ твоёмъ теперь давно окончены.

Помѣта. Получено 8 (20) сентабря 1872 г. Москва, 6-мъ днемъ.

Парижъ, 48, rue de Douai, 10 октабря (28 сентабря).

Любезный братъ, вчера получилъ я твое письмо и сегодня отвѣчаю. Я прибылъ сюда три недѣли тому назадъ, и въ тотъ-же день

¹⁾ Пребываніе тамъ—вещь не слишкомъ-то соблазнительная.

²⁾ Порфирій Тимофѣевъ Кудряшевъ, побочный братъ Ивана Сергѣевича (сынъ его отца отъ крѣпостной женщины), старѣе его лѣтъ на 7—10. Отпущенный на волю, онъ, живя при И. С. въ Москвѣ, успѣлъ образовать себя для медицинскаго поприща и получилъ званіе зубнаго врача; впоследствии, въ качествѣ дядьки, сопровождалъ его въ Берлинъ. Кудряшевъ былъ человекъ высоко нравственный, добрый и хорошо образованный. Умеръ.

подагра, которая меня до сихъ поръ не покинула, свалила меня въ постель и я пролежалъ съ недѣлю, какъ пласть, съ распухшими ко-
лѣнами и т. д. Никогда она такъ долго не продолжалась: 4 мѣ-
сяца,—это изъ рукъ вонъ, и когда это кончится, неизвѣстно!

Послѣдній припадокъ (по французски: *gêchûte*) ¹⁾ былъ, по счету, восьмымъ! Что дѣлать! Ужь Пушкинъ сказалъ:

„Подъ старость жизнь—такая гадость!“

Нужно терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе!

Кстати, я убѣжденъ, что твои боли въ ногахъ—тоже подагриче-
скаго свойства; посоветуйся-ка съ хорошимъ медикомъ. Вполнѣ со-
чувствую твоему горю; я всегда былъ того мнѣнія, что время излечи-
ваетъ только легкую печаль—а потому и не удивляюсь тому, что те-
перь сердцу твоему тяжело, чѣмъ когда я тебя видѣлъ. Надо побо-
ряться своей участи—и пуще всего избѣгать одиночества. Сестра
Анны Яковлевны произвела на меня впечатлѣніе хорошей и доброй
женщины; маленькая очень мила; вотъ общество, какого тебѣ нужно.
А по пріѣздѣ Моляревскихъ посмотри, что можно будетъ сдѣлать.
Въ Россію я, все-таки, пріѣду, если не въ ноябрѣ, то въ январѣ;
можетъ быть мы тогда вмѣстѣ отправимся.

Главное дѣло: самого себя не истреблять; это одно, противъ чего
человѣкъ устоять не можетъ.

Картину Богатова я охотно тебѣ уступаю, если она тебѣ нра-
вится. Что-бы тебѣ заняться картинами! Перовъ ²⁾ можетъ быть хо-
рошимъ руководителемъ для тебя; закажи ему что нибудь. За 500—
600 руб. онъ тебѣ сдѣлаетъ отличную вещь.

Это очень любезно со стороны журналистики, что она много за-
нимается; но въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» явится не
романъ моего издѣлія—а небольшой рассказъ, въ родѣ: «Записокъ
Охотника».

Въ концѣ нынѣшняго года я, во всякомъ случаѣ, здѣсь.

Помѣта. Получено 3 (15) октября, 5 мѣ днемъ. Москва.

Парижъ, суббота 18-го (30-го) ноября.

Милый братъ, ты совершенно правъ въ твоемъ предположеніи
на счетъ приписыванія мнѣ комедіи: я, съ 1857 года, на этомъ
поприщѣ не подвизаюсь, и не примусь за него теперь, когда я

¹⁾ Возвратъ болѣзни.

²⁾ Превосходный портретистъ, одинъ изъ нашихъ не многихъ даровитѣй-
шихъ художниковъ; скончался года два тому назадъ. К.

собираюсь раскланяться вообще съ литературой. Не первая утка — и не послѣдняя!

Я очень радъ, что ты собираешься превратить свое имѣніе въ капиталъ: и спокойнѣе, и свободнѣе. Передачу Тургенева Анютѣ я тоже вполне одобряю; она премилая дѣвочка—да и кромѣ того, ничего не можетъ быть пріятнѣе сердцу, какъ обезпечивать существованіе существъ любимыхъ или близкихъ тѣмъ, которыхъ мы любили: *j'en sais quelque chose par moi même* ¹⁾, лучше пусть владѣть Анюта ²⁾, или дочь г-жи Віардо, чѣмъ наши, такъ называемыя, наслѣдницы.

Р. С. Если ты увидишь живописца Перова, напомни ему, что онъ обѣщаль мнѣ сдѣлать для меня копію съ моего портрета.

Р. Р. С. Не помню, написалъ-ли я тебѣ, что я сдѣлался дѣдушкой. Дочь моя 18-го (30-го) іюля родила дочку, которую прозвали Жанне.

1873.

Парижъ. 43, rue de Douai. Понедѣльникъ, 8-го (20-го) января.

Любезный братъ, сердечно благодарю тебя за твое дружеское участіе и спѣшу успокоить тебя удостовѣреніемъ, что я не только не умеръ, но даже гораздо лучше себя чувствую и могу ходить по лѣстницамъ безъ палки, хотя подагра все-таки оставила мнѣ слѣдъ на память, а именно нѣкоторое отолщеніе—(ankylose) колѣнка, которое постараюсь развести пріемами Мариенбадской или Карлсбадской воды. Говорятъ, это хорошій знакъ, когда живаго человѣка хоронять — въ газетахъ; буду надѣяться, что та «бѣлая бездна», о которой говоритъ Гейне, еще не скоро поглотитъ меня ³⁾, и тебѣ желаю того-же. Но ты весьма благоразумно поступаешь, что приводишь свой лежачій капиталъ въ подвижный; поздравляю тебя также съ надеждой возвратить украденныя деньги. Впрочемъ, 1873 годъ такъ счастливо начался (я имѣю въ виду исчезновеніе гнуснаго Баденге) ⁴⁾, что отъ

¹⁾ Это я знаю отчасти по себѣ.

²⁾ Дочь свояченицы Н. С. Тургенева.

³⁾ Замѣчательно, что слухъ о кончинѣ Ивана Сергѣевича разнесся слишкомъ за десять лѣтъ до его смерти.

⁴⁾ Badinguet одно изъ шутовскихъ прозвищъ, данныхъ Наполеону III французами. Это фамилія того самаго штукатуга, который далъ ему надѣть свою блузу и содѣйствовалъ ему бѣжать изъ крѣпости Гама въ 1834 году.

него, не смотря, напр., на оспу и прочія эпидеміи—можно ожидать всего хорошаго. Полагаю, что ты ревакцинировался. Вчера у насъ цѣлый вечеръ была гроза съ безпрестанными молніями и громомъ, какъ въ іюль мѣсяцъ; престранная погода! Здѣсь это не имѣетъ большого значенія; но у насъ безснѣжная зима—просто бѣда!

Помѣта. Получено 13-го (25-го) января. Москва.

Парижъ. 48, rue de Douai. Среда, 5-го марта (21-го февраля).

Любезный братъ, хотя поздно, однако отвѣчаю на твое письмо отъ 24-го января (5-го февраля). Ты въ немъ меня увѣдомляешь о твоей extinctiononne de voix—надѣюсь, что эта неприятная, но не важная болѣзнь давно исчезла (я самъ ей подвергался въ Петербургѣ въ теченіи одной зимы.) Что касается до опухоли моего колѣна—то и она почти со всѣмъ «резорбировалась»—и слава Богу не угрожаетъ мнѣ ни язвами—ни tumeur blanche, что хуже всего.

Я хотя заразился картиноманіей, но не до такой степени, чтобы бросать на нее десятки тысячъ; купилъ однако одинъ премилый пейзажъ Мишеля, за который далъ 1600 фр.—и это уже считаю большою суммой и маленькимъ безуміемъ. Оказывается, что французы еще страшно богаты, если судить по тѣмъ цѣнамъ, которыя они платятъ не только за картины—но за curiosités. Недавно—все такъ въ Hotel Drenot—одинъ пистолеть—дамаскированный, времени Генриха II-го, былъ заплоченъ 18,000 фр.; небольшой комодъ съ инкрустациями той-же эпохи дошелъ до 24,000!!!—и т. д... мало мальски порядочная картина—десятки тысячъ такъ и летятъ—особенно если она подписана громкимъ именемъ. Небольшая картина Мейссонъ съ двумя фигурками надняхъ продана барышнику за 80,000 фр. и онъ уже перепродалъ ее другому за 100,000!

Очень бы ты хорошо сдѣлалъ, любезный братъ, еслибы хотя въ концѣ сезона пріѣхалъ въ Парижъ. Но не мѣшкай слишкомъ: въ концѣ апрѣля я уѣзжаю отсюда черезъ Вѣну въ Мариенбадъ или въ Карлсбадъ.

Я получилъ отъ Фета письмо надняхъ; онъ все жалуется, что никакъ не можетъ покончить съ покупкой Долгаго. Я продалъ Лябовшу I. Н. Шатилову. Масловъ долженъ совершить купчую.

Семейство Віардо благодарить за память; всѣ живы и здоровы. Дочь моя находится попрежнему въ Rongement. Мужъ ея возобновилъ контрактъ по хрустальной фабрикѣ на 16 лѣтъ. У моей внучки уже прорѣзались два зуба.

А Перова ты все такъ не видѣлъ? Пишетъ ли онъ кошо съ моего портрета?

Обнимаю тебя и остаюсь любящій братъ Иванъ Тургеневъ.

Р. S. Я попрошу тебя сходить къ Ѳ. И. Салаеву—и сообщить ему слѣдующее мое желаніе: пусть онъ отправитъ ко мнѣ, но только не въ Парижъ—а Баденъ-Баденъ, одинъ полный экз. моихъ сочиненій теперъ-же, и пусть онъ этотъ экземпляръ вычтетъ изъ числа тѣхъ, которые онъ обязанъ, по вновь заключенному между нами контракту для новаго изданія—выдать мнѣ.

Адресовать онъ долженъ такъ: Въ Великое-Герцогство Баденское, въ Баденъ-Баденъ, И. С. Тургеневу.

Herrn Iwan Turgenew, per adresse: Frau Mina Anstett, Baden-Baden, Schiller-Strasse, № 7. Въ концѣ апрѣля я буду въ Баденѣ и желаю найти тамъ этотъ экземпляръ.

Р. S. Еще просьба и довольно важная: немедленно по полученіи этого письма вышли ты сто руб. сер. по слѣдующему адресу:

Въ Валдай (Новгородской губ.), Антонинъ Филиповиъ Родионовой, въ домъ Бобровой, по шоссе.

Эти сто рублей будутъ тебѣ возвращены Кишинскимъ, которому я сегодня же напишу и который долженъ будетъ прибыть въ Москву по случаю совершенія купчей на Либовшу. Скорымъ исполненіемъ моей просьбы ты весьма меня обяжешь.

Помѣта. Получено 27-го (11-го) февраля 1873 г. Москва, 6-иъ днемъ.

Парижъ. Понедѣльникъ, 24-го (12-го) марта.

Любезный братъ, благодарю тебя за передачу Салаеву моего желанія на счетъ посылки экземпляра въ Баденъ. Надѣюсь, что Кишинскій сумѣетъ толково распорядиться съ деньгами, которыя ты пожертвовалъ для богадѣльни.

Оказывается, что въ теперешнее время продавать и покупать имѣнія на Руси не легко. Посмотримъ, что скажетъ Масловъ, вернувшись изъ С.-Петербурга. Любовьша мною продана рублей около 82 за десятину.

Денегъ, точно, очень много во Франціи, въ нынѣшнемъ-же году они уплотятъ весь свой долгъ пруссакамъ. Но какъ они дома устроятся—это вопросъ. Во всякомъ случаѣ республика еще просуществуетъ года два, три—а пожалуй и совсѣмъ утвердится.

Помѣта. Получено 18-го (30-го) марта. Москва.

Парижъ. Вторникъ, 22-го (10-го) апрѣля.

Любезный братъ, отвѣчаю разомъ на твои два письма. Мой купщикъ Шатиловъ прямо обратился ко мнѣ на счетъ документа на Любовшу, который, повидимому, затерянь. Я написалъ Кишинскому, чтобы онъ безотлагательно принялъ надлежащія мѣры. Онъ, дѣйствительно, находился въ невѣдѣніи на счетъ даровой (дарственной) записи и полагалъ, что Любовша упомянута въ раздѣльномъ актѣ. Это неожиданное препятствіе можетъ разстроить все дѣло—какъ быть!

Что-же касается до дуэли двухъ генераловъ, то, какъ я не вижу здѣсь ни одного официального лица, я не могу сказать тебѣ ничего положительнаго. Знаю только, что дуэль оказалась самой невинной—и напоминаетъ мнѣ поступокъ одного мужика, который, поссорившись съ другимъ, получилъ плевокъ въ бороду и, въ отвѣтъ на выраженное мною удивленіе—какъ это онъ снесъ? воскликнулъ: «а развѣ вы не видали? Вѣдь я ему въ самую лахань харкнулъ!» Такъ и эти генералы: харкнули другъ въ друга пулями—ну и честь спасена.

Я выѣзжаю отсюда 20-го (8-го) мая и черезъ Вѣну отправляюсь въ Карлсбадъ.

Помѣта. Получено 20-го апрѣля. Москва.

Парижъ. Понедѣльникъ, 19-го (7-го) мая.

Любезный братъ, ты меня порядкомъ перетревожилъ своимъ письмомъ о Любовшѣ, но я очень тебѣ благодаренъ, что ты не оставляешь меня въ неизвѣстности о моихъ дѣлахъ. Отъ Кишинскаго я получилъ письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что сверхъ дарственной записи выслалъ И. И. Маслову документы, замѣняющіе вводный листъ, но быть можетъ эти документы не окажутся или не озаказались дѣйствительными—и мнѣ придется продѣлать всю указанную тобою процедуру, что неизбѣжно поведетъ за собою довольно продолжительную отсрочку. Какъ-бы то ни было, будь такъ добръ и по полученіи настоящаго письма сходи къ Маслову и узнай отъ него досконально въ какомъ положеніи дѣло; самъ я ему не пишу, ибо онъ очень лѣнивъ на корреспонденцію. Получивъ отвѣтъ, сообщи мнѣ его въ Бадень-Бадень, Schiller-Strasse, 7, г-жѣ Анштеттъ (Frau Anstett), для передачи мнѣ, такъ какъ я черезъ недѣлю выѣзжаю и въ Бадень останусь дня три. Очень ты меня этимъ обяжешь.

Помѣта. Получено 11-го (23-го) мая. 4 днемъ.

Парижъ. Четвергъ, 29-го (17-го) мая.

Любезный братъ, я еще здѣсь, благодаря сквернѣйшей погодѣ, которая пока не позволяетъ думать о леченіи; однако выѣзжаю въ будущій вторникъ 3-го іюня и къ 12-му попаду въ Карлсбадъ, такъ какъ меня окончательно туда посылаютъ—а не въ Мариенбадъ.

Ты хорошо сдѣлалъ, что помогъ нашей кузинѣ; только, въ такихъ случаяхъ, къ чему братъ вексель? Я, по крайней мѣрѣ, не почелъ этой формальности нужною. Продажа моего имѣнія оттого вѣроятно состоится, что она болѣе выгодна для Шатилова, чѣмъ твоя для Фета. Я писалъ къ тебѣ не такъ давно о томъ, чтобы ты освѣдомился у Маслова на счетъ Любовши, т. е. на счетъ документовъ; надѣюсь, что ты уже отвѣчалъ мнѣ и что я найду твое письмо *poste restante* въ Вѣнѣ.

Помѣта. Получено 21-го мая (2-го іюня). Москва, полдень.

Карлсбадъ, Oesterreichischer Hof. Вторникъ, 24-го (12-го) іюня.

Любезный братъ, твое послѣднее письмо меня уже не застало въ Парижѣ—я выѣхалъ отсюда въ Баденъ, гдѣ мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько распоряженій на счетъ моихъ книгъ и вещей, такъ какъ Віардо тоже продали свой домъ; потомъ пробрался въ Вѣну, чтобы посмотреть выставку—но тутъ вышла неудача: выходя изъ кареты, я упалъ, расшибъ себѣ колѣно и долженъ былъ цѣлыхъ 8 дней пролежать въ постелѣ, въ комнатѣ, за которую платилъ огромныя деньги. Какъ только я настолько оправился, что могъ наступать на ногу—меня спровадили сюда—и вотъ я нахожусь здѣсь и пью воды, въ чаяніи будущихъ благъ. Докторъ меня обнадеживаетъ—и мнѣ кажется, что еслибы ты не былъ такъ занятъ своими постройками, и ты бы не худо сдѣлалъ, побывавъ когда нибудь въ Карлсбадѣ, который бываетъ очень полезенъ людямъ нашего лада и возраста.

Помѣта. Получено 17-го (29-го) іюня. Москва, 5 днемъ.

Слѣдующее письмо Иванъ Сергѣевичъ писалъ съ того самаго мѣста новаго жительства, которому было предопредѣлено быть—черезъ десять лѣтъ—его послѣднимъ пріютомъ. Это былъ Буживаль, небольшое сельцо въ департаментѣ Сены и Уазы, по линіи Парижско-Руанской желѣзной дороги, славящееся живописнымъ мѣстоположеніемъ и потому особенно любимое дачниками. Замѣчательная случайность: на всѣхъ своихъ письмахъ Иванъ Сергѣевичъ всегда, весьма акуратно, надъ каждымъ своимъ письмомъ, выставлялъ, вмѣстѣ съ адресомъ—годъ, мѣсяцъ и число, это-же письмо, первое изъ Буживала—безъ числа, и только по помѣткѣ подъ нимъ можно догадаться, что оно было отправлено 20-го іюля (ст. стilia).

Буживаль (Bougival (près Paris), maison Halgand (Seine et Oise), 20-го іюня (1-го августа н. с.).

Милый братъ, какъ видишь я уже окончилъ мое Карлсбадское леченіе и вотъ пятый день, какъ я поселился здѣсь «въ тихомъ пристанищѣ», вдали отъ всякихъ суетъ, у старинныхъ моихъ друзей Віардо. Воды мнѣ очень помогли—и надѣюсь, что если подагра всѣтитъ меня, нападенія ея будутъ менѣ жестоки.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ вижу, что твое состояніе все еще не можетъ назваться удовлетворительнымъ.

Мы съ тобой люди привязчивые и не перемѣнчивые; потому самому мы глубже чувствуемъ всякую потерю. Mais il faut pourtant se faire une raison ¹⁾. Я все не покидаю мысли провести предстоящую зиму или хотя часть въ одномъ городѣ съ тобою.

Продажа Любовши подвигается съ замѣчательною медленностью, однако я не теряю надежды. Федя мнѣ пишетъ, что дѣло съ Долгимъ разстроилось, вслѣдствіе какихъ-то неожиданныхъ и несбыточныхъ притязаній твоего повѣреннаго.

Помѣта. Получено 25-го іюля (6-го августа). Москва, вечеръ, 9 часовъ.

Въ сентябрѣ (26 го числа) 1873 г. Иванъ Сергѣевичъ писалъ Я. П. Полонскому изъ Парижа ²⁾:

— Оттуда (изъ Карлсбада) я черезъ Ваден-Баденъ вернулся въ Парижъ, а въ небольшое мѣстечко около Парижа, называющееся Буживаль, гдѣ я съ моими друзьями Віардо нанялъ дачу. Теперь же собираемся снова вернуться въ rue de Douai, 48, а я, если буду живъ и здоровъ ³⁾, въ концѣ нашего ноября, т. е. черезъ два мѣсяца, прибуду въ Петербургъ, гдѣ проживу до февраля и гдѣ надѣюсь частенько тебя видѣть. Работать я не работалъ вовсе; немного ходилъ на охоту, провелъ опять нѣсколько дней у Ж. Зандъ и у Флобера, а впрочемъ былъ здоровъ, хотѣлъ было прибавить: и веселъ—да перо не поворачивается. Старость (а я сильно старѣюсь) и веселость—не идутъ другъ къ другу.

---

¹⁾ Но надобно-же однако образумиться.

²⁾ Первое собраніе писемъ, стр. 129.

³⁾ Въ послѣдніе годы жизни Тургенева въ письмахъ его чаще и чаще встрѣчается эта оговорка.

Буживаль (Bougival. près Paris (Seine et Oise), maison Halgand (la Garenne), вторникъ, 5 августа.

Любезный братъ, ты мнѣ можешь оказать большую услугу, и вотъ въ чемъ она состоитъ. Отъ Кишинскаго я узналъ, что купчую на Любовшу можно совершить только въ Тулѣ; а такъ какъ не могу-же я требовать, чтобы Масловъ для этого дѣла отправился туда, то Кишинскій предложилъ мнѣ слѣдующее: деньги получить Маслову частнымъ образомъ съ Шатилова, а купчую совершить ему, Кишинскому, въ Тулѣ; на каковой конецъ онъ мнѣ прислалъ проектъ предлагаемой довѣренности. Но подпись парижскаго консула должна быть удостовѣрена въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ.

Доселѣ я посылаю такую довѣренность какому нибудь другу въ Петербургѣ, который, засвидѣтельствовавъ ее въ департаментѣ, пересылалъ ее по адресу, данному мною Кишинскому; но теперь у меня такого друга нѣтъ—по крайней мѣрѣ я ни объ одномъ изъ нихъ достовѣрно не знаю, что онъ въ Петербургѣ. А потому вотъ о чемъ я покорно тебя прошу: во 1-хъ, показать эту довѣренность И. И. Маслову и если онъ также находитъ, что купчую нельзя совершить иначе, какъ въ Тулѣ, то—во 2-хъ, послать немедленно эту довѣренность какому-нибудь твоему знакомому въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ ее, не теряя времени, засвидѣтствовалъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ (въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) и возвратилъ-бъ ее тебѣ, а ты-бы ее доставилъ Кишинскому; въ 3-хъ, если-бъ Масловъ нашелъ, что эту довѣренность совершать не нужно, то пришли мнѣ ее обратно сюда—такъ какъ въ ней я даю также Кишинскому порученіе, получить съ купца Жикина 2.500 р. сер. и мнѣ придется эту часть довѣренности выписать и отправить ее вновь. Кстати, ты-бы узналъ отъ Маслова, когда онъ надѣется (приблизительно) получить деньги съ Шатилова? И—вообще, въ какомъ положеніи это дѣло.

PS. Я здѣсь останусь безвыѣздно 6 недѣль.

Помѣта. Получено 10 августа (29 іюля), Москва, 3 ч. пополудни, 5-мъ днемъ. Отвѣч. 31 іюля.

Парижъ, 48, rue de Douai, вторникъ, 11 ноября (30 октября).

Милый братъ, я собирался отвѣчать на твое письмо отъ 27 сентября (9 октября) — но все мѣшкалъ — и вотъ пришло твое другое письмо отъ 24 октября (5 ноября) — и я не хочу долѣе откладывать. Я теперь, какъ ты справедливо предполагаешь, въ Парижѣ — и остаюсь здѣсь до новаго года, такъ какъ я раньше выѣхать не буду въ состоянiи. Но въ началѣ января я, если только буду живъ, непремѣнно отправлюсь въ Петербургъ — а оттуда въ Москву. Очень было-бы хорошо, если-бъ мы тогда вмѣстѣ съ тобою собрались за границу. Здоровье мое весьма удовлетворительно: это я приписываю Карлсбадскимъ водамъ — и въ будущемъ году намѣренъ снова ими пользоваться.

Дуэль, о которой ты любопытствуешь, происходила между княземъ . . . — имъ, братомъ de la grande demoiselle ¹⁾, и Геккереномъ, сыномъ того м . . . . . ца, который убилъ Пушкина. Ссора происходила не изъ за жены Геккерена, а просто изъ-за известной . . . . . m-me Letyssier, за которой оба ухаживаютъ. Князь **, впрочемъ, великая дрянь, наглець и нахаль — и Г — не лучше. Вотъ ужъ точно можно сказать: дрянь съ дрянью дралась изъ-за дряни. Рана кн. ** очень опасна, говорятъ, ему придется вылуцать руку изъ плеча. Я очень радъ, что тебѣ удалось выгодно продать Долгое и Алексѣевку. Въ наше время ничего не можетъ быть лучше, чѣмъ ready money ²⁾, или равносильныя съ деньгами акци.

Помѣта. Получено 6 (18) ноября, Москва, 7-мъ днемъ, 4 ч. пополудни.

¹⁾ „Большая барышня“ — даже великая . . . . . ростомъ. Эта госпожа послужила Тургеневу типомъ для героини его романа „Дымъ“, подъ именемъ Ирены (или Ирины).

²⁾ Готовыя (чистыя) деньги

Парижъ, суббота, 6 декабря (24 ноября).

Любезный братъ, такъ какъ я выплатилъ моей дочери должны мною ей 50,000 франковъ, то посылаю тебѣ обратно ту обязательную росписку, которую ты далъ ей на случай моей смерти. Я вырѣзалъ твою подпись изъ предосторожности, такъ какъ письмо можетъ затеряться. Извѣсти о полученіи и брось росписку въ огонь. Вторично благодарю тебя за тогдашнюю услугу.

Осталась теперь та росписка, которую ты далъ г-жѣ П. Влардо, опять-таки на случай моей смерти. Надѣюсь, что и эту я скоро буду въ состояніи тебѣ возвратить.

Журналы, занимающіеся мною, слишкомъ любезны. Но пріѣздъ мой въ Россію отлагается мѣсяца на два, именно вслѣдствіе того, что я не хочу пріѣхать съ пустыми руками—а пока—онѣ пусты. Надѣюсь однако свидѣться съ тобою въ мартѣ.

Помѣта. Получено 28 ноября (10 декабря), Москва, 7 час. вечера, 4-мъ днемъ.

Парижъ, воскресенье, 28 (16) декабря.

Любезный братъ, мнѣ приходится отвѣчать на два твоихъ письма. Я очень радъ, что ты столь выгодно продалъ свое Столбецкое. Что же касается до Каднаго, то и я не прочь его продать, хотя получить то-же, что ты взялъ за десятину—немыслимо. Но, будь добръ, сходи ты къ Ивану Ильичу Маслову и переговоры съ нимъ: у него находится довѣренность отъ меня на продажу именно этого Каднаго (мы въ прошломъ году разошлись съ купцомъ изъ-за 1200 р. сер.). Какого онъ будетъ мнѣнія—и какую онъ полагаетъ назначить цѣну за десятину. Я даю ему полную *carte-blanche* ¹⁾, и ты-бы могъ abou-

¹⁾ Полномочіе.

сего ¹⁾ его съ этимъ купцомъ, который изъявляетъ желаніе купить Кадное. Я продать это имѣніе—не прочь, но продешевить не желал.

Поѣздка моя въ Россію все откладывается, да откладывается—однако я еще надѣюсь застать тебя въ Москвѣ.

Будь здоровъ—и лѣтомъ завернемъ вмѣстѣ въ Карлсбадъ: чудотворное мѣстечко!

Помѣта. Получено 20 декабря. Москва, 1/6-го вечеромъ, 4-мъ днемъ.

П о п р а в к и.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., книга іюнь (VI), на стр. 465 напечатано: Мерк. Алек. Моркусъ, читай: Михайло Антоновичъ Маркусъ; книга XI (ноябрь), изд. 1884 г., стр. 389, напечатано: княгиня Мадатова, рожденная Муханова, читай: княгиня Софья Александровна Мадатова, рожденная Саблукова.

Кстати замѣтимъ: сестра Мадатовой, Наталья Александровна, была замужемъ за А. Мухановымъ, другая сестра, Екатерина Александровна, была въ замужествѣ за Баунинымъ. Къ дочери сей послѣдней есть нѣсколько стиховъ А. С. Пушкина.

Е. В.

¹⁾ Свести для переговоровъ.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛ. ДОСТОЕВСКІЙ ВЪ СИБИРИ

въ 1850—1854 гг.

Письмо его къ брату, Мих. Мих. Достоевскому, 22-го февраля 1854 г.

Наконецъ-то, кажется, я могу поговорить съ тобою попространнѣе и повѣрнѣе. Но прежде чѣмъ напишу строчку, спрошу тебя: скажи ты мнѣ, ради Господа Бога, почему ты мнѣ до сихъ поръ не написалъ ни одной строчки? И могъ-ли я ожидать этого? Вѣришь-ли, что въ уединенномъ, замкнутомъ положеніи моемъ я нѣсколько разъ впадалъ въ настоящее отчаяніе, думая, что тебя нѣтъ и на свѣтѣ, и тогда по цѣлымъ ночамъ раздумывалъ, что было-бы съ твоими дѣтьми, и клялъ мою долю, что не могу быть имъ полезнымъ. Другой разъ, когда я узнавалъ навѣрное, что ты живъ, меня брала даже злоба (но это было въ болѣзненные часы, которыхъ у меня было много) и я горько упрекалъ тебя. Но потомъ и это проходило; я извинялъ тебя, старался пріискать все оправданія, успокоивался на лучшихъ, и ни разу не потерялъ въ тебя вѣры: я знаю, что ты меня любишь и хорошо обо мнѣ вспоминаешь. Я писалъ тебѣ письмо черезъ нашъ штабъ. До тебя оно должно было дойти навѣрное, я ждалъ отъ тебя отвѣта и не получилъ. Да неужели же тебѣ запретили? Вѣдь это разрѣшено и здѣсь все политическіе получаютъ по нѣскольку писемъ въ годъ. Дуровъ получалъ нѣсколько разъ, и много разъ на запросы начальства о письмахъ разрѣшеніе писать ихъ подтверждалось. Кажется, я отгадалъ настоящую причину твоего молчанія. Ты, по неподвижности своей, не ходилъ просить полицію, или если и ходилъ, то успокоился послѣ перваго отрицательнаго отвѣта, можетъ быть отъ такого человѣка, который и дѣла-то не зналъ хорошенько. Ты мнѣ доставилъ этимъ много и эгоистическаго горя. Вотъ, подумалъ я, если онъ и о письмѣ не можетъ выхлопотать, будетъ-же онъ хлопотать о чемъ нибудь

важнѣе для меня! Пиши и отвѣчай скорѣе, а прежде всего пиши официально, не ожидая случая, и пиши подробнѣе и пространнѣе. Я теперь отъ васъ всёхъ ломоть отрѣзанный,—и хотѣлъ было прорости, да не могу. *Les absents ont toujours tort*. Неужели и между нами это должно случиться? Но не безпокойся, я въ тебя вѣрю.

Вотъ уже недѣля какъ я вышелъ изъ каторги ¹⁾. Это письмо посылается тебѣ въ глубочайшемъ секретѣ, и о немъ никому ни полслова. Впрочемъ я пошлю тебѣ письмо и официальное, черезъ штабъ Сибирскаго корпуса. На официальное отвѣчай немедленно, а на это—при первомъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ и въ официальномъ ты долженъ изложить самымъ подробнымъ образомъ все главное о себѣ за всѣ эти 4 года. Что же касается до меня, то я бы радъ былъ послать тебѣ цѣлые томы. Но такъ какъ и на это письмо едва имѣю время, то и напишу главнѣйшее.

Что главнѣйшее? И что именно въ послѣднее время было для меня главное? Какъ подумаешь, такъ такъ и выйдетъ, что ничего не упишу я тебѣ въ этомъ письмѣ. Ну какъ передать тебѣ мою голову, понятіе, все что я прожилъ, въ чемъ убѣдился и на чемъ остановился во все это время? Я не берусь за это. Такой трудъ рѣшительно невозможенъ. Я ни одного дѣла не люблю дѣлать въ половину, а сказать что-нибудь—ровнешенько ничего не значить. Впрочемъ, главная реліція передъ тобой. Читай и выжимай, что хочешь. Я обязанъ это сдѣлать и потому принимаюсь за воспоминанія.

Помнишь ли, какъ мы разстались съ тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только что ты оставилъ меня . . . . ., насъ повели, тронхъ, Дурова, Ястржембскаго и меня, заковать. Ровно въ 12 часовъ, т. е. ровно въ Рождество (1849 г.), я первый разъ надѣлъ кандалы. Въ нихъ было фунтовъ 10 и ходить чрезвычайно неудобно. Затѣмъ насъ посадили въ открытые сани, каждаго особо, съ жандармомъ, и на 4-хъ саняхъ, фельдъегерь впереди, мы отправились изъ Петербурга. У меня было тяжело на сердцѣ и какъ-то смутно, неопредѣленно отъ многихъ разнообразныхъ ощущеній. Сердце жило какой-то суетой, и потому ныло и тосковало глухо. Но свѣжій воздухъ оживлялъ меня, и такъ какъ обыкновенно передъ каждымъ новымъ шагомъ въ жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я въ сущности былъ очень спокоенъ и пристально глядѣлъ на Петербургъ, проѣзжая мимо празднично освѣщенныхъ домовъ и прощаясь съ каждымъ домомъ въ особенности. Насъ провозили мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освѣщеніе. Ты сказалъ мнѣ, что

¹⁾ 15-го февраля 1854 г.

у него ёлка, что дѣти съ Эмилией Федоровной отправились къ нему, и вотъ у этого дома мнѣ стало жестоко грустно. Я какъ будто протиснулся съ дѣтенками. Жаль ихъ мнѣ было, и потомъ уже годы спустя, какъ много разъ я вспоминалъ о нихъ, чуть не со слезами на глазахъ. Насъ везли на Ярославль, и потому къ утру, послѣ трехъ или 4-хъ станцій, мы остановились чѣмъ-свѣтъ въ Шлиссельбургѣ, въ трактирѣ. Мы налегли на чай, какъ будто цѣлую недѣлю не ѣли. Послѣ 8 мѣсяцевъ заключенія, мы такъ проголодались на 60 верстахъ зимней ѣзды, что любо вспомнить.

Мнѣ было весело, Дуровъ болталъ безъ умолку, а Ястржембскому видѣлись какіе-то необыкновенные страхи въ будущемъ. Всѣ мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это былъ славный старикъ, добрый и человѣколюбивый до насъ, какъ только можно представить, человѣкъ бывалый, бывшій во всей Европѣ—съ депешами. Дорогой онъ намъ сдѣлалъ много добра. Его зовутъ Кузьма Прокофьичъ Прокофьевъ. Между прочимъ онъ насъ пересадилъ въ закрытыя сани, что намъ было очень полезно, потому что морозы были ужасные.

Другой день былъ праздничный, ямщики садились къ намъ въ армякахъ сѣро-нѣмецкаго сукна съ алыми кушаками, на улицахъ деревень ни души. Былъ чудеснѣйшій зимній день. Насъ везли пустыремъ по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки рѣдкіе, не важные. Но мы выѣхали въ праздничную пору и потому вездѣ было что ѣсть и пить. Мы мерзли ужасно. Одѣты мы были тепло, но просидѣть наприм. часовъ 10, не выходя изъ кибитки, и сдѣлать 5, 6 станковъ (?) было почти невыносимо. Я промерзалъ до сердца, и едза могъ отогрѣться потомъ въ теплыхъ комнатахъ. Но чудно: дорога поправила меня совершенно. Въ Пермской губерніи мы выдержали одну ночь въ сорокъ градусовъ. Этого тебѣ не рекомендую. Довольно неприятно. Грустная была минута переѣзда черезъ Уралъ. Лошади и кибитки завязли въ сугробахъ. Была метель. Мы вышли изъ повозокъ, это было ночью, и стоя ожидали, покажѣтъ вытащатъ повозки. Кругомъ снѣгъ, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба въ ней, назади все прошедшее—грустно было и меня прошибли слезы. По всей дорогѣ на насъ выбѣгали смотрѣть цѣлыми деревнями, и не смотря на наши кандалы, на станціяхъ брали съ насъ въ тридорога. Одинъ Кузьма Прокофьичъ взялъ чуть ли не половину нашихъ расходовъ на свой счетъ, взялъ насильно, и такимъ образомъ, мы . . . . . заплатили только по 15 руб. сереб. каждый за трату въ дорогѣ.

11-го января (1850 г.) мы пріѣхали въ Тобольскъ, и послѣ представленія начальству и обыска, гдѣ у насъ отобрали всѣ наши деньги

были отведены, я, Дуровъ и Ястржембскій, въ особую каморку, прочіе же, Спѣшневъ и другіе, пріѣхавшіе раньше насъ, сидѣли въ другомъ отдѣленіи и мы все время почти не видались другъ съ другомъ.

Хотѣлось-бы мнѣ очень подробно поговорить о нашемъ шестидневномъ пребываніи въ Тобольскѣ и о впечатлѣніи, которое оно на меня оставило. Но здѣсь не мѣсто. Скажу только, что участіе и живѣйшая симпатія почти цѣлымъ счастьемъ наградили насъ. Сильные стараго времени (т. е. не они, а жены ихъ) заботились о насъ какъ о роднѣ. Что за чудныя души, испытанныя 25 лѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ ¹⁾! Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но они присылали намъ пищу, одежду, утѣшали и ободряли насъ. Я, поѣхавши налегкѣ, не взявши даже своего платья, раскаялся въ этомъ . . . . . Мнѣ даже прислали платья. Наконецъ, мы выѣхали и черезъ три дня пріѣхали въ Омскъ.

Еще въ Тобольскѣ я узналъ о будущемъ непосредственномъ начальствѣ нашемъ. Комендантъ былъ человекъ очень порядочный, но плацъ-маюръ Кривцовъ — каналья, какихъ мало, мелкій варваръ, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительнаго. Началось съ того, что онъ насъ обоихъ, меня и Дурова, обругалъ дураками за наше дѣло, и обѣщался при первомъ проступкѣ наказывать насъ тѣлесно. Онъ уже года два былъ плацъ-майоромъ и дѣлалъ ужаснѣйшія несправедливости. Черезъ 2 года онъ попалъ подъ судъ. Меня Богъ отъ него избавилъ. Онъ наѣзжалъ всегда пьяный (трезвый я его не видалъ), придирался къ трезвому арестанту и драгъ его подъ предлогомъ, что тотъ пьянъ какъ стелька. Другой разъ, при посѣщеніи ночью, за то, что человекъ спитъ не на правомъ боку, за то, что вскрикиваетъ или бредитъ ночью, за все, что только влѣзетъ въ его пьяную голову. Вотъ съ такимъ-то человекомъ надо было безвредно прожить, и этотъ-то человекъ писалъ рапорты и подавалъ аттестациі о насъ каждый мѣсяцъ въ Петербургъ.

Съ каторжнымъ народомъ я познакомился еще въ Тобольскѣ и здѣсь въ Омскѣ расположился прожить съ нимъ четыре года. Это народъ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть къ дворянамъ превосходить у нихъ всѣ предѣлы, и потому насъ, дворянъ, встрѣтили они враждебно и съ злобною радостію о нашемъ горѣ. Они бы насъ съѣли, еслибъ имъ дали. Впрочемъ, посуди, велика-ли была

¹⁾ Декабристы.

защита, когда приходилось жить, пить, ѣсть и спать съ этими людьми нѣсколько лѣтъ и когда даже некогда жаловаться за безчисленностию всевозможныхъ оскорбленій.

— «Вы, дворяне, желѣзные носы, насъ заклевали. Прежде господиномъ былъ, народъ мучилъ, а теперь хуже послѣдняго, нашъ братъ сталъ». Вотъ тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 враговъ не могли устать въ преслѣдованіи, это было имъ любо, развлеченіе, занятіе, и если только чѣмъ спасались отъ горя, такъ это равнодушіемъ, нравственнымъ превосходствомъ, котораго они не могли не понимать и уважали, и непоклонимостью ихъ волѣ. Они всегда сознавали, что мы выше ихъ. Понятія о нашемъ преступленіи они не имѣли. Мы объ этомъ молчали сами, и потому другъ друга не понимали, такъ что намъ пришлось выдержать все мщеніе и преслѣдованіе, которымъ они живутъ и дышать къ дворянскому сословію. Жить намъ было очень худо. Военная каторга тяжеле гражданской.

Всѣ четыре года я прожилъ безвыходно въ острогѣ, за стѣнами, и выходилъ только на работу. Работа доставалась тяжелая, конечно не всегда, и я, случалось, выбивался изъ силъ, въ несчастіе, въ мокроту, слякоть или зимою въ нестерпимую стужу. Разъ я провелъ часа четыре на экстренной работѣ, когда ртуть замерзла, и было, можетъ быть, градусовъ 40 морозу. Я ознобилъ себѣ ногу. Жили мы въ кучѣ, всѣ вмѣстѣ, въ одной казармѣ. Вообрази себѣ старое, ветхое, деревянное зданіе, которое давно уже положено сломать и которое уже не можетъ служить. Лѣтомъ духота нестерпимая, зимою холодъ невыносимый. Всѣ полы прогнили. Полъ грязенъ на вершокъ, можно скользить и падать. Маленькія окна заиндевѣли такъ, что въ цѣлый день почти нельзя читать. На стеклахъ на вершокъ льду. Съ потолокъ капель—все сквозное. Насъ какъ сельди въ боченкѣ. Затопятъ шестью полѣнами печку, тепла нѣтъ (въ комнатѣ ледъ едва оттаивалъ), а угаръ нестерпимый и вотъ вся зима. Тутъ же въ казармѣ арестанты моютъ бѣлье и всю маленькую казарму заплескаютъ водою, поворотиться негдѣ. Выйти за нуждой уже нельзя съ сумерекъ до разсвѣта, ибо казармы запираются, и ставится въ сѣняхъ ушатъ, и потому духота нестерпимая. Всѣ каторжные в . . . . . какъ свиньи и говорятъ, что нельзя не дѣлать свинства, дескать, живой человѣкъ. Спали мы на голыхъ нарахъ, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голыя. Всю ночь дрогнешь. Блохъ, вшей и таракановъ четвериками. Зимою мы одѣты (были) въ полушубкахъ, часто сквернѣйшихъ, которые почти не грѣютъ, а на ногахъ сапоги съ короткими голяшками—изволь ходить по морозу.

Ѧсть давали намъ хлѣбъ и щи, въ которыхъ полагалось $\frac{1}{4}$ фунта говядины на человѣка; но говядину кладутъ рубленую и я ее никогда

не видалъ. По праздникамъ каша совсѣмъ почти безъ масла. Въ постъ капуста съ водой и почти ничего больше. Я разстроилъ желудокъ нестерпимо и былъ нѣсколько разъ боленъ.

Суди, можно ли было жить безъ денегъ, и если-бъ не было денегъ, я бы непременно померъ и никто, никакой арестантъ, такой жизни не вынесъ бы. Но всякій что-нибудь работаетъ, продаетъ и имѣетъ копѣйку. Я пилъ чай и ѣлъ иногда свой кусокъ говядины и это меня спасло. Не курить табаку тоже нельзя было, ибо можно было задохнуться въ такой духотѣ. Все это дѣлалось украдкой.

Я часто лежалъ больной въ госпиталѣ. Отъ расстройства нервовъ у меня случилась падучая, но впрочемъ бываетъ рѣдко. Еще есть у меня ревматизмы въ ногахъ. Кромѣ этого я чувствую себя довольно здорово. Прибавъ ко всѣмъ этимъ пріятностямъ почти невозможность имѣть книгу, что достанешь, то читать украдкой, вѣчную вражду и ссору кругомъ себя, брань, крикъ, шумъ, гамъ, всегда подъ ковоемъ, никогда одинъ, и это четыре года безъ перемѣны,—право, можно простить, если скажешь, что было худо. Кромѣ того всегда висящая на носу отвѣтственность, кандалы и полное стѣсненіе духа—и вотъ образъ моего житья-бытья.

- Что сдѣлалось съ моею душою, съ моими вѣрованіями, съ моимъ умомъ и сердцемъ въ эти четыре года—не скажу тебѣ. Долго рассказывать. Но вѣчное сосредоточеніе въ самомъ себѣ, куда я убѣгалъ отъ горькой дѣйствительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надеждъ такихъ, о которыхъ я и не думалъ. Но это все загадки и потому мимо. Одно: не забудь меня и помогай мнѣ. Мнѣ нужно книгъ и денегъ. Присылай, ради Христа.

Омскъ гадкій городишка. Деревьевъ почти нѣтъ. Лѣтомъ зной и вѣтеръ съ пескомъ, зимой буранъ. Природы я не видалъ. Городишка грязный, военный и развратный въ высшей степени. Я говорю про черный народъ. Если-бъ не нашель здѣсь людей, я бы погибъ совершенно. К. И. И—въ былъ мнѣ какъ братъ родной¹⁾. Онъ сдѣлалъ для меня все, что могъ. Я долженъ ему деньги. Если онъ будетъ въ Петербургѣ, благодари его. Я долженъ ему рублей 25 серебромъ. Но чѣмъ заплатитъ за это радушіе, всегдашнюю готовность исполнять всякую просьбу, вниманіе и заботливость какъ о родномъ братѣ, и не одинъ онъ! Братъ, на свѣтѣ очень много благородныхъ людей.

Я уже писалъ, что твое молчаніе иногда меня мучило. Спасибо за

¹⁾ Константинъ Ивановичъ Ивановъ, нынѣ генераль-лейтенантъ, одинъ изъ добрейшихъ, весьма уважаемыхъ лицъ. Онъ женатъ на О. И. Анненковой, дочери декабриста И. А. Анненкова.

присылку денегъ. Съ первымъ же письмомъ (хотя бы и официальнымъ, ибо не знаю еще, могу ли тебѣ передавать теперь извѣстія), съ первымъ же письмомъ пиши мнѣ подробнѣе обо всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, объ Эмилиі Федоровнѣ, дѣтяхъ, обо всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, о московскихъ, кто живъ, кто умеръ, о твоей торговлѣ; напиши на какой капиталъ ты сталъ торговать, выгодно-ли, есть-ли у тебя что нибудь, и наконецъ можешь ли ты мнѣ помогать деньгами, и сколько ты въ состояніи мнѣ присылать ежегодно. Но денегъ не посылай въ официальномъ письмѣ, развѣ если я не найду тебѣ другаго адреса. Покажѣсть пересылай отъ Михаила Петровича (понимаешь?). Но у меня еще есть деньги; за то книгъ нѣтъ. Если можешь, пришли мнѣ журналы на этотъ годъ, хотя «Отечеств. Записокъ». Но вотъ что необходимо: мнѣ надо (крайне нужно) историковъ древнихъ (во французскомъ переводѣ) и новыхъ ¹⁾, экономистовъ и отцовъ церкви. Выбирай дешевѣйшія и компактыя изданія. Пришли немедленно. Я командированъ въ Семипалатинскъ, почти въ киргизскую степь; адресъ я тебѣ вышлю. Во всякомъ случаѣ вотъ онъ: въ Семипалатинскъ, сибирскаго линейнаго № 7-го батальона рядовому. Это официальный адресъ. На этотъ присылай письма. Но для книгъ я вышлю другой. А покажѣсть пиши отъ Михаила Петровича. Знай только, что самая первая книга, которая мнѣ нужна — это нѣмецкій лексиконъ.

Не знаю, что ждетъ меня въ Семипалатинскѣ. Я довольно равнодушенъ къ этой судьбѣ. Но вотъ къ чему не равнодушенъ: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мнѣ черезъ годъ, черезъ 2 на Кавказъ—все таки Россія! Это мое пламенное желаніе, прости ради Христа! Братъ, не забывай меня! Вотъ я пишу къ тебѣ и распоряжаюсь всѣмъ, даже состояніемъ твоимъ. Но у меня вѣра въ тебя не погасла. Ты мой братъ и любилъ меня. Мнѣ нужно денегъ. Мнѣ надо жить, братъ. Не бесплодно пройдутъ эти годы. Мнѣ нужно денегъ и книгъ. Что истратишь на меня—не пропадетъ. Ты не ограбишь своихъ дѣтей, если дашь мнѣ. Если только буду живъ, то имъ съ лихвой возвращу. Вѣдь позволять же мнѣ печатать лѣтъ черезъ шесть, а можетъ и раньше. Вѣдь много можетъ переимѣниться; а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мнѣ.

Мы увидимся, братъ, очень скоро. Я вѣрю въ это какъ въ дважды два. На душѣ моей ясно. Вся будущность моя, и все что я сдѣлаю, у меня какъ передъ глазами. Я доволенъ своею жизнію. Одного только можно опасаться: людей и произвола. Попадешь къ началь-

¹⁾ Vico, Гизо, Тьери, Тьера, Ранке и т. д., и т. д.

нику, который не влюбить (такіе есть), придерется и погубить или загубить службой, а я такъ слабосиленъ, что конечно не въ состояніи нести всю тягость солдатства. «Тамъ все люди простые», говорятъ мнѣ въ ободреніе. Да простаго-то человѣка я боюсь болѣе, чѣмъ сложнаго. Впрочемъ люди вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками я въ четыре года отличилъ, наконецъ, людей. Повѣришь-ли, есть характеры глубокіе, сильныя, прекрасныя, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны. Я училъ одного молодого черкеса (присланнаго въ каторгу за разбой) русскому языку и грамотѣ. Какую же благодарностію окружилъ онъ меня. Другой каторжный заплакалъ, разставаясь со мной. Я ему давалъ денегъ, да много-ли? Но за это благодарность его была безпредѣльна. А между тѣмъ характеръ мой испортился; я былъ съ ними капризенъ, нетерпѣливъ. Они уважали состояніе моего духа и переносили все безропотно. А прогоръ: сколько я вынесъ изъ каторги народныхъ типовъ, характеровъ! Я сжилъ съ ними и потому, кажется, знаю ихъ порядочно. Сколько исторій бродягъ и разбойниковъ и вообще всего чернаго горемычнаго быта. На цѣлыя томы достанетъ. Что за чудный народъ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ можетъ быть немногіе знаютъ его. Ну, это мое маленькое самолюбіе! Надѣюсь, простительно.

Братъ! Пиши мнѣ непременно о всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ твоей жизни. Адресуй въ Семипалатинскъ официально, и не официально—какъ уже знаешь. Пиши обо всѣхъ нашихъ знакомыхъ петербургскихъ, пиши о литературѣ (поболѣе частныхъ) и наконецъ о московскихъ. Что братъ Коля? Что (и это главное), что сестрица Сашенька? Живъ ли дядя? Что братъ Андрей? Къ теткѣ я пишу черезъ сестрицу Вѣрочку по случаю. Письмо это въ тайнѣ. Ради Бога это письмо мое держи въ тайнѣ и даже сожги: не компрометируй людей. Не забудь же меня книгами, любезный другъ. Главное—историковъ, экономистовъ, «Отечеств. Записки», отцовъ церкви и исторію церкви. Перешли въ разное время, но пересылай немедленно. Я распоряжаюсь въ твоемъ карманѣ какъ въ своемъ, но это оттого, что я не знаю твоихъ денежныхъ обстоятельствъ. Напиши мнѣ объ этихъ обстоятельствахъ чтонибудь точное, чтобъ я имѣлъ понятіе. Но знай, братъ, что книги—это жизнь, пища моя, моя будущность! Не оставь же меня, ради Господа Бога. Пожалуйста! Спроси разрѣшенія, можно ли будетъ тебѣ послать мнѣ книгъ официально. Впрочемъ осторожно. Если можно официально, то высылай. Если - жъ нѣтъ, то

черезъ брата Константина Ивановича, на его же имя; мнѣ перешлютъ. Впрочемъ Константинъ Ивановичъ будетъ самъ въ Петербургѣ въ этомъ году; онъ тебѣ все расскажетъ. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпѣли!

Я постараюсь тебѣ найти другой адресъ изъ Семипалатинска, куда я отправлюсь черезъ недѣлю. Я еще немного нездоровъ и потому на нѣкоторое время задержанъ. (Пришли мнѣ коранъ, Critique de raison pure Канта) и если какъ нибудь въ состоянн мнѣ переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, въ особенности Гегелеву: Исторію философіи. Съ этимъ вся моя будущность соединена! Но, ради Бога, старайся и проси о моемъ переводѣ на Кавказъ, да навѣдайся у людей знающихъ, можно ли мнѣ будетъ печатать, и какъ объ этомъ просить. Я попрошу года черезъ два или три. Вотъ до тѣхъ-то поръ корми меня пожалуйста. Безъ денегъ меня задавить солдатство. Смотри-же!

Не поможетъ-ли мнѣ хоть чѣмъ нибудь другая родня, хоть на первый разъ? Въ такомъ случаѣ, пусть деньги дають тебѣ, а ты ужъ мнѣ пересылай. Впрочемъ я въ письмахъ къ Вѣрочкѣ и теткѣ у нихъ не прошу. Догадаются сами, если сердце велить.

Филиповъ, уѣзжая въ Севастополь, подарилъ мнѣ 25 руб. сер. Онъ оставилъ ихъ у коменданта Набокова, такъ что и я не зналъ. Онъ думалъ, что у меня не будетъ денегъ. Хорошая душа. Всѣ наши ссыльные живутъ помаленьку. Толь кончилъ каторгу; онъ въ Томскѣ и живетъ порядочно. Ястржембскій въ Тарѣ кончаетъ. Спѣшневъ въ Иркутской губерніи, пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Чудная судьба этого человѣка! Гдѣ и какъ онъ ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружають его тотчасъ же благоговѣніемъ и уваженіемъ. Петрашевскій попрежнему безъ здраваго смысла. Момбелли и Львовъ здоровы, а Григорьевъ, бѣдный, совсѣмъ помѣшался и въ больницѣ. А что-то у васъ? Видишь-ли ты съ М-ме Плещеевой, что сынъ? Отъ проходящихъ арестантовъ я слышалъ, что онъ въ Орской крѣпости и живетъ, а Головинскій давно на Кавказѣ. Какъ ты съ литературой и въ литературѣ? Пишешь-ли что нибудь? Что Краевскій и въ какихъ вы отношеніяхъ? Островскій мнѣ не нравится, Писемскаго я совсѣмъ не читалъ, отъ Дружинина тошнить. Евгенія Туръ привела меня въ восторгъ. Крестовскій ¹⁾ тоже нравится.

Много бы хотѣлось мнѣ написать тебѣ; но времени такъ прошло

¹⁾ Псевдонимъ Хвоцинской, въ замужествѣ Заюнчковой.

много, что я даже въ затрудненіи съ этимъ письмомъ. Но вѣдь не можеть же быть, чтобы мы много оба измѣнились другъ къ другу. Раздалую дѣтей. Помнятъ ли они дядю Федю. Всѣмъ знакомымъ поклонъ; но письмо это въ глубокомъ секретѣ. Прощай, прощай, дорогой мой! Услышишь обо мнѣ и можеть быть увидишь меня. Да увидимся же непременно! Прощай. Прочти хорошенько все, что я тебѣ пишу. Пиши ко мнѣ чаще (хоть официально). Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ бес-
счетно разъ.

Твой Достоевскій.

P. S. Получилъ-ли ты мою Дѣтскую сказку, которую я написалъ въ Равелинѣ ¹⁾. Если у тебя, то не распоряжайся и не показывай ее никому. Кто такой Черновъ, написавшій Двойникъ въ 1850-мъ году?

Да пришли мнѣ, пожалуйста, сигаръ, не важныхъ, но американскѣхъ, и папирсъ, только непременно съ сюрпризомъ.

22-го числа февраля.

Завтра, кажется, я навѣрно ѣду въ Семипалатинскъ. К. И. будетъ здѣсь до мая. Я думаю, что ты можешь, если захочешь мнѣ что нибудь переслать—книгъ, на примѣръ, прислать еще на прежнее имя Михаила Петровича. На Семипалатинскъ я, можеть быть, дамъ тебѣ другой адресъ (не официальный). Официально же пиши мнѣ непременно какъ можно скорѣе и чаще. Ради Бога, похлопочи за меня. Нельзя ли мнѣ на Кавказъ или куда нибудь вонъ изъ Сибири. Теперь буду писать романы и драмы, да много еще, очень много надо читать. Не забывай же меня и еще разъ прощай. Перецалуй дѣтей.

До свиданія!

Твой Достоевскій.

Примѣчаніе. Письмо это, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ для біографіи знаменитаго нашего писателя Ф. М. Достоевскаго, получено нами отъ протоіерея І. Румянцова, завѣдывающаго церковно-приходской школой имени Ф. М. Достоевскаго въ городѣ Старая-Русса. Подлинникъ письма, какъ писать намъ о томъ отъ Румянцовъ,—заявила при этомъ въ письмѣ отъ 19-го іюля, что А. Г. Достоевская предоставила ему напечатать это письмо въ пользу школы, имени Ф. М. Достоевскаго,—находится у вдовы покойнаго писателя.

Ред.

¹⁾ Петропавловской крѣпости.

14-ое декабря 1825 г.

Въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1885 г. помѣщенъ рассказъ подъ заглавіемъ: «День 14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ», подписанный Васил. Мих. Еропкинымъ, который назвалъ себя «старѣйшимъ нынѣ лейбъ-гренадеромъ». Въ этомъ рассказѣ, къ сожалѣнію, вкрались разныя невѣрности, которыя редакція исправляетъ нынѣ согласно интересной замѣтки одного изъ постоянныхъ читателей «Русской Старины».

«Я очень сомнѣваюсь, пишетъ намъ г. NN., въ правдивости рассказа будто императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ школу юнкеровъ во время ихъ обѣда 13-го декабря; государь впоследствии часто передавалъ въ кругу близкихъ ему лицъ рассказы о 14-мъ числѣ, о всѣхъ предъидущихъ дняхъ, но никогда онъ не рассказывалъ про посѣщеніе имъ школы наканунѣ 14-го числа и оно совершенно невѣроятно. Можетъ быть, что онъ въ ней былъ или въ послѣднихъ числахъ ноября, или въ первыхъ дняхъ декабря, но навѣрное 13-го числа онъ въ ней не былъ.

Со дня полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра I, Николай Павловичъ вообще избѣгалъ гдѣ либо показываться. Не до того было ему въ эти дни, чтобъ ѣздить по школамъ. Извѣстно, что все 13-е число ожидали пріѣзда в. к. Михаила Павловича, что государственный совѣтъ былъ весь день въ сборѣ, но что засѣданіе Николай Павловичъ открылъ только ночью, не дождавшись пріѣзда брата.

На стр. 189-й Еропкинь рассказываетъ, какъ государь встрѣтилъ Измайловскій полкъ у Синяго моста. Вся эта сцена описана вѣрно,—но слова, которыя онъ влагаетъ въ уста Николая Павловича—«моя первая пеленка была измайловская шинель»—не могли быть имъ сказаны, очень просто потому, что въ Измайловскій полкъ онъ былъ назначенъ только въ 1800-мъ году, когда ему было 4 года; онъ могъ бы еще

такъ выразиться про конную гвардію, въ которую онъ былъ назначенъ 6-го ноября 1796 года, въ день восшествія на престолъ императора Павла I-го, но и это невѣроятно,—какъ-то на него не похоже.

Открытие пушечной пальбы тоже рассказано невѣрно, на стр. 190-й. Правда, что многіе и въ томъ числѣ и Мортемаръ, (но въ этомъ я не увѣренъ), долго уговаривали государя открыть огонь на мятежниковъ изъ орудій, но Николай Павловичъ все не соглашался. Окончательно его въ томъ уговорилъ Ларіонъ Ларіоновичъ Васильчиковъ.

Государь и ему сперва отвѣтилъ:

— «Voulez-vous donc que je commence mon règne en versant le sang de mes sujets?»

И онъ сдѣлся только, когда тотъ ему отвѣтилъ:

— «Voulez-vous sacrifier l'avenir de la Russie au sang de quelques misérables?»

Тогда Николай Павловичъ скомандовалъ: «пальба орудіями—первая!»—но прежде чѣмъ по уставу фейерверкеръ перваго орудія успѣлъ докончить команду пли—государь скомандовалъ: «отставь».

И это повторилось два раза!—такъ было ему тяжело проливать русскую кровь.

Наконецъ, государь повторилъ въ третій разъ ту-же команду и съ тѣмъ вмѣстѣ поворотилъ лошадь назадъ и отъѣхалъ, чтобъ лишить самого себя возможности отмѣнить приказаніе.

Выстрѣла вслѣдъ за командою не раздалось.

Оказалось, что артиллеристъ, который долженъ былъ приложить фитиль, получивъ два раза отмѣну, и въ третій разъ не рѣшался исполнить команду, ожидая, не будетъ ли и третьей отмѣны. Тогда къ нему подсказалъ, если не ошибаюсь, Сухозанетъ, начальникъ артиллеріи, и спросивъ: «что ты не стрѣляешь», повторилъ повелительно: «пли».

Солдаты отвѣтилъ: «вѣдь наши, ваше превосходительство», и вмѣстѣ съ этимъ выстрѣлилъ.

Во время всего этого событія великаго князя Михаила Павловича тутъ не было; онъ все время былъ съ войсками, которыя занимали пространство налѣво между Исакиевскимъ соборомъ и манежомъ конной гвардіи.

Товарища своего Ливена Еропкинь называетъ все время свѣтлѣйшимъ княземъ, тогда какъ этотъ титулъ Ливены получили, если не ошибаюсь, только въ коронацію въ 1826 году. Командиръ Московскаго полка, котораго ранилъ Щепинъ-Ростовскій, названъ Хвоцинскимъ,

тогда какъ имъ былъ баронъ Фредериксъ ¹⁾). Далѣе напечатано: «семь ротъ Измайловскаго полка побѣжали на площадь; командиръ роты его величества удержалъ свою роту, повелъ ее въ Зимній дворецъ, гдѣ она и присягнула». Все это невѣрно. Правда, что во время присяги рано утромъ въ полку было нѣкоторое колебаніе, происходившее, какъ и вездѣ, отъ сомнѣнія, отъ непониманія всего тогда происходившаго, но полковой командиръ, Павелъ Петровичъ Мартыновъ, тотчасъ успокоилъ солдатиковъ, все имъ объяснилъ и въ полномъ составѣ повелъ полкъ по Вознесенской, гдѣ у Синяго моста и произошла вышеописанная встрѣча съ Николаемъ Павловичемъ. Никогда рота его величества не была водима отдѣльно для присяги въ Зимній дворецъ, и вообще никакая войсковая присяга не происходила во дворцѣ, а всѣ войска присягали рано утромъ 14-го числа въ своихъ полковыхъ дворахъ или на полковыхъ площадяхъ.

Далѣе старѣйшій лейбъ-гренадеръ рассказываетъ, что Николай Павловичъ вынесъ наслѣдника и собственноручно передалъ его командиру Преображенской роты его величества, Павлу Николаевичу Игнатьеву; это случилось не съ преображенцами и не съ Игнатьевымъ, а съ саперами на большомъ дворѣ Зимняго дворца у главныхъ воротъ, и эта сцена изображена на одномъ изъ барельефовъ памятника Николая Павловича на Марининской площади. Далѣе рассказывается, что князь Серг. Ив. Мещерскій удержалъ роту его величества гренадерскаго полка и привелъ ее въ Зимній дворецъ, гдѣ она и присягнула. Опять невѣрность. Правда, что Мещерскій роту удержалъ въ вѣрности, но ни она, ни какая другая часть войскъ собственно въ Зимнемъ дворцѣ не присягала».

Августъ 1885.

Z.

Примѣчаніе: Мы весьма признательны одному изъ постоянныхъ читателей «Русской Старины», весьма обязательно сообщившему приведенную выше замѣтку. Она, вмѣстѣ со многими другими рассказами очевидцевъ, а главное въ связи съ подлинными документами, относящимися къ событіямъ изъ эпохи востества на престолъ Николая I, — во множествѣ напечатанными на страницахъ «Русской Старины» (см. изд. 1870 г., т. II, изд. третье, стр. 558; изд. 1873 г., т. VII, стр. 361 (рассказъ нач. арт. И. О. Сухозанета), изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 134—136, 611; изд. 1882 г., т. XXXV, стр. 147—216 и друг.), — вполне восстанавливаетъ истину и заставляетъ забыть три четыре грубыхъ погрѣшности въ рассказѣ нѣкоего г. Еропкина, — лица, намъ совершенно незнакомнаго.

Ред.

¹⁾ Сынъ его, Сергій Фредериксъ, былъ первый адъютантъ его высочества в. к. Константина Николаевича; Сергій Фредериксъ учился съ его императорскимъ высочествомъ.

ТИХОНЪ, ЕПИСКОПЪ СУЗДАЛЬСКІЙ,

1782 г.

Тихойъ, распоряженіе котораго печатается ниже, епископъ Суздальскій и Юрьевскій, родомъ малороссійнинъ, архимандритъ Ярославскаго Спасскаго монастыря, хиротонисанъ во епископы въ Сѣвскѣ 1764 года, іюля 10-го дня. Изъ Сѣвска переведенъ въ Воронежъ, а изъ Воронежа поступилъ въ Суздаль 1775 года 15-го августа; управлялъ епархією около 11-ти лѣтъ: умеръ 1786 года 5-го апрѣля и погребенъ въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ (См. Сузд. достопамятности, соч. магистра іеромонаха Іосафа).

Записка суздальскаго епископа Тихона.

«1782 года октября 6-го дня, съ полдня и въ девятомъ часу при соборѣ въ доску не бито: спросить въ консисторіи ключаря соборнаго, которому велѣно наблюдать, для чего пропущено и кѣмъ, и подписавъ подъ симъ сей же часъ или чрезъ 2 подать мнѣ. 1782 года октября 7-го дня. Смиранный Тихонъ, епископъ Суздальскій».

Объясненіе ключаря Смирнова.

«Вчерашняго 6-го числа съ вечера череда была въ доску бить сторожа Ивана Гусева и онъ извиняется, что девятый и десятый часъ проспалъ, а съ десятаго часа, сказываетъ, затѣмъ въ доску не стучали, что часы остановились, а часоводцемъ въ нынѣшней недѣлѣ сторожъ Василій Ананьянъ. О семъ и объявляю, ключарь Алексѣй Смирновъ».

Резолюція еп. Тихона.

«Ивану Гусеву положить по средѣ соборной церкви на обѣдѣ сто пять поклоновъ такимъ порядкомъ: 35—до евангелія, 35—до херувимской пѣсни, а 35 до достойнаго; при полаганіи же стояли-бы позадь его по два человекъ, перемѣняясь съ его сотоварищей, дабы чувствовали, что впредь есть-ли кто въ томъ погрѣшнѣ, то уже другимъ наказаніемъ будетъ штрафованъ, да и то всѣмъ сторожамъ и звонарямъ подтвердить, чтобъ они узнавъ череднаго немощъ, исправляли-бы тую очередь, а немощной бывой, выздоровѣвъ, можетъ ему или въ такомъ же случаѣ, или и особо отслужить, въ чемъ и наблюдать отцу ключарю. 1782 года октября 8-го дня. Смиранный Тихонъ Е. С.».

Суздальскіе архіереи жили близъ собора въ домѣ, построенномъ митрополитомъ Иларіономъ.

Сообщ. въ 1875 г. К. Н. Тихонравовъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1885 г.

ТОМЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг. Гл. I—IV	365—390
II. Двѣнадцатый годъ въ запискахъ Варвары Ивановны Бакуниной	391—410
III. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. VII—IX. 27—44; 223—238; 429—444	27—44; 223—238; 429—444
IV. Подъ Севастополемъ въ 1853 — 1856 гг. Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, генераль-маіора Л. Г. Духонина	87—124; 255—288; 445—460
-

Исслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

	стр.
I. Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 года. Исслѣдованіе по официальнымъ даннымъ. Сообщ. Н. М. Колмаковъ.	125—136
II. Первые страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг. Сообщ. Г. Джантіевъ.	481—494
III. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. По матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“. 1782—1867 гг. Гл. II—V.	1—26
IV. Троицко-Сергіева приморская пустынь, 1735—1885 гг. Сообщ. П. П. Каратыгинъ.	167—178
V. Кладбище при Спасо-Преображенской придворной церкви въ Стрѣльнѣ. Сообщ. П. П. Каратыгинъ.	179—180
VI. Князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ. Мнѣніе его о сбереженіи лѣсовъ въ Россіи, 1876 г. Сообщ. Н. Ф. Фанъ-дербъ-Флитъ	181—183

Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

I. Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I. Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ, 1720—1724 гг. Сообщ. Н. М. В.	185—208; 347—364
II. Распоряженіе епископа Суздальскаго Тихона о битіи въ доску, 1782 г.	524
III. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г.	337—345
IV. 14-ое декабря 1825 г.	521—523
V. Война съ польскими мятежниками 1831 года въ перепискѣ императора Николая I-го съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ.	45—60; 239—254; 411—428
VI. Бунтъ на Сѣнной площади въ С.-Петербургѣ 22 іюня 1831 года. Рассказъ стоявшаго въ тотъ день въ караулѣ гвардейскаго офицера И. Р. фонъ-дербъ-Ховена.	61—68

- VII. Холерный мѣсяцъ въ С.-Петербургѣ, июнь 1831 г. Очерки по подлиннымъ дѣламъ. Гл. III—VII. Составилъ А. Г. Пупаревъ. . . . . 69—86
- VIII. Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг. Очеркъ по документамъ мѣстнаго архива. Сообщ. Д. Д. Ахшарумовъ. 209—222
- IX. Н. И. Пироговъ и докторъ Зейдлицъ. Открытое письмо доктора Зейдлица проф. Н. И. Пирогову, 19 октября 1854 г., и отвѣтъ послѣдняго, 16—18 марта 1855 г. Сообщ. Н. Ѳ. Здекауеръ. . . . . 289—306 и 461—466
- X. Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг. Запѣтки къ запискамъ Я. А. Соловьева. Сообщ. Ник. М. Колмаковъ. 467—480
-
- XI. О возобновленіи памятника на общей могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хруцова, † 27-го іюня 1740 г. . . . 184; 466

Исторія русской литературы.

- I. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.
1. Отправка его въ Сибирь и пребываніе въ острогѣ, 1850—1854 гг. . . . . 511—520
  2. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій въ письмахъ 1867—1870 гг. Сообщ. С. А. Хмырова. . . . . 137—166
- II. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
1. Стихотвореніе его: «Призваніе». Сообщ. А. В. Смирн—въ. 307—312
  2. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг. . . . 313—336; 495—510

Портреты.

- I. Портретъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ. Гравировалъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 347).

II. Портретъ архимандрита о. Игнатія, настоятеля Троицко-Сергіевой пустыни. Гравироваль И. И. Матюшинъ.

(См. стр. 178).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Иллюстрированная исторія Екатерины II. Соч. А. Г. Брикнера. В. I—VII. Изд. А. Суворина. (На оберткѣ VII-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
2. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885 г., 351 стр. (Тамъ-же)
3. Записки по исторіи Литовско-русскаго государства. П. Дашкевича. 192 стр. Кіевъ, 1885 г. (Тамъ-же).
4. Новая изслѣдованія по исторіи московскаго періода. (Тамъ-же).
5. Розыскныя дѣла о Феодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археогр. комиссіи. Т. I, Спб., 1884 г., 1286 столбц. Т. II, 1885 г., 846 столбц. (На оберткѣ VIII-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 года).
6. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XLI, —т. XLII, стр. 497; т. XLIII, стр. 636; т. XLV, стр. 623; т. XLVII, стр. 565. Спб., 1885 г. (Тамъ-же).
7. Исторія С.-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ, 1703 — 1782. Соч. П. Н. Петрова. Изд. И. И. Глазунова. Спб., 1885 г., стр. 848+246. съ планомъ. (На оберткѣ IX-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
8. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. III. Изслѣд. И. И. Дубасова. 1884 г., 191 стр. (Тамъ-же).
9. Мееодіевскій юбилейный сборникъ, изд. императ. Варшавскимъ университетомъ, подъ ред. проф. А. Будиловича. Варшава, 186. (Тамъ-же).
10. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. III, Спб., 577—861. (Тамъ-же).

Примѣч. Отзывы объ этихъ книгахъ и изданіяхъ сообщ. проф. В. С. Иконниковъ.

Очерки и рассказы М. И. Семеvскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб., 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромолитографически красками.

Цѣна два руб.

(Изданіе, въ количествѣ 3000 экз., разошлось сплона).

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ можно получить слѣдующія изданія:

„СЛОВО И ДѢЛО!“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленій антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сплона. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ сличенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ два рубля.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОИСѢЙ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицъ Авдотьи Ѳеодоровны и Катерины Алексѣевны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца **Михельсона**, кн. **Платона Зубова**, **А. П. Ермолова**—всі эти гравюры на мѣди исполнены акад. **И. П. Пожалостиннымъ**. Портреты **Екатерины II** и графа **Аракчеева**—гелиографическіе снимки. Портреты—**Емельяна Пугачева**, кавказ. генерала **Клугенау** и **В. Г. Вѣлинскаго**—гравюры акад. **Л. А. Сѣрякова**.—Снимокъ съ указа о смерти **Петра Великаго**, 1725 г.

Содержаніе: Записки **Гарновскаго**, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. **Потемкину-Таврическому**: дворъ императрицы **Екатерины II** въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка **Екатерины II** съ кн. **Потемкинымъ**, 1783—1791 гг.—Всѣмды **Екатерины II** о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки **Н. Г. Левшина** о событіяхъ начала царствованія **Александра I**.—Записки **А. С. Стурдзы** о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе **Александра I**.—Автобіографія и переписка академика **А. Л. Витберга**, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки **Ивана Степановича Жиркевича**: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказъ профес. **Федора Григорьевича Солнцева**: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздка по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святыхъ императоромъ **Николаемъ I**; рассказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; рассказы о художникахъ (**К. П. Брюлловъ**) и проч. дѣлать.—Воспоминанія артиста **П. А. Каратыгина**, вдовы адмирала **Л. И. Рикордъ** и друг.—Митрополитъ **Ростовскій Арсеній Маѣевичъ**—историческій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**.—Крѣпостные крестьяне при **Екатеринѣ II**, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія **В. И. Семевского**.—Бунтъ **Беньевскаго** въ **Камчаткѣ** въ 1771 г.—**Москва** въ 1770—1771 гг.—статья академика **С. М. Соловьева**.—**Павель Полуботокъ**—статья **Н. И. Костомарова**.—Главные пособники **Емельяна Пугачева**—въ ихъ собственныя показанія на судѣ по подлинному о нихъ дѣлу).—**Михельсонъ, побѣдитель Пугачева**—біографическій очеркъ.—**Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ** (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—**Самсонъ-ханъ Макицевъ** и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья **Ад. П. Верже**.—Профессоръ **Илья Васильевичъ Буяльскій**, его біографія, составленная проф. **Я. А. Чистовичемъ**.—**Т. О. Осиповскій**, ректоръ **Харьковскаго университета**.—**Холерный бунтъ** въ 1831 г., рассказъ очевидца.—**Артемій Волгинскій**, **М. М. Сперанскій**, **А. П. Ермоловъ**, **М. И. Глинка**, архимандритъ **Новгородскаго Юрјева монастыря Фотій**, протоіерей **Самборскій**, **А. С. Грибодовъ**—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ.—Письма, планы и предвѣртія императора **Николая Павловича**, а также записки и донесенія кн. **М. Д. Горчакова** и кн. **И. Ф. Паскевича** о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новые данныя о **В. Г. Вѣлинскомъ** (двѣ большія статьи); **Н. В. Гоголь**— по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старинѣ“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,

8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ *С.-Петербургъ, Большая Подольская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.*

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1877 г.

съ портретами: кн. **Е. Дашкова**, графъ **А. Мамоновъ**, кн. **Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій**, московскій митрополитъ **Филаретъ**, **М. О. Орловъ**, княгиня **Жаннета Ловичъ**—супруга цесаревича **Константина Павловича**, кавказскій имамъ **Шамиль**, **Н. Н. Муравьевъ** (Карскій), **К. В. Чевкинъ**, **И. А. Яковлевъ**.—Рисунки: галера императрицы **Екатерины II** и памятникъ **Архипу Осипову**. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора **Александра I**, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая революція—историческій очеркъ.—Крѣпостные крестьяне при **Екатеринѣ II**.—Сельскій священникъ—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка **Кокса**.—Записки берлинскаго профес. академика **Тьебо** о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1786 гг.—Герцогиня **Ингстонъ** въ Россіи.—Бракоразводное дѣло **Евдоимъ Гаммibalъ**.—**Екатерина II** и **Густавъ III**.—Невѣсты цесаревича **Павла Петровича**.—Русское войско въ царствованіе **Павла Петровича**.—Цесаревичъ **Константинъ Павловичъ**—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство **Ермолова** въ Персію въ 1817 году.—Записки **Шуазель-Гуфье**—объ императорѣ **Александрѣ I** и его времени.—Уничтоженіе массонскихъ ломъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки **И. А. Каратыгина**.—Воспоминанія **Т. П. Пассемъ**.—Дневникъ барона **Л. П. Николая**: война Россіи съ Венгеріей въ 1849 г.—**Ил. Мещинковъ** въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта **А. А. Панаева**.—Воспоминаніе о **Т. И. Грановскомъ**—**Селіванова**, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора **Николая Павловича** и донесенія его полководцевъ.—**Федоръ Карловичъ Затлеръ**, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора **А. Генрици**.—**Шамиль** и его семья въ **Калугѣ**, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника **П. Г. Пржецлавскаго**.—**И. В. Чевкинъ**: первыя главы его біографіи и проч.—Вообще въ двѣнадцать книгъ изданія „Русской Старины“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. **Н. И. Барсова**, **А. Д. П. Берге**, **М. И. Богдановича**, проф. **М. И. Герчакова**, акад. **Я. И. Грота**, **М. Е. Забѣлина**, профес. **В. С. Иконникова**, **Д. И. Иловайскаго**, **Е. П. Карновича**, **Н. И. Костомарова**, **П. А. Кулиша**, **П. С. Лебедева**, **И. И. Ороуса**, **А. Н. Попова**, **Д. Д. Рабичина**, **В. М. Семеновскаго**, проф. **В. И. Сергѣевича**, акад. **С. М. Соловьева**, **В. В. Стасова**, **А. Н. Строва**, **И. И. Шамшева**, **Н. К. Шильдера** и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ *С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.*

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; па-сторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князья Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромоли-тографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Го-голя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1878-й годъ, девятый годъ изда-нія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. Н. Зинцова.—Записки акад. Тьebo.—Записки пастора Зейдера: его страданія, казни и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра 1-го и императрицы Маріи Тео-доровны — Записки кн. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій—очеркъ его государственной дѣятельности. Записки артистки А. Я. Никулиной-Косицкой.—Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассень.—Шамилъ въ Калугѣ.— Записки пристава.—Жизни и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность И. И. Айвазовскаго (автобиографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Записки протоіерей І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксеудза прелата Бутневича: возсташе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки М. С. Жирневича: въ Петербургѣ и Сим-бирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стогова: ссылкно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жан-дармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая проч.—Изъ дневника Варгагена фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.—Инокентій, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій.—И. В. Чевининъ и управленіе имъ путемъ сообщеній.—Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венеціановъ—первый бытовомъ живописецъ, его біографія и труды.—Рассказъ лейбъ-казака И. М. Шамшева.—„Вѣчный Жидъ“—поэма въ стихахъ В. И. Ко-хельбенера (декабриста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Бал-зедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—разсказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Теругасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—„Митюха Валдайскій“, зрѣлище въ терхъ дѣйствій, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митро-полита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—
8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьяче-
ская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иринѣя Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,— между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Мурамина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варуны-Секрета, Л. И. Рижардъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. М. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Наратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варггагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Моя сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассеви;—Воспоминанія М. И. Вемюнова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Мловайскаго;—В. И. Семевскаго;—Н. Мизио;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Мюниммова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голицынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавией въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-Мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринѣя въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1880 г.

Издание второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Енаторины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павскаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго;—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Строва.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. М. Ростиславова (одинадцать главъ).—Записки Топцова: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлова (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Семанова: губернаторъ Панчулидзевъ и ссыла въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Захаревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Сельскаго Самодина;—Записки Я. М. Невѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки Ш. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Бегуславскаго и Е. М. Лавовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. Н. Пузыревскаго.—Бѣликій Новгородъ—статья М. М. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. И. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческая и историко-біографическая статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня востества на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаний въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая жизнь въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берге и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, доисненія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Бриловъ (къ исторіи отѣмныя питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамана),—профес. О. Ф. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣвщинъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. П. Градовскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова);—Г. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьяская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1883 г.

съ портретами: Вухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковского; Марьи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Бакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: памятника на могилѣ Артемія Волынскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирновой;—Зап. де-Сангсена;—Зап. адм. П. В. Чичагова;—Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ;—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагда, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.;—Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1834—1848 гг., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. В. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржецлавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго;—Зап. А. Л. Фед. Ваггоута, 1806—1883 г.;—Очерки: Близній бояринъ Ае. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первенцы имп. російск. гвардіи ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1883 гг.;—Коронаціи русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отзывахъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Баклановъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Канкринъ;—Ник. Ив. Пироговъ;—Нина Алекс. Грибоѣдова;—Фларетъ, митрон. московскій;—Макарій, митрон. московскій и коломенскій;—Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій;—Ириней, архіеп. иркутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеписк. тверской;—Историческій памятникъ въ Переславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. П. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могилы Артемія Волынскаго, —Проконій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донатъ;—Имп. Іосифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1864 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 іюня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Повѣдка подъ Плевнѣю въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго.—В. А. Жуковский, —К. Н. Батюшковъ, —В. К. Кюхельбекеръ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Т. Г. Шевченко, —А. С. Хомяковъ, —Вас. и Ив. Кирѣевскіе, —Н. В. Гоголь, гр. А. К. Толстой, —Ф. М. Достоевскій, —Мих. В. Андѣевъ, —А. С. Тургеневъ;—Я. К. Гротъ, —въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности.—М. И. Глинка, —гр. Ф. П. Толстой, —Перовъ и Мусоргскій, —А. Н. Сѣрьвъ, —Л. А. Сѣрьвовъ, —И. И. Ползуновъ, —А. Ф. Калоринъ, —архим. Игнатій Малышевъ—въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Θ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портреть-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волынскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная карриатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пушина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Θ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. Я. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1653 г.;—Екатерина II и Дидро, кн. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрия и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.;—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гндятъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Ватюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко.—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Θ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ КОМНАТЪ.

Принимается подписка на facsimile съ оригинальныхъ въ пандактъ

НОВЫХЪ КАРТИНЪ

(РУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ).

„Серебряный лѣсъ“, картина изображаетъ зимнее утро, всѣ деревья, занесенныя снѣгомъ, отражаютъ серебрянымъ блескомъ.—„Ранняя весна“, картина изображаетъ полдень, за березовымъ лѣсомъ красуется свѣтло-голубоватое небо, около лѣсу виднѣется болото. Ориг. профессора А. Мещерскаго. Цѣна за одну карт. 3 р., за двѣ только 4 р., а также продолжается подписка: „Ночь на взморьѣ“, картина изображаетъ лунную ночь и малую пристань.—„Утро на Финскомъ заливѣ“, картина изображаетъ туманное утро и нарузку товара на пароходъ (ориг. худож. Лундъ). Цѣна за одну 2 р., за двѣ только 3 р. За пересылку двухъ или 4-хъ картинъ 60 к. Выйдутъ въ свѣтъ въ сентябрѣ м. с г., и цѣною уже тогда будутъ вдвое дороже. А также имѣются готовыя новыя картины, уже вышедшія въ свѣтъ: „Передъ дождемъ“ (стадо овецъ у рѣчки на водопадѣ), ц. 8 р.; „Ясный день“ (сѣнокосъ въ деревнѣ), ц. 10 р.; „Обильный урожай“ (во ржи идетъ крестный ходъ), ц. 10 р.; „Вечеръ на хуторѣ“ (въ Малороссіи дѣвочка ведетъ слѣпнаго бандуриста), ц. 10 р.; „Поѣздъ стоитъ 3 минуты“ (станція ж. д. и 2 локомотива), ц. 12 р. Пересылка на счетъ магазина.

Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ съ дополнительными красками ручн. лучш. оттиски: „Видъ Крыма“ (проф. Орловскаго), „Занать солища“ (проф. Ю. Клевера), „Ночь на Невѣ“ (проф. Лагоріо), „Ледяной Ломъ“ (проф. Якобія), „Елагинъ островъ“ (П. Куріоръ), цѣна за каждую по 5 р. „Русская лихая тройка“ (проф. Сверчковскаго), „Ночь на Днѣпрѣ“ (Акад. Добровскаго), „Сосновый лѣсъ“ (проф. Клодтъ), „Черное море“ (проф. Лагоріо), „Ледоноль“ (проф. Мещерскаго), „Береговая роца“ (проф. Клодтъ), „Лѣто въ деревнѣ“ (проф. Куріоръ), цѣна за каждую по 8 р. „Русалии“ (проф. К. Маковскаго), „Первый снѣгъ“ (проф. Ю. Клевера), цѣна за каждую по 10 р.; съ этихъ картинъ 2-го изданія гг. выписывающимъ не менѣе двухъ картинъ дѣлаемъ скидку 25 проц., и пересылку принимаемъ на свой счетъ.

Гг. желающіе получить картины въ рамкахъ, цѣна черн. полпроб. 3 р. 75 к., 5 р., 6 р. 50 к. и 9 р. Золотымъ: 3 р. 75 к., 6 р. 50 к., 7 р. 50 к. и 12 р., скидка съ рамъ 20 проц. Ящикъ и упаковку принимаемъ за свой счетъ, а за пересылку съ рамами гг. покупатели сами платятъ на мѣстѣ съ пуда, по полученіи товара съ желѣзной дороги по квитанціи, которая своевременно вышлетса.

Во избѣжаніи недоразумѣній, гг. желающіе приобрѣсти facsimile по оригиналу лучшаго исполненія: издатель ручается только за тѣ картины, за которыми будутъ адресоваться прямо въ фирму издателя, т. е. въ торговый домъ А. Тарочешникова, Спб., Невскій пр., д. 23, противъ Казанскаго собора).

Прейсъ-курвантъ высылается безплатно.

Въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга и у всѣхъ книгопродавцевъ поступило въ продажу второе изданіе роскошно изданной книги:

„МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ“

книга для чтенія, составила Елис. Мих. Семеновская,

изданіе ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Цѣна два руб.

Книга въ роскошномъ переплетѣ, украшена портретомъ Е. И. В. Великой Княжны Ксеніи Александровны и многими гравюрами.

Содержаніе: Кукла, которую мнѣ очень хотѣлось имѣть. — Бабушка зима. — Виновать-ли Бьюты? — Трудъ. — Бабушка. — Дѣдушка. Стих. М. Стаховича. — Кто больше любилъ Маму. — Бѣлочка. — Дѣвочка и Мама. — Кролики. — Нарядница. — Самъ-себѣ-помогай. — Воробьи и кошка. — Дождливый день. — Коровушка. — Семья Прокля. Отрывокъ изъ стихотвор. Н. А. Некрасова. — Ласточка. — Мама и Володя. — Попла. — Мама. Стихотвореніе П. К. — Все на пользу. Стихотвореніе П. К. — Забытая кукла. — Забѣтки. — Катя передъ праздникомъ Рождества Христова. Стихотвореніе П. К. — Капризы. — Благодарность Богу. Стих. П. К. — Богъ вездѣ. — Растеніе. — Пора вставать. Стих. П. К. — Мальчикъ съ кошечкой. — Вабочка. — Дѣтскія ручьи. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Мое новое пальто. — Всегда ожидаетъ ихъ. Стих. П. К. — Совѣтъ да любовь. — Жаворонокъ и его малютка. — Плохіе зубки. — Мальчикъ и птичка. Стихотв. А. Н. Плещеева. — Въ крестьянской семьѣ. Стихотвореніе С. Д. Дрожжина. — Прогулка въ гѣсу. — Зимой. — Любите порождокъ. — Что думала Мама. — Подарокъ Ольгѣ — Настя. — Переездъ на дачу. — Мартышка. — Дикая яблоня. — Чижикъ. — Птички. — Не желалъ обидѣть. — Лавдышъ. — Лѣсъ зимою. — Малиновка (легенда). — Дѣти и птичка. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Летучая мышь. — Прощай, няня. — Птичка. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Моя кукла и я. — Одинъ въ комнатѣ. — Кошка. — Къ дѣтямъ. Стихотвореніе А. С. Хомякова. — Маленькая фея. Сказка. — Весеннія воды. Стихотвореніе Ф. И. Тютчева. — Пчелка. — О насѣкомыхъ. — Ссора дѣтокъ. — Привѣтъ зайлика. Стихотвореніе Подосиновикъ-грибокъ. — Дѣдушка Крымовъ. — Стрекоза и Муравей. Басня И. А. Крылова. — Чижъ и Голубь. Басня И. А. Крылова. — Бижу. — Лиловый мячъ. — Сирота. — Катя и Вася. — Нищенка. — Сказка мнѣ, мама дала. Стих. П. К. — Маленькій плакса. — Есть у маленькоіи шаульви. Стихотв. П. К. — Слоноу. — Какъ живетъ Пама. — Дѣтскоегоре. Стихотв. П. К. — Бовочка. — Божья. Стих. П. К. — Новый годъ — Нищета. Стихотв. И. С. Никитина. — Въ нѣмцѣ. Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльными замѣтки, пословицы, поговорки, загадки, шарады. Дѣтскія пѣсенки, переложенныя на музыку В. Кюнеромъ и проч.

Цѣна два рубля.

„Русская Старина“

ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

1870—1884 гг.,

систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти книгъ,
составляющихъ этотъ историческій журналъ
за первыя XV лѣтъ его изданія.

Спб. 8 д., 1885 г., съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей. Цѣна два руб. 50 коп. съ гравир. портретами. Эта роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг. печатается и выйдетъ въ сентябрь мѣсяца.

ными воспоминаниями. Отбитым также два сообщения автора, интересныя въ библиографическомъ и научномъ отношеніи. Въ московскомъ архивѣ минист. юстиціи, говоритъ онъ, хранятся слѣдующіе документы относительно исторіи Тамбовскаго края: межовыя, переписныя, строенныя, вѣрныя и отважныя книги; поступныя, раздѣльныя, вкладныя и мѣновныя записи и владѣныя памяти. Весь этотъ богатый, хотя и однообразный, матеріалъ въ послѣднее время печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ И. Н. Николаевымъ и составляетъ довольно обьемистую книжку (см. стр. 21). Дѣла бывшей Шацкой канцеляріи поступили въ распоряженіе Тамбовской архивной комисіи (с. 40). Такимъ образомъ историческіе матеріалы тамбовскаго края усердно разрабатываются мѣстными дѣятелями.

Меоодіевскій юбилейный сборникъ, изд. императ. Варшавскимъ университетомъ, подъ ред. проф. А. Будиловича. Варшава, 1885.

Въ ряду изданій, появившихся по поводу и въ память тысячелѣтія кончины славянскаго первоучителя Меоодія, сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, безъ сомнѣнія, займетъ наиболее выдающееся мѣсто; тѣмъ болѣе это можно сказать о сборникѣ, который былъ дѣломъ срочной работы. Мы не считаемъ тѣхъ развогласій и противорѣчій, которыя ежедневно являются въ коллективныхъ трудахъ, его недостаткомъ; напротивъ, эти особенности только лучше освѣщаютъ предметъ и нерѣдко содѣйствуютъ болѣе стреному пониманію вопроса. Рядъ статей, входящихъ въ составъ сборника, касается разнообразныхъ сторонъ вопроса и дѣятельности славянскихъ первоучителей. Вотъ содержаніе его: «Кириллъ и Меоодій и начало христіанства въ Россіи», Н. А. Давровскаго (1—20). «Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меоодія», А. С. Будиловича (1—117). «Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ», О. О. Первозлава (1—126). «Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ», П. А. Кулаковскаго (1—56). «Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхо-

жденія» (1—22); «Общественное значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меоодія», Ѳ. Ѳ. Зигеля (1—49). Въ названныхъ статьяхъ затрогиваются наиболее интересные частности по каждому изъ сказанныхъ вопросовъ и потому желающіе познакомиться съ настоящимъ положеніемъ ихъ въ наукѣ и литературѣ найдутъ въ этомъ изданіи необходимый для себя сводъ матеріаловъ, а иногда и отбѣнку ихъ.

Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. III, Сиб., 577—861. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій выпускъ служить дополненіемъ ко II, такъ какъ обнимаетъ тотъ же періодъ,—т. е. время царя Алексѣя Михайловича. Вообще, матеріалы эти, отличающіяся поднотю и разнообразіемъ, представляютъ весьма важныя данныя для исторіи медицины въ Россіи. Въ нихъ можно почерпнуть свѣдѣнія о вызвѣдѣ лѣкарей; о ихъ содержаніи; объ обученіи ихъ и степени ихъ познаній; о лѣчебныхъ средствахъ, употреблявшихся ими въ медицинской практикѣ; о болѣзняхъ, существовавшихъ тогда въ Россіи, и взглядахъ на нихъ. Нѣкоторые изъ «служивыхъ дохтуровъ» подробно рассказываютъ о своей судьбѣ; другіе сообщаютъ свѣдѣнія по исторіи медицины, ссылаясь на мнѣнія Плинія, Галіена, Діаскариды, Аристотеля, Гиппократа, нѣмецкихъ врачей и ихъ сочиненія (напр. стр. 787—794). Встрѣчаются извѣстія о принятіи православія иноземцами, изъ которыхъ занимавшіе болѣе видное положеніе щедро награждались государемъ, и т. п. (860—861).

Воспользовавшись этими матеріалами и напечатанными прежде въ изданіи археографической комисіи, можно составить весьма яркую картину состоянія медицины въ Россіи до XVIII в., что составить несомнѣнный вкладъ въ нашей медицинской и исторической литературѣ, такъ какъ прежній историкъ медицины — Рихтеръ — не пользовался ими, а труды Я. А. Чистовича посвящены исторіи медицины въ XVIII столѣтіи. Можно пожелать также, чтобы издатели «матеріаловъ» приложили къ послѣднему выпуску именной и предметный указатели: первый важенъ въ библиографическомъ отношеніи; второй можетъ служить нагляднымъ перечнемъ лѣчебныхъ средствъ и терминологіи того времени.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.